Проф. В. Н. ПЕРЕТЦЪ.

Изъ лекцій по методологіи исторіи русской литературы.

ИСТОРІЯ ИЗУЧЕНІЙ. МЕТОДЫ. ИСТОЧНИКИ.

Корректурное изданіе на правахъ рукописи.

КІЕВЪ.
Типографія 2-й Артели, Владимирская 43.
1914.

Проф. В. Н. ПЕРЕТЦЪ.

Изъ лекцій по методологіи исторіи русской литературы.

ИСТОРІЯ ИЗУЧЕНІЙ. МЕТОДЫ. ИСТОЧНИКИ.

Корректурное изданіе на правахъ рукописи.

КІЕВЪ.
Типографія 2-й Артели, Владимирская 43.
1914.

Отъ автора.

Совершенное отсутствіе пособія по методологіи исторіи русской литературы, столь необходимаго для развитія въ молодежи интереса къ самостоятельному труду, отчасти оправдываетъ нашу рѣшимость выпустить эти лекціи въ печатномъ видѣ, послѣ двухъ литографированныхъ изданій, быстро ставшихъ большою рѣдкостью. Не претендуя на новизну и оригинальность взглядовъ, мы излагаемъ ниже то, что принято въ большинствѣ научныхъ изслѣдованій въ области исторіи русской литературы. Мы пользовались главнымъ образомъ слѣдующими пособіями:

Ланглуа и Сеньобосъ, Introduction aux études historiques (русск. переводъ 1899 г.).

Бернгеймъ, Введеніе въ историческую науку (русск. перев. 1908 г.).

Лансонъ, Методъ въ исторіи литературы (русск. перев. 1911 г.).

А. Пыпинъ, Исторія русской этнографіи, I—II.

В. Иконниковъ, Опытъ русской историографіи, I, 1—2, II, 1—2 [1]).

---

[1]) Изъ другихъ пособій укажемъ: Paul, Grundriss der germanischen Philologie, 2 Aufl, I B. 1901, ss. 323—247. Brunetière, L'évolution des genres dans l'histoire de la littérature, Introduction. 1890. Lacombe, Introduction à l'histoire littéraire, 1898. Renard, La methode scientifique de l'histoire littéraire, 1900. Elster, Principien der Literaturwissenschaft I—II, 1897—1911. Ten-Brink, Ueber die Aufgabe der Literaturgeschichte. Rede. 1891. Wetz, Ueber Literaturgeschichte. Eine Kritik von Ten-Brink's Rede. 1891. А. Веселовскій, О методѣ и задачахъ исторіи литературы какъ науки, Ж. М. Н. Пр. 1870, № 11. Дашкевичъ, Постепенное развитіе науки исторіи литературы и современныя ея задачи, Кіевъ, 1877. Колмачевскій, Развитіе исторіи литературы, какъ

Это изданіе отличается отъ предыдущаго литографированнаго главнымъ образомъ расширенной библіографіей по нѣкоторымъ вопросамъ. Счастливъ, что могу выразить благодарность оставленнымъ при Университетѣ св. Владиміра, В. П. Адріановой, С. А. Бугославскому и С. А. Щегловой, за предоставленіе мнѣ библіографическихъ матеріаловъ [1]), а первой кромѣ того—за приготовленіе оригинала къ печати и за неблагодарный и утомительный трудъ чтенія первыхъ и послѣднихъ корректуръ, значительно упростившій мою задачу.

науки, ея методы и задачи. Карѣевъ, Литературная эволюція на Западѣ, Ворон. 1886. Плотниковъ, Основные принципы научной теоріи литературы, Ворон. 1888 (изъ Фил. Зап.), и Объ изученіи исторіи просвѣщенія вообще и исторіи литературы въ особенности, Ворон. 1889. Бергъ, О методѣ историко-литературныхъ изслѣдованій, Каз. 1889 (изъ Уч. Зап. Каз. Ун.). Аничковъ, Научныя задачи исторіи литературы, Кіевъ 1899 (Унив. Изв.). Архангельскій, Исторія литературы какъ наука, Р. Ф. В. 1897. № 3—4. Шишмаревъ, О научныхъ задачахъ исторіи литературы, Ф. Зап. 1899, 1—2. А. Пономаревъ, Литература и методъ ея изученія, 1890. М. Розановъ, Современное состояніе вопроса о методахъ изученія литературныхъ произведеній, Р. Мысль 1900, № 4. Сиповскій, Исторія литер. какъ наука, 1906, (s. a). Истринъ, Опытъ методологическаго введенія въ исторію русской литературы XIX в., I, 1907. Архангельскій, Введеніе въ исторію р. литер. (Уч. Зап. Каз. Унив. 1908 г. исл.). С. Бугославскій, Нѣсколько замѣчаній къ теоріи и практикѣ критики текста, 1913. В. Лазурскій, Новое теченіе въ русской историко-литературной наукѣ, Извѣстія Одесск. библіогр. общ. при Новоросс. Унив. I, 1913. А. Евлаховъ, Введеніе въ философію художественнаго творчества. Опытъ историко-литературной методологіи, I, 1910; II, 1912. Л. Пономаревъ, Объ опредѣленіи „литературы", 1912. Г. Поповъ, Филологія языка и литературы, 1911. Вопросы теоріи и психологіи творчества, подъ ред. Лезина, I—Ш. А. Бедржицкій, рец. на трудъ Elster'a, Р. Ф. В. 1913, кн. 2. Mann, Rozwój syntezy literackiej, 1911. Другія пособія—въ текстѣ.

[1]) По матеріаламъ г-жи Адріановой составлена библіографія по проповѣдничеству, паломнической литературѣ, исторіи повѣсти и романа, старообрядческой литер. и духовной литер. XVII в. По матеріаламъ г-жи Щегловой—библіографія по литературѣ объ апокрифахъ, по XV—XVI вв., по виршевой старинной литературѣ и по исторіи старинной же журналистики. По матеріаламъ г-на Бугославскаго—библіографія житійной литературы.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		стр.
§ 1.	Задачи методологіи	1— 8
§ 2.	Пути и задачи историческаго изслѣдованія . .	8— 16
§ 3.	Понятіе исторіи, какъ науки. Объективность— необходимое условіе всякаго историческаго изслѣдованія	16— 27
§ 4.	Различіе матеріала и задачъ исторіи и исторіи литературы	27— 33
§ 5.	Историко-литературные труды древней Греціи и Рима	33— 41
§ 6.	Исторія литературы въ Византіи и въ Западной Европѣ въ средніе вѣка	41— 49
§ 7.	Развитіе историко-литературныхъ изученій въ эпоху Возрожденія	49— 58
§ 8.	Значеніе Бэкона, Декарта, Вико	58— 68
§ 9.	Исторія литературы въ XVIII в.	68— 74
§ 10.	Роль романтизма въ развитіи историко-литературныхъ изученій	74— 78
§ 11.	Опредѣленіе задачъ исторіи литературы въ XIX вѣкѣ.	78— 90
§ 12.	Различіе между литературной критикой и исторіей литературы	90— 93
§ 13.	Понятіе метода въ исторіи литературы . . .	94— 96
§ 14.	Эстетическій методъ.	96—106
§ 15.	Этическій методъ	106—112
§ 16.	Публицистическій методъ	112—118
§ 17.	Историческій методъ.	118—128
§ 18.	Историко-политическій методъ	128—133
§ 19.	Историко-психологическій методъ	133—140
§ 20.	Культурно-историческій методъ И. Тэна . . .	140—150
§ 21.	Критическія замѣчанія о теоріи И. Тэна . .	150—162

§ 22. Продолжатели и подражатели И. Тэна . . . 162—168
§ 23. Эсто-психологическій методъ . . . . . 168—172
§ 24. Сравнительно-историческій методъ . . . . . 172—184
§ 25. Эволюціонный методъ . . . . . 184—197
§ 26. Эволюціонно-этнографическій методъ . . . . 197—201
§ 27. А. Н. Веселовскій . . . . . 201—216
§ 28. Филологическій методъ . . . . . 216—221
§ 29. Вспомогательныя науки. . . . . 221—233
§ 30. Источники. Евристика. Описаніе рукописей . 233—245
§ 31. Изданіе , ... 246—250
§ 32. Критика текста. Типы ошибокъ . . , . . 250—271
§ 33. Пріемы критики текста . . . . . 271—293
§ 34. Изученіе переводныхъ памятниковъ . . . . 293—312
§ 35. Датировка памятника и опредѣленіе его автора . 302—323
§ 36. Вопросъ о поддѣлкѣ памятниковъ . . . . . 323—329
§ 37. Пріемы филологическаго метода. . . . . 329—341
§ 38. Итоги. Примѣрный путь изслѣдованія. . . . 341—347
§ 39. Къ построенію и изложенію исторіи литературы. 347—351
§ 40. Нѣсколько спорныхъ вопросовъ исторіи русской литературы . . . . . .
§ 41. Къ вопросу о началѣ изложенія русской литературы и о разграниченіи исторіи литературы великорусской и малорусской . . 371—376
§ 42. Историко-литературныя изученія въ Россіи въ XVIII в. . . . . 377—390
§ 43. XIX в. въ развитіи исторіи рус. литературы . 390—402
§ 44. Свѣдѣнія о главнѣйшихъ источникахъ исторіи рус. литературы (описанія рукописей и старопечатныхъ книгъ). . . . . 402—414
§ 45. Пособія общаго характера (справочные словари, систематическіе курсы и обзоры) . . 414—423
§ 46. Библіографія нѣкоторыхъ вопросовъ. 1) Переводная каноническая литература (стр. 423—426). 2) Сборники опредѣленнаго состава (стр. 426—7). 3) Сборники изреченій (стр. 427). 4) Древне-русская полемическая литература (стр. 427—8). 5) Апокрифическая литература (стр. 428—437). 6) Житійная литература (стр. 437—442). 7) Историческая литература (стр. 442—3).

8) Хожденія въ Святую землю и путешествія вообще (стр. 443—7). 9) Проповѣдническая литература (стр. 448—453). 10) Проповѣдь въ Южной Руси XVI—XVII вв. (стр. 455—8). 11) Московская литература XV—XVI вв. (стр. 458—469). 12) Древне-русская повѣсть (стр. 469—479). 13) Религіозная и общественная литература въ Москвѣ XVII в. (стр. 479—4). 14) Реформы патріарха Никона и литература старообрядства въ XVII и нач. XVIII вв. (стр. 484—5). 15) Исторія театра (стр. 485—8). 16) Эпоха Петра В. (стр. 488—490). 17) Литература виршъ (стр. 490—2). 18) Періодическая печать (стр. 492—5). 19) Повѣсть и романъ въ XVIII в. (стр. 495—6).

Общія замѣчанія.

„La scienza e il capitano
e la pratica sono i soldati".
Lionardo da Vinci

„Не то дорого, что земля
круглая, а дорого знать,
какъ дошли до этого".
Л. Толстой.

§ 1. Недостатокъ технической подготовки студентовъ словесниковъ на нашихъ историко-филологическихъ факультетахъ для самостоятельной работы надъ источниками исторіи литературы въ значительной степени является причиной того, что мы, имѣя довольно много талантливыхъ causeur' овъ о литературныхъ явленіяхъ, встрѣчаемъ очень мало историковъ литературы и филологовъ, работающихъ надъ сырымъ матеріаломъ въ области явленій древнерусской литературы и притомъ цѣлесообразно—по принятому въ наукѣ методу.

Въ настоящее время „исторія литературы" уже вступаетъ въ рядъ „наукъ" благодаря стремленію ученыхъ внести въ изслѣдованія о литературныхъ явленіяхъ нѣкоторые методологическіе принципы. Но еще недавно въ области этихъ изученій господствовалъ полный произволъ. Самая попытка поставить и обосновать теоретическія предпосылки изслѣдованія—казалась излишнимъ педантизмомъ. Но уклонявшимся отъ методологическихъ вопросовъ угрожала всегда опасность впасть въ произвольное фантазерство, тѣмъ болѣе вредное, что оно, строя положительные выводы и создавая миражи—мѣшало этимъ дальнѣйшему изслѣдованію, ибо давало скорое, хотя и неосновательное удовлетвореніе пытливости читателей. Это можно видѣть въ значительномъ количествѣ работъ по исторіи новой русской литературы, въ которыхъ порою трудно разграничить, гдѣ кончается ученый, изслѣдователь явленія, и гдѣ начинается публицистъ, обличитель или апологетъ его. Между

тѣмъ начинающій филологъ—студентъ всегда, по свойству человѣческой натуры, устремляется ко второму, вслѣдствіе чего при наличности критическихъ опытовъ—въ нашей литературѣ очень мало историко-литературныхъ изслѣдованій.

Мы не возлагаемъ несбыточныхъ надеждъ на издаваемый нами компилятивный курсъ, составленный главнымъ образомъ при помощи извѣстныхъ методологическихъ пособій и лишь отчасти—на основаніи личныхъ наблюденій и опыта. Въ этихъ лекціяхъ собраны лишь указанія для начинающихъ, гдѣ и что слѣдуетъ искать, и каковы тѣ пути, которыми ученые привыкли ходить въ своихъ поискахъ истины. Мы указываемъ ниже то немногое, что надо знать и прочно усвоить. Но, конечно, этого мало: недостаточно прослушать и усвоить себѣ курсъ методологіи, освоиться съ вспомогательными науками, чтобы быть непогрѣшимымъ въ выводахъ и заключеніяхъ относительно изслѣдуемаго историко-литературнаго вопроса. И палеографы, и солидные филологи могутъ ошибаться; хорошіе библіографы принимаютъ иногда изданные тексты за неизданные, а извѣстные памятники за рѣдкіе и упускаютъ изъ виду документы, которые слѣдовало бы знать, Опытъ приходитъ позже, вмѣстѣ съ ходомъ самостоятельныхъ изслѣдованій, и не слѣдуетъ безнадежно смотрѣть на то, что мы не родимся уже вооруженные всѣмъ необходимымъ, чтобы избѣгнуть погрѣшностей. Надо помнить, что желающіе работать по первоисточникамъ „никогда не ждутъ того момента, когда сдѣлаются полными господами всѣхъ вспомогательныхъ знаній; иначе никто не рѣшился бы начинать“, говоритъ Ланглуа [1]). Но начинать слѣдуетъ, выяснивши предварительно, чего мы ждемъ, чего надѣемся достигнуть въ нашихъ разысканіяхъ, и какими пріемами изслѣдованія и оцѣнки мы будемъ пользоваться. Это необходимо потому, что не всѣ пріемы равноцѣнны, какъ не всѣ пути одинаково успѣшно ведутъ къ истинѣ.

Мы всѣ съ дѣтства имѣемъ дѣло съ литературой, и уже благодаря этому—получаемъ иллюзію, будто литература и ея жизнь—есть вещь настолько извѣстная, что не стоитъ о ней и говорить. Между тѣмъ, задумываясь надъ

[1]) Ланглуа и Сеньобосъ, Введеніе, стр. 47.

различными явленіями, мы прежде всего встрѣчаемся не только съ разнообразными литературными фактами, но и съ разными оцѣнками ихъ. Уже это одно обстоятельство наводитъ на мысль поискать, гдѣ таится истина, ибо нельзя же утверждать объ одномъ и томъ же предметѣ, что онъ и черенъ и нечеренъ, и длиненъ и недлиненъ, и жидокъ и нежидокъ. Значитъ, сужденія требуютъ провѣрки, выдѣленія субъективнаго, личнаго, готовыхъ, необоснованныхъ, но по шаблону повторяемыхъ традиціонныхъ мнѣній; требуется, наконецъ, выясненіе историческаго процесса созданія явленія, какъ оно сложилось, въ зависимости отъ какихъ условій и т. д.

Всѣ согласны, что предметомъ исторіи литературы являются литературные факты, и эти факты историку необходимо знать, но они сами по себѣ, ни въ цѣломъ, ни въ отдѣльности не составляютъ еще науки. Знаніе фактовъ не составляетъ еще даже начала науки. Надо уразумѣть смыслъ и значеніе факта, изслѣдовать генезисъ его и роль въ связи съ другими литературными явленіями. Тогда исторически наблюденный фактъ станетъ научнымъ фактомъ.

Лампрехтъ говоритъ: „Цѣль науки—не работа надъ частностями, не констатированіе того, чѣмъ явленія отличаются другъ отъ друга, а того, что ихъ связываетъ между собой, другими словами—приведеніе безчисленнаго множества единичныхъ фактовъ, которые мы наблюдаемъ какъ въ природѣ, такъ и въ исторіи,—въ систему общихъ познаній“ [1]). Это опредѣленіе столь же примѣнимо къ исторіи литературы, какъ и ко всякой другой наукѣ.

Не надо думать, однако, что открытіе новыхъ фактовъ не имѣетъ значенія: иногда новый фактъ можетъ совершенно перевернуть существовавшее до открытія его теоретическое построеніе.

Правила для открытія новыхъ фактовъ—нѣтъ. Но нельзя сказать, чтобы не было условій, подготовляющихъ открытіе (архивовѣдѣніе, библіотековѣдѣніе, библіографія, біографіи ученыхъ, исторія учрежденій, наконецъ, дедукція, дающая заключеніе о возможности нахожденія фактическихъ данныхъ въ томъ, а не въ иномъ мѣстѣ и т. п.). Отсюда,

[1]) Lamprecht, Zwei Streitschriften, 1897, стр. 37.

открытіе нѣкоторыхъ фактовъ, кажущееся случайнымъ, не случайно, а есть результатъ методологически обоснованныхъ разысканій, и самые факты—не новы, ибо ихъ наличность иногда бываетъ подсказана совокупностью предшествовавшихъ имъ условій.

Начинающему изслѣдователю въ области филологіи и въ частности исторіи древне-русской литературы свойственно увлекаться „новыми открытіями“ и углубляться въ изученіе частностей, не всегда имѣя достаточно свѣдѣній объ общемъ. Это особенно относится къ молодымъ людямъ, приступающимъ къ филологическимъ занятіямъ и увлекающимся результатомъ своихъ первыхъ опытовъ; имъ слѣдуетъ всегда помнить слова Ренана: „было бы желательно, чтобы лица, предающіяся спеціальнымъ работамъ, имѣли представленіе о цѣломъ, которое одно только придаетъ цѣну ихъ изслѣдованіямъ“ [1]). Погоня за „открытіями“ вредитъ начинающему тѣмъ, что отучаетъ его отъ методическаго изслѣдованія и создаетъ пристрастіе вѣрить болѣе въ случайное, въ удачную находку, чѣмъ въ систематическій трудъ надъ источниками. Это не значитъ, что начинающій долженъ и можетъ ограничиваться поверхностнымъ отношеніемъ къ частному, игнорируя детали и стремясь схватить только общее. Насъ, филологовъ, часто обвиняютъ въ пристрастіи къ мелочамъ, въ осторожномъ уклоненіи отъ широкихъ, смѣлыхъ, но порою шаткихъ обобщеній; надо помнить, однако, что „научное обобщеніе, приложенное къ широкимъ литературнымъ эпохамъ, возможно лишь въ концѣ долгой ученой дѣятельности, какъ результатъ массы частныхъ обобщеній, добытыхъ изъ анализа цѣлаго ряда частныхъ фактовъ“,— справедливо говоритъ А. Н. Веселовскій [2]).

И изученіе деталей, и самыя общія широкія построенія могутъ быть произвольны, опираясь на совершенно фантастическія основанія, предвзятыя идеи, и потому—чрезвычайно далеки отъ истины. Отсюда вытекаетъ необходимость осторожнаго отношенія къ фактамъ и идеямъ, къ матеріаламъ и свидѣтельствамъ; однимъ словомъ, необходимость критики.

---

[1]) „L' avenir de la science“, стр. 122, Ланглуа и Сеньобосъ, стр. 107.

[2]) „О методахъ и задачахъ исторіи литературы, какъ науки“, Журн. Мин. Народ. Просв. за 1870 г, ч. 152, с. 7.

„Грубое знаніе реальности недостаточно еще, чтобы создать науку", — говоритъ Пикаръ. Мы въ фактахъ отмѣчаемъ свойства субъективныя и объективныя, т. е. присущія имъ и лишь намъ, наблюдателямъ. Выясненіе субъективнаго и объективнаго—вотъ основная работа, базисъ для всѣхъ построеній, особенно въ области историческихъ наукъ"... Думаемъ, что и въ области исторіи литературы, какъ и въ другихъ областяхъ научнаго изслѣдованія—внесеніе научнаго метода играетъ важную образующую роль: вызывая критическое отношеніе къ пріемамъ изслѣдованія, знакомство съ научнымъ методомъ постепенно измѣняетъ психику даже самыхъ ярыхъ приверженцевъ обывательскихъ традицій, по которымъ литература—не предметъ научнаго изслѣдованія, а лишь забава скучающей публики. Поэтому-то техническому примѣненію пріемовъ изслѣдованія должна предшествовать ихъ оцѣнка съ точки зрѣнія цѣлесообразности ихъ примѣненія. Сначала—выясненіе метода, затѣмъ—примѣненіе его, ибо „la scienza e il capitano, ella pratica sono i soldati", какъ сказалъ еще Ліонардо да Винчи. Въ научномъ изслѣдованіи болѣе чѣмъ гдѣ либо слѣдуетъ расчитывать каждый шагъ, подвергая критикѣ каждую деталь, каждый пріемъ, примѣняемый къ изученію фактовъ. Какъ общее правило, можно принять слова Риккерта: „Прочный прогрессъ возможенъ для насъ лишь при условіи осмотрительности и медленности, тщательнаго взвѣшиванія и мотивированія каждаго шага. Прежде чѣмъ сдѣлать какое бы то ни было утвержденіе относительно вещей, мы сначала изслѣдуемъ, насколько наука имѣетъ въ данномъ случаѣ право что либо высказывать" [1]).

Методологія той или иной науки имѣетъ цѣлью не только обосновать свою спеціальную задачу и возвести къ основнымъ принципамъ самую возможность всякаго знанія,—но главнѣйше изслѣдовать вопросъ о примѣненіи тѣхъ или иныхъ путей изслѣдованія, о принципахъ достовѣрности источниковъ и о возможныхъ условіяхъ научной ихъ разработки. Послѣднее особенно необходимо имѣть въ виду, потому что до сихъ поръ многіе ученые — „интуитивисты"

[1]) Риккертъ, Границы естеств.-научн. образов. понятій, СПБ. 1904, стр. 16.

полагаютъ, будто „каждый (?) уже интуитивно пользуется извѣстными принципами и развиваетъ методы изслѣдованія въ самомъ процессѣ работы“ [1]). Безспорно, многое въ наукѣ обязано своимъ возникновеніемъ геніальной догадкѣ. Но она—достояніе немногихъ геніевъ. Рядовой работникъ не долженъ на нее исключительно полагаться. Идя безъ компаса въ морѣ матеріаловъ, скорѣе всего можно не столь „развить методы изслѣдованія въ процессѣ работы“, сколь запутать ее, не имѣя Аріадниной нити—сознательно примѣняемаго метода.

Различаютъ двѣ стороны ученаго творчества: творческое воображеніе и сознаніе значенія критеріевъ для оцѣнки не только матеріала, но и собственныхъ разсужденій и построеній историка. Творческое воображеніе, конечно, не создается никакою методологіей; безъ него историкъ не создастъ крупнаго историческаго цѣлаго, его не замѣнить никакимъ историческимъ методомъ. Но изслѣдователь вмѣстѣ съ тѣмъ „долженъ сознавать и тѣ основанія, въ силу которыхъ онъ пользуется извѣстными принципами и методомъ изслѣдованія; историкъ ученый не можетъ признать результаты интуитивно-синтетически построенной работы — правильными, не выяснивъ себѣ, какіе именно принципы лежали въ ея основѣ, и каково значеніе ихъ, а также не подвергнувъ методовъ, да и самихъ результатовъ предварительной оцѣнкѣ“ [2]).

Не всегда, конечно, обсужденіе вопросовъ методологіи даетъ практическія послѣдствія, ибо и опытный въ вопросахъ этого рода можетъ оказаться лишеннымъ творческаго воображенія,—другого необходимаго элемента научной работы; но во всякомъ случаѣ обсужденіе методологическихъ вопросовъ и анализъ пріемовъ изслѣдованія:

1. Создаетъ привычку къ методологически правильному мышленію, что особенно важно во всѣхъ областяхъ научнаго изслѣдованія [3]).

2. Практическимъ послѣдствіемъ методологическаго обсужденія является ослабленіе и уничтоженіе готовыхъ, при-

---

[1]) Лаппо-Данилевскій, Методологія исторіи, ч. I, 1906 г., стр. 6

[2]) Л.-Данилевскій, I, стр. 7.

[3]) Срв. Л.-Данилевскій, I, стр. 10—11.

нимаемыхъ на вѣру предпосылокъ, предвзятыхъ идей и тезисовъ, опирающихся на традиціи, на привычки наши къ опредѣленнымъ представленіямъ.

3. Изученіе методологіи, придавая нашему мышленію въ новой области возможно большее единство, послѣдовательность и согласованность,—дѣлаетъ наши заключенія гораздо болѣе убѣдительными и для себя, и для другихъ.

4. Устанавливая общіе принципы изслѣдованія, методологія даетъ возможность болѣе быстраго пониманія другъ друга, благодаря чему люди, не тратя напрасно силъ на споры, или соглашаются, или убѣждаются въ принципіальномъ разногласіи своихъ построеній и принципіальной невозможности согласовать пути и выводы разсужденій вслѣдствіе различія исходныхъ точекъ зрѣнія [1]).

Примѣромъ, подтверждающимъ послѣднее, можетъ служить споръ между сторонниками историко-литературной съ однсй—и эстетической критики съ другой стороны.

Знаніе научныхъ пріемовъ изслѣдованія оказываетъ вліяніе на самый ходъ изслѣдованія; оно ограждаетъ изслѣдователя отъ увлеченій его темперамента, индивидуальныхъ вкусовъ и даже отъ вкусовъ и тенденцій эпохи, классовыхъ, групповыхъ,—наиболѣе трудно преодолимыхъ [2]).

При отсутствіи научнаго метода наука не можетъ двигаться впередъ: каждому ученому приходится сызнова исполнять всю работу, начиная съ изученія памятника, кончая обобщеніями наблюденій надъ всей массой ихъ. Но мы можемъ пользоваться чужими выводами, только имѣя какой-нибудь критерій достовѣрности ихъ. Такимъ критеріемъ является соблюденіе методологическихъ требованій. Знаніе же ихъ почерпается изъ методологіи [3]).

Такимъ образомъ, знаніе методологіи даетъ „возможность историку систематически провѣрять чужіе выводы относительно историческихъ (и историко-литературныхъ) фактовъ съ точки зрѣнія ихъ метода (т. е. метода, примѣненнаго изслѣдователями) и лишь послѣ удовлетворительныхъ результатовъ такой провѣрки — опираться на эти вы-

---

[1]) Срв. Л.-Данилевскій, I, стр. 11.

[2]) Срв. Л.-Данилевскій, I, стр. 12.

[3]) Срв. Л.-Данилевскій, I, стр. 14.

воды, поскольку они оказываются въ методологическомъ смыслѣ правильными“ [1]).

„Методологія науки преслѣдуетъ двѣ задачи: основную и производную; основная состоитъ въ томъ, чтобы установить тѣ основанія, въ силу которыхъ наука получаетъ свое знаніе, т. е. выяснить значеніе ея принциповъ; производная сводится къ тому, чтобы дать систематическое сужденіе о тѣхъ методахъ, которыми что-либо изучается“ [2]). Необходимо также удѣлить мѣсто и исторіи нашей науки. Эта исторія чрезвычайно поучительна: изображая долгій и трудный путь созданія науки, она даетъ и практическія указанія, какъ избѣгнуть тѣхъ или иныхъ погрѣшностей, допускавшихся встарину при господствѣ интуитивной работы и иногда—крайняго субъективизма.

Мы не будемъ въ нашемъ курсѣ заниматься теоріей историческихъ знаній [3]); мы займемся методологіей источниковѣдѣнія, историческаго анализа и построенія, и притомъ постольку, поскольку это необходимо для сознательнаго усвоенія техническихъ пріемовъ изслѣдованія сырого матеріала, ожидающаго своихъ издателей и изслѣдователей.

§ 2. Филологія изучаетъ явленія въ статическомъ состояніи, исторія — въ динамическомъ. Подъ филологіей Пауль [4])—разумѣетъ систему наукъ о культурѣ и утверждаетъ, что ни одна изъ попытокъ опредѣлить филологію, какъ особую вѣтвь науки о культурѣ, и отграничить ее отъ другихъ вѣтвей—не удалась и не удастся. Однако, мы можемъ принять опредѣленіе границъ филологіи, какъ науки, изслѣдующей духъ и творчество человѣчества, выраженные въ словѣ. Слѣдовательно, матеріалъ ея — продукты человѣческаго духа, но какіе?

Всѣ явленія исторической жизни человѣчества (въ широкомъ смыслѣ слова) катятся передъ нами связнымъ неразрывнымъ потокомъ. Задача историка заключается въ

---

[1]) Л.-Данилевскій, I, стр. 12.

[2]) Л.-Данилевскій, I, стр. 15.

[3]) См. у Л.-Данилевскаго, I, стр. 15 и слѣд., также у Бернгейма, Риккерта и др.

[4]) „Begriff und Aufgabe der germanischen Philologie“, Grundzüge, I, 1901 г.

томъ, чтобы расчленить этотъ потокъ и, изучивъ систематически элементы его,—раскрыть механизмъ историческаго процесса, „познать внутреннее взаимоотношеніе вещей“ [1]).

Здѣсь, на первый взглядъ, препятствіемъ къ достиженію указанной цѣли какъ будто является многопричинность, особенно осязаемая въ области нашихъ изученій: „Литературное развитіе идетъ вообще сложными путями; одинъ фактъ складывается изъ нѣсколькихъ источниковъ и въ свою очередь оказываетъ вліяніе въ разныхъ направленіяхъ“ [2]).

Примѣняемый къ изученію явленій жизни и творчества „культурно-историческій методъ исходитъ изъ того соображенія, что историческія событія образуютъ одну непрерывную цѣпь причинъ и слѣдствій“ [3]).

Изобиліе литературныхъ фактовъ останавливаетъ на себѣ вниманіе всякаго, кто пытается расширить кругъ своихъ знаній за предѣлы учебника средней школы. Мы поражаемся массой продуктовъ литературнаго творчества. Но при дальнѣйшемъ наблюденіи—мы, при нѣкоторомъ вниманіи, начинаемъ замѣчать общія черты, не только свойственныя отдѣльнымъ фактамъ, но и группамъ ихъ. Нашъ умъ стремится установить связь между разнообразными и безчисленными фактами. Мы смутно чувствуемъ, что они стоятъ между собою въ какомъ-то, иногда болѣе близкомъ, иногда отдаленномъ соотношеніи, и стремимся опредѣлить это соотношеніе, выяснить обусловленность однихъ фактовъ другими, ища путей для того, чтобы облегчить это выясненіе тревожащихъ насъ вопросовъ. Вмѣсто причинной зависимости будемъ имѣть въ виду „обусловленность“ или функціональную зависимость между явленіями и создающими ихъ условіями.

Выяснимъ подробнѣе, что мы разумѣемъ подъ терминомъ „обусловленность“. „Всякое изслѣдованіе границъ познанія цѣлесообразнѣе начинать съ анализа самаго процесса познаванія“ [4]); этотъ анализъ обнаруживаетъ, что во всѣхъ

---

[1]) Срв. Paul, „Methodenlehre“, стр. 172.

[2]) Пыпинъ, Истор. р. этногр. I, стр. 424.

[3]) Лампрехтъ, „Die culturhistorische Methode“. 1900, стр. 34; Евлаховъ, Введеніе въ философію худож. творчества, стр. 59.

[4]) Проф. М. Ферворнъ, О границахъ познанія. 1909, стр. 18.

тѣхъ случаяхъ, когда изучаемое находится внѣ насъ и существуетъ независимо отъ нашей воли—„познаніемъ мы можемъ назвать не что иное какъ совокупность опыта“ [1]). Опытъ же учитъ насъ, что всѣ явленія связаны одно съ другимъ, и не одностороннею „причинностью“, а взаимно; иначе говоря, „всякая закономѣрность имѣетъ форму обусловленности, кондиціональную форму, напр., „если идетъ дождь, то бываетъ сыро“. Обусловленность—это общая схема представленія всякой закономѣрности. Лишь эта форма въ состояніи выразить познаніе въ строго-сообразномъ съ опытомъ видѣ, безъ примѣси какой бы то ни было попытки истолкованія. Поэтому всякое дѣйствительно научное познаніе должно облекаться въ кондиціональную форму, такъ какъ всякое научное познаніе состоитъ и можетъ состоять только въ прочномъ установленіи закономѣрныхъ отношеній зависимости [2]). Но мы привыкли къ идеѣ причинности; между тѣмъ—каждый атомъ зависитъ отъ массы условій и въ свою очередь обусловливаетъ другія вещи. „Понятіе «причины» есть мистическое понятіе, происходящее изъ первобытной фазы человѣческаго мышленія. Строго-научный методъ изложенія не знаетъ никакихъ «причинъ», а только закономѣрныя зависимости“. Историку не менѣе чѣмъ натуралисту слѣдуетъ помнить, что „закономѣрный процессъ или состояніе никогда вполнѣ точно не опредѣляется «одной исключительной причиной», но всегда суммой условій, которыя всегда равноцѣнны, потому что они равно необходимы. Каузальная закономѣрность—есть умозрительная мистика, кондиціональная закономѣрность—есть опытъ“ [3]). Итакъ—„всякая вещь есть одновременно обусловленное—и условіе. Задача изслѣдованія можетъ состоять только въ томъ, чтобы устанавливать условія, раскрывать отношенія зависимости. Это—единственное научное изслѣдованіе“ [3]). Мы, историки литературы, можетъ быть, не менѣе другихъ изслѣдователей можемъ присоединиться къ словамъ Ферворна о каузальной и кондиціональной закономѣрности. Постараемся кратко отвѣтить на вопросъ, почему, изучая процессъ литера-

[1]) Ib., стр. 19.

[2]) Ферворнъ, стр. 24.

[3]) Ферворнъ, стр. 38.

турнаго развитія, можно говорить не о причинной, а о функціональной зависимости: разсматривая дѣятельность отдѣльнаго поэта, мы видимъ, какъ онъ, созидая и испытывая воздѣйствіе жизни и литературной традиціи, вліяетъ взаимно на читателя и другихъ поэтовъ. Въ болѣе широкомъ масштабѣ—литература не только создается въ извѣстной степени исторической жизнью, но и наоборотъ, участвуетъ въ созданіи исторической жизни, напр., возьмемъ роль литературы XVIII в. во Франціи или у насъ—роль литературы 1860-хъ годовъ. Но прежде чѣмъ пускаться въ область разысканій объ условіяхъ развитія литературы, мы, не утверждая пока наличности закономѣрности въ ея развитіи, попробуемъ подготовить почву для дальнѣйшихъ обобщеній, изучимъ факты въ ихъ элементарной обусловленности.

Прежде ставили вопросъ, „почему“ обнаруживается то или другое явленіе, и пытались объяснить происхожденіе факта изъ воображаемыхъ причинъ болѣе или менѣе грубо. Въ новый періодъ научной мысли не ставятъ уже вопроса о „причинахъ“. Достаточно спрашивать, „какъ“ произошло, совершилось или возникло то или иное явленіе [1]). То же и въ исторіи литературы.

Но каковы бы ни были наши воззрѣнія на зависимость между явленіями исторической жизни, мы стремимся охватить эти явленія и включить въ нѣкоторую опредѣленную схему, сообразно преобладающимъ въ насъ способностямъ.

Одни—склонны видѣть и оцѣнивать отдѣльныя явленія, не пытаясь связать ихъ такою зависимостью; другіе—склонны искать ее всюду.

Такимъ образомъ, различается мышленіе номотетическое (создающее законы) и идіографическое (описывающее частности). Первое, по опредѣленію Виндельбанда [2]), ищетъ законовъ совершающагося, второе—стремится по преимуществу дать полное, исчерпывающее описаніе отдѣльныхъ событій, явленій. И отдѣльныя науки отыскиваютъ общіе законы, или находятъ и описываютъ отдѣльные факты, но всякая наука стремится къ обобщенію того, что мы извлекли

---

[1]) Срв. Виппер ъ, „Очерки теоріи историческаго познанія“, 1911 г., стр. 168.

[1]) Евлахов ъ, Введеніе въ философію худож. творчества, I, стр. 14.

изъ данныхъ опыта и наблюденія. Въ томъ числѣ и исторія литературы стремится выработать свои общія понятія.

Итакъ, въ изученіи литературныхъ явленій, какъ и историческихъ, есть два пути: 1) номотетическое построеніе нашей науки объединяетъ данныя наблюденія при помощи общихъ понятій—„оно устанавливаетъ возможно меньшее число общихъ понятій, въ каждое изъ коихъ укладывалось бы возможно большее число представленій объ отдѣльныхъ фактахъ“ [1]).

2) „Идіографическое построеніе исторіи стремится къ объединенію нашихъ историческихъ знаній съ той познавательной точки зрѣнія, которая обнаруживается въ нашемъ интересѣ къ конкретной дѣйствительности“ [2]).

Въ противоположность номотетическому построенію, которое все болѣе удаляетъ насъ отъ конкретной дѣйствительности,—идіографическое построеніе стремится все болѣе приблизиться къ ней; оно изучаетъ объекты, какъ таковые, изучаетъ индивидуальное [3]).

Но современная научная исторія литературы не можетъ остановиться на одномъ идіографическомъ построеніи, хотя детали еще не изучены вполнѣ; она вовсе не имѣетъ цѣлью исключительно „изображеніе людей и ихъ судебъ во всемъ сложномъ ихъ своеобразіи, во всей индивидуальной жизненности“, а желаетъ возсоздать процессы литературнаго творчества, исторію сюжетовъ, стиля; то, о чемъ говоритъ Евлаховъ [4]), лишь отголосокъ пониманія исторіи литературы, какъ собиранія въ хронологической системѣ данныхъ объ авторахъ и ихъ твореніяхъ, или, какъ у Дашкевича и др.—отожествленія исторіи литературы—съ культурной исторіей.

Задача всякой науки состоитъ въ томъ, чтобы восходить отъ массы отдѣльныхъ фактовъ сначала къ частнымъ обобщеніямъ, а затѣмъ къ истинамъ, имѣющимъ всеобщее значеніе. Цѣль науки—отысканіе законовъ. Общія средства исторической науки тѣ же, что и въ естествознаніи: индукція, дедукція, абстракція, детерминація съ ихъ производными, каковы: классификація, аналогія, сравненіе—всѣ эти

---

[1]) Л.-Данилевскій, I, стр. 112—113.

[2]) Л.-Данилевскій, I, стр. 221.

[3]) Л.-Данилевскій, I, стр. 224.

[4]) Назв. соч., стр. 16 и 183.

способы изслѣдованія пригодны для всякой науки, независимо отъ ея объекта [1]). Но неоднократно возбуждался вопросъ: наука ли исторія вообще? Противъ этого выставляютъ субъективность и нѣкоторую недостовѣрность ея выводовъ и сужденій: но то и другое присуще всѣмъ наукамъ, кромѣ математики. Противъ признанія историческихъ наукъ науками указываютъ на невозможность для исторіи провѣрять наблюденія опытомъ и создавать законы, подобные естественно научнымъ. Но, хотя методы наблюденія не могутъ быть перенесены неизмѣнными въ область наукъ о духѣ,—однако, „изъ этого вовсе не слѣдуетъ заключать, что свойственные исторіи пріемы изслѣдованія и анализа и историческіе синтезы лишены важнаго научнаго значенія“ [2]). Конечно, и законы исторической науки не могутъ имѣть той степени достовѣрности и очевидности; но „идея о научномъ законѣ не предполагаетъ вовсе мысли объ абсолютной достовѣрности“ [3]). Характеръ исторіи иной, чѣмъ естествознанія: исторія изучаетъ факты въ ихъ послѣдовательности, а не въ ихъ повторности. По формулѣ Ксенополя [4]) „наука о повторяющихся фактахъ формулируетъ въ видѣ законовъ условія ихъ существованія; наука же о послѣдовательныхъ фактахъ не можетъ устанавливать законовъ, она группируетъ факты въ ряды и устанавливаетъ между ними отношенія причины къ слѣдствію“ [5]).

Обычнымъ возраженіемъ противъ попытокъ признать науки о духѣ — науками является то, что онѣ не имѣютъ возможности пользоваться экспериментомъ. Но—и астрономія, наиболѣе точная изъ наукъ, экспериментомъ не пользуется. Кромѣ того, не говоря уже объ экспериментальной психологіи,—въ исторіи количество накопленныхъ фактовъ замѣняетъ экспериментъ.

Послѣ этого, въ области изученія явленій литературныхъ мы сталкиваемся еще съ однимъ обстоятельствомъ.

Противъ признанія историческихъ наукъ—науками выдвигаютъ еще и то возраженіе, что въ ихъ области чело-

---

[1]) Paul Bart, „Die Philosophie der Geschichte“, I, 1897, стр. 396.

[2]) Моно, Методъ въ наукахъ, стр. 270.

[3]) Моно, стр. 271.

[4]) Xenopol, „La théorie de l'histoire“.

[5]) Моно, стр. 279.

вѣкъ является не только субъектомъ наблюдающимъ, какъ въ математическихъ и естественныхъ наукахъ, но и объектомъ наблюденія, т. е. наблюдателемъ и наблюдающимъ, самонаблюдающимъ. Евлаховъ, который особенно выдвигаетъ это противорѣчіе, не замѣчаетъ того, что въ области исторіи литературы мы наблюдаемъ факты литературные, какъ объективно-существующіе, подобно тому, какъ и факты исторіи языка. Если же онъ ссылается на субъективность индивидуальныхъ воспріятій, на то, что мы, воспринимая впечатлѣнія, имѣемъ дѣло только со своими душевными состояніями, — то вѣдь столь же призрачными могутъ оказаться впечатлѣнія отъ наблюденій во всѣхъ областяхъ науки, ибо мы имѣемъ, какъ показано еще Кантомъ, —дѣло съ нашими собственными впечатлѣніями, а вещи въ себѣ—мы не знаемъ и никогда не узнаемъ.

Игнорированіе особыхъ свойствъ историко-литературнаго матеріала, существенно отличающагося отъ матеріала собственно историческаго, мы встрѣчаемъ почти у всѣхъ теоретиковъ, касавшихся вопроса о соотношеніи наукъ историческихъ и „реальныхъ“, или наукъ о „духѣ“ и о „природѣ“. Такъ, послѣ анализа свойствъ методовъ и задачъ изслѣдованія Клейнпетеръ заключаетъ: „Историческія науки занимаются устанавливаніемъ фактовъ, т. е. имѣютъ дѣло съ событіями, независящими отъ нашего произвола, и, поскольку дѣло идетъ объ исторіи въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, занимаются этимъ ради самихъ этихъ событій [1]). Реальныя науки тоже имѣютъ дѣло съ фактами, однако, не ради самихъ этихъ послѣднихъ; для этихъ наукъ единичный фактъ имѣетъ значеніе лишь тогда, когда онъ оказывается отдѣльнымъ случаемъ цѣлаго класса фактовъ; поэтому въ нихъ дѣло идетъ о построеніи еще не наблюденныхъ фактовъ на основаніи наблюденныхъ закономѣрностей“ (законовъ) [2]).

Такимъ образомъ, помимо накопляемаго втеченіе вѣковъ матеріала, исторія не имѣетъ своихъ законовъ, ибо, по Риккерту [3]), стремится понять историческій процессъ,

---

[1]) Теорія познанія современнаго естествознанія, 1910, стр. 134.

[2]) Тамъ же, стр. 135.

[3]) Философія исторіи, стр. 28.

какъ единое цѣлое, никогда не повторяющееся въ своей единственности.

Кажется, мы въ правѣ поставить здѣсь вопросъ, не оттого ли тянется споръ, „наука-ли исторія“, что онъ вращается около представленія о какихъ-то пророческихъ обязательствахъ науки. Но мы полагаемъ, что задача науки не въ томъ, чтобы изъ готовыхъ данныхъ вывести пророчество о будущемъ, а въ томъ, чтобы показать, какъ организовалось, создалось явленіе, нами наблюдаемое, среди тысячи перекрещивающихся причинныхъ воздѣйствій. Здѣсь, въ самомъ пониманіи науки коренится то разногласіе, которое, опираясь на предвзятыя идеи, ведетъ къ безконечному и безплодному спору—наука ли, или не наука исторія.

Обычно утверждаютъ, что „наука есть объединенная система понятій, пытающаяся установить возможно меньшее число понятій, въ каждое изъ которыхъ укладывалось бы возможно большее число представленій“, что „наука есть система понятій, отличающихся единствомъ и обнимающихъ все объективно-данное ихъ содержаніе“ [1]).

Мы далеко не можемъ утверждать, чтобы наше знаніе историческаго процесса въ области литературнаго творчества—было близко къ такой законченности: если ученые въ области точныхъ и естественныхъ наукъ, имѣющихъ многовѣковую исторію, — сознаютъ все больше и больше относительный характеръ нашихъ знаній, открывающихъ намъ лишь отношенія вещей,—то нашей молодой наукѣ остается лишь искать и прокладывать дальше и глубже пути, пользуясь пріемами, завѣщанными учителями, и изобрѣтать новые.

Въ области соціальныхъ явленій, къ которымъ относятся и литературныя, — исторія играетъ ту же роль, какъ микроскопъ для естествовѣда [2]).

Безусловны-ли законы наукъ о природѣ? Далеко нѣтъ. Прежде всего, въ области естественныхъ наукъ законы не представляютъ чего-либо незыблемаго и переживаютъ весьма сложную эволюцію [3]), примѣромъ чего является хотя бы исто-

---

[1]) Л.-Данилевскій, I, стр. 63.

[2]) Дюркгеймъ, Методъ въ наукахъ, стр. 241.

[3]) Уэвель, Исторія индуктивныхъ наукъ.

рія знаменитой таблицы Менделѣева, открытіе радіоактивности и пр. Далѣе, какъ говоритъ Моно, „идея о научномъ законѣ не предполагаетъ вовсе мысли объ абсолютной достовѣрности, какъ это думали долгое время. Научные законы все болѣе и болѣе представляются намъ въ видѣ провизорныхъ гипотезъ, признаваемыхъ истинными до тѣхъ поръ, пока онѣ въ состояніи объяснить всѣ извѣстныя явленія одного и того же класса“ [1]).

Но не слѣдуетъ преувеличивать и забывать, что и историческіе законы — чисто-эмпирическіе; они указываютъ только на послѣдовательность, только на обусловленность явленій, но не открываютъ намъ побудительной причины возникновенія явленій.

§ 3. Подъ исторіей въ широкомъ смыслѣ мы понимаемъ „совокупность проявленій человѣческой дѣятельности и мысли, разсматриваемыхъ въ ихъ послѣдовательности и ихъ отношеніяхъ связи и зависимости“. Въ болѣе узкомъ смыслѣ подъ исторіей понимаютъ исторію какой-либо одной человѣческой дѣятельности, напр., — исторію политическую, экономическую, искусства, философіи, наконецъ, литературы. Всѣ эти частныя исторіи заключаются въ понятіи исторіи въ собственномъ смыслѣ этого слова.

„Идеальной цѣлью исторіи является возстановленіе во временной послѣдовательности всей жизни человѣчества въ ея совокупности“ [2]).

„Исторія есть такая наука, которая изучаетъ и изображаетъ въ психофизической причинной связи факты развитія людей, поскольку факты эти составляютъ проявленіе дѣятельности людей, какъ соціальныхъ существъ“ [3]).

„Исторія есть наука, ибо она изучаетъ опредѣленную область фактовъ въ ихъ причинной связи“ [4]). Изученіе причинной связи не ограничивается однимъ способомъ, господствующимъ въ естественныхъ наукахъ (наукахъ о природѣ), гдѣ изучаются правильно повторяющіяся явленія отъ дѣйствія общихъ причинъ. Въ исторіи же мы стремимся по-

---

[1]) Методъ въ наукахъ, стр. 271.

[2]) Моно, Методъ въ наукахъ, 1911, стр. 269.

[3]) Бернгеймъ, стр. 26.

[4]) Бернгеймъ, стр. 27.

знать развитіе, т. е. послѣдовательныя измѣненія отличительныхъ признаковъ явленій“ [1]).

Исторія изучаетъ дѣйствія психической причинности, которая не менѣе физической основывается на началѣ всеобщей естественной необходимости.

„Понимаемая такимъ образомъ, исторія есть наука въ томъ смыслѣ, что она имѣетъ задачей собрать, провѣрить и координировать цѣлую совокупность познаній одного и того же порядка, и притомъ познаній наиболѣе важныхъ для человѣка, касающихся его собственнаго существа и всей той эволюціи, которая его сдѣлала тѣмъ, чѣмъ онъ есть. Она—наука въ томъ смыслѣ, что это собраніе, эта провѣрка, это координированіе подчинены особымъ правиламъ научной критики и метода“ [2]).

„Словомъ, наука исторіи заключается въ историческомъ методѣ и критикѣ и въ результатахъ ихъ операцій. Все же, что касается изложенія, относится къ искусству исторіи“ [3]).

„Разумѣется, исторія будетъ носить болѣе или менѣе научный характеръ въ зависимости отъ того, будетъ ли считать проявленія человѣческой дѣятельности болѣе или менѣе подчиненными законамъ детерминаціи“ (т. е. связи и независимости фактовъ отъ имъ предшествующихъ) [4]).

Историческіе факты безконечно разнообразны, но всматриваясь въ явленія жизни народовъ,—мы наблюдаемъ повторяемость фактовъ, предполагающихъ общія причины. И если нельзя устанавливать отношенія основанія къ слѣдствію, то установить ихъ обусловленность возможно.

Построеніе исторіи вообще, а исторіи литературы въ частности, всегда будетъ далеко отъ совершенства: исторія въ отношеніи древнихъ временъ — чувствуетъ недостатокъ историческихъ документовъ; относительно же новыхъ—она подавлена массою ихъ, не имѣя силъ использовать все. Кромѣ того, исторія встрѣчаетъ много такихъ фактовъ, значеніе которыхъ невозможно выяснить съ достаточной достовѣрностью.

---

[1]) Бернгеймъ, стр. 27.
[2]) Моно, стр. 272.
[3]) Моно, стр. 272.
[4]) Моно, стр. 272.

„Поэтому, во всѣхъ нашихъ историческихъ познаніяхъ имѣется неизбѣжная доля недостовѣрности. Цѣлью историческаго метода является именно опредѣлить (sic!), путемъ какихъ пріемовъ изслѣдованія можно уменьшить область недостовѣрнаго и добиться наиболѣе совершеннаго приближенія къ истинѣ“ [1]).

Главной причиной, мѣшающей наукамъ о духѣ подняться до „наукъ въ собственномъ смыслѣ этого слова“, считаютъ присущую имъ необходимость самонаблюденія. Противники признанія историческихъ наукъ — науками говорятъ: „Въ области математическихъ и естественныхъ наукъ человѣкъ является лишь субъектомъ наблюденія, т. е. только наблюдающимъ. Объектъ наблюденія чисто внѣшній, нѣчто такое, что отдѣлено отъ человѣка, находится внѣ его. Ясно, что отъ этого самое наблюденіе можетъ только выигрывать, никакихъ особенныхъ помѣхъ оно не встрѣчаетъ. Напротивъ, въ области наукъ о духѣ человѣкъ является въ одно и то же время и субъектомъ и объектомъ наблюденія, наблюдающимъ и наблюдаемымъ, самонаблюдаемымъ. Но, спрашивается, какимъ образомъ я, субъектъ, могу наблюдать свою душу, себя самого“ [2]).

Сказанное можетъ быть съ нѣкоторымъ основаніемъ отнесено къ психологіи. Но въ исторіи литературы мы наблюдаемъ развитіе идей и формъ въ памятникахъ языка, представляющихся намъ объективно существующими, независимо отъ нашей воли, отъ желанія наблюдателя.

Второю причиною, препятствующей наукамъ о духѣ стать настоящими науками, является неизбѣжный субъективизмъ, вытекающій изъ необходимости самонаблюденія. „А при субъективизмѣ, естественно, не можетъ быть никакой точности, а, слѣдовательно, никакой и истинной универсальности— никакой науки“ [3]).

Отсутствіе въ области наукъ о духѣ точныхъ, общеобязательныхъ законовъ еще болѣе увеличиваетъ присущій имъ субъективизмъ, несвойственный, напр., математикѣ, въ которой не могутъ проявиться личные вкусы и взгляды.

---

[1]) Моно, стр. 269.

[2]) Евлаховъ, I, стр. 147.

[3]) Евлаховъ, I, стр. 149 съ ссылкой на Compte'a.

Сказанное совершенно справедливо, но только относительно литературной критики, руководствующейся большею частью, какъ мы увидимъ, чисто субъективными критеріями эстетическаго и этическаго характера, но совершенно не можетъ относиться къ исторіи литературы, гдѣ (въ идеалѣ, конечно) личные вкусы изслѣдователя умѣряются желаніемъ познать объективную истину, дѣйствительныя историческія отношенія, результатомъ которыхъ бываетъ изучаемое явленіе или процессъ.

Всѣ наши сужденія субъективны, но есть существенная разница въ степени субъективности: сужденіе о вещи не всегда есть ея оцѣнка. Возьмемъ два сужденія: 1) пѣсня ритмична; 2) пѣсня скучна (весела). Въ первомъ изъ нихъ сказуемое—предикатъ сужденія—заимствованъ изъ существа, изъ содержанія объекта представленія; во второмъ—сказуемое—предикатъ оцѣнки—не расширяетъ познанія предмета, а выражаетъ чувство одобренія или неодобренія, съ которымъ оцѣнивающее сознаніе относится къ объекту представленія.

„Всѣ предикаты сужденія суть положительныя представленія, относимыя къ представляемому міру въ качествѣ родовыхъ понятій, свойствъ, дѣятельностей, состояній, отношеній и т. д.“.

„Всѣ предикаты оцѣнки, наоборотъ, суть выраженія симпатіи или антипатіи представляющаго сознанія: вещь пріятна или непріятна, понятіе истинно или ложно, дѣйствіе хорошо или дурно... Ясно, что оцѣнка ничего не прибавляетъ къ пониманію оцѣниваемаго предмета. Всякая оцѣнка предполагаетъ, въ качествѣ своего собственнаго мѣрила, опредѣленную цѣль и имѣетъ смыслъ и значеніе только для того, кто признаетъ эту цѣль“ [1]).

Отсюда ясна разница между „субъективнымъ“ и „объективнымъ“ въ нашей наукѣ, именно—въ пріемахъ научной исторіи литературы и литературной критики. Констатированіе явленій въ жизни поэтическаго творчества и опредѣленіе его генезиса—одно; оцѣнка этихъ явленій—эстетическая, моральная—другое и относится къ области литературной критики [2]).

---

[1]) Виндельбандтъ, Что такое философія, стр. 24—25.

[2]) Срв. Евлаховъ, I, стр. 74.

Для работающаго надъ объясненіемъ литературныхъ памятниковъ—едва ли не самой крупною ошибкой является смѣшеніе этихъ двухъ пріемовъ—подмѣнъ сужденія оцѣнкой.

Такимъ образомъ, главной задачей методическаго изслѣдованія является постоянное наблюденіе надъ собой, чтобы не очутиться во власти предвзятыхъ, субъективныхъ настроеній и предразсудковъ и незамѣтно не подсунуть вмѣсто историческаго сужденія свое личное пониманіе или настроеніе. Отсюда вытекаетъ, что каждый изслѣдователь долженъ прежде всего воспитать въ себѣ объективность и терпимость.

Правильному и объективному сужденію о явленіяхъ исторіи и литературы мѣшаютъ εἴδωλα:

1) Воспитаніе въ духѣ господствующихъ понятій о классовомъ или національномъ строѣ, о правомѣрности господства какого-либо одного класса или національности надъ другими; вспомнимъ о пренебреженіи образованныхъ людей XVIII в. къ „мужицкой“, народной поэзіи.

2) Воспитаніе въ духѣ господствующей морали, исключающей все, несогласное съ нею; вспомнимъ сужденія критики 30-хъ годовъ XIX ст. о „безнравственности“ Гоголя. Этическая оцѣнка, какъ преобладающая, проникла даже въ „научныя“ работы [1]).

3) Воспитаніе въ духѣ господствующихъ понятій о прекрасномъ и достойномъ подражанія. Возьмемъ примѣры: оцѣнка Шекспира, не столь его современниками, какъ отдаленнымъ потомствомъ, и провалъ въ 1890 г. Чеховской „Чайки“; только въ XX в. научились цѣнить его драму, тогда какъ раньше въ ней отрицали всякія достоинства, ибо ея схема, конструкція, характеры, развитіе дѣйствія не совпадаютъ съ тѣмъ, что привыкли видѣть раньше въ драмѣ и что освящено школьными учебниками.

Вполнѣ законное въ области литературной критики одобреніе или неодобреніе литературныхъ произведеній—съ точки зрѣнія исторіи литературы, есть вещь совершенно лишняя и посторонняя наукѣ. (О литературной критикѣ см. особо, ниже). Излагая литературныя явленія и оцѣнивая ихъ историческое значеніе, она должна быть чужда

---

[1]) См., напр., Архангельскій, Введеніе въ исторію русской литературы. Учен. Зап. Каз. Унив., 1908 г., XII, стр. 2.

выраженій одобренія или порицанія во имя какихъ-либо эстетическихъ или нравственныхъ, частныхъ или общихъ идеаловъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ противномъ случаѣ почему зоологу не пѣть дифирамбъ добродѣтели однихъ животныхъ и порицать другихъ, ботанику—хвалить одни растенія и хулить другія. Но ни похвала, ни порицаніе не помогаютъ ни имъ, ни намъ въ объясненіи генезиса явленій.

4) Привычныя традиціи въ сужденіяхъ. По остроумному замѣчанію Порембовича, [1])—стало обязательнымъ обычаемъ, начиная съ классиковъ, повторять изношенныя жалобы на упадокъ польской поэзіи въ первой половинѣ XVII в.; такова же привычка и у насъ начинать классицизмъ съ Ломоносова, Сумарокова и романтизмъ—съ Жуковскаго.

5) Привычная манера историковъ литературы полагаться на мнѣнія предшественниковъ,—напр., сдѣлала то, что даже Тэнъ, признававшій необходимость объективности, съ чистою совѣстью повторяетъ мнѣніе о сэйчентистахъ (итал. писатели XV в.) съ цѣлымъ хораломъ гнѣва и негодованія, анахроничнаго, ибо повторяющаго Буало.

6) Врагъ истины—произвольныя, а особенно—суммарныя заключенія, тѣ обобщенія, которыя мы иногда дѣлаемъ, опираясь на немногочисленные, а иногда на единичные факты, подчиняясь недостаточно осознанному воздѣйствію различныхъ факторовъ (напр., личное самолюбіе, желаніе во что бы то ни стало быть правымъ, ложно понятый патріотизмъ и пр.).

Мы строимъ науку на основаніи фактовъ, объединенныхъ въ нашемъ сознаніи идеей причинности, зависимости; такимъ образомъ, какъ бы разсматриваемъ реальное сквозь призму нашихъ теорій и отвлеченныхъ понятій, созданныхъ логическимъ путемъ, въ согласіи съ требованіями критически—мыслящаго разума, но—

7) изъ субъективныхъ оцѣнокъ отдѣльныхъ явленій вытекаетъ—оцѣнка эпохъ и періодовъ столь же субъективная, оцѣнка и опредѣленіе „упадковъ“ и „расцвѣтовъ“. Поэтому безусловно правъ французскій ученый натуралистъ, мнѣніе котораго небезполезно и для историка литературы по своей всеобщности: „Не произносите сужденія раньше наблю-

[1]) Perębowicz, „A. Morsztyn“, стр. 243.

денія надъ явленіемъ; отбросьте старыя воззрѣнія, когда ихъ ошибочность доказана, примите новыя воззрѣнія, если они оказываются болѣе точными; такая доктрина способна ускорить успѣхи знаній и благопріятствуетъ совершенствованію человѣческаго ума [1]).

8) Привычка къ суммарнымъ сужденіямъ, недопустимая наклонность къ суммарнымъ характеристикамъ—врагъ научнаго изслѣдованія, ибо влечетъ за собою выводы совершенно призрачные, основанные не на реальныхъ основаніяхъ, а на условно принятыхъ обобщеніяхъ. Таковы сужденія историковъ объ „эпохахъ", „періодахъ". „Всякая характеристика той или другой эпохи есть лишь обобщеніе, которое отмѣчаетъ только преобладаніе какого-нибудь одного метода, одной способности, одной точки зрѣнія надъ другими, не исключая ихъ", говоритъ Кранцъ [2]). Но это не значитъ, что одно преобладающее—было единственнымъ, что герой упраздняетъ толпу, что рядомъ съ Пушкинымъ не читался Булгаринъ, что Ломоносовъ и классики вытѣснили старинное наслѣдіе рукописной литературы XVII в. въ XVIII вѣкѣ.

9) Большой вредъ для научнаго развитія приносятъ тенденціи все примирять и искать компромисса для устраненія противорѣчій. Ланглуа и Сеньобосъ справедливо замѣчаютъ, что „этотъ примирительный духъ составляетъ противоположность научному духу" [3]). Если одинъ утверждаетъ, что $2\times2=4$, а другой—$2\times2=5$, то истина только на сторонѣ одного изъ нихъ, а не на сторонѣ утверждающаго, что $2\times2=4^1/_2$.

Даже въ области точныхъ наукъ, имѣющихъ возможность повторять наблюденіе, никогда не дѣлаютъ заключенія по единичному наблюденному случаю. Тѣмъ болѣе исторія должна быть осторожной и собирать всѣ свидѣтельства, какія только могутъ существовать относительно изучаемаго явленія. Выводъ основывается на сопоставленіи критически обслѣдованныхъ свидѣтельствъ. Тѣмъ менѣе цѣнности имѣютъ ссылки на авторитетъ, не подкрѣпленный доказатель-

---

[1]) Draper naud, „Discours d'ouverture du cours zoologie". Методъ въ наукахъ, стр. 164.

[2]) Опытъ философіи литературы, 1903, стр. 21.

[3]) Введеніе, стр. 159.

ствами: мнѣніе авторитета, само по себѣ взятое, всегда будетъ лишь мнѣніемъ, а не фактомъ. Даже имѣя свидѣтельство въ пользу того или иного мнѣнія, мы лишены основанія считать его правильнымъ: намъ необходимо доказать достовѣрность, доброкачественность свидѣтельства, чтобы удостовѣриться, имѣемъ ли мы право ему вѣрить [1]).

Въ исторіи литературы, какъ и во всякой другой области знанія, исходной точкой изслѣдованія должно быть методическое сомнѣніе. „Все, что не доказано, должно считаться временно сомнительнымъ; прежде чѣмъ утверждать что-либо, необходимо представить доказательства“ [2]). Если данныя памятниковъ не даютъ достаточно основанія для утвержденія того или другого мнѣнія или для рѣшенія того или другого вопроса,—единственнымъ честнымъ выходомъ является „агностицизмъ“, т. е. признаніе въ своемъ невѣдѣніи [3]). Однако, если мы ignoramus, то это не значитъ ignorabimus: успѣхи научнаго изслѣдованія даютъ надежду, что наше незнаніе во многихъ случаяхъ—лишь временное.

Конечно, даже владѣя методами историческаго изслѣдованія, мы не всегда получаемъ безусловно достовѣрные и пріемлемые выводы. Но, вынужденные порою довольствоваться вѣроятными гипотезами, мы не можемъ въ цѣломъ отвергать значеніе нашей науки: зная состояніе источниковъ и другія условія изученія интересующаго насъ вопроса, мы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ можемъ опредѣлить „степень достовѣрности, достижимой при данномъ матеріалѣ и методѣ“ [4]). Роль скептицизма въ исторической наукѣ только плодотворна. Даже такіе голословные скептики, какъ, напр., въ русской наукѣ—Каченовскій и др., заподозривши „Слово о полку Игоревѣ“,—принесли только пользу, вызвавши рядъ изслѣдованій о памятникѣ, который теперь уже настолько прочно поставленъ въ историческую обстановку, что происхожденіе его и принадлежность къ литературной школѣ XII в. не внушаютъ сомнѣній.

---

[1]) Срв. Ланглуа и Сеньобосъ, стр. 128.

[2]) Ланглуа и Сеньобосъ, стр. 125.

[3]) Ланглуа и Сеньобосъ, стр. 128.

[4]) Бернгеймъ, стр. 63.

Отдѣльные вопросы разрабатываются рядомъ лицъ, но историкъ не можетъ съ полною увѣренностью пользоваться выводами другого, потому что онъ не знаетъ, при помощи какихъ пріемовъ добыты эти выводы [1]). Но съ другой стороны—исторія, требующая затраты массы энергіи,—не можетъ основываться на вѣчномъ начинаніи сызнова: для развитія науки необходимо комбинировать выводы, добытые частичными работами. Исходъ одинъ—читать работы предшественниковъ съ тою же критическою осторожностью, какъ и документы, требуя обоснованныхъ фактически доказательствъ и слѣдя за методологическими пріемами изслѣдователей. Самое примѣненіе изслѣдователемъ правильнаго или неправильнаго метода—обнаружитъ намъ тѣ условія, при которыхъ пріемлемы или непріемлемы выводы изслѣдованія. Такъ, изслѣдованіе Горскаго о кн. Курбскомъ обезцѣнивается въ своихъ выводахъ, благодаря предвзятой точкѣ зрѣнія автора на кн. Курбскаго, не болѣе какъ на измѣнника отечеству.

Косвенный методъ историческихъ наукъ, въ частности исторіи, реставрирующей прошедшую дѣйствительность по письменнымъ документамъ, стоитъ несравненно ниже методовъ наукъ, пользующихся наблюденіемъ и опытомъ. Но въ области исторіи литературы мы находимся въ болѣе выгодномъ положеніи: мы изучаемъ только самые памятники, а не ихъ свидѣтельства о дѣйствительной жизни, и можемъ иногда жалѣть лишь о недостаткѣ матеріала, а не о недостовѣрности его показаній. Въ этомъ отношеніи историкъ литературы близокъ къ натуралисту, ибо не можетъ сомнѣваться въ наличности памятника, существующаго объективно.

Возсоздавая картину развитія явленій, мы должны остерегаться впасть во власть фантазій, симпатій и антипатій; мы должны строго держаться точныхъ данныхъ, предлагаемыхъ памятниками, и „стараться возстановить между ними причинную связь при помощи заключеній, выводимыхъ не только по общей аналогіи человѣческихъ дѣйствій, но также по спеціальнымъ условіямъ процессовъ и состояній, въ сферѣ которыхъ находятся эти данныя“ [2]). У каждаго есть

---

[1]) Ланглуа и Сеньобосъ, стр. 184,

[2]) Бернгеймъ, стр. 122.

этическія, религіозныя, соціальныя убѣжденія, оцѣнки, коренящіяся въ глубинѣ нашего міровоззрѣнія. Но историкъ долженъ отнестись къ фактамъ объективно: можно, напр., быть невѣрующимъ человѣкомъ, но, изучая исторію древнерусской литературы, нельзя игнорировать важной роли религіозныхъ факторовъ въ созданіи ея; можно игнорировать всякій мистицизмъ въ личной жизни, но при истолкованіи литературныхъ явленій древней Руси нельзя оставаться въ невѣдѣніи относительно душевныхъ настроеній и переживаній, характерныхъ для мистика: иначе многія творенія аѳонскихъ отцовъ и ихъ русскихъ послѣдователей останутся намъ непонятными. Можно быть лично для себя поклонникомъ „самобытности“ въ государственной жизни, но нельзя отрицать вмѣстѣ съ тѣмъ вліянія западно-европейскаго романтизма на Гоголя и Пушкина и т. д.

„Бываютъ историки“, замѣчаетъ Бернгеймъ [1]), „которые только до тѣхъ поръ понимаютъ объективность, пока не ставятся на карту великіе жизненные интересы ихъ міровоззрѣнія. Это имѣетъ такой видъ, какъ если бы кто вздумалъ признавать честность обязательной для себя только до тѣхъ поръ, пока настоятельная нужда не дастъ повода къ безчестности“. Историкъ долженъ быть всегда честенъ и прежде всего—предъ своей научной совѣстью.

Въ итогѣ нашихъ научныхъ изысканій мы точнѣе и точнѣе познаемъ объективные элементы явленій, отрѣшаясь отъ произвольнаго ихъ толкованія и субъективныхъ теорій. Такимъ образомъ, наука стремится все къ большей объективности. Но, какъ говоритъ Пикаръ [2]), „полная объективность науки—это химера“.

Чего мы можемъ ждать отъ науки? „Наша наука, созданная нами и съ помощью нашихъ органовъ чувствъ, всегда будетъ по нашей мѣркѣ, всегда будетъ до нѣкоторой степени зависѣть отъ нашихъ отношеній къ внѣшнему міру. Поэтому люди, думающіе, что наука должна раскрыть намъ загадки міра, предаются самообольщенію. Среди ученыхъ число такихъ самообольщающихся становится, повидимому, все меньше, но оно растетъ среди людей, кото-

[1]) Назв. соч., стр. 121.

[2]) „Методъ въ наукѣ“, стр. 21.

рые видятъ въ наукѣ прежде всего благодарную тему для риторскихъ декламацій, и которые заняты, главнымъ образомъ, тѣмъ, чтобы противопоставить новый идолъ старымъ фетишамъ“[1]). Наука имѣетъ самодовлѣющее значеніе и даетъ отвѣты въ предѣлахъ своего круга вѣдѣнія: нельзя требовать отъ химіи отвѣта на вопросы богоискательства; отъ исторіи литературы—отвѣта на вопросъ о личномъ счастьѣ. Мы должны разъ навсегда усвоить себѣ мысль о безцѣльности такихъ требованій. У людей же научно необразованныхъ—часто возникаетъ неудовольствіе изъ за несоотвѣтствія между тщетными запросами людей къ наукѣ и ея ограниченными средствами.

Исторія литературы входитъ въ циклъ другихъ научныхъ знаній. Какъ справедливо замѣчаетъ Бернгеймъ [2]), „всѣ человѣческія знанія находятся между собою во внутренней взаимной связи“, „всѣ науки служатъ другъ другу въ дѣлѣ взаимнаго совершенствованія“. Но, несмотря на это,—весьма важно установить цѣль, методы и средства для каждой данной области науки особо, сообразно съ особенностями матеріала, являющагося объектомъ изученія. Наша наука, какъ часть культурной исторіи, значительно отличается отъ естественныхъ наукъ не только матеріаломъ, но и способами изученія; также въ этомъ отношеніи не имѣетъ она общаго и съ психологіей, хотя и пользуется ея выводами, какъ науки вспомогательной. Но, возстановляя на основаніи изслѣдованія частныхъ конкретныхъ явленій — процессы литературнаго развитія, — историкъ литературы не можетъ пренебрегать философіей. Философская пропедевтика необходима каждому историку. „Усвоеніе философскаго образа мышленія совершенно неизбѣжно для всякаго историка, который хочетъ уяснить себѣ основы міровоззрѣнія извѣстнаго времени или извѣстной группы народовъ, поскольку эти основы выражаются въ догматахъ религіи, въ научныхъ системахъ и направленіяхъ, въ политическихъ и соціальныхъ теченіяхъ, даже въ искусствѣ“ (добавимъ—и въ литературѣ). „Пренебреженіе

---

[1]) „Методъ въ наукѣ“, стр. 21.

[1]) Стр. 35.

къ философскому образованію—плохой знакъ закоснѣлаго спеціализма“ [1]).

§ 4. Исторія литературы, какъ наука, составляетъ отдѣлъ культурной исторіи, подотдѣлъ филологіи. Она имѣетъ свой кругъ вѣдѣнія, свой своеобразный матеріалъ, свои пріемы изслѣдованія и разработки. Но еще недавно шелъ оживленный споръ о томъ, что такое „исторія литературы“, и что считать „литературой“, т. е. матеріаломъ, служащимъ для изученія нашей науки спеціально. Въ 1871 году проф. Сухомлиновъ вполнѣ справедливо для своего времени писалъ: „Содержаніе и объемъ исторіи литературы не опредѣлены еще съ такою строгою точностью, которая вполнѣ ограждала бы науку отъ произвольныхъ попытокъ и распоряженій въ ея области. Причина неопредѣленности заключается въ самомъ понятіи о литературѣ, которое подвергалось различнымъ измѣненіямъ и открывало обширное поле для болѣе или менѣе остроумныхъ предположеній“ [2]); иными словами—не выяснено было, что понимать подъ словомъ „литература“, а отсюда неясно, чѣмъ должна заниматься „исторія литературы“. Съ тѣхъ поръ—въ широкихъ слояхъ публики и въ учебникахъ, питающихся остатками отъ трапезы науки, появилось нѣсколько опредѣленій и „литературы“, и „исторіи литературы“, основанныхъ на томъ или иномъ міросозерцаніи или тенденціи, господствующей въ широкихъ общественныхъ кругахъ. Въ дальнѣйшемъ мы попытаемся показать отношеніе нашей науки къ „филологіи“ вообще и отграничить понятіе „исторіи литературы“ отъ „исторіи“ вообще и опредѣлить объемъ и содержаніе его, пользуясь указаніями исторіи этихъ наукъ.

Подъ словомъ „исторія“ въ древнемъ мірѣ, откуда и было унаслѣдовано это слово, подразумѣвалось первоначально „изслѣдованіе“, „изученіе“, затѣмъ „повѣствованіе“ объ изученномъ. Теперь подъ этимъ терминомъ подразумѣваютъ совокупность знаній о прошедшемъ въ различныхъ областяхъ человѣческаго творчества (исторія церкви, исторія искусства, философіи, права, культуры, литературы). Историческимъ знаніемъ мы называемъ знаніе о явленіяхъ прош-

---

[1]) Бернгеймъ, стр. 37.

[2]) Журн. Мин. Нар. Просв., 1871 г., кн. VIII, стр. 139.

лаго, въ противоположность знанію статическому, теоретическому, догматическому. Исторія, основываясь на фактахъ прошлаго, имѣетъ своею задачею изслѣдованіе происхожденія (генезиса) явленій, видоизмѣненіе ихъ (трансформацію) или развитіе (эволюцію).

Занимаясь изслѣдованіемъ всевозможныхъ отраслей человѣческаго творчества въ прошломъ, исторія преимущественно сосредоточиваетъ свое вниманіе на творчествѣ въ мысли, на творчествѣ въ словѣ. Идеи и ихъ выраженія въ словѣ—вотъ та область, которою занимается цѣлая группа историческихъ дисциплинъ, называемая филологіей, или группой „гуманитарныхъ наукъ". Въ составъ ея входитъ также и исторія литературы, которая будетъ главнымъ предметомъ нашего вниманія. Понятіе „филологіи" зародилось въ періодъ возрожденія наукъ и искусствъ на Западѣ (XV—XVI в.в.) и первоначально обнимало знанія объ античномъ мірѣ. Съ расширеніемъ изученій на область новыхъ національныхъ литературъ и культуръ—названіе „филологіи" стало обнимать вообще совокупность національныхъ изученій: исторіи, языка, литературы, права, искусства..., и такимъ образомъ явились понятія: германская филологія, романская филологія, славянская и въ еще болѣе тѣсномъ районѣ—русская филологія. Но эти области изученій не замкнуты въ тѣсно-опредѣленныя рамки: германская филологія неизбѣжно сталкивается съ вопросами филологіи романской и славянской; филологъ русскій не можетъ обойтись безъ данныхъ, выработанныхъ филологіей германской и романской, въ особенности въ области изученія исторіи искусствъ и литературъ. И въ каждой отдѣльной области филологіи нѣтъ ограниченія круга изслѣдованія. Исторія нашей науки показала, что изученіе новаго безъ древняго—невозможно, что исторія литературы безъ знанія исторіи дѣйствительной жизни съ ея вѣчной борьбой за существованіе, среди которой живутъ и дѣйствуютъ поэты, возникаютъ, трансформируются и вымираютъ литературныя формы, сведется къ эстетическому пустословію; что также невозможно изучать древнюю литературу, не зная исторіи языка и исторіи древняго и средневѣковаго искусства.

Вотъ почему, несмотря на стремленіе къ дифференціаціи различныхъ отраслей филологіи,—окончательный раз-

рывъ между ними, отказъ отъ взаимнаго сотрудничества—невозможенъ.

Въ послѣднее время подъ „филологіей“ въ тѣсномъ смыслѣ принято разумѣть науку о творчествѣ человѣка, выражающемся въ созданіи памятниковъ языка, слова; такимъ образомъ, филологія объединяетъ подъ своимъ вѣдѣніемъ языкъ и литературу, такъ тѣсно связанные другъ съ другомъ въ многовѣковомъ процессѣ созиданія. Исторія языка и исторія литературы—двѣ отрасли, которыми преимущественно занимается филологія и которыя она изслѣдуетъ историческими въ широкомъ смыслѣ методами.

У насъ, особенно среди людей, не привыкшихъ къ научному мышленію или не желающихъ итти его путемъ,—въ отношеніи исторіи литературы существуютъ понятія, кажущіяся весьма своеобразными, но на дѣлѣ являющіяся отголоскомъ глубокой, давней старины. Исторія литературы часто отожествляется съ литературной критикой, еще чаще—съ пересказомъ содержанія памятниковъ и съ біографіями ихъ авторовъ, расположенными въ хронологическомъ порядкѣ. Многіе или не знаютъ, или забываютъ, что наука есть система знаній, а не случайный наборъ фактовъ, пріятныхъ или непріятныхъ, поучительныхъ или соблазнительныхъ. Однимъ изъ обычныхъ lapsus' овъ, которые такъ мѣшаютъ начинающимъ заниматься исторіей литературы,—является привитое средней школой смѣшеніе, точнѣе—подмѣнъ исторіи литературы исторіей культуры, философіи, соціальныхъ идей,—однимъ словомъ перенесеніе центра тяжести отъ области чисто историко-литературной въ область чисто историческую.

Что изслѣдуетъ историкъ? Онъ изслѣдуетъ жизнь человѣчества во всѣхъ ея проявленіяхъ. Онъ изучаетъ процессы созданія идей и отношеній, факты, въ которыхъ они обнаруживаются въ общественной средѣ. Для него матеріаломъ—являются поступки людей, ихъ акты и послѣдствія ихъ, о которыхъ мы узнаемъ изъ лѣтописей, документовъ; ихъ идеи, сохранившіяся у философовъ и поэтовъ. Историкъ оцѣниваетъ ихъ, критически сопоставляетъ и создаетъ болѣе или менѣе вѣрную картину жизни прошлаго. Но еще Аристотель [1]) замѣтилъ существенное отличіе поэта отъ исто-

[1]) Περὶ τῆς ποιητικῆς, IX.

рика—и различіе итоговъ ихъ творчества: „Историкъ и поэтъ различаются между собою не тѣмъ, что одинъ пишетъ стихами, а другой прозою; но поэтъ отличается отъ историка тѣмъ, что первый повѣствуетъ о дѣйствительно свершившемся, а второй обо всемъ возможномъ".

Историкъ литературы имѣетъ предъ собою произведенія, отражающія жизнь лишь сквозь призму воображенія и пониманія ихъ творцовъ. Не поступки людей, дѣйствительно совершившіеся, запечатлѣнные въ документахъ и актахъ, а жизнь, претворенная фантазіей поэта, является матеріаломъ историка литературы. Такимъ образомъ, не возсозданіе прошлаго, его жизни можетъ имѣть въ виду историкъ литературы, а лишь возсозданіе вкусовъ и теченій прошлаго. Нельзя возстановить русскую жизнь по произведеніямъ Островскаго, заимствовавшаго иногда свой матеріалъ изъ чужихъ источниковъ. Но возсозданіе процесса творчества, выясненіе условій его, опредѣленіе мѣста Островскаго въ эволюціи русской драмы—вотъ задача историка литературы. Отсюда выводъ, пока предварительный: историкъ литературы долженъ быть очень остороженъ и, оперируя надъ своимъ, ему только принадлежащимъ матеріаломъ, долженъ избѣгать обобщеній о жизни прошлаго. Для него они не существенны. Для историка—они недостовѣрны и недостаточны; недостовѣрны, ибо основаны на матеріалѣ сомнительнаго историческаго достоинства; недостаточны, ибо неизбѣжно односторонни. Итакъ, историкъ литературы долженъ избѣгать всякихъ опытовъ возсозданія жизни, оставляя это историку.

Надъ чѣмъ же трудится исторія литературы? Если вглядимся, замѣтимъ, что эволюціонируетъ не только жизнь не только совокупность явленій въ жизни человѣка, но также и поэтическое творчество, его пріемы. Съ ростомъ общества мѣняются его идеи и тѣ формы, въ которыя онѣ отливаются. Одно литературное направленіе смѣняется другимъ (напр., классицизмъ и романтизмъ, реализмъ и неоромантизмъ), ибо перестаетъ быть выраженіемъ идеаловъ современности, не отражаетъ болѣе думъ и настроеній своего времени. Господствующее въ данную литературную эпоху направленіе какъ бы вывѣтривается, вульгаризуется, упрощается, а верхи читателей отвертываются отъ него,

ища новыхъ боговъ, выразителей ихъ душевныхъ переживаній, пока новыя поколѣнія опять не разочаруются и не пустятся снова въ исканія иныхъ художественныхъ формъ.

Подъ этими формами мы разумѣемъ не только грамматическія или — видовыя (напр., эпопея, элегія, сонетъ). Конечно, и языкъ, видоизмѣняясь со временемъ, является существеннымъ элементомъ литературной эволюціи. Конечно, возникновеніе новыхъ литературныхъ видовъ иногда существенно характеризуетъ эпоху. Но подъ формой мы здѣсь разумѣемъ вообще неизбѣжныя формы словеснаго творчества, безъ которыхъ въ литературѣ не воплощается ни одна идея, не объективируется ни одинъ художественный образъ. Отъ слова—элемента формы творчества—зависитъ самый характеръ воспріятія цѣлаго ряда поэтическихъ переживаній и идей автора. Скажемъ ли мы: дворецъ, чертогъ, хижина, домъ, лачуга,—каждый разъ съ понятіемъ о жилищѣ рождается масса вторичныхъ, но весьма существенныхъ признаковъ. Стиль, живописующій душевныя переживанія, — въ каждую эпоху отражаетъ оттѣнки поэтическихъ настроеній. Всякая литературная эпоха—есть эпоха господства опредѣленнаго стиля. Однородность, общность идей и переживаній влечетъ за собою (независимо отъ возможности чисто литературнаго подражанія) — однородность въ манерѣ выраженія настроеній, переживаній идей. Поэтическій стиль эпохи проникаетъ всѣ произведенія ея, какъ бы объединяя въ одно цѣлое. Стиль обращаетъ литературу даннаго періода какъ бы въ созданіе одного, коллективнаго лица съ опредѣленной въ каждомъ случаѣ физіономіей: стиль классическій и романтическій, стиль Петрарки, Вольтера, Ломоносова, Пушкина — бросаются въ глаза сразу, даже малонаблюдательному читателю. Въ области древнерусской литературы мы наблюдаемъ то же самое: напр., стиль житій до XIV вѣка и позднѣйшихъ житій. Отсюда—и историкъ литературы есть прежде всего историкъ литературы, ея явленій, а не живописатель быта.

Анализъ методовъ покажетъ намъ, какъ трудно и медленно добралась до такого вывода наша наука.

Въ современномъ научномъ пониманіи исторія литературы есть прежде всего наука, а не особый видъ беллетристики или публицистики. Она не служитъ для забавы

или поученія и налагаетъ на каждаго, ею занимающагося, требованія совершенно иныя, чѣмъ литературная критика (о ней—рѣчь особо). Исторія литературы, какъ и другія науки, ставитъ себѣ задачей познаніе дѣйствительнаго, открытіе объективной истины, установленіе причинной или— вѣрнѣе — функціональной зависимости между явленіями, установленіе эволюціонной связи между ними, и стремится проникнуть въ сущность законовъ, которымъ подчиняется поразительное на первый взглядъ многообразіе фактовъ. При этомъ для достиженія своихъ цѣлей наша наука пользуется такими же пріемами, какъ и другія науки, а также и своими спеціальными, выработанными примѣнительно къ изученію своеобразнаго ея матеріала. Задачей настоящаго курса и будетъ ознакомленіе читателей съ тѣми общими положеніями, къ которымъ пришли ученые, разыскивая истину и, съ контроверзами, возникавшими при этихъ изысканіяхъ. Странствованія по этимъ областямъ, можетъ быть, невеселыя, незанимательныя, могутъ, однако, пробудить интересъ къ исканіямъ; съ другой стороны покажутъ, какъ трудно вырабатывало человѣчество тѣ научныя идеи, которыя въ настоящее время — достояніе, если не учебниковъ, то энциклопедическихъ словарей.

Понятіе каждой „науки“ слагается, какъ извѣстно, изъ трехъ элементовъ: матеріала, подлежащаго изслѣдованію; пріемовъ (методовъ), съ помощью которыхъ изучается этотъ матеріалъ; въ итогѣ получаются законы, констатируемые на основаніи матеріала, изученнаго путемъ примѣненія методовъ. Несомнѣнно, въ области гуманитарныхъ наукъ, изслѣдующихъ вѣчно-движущійся, вѣчно прибывающій и измѣняющійся матеріалъ, наиболѣе важной стороной является методъ. И введеніе въ изложеніе положительныхъ пріобрѣтеній науки должно предваряться изложеніемъ методовъ изслѣдованія и исторіей исканій, приведшихъ представителей науки къ тѣмъ или инымъ выводамъ. Отсюда,—приступая къ изученію исторіи литературы, мы прежде всего должны будемъ дать генетическое опредѣленіе нашей науки, указать матеріалъ, подлежащій изученію, условиться относительно области ея вѣдѣнія, ознакомиться съ методами, ранѣе примѣнявшимися къ изученію литературнаго матеріала и нынѣ примѣняемыми историками литературы, и

дать критическій анализъ этихъ методовъ, который поможетъ намъ выяснить, гдѣ какой изъ нихъ примѣнимъ, и на какіе выводы мы можемъ надѣяться при примѣненіи каждаго изъ нихъ. Наконецъ, въ нашу задачу входитъ ознакомленіе съ исторіей изученія древне-русской литературы по преимуществу и съ разработкою матеріала для нея. Не лишнимъ окажется знакомство съ элементами нѣкоторыхъ вспомогательныхъ дисциплинъ.

Обычно опредѣляютъ матеріалъ исторіи литературы такъ: она изучаетъ произведенія художественнаго творчества, выраженныя въ словѣ. Но мы въ правѣ задать вопросъ: что такое „художественное“? Имѣетъ ли оно абсолютное значеніе и т. д., наконецъ, каковы объективные критеріи для эстетической классификаціи литературныхъ произведеній? Если же мы пойдемъ за другимъ теченіемъ, господствовавшимъ одно время въ наукѣ, и будемъ считать матеріаломъ для исторіи литературы всѣ, дошедшіе до насъ, памятники ея безъ различія, то этотъ матеріалъ грозитъ разрости до невозможности охватить его, если мы не установимъ той точки зрѣнія, съ которой можно будетъ его разсматривать. Итакъ, прежде чѣмъ приступить къ выбору историко-литературнаго матеріала, намъ необходимо дать хотя бы въ общихъ чертахъ опредѣленіе границъ изученія. Нѣкоторыя точки зрѣнія были нами намѣчены выше. Но, чтобы не впасть въ апріорное догматическое опредѣленіе исторіи литературы, ея задачъ и матеріала, — мы попробуемъ прослѣдить, какимъ путемъ шли историко-литературныя изученія, и какъ исторически сложилось понятіе нашей науки, выдѣлившейся изъ „филологіи“.

§ 5. Культура новыхъ европейскихъ народовъ тѣсно связана съ культурой древнихъ грековъ и римлянъ. Не смотря на вѣка варварства, отдѣляющіе эпоху Ренессанса отъ цвѣтущаго періода древней литературы и науки, остатки ея не затерялись безслѣдно и были тѣмъ зерномъ, изъ котораго выросли новыя знанія, новая обширная поэтическая и научная литература. Вотъ почему мы обратимся теперь къ этой античной древности и въ ней постараемся разглядѣть начатки тѣхъ пріемовъ изученія памятниковъ поэтическаго творчества, которые позже были усвоены и развиты европейской наукой и литературной критикой. Уже

со времени Писистрата (560—521 г.г. до Р. Х.) въ Греціи обнаруживается интересъ къ собиранію историко-литературнаго матеріала. Правда, жизнь творила новое и вызывала къ этому новому далеко не „историческое“ отношеніе (напр., шутки Аристофана въ „Лягушкахъ“ надъ трагедіями Эврипида, которыя онъ высмѣиваетъ сравнительно съ Эсхиломъ и Софокломъ). Но параллельно двигались работы научнаго систематическаго характера. Какъ и слѣдовало ожидать, „историко-литературныя занятія въ Греціи начинаются съ заботъ о приведеніи въ наличность древнѣйшихъ и популярнѣйшихъ произведеній поэтическаго творчества и о сохраненіи ихъ отъ гибели, порчи и всякихъ искаженій, столь возможныхъ въ тѣ времена, когда средства закрѣпленія и репродукціи поэтическихъ текстовъ вообще были крайне ненадежны и несовершенны“ [1]). Аѳиней и Авлъ Гелліи указываютъ, что при Писистратѣ въ Аѳинахъ была библіотека, захваченная персами при ихъ нашествіи. Только при наличности библіотеки могъ быть составленъ комиссіей четырехъ съ Ономакритомъ во главѣ ходячій текстъ Гомеровскихъ поэмъ.

Есть извѣстія о существованіи въ V вѣкѣ библіотекъ у частныхъ лицъ; древніе авторы сообщаютъ, что очень большая библіотека была у поэта Эврипида; а въ IV ст. Аристотель владѣлъ такимъ книжнымъ богатствомъ, что географъ Страбонъ считаетъ его не только первымъ собирателемъ книгъ, но и приписываетъ ему вліяніе на египетскихъ царей библіофиловъ [2]).

Первые опыты литературной критики связаны съ изученіемъ Гомера (первые гомерики): мы имѣемъ свѣдѣнія о существованіи опытовъ эстетической, нравственно-религіозной и грамматической критики уже въ VI и V в.в. до Р. Х. „Особенно оживляются историко-литературныя занятія въ Греціи съ половины V в., т. е. со временъ Перикла... Въ большихъ политическихъ центрахъ греческаго міра страсть къ чтенію овладѣла обществомъ съ такою силою, что обра-

---

[1]) Деревицкій. О началѣ историко-литературныхъ занятій въ древней Греціи, X, 1891 г., изд. 2-ое.

[2]) Малеинъ. Начало библіографіи въ Греціи и „Таблицы Каллимаха“, СПБ. 1892 г. стр., 4.

тила на себя вниманіе комедіи, не замедлившей осмѣять крайности этого благороднаго увлеченія [1]). Въ школахъ, домахъ, публичныхъ мѣстахъ литературныя темы начали составлять любимый предметъ обсужденія и споровъ. Появились страстные книгособиратели, настоящіе библіоманы" [2]).

Ко времени пелопонесской войны слѣдуетъ отнести первую попытку общаго компендіума исторіи греческой литературы, принадлежащую перу нѣкоего Главка или Главкона („περὶ ποιητῶν", или „περὶ τῶν ἀρχαίων ποιητῶν καὶ μουσικῶν", или „ἀναγραφὴ ὑπερ τῶν αρχαίων ποιητῶν"). Нѣчто въ томъ же родѣ составилъ Дамастъ изъ Сигея („περὶ ποιητῶν καὶ σοφιστῶν"), а Критій составилъ въ гекзаметрахъ нѣчто вродѣ критическаго обозрѣнія греческой поэзіи [3]). Можно назвать и еще нѣсколько представителей литературныхъ интересовъ древней Греціи, но это будутъ лишь имена: труды ихъ до насъ не дошли.

Съ Аристотеля начинается новый періодъ въ литературныхъ занятіяхъ древнихъ грековъ. Его труды: „Піитика" („περὶ τῆς ποιητικῆς") и „Реторика" („περὶ τῆς ῥητορικῆς")—не сырой матеріалъ библіографическаго характера, а теоретическія сочиненія, стремящіяся использовать громадный, накопленный вѣками, матеріалъ. Въ своемъ трактатѣ о поэзіи Аристотель интересуется историческими вопросами: судьбою и происхожденіемъ греческой драмы, отношеніемъ драмы къ эпосу, свойствами драматическаго произведенія и т. п. Аристотель первый разграничилъ въ поэтическомъ творчествѣ содержаніе и форму, „что" выражено и „какъ" [4]). Въ „Реторикѣ" Аристотель анализируетъ пріемы творчества, стиль преимущественно прозаическихъ авторовъ (см. переводъ Н. Платоновой). Идеи Аристотеля позже были усвоены римскими писателями, Гораціемъ и Квинтиліаномъ, и своеобразно ими переработаны съ „школьными" назидательными цѣлями. Въ древне-греческой же школѣ Гомеръ изучался не только со стороны грамматической. Философы,

---

[1]) Аристофанъ, „Лягушки", стр. 1109 и сл.

[2]) Деревицкій, стр. 9—10.

[3]) Деревицкій, стр. 12—13.

[4]) Ср. Евлаховъ, стр. 304 и „περὶ τῆς ποιητικῆς", переводъ Аппельрота.

ученые занимались не только объясненіемъ значенія отдѣльныхъ мѣстъ, но и оцѣнкой поэмъ съ точки зрѣнія логики и морали, а также условныхъ понятій о прекрасномъ. Эти замѣчанія уже являются зачатками эстетической критики, подобными тѣмъ, которыя мы находимъ въ „Лягушкахъ“ Аристофана.

Въ III вѣкѣ центромъ греческой образованности является Александрія и основанная Птолемеями громадная библіотека. Ея хранители, ученые спеціалисты по части литературы, библіографіи и по другимъ областямъ знанія, становятся неизбѣжно первыми каталогизаторами, библіографами и вмѣстѣ съ тѣмъ критиками поэтическихъ произведеній античнаго міра. Таковы были: Зенодотъ, Каллимахъ, Эратостенъ, Аполлоній родосскій, Аристофанъ византійскій и Аристархъ, вошедшій въ пословицу. „Самымъ блестящимъ свѣтиломъ древней филологіи былъ безспорно Аристархъ... Онъ не позволялъ себѣ помѣщать своихъ конъектуръ въ текстѣ и отмѣчалъ ихъ особо“. Аристархъ придерживался твердо правила: для объясненія Гомера пользоваться только самимъ Гомеромъ, изучая его за то во всѣхъ мелочахъ и какъ можно тщательнѣе. Его опредѣленія неподлинныхъ мѣстъ порою слишкомъ преувеличены, но въ общемъ имѣютъ основаніе [1]). При Птолемеѣ II Филадельфѣ была отдѣлена подъ библіотеку часть дворца въ кварталѣ Брухіумъ. Списки покупались и заказывались повсюду. Ко времени Цезаря количество свитковъ въ библіотекѣ достигало до 700 тысячъ [2]).

Необходимость упорядочить эти богатства повлекла за собою рядъ работъ. Такъ, извѣстно, что Александръ привелъ въ порядокъ трагическія произведенія, а Ликофронъ— комическія [3]). Но тутъ библіотекари наталкивались на рядъ трудностей. Во-первыхъ, при громадной плодовитости греческихъ писателей легко можно было запутаться въ ихъ трудахъ; во-вторыхъ, многія произведенія сдѣлались анонимными, частью по волѣ автора, частью по небрежности писца, продавца, наконецъ, покупателя, которому былъ

---

[1]) См. Б л а с с ъ, Hermeneutik und Kritik, перев. Воеводскаго, стр. 7—8.

[2]) Д е р е в и ц к і й, стр. 55.

[3]) М а л е и н ъ, стр. 6.

вполнѣ безразличенъ авторъ, а важно само произведеніе [1]). Въ третьихъ, были авторы, которые, какъ и теперь, пользовались псевдонимами: извѣстный гимназистамъ „Анабазисъ“ Ксенофонта былъ выпущенъ отъ лица какого-то Θемистогена Сиракузскаго [1]), а комикъ Аристофанъ поставилъ на сцену свои первыя три пьесы подъ именами своихъ друзей Филонида и Каллистрата [2]). Въ четвертыхъ, надо принять во вниманіе случаи плагіата и подлога [3]).

Въ итогѣ получилась путаница: одно произведеніе ходило подъ нѣсколькими именами, приписывалось нѣсколькимъ авторамъ; насчитывали и массу авторовъ, носившихъ одно имя: такъ, одно время насчитывали 3 Софокла, 4 Ксенофонта и т. д. Что касается біографій, то здѣсь путаница достигла геркулесовыхъ столповъ: напр., Сапфо оказывалась дочерью 8 отцовъ. Самые тексты литературныхъ произведеній, зачастую переписанные ремесленниками—писцами, были не всегда исправны и требовали исправленія и согласованія съ другими. Отсюда ясно, къ чему должны были прійти александрійскіе ученые филологи, и на чемъ неизбѣжно сосредоточились ихъ литературныя занятія: 1) на критикѣ текста памятниковъ и 2) на каталогизаціи и распредѣленіи извѣстныхъ произведеній литературы. Кромѣ того, у Александрійцевъ грамматикъ долженъ былъ не только исправить данную рукопись и объяснить, но и оцѣнить ее съ художественной стороны [4]).

Александрійскіе ученые не могли не чувствовать чисто эмпирически ошибокъ у поэтовъ: то употребленіе неподходящаго слова, то грамматической формы, то неправильность метра—выдавали испорченныя мѣста. Путемъ простой перестановки словъ Сосибій устранилъ нѣкоторыя трудности изъ текста Иліады. Аристархъ и Зоилъ заподазривали отдѣльныя мѣста поэтовъ, исходя изъ эстетическихъ принциповъ оцѣнки. Другіе задумывались, произвольно ли творчество или подчинено опредѣленной послѣдовательности и закономѣрности. Во всеоружіи формальнаго знанія язы-

---

[1]) Малеинъ, стр. 6.

[2]) Малеинъ, стр. 6.

[3]) Деревицкій, стр 141.

[4]) Блассъ, стр. 4—6.

ка, громадныхъ историческихъ и антикварныхъ знаній, эти ученые много разъ провѣрили тексты Гомера, Гезіода, главнѣйшихъ трагиковъ, комиковъ и лириковъ. Каково было ихъ трудолюбіе, указываетъ хотя бы тотъ примѣръ, что Аристарху приписывалось до 800 свитковъ однихъ комментаріевъ, не считая самостоятельныхъ монографій по разнымъ литературнымъ вопросамъ. Онъ оставилъ 40 учениковъ, продолжавшихъ его дѣло [2]).

Въ области каталогизаціи памятниковъ литературы видное мѣсто принадлежитъ Каллимаху (III в.), котораго называютъ отцомъ библіографіи. Поэтъ и ученый, онъ, завѣдуя Александрійской библіотекой, повидимому, болѣе преслѣдовалъ историко-литературныя, нежели статистическія задачи Его трудъ, конечно, далекъ отъ литературно-библіографическаго идеала, но и по своей громадности, и по пріемамъ систематизаціи онъ является замѣчательнымъ фактомъ исторіи литературныхъ изученій III в.

Каллимахъ былъ, по свидѣтельству схолій, еще молодымъ человѣкомъ, когда Филадельфъ поручилъ ему завѣдываніе Александрійской библіотекой, и, безъ сомнѣнія, онъ могъ въ натурѣ познакомиться съ массой зарегистрованнаго имъ матеріала, уже пересмотрѣннаго Зенодотомъ и его товарищами. Каллимахъ обладалъ изумительной начитанностью, большимъ литературнымъ опытомъ, и не было предмета, о которомъ онъ не писалъ бы стихами или прозою. Продолжительныя занятія въ библіотекѣ, съ составомъ которой онъ былъ хорошо знакомъ, дали ему возможность пользоваться подготовительными работами предшественниковъ и помощью учениковъ [1]). Трудъ его назывался „πίνακες τῶν ἐν πάσῃ παιδείᾳ διαλαμψάντων καὶ ὧν συνέγραψαν ἐν βιβλίαις κ' καί ρ'," (Свида) или — „πίναξ τῶν κατὰ χρόνους καὶ ἀπ' ἀρχῆς γενομένων διδασκάλων (τραγῳδιῶν κωμῳδιῶν, διθυράμβων). — Изъ этого произведенія дошли только фрагменты; есть о немъ упоминанія у современныхъ писателей, откуда мы можемъ узнать, что указатель Каллимаха распадался на пять отдѣловъ: первый заключалъ въ себѣ свѣдѣнія о поэтахъ, второй—о законодателяхъ, третій—объ историкахъ, четвертый—о риторахъ, пятый—все

[1]) Деревицкій, стр. 82—83.

[2]) Деревицкій, стр. 153.

прочее, подъ общимъ заглавіемъ „παντοδαπά“—всячина. Всѣ дошедшіе до насъ фрагменты „Таблицъ“ Каллимаха относятся исключительно къ литературѣ и наукѣ. Останавливаясь болѣе детально на планѣ „Таблицъ“, можно приблизительно его опредѣлить такъ: „Каллимахъ приводилъ начальныя слова всякаго сочиненія, отмѣчалъ кратко, если кому приписывалось извѣстное сочиненіе несправедливо: если было неизвѣстно имя автора, то онъ старался возстановить его; если сочиненіе не имѣло заглавія, то онъ сочинялъ его самъ; если заглавій у сочиненія было нѣсколько, то онъ высказывалъ свое мнѣніе за большую вѣроятность одного изъ нихъ. Объемъ книги онъ измѣрялъ строками“. (У древнихъ „книга“ поэтическаго произведенія считалась приблизительно—1000 строкъ, прозаическаго—1500—2000 строкъ [1]). Сочиненія онъ классифицировалъ κατ' εἴδη—по видамъ.

По смерти Каллимаха продолжателями его библіографическихъ трудовъ явились его преемники: Аристофанъ византійскій, Ермиппъ, причемъ послѣднему принадлежитъ недошедшій до насъ трудъ (извѣстны фрагменты) „Βίοι“, т. е. жизнеописанія мудрецовъ, риторовъ и т. д. Такъ трудились ученые александрійской библіотеки, пролагая путь къ созданію новой науки. Вопросы объ обработкѣ историко-литературнаго матеріала также интересовали александрійскихъ грамматиковъ. Уже „Лукіанъ, хотя и требовалъ, чтобы историкъ обладалъ даромъ художественнаго повѣствованія, однако, отмѣтилъ—въ „Πῶς δεῖ ἱστορίαν συγγράφειν“ [2]), „что цѣли поэзіи и исторіи различны; поэзія не связана съ дѣйствительностью, исторія, напротивъ, имѣетъ въ виду „полезное, добываемое изъ истины“, и, строго говоря, не нуждается въ вымышленныхъ украшеніяхъ“ [3]).

Римскіе грамматики явились довольно поздно: около I в. до Р. Х. „Критической обработкой древнихъ и новыхъ текстовъ прославился М. Валерій Пробъ изъ Берита въ срединѣ I в. по Р. Х. Онъ снабдилъ критическими знаками текстъ Вергилія, который сохранился отчасти въ Медицейской рукописи“. Къ этому времени у римлянъ явилось уже

---

[1]) Малеинъ, стр. 8.

[2]) Ed. Fritzschius, 1860, § 8, стр. 42.

[3]) Л.-Данилевскій, Методологія исторіи, I, стр. 19.

немало любителей литературы, интересовавшихся также филологическими пріемами изученія ея и оцѣнки [1]). Въ Римѣ историко-литературныя занятія были связаны со школой по преимуществу. Идя всюду за своими учителями, греками,—римскіе писатели подражали имъ, какъ умѣли. То же было и въ области литературной теоріи и критики. Мы скажемъ лишь два слова о крупнѣйшихъ явленіяхъ: о Горація и Квинтиліанѣ.

Горацій (I в. до Р. Х.) въ своемъ стихотворномъ трудѣ „De arte poëtica“ (посланіе ad Pisones) не столь выдвигаетъ теоретическія положенія, важныя сами по себѣ, сколько практически полезныя правила. Наглядно демонстрируетъ онъ, къ какимъ нелѣпостямъ приводитъ несоблюденіе хорошаго тона въ поэзіи. Онъ опредѣляетъ „цѣль“ поэта: „aut prodesse volunt, aut delectare poëtae“; тотъ хорошій поэтъ, „qui miscuit utile dulci“—и этимъ надолго вносить утилитарный характеръ въ трактованіе задачъ литературнаго художественнаго творчества. Свои правила онъ извлекъ изъ своеобразно понятаго Аристотеля, переводя на обыденную рѣчь философскія соображенія перваго теоретика литературы. Квинтиліанъ (I в. по Р. Х.)—преслѣдуетъ тѣ же практическія цѣли—въ области прозаической литературы. Долгое время, будучи адвокатомъ и учителемъ краснорѣчія, онъ въ сочиненіяхъ „Institutiones oratoriae“ (въ 12 кн.) и „De causis corruptae eloquentiae“ изложилъ итоги своихъ литературныхъ и, главнымъ образомъ, педагогическихъ наблюденій по настойчивому требованію издателя-книгопродавца Трифона. Ораторъ, по мнѣнію Квинтиліана, долженъ быть vir bonus, обладая не только даромъ слова, но и хорошими душевными качествами. 1—2 книги Institutionum излагаютъ взгляды Квинтиліана на воспитаніе будущаго оратора въ семьѣ и въ школѣ. Слѣдующія книги трактуютъ: объ изобрѣтеніи и расположеніи содержанія рѣчи, о выраженіи мысли въ словахъ, о произношеніи; въ послѣдней—совѣты будущему оратору объ образѣ жизни. Для насъ наиболѣе важной частью труда Квинтиліана является первая глава X книги, гдѣ авторъ перечисляетъ и разсматриваетъ извѣст-

---

[1]) Бласс ъ, стр. 12.

ныхъ ему греческихъ и римскихъ прозаиковъ и поэтовъ, важныхъ для образованія [1]).

§ 6. Дѣятельность александрійскихъ ученыхъ и ихъ римскихъ подражателей нашла себѣ, спустя много вѣковъ, продолженіе у византійцевъ и средневѣковыхъ ученыхъ Западной Европы. Понятія объ „исторіи литературы", какъ о наукѣ, не суждено, однако, было выработать и этимъ труженикамъ; но въ ихъ трудахъ медленно пробивается путь отъ библіографіи и біографіи—къ исторіи.

Въ Восточной Римской имперіи вліяніе христіанства было неособенно полезно для процвѣтанія литературныхъ изученій; свѣтская языческая литература съ одной стороны была предметомъ отвращенія, гоненій для восторжествовавшихъ надъ язычествомъ христіанъ; съ другой—она уже переставала интересовать религіозно настроенныхъ людей, видѣвшихъ въ античной поэзіи нѣчто грѣховное. Вслѣдствіе этого, замкнувшійся въ сферѣ религіозныхъ интересовъ кругъ ученыхъ интересовъ все болѣе суживался. Литературныя сокровища античнаго міра исчезали съ горизонта вмѣстѣ съ перемѣною отношенія къ нимъ господствующихъ классовъ общества. Только въ первую эпоху христіанства чувствуется въ трудахъ нѣкоторыхъ христіанскихъ ученыхъ дыханіе филологическихъ интересовъ—и то со спеціальной точки зрѣнія. Надо отмѣтить довольно усердныя филологическія изученія нѣкоторыхъ византійскихъ христіанскихъ писателей и отцовъ церкви, использовавшихъ для христіанскихъ религіозныхъ цѣлей опытъ своихъ языческихъ предшественниковъ—греческихъ филологовъ. Такъ, извѣстно, что Оригену (182—251 г. г.) принадлежитъ колоссальный трудъ,—его „ἑξαπλᾶ" и „τετραπλᾶ γράμματα", написанный съ полнымъ соблюденіемъ пріемовъ, выработанныхъ античной филологіей. Въ этомъ трудѣ Оригенъ „наглядно показываетъ отношеніе перевода семидесяти толковниковъ къ еврейскому подлиннику и даетъ критическое пособіе къ научному экзегезису и полемикѣ съ іудействомъ". Здѣсь различныя версіи Ветхаго Завѣта были сопоставлены Оригеномъ въ шести таблицахъ въ слѣдующемъ порядкѣ: ев-

[1]) Модестовъ; см. Jullien, Les professeurs de litérature dans l'ancienne Rome, Paris, 1885 г.

рейскій текстъ, переводы Акилы и Симмаха, 70-ти, Θеодотіона. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ къ этимъ переводамъ присоединялся 5-й и даже шестой —анонимные [1])... Сокращеніемъ екзаплъ являются тетраплы. Здѣсь содержится только четыре греческихъ перевода безъ перваго и второго столбца еврейскаго текста. Разногласіе рукописей семидесяти Оригенъ исправлялъ и примирялъ путемъ сравненія съ другими переводами. Все излишнее въ переводѣ семидесяти сравнительно съ еврейскимъ текстомъ Оригенъ отмѣчалъ оболомъ ∞; все, внесенное въ переводѣ семидесяти, соотвѣтствующее еврейскимъ текстамъ изъ другихъ переводовъ, отмѣчалось звѣздочкой * [2]). Не чуждъ Оригенъ и болѣе смѣлой критики: напримѣръ, въ письмѣ къ Юлію Африкану онъ доказываетъ подлинность тѣхъ частей версіи книги пр. Даніила, которыя не содержатся въ еврейскомъ текстѣ (исторія Сусанны, разсказъ о Вилѣ). Такимъ образомъ, филологія сразу не замираетъ на Востокѣ, только предметомъ изученія являются не свѣтскіе поэтическіе памятники, а Священное Писаніе. Но параллельно съ этимъ интересъ къ античной литературѣ не исчезаетъ окончательно. Гезихій, александрійскій грамматикъ, къ IV в. по Р. Х. составилъ греческій словарь, заключающій много историко-литературнаго и археологическаго матеріала, который безъ него былъ бы неизвѣстенъ наукѣ. Подъ именемъ второго Гезихія скрывается лѣтописецъ VI в., авторъ „ὀνοματικον'а, заключающаго жизнеописанія знаменитыхъ мужей. Третій Гезихій — египтянинъ — (нач. IV в. — можетъ быть, лицо, тожественное съ Гезихіемъ александрійскимъ)—родоначальникъ критики библейскаго текста. Въ трудахъ этихъ, едва ли принадлежащихъ одному лишь дѣйствительному Гезихію, сказывается продолженіе традицій александрійскихъ ученыхъ.

Изъ восточныхъ, византійскихъ трудовъ, показывающихъ, что интересъ къ свѣтской литературѣ не совсѣмъ замеръ въ Византіи послѣ паденія Римской имперіи, замѣчательно сочиненіе „Μυριόβιβλον“ патр. Фотія, выдающагося церковнаго и литературнаго дѣятеля IX вѣка. Его трудъ—

---

[1]) См. Field, Origenis Hexaplarum etc. Oxonii, 1875.

[2]) Поповъ, Патристика, 1907—8 г., стр. 125.

не только библіографическій указатель, но и первый изъ извѣстныхъ намъ опытовъ литературной критики въ Византіи[1]). Понятіе о книгѣ даетъ ея предисловіе—письмо составителя къ брату Тарасію. Авторъ желалъ дать ему утѣшеніе въ разлукѣ и потому сообщаетъ содержаніе 285 книгъ, прочитанныхъ въ его отсутствіе, съ критическими замѣчаніями. Содержаніе книгъ иногда передается по памяти. Столь же случайно размѣщены пересказываемыя сочиненія. Конечно, читатель могъ бы пожелать большей систематичности, но авторъ очень спѣшитъ. Изъ того же предисловія видно, что у Фотія была богатая библіотека съ лекторіей. Авторъ, повидимому, былъ намѣренъ сообщить содержаніе 1000 томовъ, но не успѣлъ исполнить своего плана. Въ трудѣ Фотія пересказаны и рецензированы произведенія историческаго, литературнаго, богословскаго и т. д. содержанія. Въ общемъ—149 авторовъ, изъ коихъ 13 филологовъ и грамматиковъ, 3 автора метрикъ, 23 ритора, 19—церковныхъ историковъ, 32 историка свѣтскихъ, 16 врачей и философовъ, 54 богослова и только 5 беллетристовъ. Это процентное отношеніе поэзіи къ другимъ видамъ письменности весьма показательно для характеристики интересовъ образованнаго византійца. Изъ отзывовъ и пересказовъ Фотія для насъ наиболѣе важны именно отзывы о произведеніяхъ послѣдней группы. Приведемъ примѣры этихъ отзывовъ.

О романѣ Ахилла Тація „De rebus Leucippes et Clitophontis“ (8 книгъ) — читаемъ: „произведеніе драматическое: разсказъ о любви съ препятствіями. Замѣчательно выраженіемъ и композиціей. Авторъ при желаніи умѣетъ быть яснымъ и остроумно комбинировать. Слова, кромѣ того, выразительны, ясны, часто занимательны, при слушаніи—гармоничны. Но есть мѣста весьма безстыдныя, въ которыхъ, хотя мысль автора обнаруживается и весьма ясно, все же содержаніе отбиваетъ охоту у читателя читать. За исключеніемъ именъ дѣйствующихъ лицъ и этихъ неприличныхъ мѣстъ, повѣсть во многомъ походитъ и въ способахъ изложенія и въ композиціи—на романъ Геліодора“ (Aethiopica).

---

[1]) См. K. Krumbacher „Geschichte der byzantinischen Literatur“; „Φωτιου Μυριόβιβλον ἢ βιβλιοθήκη“ ed. Hoeschelius, latine vero reddit Andreas Schottus Antverpianus MDCLIII, 1653 года; экземпляръ есть въ К.-Печерской Лаврѣ.

Объ этомъ послѣднемъ романѣ Фотій въ свою очередь пишетъ такъ: „Читали Геліодоровы „Aethiopica“, драматическую поэму, написанную слогомъ, соотвѣтствующимъ содержанію. Она отличается простотою чувства и пріятнымъ изложеніемъ. Особливо ожиданіе или неожиданность представлены въ должной мѣрѣ; при этомъ часто среди тягчайшихъ невзгодъ и опасностей является спасеніе. Авторъ пользуется словами соотвѣтственно значенію и чистыми, а когда порою, какъ и требуется, — говоритъ образно, то образы его выразительны и вѣрно передаютъ основную мысль. Періоды соотвѣтствуютъ ходу разсказа и кое-гдѣ бываютъ кратки и сжаты. Наконецъ, композиція, какъ и все прочее, согласована съ самой темой, въ которой разсказывается про любовь мужа и жены, разлученныхъ несчастнымъ случаемъ и въ теченіе долгаго времени разнородныхъ приключеній сохраняющихъ взаимную вѣрность и, наконецъ, счастливо соединяющихся“. Въ концѣ рецензіи Фотій добавляетъ, что авторъ романа, Геліодоръ, былъ сыномъ Θеодосія, родомъ изъ финикійскаго города Аминда, и, написавши въ молодости свой романъ, позже былъ поставленъ христіанскимъ епископомъ. Позднѣйшій византійскій писатель Никифоръ сообщаетъ извѣстіе, что Геліодоръ предпочелъ отказаться отъ епископіи, когда христіане стали упрекать его за сочиненіе языческаго романа. Для окончательнаго выясненія пріемовъ и оцѣнокъ Фотія упомянемъ еще, что онъ посвятилъ Демосѳену большое изслѣдованіе [1]), въ которомъ разбираетъ 65 подлинныхъ рѣчей этого оратора древности. При этомъ разборъ тѣсно связанъ съ біографіей Демосѳена, которая въ свою очередь связывается съ исторіей упадка Аѳинской республики. Разсказывая по Дмитрію Магну о преслѣдованіяхъ Демосѳена Антипатромъ, Фотій передаетъ разные слухи о смерти Демосѳена, о прожитыхъ имъ годахъ, о его мудрыхъ изреченіяхъ, сообщаетъ даже анекдотъ объ ослѣ и тѣни его (аѳиняне не хотѣли слушать о дѣлѣ, но заинтересовались вопросомъ, кому принадлежитъ тѣнь осла). „Μυριοβιβλον“ Фотія важенъ для историка литературы одною своею стороной: на основаніи этого сочине-

[1]) Столб. 1466—1479.

нія трудолюбиваго византійца мы узнаемъ о репертуарѣ греческихъ литературныхъ памятниковъ, читавшихся въ IX в. Фотій, какъ патріархъ, не занимался поэзіей,—упоминанія его о свѣтскихъ произведеніяхъ пера—болѣе или менѣе случайны; его интересовало гораздо болѣе—богословіе. Тѣмъ не менѣе, у него мы находимъ и выписки изъ Ктесія, Θеопомпа и Гиперида.

Около середины X в. по Р. Х. появился монументальный лексиконъ Свиды, изумительный по проявленной авторомъ эрудиціи. Это не словарь—а сводъ всей учености тогдашней Византіи. Филологическія знанія здѣсь преобладаютъ. Особенно драгоцѣнны біографическія и историко-литературныя статьи, отчасти восполняющія многочисленные пробѣлы въ античной литературѣ. Біографическія и историко-литературныя статьи почерпнуты Свидой, главнымъ образомъ, изъ сокращенной передѣлки „ономатолога“ Гезихія Милетскаго. Идеаломъ автора было представить всѣ вѣка и всѣ роды литературы (см. изд. 1499 г., критич. изд. XIX вѣка).

Византійцы не сразу оставили сокровища античной греческой литературы: они читали и объясняли кое-что въ школѣ—именно „избранныя драмы Эсхила, Софокла и Эврипида, по 7 драмъ каждаго изъ нихъ. Впослѣдствіи кругъ еще болѣе сузился: изучали только по три драмы каждаго изъ этихъ трехъ трагиковъ и три комедіи Аристофана. Эти пьесы и дошли до насъ поэтому въ довольно большомъ количествѣ рукописей и снабжены самыми обильными схоліями“ [1]). Изъ произведеній Пиндара изучались только эпиникіи; тутъ трудились Θома Магистръ (кон. XIII в.), Димитрій Триклиній (кон. XIV в.); замѣняя талантъ прилежаніемъ, они, обладая малыми познаніями и сообразительностью, жадно „исправляли тексты поэтовъ, порою нелѣпо интерполируя ихъ. Особеннымъ усердіемъ отличались братья Цецесы (XII в.), пустившіе въ оборотъ не мало легендарнаго вздору“ [2]).

Судьба филологіи въ Западной Римской имперіи была нѣсколько иною: здѣсь варварство было проявлено рѣзче;

[1]) Блассъ, стр. 15.

[2]) Блассъ, стр. 15.

единственными убѣжищами для науки были монастыри. Даже въ Италіи плохо знали и понимали латинскихъ классиковъ къ XI—XII вѣку. Даже Данте—не вездѣ понималъ текстъ Вергилія, котораго избралъ въ свои путеводители [1]). Естественно, что и въ области болѣе глубокихъ литературныхъ изученій было также не совсѣмъ благополучно. Теологія поглотила и здѣсь вниманіе сколько-нибудь образованныхъ людей, пожалуй, еще болѣе, чѣмъ въ Византіи. Древніе авторы были окончательно забыты. Средніе вѣка въ Западной Европѣ не оставили намъ такихъ трудовъ въ области литературныхъ изученій, которые могли бы подвинуть впередъ науку. О характерѣ средневѣковыхъ работъ въ интересующей насъ области даютъ понятіе хотя бы слѣдующіе образцы. Отъ половины XII вѣка дошелъ до насъ небольшой латинскій трактатъ „Dialogus super auctores sive didascalion“ монаха Conradi Hirsaugiensis (hsgg. v. d-r. G. Schepps. Würzb. 1889): это нѣчто вродѣ путеводителя среди книгъ монастырской библіотеки, или руководства для учащихся въ монастырской школѣ. Историко-литературныя замѣчанія—очень наивны. Начинается рѣчь съ учебника грамматики Доната, затѣмъ—идетъ Катонъ, не древній римскій моралистъ, а анонимный авторъ моральныхъ изреченій (Dicta Catonis), популярный въ средневѣковой школѣ. Далѣе идутъ отзывы объ Эзопѣ, Авіанѣ, о христіанскихъ поэтахъ: Седуліи, Ювенкѣ, Просперѣ, Ѳеодулѣ, Араторѣ, Пруденціи; на концѣ снова объ античныхъ писателяхъ: здѣсь характеризуются кратко Цицеронъ, Горацій, Саллюстій, Луканъ, Ювеналъ, Гомеръ, Персій, Стацій, Вергилій. Свѣдѣнія сообщаются безъ всякой системы; они школьно-традиціонны и порою противорѣчивы. Для характеристики этого труда приводимъ примѣры: „Гомеръ (о которомъ Конрадъ, видимо, ничего не зналъ и котораго, конечно, не читалъ) былъ грекъ, поэтъ, написалъ книгу о разрушеніи Трои, по десятилѣтней осадѣ, съ намѣреніемъ возвеличить грековъ и унизить, опозорить троянцевъ. Сочинилъ онъ и меньшую книгу, которая называется „Малый Гомеръ“, гдѣ особенно восхваляетъ храбрость Ахилла“. Кончается замѣтка о Гомерѣ такою явною нелѣпостью: „Пиндаръ, славный фило-

[1]) Бласс ъ, стр. 15.

софъ, перевелъ Гомера на латинскій языкъ". Наконецъ, въ заключеніе—цитата изъ Іеронима и извѣстное Гораціевское (изъ „De arte"...) оправданіе: „Quandoque bonus dormitat Homerus".

Французскому монаху Гелинанду, жившему при Филиппѣ Августѣ († 1237 г.), принадлежитъ идея присоединить къ изложенію историческихъ событій въ его „Всемірной хроникѣ" историко-литературныхъ произведеній, извѣстныхъ въ средніе вѣка, и свѣдѣнія объ ихъ авторахъ [1]).

Въ XIII вѣкѣ было составлено Винцентомъ изъ Бове († 1264) „Speculum historiale". Здѣсь мы находимъ рядъ біографій, между прочимъ и — писателей и свѣдѣнія о ихъ сочиненіяхъ, исключительно на латинскомъ, греческомъ и еврейскомъ языкахъ. Нѣсколько позже Вальтеръ Бурлей, жившій въ концѣ XIV в. и въ началѣ XV в., составилъ на латинскомъ языкѣ сборникъ свѣдѣній о „жизни, нравахъ, словахъ и дѣлахъ древнихъ поэтовъ и философовъ" [2]).

Свѣдѣнія, собранныя Винцентомъ и Вальтеромъ, носятъ иногда такой же анекдотическій характеръ, какъ и у Конрада; ибо представленія объ исторіи, какъ о наукѣ, и объ исторіи литературы въ частности — не существовало; и составители и читатели подобныхъ трудовъ, лишенные вкуса къ критикѣ, — искали, главнымъ образомъ, занимательнаго чтенія и назидательности. Къ тому же надо добавить—масса литературныхъ памятниковъ древности была неизвѣстна средневѣковому Западу, забыта весьма основательно. Интересъ къ нимъ не пробудился, а критическая мысль спала, царило понятіе объ учености, какъ о накопленіи фактическихъ знаній и согласованіи ихъ съ доктриною Церкви.

Конечно, слѣдуетъ оговориться: въ Италіи интересъ къ древнему классическому міру и его литературнымъ дѣятелямъ никогда не исчезалъ. Въ теченіе среднихъ вѣковъ латинскій литературный языкъ сохранялъ свое значеніе и преподавался не только въ церковныхъ школахъ, но и въ частныхъ. Примѣры этого собраны въ достаточномъ коли-

---

[1]) Дашкевичъ, Постепенное развитіе исторіи литературы и современныя ея задачи, Кіевск. Унив. Изв. 1877 г., кн. X, стр. 724.

[2]) Сухомлиновъ. О трудахъ по исторіи русской литературы Ж. М. Н. Пр. 1871 г., авг., стр. 140.

чествѣ въ книгѣ Монье [1]). И вмѣстѣ съ языкомъ классическаго міра — распространялись и книги древнихъ, о чемъ есть упоминанія съ X вѣка [2]). Въ Италіи все было связано съ воспоминаніями о древности. „Возрожденіе было не столько открытіемъ вновь латинской классической традиціи, сколько освѣженіемъ ея, потому что втеченіе среднихъ вѣковъ классическій міръ былъ такъ своеобразно понимаемъ, такъ ассимилировался съ варварскимъ невѣжествомъ, что пониманіе его—стало совершенно своеобразнымъ". „Онъ вышелъ изъ среднихъ вѣковъ измѣненнымъ и обезображеннымъ, почти искаженнымъ, обремененнымъ въ такой степени осадками, до того заросшимъ чужеядной растительностью, что его болѣе не узнать" [3]). Примѣры того, какъ себѣ представляли, напримѣръ, древнихъ боговъ монахи, списывавшіе „ad laudem et gloriam beatae Virginis Mariae"—„Ars amandi" Овидія, таковы: „Юпитеръ — король Крита. Уранъ—внукъ Немврода. Венера—королева кипрская; она такъ прекрасна, что всякій, кто её видитъ, влюбляется въ неё; послѣ своей смерти она обоготворяется и считается богинею любви. Аполлонъ рожденъ на Делосѣ; онъ астрологъ, наблюдаетъ за движеніемъ Солнца; какъ богъ, онъ живетъ на четвертой планетѣ. Тезей — герцогъ аѳинскій. Въ Аѳинахъ есть университетъ. Александръ Великій спускается въ стеклянной клѣткѣ на дно океана и пытается войти въ рай. Неронъ родитъ лягушку... Сократъ родился въ Римѣ и женился на дочери императора Клавдія. Платонъ—одинъ изъ самыхъ величайшихъ медиковъ древности... Аристотель—влюбленный, о приключеніяхъ котораго много разсказываютъ. Цицеронъ — учитель и изобрѣтатель великой науки — реторики; превосходный кавалеръ, храбрый, одаренный здравымъ смысломъ; фонтанъ, который носитъ его имя, возлѣ Пуццоли,—излѣчиваетъ болѣзни глазъ. Марціалъ — поваръ. Саллюстій имѣетъ степень доктора... Вергилій—признанный волшебникъ, очищаетъ Неаполь отъ мухъ, мошекъ, пьявокъ, кузнечиковъ и змѣй, которые приводили городъ въ отчаяніе

---

[1]) Опытъ литературной исторіи Италіи въ XV вѣкѣ. СПБ. 1904, стр. 83 и сл.

[2]) Тамъ-же, стр. 84.

[3]) Монье, стр. 85.

и т. п. Имя „Овидій“ дано поэту за то, что у него круглое лицо, какъ яйцо (ovum); имя „Назонъ“ — за то, что у него былъ большой носъ, или, по мнѣнію другихъ, за то, что Овидій хотѣлъ обонять и знать все на свѣтѣ, а извѣстно, что носомъ мы все обоняемъ“ [1])... „Знаній“—о древнихъ писателяхъ, философахъ, ученыхъ—было немало, но они были анекдотичны и отвѣчали не столь требованіямъ исторической достовѣрности, сколь духу времени. Отсутствіе критичности въ выборѣ извѣстій—характеризуетъ средневѣковыхъ любителей „учености“. Господствовала слѣпая вѣра въ авторитетъ написаннаго. Народная литература на живыхъ языкахъ не встрѣчала ни уваженія, ни сочувствія среди средневѣковыхъ ученыхъ, считавшихъ занятіе ею ниже своего достоинства. Литературныя изученія—замерли, Литература, какъ искусство, была забыта. Филологія впала въ летаргію.

§ 7. Моментъ возрожденія творческой дѣятельности человѣческаго ума насталъ въ ту пору, когда въ средневѣковомъ обществѣ, въ болѣе образованныхъ слояхъ его, получилъ преобладаніе интересъ къ земной жизни, а не небесной. Отсюда—естественный интересъ къ наукѣ и искусству. Отъ среднихъ вѣковъ (до XIV—XV в.) сравнительно съ множествомъ житій святыхъ осталось лишь немного реалистическихъ біографій, изъ которыхъ большая часть является жизнеописаніемъ духовныхъ особъ. Но уже эпоха ранняго Возрожденія внесла оживленіе въ область историко-литературныхъ изученій. Въ Италіи обновляется интересъ къ древности и къ греческой и латинской литературѣ античнаго періода. Отъ изученія памятниковъ древней литературы обращаются и къ родной, итальянской. Эта эпоха характеризуется, между прочимъ, усиленнымъ писательствомъ съ одной стороны и возрастаніемъ уваженія къ этому труду—съ другой. Кола ди Ріенцо былъ освобожденъ своими политическими врагами, ибо онъ былъ поэтъ. Старый слѣпой учитель прошелъ пѣшкомъ всю Италію, чтобы прикоснуться къ первому гуманисту (Петраркѣ). Масса поклонниковъ—то устраивали ему овоціи, то дѣлали выговоры за недостаточное уваженіе къ Цицерону [2]). Какъ показалъ Коре-

[1]) Монье, стр. 86—87.

[2]) Корелинъ, стр. 581—582.

линъ, „гуманистическое движеніе, кореннымъ образомъ измѣнившее всѣ стороны духовной жизни, выражалось преимущественно въ произведеніяхъ философскаго, научнаго и литературнаго содержанія“ [1]). Добавимъ къ этому: какъ итогъ развившагося индивидуализма, выступилъ на первый планъ человѣкъ, человѣческая личность со всѣми ея свойствами. Въ связи съ этимъ и въ области литературныхъ изученій должно было проявиться своеобразное оживленіе: возникъ интересъ къ біографіи, интересъ къ собиранію произведеній древнихъ писателей и къ изданію ихъ. Минуя панегирическія біографіи современныхъ властителей, которыхъ стремились прославить небезкорыстные представители гуманизма, назовемъ хотя бы „Vitae virorum illustrium“ Петрарки (1304—1374 г.г.), гдѣ впервые наблюдается необычная для среднихъ вѣковъ—историческая критика, хотя и весьма примитивная. Какъ типичный индивидуалистъ, Петрарка представляетъ себѣ исторію—аггрегатомъ біографій. Въ другомъ трудѣ Петрарки „De rebus memorandis libri IV“ (изложеніе по предметамъ: „о досугѣ“, „объ учености“ и т. п.) интересны главы о древнихъ писателяхъ и философахъ (Пиѳагоръ, Аристотель, Платонъ).

Въ 1340 годахъ трудился Гуліельмо да Пастренго, авторъ книги „De viris illustribus“ (и „De originibus rerum“), носящей полу-средневѣковый характеръ. Это—алфавитный перечень писателей всѣхъ временъ и народовъ, но авторъ въ своихъ краткихъ извѣстіяхъ почерпаетъ отчасти матеріалъ изъ классическихъ писателей [2]).

Антоніо дельи Альберти (1358—1415 г.г.), подражая Петраркѣ, пишетъ „Historiae illustrium virorum“. Джованни Боккачо пишетъ „De claris mulieribus“, полу-серьезное, полу-шуточное подражаніе не то Валерію Максиму, не то своему же Декамерону.

Въ XV вѣкѣ появляются біографіи ученыхъ; таково, напр., сочиненіе Бартоломео Фаціо „De viris illustribus“, или нѣсколько позже съ тѣмъ же заглавіемъ сочиненіе папы Пія II (гуманиста Энея Сильвія Пикколомини).

Паоло Кортезе (1465—1518 г.г.) пишетъ трактатъ „De ho-

---

[1]) Ibid, стр. 174.

[2]) Корелинъ, стр. 920.

minibus doctis“, гдѣ разбираются труды латинистовъ, его предшественниковъ [1]). Въ томъ же XV в. Джанаццо Манетти составляетъ трактатъ „о достоинствѣ человѣка“ и пишетъ біографіи „знаменитыхъ старцевъ“ (1459 г.), служащія продолженіемъ „знаменитыхъ мужей“ Петрарки и „знаменитыхъ женщинъ“ Боккачо [2]).

Возникаетъ литература біографій самихъ писателей гуманистовъ, творцовъ Ренессанса: біографію Петрарки еще при жизни его пишетъ Боккачо, позже Пьетро да Кастеллетто, Доминико-ди Бандино Аретино, Колюччо Салютати; въ концѣ XIV и въ началѣ XV вѣка являются біографіи, принадлежащія перу Виллани, Пьетро Паоло Верджеріо; въ XV в.—Сикко Полентоне, Леонардо Бруни Аретино и мн. др. Съ XVI в.—обнаруживается побѣда литературно-эстетическаго направленія, достигающаго своего апогея [3]).

Не забываются и классическіе поэты древняго Рима: еще въ XV в. Пьетро Кринито пишетъ 5 книгъ „De poetis latinis“ (напеч. въ Ліонѣ, 1575 г.), гдѣ излагаются біографіи поэтовъ отъ Ливія Андроника до Сидонія Аполлинарія; это своего рода очеркъ литературной исторіи древней латинской поэзіи [4]).

Слѣдуетъ отмѣтить также появленіе на народномъ, итальянскомъ, а не на ученомъ латинскомъ языкѣ книги Веспасіана да Бистиччи (1421—1498 г.г.) „Vite di uomini illustri“, изложенной наивно, безыскусственно, но съ теплотой и живостью очевидца.

Характерно для этой эпохи и самое отношеніе къ литературѣ. Леонардо Бруни (р. 1369 г.) въ книгѣ „De studiis et litteris“ (изд. только въ 1642 г.), повторяя отчасти Квинтиліана, предлагаетъ программу самообразованія: необходимѣе всего и для мужчины и для женщины—начитанность. Поэзію онъ ставитъ выше философіи: процитировавъ стихи Вергилія, онъ восклицаетъ: „Qua cum legimus, quem philosophum non contemnimus“ [5]). Онъ сравниваетъ поэтовъ со

---

[1]) Монье, стр. 302.

[2]) Монье, стр. 114.

[3]) Корелинъ, стр. 296.

[4]) Монье, стр. 305.

[5]) Корелинъ, стр. 609.

Священнымъ Писаніемъ и убѣждаетъ противниковъ въ необходимости поэзіи даже въ богослуженіи. Лоски (р. 1363/83 г.—ум. 1441 г.) отожествляетъ добродѣтель съ краснорѣчіемъ [1]).

У гуманистовъ, рядомъ съ поклоненіемъ передъ античной красотой (Бруни осуждалъ Данте за незнаніе древнихъ авторовъ и хорошаго латинскаго языка), ясно, кромѣ того, проглядываетъ принципъ: дѣло не въ томъ, чтобы вѣрить, а въ томъ, чтобы знать; Богъ награждаетъ добродѣтель, а добродѣтель тожественна съ наукой, которая доставляетъ наслажденіе гуманисту [2]).

Желаніе точно понять классическихъ писателей вызвало стремленіе критически установить текстъ рукописей древнихъ авторовъ и точную передачу на латинскій языкъ тѣхъ изъ нихъ, которые писали по-гречески. Такимъ образомъ, гуманистическій критицизмъ повлекъ за собою выработку научнаго филологическаго метода. Такъ, снова, много вѣковъ спустя, были повторены старыя критическія работы Александрійскихъ ученыхъ.

Въ сущности самая главная и важная работа гуманистовъ послѣ разысканія памятниковъ класическихъ литературъ—была работа критическая. „Критика текстовъ“, замѣчаетъ Монье, „есть критика, какъ бы то ни было, и хотя она изъ всѣхъ критикъ самая скромная, она служитъ основаніемъ для нихъ всѣхъ. Допустимъ, что грамматики ничего не видѣли дальше словъ, исправляя ошибки въ словахъ, устанавливая правила для словъ, заполняя пробѣлы въ словахъ; допустимъ также, что они совсѣмъ, повидимому, не сознавали ни своей роли, ни тѣхъ неожиданныхъ результатовъ, которые были связаны съ ихъ дѣломъ“. Тѣмъ не менѣе—они „вывели человѣческій умъ на новую дорогу, и если не былъ провозглашенъ самый принципъ, то, по крайней мѣрѣ, они дали орудіе“ [3]). Рукописи были чрезвычайно искажены переписчиками, двугласныя—уничтожены, сходныя слова—смѣшивались (mortem-matrem, iuvenis-veniens), внесено много глоссъ въ текстъ. Все это требовало исправленія и ира-

---

[1]) Корелинъ, стр. 888.

[2]) Корелинъ, стр. 1070.

[3]) Монье, стр. 196.

вильной интерпретаціи. Зарождаются два метода исправленій: палеографически грамматическій и критическій, историко-литературный, требующій не только возстановленія внѣшней правильности, но и истолкованія темныхъ, испорченыхъ и невозстановимыхъ на основаніи данныхъ рукописи мѣстъ. „Ауриспа—исправляетъ Тибулла, Поджо исправляетъ Цицерона, Гварино—Плинія Младшаго, Перотти—Марціала, Титъ Ливій порученъ Бруни, Фаціо, Валла; пріемы нѣкоторыхъ исправителей основаны на „божественномъ вдохновеніи", напримѣръ, Томмазо Сенека добавляетъ Тибулла, Поджо восполняетъ пробѣлы Асконія Педана, даже наиболѣе осмотрительный Гварино не стѣсняется поскоблить Цезаря, чтобы получить болѣе красивый періодъ" [1]). Но всѣ они стремятся къ истинѣ, каждый по своему, а большинство—пріучаетъ свой умъ и умъ читателя къ методическому сомнѣнію, пріучаютъ не спѣшить съ рѣшеніями, полагаться лишь на вѣскія доказательства, разбирать, сравнивать, анализировать факты,—дотолѣ принимавшіеся на вѣру.

Важная заслуга въ исправленіи рукописей принадлежитъ Колюччо Салютати (1331—1406 г.г.), чрезъ котораго впервые стали извѣстны письма Цицерона ad familiares. Онъ разыскивалъ рукописи, отмѣчалъ варіанты, предлагалъ свои исправленія въ испорченныхъ временемъ и писцами мѣстахъ. Родоначальникомъ исторической критики является Петрарка: разбирая подложное письмо Цезаря, онъ прилагаетъ сравнительно развитые пріемы, хотя въ собственныхъ его историческихъ сочиненіяхъ критика носитъ совершенно субъективный и очень элементарный характеръ. Біографіи Аристотеля и Цицерона были написаны Бруни также по критическимъ соображеніямъ [2]). Въ 70-хъ годахъ XIV ст. въ Болоньѣ Бенвенуто Рамбальди да Имола (ок. 1346—1390 г.) комментируетъ древнихъ писателей, эклоги Петрарки и Божественную Комедію Данте; толкованія на поэму Данте представляютъ собою отчасти филологическій, а главнымъ образомъ реальный комментарій къ Божественной Комедіи. Критицизмъ автора иногда доходитъ до скептицизма [3]). Въ

---

[1]) Монье, стр. 196—197.

[2]) Корелинъ, стр. 1081.

[3]) Корелинъ, стр. 725 и слѣд.

томъ же направленіи трудятся Луиджи Марсили (†1394 г.), Дж. Мальпагини, профессоръ реторики во Флоренціи (†1417 г.), Никколо Никколи (1365—1437 г.г.), наконецъ, величайшій критическій умъ Ренессанса—Лаврентій Валла (1407—1457 г.г.), авторъ критическаго текста Тита Ливія, изслѣдованія о дарѣ Константина, положившаго начало научной дипломатикѣ. Многочисленныя находки новыхъ списковъ забытыхъ классическихъ авторовъ (одинъ Поджо Браччолини въ 1404 г. нашелъ Квинтиліана, Стація, Силія Италика, 10 рѣчей Цицерона; въ 1422 г. были найдены еще сочиненія Цицерона, 12 (изъ 20-ти) комедій Плавта и др.)—естественно обострили интересъ къ филологическимъ знаніямъ [1]).

Гуманисты занимались и изученіемъ текста Св. Писанія. Но разница между ними и богословами была несоизмѣрима. Въ то время какъ послѣдніе принимали на вѣру каждое слово латинской Vulgatae, продукту трудовъ варварскихъ переводчиковъ,—Лавр. Валла, напримѣръ, приступаетъ къ священному тексту, имѣя въ рукахъ три рукописи греческихъ и три латинскихъ; онъ собираетъ свои замѣчанія о Новомъ Завѣтѣ (Adnotationes ad Novum Testamentum) и, не нападая на бл. Іеронима, тщательно провѣряетъ переводъ и встрѣчаетъ безчисленное множество варіантовъ, вышедшихъ изъ этого перевода; обнаруживаетъ ошибки, искаженія и нелѣпости, и, путемъ сравнительнаго изученія латинскаго перевода съ греческимъ и цитатами у свв. отцовъ Церкви, очищаетъ текстъ отъ ошибокъ, уничтожаетъ противорѣчія, „пытается согласовать три разсказа объ обращеніи Павла, оспариваетъ разсказъ о явленіи Павла Ѳомѣ и доказываетъ апокрифичность твореній Діонисія Ареопагита [2]).

Литературнымъ изученіямъ эпохи Возрожденія приходитъ на помощь книгопечатаніе. Въ Италіи оно явилось въ 1465 г. въ Субіако, близъ Рима, занесенное нѣмецкими монахами, и скоро, съ 1469 г., начинаютъ распространяться editiones principes классическихъ авторовъ, выходящія въ Венеціи, Римѣ, Болоньѣ, Миланѣ, Флоренціи [3]). Въ Венеціи, въ концѣ XV ст. (1490 г.) Альдо Піо Мануцціо (1450—1515 г.г.)

---

[1]) Находки первыхъ гуманистовъ исчислены Монье, стр. 89.

[2]) Монье, стр. 211.

[3]) Монье, стр. 303.

организовалъ знаменитую типографію для печатанія классиковъ и академію изъ любителей и знатоковъ греческаго языка и литературы.

Писатели Ренессанса также мало различали поэзію отъ науки, историка отъ поэта: „Въ XV в. Понтанъ признаетъ историковъ своего рода ораторами и приписываетъ историческому знанію поэтическій характеръ". По Виперано (XVI в.), исторія—„sincere illustrisque narratio". Нѣсколько позже—въ трудѣ Ле-Муана „De l'histoire" (1670 г.) читаемъ, что „историкъ долженъ быть поэтомъ: безъ поэтическаго дара онъ не будетъ въ состояніи дать художественное изображеніе прошлаго въ разсказѣ" [1]). Но въ то же время „Бодуэнъ (XVI в.) и Бени („De scribenda historia") проводятъ различіе между искусствомъ историка и искусствомъ оратора или поэта" [2]). Такъ, постепенно съ изученіемъ источниковъ и критикой ихъ достовѣрности вырабатывается уже въ XVII вѣкѣ научный взглядъ на исторію и поэзію, какъ на двѣ различныхъ отрасли человѣческаго творчества.

Не мало принесли въ филологическую и историческую критику Ренессанса Скалигеры, отецъ (1484—1558 г.г.) и сынъ (1540—1609 г.г.), особенно второй, авторъ „Поэтики" („Poëtices", libri VII, 1651 г.), содѣйствовавшей упроченію знаменитой впослѣдствіи теоріи трехъ единствъ. Крупнѣйшимъ теоретикомъ своего времени былъ Леонардо да Винчи (1452—1519 г.г.), провозгласившій извѣстный принципъ: „Знаніе, теорія—вождь, практика—солдаты".

Какъ мы уже могли видѣть раньше, изученія античныхъ литературъ и писателей не могли не отразиться въ Италіи на изученіи родной литературы. Къ сказанному добавимъ, что въ 1373 году во Флоренціи была учреждена каѳедра для объясненія „Божественной Комедіи" Данте, которую занялъ не менѣе славный Боккачо.

Нужно, однако, замѣтить, что подъ изученіемъ литературныхъ памятниковъ въ эту эпоху подразумѣвалась лишь часть того, что подразумѣваемъ мы теперь подъ научною исторіей литературы; это былъ анализъ и объясненіе отдѣльныхъ мѣстъ памятника, главнымъ образомъ,—

[1]) Л.-Данилевскій, стр. 21.

[2]) Л.-Данилевскій, стр. 23.

толкованіе трудныхъ для пониманія мѣстъ, красотъ его, аллегорическаго и философскаго значенія. Идея органическаго развитія литературныхъ явленій и закономѣрной послѣдовательности ихъ еще не появлялась въ ученой литературѣ XIV—XVI в.в. Какъ и всегда бываетъ, на первыхъ порахъ, историко-литературныя изученія были далеки отъ философскихъ обобщеній и направлялись въ сторону собиранія матеріала, преимущественно біографическаго и библіографическаго, и къ оцѣнкѣ достовѣрности текстовъ и показаній о писателяхъ и ихъ дѣятельности; общаго руководящаго принципа историческаго развитія еще наука не знала. Естественно поэтому, что въ ближайшее время за эпохой открытій любители литературы убиваютъ силы надъ собираніемъ и систематизированіемъ библіографическаго матеріала.

Въ этомъ смыслѣ „отцомъ исторіи литературы“ считается нѣмецкій ученый Конрадъ Гесснеръ (1516—1565 г.г.), составитель „Всеобщей библіотеки“ („Bibliotheca universalis sive catalogus omnium scriptorum locupletissimus“, Цюрихъ, 1545—1551 г.), собравшій въ этомъ своемъ трудѣ біографическіе и библіографическіе матеріалы о писателяхъ древнихъ и новыхъ, писавшихъ на греческомъ, латинскомъ и еврейскомъ языкахъ. Но трудъ этотъ былъ лишь сборникомъ фактовъ, безъ попытки освѣтить ихъ какой-либо связующей идеей.

Развитіе ордена іезуитовъ, собиравшаго въ свои нѣдра все талантливое и энергичное, не прошло безслѣдно для изученія исторіи литературы, которое іезуиты также стремились приспособить къ основнымъ цѣлямъ ордена. Вслѣдъ за Гесснеромъ—въ трудѣ знаменитаго Антонія Поссевина „Antonii Possevini Man. S. I. Bibliotheca selecta de ratione studiorum“. (Colon. Agrippinae, 1607) видимъ попытку использовать литературную критику, какъ средство удержать любителей чтенія въ границахъ католическаго правовѣрія, которому угрожала реформація и гуманистическое вольнодумство. Поссевинъ не отдѣляетъ мудрости отъ религіи; человѣка считаетъ посредникомъ между природой и Богомъ. Свое знаніе человѣкъ черпаетъ прежде всего изъ божественнаго откровенія. Всѣ книги должны подвергаться строгой цензурѣ. Писатель долженъ хорошо знать Св. Пи-

саніе, чтобы давать отпоръ ересямъ и схизмѣ, и въ немъ искать мудрости. Поссевинъ считаетъ поэзію его—выше поэзіи древнихъ. Онъ разсматриваетъ философовъ древности, сочиненія по юриспруденціи, естествознанію, медицинѣ, математикѣ, исторіи, наконецъ—поэтическія, художественныя произведенія. Цѣль поэзіи для Поссевина—моральное усовершенствованіе человѣка и развлеченіе („ut lectorem reddant meliorem, secundo loco—ut delectent"), повторяя идею Горація; въ противномъ случаѣ поэзія превращается въ лживую сказку (вымыселъ). Образецъ истинной поэзіи указываетъ Поссевинъ въ псалмахъ прор. ц. Давида, и, вслѣдъ за гуманистомъ Муретомъ, Поссевинъ ищетъ въ Псалтири источникъ поэзіи.

Далѣе онъ даетъ обзоръ поэзіи грековъ и римлянъ, причемъ строго выбираетъ дозволенные для чтенія образцы: у Лукреція разрѣшаетъ читать только отрывки его поэмы. Цѣня Цицерона, Поссевинъ все же выше его считаетъ Іоанна Златоустаго, а у Григорія Назіанскаго хвалитъ сочетаніе науки съ поэзіей („Gr. Nazianzenus, qui poesim cum scholastica iunxit"). Библіографическія и историко-литературныя познанія Поссевина громадны. Его „Apparatus sacer" (Venetiis 1606, три тома), начинающійся перечнемъ библейскихъ книгъ, заключаетъ въ себѣ всѣ извѣстныя свѣдѣнія о всѣхъ писателяхъ отъ начала письменности до времени составленія книги. Къ сожалѣнію, трудъ Поссевина—мертвый трудъ, онъ не имѣлъ значенія для разработки литературной исторіи и не повліялъ на развитіе нарождающейся науки; все въ немъ было подчинено готовой догмѣ, цѣль его—обращеніе иновѣрцевъ въ католичество и борьба съ ними при помощи литературы. Въ научномъ отношеніи трудъ Поссевина стоитъ ниже опытовъ гуманистовъ, ибо лишенъ совершенно духа научной критики.

Нѣчто подобное труду Гесснера встрѣчаемъ мы у другихъ такихъ же собирателей фактовъ, напр., у П. Фрехера („Theatrum virorum eruditione clarorum", Pauli Freheri, 1688 г.). Этотъ трудъ въ 4-хъ частяхъ обнимаетъ собою массу фактическихъ данныхъ, набранныхъ авторомъ отовсюду,—о богословахъ, юристахъ, государственныхъ людяхъ, дипломатахъ, медикахъ, химикахъ, ботаникахъ, анатомахъ, философахъ, поэтахъ и математикахъ, причемъ сверхъ біо-

графическихъ свѣдѣній и списка трудовъ каждаго упоминаемаго лица—прилагается и его портретъ. Въ четвертомъ томѣ находимъ, напримѣръ, біографіи Альберта Великаго, Дунса Скотта, Данте, Петрарки, Боккачо, Леонардо Аретино, Лавр. Валлы, П. Лето, Хризолора, Ф. Филельфо и др. извѣстныхъ намъ гуманистовъ, поэтовъ и филологовъ. Для характеристики труда Фрехера отмѣтимъ, что при перечисленіи сочиненій Данте на латинскомъ языкѣ онъ упоминаетъ и о его „Divina Commedia“: „Scripsit et Hetrusco sermone poëmata doctissima de Paradiso, Purgatorio et Inferno“; говоря о Боккачо, онъ называетъ и „Libri centum novorum, quem Decameron vocavit et lingua Hetrusca conscripsit, quo historiae multae facetae continentur“; однако, ни словомъ не упоминаетъ о „Canzoniere“ Петрарки, какъ и объ итальянскихъ произведеніяхъ его послѣдователя І. Саннацаро († 1530 г.), видимо, казавшихся Фрехеру слишкомъ легкомысленными и недостойными для сохраненія въ памяти потомства.

§ 8. Лишь въ XVII в. впервые является терминъ „исторія литературы“ въ трудѣ ученаго библіографа П. Ламбека (Lambecius, р. 1628 г., † 1680 г.). „Petri Lambecii hamburgiensis prodromus historiae litterariae“, Hamb., 1659 г. и 1710 г. (Названіе этого труда не должно, однако, вводить насъ въ заблужденіе: такое же названіе носитъ и указатель книгъ С. Паули 1671 г.). Трудъ Ламбека, какъ показываетъ заглавіе,—лишь „введеніе въ исторію литературы“, но введеніе „чрезвычайно обширное, обнимающее различныя отрасли знаній и составленное сообразно съ научными требованіями тогдашняго времени, частью серьезными, частью весьма наивными“,—по отзыву ак. Сухомлинова [1]). Ламбекъ, исходя изъ того принципа, что все знаніе пріобрѣтается нами путемъ историческимъ, и что вся совокупность его излагается исторически (повѣствовательно), какъ и теперь,—дѣлитъ науку („исторію“) на исторію естественную, политическую, церковную и литературную. Послѣднюю, т. е. исторію литературы, онъ дѣлитъ на три части: исторію языка, исторію писателей и исторію наукъ и искусствъ. Для характеристики научныхъ воззрѣній, царившихъ въ нашей области, достаточно упомянуть, что Ламбекъ считалъ неопровер-

[1]) Журн. Мин. Нар. Просв. 1871 г., авг., стр. 140.

жимой истиной, будто первоначальнымъ языкомъ, которымъ говорили первые люди въ раю,—былъ языкъ еврейскій: такъ прочна еще была средневѣковая теологическая основа въ нашей наукѣ въ XVII вѣкѣ. Надо прибавить также, что въ „исторіи литературы“ Ламбека не нашлось вовсе мѣста для самихъ литературныхъ памятниковъ.

Чтобы представить рельефную характеристику того, что предлагали читателямъ Гесснеры, Фрехеры, Морхофы, Ламбеки и др. ученые собиратели важныхъ и неважныхъ историко-литературныхъ данныхъ, черпавшіе ихъ отовсюду, мало заботясь о критической провѣркѣ ихъ,—приведемъ остроумный и, пожалуй, справедливый отзывъ одного изъ писателей конца XVIII вѣка, Вахлера, цитируемый въ упомянутой статьѣ акад. Сухомлинова: „исторія литературы втеченіе нѣсколькихъ вѣковъ была только обремененіемъ памяти, игрою въ собственныя имена. Литераторомъ величали того, кто усердно собиралъ, перечитывалъ и составлялъ трактаты о самыхъ ничтожныхъ мелочахъ литературнаго міра, какъ напр., объ ученыхъ, бывшихъ вмѣстѣ съ тѣмъ сапожниками или портными; о писателяхъ, которые предсказывали свою смерть, которые родились близнецами, весь вѣкъ свой провели въ безбрачномъ состояніи, никогда не ѣли свинины и т. п. Литераторомъ первой величины считали того, кто зналъ наизусть годъ рожденія и смерти и генеалогію каждаго ученаго, годъ изданія, форматъ и число страницъ каждой книги. Литераторы, полагая достаточнымъ знать мысли другихъ, оставляли свой умъ въ покоѣ, не тревожа его ни единою собственною мыслью“ [1]).

Конечно, въ этомъ отзывѣ есть несомнѣнная доля шаржа, преувеличенія; но въ основѣ его лежитъ, безспорно, истина. Изученія, предпринятыя эпохой Ренессанса, какъ бы начинали выдыхаться, изживать свой вѣкъ. Для науки—мало было розысковъ новаго, критическаго изученія и изданія текстовъ, собиранія біографическихъ мелочей и восхищенія красотами античной древности. Необходима была новая, животворящая идея, которая могла бы подвинуть впередъ изученія всѣхъ отраслей науки, чтобы она не застыла вторично въ мертвой окаменѣлости средневѣковья, въ схоластикѣ.

[1]) Журн. Мин. Нар. Просв. 1871 г., авг., стр. 141.

Носителями этихъ новыхъ идей были три ученыхъ, раздѣленныхъ между собою почти столѣтіемъ: англичанинъ Бэконъ, французъ Декартъ и итальянецъ Вико. Ихъ идеи вошли въ научный оборотъ съ значительнымъ опозданіемъ, но, какъ только были усвоены,—сразу подвинули впередъ историческія изученія во всѣхъ областяхъ знанія.

Когда отжилъ средневѣковый авторитетъ церкви, его мѣсто было занято авторитетомъ разума. Въ это время первый важный и знаменательный толчекъ къ научной разработкѣ исторіи и въ частности—историко-литературнаго матеріала былъ данъ знаменитымъ англійскимъ ученымъ Френсисомъ Бэкономъ (1561—1626 г.г.), идеи котораго не сразу проникли на континентъ, были поняты и усвоены „литераторами“ сравнительно поздно. До него, какъ мы видѣли, наука наша (впрочемъ, какъ и всякая другая) была шаткой и безплодной, не имѣя опредѣленнаго метода, одухотворяющей ее общей идеи, и проводила вѣка въ безсодержательныхъ спорахъ, накопляя матеріалъ, безъ надежды связать его въ одно органическое цѣлое. Три основныхъ принципа лежатъ въ корнѣ философіи Бэкона:

1) чтобы духъ нашъ былъ проясненъ относительно вспомогательныхъ средствъ познанія, отвергнувъ смущающіе его чистоту призраки (εἴδωλα);

2) чтобы онъ обратился отъ дедукцій—къ опыту и воспринялъ знанія путемъ наблюденія, и

3) чтобы онъ отъ единичныхъ умозаключеній восходилъ къ наиболѣе общимъ не вдругъ, но медленно и постепенно черезъ промежуточныя ступени.

Эти принципы, наиболѣе важные для научнаго изслѣдованія и свободнаго движенія научной мысли изъ сферы закоснѣлыхъ предразсудковъ и навыковъ старины, многое бравшей на вѣру, безъ критики и сомнѣній, легли въ основу новой науки, выдвинувъ наряду съ дедукціей—еще болѣе могущественное средство познанія—индукцію. Эти принципы отразились и на трактовкѣ историко-литературныхъ вопросовъ. Вмѣсто безплодныхъ умозрѣній Бэконъ выдвинулъ въ наукѣ на первый планъ систематически поставленное наблюденіе и опытъ; вмѣсто дедуктивныхъ построеній путемъ созданія цѣпи силлогизмовъ, исходящихъ изъ принятыхъ на вѣру аксіомъ,—объективное изслѣдованіе, иду-

щее отъ даннаго явленія къ условіямъ, его вызвавшимъ; сначала онъ потребовалъ, путемъ наблюденія и, если возможно, констатированія самыхъ фактовъ,—классифицированія ихъ, а затѣмъ—разысканія ихъ причинъ и установленія законовъ, управляющихъ явленіями. Таковы основные, непоколебимые какъ въ области естественныхъ, такъ и гуманитарныхъ наукъ принципы индукціи Ф. Бэкона, которую мы съ его легкой руки считаемъ неизбѣжнымъ пріемомъ всякаго научнаго изслѣдованія. Спеціально эти принципы были приложены Бэкономъ къ міру явленій, интересующихъ насъ, въ сочиненіи его: „De dignitate et augmentis scientiarum", libri novem, 1623 г. (русс. переводъ Бибикова, 1874 г. т. I). Вкратцѣ выводы Бэкона относительно исторіи таковы: человѣческія (humaniora) науки основываются на трехъ способностяхъ души человѣческой: исторія основывается на памяти, поэзія—на воображеніи, философія—на разсудкѣ. Подъ поэзіей Бэконъ подразумѣваетъ „вымышленное повѣствованіе", а не только стихъ, который считаетъ особымъ способомъ рѣчи. Поэзія занимается предметами, созданными въ подражаніе существующимъ, причемъ преувеличиваетъ то, что изображаетъ, придумываетъ и соединяетъ такія существа, которыя въ природѣ или никогда не бываютъ, или не встрѣчаются вмѣстѣ.

Предметъ исторіи составляютъ личности, насколько онѣ ограничены временемъ и пространствомъ, ихъ поступки и слѣдствія ихъ. Исторія можетъ быть естественной и гражданской. Гражданскую исторію Бэконъ дѣлитъ на 1) священную или церковную, 2) собственно гражданскую и 3) исторію искусствъ и наукъ. „Первыми мы обладаемъ, между тѣмъ какъ исторію наукъ (и искусствъ), я полагаю, слѣдуетъ помѣстить въ число desiderata" (I, 178—188). Бэконъ высоко ставитъ исторію искусствъ, среди которыхъ подразумѣваетъ и поэзію: „нѣтъ никакого сомнѣнія, что если бы исторія міра лишена была этой части, то она значительно походила бы на статую Полифема, потерявшаго свой глазъ; ибо въ такомъ случаѣ недостающая часть его лица именно и была той, которая лучше всего выражала геній и характеръ этого человѣка" [1]). Далѣе Бэконъ, справедливо утвер-

[1]) Назв. соч., стр. 188—189.

ждая, что его эпоха не имѣетъ еще historiae litterariae (litterarum), предлагаетъ правила для ея составленія и примѣрный планъ, указывая на необходимую объективность [1]) и осмѣивая современныхъ ему историковъ [2]). По мысли Бэкона, historia litteraria, между прочимъ, должна показать, какими методами пользовались ученые, изложить замѣчательнѣйшіе споры и разногласія, занимавшіе ученыхъ; перечислить главныхъ писателей, лучшія книги въ каждой отрасли и т. д. Историкъ долженъ обратить вниманіе и на природу странъ, гдѣ развивались науки, и на историческія условія, благопріятныя или гибельныя для наукъ, на роль религіозныхъ факторовъ, на законы, то стѣснявшіе, то помогавшіе развитію litterarum. Изложеніе должно быть не полемическое, а объективное [3]), руководствующееся предостереженіями противъ εἴδωλα. Еще одно замѣчательное для эпохи Бэкона требованіе: въ наукѣ все должно быть основано на фактахъ, „ибо во всемъ, что не опирается на примѣры и исторію, есть нѣчто случайное и неопредѣленное“ [3]). Эти принципы были положены въ основаніе исторіи вообще и исторіи литературы въ частности.

Вторымъ двигателемъ въ наукѣ исторіи литературы, великимъ основателемъ научнаго метода явился французскій философъ Декартъ (конецъ XVI и нач. XVII в.), выдвинувшій на сцену методологическій пріемъ, который сопровождаетъ всякое изслѣдованіе и двигаетъ его впередъ: методическое сомнѣніе, важность котораго была указана выше. Возможно, что наши представленія о мірѣ истинны; но возможно, что они недостовѣрны. Изъ этой недостовѣрности вытекаетъ скепсисъ, ведущій къ стремленію разоблачить самообманъ и отучить насъ отъ него. „Привычка къ самообману образуется сама собой, отвыканіе же достигается при помощи дисциплины духа и метода“. Далеко недостаточно замѣтить эту необходимость, пишетъ Декартъ („Meditations“ I, p. 242—243), нужно снова постоянно вспоминать о ней, такъ какъ привычныя мнѣнія постоянно возвращаются къ намъ, вновь овладѣваютъ нашимъ легковѣрнымъ чувствомъ, которое подчиняется имъ какъ бы по праву

[1]) Стр. 190. [2]) Стр. 192.
[3]) Стр. 190. [4]) Стр. 191.

давности; невольно возвращаются они ко мнѣ назадъ, и я не могу отвыкнуть соглашаться съ этими представленіями и довѣрять имъ. Хотя я знаю, насколько они сомнительны, все таки они кажутся настолько истинными, что охотнѣе вѣришь въ нихъ, чѣмъ въ нихъ сомнѣваешься“ [1]). Разъ найдено сомнѣніе,—оно становится принципомъ. Мышленіе пріобрѣтаетъ критическое направленіе. Мыслящій хочетъ быть свободенъ отъ самообмана, притомъ не въ томъ или иномъ случаѣ, не только здѣсь или теперь,—но принципіально и вполнѣ. Сплошной самообманъ привыченъ,—сомнѣніе, чтобы устранить его, должно стать такимъ же. Выше всего правдивость предъ самимъ собою. Отрицаетъ ли возможность разысканія истины Декартъ? Конечно, нѣтъ. Вѣдь изъ того, что до сихъ поръ она не найдена, вовсе не слѣдуетъ, что она не можетъ быть открыта, что ея нѣтъ. Дѣло только въ путяхъ исканія; мужественно отбрасывая „насъ возвышающіе“ или льстящіе намъ обманы, мы идемъ впередъ къ знанію. Скептицизмъ Декарта не гаситъ этого порыва; онъ направляетъ его, требуя внимательной оцѣнки достовѣрности каждаго отдѣльнаго вывода, каждаго утвержденія, чтобы общій, конечный выводъ не пострадалъ отъ нашей неосторожности.

Третьимъ создателемъ научнаго метода въ области гуманитарныхъ наукъ, въ частности исторіи литературы—явился Вико.

„Мы многимъ обязаны Декарту, который призналъ индивидуальный разумъ за правило истины; было слишкомъ унизительнымъ рабствомъ полагаться во всемъ на авторитеты. Мы ему многимъ обязаны за желаніе подчинить мысль методу; порядокъ схоластиковъ былъ только безпорядкомъ. Но желать, чтобы царило одно только сужденіе индивидуума, желать подчинить все геометрическому методу—значитъ впасть въ противоположную крайность. Пора было бы отнынѣ занять среднее положеніе: слѣдовать индивидуальному сужденію, но съ долженствующимъ вниманіемъ по отношенію къ авторитету, примѣнять методъ, но методъ различный, сообразно природѣ вещей“ [2]).

---

[1]) Куно Фишеръ, Исторія новой философіи, I, стр. 302—303

[2]) Мишле, О жизни Вико, стр. 11.

Приведенная цитата написана въ отвѣтъ критикамъ, почти сто лѣтъ спустя послѣ Бэкона, знаменитымъ, но въ свое время не признаннымъ ученымъ, родоначальникомъ въ наукѣ эволюціонной точки зрѣнія Джованни Батиста Вико (1668—1744 г.г.). (G. Vico, Principj di Scienza Nuova d'intorno alla commune natura delle nazioni", 1725 г.). Сынъ книгопродавца, профессоръ реторики и права, поддерживающій существованіе свое и своей семьи частными уроками, Вико опубликовалъ свой трудъ въ 1725 году и имъ внесъ совершенно новый, до того времени неизвѣстный принципъ въ изученіе исторіи вообще и литературныхъ явленій въ частности. Приводимъ въ извлеченіи характеристику его воззрѣній на историческій процессъ, имѣя въ виду важное главнымъ образомъ для исторіи литературы [1]).

„Въ безконечномъ разнообразіи дѣйствій и мыслей, нравовъ и языковъ, которое намъ представляетъ исторія человѣка, мы находимъ часто тѣ же самыя черты, тѣ же самые характеры. Націи, самыя отдаленныя по времени и мѣсту, идутъ въ политическихъ переворотахъ, въ переворотахъ языка—путемъ замѣчательно аналогичнымъ. Отдѣлить постоянныя явленія отъ случайныхъ и опредѣлить общіе законы, которые управляютъ первыми; начертить общую вѣчную исторію, которая является во времени подъ формой исторій частныхъ; описать идеальный кругъ, въ которомъ вращается реальный міръ—вотъ предметъ „Новой науки". Она составляетъ вмѣстѣ и философію и исторію человѣчества" [2]).

„Новая наука черпаетъ изъ двухъ источниковъ: философіи и филологіи. Философія созерцаетъ истинное разумомъ; филологія наблюдаетъ реальное—это наука фактовъ и языковъ". Обѣ науки важны одна для другой: „Философія должна основывать свои теоріи на достовѣрности фактовъ, филологія—заимствовать у философіи ея теоріи, чтобы возводить факты до всеобщихъ вѣчныхъ истинъ" [3]). „Филологія—наука о реальномъ, наука историческихъ фактовъ и языковъ, доставитъ матеріалы наукѣ объ „истинномъ"—философіи. Но реальное—работа свободы индивидуума—есть

---

[1]) По Мишле, стр. 15 и слѣд.

[2]) Стр. 15. [3]) Стр. 16.

нѣчто перемѣнчивое въ своей натурѣ. Какой же будетъ criterium, посредствомъ котораго мы откроемъ въ подвижности реальнаго—неизмѣнный характеръ истиннаго"? На этотъ вопросъ Вико неожиданно и для своего вѣка, и для насъ—отвѣчаетъ ссылкой на интуитивное познаніе, доступное массамъ: такимъ критеріемъ является „здравый смыслъ", т. е. необдуманное сужденіе народа, человѣчества; общее согласіе здраваго смысла народовъ составляетъ мудрость человѣческаго рода. Это—народная мудрость [1]). Вико отмѣчаетъ, что эта мудрость лишь кажется разнообразной,—подъ различными выраженіями скрывается одинъ смыслъ, человѣческая мысль работаетъ тожественно, единообразно, естественное право создается одинаково у всѣхъ народовъ, безо всякаго заимствованія и договора. Вико первый указалъ на единство человѣческаго сознанія и пріемовъ мышленія. Мудрость человѣчества въ зародышѣ свойственна человѣку на первыхъ степеняхъ цивилизаціи. Все дальнѣйшее—результатъ развитія этого заложеннаго въ человѣчествѣ зародыша. Первобытный человѣкъ—тотъ же ребенокъ. Первые люди сдѣлали изъ природы обширное одушевленное тѣло, одержимое страстями, какъ и они сами. „Мало-по малу всѣ явленія природы, всѣ отношенія природы къ человѣку или людей между собою—сдѣлались божествомъ... Первые люди, сильные своимъ незнаніемъ, творили по своему силою воображенія, если можно сказать, совершенно матеріальнаго. Поэтъ—значитъ создатель; они же были поэтами, и такова была высота ихъ мыслей, что они сами страшились ихъ и падали въ содроганіи передъ своими же произведеніями" [2]). Поэзія для первыхъ вѣковъ человѣчества была философіей безъ абстракціи, состоявшей всецѣло изъ воображенія и чувства [3]). Языкъ знаковъ, языкъ изображеній предшествовалъ языку звуковъ, это былъ „языкъ боговъ". Вмѣсто того, чтобы сказать „море",—говорили „Нептунъ". Героическій языкъ употреблялъ вмѣсто общихъ именъ—имена собственныя: Геркулесъ—вмѣсто герой. Наступаетъ періодъ обобщеній. Истина поэтическая, передающая идеалъ качествъ героя, событія,—кажется болѣе истинной, чѣмъ истина реальная [4]), ибо она

[1]) Стр. 17. [2]) Стр. 20.
[3]) Стр. 21. [4]) Стр. 23.

обща, а не конкретна. „Почему, напр., спрашиваетъ Вико, всѣ греческіе народы спорили о мѣстѣ рожденія Гомера, предъявляя притязанія на него, какъ на своего гражданина? Да потому, что каждое племя находило въ немъ свой характеръ, потому что вся Греція была Гомеромъ". Гомеръ, по мнѣнію Вико, бывшему еретическимъ въ его время, былъ не человѣкъ, а лишь совокупность пѣсенъ, импровизированныхъ всѣмъ народомъ и собранныхъ рапсодами [1]). Народъ самъ создалъ мастерской стиль, эпизоды, поэтическій размѣръ. Послѣдній—прирожденъ человѣку: заики пытаются говорить нараспѣвъ, въ порывѣ страсти голосъ измѣняется и приближается къ пѣнію... „Всюду стихъ предшествовалъ прозѣ"—такъ же, какъ поэзія—философіи и наукѣ [2]). Эти прозрѣнія Вико блестяще подтвердились открытіями XIX вѣка. „Перейти отъ поэзіи къ прозѣ—это значило отвлекать, обобщать, ибо языкъ первой всецѣло конкретенъ, всецѣло частенъ. Сама поэзія, хотя она выходила тогда изъ народнаго употребленія, приняла также общія выраженія: собственныя имена, которыя при бѣдности языковъ служили ей для обозначенія характеровъ, она замѣнила воображаемыми именами и создала чисто идеальные характеры. Это и было началомъ ея третьяго вѣка—человѣческаго вѣка поэзіи" [3]).

Оставляя въ сторонѣ налетъ эпохи, когда жилъ и дѣйствовалъ Вико, попробуемъ резюмировать его разсужденія, касающіяся нашего предмета изученія—литературы и вообще филологіи. Выдвинувъ на первый планъ несознательную, неорганизованную творческую дѣятельность человѣка и народныхъ массъ, Вико положилъ основаніе изученію этнографіи, народной словесности, до него бывшихъ въ глубокомъ пренебреженіи, начиная съ эпохи гуманистовъ. Вико указываетъ на случайность явленій—и доказываетъ, что случайность эта—кажущаяся и происходитъ отъ нашего невѣдѣнія связи однихъ явленій съ другими. Путемъ изслѣдованія—случайное можетъ быть подведено подъ извѣстныя схемы. Въ ряду фактовъ, кажущихся случайными, но на дѣлѣ подчиненныхъ закону развитія (эволюціи),—являются и литературные факты. Вопреки ходячимъ въ его время эстети-

[1]) Стр. 23—24. [2]) Стр. 25. [3]) Стр. 25.

ческимъ воззрѣніямъ, Вико считаетъ поэзію первоначальнымъ видомъ творчества, изъ котораго путемъ перехода отъ конкретнаго къ абстрактному—выработалась проза, а не наоборотъ, какъ думали его современники. Судьба литературы и науки сводится къ исторіи абстрагирующаго процесса человѣческаго разума. Отсюда поэзія предшествуетъ прозѣ. Послѣдняя выработалась путемъ долгаго развитія. Вико первый внесъ въ науку понятіе „эволюціи".

„Новая Наука" имѣла лишь нѣкоторый успѣхъ въ Италіи XVIII вѣка. Первое изданіе ея разошлось въ три года; высокопоставленныя лица слали Вико благосклонныя привѣтствія и отзывы. Но—и только. Послѣ долгихъ лѣтъ полуголодной жизни философъ скончался въ 1744 году.

Въ Европѣ его имя осталось неизвѣстнымъ, хотя кое-гдѣ наблюдается просачиваніе его идей. Онъ имѣлъ своихъ послѣдователей, хотя трудно утверждать, что ихъ идеи—явились въ зависимости отъ труда Вико. Разумѣемъ нѣмецкихъ ученыхъ и Ф. А. Вольфа, съ его теоріей происхожденія Гомеровскаго эпоса, повторившей принципы Вико. Вольфъ издалъ въ 1783 году книгу „Prolegomena ad Homerum", въ которой, разбирая Гомеровскій эпосъ, дошелъ до мысли, что Гомеръ—это „фикція", а не лицо, что эти эпопеи не были плодомъ творчества одного человѣка, а происходятъ изъ разныхъ эпохъ и носятъ слѣды искусственнаго соединенія разныхъ отрывковъ. Въ Гомеровыхъ пѣсняхъ нѣтъ упоминанія о письмѣ, слѣдовательно, онѣ должны были быть изложены устно. Трудно предположить, чтобы такія обширныя поэмы могли быть сложены цѣликомъ устно и цѣликомъ передавались тѣмъ же способомъ. Необходимо предположить творцовъ и притомъ народныхъ—для отдѣльныхъ рапсодій, позже связанныхъ въ одно общими редакторами. Не трудно замѣтить въ этихъ соображеніяхъ слѣды идей Вико. Но у Вольфа эти идеи носятъ слѣды вторичнаго происхожденія, ибо онѣ лишены философскаго обоснованія. Поэтому вліяніе Вико въ этомъ случаѣ нельзя считать достовѣрнымъ. Чувствуется дыханіе идей Вико и у Гердера и первыхъ нѣмецкихъ романтиковъ,—но доказать ихъ зависимость отъ итальянскаго философа не представляется пока возможнымъ. За всѣмъ этимъ должно считать Вико

наравнѣ съ Бэкономъ и Декартомъ основателемъ принциповъ новаго научнаго изслѣдованія, сохранившихъ свое глубокое значеніе и донынѣ.

§ 9. Въ началѣ XVIII в. наблюдается два направленія въ изученіи исторіи литературы: одно—стремится возвести изученіе литературныхъ явленій къ тѣмъ принципамъ, которые диктовались эстетическими теоріями французскихъ классиковъ и ихъ нѣмецкихъ подражателей (напр., Готтшедъ) и популяризаторовъ (Баумгартенъ) эстетическихъ идей Лейбница и Вольфа. Другое—ищетъ обоснованія исторіи литературныхъ произведеній въ прошломъ и обращается къ старинѣ французской и нѣмецкой. Являются попытки филологически изучить эту старину и возсоздать общую картину исторіи литературнаго творчества въ предѣлахъ національности, а затѣмъ—дать нѣчто, объемлющее всѣ проявленія творчества въ словѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ XVIII вѣкъ отмѣченъ въ исторіи нашей науки, какъ эпоха наивысшаго расцвѣта стараго метода трактовать литературныя явленія—и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ эпоха упадка этого метода. Кругъ литературныхъ явленій, обращающихъ на себя вниманіе историка литературы, расширяется до безконечности: въ него, кромѣ поэзіи и краснорѣчія, втягиваются разнообразныя произведенія спеціальныхъ наукъ. Видное мѣсто занимаютъ біографіи писателей, выростаетъ особая вѣтвь біографическихъ разысканій—„micrologia litteraria“, вродѣ труда Ad. Bernhardt'a, „Curieuse Historie der Gelehrten“. (Frankfurt, 1718). Здѣсь мы находимъ то, о чемъ писалъ Вахлеръ, иронизируя надъ учеными, собирателями литературныхъ свѣдѣній анекдотическаго характера.

Среди крупныхъ явленій исторіи литературы начала XVIII вѣка отмѣтимъ трудъ безконечно трудолюбиваго біографа J. F. Reimann'a (1668—1743 г.г.), современника Вико, который и по духу, и по дарованіямъ не можетъ быть сопоставленъ съ геніальнымъ итальянцемъ. Его труду предшествовалъ „Polyhistor“ Morhof'a и B. G. Struvii „Introductio ad notitiam reipublicae litterariae“, (Iena, 1704 г.)—краткій учебникъ, опирающійся на Morhof'a. Книга I. Fr. Reimann'a, „Versuch einer Einleitung in die Historiam Litterariam insgemein und derer Teutschen in Besonderheit,“ вышла въ Halle 1703—1708 г.г. въ шести томахъ и въ восьми частяхъ;

она посвящена всѣмъ отраслямъ знанія; рядомъ съ филологіей и исторіей находимъ здѣсь теологію, естественныя науки, право и медицину. Исторія поэзіи—„Historia poëseos“—занимаетъ ничтожное мѣсто, около 40 страницъ; статейки о нѣмецкихъ поэтахъ имѣютъ большею частью біографическій характеръ. На первый взглядъ трудъ Рейманна казался новинкой, ибо былъ написанъ на нѣмецкомъ языкѣ, замѣнившемъ въ данномъ случаѣ традиціонный латинскій; курьезна діалогическая форма изложенія—вопросы, чередующіеся съ отвѣтами. Въ сущности, трудъ этотъ имѣетъ справочный характеръ и перегруженъ библіографическимъ матеріаломъ, почерпнутымъ у Морхофа и Струве. Но слѣдуетъ замѣтить, что Рейманнъ былъ первымъ нѣмецкимъ ученымъ, который теоретически развилъ принципы Бэкона и по мѣрѣ силъ старался приспособить ихъ на практикѣ. Въ пониманіи исторіи литературы онъ приближается къ англійскому ученому: у него „Historia litteraria“ есть исторія науки и ученыхъ, задача ея—представить судьбу науки и ученыхъ. Рейманнъ развиваетъ иногда догматически высказанныя положенія Бэкона. У него находимъ также достаточно развитую теорію вліянія среды на развитіе умственной жизни. Также замѣтна у него въ зародышѣ теорія расы, развитая позже Тэномъ. Рейманнъ приспособляетъ теоретическія соображенія къ явленіямъ нѣмецкой литературы, дѣлитъ ее на періоды возвышенія и упадка, объясняя перемѣны вліяніемъ царствующихъ особъ и политическими событіями.

Трудъ Рейманна по стремленію къ систематическому знанію—не единственный. Вслѣдъ за нимъ слѣдуетъ назвать также другого послѣдователя Бэкона—Гейманна, выдвинувшаго довольно оригинальные принципы построенія научной исторіи литературы. Среди опытовъ написать исторію литературы и дать опредѣленіе ея содержанію—его попытку слѣдуетъ поставить на первый планъ. Христ. Авг. Гейманнъ (1681—1763 г.г.) въ своемъ обзорѣ всеобщей литературы „Conspectus reipublicae litterariae sive via ad Historiam Litterariam iuventuti studiosae aperta a Christ. Aug. Heumanno“, ed. princ. Hannover, 1718 г. (до 1763 г. было семь изданій) предложилъ слѣдующую схему изученія литературныхъ явленій: въ первой главѣ Гейманнъ представилъ опредѣленіе исторіи литературы, ея частей, недостатковъ въ ея

разработкѣ, ея пользы, раздѣленія. Польза, доставляемая исторіей литературы, состоитъ, по мнѣнію Гейманна [1]), въ томъ, что мы получаемъ изъ нея свѣдѣнія о хорошихъ и дурныхъ книгахъ (отголосокъ учебныхъ, утилитарныхъ взглядовъ піитикъ и реторикъ того времени), научаемся кратчайшимъ и удобнѣйшимъ путемъ достичь учености, узнаемъ, на что должно обращать вниманіе и чего должно избѣгать при изученіи, почерпаемъ литературную опытность, познавая жизнь знаменитыхъ дарованіемъ и ученостью мужей, не только освобождаемся отъ предразсудка авторитета и древности, но и побуждаемся къ соревнованію; наконецъ, узнаемъ пути Божественнаго Провидѣнія...

Во второй главѣ Гейманнъ говоритъ о тѣхъ, которые писали объ исторіи всемірной литературы; въ третьей главѣ — о письменахъ; въ четвертой — о началѣ и развитіи литературы; въ пятой—о судьбахъ наукъ; въ шестой — о книгахъ; въ седьмой — объ авторахъ" [2]). Заслугою этого, нѣсколько механическаго, дѣленія является то, что Гейманнъ сознательно и намѣренно шелъ къ точному опредѣленію границъ нашей науки и изъ массы разнороднаго матеріала, интересовавшаго его малоразборчивыхъ предшественниковъ, выдѣлилъ то, что наиболѣе относится къ области историко-литературныхъ изученій. „Смотря по тому, какія произведенія образуютъ содержаніе исторіи литературы, Гейманнъ раздѣляетъ ее на географическую, топографическую и техническую. Географическая исторія литературы обнимаетъ литературную дѣятельность одной какой-либо страны, какъ напр., исторія литературы Германіи. Топографическая — ограничивается одною какою-либо мѣстностью или ученымъ учрежденіемъ, напр., исторія Парижской Академіи. Техническая — излагаетъ судьбу отдѣльной области наукъ или искусства (τέχνη), какъ напр., исторія поэзіи. Въ книгѣ Гейманна говорится о письменахъ, объ успѣхахъ наукъ: грамматики, піитики, генеалогіи, математики, медицины, юриспруденціи и т. д. восхваляются совре-

---

[1]) Стр. 3—5.

[2]) Дашкевичъ, Постепенное развитіе науки исторіи литературы стр. 727, прим.

менные авторы ревнители просвѣщенія и среди нихъ Петръ Великій“ [1]).

Уже изъ этой сжатой характеристики плана книги Гейманна видно, что этотъ ученый значительно отступалъ отъ гелертерской точки зрѣнія на исторію и исторію литературы, какъ на собраніе любопытныхъ фактовъ, датъ и анекдотовъ; онъ выдвинулъ на первый планъ географическое (въ зависимости отъ характера народа) изученіе литературы. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ его трудѣ наблюдается полная нерасчлененность представленія о литературѣ: его книга— скорѣе руководство къ литературной исторіи, чѣмъ исторія литературы. Во многомъ онъ является человѣкомъ стараго вѣка, такъ блестяще опереженнаго открытіями и геніальными гипотезами Вико.

Опытомъ написать исторію національной литературы во Франціи—былъ трудъ бенедиктинцевъ, громадная „Histoire litteraire de la France“, начатая въ 1733 году и доведенная ими въ 1750 году до 12-го тома, продолженная затѣмъ Парижскою Академіей Наукъ уже въ XIX вѣкѣ до XXXIII тома, причемъ изложеніе матеріала дошло только до конца XIV вѣка. Конечно, это не исторія литературы, какъ мы понимаемъ эту науку теперь, а лишь громадное собраніе матеріаловъ для нея, біографическихъ и библіографическихъ, извлеченій изъ рукописей, произведеній авторовъ и различныхъ историко-культурныхъ экскурсовъ [2]).

Какъ только явилась мысль, что исторія литературы не исключительно перечень книгъ, біографій, не исторія книгопечатанія и книжной торговли, а исторія претворенія самихъ памятниковъ литературы, — явилась новая мысль создать такую исторію, сначала изслѣдуя отдѣльныя отрасли словеснаго творчества. Такая исторія сдѣлалась достояніемъ новаго времени. Но уже въ XVIII в. ученый епископъ Huet написалъ первый очеркъ исторіи повѣсти и романа, его работы продолжалъ англичанинъ Dunlop (въ началѣ XIX в.), трудъ котораго въ 1850 г. былъ переработанъ нѣмецкимъ ученымъ Либрехтомъ.

Говоря объ общихъ обзорахъ исторіи литературы въ

---

[1]) Сухомлиновъ, стр. 141—142.

[2]) Франко, стр. 112.

XVIII в., нельзя обойти молчаніемъ также итальянскихъ ученыхъ. Ихъ труды лишній разъ свидѣтельствуютъ о томъ, съ какой постепенностью развивалась наша наука. Популярная въ XVIII вѣкѣ „Storia della letteratura italiana“ di Girolamo Tiraboschi (1772—1781 г. и 2 изд. 1787—1793 г., 16 т.т.) была трудомъ компилятивнымъ и безцвѣтнымъ, а по содержанію біографически-критическимъ. Изложеніе неровное, въ зависимости отъ характера источниковъ и пособій, что говоритъ о недостаточномъ развитіи библіографіи. Именно въ этой области много труда положили нѣмецкіе ученые. Никакихъ слѣдовъ вліянія Бэкона и Вико мы не замѣчаемъ въ этой обширной компиляціи. Отъ нея выгодно отличается книга іезуита J. Andres'a (1740—1817 г.г.) „Dell' origine progressi e stato attuale d'ogni letteratura“ (Parma, 1782—1799 г.)—пять толстыхъ томовъ in quarto. Задачей Андреса была не обычная „исторія“ типа Tiraboschi, а „una filosofica storia generale di tutte le letterature“, онъ хотѣлъ дать критическую исторію того пути, который прошла всемірная литература, очеркъ ея успѣховъ вообще у всѣхъ народовъ и въ каждой отрасли отдѣльно, а также взглядъ на будущее литературы. Однимъ словомъ—не нагроможденіе деталей, а философскій обзоръ, имѣвшій цѣлью схватить главныя линіи развитія литературы, направленія и теченія ея, а равно—ихъ причины. Предшественники Андреса интересовались прошлымъ литературы, ради знанія этого прошлаго; онъ критически оцѣниваетъ это прошлое, чтобы лучше оцѣнить настоящее и указать дорогу будущему. Первый томъ всецѣло занятъ такими общими соображеніями объ исторіи всеобщей литературы. Андресъ между прочимъ внимательно останавливается на условіяхъ жизни литературы и выдвигаетъ роль иноземнаго вліянія (напр., вліяніе поэзіи арабской на возрожденіе средневѣковой европейской поэзіи). Онъ очень остороженъ въ своихъ мнѣніяхъ и критически относится къ нимъ. Расцвѣтъ греческой литературы Андресъ объясняетъ благопріятными географическими и политическими условіями, общественнымъ устройствомъ и общественной жизнью, удачно приводя параллели изъ литературы римской. Онъ споритъ съ современниками, представлявшими себѣ развитіе литературы въ видѣ волнистой кривой, и вѣритъ въ постепенное совершенствованіе

человѣчества, восходящаго къ высшей культурѣ. Для этого онъ присоединяется къ мысли Бэкона о необходимости академій для концентраціи людей, посвящающихъ себя наукѣ. Прочіе томы труда Андреса изложены по слѣдующему плану: во 2-мъ—исторія поэзіи; въ 3-мъ—развитіе краснорѣчія, исторіографіи и грамматики; 4-й и 5-й томы заключаютъ въ себѣ исторію науки естественной, математики и теологіи. Въ расположеніи отдѣльныхъ томовъ Андресъ не смѣлъ нарушить установленныхъ обычаевъ и принялъ формальное дѣленіе на виды литературы, посвятивъ особые отдѣлы поэзіи эпической, дидактической, драматической, лирической и „другимъ видамъ поэзіи“ и, наконецъ, повѣсти. Это дѣленіе—важнѣйшая черта, связывающая Андреса съ XVIII вѣкомъ. Другія черты указываютъ въ немъ дѣятеля уже наступавшей новой эпохи. Прежде всего—историческая перспектива въ изложеніи и композиціи книги. Біографическія подробности онъ отодвигаетъ на второй планъ, а иногда и совсѣмъ минуетъ; мелкую библіографію онъ порою опускаетъ, обращая вниманіе иа критическую задачу своего труда. Классикъ—онъ, однако, не находится уже подъ гипнозомъ крайнихъ предразсудковъ нео-классицизма; онъ понимаетъ и высказываетъ, что великій поэтъ не перестаетъ быть великимъ даже тогда, когда ломаетъ освященныя преданіемъ правила „литературныхъ видовъ“. Не подчиняясь готовымъ сужденіямъ авторитетовъ, Андресъ рѣшается высказывать свои сужденія, опирающіяся на внимательное чтеніе самыхъ произведеній литературы. Не всегда, но все же мы находимъ у него цѣлыя главы, написанныя самостоятельно. Это очень цѣнная черта труда Андреса, ибо въ XVIII вѣкѣ господствовалъ обычай принимать на вѣру традиціонныя мнѣнія школы и авторитетовъ, переносимыя изъ Франціи въ Италію. Андресъ умѣетъ оріентироваться среди обильной литературы повѣстей и романовъ, умѣло оцѣнивая Ричардсона, Руссо, Прево, подмѣчая зависимость автора „Новой Элоизы“ отъ Ричардсона, тонко и проницательно обрисовываетъ характеры дѣйствующихъ лицъ и отдаетъ первенство Ричардсону. Такимъ пріемомъ онъ приближается къ новому времени, устанавливая сравнительное изученіе литературныхъ произведеній. Изъ русскихъ поэтовъ онъ знаетъ о Ломоносовѣ и историкахъ того времени. Въ лицѣ Андреса

мы чувствуемъ предтечу новыхъ воззрѣній. Съ нимъ мы приближаемся къ той эпохѣ, когда исторія литературы перестаетъ уже быть только плодомъ трудолюбиваго гелертерства. Съ нимъ мы переступаемъ границу XVIII в. и приближаемся къ XIX в.

Резюмируя свои наблюденія надъ ходомъ историко-литературныхъ изученій XVIII вѣка, акад. Сухомлиновъ говоритъ: „Первоначально исторія литературы возникаетъ въ формѣ отрывочныхъ свѣдѣній о жизни и твореніяхъ писателей, преимущественно древнихъ. Впослѣдствіи на первомъ планѣ являются свѣдѣнія о языкѣ, понимаемомъ въ смыслѣ литературнаго слова (слога). Наконецъ, существеннымъ требованіемъ признается оцѣнка содержанія литературныхъ произведеній, и при этой оцѣнкѣ руководствуются или эстетической, или историческою, или филологическою точкою зрѣнія“ [1]). И это понятно: исторія и исторія литературы еще не были разграничены, эстетическая критика находилась въ расцвѣтѣ своего господства, идеи Вико, его идея эволюціи, основательно забытая, существовали лишь въ слабомъ зародышѣ. Среди трудовъ XVIII вѣка мы найдемъ лишь промежуточныя звенья между исторіей литературы XVII-го и XVIII вѣка.

§ 10. Только къ концу XVIII вѣка исторія литературы освобождается отъ безраздѣльнаго господства то біографіи, то теоріи поэзіи. Первая—загромождала научный синтезъ ненужными подробностями, анекдотами, не имѣющими связи съ творчествомъ. Вторая—вводила обременительную и безполезную классификацію на виды и судила о явленіяхъ литературы по канонамъ, освященнымъ односторонней теоріей.

Гердеръ рѣшительно поколебалъ вѣру въ біографіи и разрушилъ уваженіе къ „видамъ“, суживающимъ рамки творчества, направляя изученіе и изслѣдованіе на новый путь.

Національное пробужденіе, начавшееся въ Германіи еще съ начала XVIII вѣка (вспомнимъ журнальныя статьи Бодмера „Beiträge zur kritischen Historie der deutschen Sprache, Poesie und Beredsamkeit“ съ 1732 г.), призываетъ къ

[1]) Журн. Мин. Нар. Просв., 1871 г., авг., стр. 139.

изученію древнихъ миннезингеровъ, эпическихъ поэмъ древняго германскаго міра; находка пѣсни о Нибелунгахъ создаетъ эпоху въ изученіи родной старины. Но изученія эти не были одухотворены общей идеей. На фонѣ библіографическихъ изученій пѣснь о Нибелунгахъ не могла быть изслѣдована. Создать идеологію національныхъ изученій было суждено представителямъ романтической школы Гердера и бр. Гриммовъ.

Нѣмецкіе писатели второй половины XVIII вѣка въ поискахъ за роднымъ, національнымъ еще внимательнѣе обращаютъ свои взоры на область средневѣковой старины и поэзіи и пытаются здѣсь найти идеалы жизни и творчества, дать философское обоснованіе новому національному движенію. Это новое настроеніе, созданное разобщенными изученіями немногихъ нѣмецкихъ ученыхъ, отразилось и на разработкѣ и опредѣленіи задачъ нашей науки. Она стала пытаться сбросить путы, налагавшіяся схематическимъ литературнымъ міросозерцаніемъ французскаго классицизма, и обратилась или къ исканію теоретическихъ основаній эстетики (эстетическая критика Лессинга) или къ познанію исторически сложившагося духа народа (Гаманнъ, Гердеръ), поскольку онъ выражается въ произведеніяхъ литературы. Представители романтической школы въ исторіи литературы полагали, что творчество народа есть прежде всего самое безыскусственное и непосредственное выраженіе народнаго духа. Совпадая съ Вико, они считали народную поэзію не только не ниже личной, индивидуальной, но даже выше, ибо она выражаетъ коллективное настроеніе и идеалы, а не только настроеніе и идеалы поэтовъ, немногихъ и одинокихъ личностей,—не отдѣльныхъ посѣтителей Парнаса, но всей народной массы въ ея національной совокупности.

Теоретики-эстетики, начиная отъ Буало до Гегеля, а у насъ приверженцы классицизма, Надеждинъ и позже—Бѣлинскій, каждый—по особымъ основаніямъ—были жестокими противниками такого тезиса теоріи романтизма. (Сравн. взглядъ Бѣлинскаго на народную поэзію, какъ на предметъ, не заслуживающій никакого вниманія, и мнѣніе Буслаева, возводившаго ее на недосягаемый пьедесталъ).

Наиболѣе виднымъ представителемъ начальнаго періода научнаго романтизма былъ въ Германіи Гердеръ, не толь-

ко мотивировавшій необходимость для историка литературы считаться съ произведеніями народнаго творчества, но и обогатившій нѣмецкую литературу большимъ количествомъ пѣсенъ разныхъ народовъ въ переводѣ на нѣмецкій языкъ („Stimmen der Völker in Liedern“).

„Народная душа“, выражающаяся въ поэзіи и въ ней изучаемая, является для романтиковъ носительницей всего прекраснаго. Исторія литературы черезъ изученіе произведеній національной литературы становится по Гердеру орудіемъ для познанія народнаго духа.

Роль Гердера была велика. Но въ починѣ обращенія къ народной поэзіи въ Россіи его вліяніе скрещивалось съ непосредственнымъ воздѣйствіемъ народной поэзіи. „Гердеръ“, говоритъ Дашкевичъ, „содѣйствовалъ въ значительной степени развитію интереса къ народнымъ пѣснямъ, но справедливость требуетъ указать также на вліяніе юго-славянской народной поэзіи (сборникъ Вука Караджича) съ одной стороны и на громадное впечатлѣніе, произведенное на весь читающій европейскій міръ—съ другой стороны изданіями и передѣлками англійскихъ и шотландскихъ „народныхъ пѣсенъ“ [1]).

Ближайшими послѣдователями Гердера въ области разработки народной поэзіи, въ связи съ исторіей древней литературы, языка, права и т. д. нѣмецкаго народа, были братья Гриммы, создавшіе новый взглядъ на задачи исторіи литературы. Они своею неутомимою дѣятельностью выдвинули и обосновали положеніе: если античная филологія занимается творчествомъ древнихъ народовъ, то не меньшее значеніе для современной филологіи имѣютъ языкъ и литература европейскихъ народовъ. Бр. Гриммы первые въ Германіи пытались указать на закономѣрность историческихъ явленій, утверждая, что при одинаковыхъ условіяхъ и результаты творчества должны быть одинаковы; ссылаясь на единообразіе человѣческой психики, пытались объяснить сходство повѣрій, преданій и сказокъ у разныхъ народовъ—независимымъ возникновеніемъ однородныхъ произведеній изъ одинаковыхъ условій, создавшихъ духъ народа. (Та же

[1]) „Пѣсни Оссіана“ Макферсона. Отчетъ о 29 присужденіи наградъ гр. Уварова, стр. 141 и слѣд.

точка зрѣнія—у Тэйлора, Lang'a, Фрэзера „The golden bough a study in magic and religion", 1900 г.). Дѣятельность бр. Гриммовъ широко раздвинула понятіе исторіи литературы. Они расширили кругъ изслѣдованія, привлекая памятники, заброшенные французскимъ классицизмомъ, произведенія древней и средневѣковой нѣмецкой литературы, произведенія народнаго творчества: пѣсни, легенды, житія святыхъ и пр. Этому новому для тогдашнихъ историковъ литературы матеріалу они дали новое освѣщеніе, примѣнивъ на немъ старые пріемы изслѣдованія, твердо испытанные надъ произведеніями античной литературы. Имъ принадлежатъ труды по исторіи языка, права и эпоса. Они примѣнили принципы „филологіи" къ нѣмецкому литературному матеріалу и вмѣстѣ со своими современниками и продолжателями (Лахманномъ, Вакернагелемъ и др.) поставили дѣло изученія исторіи литературы на прочную научную почву, выдвинувъ объективные методы изслѣдованія. Для этихъ представителей нашей науки исторія литературы была наукой, изслѣдующей духовную творческую дѣятельность человѣка и человѣчества въ лицѣ его представителей, писателей, пользуясь объективными критеріями и матеріаломъ, заключающимся въ самыхъ твореніяхъ поэтовъ, а не въ извнѣ навѣянныхъ на историка соображеніяхъ, часто апріорнаго характера.

Слабой стороной въ дѣятельности бр. Гриммовъ была сентиментальная идеализація „своего", „древняго", „нѣмецкаго", а также и вообще всего „народнаго". Это „народное" не было еще выяснено, но уже легло въ основу теоретическихъ воззрѣній, и съ этимъ понятіемъ стали обращаться, какъ съ величиной, совершенно ясной и опредѣленной. Насколько труды бр. Гриммовъ въ методологическомъ отношеніи двинули впередъ нашу науку, настолько ихъ идеализація древности и „народности" повредила впослѣдствіи, затормозивъ развитіе научныхъ воззрѣній на процессъ и взаимоотношеніе поэтическаго творчества, индивидуальнаго и коллективнаго.

Со времени бр. Гриммовъ, уже съ конца XVIII ст., кругъ вѣдѣнія историка литературы значительно расширился, и вмѣстѣ съ тѣмъ старое опредѣленіе литературы и ея многочисленныхъ „пользъ" должно было уступить мѣсто

новому. Это расширеніе вслѣдствіе привлеченія матеріала изъ области иноязычныхъ литературъ (восточныхъ) должно было неминуемо повлечь за собою новые опыты перестройки „схемы“ исторіи литературы, какъ науки. Оно, дѣйствительно, и сказалось въ общихъ compendium'ахъ. Не останавливаясь на этомъ подробно, укажемъ лишь на трудъ Вахлера (Руководство къ исторіи литературы, 2 ч. 1804 г., рус. перев. 1836 г.). У Вахлера опредѣленіе задачъ и цѣлей исторіи литературы значительно отличается отъ положеній его предшественниковъ. По мысли его, „исторія литературы представляетъ во взаимной связи (вліяніе Бэкона и Вико) вѣрные факты (вліяніе филологической школы), объясняющіе раскрытіе и образованіе умственныхъ силъ человѣка (вліяніе Гердера) на пути науки и искусства“. „Всеобщая исторія литературы, говоритъ онъ, объемлетъ всѣ вѣка, всѣ народы, всѣ отрасли знаній; она старается объяснить изъ фактовъ и памятниковъ происхожденіе, постепенное усовершенствованіе и современное состояніе литературы; частная исторія литературы представляетъ какую-нибудь часть всеобщей.... напр., 1) исторію умственнаго развитія и ученой дѣятельности; 2) исторію взглядовъ, мнѣній и слѣдствій изъ нихъ; 3) исторію наукъ, взятыхъ отдѣльно; 4) исторію ученыхъ; 5) библіографію и т. д.

Методъ Вахлера — комбинированный: 1) синтетическій, дающій общій вглядъ, 2) аналитическій, дающій историческій обзоръ и обработку отдѣльныхъ наукъ и, кромѣ того, 3) этнографическій, разсматривающій то, что внесено въ науку каждымъ даннымъ народомъ.

§ 11. Обращаясь теперь къ XIX вѣку, мы неизбѣжно встрѣчаемся съ безконечнымъ различіемъ мнѣній о задачахъ и цѣляхъ исторіи литературы. Изложеніе этихъ мнѣній важно для того, чтобы представить себѣ, какъ трудно наука наша выбивалась на вѣрную дорогу. Причины же разнообразія этихъ мнѣній объясняетъ акад. Сухомлиновъ въ приведенной выше цитатѣ неустойчивостью и неопредѣленностью самого понятія „литературы“. Начиная, однако, съ Гердера—мы встрѣчаемъ рядъ попытокъ дать опредѣленіе исторіи литературы, исчерпывающее существенные признаки этой новой науки.

Попытка научнаго опредѣленія исторіи литературы была

сдѣлана Гердеромъ, исходившимъ изъ теоретическаго принципа о существенныхъ особенностяхъ умственной физіономіи народа. По его мнѣнію, литература есть совокупность не всѣхъ произведеній, написанныхъ на извѣстномъ языкѣ, но только такихъ, которыя отражаютъ умственную физіономію создавшаго ихъ народа [1]), т. е. исторія литературы есть исторія идеаловъ (Каррьеръ) народа, и такимъ образомъ исторія литературы совпадаетъ съ культурной исторіей.

Фр. Шлегель предложилъ слѣдующее опредѣленіе: „Подъ словомъ литература мы разумѣемъ всѣ тѣ искусства и науки, тѣ изложенія и произведенія, которыя предметомъ имѣютъ жизнь и самого человѣка“ [2]). Отсюда—выводъ объ исторіи литературы—какъ о всеобъемлющей наукѣ.

Приведемъ еще нѣсколько опредѣленій, данныхъ историками, чтобы затѣмъ попробовать построить свое, которое мы будемъ имѣть въ виду въ теченіе всего нашего курса.

Гервинусъ исторію литературы считаетъ „исторіей поэзіи“, точнѣе не опредѣляя сущность послѣдней.

Іоганнъ Шерръ признавалъ подъ исторіей литературы „совокупность произведеній человѣческаго духа“ (sic!), откуда вытекаетъ, что исторія литературы включаетъ въ себя исторію культуры (явленія внутренняго усовершенствованія) и исторію цивилизаціи (явленія внѣшнихъ усовершенствованій въ жизни человѣка). Самъ чувствуя неопредѣленность и расплывчатую широту своего опредѣленія, Шерръ суживаетъ его, и исторія литературы у него уже оказывается „исторіей произведеній письма и печати всѣмъ извѣстной художественной поэзіи и поэтической прозы“. Недостатокъ этого опредѣленія бросается въ глаза: ссылка на „всеобщую извѣстность художественной поэзіи и прозы“ не имѣетъ никакого научнаго основанія, ибо критерій для опредѣленія „извѣстности“, и „поэтичности“ и пр. очень субъективенъ и въ разное время былъ разнымъ.

Каррьеръ (Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры, 1874) называетъ исторію литературы „исторіей идеаловъ“. Опредѣленіе, несомнѣнно, слишкомъ узко: ибо не

---

[1]) Евлаховъ, назв. соч., I, 189; срв. Haym,—Herder.

[2]) Исторія древней и новой литературы, рус. пер. 1879, 1, стр. 9.

всякое произведеніе литературнаго творчества опредѣленно заключаетъ въ себѣ указаніе на идеалы своего времени, и съ другой стороны масса не только литературныхъ произведеній, но и произведеній искусства и права и др. воплощаютъ въ себѣ идеалы человѣчества. Кромѣ того, изслѣдуя идеалы эпохи, мы ничего не узнаемъ о самыхъ памятникахъ, ихъ возникновеніи, исторіи и пр., между тѣмъ какъ не подлежитъ спору, что задача исторіи литературы—изучить не только „идеалы", а также формы и способы ихъ воплощенія.

Геттнеръ далъ болѣе удачное опредѣленіе исторіи литературы [1]). „Исторія литературы до XVIII вѣка была исторіей книгъ, а послѣ этого стала исторіей идей и ихъ формъ, научныхъ и художественныхъ", т. е. въ общемъ согласно съ Гердеромъ. Къ этому взгляду въ 1870 г. примкнулъ Веселовскій, о чемъ ниже. Но „идея" лежитъ въ основѣ всякаго литературнаго и вообще письменнаго памятника. Изъ числа медицинскихъ, юридическихъ, математическихъ и др. идей—какія не подлежатъ вѣдѣнію исторіи литературы? Руководясь взглядомъ Геттнера, въ исторію литературы пришлось бы включить и исторію, напр., правовыхъ идей, что крайне расширяло бы матеріалъ, подлежащій изученію, и внесло бы рядъ неясностей въ представленіе о задачѣ историка литературы. Къ тому же, напримѣръ, даже самый „художественный" протоколъ анатома едва ли можетъ интересовать историка литературы своимъ содержаніемъ.

Несмотря на бросающееся въ глаза значеніе формы въ искусствѣ вообще и въ поэзіи въ частности—по мнѣнію нѣкоторыхъ историковъ литературы XIX ст.—исторія литературы есть исторія содержанія памятниковъ литературы.

Дашкевичъ, наиболѣе типичный изъ послѣдователей культурно-исторической точки зрѣнія писалъ, напримѣръ, что вопросъ о задачахъ исторіи литературы „сводится къ вопросу объ ея содержаніи, которое выдѣляло бы ее въ ряду другихъ наукъ, посвященныхъ изображенію (sic!) развитія умственной въ широкомъ смыслѣ слова дѣятельности человѣка, къ вопросу о томъ, послѣдовательное развитіе чего она должна воспроизвести, какъ вѣтвь исторической науки" [2]). Вмѣсто

[1]) Исторія англійской литературы, 1-е изд., 1855 г., I, стр. III.

[2]) Извѣстія Унив. Св. Владиміра, 1877, кн. 10, стр. 732.

того, чтобы установить свою точку зрѣнія на литературныя произведенія, Дашкевичъ какъ бы извиняется, что литературныя произведенія не подходятъ подъ рамку „строго научныхъ“ [1]). По мнѣнію Дашкевича, „историкъ литературы долженъ имѣть въ виду тѣ имѣвшія болѣе или менѣе общее значеніе, выдающіяся (?!) произведенія, въ которыхъ выражено въ устно передающемся или записанномъ словѣ свободное и живое отношеніе индивидуальнаго и общественнаго „я“ къ дѣйствительности и самодѣятельности его внутренней жизни“ [1]). Дашкевичъ не даетъ опредѣленія „самодѣятельности внутренней жизни индивидуальнаго и общественнаго „я“, которая не можетъ быть понятной для насъ въ такомъ общемъ выраженіи. Нѣсколько ниже [2]) онъ же заявляетъ: „я придаю при этомъ мало значенія формѣ произведенія“, но, впрочемъ, признаетъ необходимость изученія стиля, отличающаго литературныя произведенія.

Для ученыхъ типа Каррьера и Геттнера „литература является мѣриломъ и умственнаго, и нравственнаго развитія, не столько формою, сколько своимъ содержаніемъ, хотя и красота формы является не случайно, вырабатывается постепенно и предполагаетъ извѣстнаго рода внутреннее соотвѣтствіе“ [3]). Въ этомъ опредѣленіи свойствъ литературы отразился и присущій Дашкевичу характерный эклектизмъ, и та безпомощность, которою отличаются всѣ представители культурно-исторической точки зрѣнія на литературу и ея исторію; ибо свое вниманіе переносятъ они съ существа искусства на далеко не существенную сторону его произведеній, очень важную для историка, но не для историка литературы. Отсюда—чисто историко-литературныя задачи изслѣдованія оказываются для нихъ случайнымъ привѣскомъ и стоятъ на послѣднемъ планѣ. Въ самомъ дѣлѣ, упомянутые ученые ставятъ такія задачи для исторіи литературы: 1) „формулировать послѣдовательное историческое развитіе душевныхъ силъ и дѣятельностей, участвующихъ въ созданіи литературныхъ произведеній и проявляющихся въ нихъ,—параллельность ихъ движенія общему движенію жизни“; 2) „сравнительное изученіе литературы должно вы-

[1]) Дашкевичъ, стр. 733. [2]) Стр. 735.
[3]) Стр. 745—746.

яснить законъ выраженія внутренней жизни человѣка въ литературѣ"; 3)—выяснить „законъ развитія видовъ и формъ литературной дѣятельности и ихъ взаимнаго отношенія" [1]).

Изъ этихъ основныхъ принциповъ, осложненныхъ предразсудками эпохи, вытекаютъ странныя сужденія, далекія отъ научнаго объективизма. Стоя на чисто исторической точкѣ зрѣнія, можно констатировать лишь видоизмѣненія, трансформацію памятниковъ, не входя въ субъективную оцѣнку, къ лучшему или худшему совершаются эти измѣненія. Но, не будучи въ состояніи отрѣшиться отъ привычныхъ взглядовъ своей эпохи, Дашкевичъ признаетъ существованіе патологическихъ, ненормальныхъ явленій въ литературѣ. Для него цѣнна только „самобытная литература"; произведенія, навѣянныя подражаніемъ, не важны; ибо въ нихъ „отраженіе общества не прямо и слабо" и не выражаетъ его типическихъ чертъ [2]). Но современная наука съ особеннымъ вниманіемъ пользуется изученіемъ чужого, заимствованнаго, слѣдя за тѣмъ, какъ оно воспринимаетъ новыя наслоенія, свидѣтельствующія объ измѣненіи вкусовъ и литературныхъ интересовъ новой среды, въ которую попадаютъ переведенные, заимствованные изъ другой литературы памятники.

Для Дашкевича, какъ послѣдователя Карлейля и ученія нѣмецкихъ философовъ о типическомъ, важна не вся совокупность литературныхъ произведеній, а лишь тѣ типическія, „которыя пользовались особенною популярностью", въ которыхъ „самымъ яркимъ и рельефнымъ образомъ выразилась внутренняя жизнь". Такимъ образомъ оправдывается старомодное хожденіе отъ Ломоносова и Пушкина—къ Гоголю, минуя второстепенныхъ писателей, какъ „непопулярныхъ", хотя, можетъ быть, никто лучше не является характернымъ показателемъ литературныхъ вкусовъ эпохи, какъ именно второстепенные писатели, удовлетворяющіе запросы „средняго" читателя; геніи всегда стоятъ впереди вѣка и рѣдко цѣнятся современниками. Ихъ взоры—устремлены въ вѣчность...

Изъ предложеннаго разбора вполнѣ понятно, почему историки типа Дашкевича опредѣляютъ исторію литерату-

---

[1]) Дашкевичъ, стр. 743. [2]) Стр. 739.

ры, какъ науку, слѣдующимъ образомъ: она есть „возсозданіе и выясненіе направленій и содержанія внутренней (психической) жизни Я (въ его цѣлостности) индивидуумовъ, обществъ и народностей въ ихъ задушевномъ, свободномъ, живомъ и творческомъ отношеніи къ дѣйствительности въ различные историческіе моменты, поскольку и какъ все это выражалось въ словесныхъ произведеніяхъ. Короче: исторія литературы есть изображеніе послѣдовательнаго историческаго развитія высшихъ отправленій душевнаго организма въ ихъ совокупности“ [1]). Отсюда „исторія литературы должна всесторонне изобразить внутренній обликъ индивидуумовъ и чрезъ нихъ и обществъ данной эпохи“ [2]).

На первомъ планѣ, такимъ образомъ—исторія „внутренняго облика“, т. е. души эпохи, а не литературной эволюціи, какъ таковой...

Если мы спросимъ: пріемлемы ли для современной науки такія положенія, то является необходимость выдвинуть одно существенное обстоятельство: при такой трактовкѣ „исторіи литературы“, какъ науки,—сами литературныя явленія остаются въ тѣни, ибо на первомъ планѣ стоитъ разнаго рода „я“, а „исторія литературы“ находится въ сторонѣ отъ научныхъ изученій. Подобно тому какъ французскіе эстетики, теоретики литературы нѣкогда изучали всецѣло лишь словечки, изящныя выраженія въ литературныхъ произведеніяхъ,—Каррьеръ и его послѣдователи у насъ, Кирпичниковъ, Дашкевичъ и др.—стали изучать только содержаніе памятниковъ литературы, сравнивая ихъ показанія съ дѣйствительной жизнью.

Призываемая къ подобнымъ задачамъ и цѣлямъ, исторія литературы могла бы только проиграть въ своемъ поступательномъ развитіи, ибо быть только служебной дисциплиной для иныхъ мнимо высшихъ цѣлей—исторія литературы не можетъ, имѣя свое назначеніе, цѣль и методы.

Эта шаткость опредѣленій исторіи литературы, какъ науки, ея задачъ, круга вѣдѣнія и методовъ, какъ давно было указано Л. Е. Колмачевскимъ [3]), зависитъ отъ неустойчивости

[1]) Стр. 737. [2]) Стр. 738.

[3]) „Развитіе исторіи литературы, какъ науки, ея методы и задачи“. Жур. Мин. Нар. Просв., 1884 г., май.

самаго понятія „литературы“: „Если вводить въ кругъ исторіи литературы только проявленія душевной внутренней жизни и дѣятельности, закрѣпленныя словомъ (передается ли оно устно или письменно), то, очевидно, опредѣленіе это будетъ исключать всѣ произведенія, преслѣдующія строго научныя цѣли, точное отвлеченное знаніе и объективность изложенія. Слѣдовательно, только произведенія, выражающія внутреннюю жизнь человѣка или общества, обнаруживающія его независимое (?) отношеніе къ дѣйствительному міру и его треволненіямъ, причемъ не исключающія вліянія чувства и самыхъ разнообразныхъ идеальныхъ стремленій,—только такія произведенія могутъ подлежать вѣдѣнію исторіи литературы“ [1]). Считая, однако, необходимымъ расширить кругъ памятниковъ, находящихся въ вѣдѣніи исторіи литературы, Колмачевскій вноситъ сюда „не только поэтическіе памятники, въ которыхъ особенно рельефно проявляется своеобразный характеръ различныхъ народностей, но и такія произведенія, въ которыхъ и при отсутствіи поэтической формы (sic!) наглядно отражается духовное состояніе эпохи. Такова, напр., духовная литература, которой открывается ранній періодъ среднихъ вѣковъ и, пожалуй, тѣ немногія ученыя произведенія, въ которыхъ особенно ярко отразилась дѣйствительность“ [2]).

Такимъ образомъ, и Колмачевскій въ своихъ теоретическихъ воззрѣніяхъ стоитъ на культурно-исторической точкѣ зрѣнія—да и не онъ одинъ. Что же получается въ итогѣ?

Отсутствіе опредѣленнаго критерія сужденій или желаніе угодить всѣмъ читателямъ безъ различія вкусовъ и требованій, а, можетъ быть, и привычный сумбуръ, царящій порою въ мышленіи филологовъ, когда они безъ достаточнаго основанія возомнятъ себя также и философами,—все это влечетъ за собою порой такіе курьезы, какъ утвержденіе рядомъ, на сосѣднихъ страницахъ—мнѣній и опредѣленій „литературы“ и „исторіи литературы“—если не взаимно исключающихъ, то во всякомъ случаѣ трудно совмѣстимыхъ.

Напримѣръ, въ „Введеніи въ исторію русской литературы“ проф. Архангельскаго [3]) читаемъ:... „Въ строгомъ

---

[1]) Колмачевскій, стр. 14. [2]) Стр. 15. [3]) Стр. 6.

смыслѣ слова „литература“ народа обнимаетъ собой всю совокупность словесныхъ произведеній, существующихъ въ языкѣ этого народа, всю массу произведеній народнаго слова, письма, печати,—всю массу произведеній поэтическихъ, философскихъ, научныхъ и т. д.“ (sic!). Это неизбѣжно, такъ какъ „все это съ различныхъ сторонъ выражаетъ духовную жизнь народа въ его словѣ, языкѣ,—все это условно можетъ быть предметомъ и „исторіи литературы“. И вмѣсто того, чтобы указать ту точку зрѣнія, съ которой всѣ произведенія слова подлежатъ вѣдѣнію историка литературы,—проф. Архангельскій безпомощно начинаетъ „выбирать“ изъ этого матеріала то, „что сильнѣе (?), ярче (?) отразило на себѣ минувшую жизнь народа,—лишь произведенія въ строгомъ смыслѣ (?) „литературныя“, т. е. „поэтическія“, какъ будто это разрѣшаетъ вопросъ, а не влечетъ къ новому: „что же такое поэзія и поэтическое?“ Какъ видимъ, у проф. Архангельскаго условный терминъ „литература“ стоитъ въ перемежку съ понятіемъ „литературы въ строгомъ смыслѣ слова“—двѣ вещи мало совмѣстимыя. А немного ниже [1]) читаемъ: „Литературнымъ произведеніемъ является не только произведеніе поэтическое, но и вообще всякое произведеніе, запечатлѣнное умомъ и чувствомъ, въ той или другой степени отражающее на себѣ духовные (?) интересы общества, эпохи,—выражающее „общественное мнѣніе“ или настроеніе времени, эпохи“.

Въ итогѣ этихъ блужданій между формой и содержаніемъ (отъ утвержденія къ отрицанію и вновь къ утвержденію)—дается опредѣленіе, заимствованное у Дашкевича: „исторія литературы—изображеніе послѣдовательнаго развитія высшихъ (sic!) отправленій душевнаго организма въ ихъ совокупности“. Подобный выводъ при ранѣе указанныхъ противорѣчивыхъ предпосылкахъ, конечно, не удивителенъ, словесники любятъ заключать по аналогіи; однако, здѣсь этотъ пріемъ неумѣстенъ: какихъ-либо высшихъ отправленій физическаго организма біологія не знаетъ.

Понятно, что мыслители, подобные г. Архангельскому вызываютъ энергичную реакцію съ пересоломъ въ другую сторону, какъ, напр., у Евлахова въ его „Введеніи“. Однако,

---

[1]) Стр. 9.

стремленіе опредѣлять исторію литературы, какъ исторію духовной культуры, въ силу традицій 60-хъ годовъ XIX ст.,— стремленіе къ „прекрасному и доброму“ даже въ объективной наукѣ—пролагаетъ себѣ широкую дорогу въ общество и пользуется у него благосклонностью. Недавно вышелъ въ свѣтъ VII томъ „Народной Энциклопедіи“ научныхъ и прикладныхъ знаній Харьковскаго Общества Грамотности (1911 г. М.), гдѣ есть отдѣлъ и литературы [1]), составленный при участіи г. Когана и проф. Вилинскаго. И хотя задачей издательства было „разрѣшить“ „литературныя недоумѣнія и сомнѣнія“ читателя и разрушить „вѣковые предразсудки“ его, „искореняя грубыя суевѣрія, разсѣивая мракъ невѣжества“ [2]),—тѣмъ не менѣе во введеніи мы встрѣчаемся съ повтореніемъ совершенно устарѣлыхъ мнѣній, стоящихъ едва ли не на грани „предразсудковъ“. По мнѣнію редакціи изданія, задачи исторіи литературы заключаются „въ томъ, чтобы по художественнымъ произведеніямъ возстановить картину развитія чувствъ, идей и настроеній, которыми жило общество“. Тутъ же и другое опредѣленіе: задача исторіи литературы—„исторія духовной жизни того или другого народа“ [3]). Оба эти опредѣленія (продиктованныя Геттнеромъ и отчасти Брандесомъ), грѣшатъ тѣмъ, что „задачи исторіи литературы лежатъ внѣ этой (ея) исторіи“, т. е. нашей наукѣ ставятся не ея прямыя, а воспитательныя цѣли, какъ справедливо замѣчено г. Н. Дурново [4]).

Нельзя обязывать науку „исторіи литературы“ слѣдить за отраженіемъ въ литературѣ „классовыхъ противорѣчій“, какъ этого требуетъ Фриче [5]), но, конечно, пересматривая и вникая въ процессъ созданія литературныхъ произведеній, какъ и произведеній другихъ искусствъ, мы не можемъ отрицать то, что принадлежность художника къ тому или иному классу, его классовыя симпатіи неизбѣжно отражаются въ его творчествѣ. Даже прославленный своею „объективностью“ (совершенно мнимой) лѣтописецъ повѣствуетъ толь-

---

[1]) Стр. 215—597.

[2]) Проспектъ Народной Энциклопедіи, М. 1910 г.

[3]) Стр. 128.

[4]) Рус. Филол. Вѣст., 1911 г., № 3., стр. 472.

[5]) В. Фриче, Очерки по исторіи западно-европейской литературы, 1909 г., предисл., стр. 3.

ко о событіяхъ, важныхъ для князей и духовенства, игнорируя воспроизведеніе сторонъ жизни смерда, простонародья. Однако, для историка литературы памятники литературные важны вовсе не потому, что отражаютъ классовые интересы и симпатіи, а потому, что сами въ себѣ заключаютъ свою своеобразную исторію. Должно также отграничить исторію литературы отъ педагогики, ибо послѣдняя, устанавливая временные принципы воспитанія, не свободна отъ классовыхъ или кастовыхъ вліяній, между тѣмъ какъ наука „исторіи литературы" должна быть совершенно независимой отъ воздѣйствія временныхъ общественныхъ направленій и симпатій. Такимъ образомъ, возникаетъ задача дать такое опредѣленіе исторіи литературы, которое не вытекало бы изъ тенденцій исторіи культуры и педагогіи,—ибо исторія литературы должна быть исторіей возникновенія, развитія, гибели и трансформаціи памятниковъ самой литературы. Какъ трудно это опредѣленіе проникаетъ въ жизнь, можно судить хотя бы по книгѣ Лансона, который, самъ являясь изслѣдователемъ именно литературныхъ явленій, въ опредѣленіи исторіи литературы не удержался на высотѣ научнаго объективизма. Онъ говоритъ: «Литературнымъ произведеніемъ является такое произведеніе, которое не расчитано на читателя спеціалиста, не преслѣдуетъ цѣлей спеціальнаго освѣдомленія или спеціальной полезности, или которое, имѣвъ первоначально такое назначеніе, выходитъ за его предѣлы или переживаетъ его и привлекаетъ къ себѣ множество читателей, ищущихъ въ немъ только развлеченія или умственной пищи". Т. е., здѣсь Лансонъ приближается къ пониманію искусства по Канту: искусство безкорыстно.

По Лансону—„признакомъ литературнаго произведенія является художественный замыселъ или художественный эффектъ, т. е. красота или изящество формы. Спеціальныя произведенія становятся литературными въ силу своей формы, которая расширяетъ ихъ дѣйствительную мощь или сообщаетъ ей длительность. Литература составляется изъ всѣхъ произведеній, смыслъ и дѣйствіе которыхъ могутъ быть вполнѣ раскрыты только путемъ эстетическаго анализа ихъ формы" [1]). Отсюда Лансонъ дѣлаетъ выводъ, что къ обла-

[1]) Г. Лансонъ, Методъ въ исторіи литературы, М. 1911 г., стр. 6-7.

сти вѣдѣнія историка литературы относятся тѣ произведенія, „которыя въ силу особенностей своей формы обладаютъ способностью возбуждать воображеніе, чувствительность или эстетическое чувство читателя“ [1]). Мы бы сказали нѣсколько иначе: всякое произведеніе можетъ быть предметомъ разсмотрѣнія историка литературы, но только со стороны своей формы.

Такимъ образомъ, въ опредѣленіи Лансона есть свое уязвимое мѣсто—это ссылка на красоту и изящество формы, т. е. эстетическій анализъ формы, критерій котораго неизбѣжно субъективенъ и шатокъ. Тѣмъ не менѣе Лансонъ вѣрно подходитъ къ вопросу о сущности задачъ исторіи литературы. Правда, и съ точки зрѣнія Лансона, „исторія литературы—часть исторіи цивилизаціи“ [2]), но у него не дано перевѣса исторической точкѣ зрѣнія. Лансонъ приближается къ опредѣленію исторіи литературы, какъ исторіи поэтическихъ формъ. Въ этомъ отношеніи, однако, его предварилъ А. Н. Веселовскій, который давно и непоколебимо выдвинулъ тезисъ: исторія литературы занимается формой литературныхъ произведеній; первичной формой ихъ—является языкъ; но исторія литературы—не лингвистика, предметъ ея вѣдѣнія— поэтическій языкъ, который эволюціонируетъ въ своемъ развитіи. Веселовскій писалъ: „Поэтическій языкъ состоитъ изъ формулъ, которыя въ теченіе извѣстнаго времени вызывали извѣстныя группы образныхъ ассоціацій положительныхъ и ассоціацій по противорѣчію, и мы пріучаемся соединять со словомъ вообще рядъ извѣстныхъ представленій объ объектѣ. Это дѣло вѣкового преданія, безсознательно сложившейся условности. Поэтическія формулы—это нервные узлы, прикосновеніе къ которымъ будитъ въ насъ ряды опредѣленныхъ образовъ, въ одномъ болѣе, въ другомъ менѣе, по мѣрѣ нашего развитія, опыта и способности умножать и сочетать вызванныя образомъ ассоціаціи“ [3]). Для Веселовскаго, въ концѣ концовъ, исторія литературы свелась къ изображенію „эволюціи поэтическаго сознанія и его формъ“ [4]).

---

[1]) Стр. 7. [2]) Стр. 4.

[3]) „Три главы изъ исторической поэтики“, Жур. Мин. Нар. Просв., 1899 г., № 5, стр. 68.

[4]) „Три главы“...

Каждая эпоха имѣетъ свои излюбленные образы и формулы и, независимо отъ нашихъ оцѣнокъ, отъ признанія этихъ формулъ „поэтическими“, „художественными“ или „не поэтическими“, „не художественными“—мы должны считаться съ ихъ развитіемъ, возникновеніемъ и исчезновеніемъ съ литературнаго горизонта.

Исходя изъ того принципа, что 1) всякое художественное произведеніе постольку художественно, поскольку оно есть продуктъ эстетической дѣятельности, и 2) что цѣль всякаго художественнаго произведенія—выявленіе индивидуальности художника, Евлаховъ (ученикъ Веселовскаго) предлагаетъ такое опредѣленіе нашей науки: „Исторія литературы или поэзіи есть исторія произведеній художественнаго творчества, выраженныхъ въ словѣ, т. е. такихъ произведеній слова, которыя имѣютъ два необходимыхъ признака: художественность и индивидуальность, и безъ которыхъ никакое произведеніе слова не есть произведеніе художественнаго творчества вообще, т. е. не относится къ исторіи литературы въ частности“ [1]).

Это опредѣленіе опирается на вышеприведенный тезисъ Веселовскаго, но страдаетъ двумя ясно-замѣтными дефектами: 1) неизбѣжной неопредѣленностью термина „художественный“ и 2) ограниченіемъ круга историко-литературнаго изслѣдованія лишь „поэзіей“, понятіе которой весьма относительно. Такимъ образомъ, даже съ чисто формальной и единственно, по нашему мнѣнію, правильной точки зрѣнія, на которой стоитъ и Евлаховъ,—это опредѣленіе не можетъ быть нами принято: въ самомъ дѣлѣ—неужели среди памятниковъ литературы агіографической или проповѣднической, по существу „нехудожественной“ съ современной точки зрѣнія, ибо не будящей эстетической эмоціи въ цѣломъ,—не найдется въ частяхъ или въ какой-либо сторонѣ ихъ—художественныхъ чертъ?

Въ опредѣленіи литературы намъ нисколько не страшно своею широтою старое опредѣленіе, повторяемое Паулемъ: „Мы въ понятіе литературы“, говоритъ Пауль [2]), „включаемъ все то, что осталось намъ въ извѣстной языковой фор-

[1]) Введеніе въ философію худож. творч., I, стр. 378.

[2]) Methodenlehre, стр. 225.

мѣ, что заключается и распространяется въ таковой—народныя пѣсни, формулы благословенія и заклинанія, судебныя формулы, загадки и самые элементарные виды творчества этого рода, пословицы, традиціонныя шутки", наряду съ продуктами творчества великихъ поэтовъ и историковъ. Вѣдь всякое произведеніе творчества въ словѣ адресуется къ нашему сознанію, но не всякое—къ области нашихъ чувствъ. Произведенія, вызывающія въ насъ лишь акты познанія—мы называемъ прозой; тѣ же, которыя, кромѣ акта познанія, будятъ въ насъ родъ сопутствующихъ эмоцій и заражаютъ насъ тѣмъ или инымъ настроеніемъ—мы называемъ поэтическими. „Макбетъ убилъ короля"—констатируетъ лишь фактъ, вызывая въ насъ актъ познанія; „Макбетъ зарѣзалъ сонъ"... создаетъ представленіе о трагическомъ событіи. Здѣсь, какъ и въ массѣ другихъ случаевъ, форма создаетъ различіе между выраженіями, то не вызывая, то вызывая сопутствующія акту познанія эмоціи.

Отсюда ясно, что вопросъ лежитъ не столько въ матеріалѣ исторіи литературы, сколько въ точкѣ зрѣнія изслѣдователя на этотъ матеріалъ. Ниже мы вернемся еще къ этому вопросу въ связи съ анализомъ исторической и эволюціонной точки зрѣнія на литературныя явленія. Теперь же прибавимъ только, что можно изслѣдовать и стихотвореніе Фета,—и Домострой, и Лѣтопись, но историкъ литературы обсуждаетъ ихъ не въ цѣломъ, не въ отношеніи ихъ содержанія, а лишь въ отношеніи композиціи. Что же касается фактическихъ свидѣтельствъ Лѣтописи или Домостроя, то устанавливать достовѣрность ихъ и цѣнность—дѣло историка.

§ 12. Можно ли выводить литературныя явленія изъ какого-либо одного источника (изъ экономическихъ отношеній, изъ „человѣческаго духа", изъ игры и т. п.)? Фриче видитъ основу развитія литературныхъ явленій въ экономическихъ отношеніяхъ; Гердеръ—въ „духѣ народа"; начало пѣсни Бюхеръ видитъ въ рабочемъ ритмѣ; Аничковъ—въ обрядахъ. Но, несомнѣнно, здѣсь монистическую точку зрѣнія надо отвергнуть: литературныя явленія чрезвычайно сложны, они не могутъ питаться изъ одного только источника. Если религія на нѣкоторыхъ ступеняхъ исторической жизни создаетъ

извѣстныя литературныя произведенія, то это не значитъ, что экономическія или историческія условія не вліяли на развитіе литературы. Поэтому и сводить всѣ литературныя явленія къ одному источнику—нельзя. Равнымъ образомъ нельзя ставить всѣмъ литературнымъ изученіямъ одну цѣль, одну опредѣленную задачу. Одного интересуетъ отношеніе автора къ вопросамъ, волнующимъ современность, другого—его біографія, третьяго—отношеніе даннаго литературнаго произведенія къ предшествующимъ ему и къ возможному иноземному оригиналу и т. д.

Расчлененіе и спеціализація историко-литературныхъ изученій повлекла за собою созданіе бокъ-о-бокъ существующихъ областей изслѣдованія: примитивныя — литературную критику (первый этапъ), литературную исторію (второй этапъ) (Litteraturgeschichte, histoire littéraire), обнимающую все написанное на данномъ языкѣ, содержащую свѣдѣнія объ авторахъ и памятникахъ. Слѣдующіе этапы литературныхъ изученій—исторія литературы (Geschichte der Litteratur, histoire de la littérature)—внутренняя исторія литературы и, наконецъ, высшій родъ литературнаго изученія—историческая поэтика, теорія литературнаго творчества, основанная на историческихъ изученіяхъ.

Слѣдуетъ внимательно избѣгать очень часто допускаемаго смѣшенія понятій и терминовъ: критики и исторіи литературы.

Цѣль критики—прежде всего анализъ и истолкованіе произведеній съ точки зрѣнія момента, переживаемаго самимъ критикомъ: эстетической, публицистической и т. п. Критикъ прежде всего комментаторъ; онъ интерпретируетъ произведеніе, руководясь его данными и тѣмъ запасомъ эмоцій, который вызванъ чтеніемъ. Для него болѣе важно, что говоритъ авторъ, чѣмъ то, какъ онъ говоритъ. Историку важнѣе поставить данное произведеніе въ связь съ предшествующими, объяснить его генезисъ, источники, найти ему мѣсто въ ряду продуктовъ литературной эволюціи. Произведеніе важно не столь само по себѣ, сколь въ общемъ ходѣ литературнаго развитія, въ зависимости, конечно, отъ условій, вліявшихъ на созданіе его.

Судьба историко-литературныхъ изученій сложилась

такъ, что истолкованіемъ памятниковъ, ихъ исторической и эстетической критикой занимались первоначально литературные критики и теоретики, представители модныхъ эстетическихъ и общественно-политическихъ теорій; на долю ученыхъ оставалась подготовительная историческая и филологическая работа. Первые смотрѣли на вторыхъ, какъ на книжныхъ червей и педантовъ, занимающихся мелочами; вторые на первыхъ,—какъ на не заслуживающихъ серіознаго вниманія верхоглядовъ. Это отчужденіе, явившееся результатомъ взаимнаго отрицанія, возникшаго на почвѣ неяснаго представленія о задачахъ исторіи литературы, повлекло за собою раздѣленіе силъ и вниманія работавшихъ надъ однимъ и тѣмъ же матеріаломъ. Въ итогѣ блестящія гипотезы критики—такъ и остались гипотезами, не подтвержденными научнымъ объективнымъ анализомъ; а детальный анализъ ученыхъ изслѣдователей самъ по себѣ не поднялся до плодотворныхъ обобщеній. Но идеальнымъ для насъ является: 1) сознательное раздѣленіе задачъ критики и исторіи литературы; 2) внимательное соблюденіе и критикомъ, и наипаче историкомъ литературы тѣхъ техническихъ пріемовъ анализа, которые могутъ дать почву для гипотезъ и обуздаютъ субъективизмъ индивидуальной критики. Критикъ также не долженъ претендовать на научное значеніе своихъ изслѣдованій, равно какъ ученый не долженъ вмѣшивать въ свои изученія—субъективизма.

Чтобы понимать „художественное“ произведеніе—нужно быть самому художникомъ, обладать даромъ художественнаго воспріятія. Поэтому Флоберъ вполнѣ основательно писалъ по поводу критиковъ и историковъ литературы: „Во время Лагарпа критики были грамматиками, во времена Сентъ-Бева и Тэна они стали историками. Когда же они будутъ художниками, только художниками и вполнѣ художниками“ и т. д.

Главной причиной отъединенія критиковъ отъ историковъ литературы является то, что литературные критики пользуются, большей частью, дивинаціей, интуитивно угадывая сущность литературныхъ явленій. Историкъ же литературы, судя иногда о томъ же явленіи на основаніи того же матеріала,— постоянно стремится контролировать свое твор-

ческое воображеніе оцѣнкою пріемовъ изслѣдованія и провѣркою основательности ихъ критеріевъ [1]).

Черта, отграничивающая критику отъ исторіи литературы, еще и та, что вторая, анализируя литературное явленіе, имѣетъ цѣлью его генезисъ и мѣсто въ эволюціонномъ рядѣ. Первая же имѣетъ болѣе практическія задачи—истолковать литературное явленіе; давая ему оцѣнку, критика учитъ не тому, что было, а что должно быть съ точки зрѣнія критикующаго, т. е. по своей сущности лишена научной объективности. Она, переступая грани научности, пытается установить для творчества поэта разнаго рода обязательства.

Напрасно Кранцъ выдвигалъ требованіе—необходимость и для литературной критики быть не педантичной, не догматической [2]): его требованія похвальны, но едва ли достижимы. Нѣкоторый догматизмъ неизбѣженъ въ литературной критикѣ: мы хладнокровно смотримъ на отдаленныя явленія литературы, ибо они не вызываютъ въ насъ эмоцій; но на произведенія современныя мы неизбѣжно переносимъ свои вкусы и эмоціи. Поэтому критика всегда импрессіонистична. Но историкъ литературы долженъ оградить себя отъ пріемовъ литературной критики; въ противномъ случаѣ его изслѣдованіе будетъ лишено всякой научной цѣнности. Для примѣра мы можемъ взять ту часть труда проф. Е. Голубинскаго [3]), которая представляетъ собою публицистическій памфлетъ на литературу до-монгольскаго періода и которая отрицается даже ревнителями его ученыхъ заслугъ въ области изученія исторіи русской Церкви.

---

[1]) Срв. Л.-Данилевскій, т. I, стр. 8.

[2]) Опытъ философіи литературы, стр. 12.

[3]) Исторія русской церкви, I.

Методы.

„Художникъ не имѣетъ иной цѣли, кромѣ созданія красоты; ученый не имѣетъ иной цѣли, кромѣ исканія истины".

Тэнъ.

§ 13. Слово „методъ" (греч. ἡ μέθοδος) собственно означаетъ „путь"; методъ въ наукѣ—путь изслѣдованія, совокупность пріемовъ, ведущихъ къ раскрытію истины.

Сообразно своей исходной точкѣ сужденія о литературныхъ явленіяхъ, методы дѣлятся на субъективные и объективные. Первые исходятъ въ своихъ сужденіяхъ изъ критеріевъ характера догматическаго, принимаемаго a priori; вторые отправляются отъ принциповъ, опирающихся на итоги опыта и наблюденія надъ исторически слагающимися измѣненіями, и критерій для сужденія о литературныхъ явленіяхъ почерпаютъ не изъ готовыхъ апріорныхъ правилъ и аксіомъ, а изъ данныхъ историческаго процесса и свойствъ подлежащаго изученію матеріала.

Термины субъективный и объективный, конечно, условны, о чемъ мы говорили выше, когда указывали различіе между всевозможными „субъективными" сужденіями и оцѣнками литературныхъ явленій.

Обратимся къ вопросу о методѣ.

Вопросъ о методѣ въ каждой наукѣ самый важный, ибо каждый выводъ постольку пріемлемъ, поскольку пріемлемы его основанія. Если эти основанія сомнительны или только гипотетически-возможны, то и выводы будутъ равносильной достовѣрности. Если матеріалъ достовѣренъ, но методы недостаточно обоснованы, то выводы будутъ сомнительно истинны, пропорціонально истинности самыхъ пріемовъ. Какъ указалъ еще основатель научнаго мышленія Ф. Бэконъ, исторія всякой науки проходитъ слѣдующіе моменты: отъ констатированія фактовъ она переходитъ къ ихъ

классификаціи [1]) далѣе—къ изслѣдованію основныхъ причинъ [2]) и, наконецъ, постепенно къ раскрытію законовъ и аксіомъ, обусловливающихъ эти факты. Важнѣйшими моментами въ созданіи науки являются два послѣднихъ, когда масса сырого матеріала получаетъ свое осмысленіе, и намѣчается нѣкоторая закономѣрность, освѣщающая ихъ. Самымъ важнымъ моментомъ является моментъ методологическій, когда вырабатываются методы нарождающейся науки [3]). Въ однихъ случаяхъ методы выясняются и формулируются быстрѣе, въ другихъ—медленнѣе. Но нахожденіе для данной науки соотвѣтствующаго метода уже является залогомъ ея успѣховъ. Отсюда—важность изученія тѣхъ пріемовъ, которыми пользовались наши предшественники, и которые примѣняютъ современники,—съ одной стороны, а съ другой—важность анализа методовъ съ точки зрѣнія ихъ соотвѣтствія цѣлямъ познанія научной истины.

О значеніи метода въ любой наукѣ не приходится говорить: ясно, что для того, чтобы что-нибудь сдѣлать, надо знать какъ сдѣлать съ наименьшей затратой силъ и способностей. Исторія всякой науки показываетъ, какъ медленно вырабатывались ея методы. То же было и въ области исторіи литературы. Мало того, здѣсь—и въ древнемъ мірѣ, и въ эпоху Возрожденія въ Европѣ, и въ Россіи въ XVIII—XIX ст.—мы можемъ намѣтить аналогичные пути развитія метода изученія исторіи литературы.

Что же касается мысли объ „универсальномъ методѣ“, то ее надо отбросить, ибо каждая область знанія имѣетъ свой оригинальный матеріалъ. То, что важно историку, юристу, изслѣдующимъ также словесные памятники,—совершенно неважно для историка литературы и наоборотъ. Ибо мы изучаемъ не жизнь людей и ея законы, а жизнь литературныхъ памятниковъ, законы ихъ созданія и принципы поэтическаго творчества. Отправляясь отъ тезиса, что исторія литературы есть исторія формъ, Евлаховъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что и методы исторіи литературы, какъ науки, будутъ настолько отличны отъ методовъ общей

---

[1]) „Novum Organum“, рус. пер., кн. I, § 102.
[2]) Ibid. I, § 103. [3]) Ib. I, § 99. [4]) Ib. I, § 100.

исторіи культуры, насколько исторія формъ можетъ отличаться отъ исторіи идей [1]). Но будутъ ли эти методы чисто „умозрительными“ или историческими? Конечно, историческими, ибо всякая эволюція можетъ быть изучаема только въ исторической перспективѣ на основаніи объективныхъ данныхъ, а не на основаніи однихъ умозрѣній.

Методы исторіи литературы во всей ихъ совокупности мы дѣлимъ на двѣ главныя категоріи: на методы субъективные и объективные. О субъективныхъ и объективныхъ сужденіяхъ было сказано выше. Подобнымъ же образомъ одни изъ методовъ заключаютъ въ себѣ преобладаніе субъективизма, индивидуальной оцѣнки, другіе—сужденія о разныхъ сторонахъ явленій. Субъективные методы, примѣняемые къ изученію литературныхъ произведеній, всегда имѣютъ своимъ критеріемъ готовую предпосылку. Въ объективныхъ методахъ мы имѣемъ дѣло лишь съ матеріаломъ, который служитъ предметомъ наблюденія, и съ пріемами, помогающими анализу и классификаціи матеріала по заключающимся въ немъ признакамъ.

Методы субъективные.

§ 14. Къ категоріи субъективныхъ методовъ слѣдуетъ прежде всего отнести наиболѣе популярный эстетическій методъ, въ основѣ котораго лежитъ предпосылка, принимаемая на вѣру, о существованіи абсолютно-прекраснаго. Принципъ и законы „прекраснаго“ выводятся изъ изученія немногихъ „образцовыхъ“ произведеній и прилагаются къ оцѣнкѣ остальныхъ. „Эстетикъ“, говоритъ Гервинусъ, „всячески избѣгаетъ сравненія разсматриваемаго произведенія съ другими разнородными“, для него достаточно принятаго на вѣру критерія прекраснаго. Чуждый исторической перспективы, эстетикъ объясняетъ, „какъ твореніе поэта возникаетъ, зрѣетъ и развивается само изъ себя, онъ показываетъ его внутренній ростъ, а также отношеніе къ творческой силѣ поэта“.

Является вопросъ, что же такое эстетическое созерца-

[1]) Евлаховъ, I, стр. 374.

ніе? По Канту, это „безцѣльная цѣлесообразность“; эстетическая эмоція (или по Лонгину ἔκπλήξις—волненіе)—совершенно не обусловлена содержаніемъ предмета, а истекаетъ отъ его формы: мы съ одинаковымъ вниманіемъ смотримъ изображеніе войны и идилліи, ибо для насъ важно, „какъ“ изображено, а не „что“ изображено. Эстетическое волненіе основано на сочувственномъ переживаніи, причемъ мы, переживая эстетическое наслажденіе, сознательно сосредоточиваемъ наше вниманіе [1]).

Въ то время, когда еще господствовало воззрѣніе на исторію литературы, какъ на отрасль знанія, обнимающую всѣ проявленія человѣческаго творчества въ словѣ, все же существеннымъ, главнымъ, а нѣкоторые—даже исключительнымъ содержаніемъ исторіи литературы считали поэзію, правда, опредѣляя ее чисто внѣшнимъ образомъ: поэзія и стихотворство были тожественными понятіями. Но рано явилось стремленіе выдѣлить изъ массы произведеній поэтическаго творчества такія, которыя имѣли бы особыя свойства, помимо стихотворной формы. Первый выдвинулъ принципы эстетической критики, эстетической оцѣнки литературныхъ произведеній Аристотель въ своей поэтикѣ, гдѣ критеріемъ прекраснаго являются произведенія Гомера, съ которымъ онъ сопоставляетъ трагиковъ.

Вопросы литературной эстетики затрагивалъ въ III вѣкѣ до Р. Х. Діонисій Лонгинъ (Περὶ ὕψους); далѣе Горацій, стремившійся пересадить на римскую почву эстетическія понятія грековъ въ упрощенномъ видѣ. Филологи Ренессанса ощущали красоты античной поэзіи и сдѣлали ихъ мѣриломъ красоты для оригинальныхъ и подражательныхъ произведеній поэзіи новаго времени. Рядъ правилъ для творчества, подобнаго античнымъ образцамъ, собранъ въ „Піитикахъ“, начиная съ „піитики“ Скалигера (1540 г.) вплоть до „L'art poetique“ Буало (1674 г.) Задачей этихъ трудовъ было на основаніи анализа композиціи, сюжетовъ и стиля древнихъ произведеній—создать рецептъ прекраснаго и критерій для оцѣнки новыхъ литературныхъ произведеній. Все, что находили прекраснымъ у классиковъ, становилось обязательнымъ для творчества новыхъ поэтовъ. Буало считалъ

[1]) Евлаховъ, I, стр. 450—459.

самымъ важнымъ форму, стиль; содержаніе было для него дѣломъ второстепеннымъ; такимъ образомъ, Буало стоитъ какъ будто на нашей точкѣ зрѣнія на литературныя произведенія. Но особенность воззрѣнія Буало въ томъ, что онъ эстетическое волненіе пытался замѣнить готовымъ обязательнымъ рецептомъ поэтическаго воспріятія, установивъ заранѣе выработанный критерій формы. Буало пытается соединить реализмъ съ искусственностью: основной источникъ поэзіи—природа, а далѣе—разумъ; онъ также представляетъ себѣ красоту, которая отожествляется съ истиной: прекрасно—только истинное; воплощеніемъ истины является природа. Поэтъ долженъ подражать природѣ, но—лишь въ рамкахъ, дозволенныхъ хорошимъ тономъ салоновъ, придворнаго этикета, ибо поэзія должна доставлять (согласно съ Гораціемъ) удовольствіе, а потому все, что въ природѣ существуетъ, но не доставляетъ удовольствія, должно остаться за порогомъ поэзіи. Поэзія должна создавать не случайное, а вѣчное, не людей, а типы. Древніе умѣли наблюдать міръ и извлекать изъ него существенное; оттого-то они—незамѣнимый предметъ для подражанія.

Нѣмецкій подражатель Буало, Готшедъ окончательно заморозилъ теорію поклонниковъ эстетики Буало, замѣнивъ талантъ усидчивостью и соблюденіемъ „правилъ“. Критеріемъ прекраснаго у него является „пріятное“ и вмѣстѣ съ тѣмъ „мудрое“ и „нравоучительное“, ибо древніе поэты были вмѣстѣ съ тѣмъ и философами и наоборотъ. У Готшеда на все были установленныя правила и рецепты, царившіе до половины XVIII вѣка. (См. его „Versuch einer kritischen Dichtkunst für die Deutschen, darinnen erstlich die allgemeinen Regeln der Poesie, hernach alle besondern Gattungen der Gedichte abgehandelt und mit Exempeln erläutert werden, überall aber gezeigt wird, dasz das innere Nachamung der Naturbestehe“ (1730 г.) и „Ausführliche Redekunst“ (1737 г.).

Основателемъ литературной эстетики явился Баумгартенъ, осмыслившій принципъ литературной критики, основываясь на Аристотелѣ, Горацiи, Цицеронѣ и Квинтиліанѣ и развивая ихъ идеи на основаніи философскихъ воззрѣній Лейбница и Вольфа. По его мнѣнію, задачей эсте-

тики является оцѣнка литературнаго произведенія съ точки зрѣнія соотвѣтствія идеалу прекраснаго.

Ученіе объ идеалѣ прекраснаго для всѣхъ вѣковъ было подсказано Платономъ. По ученію Платона [1]), „красота есть вѣчная, неизмѣнная идея". Эта идея всего ярче отражается въ мірѣ явленій. Человѣкъ благоговѣйно склоняется передъ нею. Видя красоту земную, человѣкъ окрыляется и вспоминаетъ красоту истинную, идеальную. Разъ познавъ красоту, душа не можетъ съ нею разстаться безъ боли. „Вдали отъ красоты душа бьется, негодуетъ и страдаетъ. Но эта тревожная боль въ то же время и истома, такъ какъ душа хранитъ въ себѣ воспоминанія о красотѣ и этимъ воспоминаніямъ радуется" [2]). Тотъ же Платонъ опредѣляетъ красоту, какъ чистое удовольствіе, какъ соразмѣрное и гармоническое, цѣльное и совершенное [3]). Но уже у Платона и его послѣдователей наблюдается разногласіе въ опредѣленіи красоты. Съ точки зрѣнія Гилярова (психологической), „красота есть то, что равномѣрно прямо или косвенно удовлетворяетъ умъ и чувство" [4]). Но къ этому присоединяется оговорка: „Несомнѣнно, однако, что ни одинъ законъ не въ состояніи обнять всѣ особенности въ рядѣ сходныхъ явленій; поэтому оцѣнка красоты до извѣстной степени должна зависѣть отъ личныхъ склонностей. Невозможно найти двухъ людей, которымъ бы нравилось то же самое равномѣрно и въ одномъ и томъ же отношеніи, подобно тому, какъ невозможно найти двухъ людей, для которыхъ была бы совершенно одинаково ясна одна и та же математическая теорема. Что восхитительно для одного, въ томъ не видитъ ничего хорошаго другой, и что ясно и стройно для одного—кажется не вполнѣ вразумительнымъ и сбивчивымъ для другого". Примѣръ: „Любовь къ наукѣ дѣлаетъ прекрасными такіе отдѣлы, отъ которыхъ иной отворотится, какъ отъ нестерпимой скуки" [5]).

Съ эстетическимъ (идеей прекраснаго) мы встрѣчаемся всюду и вездѣ; но историкъ литературы не философъ, онъ оперируетъ не надъ чистыми идеями, а съ ихъ воплоще-

---

[1]) Гиляровъ, „Платонизмъ", стр. 65 и слѣд.

[2]) Гиляровъ, стр. 66. [3]) Стр. 71.

[4]) „Платонизмъ", стр. 71. [5]) Стр. 73.

ніемъ въ осязательныхъ формахъ. И эти-то формы, прекрасныя въ одну эпоху и для однихъ авторовъ и читателей, въ другую далеко не кажутся прекрасными. Мы не оспариваемъ существованія у всѣхъ сколько-нибудь мыслящихъ людей идеи и идеала прекраснаго, но только говоримъ о его индивидуальности и субъективности. Въ самомъ дѣлѣ, по ученію Сократа [1]), однѣ и тѣ же вещи—и прекрасны и безобразны, въ зависимости отъ ихъ назначенія по отношенію къ той пользѣ, съ которой онѣ могутъ быть употреблены. Все хорошо и прекрасно по отношенію къ тому, для чего хорошо приспособлено, и все дурно и безобразно по отношенію къ тому, для чего дурно приспособлено" [2]). Равно прекрасны и полководецъ, и горшечникъ, если они хорошо исполняютъ свое дѣло. Наше сужденіе о „прекрасномъ" можетъ быть совершенно различнымъ... Прекрасное различно понимается въ разныя эпохи, и отсюда наши сужденія о явленіяхъ—съ эстетической точки зрѣнія совершенно индивидуальны, и заключать отъ такихъ сужденій къ дѣйствительности—невозможно. „Вѣдь изъ того, что впечатлѣнія, полученныя нами отъ нѣкоторыхъ объектовъ внѣшняго міра, возбуждаютъ въ насъ чувство прекраснаго, еще не выходитъ, чтобы эти объекты были прекрасны сами по себѣ. Они не всегда и вызывали это чувство; тому доказательствомъ исторія вкусовъ, хотя бы исторія художественнаго идеала природы",—пишетъ справедливо Веселовскій [3]).

Подобнымъ же образомъ неустойчива эстетическая оцѣнка и литературныхъ явленій.

Сущность поэтическаго литературнаго стиля заключается въ способности внушать, суггестировать читателю, слушателю образы и идеи. Но въ каждую эпоху—этою способностью обладаютъ различныя особенности, различныя формулы. Пьесы—мистеріи на Р. Хр., волновавшія сотни вѣковъ сердца зрителей, безъ сомнѣнія, имѣли въ себѣ нѣчто, спо-

---

[1]) Ксенофонтъ, „*Memorabilia*" III, 8, 1–7.

[2]) Перев. Гилярова, „Платонизмъ", стр. 62.

[3]) Разборъ книги П. Д. Боборыкина, Европейскій романъ, 1906 г., стр. 11.

собное вызывать эстетическія эмоціи; но Тикноръ [1]) отзывается объ извѣстной пьесѣ, изд. Дю-Мерилемъ: „пьеса эта не имѣетъ никакихъ поэтическихъ достоинствъ". Очевидно, мѣрка „поэтическаго" у зрителей мистерій и у американца пол. XIX в.—различны. Стихотворенія Петровской эпохи—трогали современниковъ, но были безвкусны для XVIII вѣка; стихи Карамзина исторгали въ свое время слезы,—въ наше время никакихъ поэтическихъ эмоцій, настроеній не вызываютъ, оставляя спокойнымъ наше сердце. Условность эстетическихъ оцѣнокъ зависитъ отъ того, суггестируетъ ли данное произведеніе намъ эстетическія эмоціи. „Мы твердимъ о банальности, о формализмѣ средневѣковой поэзіи любви, но это наша оцѣнка: что до насъ дошло формулой, ничего не говорящей воображенію, было когда-то свѣжо и вызывало ряды страстныхъ ассоціацій" [2]).

Искусство, имѣя цѣлью „какъ", а не „что",—воспроизводило въ разное время явленія, не заботясь объ ихъ сущности, а лишь о томъ, какъ они представляются художнику, вызывая эстетическія эмоціи; египетскіе художники изображали людей съ голубыми и зелеными лицами; Анакреонтъ въ одномъ стихотвореніи придалъ рога—самкѣ лани; Лаокоонъ—жрецъ—въ извѣстной статуѣ изображенъ нагимъ, какъ рабъ. Примѣры такихъ противорѣчащихъ природѣ вещей и нашей эстетикѣ случаевъ въ большомъ числѣ собраны у Евлахова [3]). Добавимъ къ сказанному тамъ два примѣра, которые краснорѣчивѣе разсужденій избразятъ нашу мысль. Что, напримѣръ, говоритъ современному намъ читателю такая манерность, какъ у поэта XV в. Серафино делль Аквила, у котораго „недостающій у дамы зубъ—окно, открытое Амуромъ; Амуръ, расположившись во рту дамы, вырвалъ этотъ зубъ, чтобы чрезъ это отверстіе слѣдить за непріятелемъ и пустить въ него свою стрѣлу прямо въ цѣль"; „вздохи поэта поджариваютъ небесныхъ птицъ" и т. п. [4]). Еще примѣръ: Порембовичъ [5]) приводитъ, напр., такой об-

---

[1]) Ист. испанск. лит., I, стр. 210.

[2]) Веселовскій, Изъ исторіи эпитета, Журн. Мин. Нар. Пр., 1889 г., № 12, стр. 199.

[3]) Назв. соч., т. I, стр. 255 и слѣд. [4]) Моньe, стр. 546.

[5]) A. Morsztyn, стр. 261—262.

разчикъ эстетическихъ вкусовъ XVII вѣка: „распущенные волосы красавицы, которые, бѣжа золотою ногою, пользуются свободой безъ узды“; подобная вычурность рѣчи въ эпоху барокко никого не поражала. Въ XVII вѣкѣ наслаждались во Франціи своей поэзіей, а теперь даже чуткій къ красотамъ Гюйо находитъ ее „мало поэтической“, „потому что она слишкомъ логична и геометрична“ [1]).

Картину эстетической эволюціи мы находимъ у ряда современныхъ писателей.

Люди, выросшіе въ иныхъ соціальныхъ, этическихъ, а главное—эстетическихъ условіяхъ, обычно усматриваютъ въ постоянно и независимо отъ ихъ воли развивающейся литературѣ—упадокъ, вырожденіе. Всѣми имѣющимися въ ихъ распоряженіи средствами они стараются уничтожить юное поколѣніе. Въ полной (и добавимъ—добросовѣстной) увѣренности, что они борются противъ новаторовъ во имя „идеализма“, „красоты“, „нравственности“, „вѣчныхъ законовъ искусства“,—они въ этой борьбѣ за „правду, красоту и добро“ не замѣчаютъ, что въ умахъ новаго поколѣнія эти прекрасныя понятія пріобрѣли совершенно иное значеніе [2]).

Эта точка зрѣнія не нова: „еще двадцать лѣтъ тому назадъ нѣмецкій историкъ Оттокаръ Лоренцъ предложилъ въ качествѣ основы философіи исторіи ученіе о поколѣніяхъ. Лоренцъ считаетъ, что большія историческія перемѣны укладываются въ рамки жизни поколѣній, что законъ ихъ слѣдованія есть законъ смѣны человѣческихъ генерацій“ [3]). То же, въ сущности, mutatis mutandis находимъ мы и у Куммера.

Прекрасной иллюстраціей къ приведеннымъ выше словамъ его служитъ отношеніе русскаго общества и критики, напр., къ Гоголю въ 30-хъ и 40-хъ годахъ XIX ст., въ 1890-хъ годахъ—къ драмамъ Чехова и къ молодымъ поэтамъ нашего времени, среди которыхъ вызывалъ рѣзкіе отзывы ставшій теперь классическимъ поэтомъ—В. Брюсовъ.

Со временемъ новое поколѣніе побѣждаетъ: оно въ свою

---

[1]) Искусство съ соціологической точки зрѣнія, стр. 369.

[2]) Куммеръ, О смѣнѣ литературныхъ поколѣній и литературныхъ кумировъ, рус. пер., 1910 г.,стр. 18.

[3]) Виппперъ, Очеркъ теоріи истор. познанія, 1911 г., стр. 96—97.

очередь „создаетъ свои „вѣчные законы“ искусства, которые выкраиваются по характернѣйшимъ качествамъ побѣдителей“ [1]). И такія истины держатся, въ зависимости отъ быстроты общественной и литературной эволюціи, лѣтъ 12—15, пока ихъ не смѣнятъ новыя.

Такимъ образомъ, очевидно, что эстетическія оцѣнки—временны и непригодны для научныхъ историко-литературныхъ цѣлей.

Очень часто мы встрѣчаемся съ такими случаями оцѣнокъ: люди, не сознающіе узко субъективной точки зрѣнія эстетической оцѣнки, ссылаются нерѣдко на свое „непониманіе“ тѣхъ или иныхъ произведеній и почитаютъ себя мѣриломъ вкуса. Подобныя оцѣнки мы находимъ, напр., и у Л. Толстого. („Что такое искусство“). Но фактъ „непониманія“ тѣмъ или инымъ лицомъ художественныхъ красотъ произведеній вовсе не доказываетъ „нехудожественности“ послѣднихъ, равно какъ и „пониманіе“—ихъ „художественности“.

Вліяніе на насъ произведеній художественнаго творчества основано на томъ, что эти произведенія вызываютъ въ насъ сочувственныя эстетическія эмоціи. Они дѣйствуютъ только на тѣхъ людей, чьи душевныя особенности воплощены въ эстетическихъ свойствахъ художественнаго произведенія. „Короче говоря—художественное произведеніе дѣйствуетъ только на тѣхъ, чьимъ выраженіемъ оно служитъ“ [2]). Можно ли при этомъ условіи дѣлать эстетическую критику базисомъ для науки, создающей не индивидуальное, а общее? Отвѣтъ неизбѣжно подсказывается только отрицательный.

Главнымъ врагомъ научной исторіи литературы являются теоретическія предпосылки, навѣянныя извнѣ, а не вытекающія изъ сущности литературнаго матеріала. Исторія литературы въ этомъ отношеніи находится въ тожественномъ положеніи съ исторіей всеобщей. „Исторія, какъ всякая другая отрасль знанія, допускаетъ главнымъ образомъ случайныя ошибки, происходящія отъ недостатка вниманія (бдительности); но она больше всѣхъ другихъ подвержена ошибкамъ, проистекающимъ отъ неустойчивости

---

[1]) Куммеръ, стр. 21.

[2]) Эннекенъ, Опытъ построенія научной критики, стр. 76.

человѣческаго ума, который приводитъ къ недостаточному анализу и къ построенію важныхъ умозаключеній“ [1]), навѣваемыхъ тѣми εἴδωλα, которыя навязываются намъ жизнью и воспитаніемъ, общественными и классовыми интересами и предразсудками, борьбою вкусовъ и стремленій, выраженіемъ которыхъ въ итогѣ является литература. „Эстетическія, этическія и интеллектуальныя понятія произошли изъ чувства: они образовались тогда, когда мышленіе овладѣло чувствами и вывело на свѣтъ сознанія содержащееся въ нихъ инстинктивное познаніе. Но и на этой ступени научный анализъ чувствъ не можетъ имѣть той вѣрности и точности, какой бы мы желали, потому что и здѣсь процессъ, вырабатывающій чувство, принадлежитъ совершенно къ области безсознательной души. Поэтому понятія, изслѣдованіемъ которыхъ занимается эстетика, этика, не имѣютъ ничего твердаго и безспорнаго“ [2]).

Всякая догматическая критика—эстетическая, моральная, политическая, соціальная, даже религіозная—имѣетъ цѣну, ибо она есть выраженіе личнаго или коллективнаго сознанія или пониманія литературныхъ явленій. Она имѣетъ цѣну, но не историческаго научнаго вывода, а цѣну документа, такого же, какъ изучаемое произведеніе, вызвавшее критику. Въ критикѣ—возможна оцѣнка литературныхъ явленій съ точки зрѣнія эстетическихъ понятій момента. Въ исторіи литературы эстетическая критика можетъ быть только исторической, т. е. принимать за основные принципы эстетической оцѣнки—понятія, современныя памятнику, и предпринимать сравненіе его съ современными ему, аналогичными произведеніями литературы.

И эстетическая, какъ и публицистическая критика имѣютъ полное право на существованіе, пока онѣ остаются въ предѣлахъ своихъ задачъ. Но, какъ замѣчаетъ Лансонъ [3]), онѣ никогда не остаются въ своихъ границахъ: „рѣдко когда критикъ можетъ устоять противъ искушенія примѣшать къ своимъ впечатлѣніямъ историческія сужденія или выдать свое индивидуальное пониманіе за подлинную сущность предме-

---

[1]) „Revue philosophique“, 1, 178.

[2]) Вундтъ, Душа человѣка и животныхъ, Спб. 1861 г., II, 59.

[3]) Методъ въ ист. литер., стр. 2.

та“ [1]). Признавая равномѣрно важное значеніе за литературною критикою, какъ за выразительницей оцѣнки литературныхъ произведеній съ точки зрѣнія временныхъ идеаловъ, мы, говоря словами Лансона, „требуемъ только, чтобы догматическая критика, всегда страстная и пристрастная, ежеминутно готовая принять свою вѣру за мѣрило не только истинности фактовъ, но и самой реальности,—не выдавала себя за исторію и публикою не принималась за исторію“ [2]).

Дѣятельность эстетической критики опирается на сомнительный и не всеобщій критерій красоты, сводится къ одобрительнымъ и неодобрительнымъ отзывамъ о произведеніяхъ литературы, къ раздачѣ авторамъ похвальныхъ аттестатовъ или порицаній. При попыткѣ построить „исторію литературы“ на принципахъ такой эстететической критики, получается рядъ хронологически-нанизанныхъ фактовъ, съ искусственно приклеенными на нихъ этикетками: „эпосъ“, „лирика“, „драма“,—„прекрасно“, „посредственно“, „неудовлетворительно“. „Судившій о явленіяхъ литературы изслѣдователь, говоритъ Буслаевъ, „обращался только къ свѣтиламъ литературы и искусства и именно къ свѣтиламъ первой величины: выставлялъ великія достоинства Данта и Шекспира, Ломоносова и Державина, и съ высоты своего эстетическаго трибунала, вооруженный мнимо-безпристрастною критикою, величаво раздавалъ мелкія награды прочимъ писателямъ, которыхъ удостоивалъ своей эстетической оцѣнки“[3]). Этотъ методъ въ свое время примѣнялся западно-европейской наукой, примѣнялся и у насъ (Бѣлинскій въ началѣ дѣятельности, Шевыревъ, Никитенко, Галаховъ), но для разумѣнія историческаго процесса въ области литературы онъ далъ очень мало. Здоровое зерно этого метода заключается въ томъ, что онъ ставитъ на первый планъ изученіе самаго произведенія, а не постороннихъ обстоятельствъ.

Подводя итоги сказанному объ эстетическомъ методѣ, получимъ слѣдующее: эстетическій принципъ важенъ для литературной критики и только, ибо эстетическія воспріятія, на которыхъ мы строимъ теорію,—безконечно индивидуально-субъективны. Однако, въ видѣ возраженія часто говорятъ, что, если нѣтъ абсолютно-существующаго „прекрас-

[1]) Стр. 3. [2]) Стр. 3. [3]) Историч. очерки, I, стр. 402.

наго", то самая идея о немъ врождена и дикарю, и европейцу, и новозеландцу, и Канту, разнообразны лишь ея воплощенія. Но именно, весь вопросъ въ томъ, что эта „идея", лишенная формы, въ которой воплощена, никогда не можетъ быть критеріемъ для эстетическихъ сужденій; послѣднія всегда отправляются отъ какого-либо воплощенія идеи прекраснаго: отъ гармоніи звуковъ (разной для европейца и африканца), отъ условной красоты образовъ, красокъ, поступковъ и т. п.

Обычно здѣсь ссылаются на средняго „нормальнаго человѣка". Но развѣ геніи, творящіе произведенія искусства и поэзіи,—типичные, средніе „нормальные люди"? Наука говоритъ обратное.

Въ области литературной критики эстетическая точка зрѣнія неизбѣжна: она закономѣрно отражаетъ взгляды критика и сочувствующихъ ему, согласныхъ съ нимъ—на поэзію и отдѣльныя ея проявленія.

Но теперь, когда выдвинута идея эволюціи эстетическихъ понятій, когда въ сознаніи критически мыслящаго человѣка нѣтъ уже устойчивыхъ эстетическихъ предпосылокъ, которыя можно было бы поставить въ основаніе научнаго изслѣдованія,—ибо въ короткій промежутокъ времени ихъ сущность измѣняется,—теперь въ исторіи литературы эстетическій методъ внѣ исторической перспективы—безусловно не примѣнимъ.

§ 15. Къ тому же разряду методовъ субъективныхъ мы должны отнести и тотъ методъ, который вмѣсто критерія красоты ставитъ нравственный, столь же условный критерій „добра".

Этотъ методъ мы называемъ этическимъ. „Благо" есть высшій законъ критика моралиста. Отсюда онъ стремится оцѣнить прежде всего (а иногда—единственно) литературное произведеніе. Эта манера сужденія о литературныхъ памятникахъ не нова: ее въ зародышѣ мы отмѣтили у Горація, она была воспринята Ренессансомъ.

Скалигеръ (1561 г.) въ своей Поэтикѣ, вслѣдъ за античными своими учителями, выдвинулъ морально-утилитарную точку зрѣнія на искусство: столпами трагедіи онъ считалъ „нравственныя сентенціи". Готтшедъ (Versuch..., 1737 г.) въ поэзіи видитъ лишь придуманный случай на моральное

правило; по мнѣнію Лессинга (Гамб. драматургія, 177), „въ основѣ всѣхъ драматическихъ произведеній должно лежать намѣреніе учить насъ, какъ поступать, указать намъ отличительные признаки добра и зла, трагичнаго и смѣшного". Сентъ-Бевъ требуетъ отъ поэта служенія моральной идеѣ [1]). Этотъ взглядъ перекинулся и въ русскую литературу: Бѣлинскій послѣдняго періода его дѣятельности, Чернышевскій, Добролюбовъ, Писаревъ, Михайловскій, Скабичевскій и др. пріучили русскую публику къ этическамъ оцѣнкамъ литературныхъ явленій. Такой взглядъ былъ бы пріемлемъ при одномъ условіи—незыблемости этическаго критерія, при его постоянствѣ. Но—этого постоянства мы не находимъ.

Если мы желаемъ познать нравственные принципы, управлявшіе человѣческими обществами отъ періода первобытной дикости и до нашего времени,—„мы должны разъ на всегда оставить мысль о томъ, что можно выяснить и возсоздать ихъ изъ своихъ собственныхъ представленій, изъ современнаго состоянія общества, изъ законовъ и обычаевъ, подъ дѣйствіемъ которыхъ мы живемъ и къ которымъ мы привыкли"... „Каждая историческая эпоха имѣетъ собственную нравственность, т. е. особенныя ей свойственныя правила поведенія, признаваемыя хорошими и добрыми" [2]).

Природа не знаетъ моральнаго или неморальнаго; этическую точку зрѣнія создаетъ лишь человѣкъ въ своемъ отношеніи къ природѣ, къ поступкамъ и мыслямъ себѣ подобныхъ. Несомнѣнно, мораль существуетъ: она обусловлена единообразіемъ человѣческихъ поступковъ. Каждый изъ насъ имѣетъ понятіе о нравственномъ и безнравственномъ и судитъ съ этой точки зрѣнія авторовъ и ихъ героевъ. Но въ области исторіи литературы моральная оцѣнка непримѣнима, ибо опирается на крайне зыбкія основанія.— Эта „зыбкость" — двухъ родовъ. Прежде всего ...„область искусства есть исключительно область изображенія, морально безразличнаго къ тому, что изображается, и въ этомъ смыслѣ есть область аморальнаго и отсюда неизбѣжно антиморальнаго" [3]). Моральная, этическая оцѣнка литератур-

---

[1]) Евлаховъ, II, 41—42.

[2]) Кржевицкій, Этика въ ея историч. развитіи, 1907 г., стр. 3—4.

[3]) Евлаховъ, II, стр. 140.

ныхъ явленій была бы допустима, если бы можно было доказать, какъ думаетъ Гюйо [1]), что добро и красота тожественны; тогда бы „всякое нравственное чувствованіе“ было бы „эстетично“ и наоборотъ. Такъ же думаетъ и Фолькельтъ [2]), убѣжденный, что искусство само по себѣ нравственно; но онъ же—оговаривается, что непосредственною цѣлью искусства является не нравственность, не добро: „у искусства есть гораздо болѣе широкія и плодотворныя цѣли, чѣмъ изображеніе нравственнаго или добраго“.

Во вторыхъ—что не менѣе важно—эту „зыбкость“ создаетъ субъективность не только этическихъ понятій, но и самыхъ воспріятій образовъ, созданныхъ художникомъ — поэтомъ. Какъ справедливо замѣтилъ Гюйо, нельзя знать, произнося слово, привычное для всѣхъ, какія ассоціаціи идей вызоветъ оно у слушателей: онѣ будутъ, можетъ быть, совершенно иными, чѣмъ у говорящаго, и притомъ у каждаго—свои особыя [3]). Независимо отъ него—къ аналогическому выводу пришелъ русскій ученый. „Образъ“, говорилъ А. Потебня, „остается относительно неподвижнымъ, а примѣненіе его весьма измѣнчиво... При словѣ никто не думаетъ того самаго, что и другой, и всякое пониманіе, въ сущности, есть непониманіе, и всякое согласіе въ мысляхъ есть разногласіе. Думать при словѣ непремѣнно то, что думаетъ другой, это значитъ перестать быть самимъ собою. Поэтому пониманіе въ смыслѣ тождества мысли и говорящаго, и слушающаго есть иллюзія... Въ душѣ нѣтъ ничего, кромѣ созданнаго ея творческою самодѣятельностью, и при пониманіи мысль не передается, а слушающій ее, повторяя слова, создаетъ свою мысль, которая въ немъ занимаетъ мѣсто, сходное съ мѣстомъ, занимаемымъ соотвѣтствующей мыслью говорящаго“ [4]). Отсюда—справедливо усумниться и задать вопросъ: при разнообразіи этическихъ понятій, при постоянной смѣнѣ и модификаціи ихъ—при индивидуальномъ воспріятіи и истолкованіи образовъ „какъ можно говорить о нравственномъ и безнравственномъ искусствѣ, когда все зависитъ отъ

---

[1]) Задачи современ. эстетики, стр. 43.

[2]) Соврем. вопросы эстетики, стр. 5.

[3]) Искусство съ соц. точки зрѣнія, стр. 142.

[4]) Психологія поэтич. и прозаич. мышленія. Изъ лекцій А. А. Потебни. Вопр. теор. и психол. творч., II, вып. 2, стр. 134.

воспринимающаго субъекта ?“ [1]). Поэтическій образъ—многозначенъ, каждый соединяетъ съ нимъ свое, каждый влагаетъ въ него свое содержаніе, подобно тому, какъ нагая статуя—въ одномъ вызываетъ эстетическія эмоціи, въ другомъ эмоціи зоологическія. Вообще же понятіе „нравственнаго“, „этическаго“—еще болѣе шатко, чѣмъ понятіе о „прекрасномъ“, ибо въ то время, какъ эстетическій критерій зависитъ отъ эпохи, расы, степени цивилизаціи,—моральный подчиненъ еще и вліяніямъ другого порядка: существуетъ групповая, классовая мораль: что морально для побѣдителя—не морально для побѣжденнаго; существуетъ своеобразная кастовая мораль, опредѣленіе которой бываетъ до безвыходности затруднительнымъ. Отсюда—крайняя неустойчивость и измѣнчивость сужденій и этическихъ оцѣнокъ вообще и литературныхъ явленій съ этической точки зрѣнія въ частности.

Извѣстно, что нѣкій критикъ въ свое время говорилъ, что мать велитъ дочери плюнуть на „Руслана и Людмилу“, какъ на непристойную книгу; въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія сочиненія Гоголя, съ которыми теперь обязанъ быть знакомъ каждый гимназистъ, считались нѣкоторыми критиками безнравственными.

Мартыновъ въ „Маякѣ“ обвинялъ Пушкина въ безнравственности, а героевъ его произведеній въ уголовныхъ преступленіяхъ; въ безнравственности же обвиняли Тургенева, а одинъ критикъ заявилъ, что порядочный человѣкъ долженъ плюнуть на „Новь“. Скабичевскій увидѣлъ въ „Аннѣ Карениной“ Л. Толстого при появленіи въ свѣтъ этого романа—„мелодраматическую дребедень въ духѣ старыхъ французскихъ романовъ, расточаемую по поводу заурядныхъ амуровъ великосвѣтскаго хлыща и петербургской чиновницы, любительницы аксельбантовъ“ и т. п. [2]).

Левъ Толстой, судя о Шекспирѣ съ точки зрѣнія морали, нашелъ, что онъ далекъ отъ его идеала: „Дѣятельность во что бы то ни стало, отсутствіе всякихъ идеаловъ, умѣренность во всемъ и удержаніе разъ установленныхъ формъ жизни, и цѣль оправдываетъ средства“—вотъ идейное содержаніе пьесъ Шекспира. „Содержаніе пьесъ Шекспира,

---

[1]) Евлаховъ, Введеніе въ филос. худож. творч., II, 73.

[2]) Евлаховъ, т. II, стр. 22—23.

какъ это видно по разъясненію наибольшихъ его хвалителей, есть самое низменное, пошлое міросозерцаніе, считающее внѣшнюю высоту сильныхъ міра дѣйствительнымъ преимуществомъ людей, презирающее толпу, т. е. рабочій классъ, отрицающее всякія, не только религіозныя, но и гуманитарныя стремленія, направленныя къ измѣненію существующаго строя“ [1]).

Преобладаніе односторонней этической оцѣнки литературныхъ явленій приводитъ къ крайностямъ въ родѣ „общественно-гигіенической“ брошюры д-ра Омельченко [2]), требующей пресѣченія вредной дѣятельности писателя во имя блага общества. Не отрицая права каждаго оцѣнивать литературныя явленія съ точки зрѣнія его этическихъ понятій и прывычекъ, мы полагаемъ, что такія оцѣнки нисколько не содѣйствуютъ научному изученію исторіи литературы; онѣ даютъ лишь интересный эстопсихологическій матеріалъ для будущихъ изслѣдователей. Сверхъ того, пользуясь исключительно этическимъ критеріемъ хотя бы не нашей, а той эпохи, къ которой принадлежатъ разсматриваемые памятники, мы рискуемъ впасть въ такую ошибку, какъ исключеніе изъ числа матеріаловъ для исторіи литературы всѣхъ памятниковъ, не отвѣчающихъ этическимъ требованіямъ разбираемой эпохи. Такъ отъ древней русской литературы останутся только житія да проповѣди, именно наименѣе показательный матеріалъ для исторіи оригинальной литературы.

Но можно ли совершенно исключить пріемъ этической оцѣнки въ изученіи литературныхъ явленій? Отвѣтить на этотъ вопросъ безусловно—не находимъ возможнымъ: иное дѣло этическая оцѣнка съ личной, индивидуальной точки зрѣнія того лица, которое изучаетъ явленіе; иное дѣло оцѣнка сравнительная, опирающаяся на извѣстное, ранѣе изученное состояніе моральныхъ понятій у предшественниковъ изучаемаго автора, и выясняющая отношеніе его къ предшествующей литературѣ, затрагивающей также этическія проблемы. Наконецъ, если господствующимъ двигаю-

---

[1]) Л. Толстой, О Шекспирѣ и о драмѣ, стр. 64—65.

[2]) Герой нездороваго творчества. Санинъ, романъ Арцыбашева, 3-е изд. 1908 года.

щимъ началомъ творчества изучаемаго автора является извѣстная совокупность этическихъ стремленій, мы не вправѣ уклониться отъ выясненія и истолкованія этихъ стремленій. Безспорно, что устраняя этическую оцѣнку литературныхъ явленій и мнѣній, мы, напр., въ области древне-русской литературы значительно суживаемъ кругъ памятниковъ, подлежащихъ изученію; несомнѣнно и то, что и рядъ новѣйшихъ дѣятелей литературы, каковы: Достоевскій, Л. Толстой и др. вызываютъ въ насъ неизбѣжно этическіе вопросы, требуя нравственной оцѣнки тѣхъ или иныхъ мнѣній этихъ авторовъ и ихъ героевъ, а равно и явленій жизни, отражаемыхъ ими въ романахъ, драмахъ и т. п. Особенно, казалось бы, приходится считаться съ этической оцѣнкой такихъ явленій литературы, какъ произведенія Льва Толстого послѣднихъ годовъ. Но съ другой стороны историкъ литературы все же долженъ помнить, что не этическая оцѣнка сама по себѣ съ точки зрѣнія какихъ бы то ни было, хотя бы самыхъ возвышенныхъ идеаловъ, является его задачей: это задача историка морали, общественныхъ понятій, исторіи культуры вообще. Процессъ литературнаго развитія отнюдь не дѣлается яснѣе отъ того, что мы подвергаемъ рядъ памятниковъ субъективной оцѣнкѣ съ точки зрѣнія апріорно предположеннаго критерія нравственности. Этическія оцѣнки въ исторіи новой и древне-русской литературы возможны, но лишь на строго исторической почвѣ, съ точки зрѣнія современныхъ разбираемому памятнику моральныхъ понятій.

Наиболѣе наглядно можно прослѣдить примѣненіе этическаго метода въ исторіи литературы въ книгѣ Гервинуса о Шекспирѣ, примѣнившаго строго этическій масштабъ въ оцѣнкѣ великаго драматурга и оставшагося слѣпымъ ко многимъ сторонамъ его творчества [1]), а также въ трудахъ Розенкранца „Geschichte der Poesie“, отчасти Каррьера „Искусство во взаимной связи съ развитіемъ культуры“.

У насъ наиболѣе характернымъ представителемъ этическаго метода является Ор. Миллеръ съ его диссертаціей—„О нравственной стихіи въ поэзіи“; ту же точку зрѣнія проводитъ онъ даже въ изслѣдованіи по русскому эпосу „Илья Муро-

[1]) Кохъ, Шекспиръ, стр. 421—422.

мецъ и богатырство Кіевское“ и въ своемъ „Опытѣ обозрѣнія русской словесности“, 1866 года. Точно также Буслаевъ проводилъ ту мысль, что народная поэзія выше искусственной и всегда нравственна, ибо она исходитъ изъ народной души [1]). Этотъ принципъ Буслаева фактически опровергается значительнымъ количествомъ произведеній народнаго творчества, съ точки зрѣнія и его, и нашей—крайне непристойнаго содержанія.

§ 16. Наиболѣе близокъ по своимъ предпосылкамъ къ этическому методу—методъ публицистическій, особенно ярко отражающій эпоху и ея понятія объ общественной нравственности. Для критика моралиста самое высоко-художественное произведеніе, цѣнимое и ученымъ-эстетикомъ, и непосредственнымъ ощущеніемъ непредубѣжденнаго читателя—можетъ оказаться не удовлетворяющимъ его нравственнаго чувства. То же можно сказать и о публицистѣ. „Публицистическая критика оцѣниваетъ произведеніе творчества вовсе не по степени его художественнаго совершенства. Произведеніе можетъ быть художественнымъ во всѣхъ отношеніяхъ, но если оно не отвѣчаетъ на насущные общественные вопросы и именно въ опредѣленномъ смыслѣ—оно для публицистической критики не можетъ имѣть уже ни цѣны, ни даже интереса“ [2]). Надо, однако, помнить, что общественная мораль и мораль личная по своимъ принципамъ не всегда совпадаютъ. Историкъ публицистъ судитъ о явленіяхъ литературныхъ и пытается установить связь между ними и жизнью не съ точки зрѣнія отвлеченнаго критерія нравственности, а съ точки зрѣнія гражданскихъ идеаловъ той или иной группы общества, забывая, что „консерватизмъ или либерализмъ не создаетъ картины или повѣсти, точно также какъ и въ старину недостаточно было одного благочестія, чтобы написать икону“ [3]). Субъективныя настроенія и классовая, групповая солидарность, темпераментъ—можетъ быть и подсказываютъ иногда красивыя и убѣдительныя мысли и даютъ имъ художественную оболочку, но для научной работы они лишь создаютъ лишнія пре-

---

[1]) Историч. Очерки, I, стр. 408.

[2]) Евлаховъ, II, стр. 250.

[3]) Буслаевъ, Мои Досуги, I, стр. 357.

пятствія на пути къ истинѣ. Публицистъ критикъ, какъ, напр., Прудонъ, въ искусствѣ, какъ и въ политикѣ, ищетъ справедливости и правды [1]), не замѣчая или забывая, что всякое искусство—есть воплощенная ложь, что задачи творчества и источники его—далеки отъ дидактизма. Для историка и критика-публициста литература, не ставящая вопросовъ о благѣ, не будящая мысль и не зовущая къ идеалу будущаго,—не имѣетъ значенія или, если имѣетъ, то очень малое. „Народъ", пишетъ Брандесъ, „производящій подобную литературу, можетъ воображать, что спасеніе міра будетъ исходить отъ него, но ему придется разочароваться въ своихъ ожиданіяхъ: подобный народъ такъ же мало принесетъ пользы дѣлу развитія и прогресса, какъ мало пользы принесла муха, вообразившая, что она толкаетъ впередъ экипажъ въ то время, когда она только давала четверкѣ лошадей незначительные уколы" [2]). Для публициста Брандеса, напр., неваженъ генезисъ „Бранда" Ибсена, но его чрезвычайно занимаетъ вопросъ, революція или реакція господствуетъ въ этой драмѣ [3]). Главная задача историка по Брандесу—распространеніе идей революціи и борьба съ реакціей.

Естественно, что при этомъ оцѣнка писателей дѣлается часто съ точки зрѣнія узко-партійной: какъ и и слѣдуетъ ожидать, представители враждующихъ міровоззрѣній рѣзко расходятся въ сужденіяхъ о литературныхъ дѣятеляхъ. Сравнимъ, напр., сужденія о русскомъ романѣ въ трудѣ о немъ Головина и съ другой стороны Андреевича; вспомнимъ сужденія Скабичевскаго въ его „Исторіи новой литературы" о Чеховѣ (1893 г.); сравнимъ отзывы о Фетѣ критики шестидесятыхъ годовъ и издателя его, Б. Никольскаго, нашедшаго „философію" даже въ „шопотѣ" и „робкомъ дыханьѣ" прославленнаго стихотворенія Фета; современный критикъ, Ю. Александровичъ [4]), называетъ Чехова носителемъ „мѣщански пошлыхъ идеаловъ"; въ немъ видитъ „полное духовное убожество" [5]), и въ его сочине-

---

[1]) Прудонъ, Искусство, его основанія и обществ. значеніе, 1865, стр. 86.

[2]) Литература эмигрантовъ, III, стр. 9.

[3]) Тамъ-же, III, стр. 15.

[4]) Истор. новѣйшей русск. литер., I, 1911, стр. 254.

[5]) Тамъ-же, стр. 261.

ніяхъ, „пожалуй, наиболѣе опасное литературное явленіе, ибо рядомъ съ пессимистическими, скорбными настроеніями, на которыя такъ падко русское общество, Чеховъ проводилъ ядовитыя нигилистическія тенденціи, отравлявшія общественное сознаніе и вносившія «смуту въ умы читателей»... «Чаровалъ и убивалъ душу живу» [1]). Вспомнимъ вѣчный непрекращающійся споръ о Пушкинѣ, изъ котораго одни хотятъ сдѣлать либерала, другіе консерватора, одни „общественника“, другіе „антиобщественника“, тогда какъ онъ былъ — только поэтомъ и художникомъ прежде всего.

Въ силу условій русской жизни втеченіе долгаго времени литература была едва ли не единственнымъ средствомъ выраженія общественныхъ идей. Естественно, что литературная критика—превратилась у насъ очень рано въ публицистику. Вслѣдъ за Бѣлинскимъ послѣдняго періода его дѣятельности, безкорыстно увлекаемые жаждой пользы для своего народа, критики-публицисты 1860-хъ годовъ допустили нѣкоторую неточность, отожествивъ категорію возможности съ долженствованіемъ и объявивъ, что поэтъ долженъ быть гражданиномъ, что искусство должно служить обществу и цѣлямъ его развитія и усовершенствованія.

Когда Добролюбовъ пишетъ о „Темномъ царствѣ“, то онъ очень мало заинтересованъ самими литературными произведеніями Островскаго;—ему болѣе важны свои публицистическія цѣли. Онъ извлекаетъ признаки временнаго историческаго значенія, оперируя съ произведеніемъ литературы, какъ съ историческимъ памятникомъ, но пользуется имъ для доказательства правоты своихъ нравственныхъ понятій, которыя не могутъ быть неизмѣнными. По признанію самого Добролюбова, литература для него представляетъ лишь „силу служебную, которой значеніе состоитъ въ пропагандѣ, а достоинство опредѣляется тѣмъ, что и какъ она пропагандируетъ“ [2]). Самыми литературными произведеніями онъ и его сотоварищи—не занимается, а черезъ головы литератур-

---

[1]) Александровичъ, стр. 263.

[2]) Собр. соч., III, стр. 366.

ныхъ героевъ и ихъ творцовъ „направляетъ свои удары противъ ненавистнаго ему строя русской жизни“ [1]).

Оправданіе публицистическаго и вообще этическаго метода можно встрѣтить и въ наше время, напр., у проф. Бороздина [2]), полагающаго, что въ субъективизмѣ общественно-публицистическаго критика „болѣе широты“, и что онъ „болѣе содѣйствуетъ общественному прогрессу“, чѣмъ туманныя разсужденія эстетиковъ.

Публицистическая точка зрѣнія лежитъ въ основаніи тѣхъ ученыхъ, которые полагаютъ, что филологическое отношеніе къ исторіи литературы „какъ нельзя болѣе на руку господствующимъ классамъ, превращая её въ безопасный перечень разрозненныхъ чисто-литературныхъ фактовъ или невинныхъ эскизовъ портретной живописи“. Видя, какъ и Брандесъ, роль литературы и изученія ея—въ пропагандѣ необходимыхъ для блага общества идей, такіе ученые повторяютъ старую ошибку смѣшенія научнаго знанія—съ временнымъ утоленіемъ требованій момента [3]).

Публицисты забываютъ, что „истинная критика есть критика самаго произведенія, а не писателя или среды“ [4]). Такимъ образомъ, литературные критики суживаютъ свой горизонтъ понятіями общественной морали своего времени и того класса, къ которому принадлежатъ. Въ наше время ихъ статьи для историка литературы могутъ имѣть очень важное значеніе, именно какъ историко-литературный матеріалъ. Но научная цѣнность ихъ какъ опытовъ исторіи литературы—чисто отрицательная: авторъ публицистическихъ статей на литературныя темы часто имѣетъ въ литературныхъ произведеніяхъ только поводъ къ разсужденіямъ, можетъ быть, и справедливымъ, но чисто субъективнымъ и научныхъ цѣлей не преслѣдующимъ.

Роль публицистически построенной и изложенной исторіи литературы—можно считать безусловно не благопріятной для дальнѣйшихъ изученій: какъ всякое догматическое по-

---

[1]) Евлаховъ, II, стр. 233.

[2]) Литерат. характеристики. Девятнадцатый вѣкъ, II, в. 1, стр. 49.

[3]) Срв. Фриче, Очерки по исторіи зап.-европ. литер., 1908, стр. 4.

[4]) Гюйо, Искусство съ соціологической точки зрѣнія, 1901 г., стр. 79.

строеніе, такая исторія литературы убиваетъ интересъ къ дальнѣйшимъ изысканіямъ. Вотъ почему мы согласны съ Гершензономъ, что, напр., Пыпинъ, задавшись несбыточною цѣлью „прослѣдить развитіе общественной мысли“ и допустивъ совершенно произвольный подборъ фактовъ, сдѣлалъ своего читателя „невоспріимчивымъ къ настоящей исторіи литературы, потому что (тотъ уже) привыкъ искать въ ней исторію общественной мысли“ [1]).

Вспомнимъ, до какихъ Геркулесовыхъ столбовъ отрицанія и глумленія доходилъ Писаревъ въ статьѣ о Пушкинѣ. Мы можемъ сочувствовать ему, какъ гражданину, но его историко-литературныя мнѣнія намъ не нужны, ибо онъ имѣлъ своей цѣлью прежде всего не изслѣдованіе памятника литературы, а изложеніе своихъ общественныхъ убѣжденій. Кромѣ того, историкъ-публицистъ, руководимый той или иной тенденціей, оперируетъ на матеріалѣ не всегда достовѣрномъ и пригоднрмъ для научныхъ заключеній: таковы попытки строить характеристики эпохъ, нужныя для публицистическихъ цѣлей,—по памятникамъ, оказывавшимся позднѣе переводными (см. Афанасьевъ, Русск. сатир. журналы). Самымъ же главнымъ недостаткомъ попытокъ построенія исторіи литературы на принципахъ публицистическихъ является то, что такіе труды не только не пріучаютъ читателей свободно критически мыслить, но даже мѣшаютъ развитію такого мышленія, затемняя критическое отношеніе къ фактамъ готовыми мѣрками, продиктованными интересами группы или партіи и увлеченіями даннаго момента. Къ публицистическимъ построеніямъ и истолкованіямъ литературныхъ явленій вполнѣ приложимы слова Буслаева о курсахъ его времени, составленныхъ по Шлегелю, Вильмену и Сисмонди: „главнѣйшій и существеннѣйшій недостатокъ этихъ курсовъ въ томъ, что они отвлекали здоровыя и свѣжія силы учащихся отъ благотворнаго изслѣдованія фактовъ“ [2]).

Каждый историкъ публицистъ оказывается въ концѣ концовъ (иногда сознательно, а иногда безсознательно) идеологомъ своего класса и борцомъ за его интересы. Отсюда слѣдуетъ, что историку литературы надо ограничить свои публици-

---

[1]) Послѣсловіе къ Методу въ ист. лит. Лансона, стр. 54.

[2]) Историч. очерки, I, стр. 402.

стическія тенденціи, которыя не вѣчны и не всеобщи: къ научному построенію исторіи литературы онѣ не пригодны. Въ итогѣ, публицистическая критика, чуждая исторической перспективы, впадаетъ въ такіе промахи, какъ мнѣніе Бѣлинскаго, отрицавшаго значеніе народной поэзіи, или—Писарева, глумившагося надъ Пушкинымъ и его поэзіей. Нерѣдко цѣлые литературные обзоры проникнуты публицистическимъ духомъ. Такъ, мы не можемъ считать умѣстною ту точку зрѣнія, которую провелъ Пыпинъ въ своей Исторіи русской литературы, полемизируя, напр., съ Домостроемъ, критикуя и обличая при этомъ явленія XVI вѣка съ точки зрѣнія понятій XIX вѣка. Равнымъ образомъ въ книгѣ Е. Соловьева—идеализируются разночинцы половины XIX вѣка; но исторія литературы, какъ исторія поэтическаго творчества—отъ этого нисколько не выигрываетъ.

Едва ли также правъ Ивановъ-Разумникъ [1]), который видитъ въ процессѣ историческаго развитія литературы—борьбу мѣщанства съ духовнымъ аристократизмомъ, при чемъ онъ идетъ обычнымъ проторенным путемъ учебниковъ временъ Галахова, ограничиваясь разсмотрѣніемъ литературныхъ корифеевъ, и, несмотря на свой „демократизмъ“, не привлекаетъ къ своему изслѣдованію произведенія второстепенныхъ писателей. И до сего дня трудно русскому читателю и особенно—критику, пишущему о текущихъ явленіяхъ литературы, разстаться съ публицистическими пріемами въ сужденіи о литературѣ. „Атмосфера русской жизни“, справедливо замѣчаетъ В. Келтуяла, „слишкомъ густо насыщена политикой, и русскому человѣку, психо-физіологическая организація котораго перегружена тяжко давящимъ общественно-политическимъ наслѣдіемъ прошлаго, трудно, почти невозможно отрѣшиться отъ морально-политическихъ тенденцій, связанныхъ съ этимъ наслѣдіемъ, и представить себѣ возможность чуждаго имъ, строго объективнаго воспроизведенія и объясненія прошлаго“ [2]).

Въ заключеніе скажемъ: если „историкъ литературы“, забывая о своей прямой задачѣ, будетъ въ рабствѣ у эстетики, этики, публицистики, служащихъ интересамъ момен-

---

[1]) Исторія русской обществ. мысли, I—II, 1907.

[2]) В. Келтуяла, Курсъ ист. рус. лит., II (2-е изд.), XXIII.

та, ему никогда не удастся построить научной исторіи литературы, ибо онъ не въ силахъ будетъ выпутаться изъ сѣтей обывательскихъ сужденій и оцѣнокъ, обезцѣнивающихъ своею некритичностью и недисциплинированностью иногда важныя и остроумныя соображенія о литературныхъ явленіяхъ.

Эстетическая, этическая и публицистическая точки зрѣнія, столь популярныя въ литературной критикѣ—враги поступательнаго движенія нашей науки.

Методы объективные.

§ 17. Въ отличіе отъ методовъ субъективныхъ—методы объективные исходятъ не изъ предвзятыхъ идей, но устанавливаютъ болѣе или менѣе прочный объективный критерій сужденія о литературныхъ явленіяхъ и примѣняются одни—болѣе, другіе—менѣе въ цѣляхъ изученія самой литературы. Среди нихъ на первомъ мѣстѣ мы разсмотримъ методъ историческій.

Изъ самаго названія историческаго метода видно, что сущность его заключается въ систематическомъ и послѣдовательномъ изученіи памятниковъ литературы въ хронологическомъ порядкѣ съ цѣлью найти связующія ихъ звенья и объяснить генетически происхожденіе одного литературнаго явленія изъ другого по законамъ обусловленности явленій, въ зависимости отъ историческихъ условій жизни народа, создающаго литературу, и вліяющихъ на творчество писателей. Но отсюда—далеко не слѣдуетъ обратное, что можно на основаніи литературныхъ памятниковъ возсоздать картину исторической дѣйствительности. Между историческимъ и историко-литературнымъ матеріаломъ наблюдается громадное и существенное различіе, какъ и между „историкомъ“—и „историкомъ литературы“. Но объ этомъ часто забываютъ.

Историкъ литературы находится въ болѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ историкъ событій: тогда какъ послѣдній изучаетъ событія по документамъ, иногда недостаточнымъ, иногда завѣдомо сомнительнымъ и недостовѣрнымъ,—предметомъ изученія историка литературы являются памятники, находящіеся на лицо и непосредственно воздѣйствующіе на изслѣдователя. Это „и выгода и опасность“, какъ говоритъ

Лансонъ [1]), ибо, какъ мы видѣли выше, усиленно влечетъ къ субъективнымъ выводамъ и заключеніямъ.

Историческая точка зрѣнія на литературныя явленія не нова: она возникла въ эпоху зарожденія „научной исторіи“ (противополагаемой „лѣтописи“ и „риторической исторіи“ XVIII в.). Еще Гердеръ („Ideen der Philosophie der Geschichte der Menschheit“) обратилъ вниманіе на то, что націи измѣняются въ зависимости отъ мѣста и времени, а также отъ ихъ „внутренняго характера“. Въ ряду фактовъ исторической жизни Гердеръ ставитъ и прирожденный и благопріобрѣтенный характеръ народовъ, складывающійся подъ вліяніемъ естественныхъ условій и политическихъ вліяній [2]). По мнѣнію Гердера, характеръ народовъ отражается въ поэзіи, слѣдовательно, отъ произведеній поэзіи можно заключать и къ характеру народовъ.

Шлоссеръ въ „Обозрѣніи исторіи древняго міра“ и въ „Исторіи XVIII вѣка“ тщательно изучаетъ литературу каждой эпохи; но, справедливо замѣчаетъ проф. Герье [3]), „эти литературныя главы у Шлоссера скорѣе перебиваютъ его историческій разсказъ, чѣмъ поясняютъ его“... Внутренняя связь между исторіей, исторіей искусства и исторіей литературы могла установиться тогда, когда литература и искусство стали разсматриваться, какъ произведенія и отраженія среды,—а это было заслугой Тэна. Мы будемъ ниже бороться и съ принципами Тэна, но его точка зрѣнія имѣетъ то историческое, неоспоримое достоинство, что она не такъ механична, какъ у Шлоссера. За эту послѣднюю очень охотно ухватились русскіе ученые, ибо очень просто и несложно и иногда удобно въ цѣляхъ популяризаціи и публицистики—сливать исторію литературы и исторію дѣйствительной жизни. Такъ, по мнѣнію проф. Кирпичникова, стоящаго также на чисто исторической точкѣ зрѣнія,—исторія литературы преслѣдуетъ лишь культурно-историческія задачи: задача ея—„вывести общіе незыблемые законы, по которымъ совершается движеніе человѣческой мысли (а не исторіи литературы?), внутренній прогрессъ человѣчества (а не художественнаго творчества?). Стало быть, эта наука есть

---

[1]) Назв. соч., стр. 5. [2]) Л.-Данилевскій, I, стр. 79.

[3]) Вѣстн. Европы, 1890 г., январь, стр. 24.

отдѣлъ соціологіи и, если не самый важный, то одинъ изъ важнѣйшихъ отдѣловъ. Съ другой стороны, та же наука входитъ и въ антропологію, такъ какъ она доставляетъ наиболѣе цѣнный матеріалъ для изслѣдованія законовъ мысли и творческой фантазіи, взаимодѣйствія общества и личности, традиціи и стремленія къ прогрессу, связи факта и идеала“ [1]). Эти же самыя идеи были высказаны проф. Дашкевичемъ. Но впослѣдствіи проф. Дашкевичъ самъ представляетъ серьезныя замѣчанія противъ тенденціи сторонниковъ чисто историческаго метода создать изъ литературнаго матеріала нѣчто подобное историческимъ документамъ. Онъ говоритъ: „Литература представляетъ самостоятельную сферу человѣческой жизни и дѣятельности, такъ же необходимо существующую, какъ и другія. Въ этомъ заключается основаніе отдѣльнаго существованія исторіи литературы, какъ самостоятельной вѣтви историческихъ наукъ. Въ отличіе отъ исторіи, въ принятомъ смыслѣ слова, исторія литературы имѣетъ свою отдѣльную область—не общественной жизни человѣчества, а сферу внутреннихъ стремленій, расположеній, идеаловъ и идеальныхъ настроеній. Этимъ не отрицается необходимость изученія литературныхъ произведеній въ связи съ исторіей эпохъ, къ которымъ они относятся, а не одобряется лишь чрезмѣрное (sic!) приковываніе исторіи литературы къ исторіи внѣшней дѣятельности, служебнымъ орудіемъ которой представляютъ литературу“ [2]).

Изъ историческаго анализа литературныхъ произведеній мы убѣждаемся, насколько ошибочны были взгляды старыхъ представителей культурно-исторической точки зрѣнія на задачи исторіи литературы. Нельзя судить по Шиллеру и Гете—о Германіи, можно по нимъ судить только о нихъ самихъ; нельзя по Чацкому судить о Москвѣ начала XIX вѣка,—а лишь о томъ, какъ отраженія жизни и литературныхъ вліяній слились у Грибоѣдова въ поэтическій образъ. Въ этомъ случаѣ вполнѣ справедливо Дашкевичъ возражаетъ противъ тенденціи обращать исторію литературы въ

---

[1]) Кирпичниковъ, „Очерки по исторіи новой русской литературы“, 1896 г., вм. предисловія, стр. 9.

[2]) Дашкевичъ, Постепенное развитіе науки исторіи литературы, Изв. Унив. св. Вл. 1877, № 10, стр. 729—730.

воспроизведеніе дѣйствительности по литературнымъ памятникамъ, ибо „литература не есть только изображеніе, или зеркало реальной дѣйствительности, точно ее отражающее. Должно различать въ ней и другой элементъ“... [1])—именно (для насъ) чисто литературное, традиціонное, вымыселъ, заимствованіе, подражаніе предшествующему поколѣнію поэтовъ.

Часто представители нашей науки, слѣдующіе историческому методу, исторію литературы, какъ исторію художественнаго словеснаго творчества, смѣшиваютъ съ другими историческими науками. Но общность предметовъ изученія не влечетъ за собою отожествленія самыхъ наукъ: исторія литературы имѣетъ объектомъ изученія произведенія сами по себѣ; для историка—произведенія поэзіи лишь свидѣтельства, показанія которыхъ „относительно“ важны своею достовѣрностью, а не художественной стороной [2]). Сказанное смутно чувствовали давно и нѣкоторые историки и стремились, какъ и мы, размежеваться съ историками литературы; такъ, ставя вопросъ, насколько и въ какомъ отношеніи историку слѣдуетъ касаться литературныхъ и художественныхъ произведеній, проф. Герье отвѣчаетъ: „историкъ долженъ изображать ихъ (?) лишь какъ историческіе памятники и свидѣтельства о ходѣ историческаго процесса, имъ изучаемаго, предоставляя болѣе спеціальную сторону дѣла исторіи литературы, или искусства, или философіи“. Такимъ образомъ, „будетъ проведена опредѣленная черта между общей исторіей и спеціальными науками, исторіей литературы, искусства и философіи“ [3]).

Въ самомъ дѣлѣ, пригодны ли литературные источники для историка? И если пригодны—то въ какой мѣрѣ? На этотъ вопросъ отвѣтимъ: пригодны, но—лишь въ очень слабой степени. И вотъ почему: въ поэзіи элементы наблюденія слиты съ элементами творчества личнаго и собирательнаго, унаслѣдованнаго отъ предшествующихъ поэтовъ, иногда довольно отдаленныхъ (напр., Пушкинъ и—Marot.).

---

[1]) Дашкевичъ, тамъ-же стр. 720.

[2]) Кроче. См. Евлаховъ, I, стр. 377.

[3]) Вѣстн. Евр., 1890 г., янв., стр. 24.

Въ этомъ отношеніи безспорно не можетъ быть принятъ чрезвычайно прочно укоренившійся въ сознаніи нашего и подрастающаго поколѣнія—тезисъ, такъ формулируемый: „По литературнымъ произведеніямъ должно возстановлять не только единичную личность автора, что само по себѣ уже цѣнно, но и общество, среди котораго онъ жилъ, и связи писателя съ современностью“ [1]). Мы можемъ говорить на основаніи произведеній писателя о его художественныхъ и другихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ, его начитанности, его стилѣ, языкѣ,—но возсоздавать по поэтическимъ произведеніямъ картину жизни—нельзя, ибо нельзя довѣрять литературнымъ памятникамъ, какъ документамъ. Такъ что никоимъ образомъ нельзя ставить историку литературы той странной задачи, которую навязываютъ ему любители отожествлять литературу и историческіе документы,—напр., описанія русской жизни по романамъ Тургенева, Аксакова и пр. [2]). Нельзя не оговориться, что въ этомъ отношеніи чрезвычайно вредно дѣйствуютъ на молодежь сочиненія, предлагаемыя въ гимназіи на темы, требующія воспроизведенія жизни по литературнымъ памятникамъ.

Насколько мало нѣкоторые историки считаются съ критикой и оцѣнкой показаній литературныхъ произведеній и насколько легко довѣряютъ имъ—можно видѣть, напр., по теоретику исторіи Моно, который [3]), считая исторію коллективной психологіей, пишетъ, что между прочимъ и въ литературныхъ произведеніяхъ... „есть рядъ положительныхъ документовъ, являющихся прямо элементами этой коллективной психологіи“, не оговариваясь о сомнительномъ характерѣ изображеній жизни въ литературныхъ произведеніяхъ. Вѣдь литература никогда не отражаетъ всего общества, всего народа: она отражаетъ лишь вкусы и настроенія отдѣльныхъ слоевъ и даже отдѣльныхъ лицъ (срв. о дифференціаціи школъ и уничтоженіи національнаго характера литературы у Гюйо) [4]). Искусство не можетъ быть и не есть воспроизведеніе природы, подражаніе ей,—ему не угнаться

---

[1]) Дашкевичъ, назв. соч., стр. 741.

[2]) Срв. Евлаховъ, I, стр. 271.

[3]) Методъ въ наукахъ, стр. 292.

[4]) Искусство съ соціол. точки зрѣнія, стр. 70.

за ней. Оно—зеркало только души поэта, художника, отражающее одинъ моментъ, сливающій въ обобщеніи рядъ другихъ моментовъ.

Вопросъ объ исторической достовѣрности этихъ обобщеній, показаній поэтическихъ произведеній, сводится къ тому, соотвѣтствуютъ ли такъ называемыя реалистическія произведенія поэзіи затраченному на созданіе ихъ опыту. Отнюдь нѣтъ: у Шекспира, напр., въ „Зимней сказкѣ“ король пристаетъ къ берегамъ Богеміи; леди Макбетъ говоритъ, что кормила грудью дѣтей своихъ, а потомъ оказывается изъ словъ Макдуфа, что ихъ вовсе у нея не было. У Лопе де Веги въ пьесѣ „Незапятнанная Чистота“ выводятся вмѣстѣ Іовъ, Давидъ, Іоаннъ Креститель и Саламанкскій университетъ; въ „Первомъ королѣ Кастильскомъ“ на сцену выводятся цыгане—за 400 лѣтъ до того времени, когда они стали извѣстны въ Европѣ; у него же испанцы высаживаются на берега Венгріи [1]).

Герой Тургенева въ Рязани переходитъ по мосту черезъ Оку, которой въ Рязани—нѣтъ. Однако, все это намъ нравится, и мы не спрашиваемъ объ исторической и географической достовѣрности. Но грустная была бы картина, если бы мы стали пользоваться этими литературными памятниками, какъ историческимъ и географическимъ матеріаломъ. Пусть у Гоголя Чичиковъ путешествуетъ лѣтомъ въ шубѣ, пусть у Шекспира—король пристаетъ къ берегамъ Богеміи, пусть въ народной пѣснѣ всѣ рѣки являются—Дунаями. Для художника—это совершенно не важно, но для историка и географа самое право поэта на такія вольности есть основаніе заподозрить цѣнность литературныхъ источниковъ, какъ источниковъ историческихъ. Казалось бы, что можетъ быть болѣе важнымъ для историка,—чѣмъ современный реалистическій романъ, такъ выпукло представленный Э. Золя? Но если будущій историкъ XIX вѣка попробуетъ воспользоваться историческими показаніями его романовъ, столь богатыхъ „человѣческими документами“, то при первомъ же опытѣ примѣненія къ нимъ исторической критики придетъ въ отчаяніе. Напр., въ романѣ „Fécondité“—Мате Фроманъ живетъ съ семьей, съ 4-мя (а потомъ и болѣе)

[1]) Тикноръ, Исторія испанской литературы, II, стр. 228.

дѣтьми и прислугой около Парижа, не чувствуя лишеній на 4200 фр. (ок. 1650 р.); также Моранжи, имѣя 5000 фр., тратя на квартиру и горничную около половины этой суммы,— жуируютъ во всю. Тѣ же невѣрныя показанія находимъ въ „Germinal'ѣ". У Бурже—подобныя же куріозныя несоотвѣтствія; у Рони—четыре человѣка живутъ на 100 фр. въ мѣсяцъ [1]).

Такимъ образомъ, вопросъ о реализмѣ въ литературѣ— вопросъ трудный и требуетъ спеціальнаго обсужденія. Мы касаемся его лишь въ той мѣрѣ, какъ намъ нужно для выясненія исторической достовѣрности литературныхъ свидѣтельствъ. Они кажутся однимъ болѣе, другимъ менѣе достовѣрными,—насколько оцѣнивающій ихъ самъ поддается внушенію, очаровывается образами, данными поэтомъ. Возьмемъ примѣръ, приводимый Эннекеномъ: „Извѣстный романъ Дюма „Дама въ камеліяхъ" прослылъ за чудо реализма въ глазахъ театральной публики (конца XIX ст.). Рабочіе совсѣмъ не хотятъ вѣрить въ реализмъ „Западни" Золя, между тѣмъ, какъ легко вѣрятъ въ реализмъ каменщика или кузнеца, изображенныхъ невѣрно простонародными романистами". Mutatis mutandis мы на то же можемъ натолкнуться и при голословной, не провѣренной сопоставленіями исторической оцѣнкѣ литературныхъ явленій. Но нужны ли ихъ свидѣтельства историку? Лансонъ обращаетъ вниманіе на то; что́ различаетъ исторію и исторію литературы,— на матеріалъ: „Между предметомъ исторіи въ собственномъ смыслѣ и предметомъ исторіи литературы существуютъ немаловажныя различія, откуда вытекаютъ и соотвѣтственныя особенности методовъ". „Предметъ историка прошлое", возстановляемое по обломкамъ. „Нашъ предметъ тоже прошлое, но прошлое, существующее понынѣ, ибо литература—прошлое и настоящее" [2]).

Въ самомъ дѣлѣ, жизнь XVI и начала XVII вѣка— исчезнувшее прошлое, но произведенія существуютъ и посейчасъ и т. п. Историческій документъ—свидѣтельствуетъ о фактѣ; литературный документъ—есть прежде всего

---

[1]) Лало, „De l'inaptitude des romanciers contemporaine à observer les questions d'argent". Mercure de France, (Août, 1911).

[2]) Лансонъ, Методъ въ ист. лит., стр. 5.

самъ фактъ. Нельзя подмѣнить историческій документъ—литературнымъ, исторію—исторіей литературы и наоборотъ; всегда слѣдуетъ помнить, что мы, по справедливому замѣчанію Лансона [1]), „изучаемъ исторію человѣческаго духа и національной цивилизаціи спеціально въ ихъ литературныхъ проявленіяхъ, и мы стараемся разглядѣть движеніе идей и жизни неизмѣнно чрезъ призму стиля". Какъ справедливо еще замѣчено М. Нордау [2]), „ни въ какомъ случаѣ художественное произведеніе, ни реалистическое, ни идеалистическое не можетъ быть вѣрнымъ отраженіемъ дѣйствительности; самый процессъ его возникновенія исключаетъ эту возможность. Оно всегда не что иное, какъ воплощеніе субъективныхъ эмоцій... Художественное произведеніе отражаетъ не внѣшнюю жизнь, а душу самого художника".

Тотъ, кто по поэтическимъ произведеніямъ пытается создать исторію, перестаетъ быть историкомъ литературы, но не становится взамѣнъ и историкомъ, ибо для историка нужны иные документы особаго качества, особой степени достовѣрности [3]). „У историковъ литературы и историковъ вообще", справедливо говоритъ Евлаховъ [4]), „существуетъ до сихъ поръ странная (чтобы не сказать болѣе!) тенденція выискивать у поэтовъ то, чего у нихъ нѣтъ и никогда не будетъ: знанія дѣйствительности, зеркаломъ которой являются будто бы ихъ произведенія. Пишутъ о русской женщинѣ по романамъ (sic!) Тургенева и Гончарова и др. (см. рядъ работъ И. И. Замотина),—изслѣдуютъ дѣйствительность по продуктамъ фантазіи".

„Конечно, и сны есть сколокъ съ дѣйствительности, но было бы, однако, странно возстановлять по нимъ картину нашей обыденной жизни: для этого нужно обратиться къ болѣе вѣрнымъ и надежнымъ источникамъ" [5]). Добавимъ, что, кромѣ фантазіи, поэтомъ руководитъ еще литературная традиція, часто не менѣе, чѣмъ фантазія, далекая отъ жизни.

---

[1]) Методъ въ ист. лит., стр. 7.

[2]) „Вырожденіе", стр. 477.

[3]) Срв. Евлаховъ, I, стр. 268.

[4]) Тамъ-же, I, стр. 264-5.

[5]) Тамъ-же, стр. 265.

Мы должны всегда помнить, что во всякомъ литературномъ произведеніи рядомъ со слѣдами быта, среды, исторической эпохи мы имѣемъ результатъ вліянія литературной традиціи и продукты личнаго творчества автора.

Правда, литературныя произведенія—суть, безъ сомнѣнія, продукты исторической жизни и какъ таковые не могутъ быть упускаемы изъ виду историками. Они иногда, можетъ быть, лучше собственно историческихъ документовъ рисуютъ намъ интимную жизнь эпохи, вкусы и нравы общества и отдѣльныхъ его представителей, обнаруживаютъ источники модныхъ идей, двигавшихъ дѣятельность людей эпохи. Историки не разъ пытались привлекать къ дѣлу литературныя произведенія; особенно тогда, когда другіе источники были скудны. „Въ этомъ пріемѣ нѣтъ ничего неправильнаго, но подъ условіемъ соблюденія нѣкоторыхъ ограниченій, о которыхъ сплошь и рядомъ забываютъ“, говорятъ Ланглуа и Сеньобосъ [1]).

Эти ограниченія, важныя и для насъ, таковы:

1. Литературныя произведенія выражаютъ личный идеалъ автора; слѣдовательно, ими нельзя пользоваться при сужденіи о нравственныхъ и эстетическихъ идеалахъ всего общества или цѣлой эпохи.

2. Въ литературныхъ произведеніяхъ реальны и, стало быть, историчны только элементы; все остальное можетъ быть продуктомъ воображенія автора.

3. Поэты и романисты охотно описываютъ исключительное, выдающееся, единственное; а таковое, какъ и единичное свидѣтельство,—представляетъ весьма сомнительный матеріалъ для историка.

4. Факты, почерпнутые изъ произведеній литературныхъ, не локализованы ни во времени, ни въ пространствѣ; авторъ могъ взять ихъ и не изъ современной эпохи, а по своему претворить историческіе документы, притомъ совершенно фантастическіе.

5. Авторъ литературнаго произведенія могъ, говоря о своей эпохѣ, ея дѣятеляхъ и событіяхъ, подражать готовому образцу, имитируя его настолько, насколько позволялъ ему его художественный тактъ.

---

[1]) Введеніе, стр. 154.

6. Авторъ можетъ находиться подъ воздѣйствіемъ предшествующаго поколѣнія поэтовъ и воспроизводить пріемы и образы тѣхъ авторовъ, которые внушали ему безсознательно образы и пріемы трактованія сюжетовъ еще до начала его собственнаго творчества.

Наиболѣе существенными ограниченіями мы считаемъ 5-е и 6-е. Поэтому, прежде чѣмъ строить историческую картину на основаніи литературныхъ произведеній, нужно задать вопросъ, какую же собственно цѣнность для историка представляютъ они, если положительная сторона ихъ свидѣтельствъ совершенно покрывается и уничтожается отрицательными свойствами литературно-поэтическаго матеріала, какъ такового.

Хотя каждое литературное явленіе есть продуктъ историческаго развитія, продуктъ жизни своей эпохи, однако, литературное творчество не всегда отражаетъ современность. Авторы очень часто бываютъ крайне консервативны, воспроизводя готовое, доставшееся имъ по традиціи, утилизируя готовые шаблоны и въ области сюжетовъ, и типовъ, не говоря уже о стилѣ и идеяхъ. Съ другой стороны, часто авторы ищутъ типовъ для своего произведенія въ будущемъ, или въ своей фантазіи. Нельзя не принимать во вниманіе также и вліянія на писателей литературъ сосѣднихъ народовъ. Горе историку литературы, собравшемуся писать исторію русскаго общества по тургеневскимъ типамъ, не заглянувъ въ произведенія Жоржъ Зандъ, или судить о Достоевскомъ, не зная Диккенса и Гофмана.

Итакъ, мы въ литературныхъ произведеніяхъ имѣемъ дѣло съ такой массой перекрещивающихся вліяній, что нельзя судить по одному писателю о состояніи общества и идеалахъ того или другого народа.

Свидѣтельства литературныхъ произведеній пріемлемы лишь тогда, когда подтверждаются собственно историческими документами.

Въ итогѣ — историку литературы необходимо знать исторію той эпохи и народа, литературу которыхъ онъ изучаетъ; равно и историку—нельзя устраняться отъ изученія литературы. Но переносить цѣликомъ отношеніе историка къ документамъ — на литературныя произведенія и пытаться строить по литературнымъ памятникамъ картину

исторической, дѣйствительной жизни — трудъ безплодный, безполезный и даже вредный для историка, какъ отучающій его отъ методическаго сомнѣнія и критики источниковъ.

§ 18. Методъ историко-политическій—разновидность историческаго; пользуясь историческими явленіями, какъ фономъ, на которомъ развертывается жизнь литературы, онъ пытается прослѣдить отраженіе не всей жизни народа въ литературѣ, а только политическихъ событій, при чемъ часто уклоняется въ публицистическую оцѣнку явленій. Политическая жизнь народа, по мнѣнію сторонниковъ этого метода, создаетъ идеи и настроеніе массъ, выражающіяся въ творчествѣ отдѣльныхъ писателей. При этомъ обычно господствуетъ презумпція, что не всѣ явленія политической жизни равноцѣнны для развитія литературы.

Послѣдователь историко-политическаго взгляда на исторію развитія литературы убѣжденъ, что расцвѣтъ ея, какъ и другихъ искусствъ, всегда совпадаетъ съ расцвѣтомъ общественнаго самосознанія; упадокъ его—влечетъ за собою упадокъ литературы и искусства[1]). Еще Вахлеръ рѣшилъ, что политическая исторія—тѣсно связана съ исторіей литературы, и убѣжденный, что развитіе литературы связано съ развитіемъ свободы, приводилъ случаи соотвѣтствія изъ римской литературы[2]).

Вильменъ связывалъ расцвѣтъ литературы съ расцвѣтомъ политической жизни. Онъ, наряду съ изученіемъ исторіи литературы, изучаетъ исторію учрежденій и партій. Этимъ методомъ пользовался также Гонеггеръ въ „Очеркѣ литературы и культуры XIX столѣтія“, Сисмонди и Франке въ „Исторіи нѣмецкой литературы“ [3]). Самыя названія главъ въ трудѣ Гонеггера („Французско-европейская имперія“, „Войны за освобожденіе и колебаніе въ политической жизни“, „Господство реставраціи“, „Іюльская монархія и молодая Европа“) и его подраздѣленія на политическіе періоды иллюстрируютъ взглядъ автора, рѣшительно избѣгающаго „всякихъ историко-литературныхъ фактическихъ указаній, строго придерживаясь исключительно великихъ историческихъ отношеній“ [4]).

---

[1]) См. подробнѣе у Евлахова, II, стр. 251 и сл.

[2]) Вахлеръ, р. пер. 1836 г., I, 361.

[3]) Стр. 1—2. [4]) Стр. VII.

Тикноръ въ „Исторіи испанской литературы“ [1]) объясняетъ паденіе литературы—упадкомъ народной свободы и общественнаго самосознанія, при господствѣ инквизиціи и деспотизма. П. Бартъ [2]) полагаетъ, что для искусства „бываютъ плодотворны только эпохи расцвѣта народной жизни“; въ эпохи упадка—совершенствуется техника (sic)—и, пожалуй, еще вѣрность наблюденія, но эпохи эти не въ состояніи прибавить никакого новаго внутренняго содержанія къ тому, которое перешло къ нимъ по наслѣдству“. Нѣсколько иной оттѣнокъ, но ту же сущность заключаетъ въ себѣ мнѣніе Летурно [3]), что монархическая, централизующая власть губитъ эстетическую красоту литературныхъ произведеній, ибо, имѣя свои цѣли, насилуетъ творчество поэтовъ; даже покровительствуя и награждая ихъ, она вредитъ литературѣ, потому что „начинаетъ управлять ими; умышленно или нѣтъ, она удаляетъ ихъ отъ извѣстныхъ сюжетовъ и навязываетъ имъ другіе“. Въ результатѣ—опека, какъ и преслѣдованіе, ведетъ къ исчезновенію искренней, независимой литературы... Общей чертой всѣхъ подобныхъ умозаключеній является односторонній подборъ фактовъ и не всегда достаточно критическій анализъ ихъ.

Отрицать соотношенія между политической жизнью и литературными явленіями нельзя, но нельзя возводить литературныя явленія къ явленіямъ жизни политической, какъ къ главнымъ причинамъ, обусловливающимъ ихъ возникновеніе. Въ самомъ дѣлѣ, дѣйствительно ли всегда подавленіе гражданскихъ свободъ совпадаетъ съ упадкомъ литературы?

Анализъ фактовъ и внимательное отношеніе къ фактамъ иного рода обнаруживаютъ, что „расцвѣтъ искусства и литературы вовсе не всегда совпадаетъ въ исторіи народовъ съ пробужденіемъ общественнаго самосознанія и расцвѣтомъ политической свободы. Часто совершенно напротивъ, эпохи наибольшаго порабощенія личности, эпохи расцвѣта абсолютизма и упадка политической свободы создаютъ величайшія произведенія художественнаго творчества [4]).

---

[1]) Рус. пер. М. 1891 г., III, стр. 215.

[2]) Философія исторіи, какъ соціологія, стр. 238—239.

[3]) Ш. Летурно, Литературное развитіе различныхъ племенъ и народовъ, р. п. 1895, стр. 160.

[4]) Евлаховъ, II, стр. 257.

Соберемъ нѣсколько такихъ фактовъ, указанныхъ упомянутымъ авторомъ: эпоха монархическо-аристократической тиранніи создала поэмы Гомера; эпоха упадка демократіи—дала Греціи Еврипида, Аристофана; въ Римѣ литература расцвѣтаетъ—при Августѣ, ликвидировавшемъ республику; расцвѣтъ французской литературы падаетъ на эпоху развитія абсолютизма и подавленія личности при Людовикѣ XIV,—тогда какъ эпоха великой революціи обнаружила въ поэтическомъ отношеніи большую бѣдность [1]).

Исторія русской литературы знаетъ факты того и другого порядка. Петръ Великій старался поднять литературу своего вѣка. Съ этой цѣлью онъ заказывалъ директорамъ театра пьесы, заботился о развитія книгопечатанія, журналистики; цензуры въ его время не существовало. Но, несмотря на это, литература эпохи Петра отличается скудостью. Наоборотъ, суровый гнетъ цензуры въ царствованіе Павла не повліялъ на творчество провозвѣстниковъ Пушкинской эпохи. Первое десятилѣтіе славной дѣятельности Гончарова, Островскаго, Тургенева совпадаетъ съ тяжелыми для русской общественности годами Николаевскаго режима. Представители историко-политическаго метода стараются втиснуть литературное развитіе въ рамки политическихъ отношеній и вывести изъ послѣднихъ не только идейное содержаніе, но и форму поэтическихъ произведеній. Но Фетъ, напримѣръ, могъ существовать при какомъ угодно режимѣ; творчество Гёте во всей его жизни было совершенно далеко отъ политики его времени. До чего доводитъ иногда увлеченіе—можно видѣть изъ того, что Гейне цѣнится Гонеггеромъ не за его несравненную лирику, а за политическіе памфлеты.

„Если существуетъ общепринятое мнѣніе, опровергнутое фактами“, говоритъ Э. Ренанъ [2]), „такъ это то, что смутное время мало благопріятствуетъ умственной дѣятельности, что литература, для того, чтобы создавать великое произведеніе, нуждается въ покоѣ и досугѣ, и что искусства заслуживаютъ классическое названіе „друзей мира“. Исторія доказываетъ, что волненіе, войны, тревоги представляютъ

[1]) Евлаховъ, II, 257—259.

[2]) Собр. соч., Кіевъ, 1902 г., IV, стр. 76.

именно ту среду, въ которой развивается человѣчество, что геній получаетъ могучее развитіе только въ бурное время, и что великія творенія науки и поэзіи появлялись среди обществъ, подверженныхъ сильнымъ смутамъ. Изъ всѣхъ вѣковъ XVI-й, безъ сомнѣнія, обнаружилъ наиболѣе всесторонней энергіи и дѣятельности: это по преимуществу вѣкъ творчества"... „Тогда было основано все: филологія, математика, астрономія, физика и философія: именно этотъ дивный вѣкъ, въ который окончательно установился современный намъ духъ, былъ эпохой всеобщей взаимной борьбы: религіозной, политической, литературной, научной".

Среди факторовъ, движущихъ литературнымъ развитіемъ, нѣкоторые ученые ставятъ развитіе экономической жизни народа, творящаго литературу. Возникновеніе литературныхъ произведеній и литературныхъ направленій „тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ соціально-экономической жизнью народовъ"; литература только переводитъ эту жизнь „на языкъ особыхъ символическихъ значковъ, т. е. художественныхъ образовъ. Другими словами, исторія литературная и исторія соціальная являются лишь двумя сторонами одного и того же процесса, а именно: борьбы съ стихійными силами природы человѣческаго общества, раздѣленнаго на классы, и потому первая становится понятной только при изученіи въ тѣсной связи со второй"[1]); отсюда для представителя такой точки зрѣнія—„литературныя теченія, смѣняющія другъ друга, представляютъ не болѣе какъ символическіе значки, обозначающіе на особомъ языкѣ переходъ человѣчества отъ одной стороны хозяйственной дѣятельности къ другой, болѣе высокой, среди безпрерывной борьбы классовъ за существованіе и власть [2])". Изложенная точка зрѣнія – настолько нова въ научной литературѣ, что не собрала еще достаточно фактическихъ данныхъ въ свое оправданіе. Ограничиваемся лишь тѣмъ, что отмѣчаемъ ея существованіе.

Роль политическихъ факторовъ и политическихъ событій должна быть, безъ сомнѣнія, учитываема; но методически возводить къ нимъ, какъ къ основной причинѣ, эволю-

---

[1]) Фриче, Очерки по исторіи зап.-европ. лит., 1898, стр. 4.

[2]) Тамъ же, стр. 5.

цію литературы—невозможно. Каждое литературное поколѣніе находится въ тѣсной связи съ политическими, соціальными и экономическими условіями своего времени; „но", говоритъ историкъ нѣмецкой литературы Фр. Куммеръ, „было бы ошибкой думать, что сила впечатлѣнія одного поколѣнія одинакова во всѣ времена. Было бы, напримѣръ, невѣрно, если бы мы сказали, что политическія впечатлѣнія опредѣленной силы оказываютъ на одно поколѣніе точь въ точь такое же дѣйствіе, какъ и на другое.

Иногда политическія событія не имѣли никакого вліянія, какъ это было, напр., въ Германіи съ 1797 до 1806 г.; ихъ вліяніе увеличивается съ 1806 до 1813 г., сильно распространяется на всю націю съ 1813 до 1815 г., убываетъ съ 1815 до 1230 года; вновь всплываетъ въ 1830 г. до 1848 г. и достигаетъ своего апогея въ 1848-49 г. Интересъ къ политическимъ событіямъ падаетъ съ 1850 года, снова выступаетъ съ 1866 г. до конца Kulturkampf'a и съ короткими перерывами падаетъ, начиная съ 1878 до 1907 г."[1]). Очевидно, наряду съ политическими факторами на общество и писателей, дѣтей его, вліяютъ и другія, не всегда выясненныя причины. Не всегда—благопріятныя для литературной дѣятельности условія создаютъ ее, и обратно—не всегда гоненія на литературу и другія неблагопріятныя обстоятельства создаютъ невозможныя для литературы условія; мы видѣли это на судьбахъ русской литературы, гдѣ дореформенная, политически-угнетенная русская жизнь Николаевской эпохи дала главный толчокъ творчеству такихъ крупныхъ талантовъ, какъ Гончаровъ, Тургеневъ, Некрасовъ, Достоевскій, Л. Толстой.

Люди съ большимъ трудомъ отрѣшаются отъ предвзятыхъ и безсознательно усвоенныхъ точекъ зрѣнія; ученые въ этомъ отношеніи не представляютъ исключенія и иногда, вмѣсто разслѣдованія неясныхъ причинъ явленія—готовы объяснять его наиболѣе привычной. До чего иногда увлекаются „политической" точкой зрѣнія даже крупные ученые—можно видѣть у трезвѣйшаго изслѣдователя древнерусской письменности акад. Истрина, который изъ „факта прекращенія политической жизни" выводитъ „прекращеніе и литературной дѣя-

[1]) Куммеръ, назв. соч., стр. 10.

тельности на югѣ древней Руси“ [1]). Ниже мы еще вернемся къ этому вопросу.

Вообще, историко-политическій методъ, которымъ особенно увлекались французскіе и отчасти нѣмецкіе историки литературы, порою близко примыкаетъ къ методу публицистическому—и обнаруживаетъ ту же степень пригодности для выясненія истины, какъ и всѣ субъективные методы. И если человѣку не легко отказаться во имя объективности отъ эстетическихъ и этическихъ презумпцій, то отказъ отъ политическихъ—вещь почти не наблюдаемая въ литературѣ: безсознательно, не отдавая себѣ отчета, даже искренно убѣжденные въ своемъ безпристрастіи, ученые историки, базирующіеся на предпосылкахъ разобраннаго метода, упорно видятъ въ немъ вѣрный путь къ истинѣ, забывая о попранной объективности и дефектахъ въ анализѣ фактовъ, а также о томъ, что честнѣе и добросовѣстнѣе вовсе отказаться отъ истолкованія явленія, чѣмъ предлагать произвольныя толкованія.

§ 19. Методъ историко-психологическій особенно часто примѣняется при изученіи явленій новой литературы и заключается въ разысканіи основныхъ стимуловъ, движущихъ творчествомъ поэта, и въ психологическомъ анализѣ выведенныхъ имъ героевъ. Такой психологическій анализъ мы чрезвычайно часто встрѣчаемъ въ современныхъ критическихъ статьяхъ, преслѣдующихъ цѣль истолковать сущность того, что хотѣлъ сказать авторъ разбираемаго произведенія.

Стремленіе историковъ литературы и критиковъ на основаніи литературныхъ произведеній изучить „душу человѣка“—не единственно и не стоитъ изолированно въ наукѣ: такъ, историкъ Фюстель де Куланжъ заявляетъ, что основнымъ предметомъ изученія исторіи является душа человѣка; исторія должна (?!) стремиться познать, что такое эта душа, чему она вѣровала, что она думала, что она чувствовала [2]). Это направленіе далеко не ново и въ области историко-литературныхъ изученій, особенно въ отношеніи къ народной, устной поэзіи. Еще Лацарусъ и Штейнталь въ своемъ изданіи

---

[1]) Изслѣдов. въ обл. др.-рус. литер., 1906, стр. 217.

[2]) Л.-Данилевскій, I, стр. 108

„Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft“ (1860—70 г.г.) занимались „психологіей народовъ“, имѣя цѣлью „выяснить отношеніе между психикой народа и соотвѣтственными продуктами его культуры, въ особенности—его языкомъ, миѳами и нравами“ [1]). Они исходили въ этомъ случаѣ изъ внесенной въ науку Гердеромъ идеи о „народномъ духѣ“, „народной душѣ“. Но Лацарусъ не отрицалъ также значенія въ историческомъ процессѣ и роли отдѣльной личности: общество содержитъ элементы для личнаго творчества; но массы не проявляютъ творчества: „въ болѣе узкомъ смыслѣ слова“ оно принадлежитъ отдѣльнымъ личностямъ. Но и онѣ способны дѣйствовать на извѣстную общественную группу лишь постольку, поскольку она въ свою очередь способна воспринимать ихъ дѣйствія, поскольку она уже содержитъ элементы того творчества, которое дѣйствуетъ на нее“ [2]). Вундтъ въ „Völkerpsychologie“ (1900—1909 г г.) систематизировалъ идеи Лацаруса.

Отраженіе личности поэта въ литературномъ произведеніи, по мнѣнію послѣдователей психологическаго метода, выражается въ полномъ воспроизведеніи его личности, его міросозерцанія и переживаній. Отсюда вытекаетъ необходимость тщательнаго изученія біографіи.

Исторія литературы, съ точки зрѣнія представителя психологическаго метода, должна быть исторіей нравовъ и характеровъ. Но тутъ скрывается главный дефектъ этого метода; онъ ищетъ открыть не законы развитія самой литературы, а законы психологіи личной и общественной, между тѣмъ какъ всякая область знанія должна изслѣдовать свой матеріалъ и констатировать свои законы. Кромѣ того, научная психологія имѣетъ свои методы и основывается на опытѣ; она не нуждается въ весьма сомнительномъ литературномъ матеріалѣ для своихъ цѣлей. Насколько далеки „психологи“ отъ достиженія цѣлей, ставящихся научной исторіей литературы, видно хотя бы изъ примѣра: ак. Н. Котляревскій, слѣдуя психологическому методу, въ своихъ статьяхъ о литературной дѣятельности декабристовъ сводитъ все къ характеристикѣ отдѣльныхъ лично-

[1]) Л.-Даниловскій, I, стр. 96.

[2]) Л.-Даниловскій, I, стр. 101.

стей. У него же личность и дѣятельность кн. Одоевскаго не есть моментъ литературной, а психологической эволюціи. Такіе историки литературы работаютъ на чужого господина, на психологію, которая въ нихъ не нуждается, будучи наукой экспериментальной. Впрочемъ, нѣкоторыя положительныя стороны психологическаго метода обнаруживаются при изученіи примѣненія его уже его родоначальниками.

Первый видный представитель этого метода, Сентъ-Бевъ, считаетъ нужнымъ читать біографіи великихъ людей; онъ отказывается изучать произведенія писателей, біографія которыхъ ему неизвѣстна. О трудѣ Сентъ-Бева „Port royal“ Тэнъ говоритъ: „подъ богословскими диссертаціями и монотонными проповѣдями (Паскаль, Арно, Николя) видно и слышно біеніе вѣчно живого сердца, порывы и упадокъ монашескаго аскетизма, предвидѣнные возвраты къ чувственности, кипучія потребности физической природы и смѣняющія ихъ побѣды духа“. Такимъ образомъ, авторъ критической статьи долженъ быть не только собирателемъ подробностей біографіи писателя, онъ долженъ создать образъ его. О томъ, какъ смотрѣлъ Сентъ-Бевъ на исторію литературы, ясно видно изъ его статьи „Pierre Corneille“. Онъ говоритъ: „въ дѣлѣ исторіи литературы нѣтъ чтенія болѣе интереснаго и увлекательнаго и въ то же время плодотворнаго въ смыслѣ пріобрѣтенія всевозможныхъ свѣдѣній, какъ хорошо составленныя біографіи, не такія сухія біографіи, избранныя и тонкія замѣтки, гдѣ писатель хочетъ блеснуть, и каждый параграфъ которыхъ дышетъ эпиграммой, но пространная исторія человѣка и его произведеній; надо войти въ автора, надо поселиться въ немъ, надо воспроизвести его во всѣхъ его видахъ, надо заставить его жить, двигаться и говорить, какъ онъ долженъ былъ бы это дѣлать; надо проникнуть въ его домъ, въ его домашніе нравы; надо свести его на землю, къ реальному существованію, къ ежедневнымъ привычкамъ, отъ которыхъ великіе люди зависятъ не менѣе, чѣмъ всѣ другіе“. Еще яснѣе опредѣляется методъ Сентъ-Бева въ его статьѣ о Дидро. „Я всегда любилъ корреспонденціи, разговоры, мысли, всѣ подробности о характерѣ, нравахъ, однимъ словомъ, біографію великихъ писателей. При чтеніи его рукописей черта за чертой прибавляются и отпечатываются на физіономіи, которую хочется воспроизвести: къ

неясному, абстрактному и общему типу, который вы охватили по первому взгляду, мало-по-малу присоединяется и воплощается индивидуальная дѣйствительность, точная, все болѣе и болѣе опредѣленная... Чувствуется, какъ приближается, какъ рождается сходство, и въ тотъ день, въ тотъ моментъ, когда поймаешь привычный типъ, улыбку, неопредѣленную складку, тайную и скорбную морщину, которая напрасно старается скрыться подъ начинающими рѣдѣть волосами,—въ этотъ моментъ анализъ исчезаетъ въ твореніи, портретъ говоритъ, живетъ, человѣкъ найденъ". С.-Бевъ не далъ цѣльнаго очерка своего метода. Его выясняетъ другой крупный теоретикъ исторіи литературы, отчасти воспринявшій, углубившій методъ С.-Бева—И. Тэнъ въ предисловіи своей „Histoire de la litterature anglaise".

Тэнъ охарактеризовалъ С.-Бева, какъ тонкаго и вдохновеннаго психолога. Но вдохновеніе С.-Бева вноситъ въ изслѣдованіе извѣстную долю субъективизма. „Посмотрите", пишетъ Тэнъ, „какъ онъ увивается возлѣ своего подлинника, отмѣчая словомъ каждый жестъ, каждое выраженіе его лица; какъ онъ возвращается къ портрету, оттѣняя свои прежнія краски другими, какъ онъ неустанно ретушируетъ его, чтобы схватить недвижныя черты и переливающійся оттѣнокъ въ выраженіи его жизни".

Итакъ, источникъ литературной критики С.-Бева — вдохновеніе; онъ даетъ готовый синтезъ, подсказанный интуиціей, совершенно чуждый критицизма. У него играетъ роль тотъ субъективизмъ, который нами отвергнутъ выше, какъ непріемлемый для научнаго изслѣдованія. У С.-Бева, кромѣ того, нѣтъ единства характеристики. Благосклонную характеристику С.-Бева мы находимъ у Брюнетьера (въ „Evolution des genres dans la litterature" 1890): С.-Бевъ даетъ какъ бы анатомію, физіологію, психологію писателя, подразумѣвая подъ анатоміей—общій видъ писателя, подъ физіологіей—темпераментъ, подъ психологіей—отношеніе автора къ чувствамъ и страстямъ, т. е. къ вопросамъ любви, смерти и пр.

Но, несмотря на это, С.-Бевъ рисуется намъ не ученымъ, а живописцемъ-поэтомъ, что и составляетъ его характерную черту. Однако, здоровымъ зерномъ его воззрѣній является изученіе произведеній въ связи съ біографіей

писателя, его жизнью душевной, физической, страстями и добродѣтелями.

Болѣе новая программа изслѣдованія литературы по психологическому методу формулирована Ветцомъ такъ: „На первомъ планѣ стоитъ критическій, вѣрнѣе критико-психологическій анализъ, затѣмъ біографическое изслѣдованіе и, наконецъ, историческое наблюденіе“ [1]). Въ итогѣ такого анализа получается, какъ и у С.-Бева, литературный портретъ писателя, причемъ самые литературные памятники и ихъ исторія играютъ служебную роль. Напрасно стараются убѣжденные представители психологическаго метода выдвигать тотъ аргументъ, что психологическое изслѣдованіе литературныхъ памятниковъ можетъ дать полезные выводы для психологіи. Если бы это и было такъ (см. труды проф. Сикорскаго), то все же научная критика давно уже осудила подобные пріемы [2]), какъ безполезные, ибо изъ литературныхъ произведеній мы можемъ познавать не психологическіе законы, а лишь отчасти настроеніе автора, а отчасти матеріалъ для пониманія его художественныхъ переживаній, которыя никогда не совпадаютъ съ переживаніями дѣйствительности. Не психологическіе законы мы познаемъ изъ литературныхъ произведеній, а, наоборотъ, знаніе научной психологіи является ключемъ для пониманія и критики литературныхъ произведеній [3]). Такимъ образомъ, необходимость изученія психологіи вовсе не упраздняется.

Возможно ли пользоваться данными психологіи историку литературы?

Конечно, но не для разысканія и опредѣленія „народной души“ или индивидуальной души автора и его героевъ, а для комментированія произведеній литературы въ возможныхъ предѣлахъ и съ большой осторожностью. Такое приложеніе психологіи къ исторіи литературы состоитъ въ томъ, что изслѣдователь пользуется принципами и понятіями психологіи для объясненія литературныхъ фактовъ; но не съ тѣмъ, чтобы открыть какіе-либо психологическіе законы:

---

[1]) W. Wetz, Uber Litteraturgeschichte, 1891 г., стр. 48.

[2]) Э. Радловъ, Журн. Мин. Нар. Просв., 1905 г., окт.

[3]) Срв. Paul, Methodenlehre, стр. 165.

ибо законы исторіи словеснаго творчества гораздо сложнѣе, чѣмъ законы психологіи [1]). Едва ли также современная научная психологія нуждается въ матеріалѣ, даваемомъ литературой, и въ изученіи его путемъ субъективныхъ толкованій: у нея есть свои, болѣе вѣрные пути.

Однако, отголоски романтизма слышатся еще въ концѣ XIX в.: Бургардтъ рѣже, но Фрейтагъ, напр., признавалъ главной задачей своихъ трудовъ „дать картину почти двухтысячелѣтняго развитія нашей народной души". Риль также имѣлъ въ виду изученіе „народной души" [2]).

Если историкъ и можетъ ставить такія пожеланія, то они для него являются еще допустимыми, потому что онъ имѣетъ дѣло съ разнообразными явленіями жизни, и въ самомъ комбинированіи ихъ и взаимной повѣркѣ находитъ коррективъ противъ односторонности; историкъ литературы не имѣетъ этого корректива, напротивъ того, свойства литературныхъ произведеній воздѣйствовать на психику и накопившіеся предразсудки располагаютъ еще болѣе отступать отъ допустимаго въ области психологической критики.

Разновидностью психологическаго метода изученія литературныхъ произведеній является методъ психопатологическій. Выясненію этого метода, условій его цѣлесообразнаго примѣненія посвящено было нѣсколько работъ, преимущественно, русскихъ врачей-психіатровъ. Итоги этихъ работъ сведены въ книгѣ д-ра М. О. Шайкевича „Психопатологія и литература" (СПБ. 1910 г.). Здѣсь авторъ, хотя и врачъ, но не замкнувшійся въ предѣлахъ спеціальности профессіоналъ, такъ формулируетъ итоги своихъ разысканій:

1. „Психопатологическимъ методомъ въ литературной критикѣ является методъ, при помощи котораго разбираются болѣзненныя стороны какъ личности писателя, такъ и дѣйствующихъ лицъ произведеній, съ цѣлью болѣе полнаго пониманія какъ самихъ произведеній, такъ и психологическаго процесса творчества, а также разсматриваются ненормальныя стороны какого-либо литературно-художественнаго направленія".

2. „При разсмотрѣніи психологическаго процесса твор-

---

[1]) Срв. Л.-Данилевскій, I, III.

[2]) Л.-Данилевскій, I, стр. 109.

чества необходимо изучать факты изъ жизни писателя и его произведенія, поскольку въ нихъ можетъ отразиться патологическая личность писателя, и поскольку они могутъ знакомить съ самымъ процессомъ творчества".

3. „При разсмотрѣніи творческаго акта прежде всего надлежитъ обратить вниманіе на, такъ сказать, субъективные и объективные въ отношеніи къ обыденной личности художника, а отсюда слѣдуетъ, какъ частный вопросъ—отношеніе болѣзненныхъ чертъ художника къ процессу его творчества".

4. „Въ характеристикѣ какого-либо литературно-художественнаго направленія необходимо прежде всего обратить вниманіе на общественно-психологическое его происхожденіе, причемъ, если будутъ замѣчены какія-либо болѣзненныя черты, то ихъ слѣдуетъ объяснить, исходя изъ общественно-психологическаго разбора".

5. „Одно только указаніе на болѣзненный слѣдъ личности художника можетъ имѣть исключительный интересъ".

6. „При разборѣ литературныхъ произведеній съ большимъ или меньшимъ преобладаніемъ патологическаго элемента въ ихъ содержаніи, необходимо, послѣ надлежащей и въ границахъ художественной условности провѣрки такового, показать его связь съ основною мыслью разсказа или вообще тою цѣлью, которую преслѣдовалъ художникъ (?)".

7. „Психопатологическій методъ... даетъ возможность выяснить отношеніе душевной болѣзни къ акту творчества".

8. „Научно-художественная критика не можетъ обойтись безъ его помощи при разсмотрѣніи произведеній, въ которыхъ канвой для развитія той или другой идеи служатъ болѣзненныя стороны жизни" [1]).

9. Слѣдуетъ добавить. что только путемъ психопатологическаго анализа мы можемъ выяснить также нѣкоторыя болѣзненныя черты въ самой формѣ, окраскѣ, композиціи произведеній хотя бы нѣкоторыхъ сентименталистовъ и романтиковъ, а также новыхъ писателей-модернистовъ.

Др. Шайкевичъ не преувеличиваетъ значенія и роли психопатологическаго анализа литературныхъ произведеній; напоминая, что здѣсь психіатръ—не экспертъ на судѣ, а

[1]) Назв. соч., стр. 57—58.

литературный критикъ, онъ говоритъ: „И потому прежде всего необходимо считаться со всѣми внѣшними и внутренними условіями художественнаго творчества, со всею обстановкою, содержаніемъ, формою и временемъ появленія самого произведенія. Говоря иначе, условія и задача психопатологическаго метода при разборѣ литературныхъ произведеній сводятся къ слѣдующему: необходимо самостоятельно или при помощи литературной критики выяснить и разобрать все внѣшнее и внутреннее построеніе произведенія. Если при этомъ разсмотрѣніи будетъ обнаружено, что какое-либо изъ дѣйствующихъ лицъ надѣлено болѣзненными чертами или выведено то или иное положеніе на основаніи болѣзненныхъ качествъ кого-либо изъ нихъ, тогда необходимо провѣрить этотъ патологичеекій элементъ въ условіяхъ художественно возможнаго и показать возможность и законность его логической и дѣйствительной необходимости и связи съ общимъ планомъ и идеей самаго произведенія“ [1]). Др. Шайкевичъ справедливо считаетъ психопатологическій методъ „подсобнымъ“ и полагаетъ, что примѣняться онъ долженъ „съ особенною осторожностью“. Кромѣ того—напоминаетъ, что, играя видную роль при анализѣ произведеній Достоевскаго, Мопассана, Эдгара Поэ—психопатологическій методъ самъ по себѣ недостаточенъ [2]).

Изъ данной характеристики ясно, что „контрольный“ психопатологическій методъ предлагается примѣнять, подразумѣвая, что задача поэта—вѣрно въ художественныхъ формахъ воспроизводить дѣйствительность, а послѣднее—вопросъ спорный. Къ тому же др. Шайкевичъ, какъ и многіе другіе, игнорируетъ два неоднократно указанные нами выше фактора творчества: 1) традицію и подражаніе и 2) фантазію.

§ 20. На основѣ вырабатывавшагося психологическаго метода выросъ комбинированный культурно-историческій методъ И. Тэна (1828—1893 г.г.).

Онъ воскресилъ забытую точку зрѣнія Вико и примѣнилъ ее къ историко-литературному изслѣдованію. Кромѣ того, мысли Вико онъ скомбинировалъ съ идеями бр. Гриммовъ, благодаря творческой работѣ своего ума, перераба-

[1]) Тамъ-же, стр. 56. [2]) Стр. 56—57.

тавшаго старыя забытыя идеи и отлившаго ихъ въ своеобразную и съ внѣшней стороны—стройную систему.

Съ точки зрѣнія личныхъ симпатій и вкусовъ, сужденіе наше о литературныхъ произведеніяхъ можетъ быть различно, но наука не должна пристрастно относиться къ нимъ; для нея они—явленія, обусловленныя своими причинами, и смыслъ научнаго изслѣдованія заключается въ томъ, чтобы выяснить эту причинную зависимость между явленіями. Эта точка зрѣнія впервые была внесена въ историко-литературное изслѣдованіе Тэномъ.

Уже въ половинѣ XIX вѣка сознали, что „всякая организованная форма, разсматриваемая въ статическомъ состояніи въ какой-нибудь данный моментъ, является функціей окружающихъ ее другихъ существъ и климатическихъ, геологическихъ, орологическихъ условій и т. д., функціей той части земли, на которой находится“ [1]).

Та же точка зрѣнія была примѣнена и къ литературѣ Тэномъ съ его теоріей среды и пр.

Развитіе точныхъ наукъ и естествознанія въ XIX в. вызвало надежды найти такую же закономѣрность въ явленіяхъ не только психическихъ, общественныхъ, но и литературныхъ (Дарвинъ, Уоллесъ, Спенсеръ).

Еще ранѣе возникло ученіе о средѣ и естественныхъ условіяхъ жизни человѣка въ связи съ изученіемъ географіи, исторіи (Шлецеръ, Риттеръ), антропологіи и этнографіи, при чемъ „антропологія изучаетъ человѣка въ качествѣ зоологическаго вида, species homo [2]), по природѣ отличающагося своими извѣстными физическими и психическими свойствами“, а этнографія изучаетъ человѣка, „поскольку онъ принадлежитъ къ опредѣленному обществу, объединенному происхожденіемъ и общимъ языкомъ, а также подчиненному общимъ обычаямъ“.

Въ срединѣ 1850-хъ годовъ возникаетъ особая отрасль психологіи—эволюціонной [3]): ученіе объ эволюціи, выработанное естественными науками, примѣняется къ изслѣдованію явленій душевной жизни [4]), а Милль, „признавая, что

[1]) А. Жіаръ, Методъ въ наукахъ, 1911 г., стр. 160.

[2]) Л.-Данилевскій, I, стр. 77.

[3]) Спенсеръ, Основы психологіи, 1855 г.

[4]) Л.-Данилевскій, I, стр. 92.

всѣ явленія безъ исключенія управляются неизмѣнными законами",—желаетъ перенести методы естественныхъ наукъ... „въ науки соціальныя, въ томъ числѣ и въ исторію" [1]).

Бокль (Buckle, Introduction to the history of civilisation in England, vol. I, 1857, и рус. перев.)—въ своихъ изслѣдованіяхъ по исторіи культуры призналъ необходимость установить „законы человѣческаго духа", но уже не на принципѣ романтическаго міросозерцанія, а пользуясь методами естественно-научными.

Въ зависимости отъ этого научнаго возбужденія явились попытки поставить и исторію литературы на прочное основаніе; хотя исторія литературы не можетъ производить экспериментовъ, за то можетъ дѣлать наблюденія и не только въ узкомъ кругѣ настоящаго, но и въ области прошлаго. Такимъ образомъ, недостатокъ качества матеріала восполняется въ избыткѣ количествомъ его.

Сильное вліяніе оказало на Тэна сочиненіе Дарвина „О происхожденіи видовъ", совпавшее во многомъ съ идеями французскаго ученаго.

„Тэнъ нашелъ въ дарвинизмѣ научную опору для своего основного воззрѣнія, что духовный міръ, подобно физическому, представляетъ собою механизмъ, и его процессы подчиняются закону причинности" [2]).

Оттуда же почерпнулъ онъ воззрѣніе на среду,—т. е. вліяніе эпохи на поэтовъ, и на ея роль: и въ человѣческомъ мірѣ, какъ и въ растительномъ и животномъ, наблюдается естественный подборъ и приноровленіе къ средѣ [3]).

Оттуда же идея объ образованіи расы въ зависимости отъ естественныхъ факторовъ.

„Современный методъ, которому я стараюсь слѣдовать", писалъ Тэнъ въ „Философіи искусства" [4]), „и который начинаетъ устанавливаться во всѣхъ наукахъ, имѣющихъ предметомъ духъ человѣка, заключается въ томъ, чтобы разсматривать человѣческія творенія и въ особенности произведенія искусства, какъ факты и продукты, которыхъ свой-

---

[1]) Л.-Данилевскій, I, стр. 93.

[2]) Герье, Методъ Тэна, В. Евр., 1889 г., сент., стр. 79.

[3]) Герье, тамъ-же, стр. 80. [4]) I, стр. 14.

ства надлежитъ указать и причины которыхъ слѣдуетъ отыскать. И все дѣло только въ этомъ“ [1]).

Задачей Тэна было поставить на почву научныхъ понятій второй половины XIX в. исторію и литературную критику, точнѣе — историческія и историко-литературныя изученія. Отсюда стремленіе всегда искать аналогій въ мірѣ, изслѣдуемомъ натуралистами, и неутомимое, хотя не всегда удачное исканіе „законовъ“ тѣми путями, какіе употребляются въ другихъ наукахъ, служившихъ Тэну образцомъ. Эти „законы“ не пріемлемы современною наукою въ цѣломъ, но важны для историческаго пониманія задачъ нашей науки.

Едва ли не болѣе рельефнымъ казалось Тэну выраженіе человѣческой души въ литературныхъ памятникахъ,— чѣмъ въ собственно историческихъ документахъ;—отсюда примѣненіе къ первымъ той же мѣрки, какъ и къ послѣднимъ.

„Тэнъ отъ литературнаго изслѣдованія перешелъ къ исторіи, и при этомъ связующимъ звеномъ между данными двумя областями служила для него психологія“. Гердеръ и др., создавъ психологическій методъ, произвели переворотъ и въ исторіи, открывъ, что „литературное произведеніе— плодъ не случайной игры воображенія, не произволъ какой-нибудь разгоряченной головы, а копія нравовъ извѣстной среды, симптомъ извѣстнаго состоянія умовъ“. Отсюда—„выводъ, что на основаніи литературныхъ памятниковъ можно возстановить чувства и мысли людей прошлыхъ вѣковъ“ [2]).

По Тэну—исторія есть прикладная психологія; какъ физикъ изучаетъ явленія въ кабинетѣ, такъ и историкъ долженъ знать движенія молекулы исторической — человѣка,—чтобы понять движеніе и жизнь народныхъ массъ и историческихъ дѣятелей [3]); дѣло историка—„въ томъ, чтобы описать человѣческую душу или общія черты какой-нибудь естественной группы человѣческой души“ [4]).

По мысли Тэна, исторія должна была стать прикладной психологіей, не только заимствуя у психологіи „сред-

---

[1]) Герье, тамъ-жс, стр. 72—73.

[2]) Герье, В. Евр., 1890 г., янв., стр. 30.

[3]) Герье, тамъ же, стр. 25. [4]) Тамъ же, стр. 26.

ства для объясненія людскихъ дѣйствій и стремленій: съ помощью психологіи исторія должна была сдѣлаться наукою. Руководясь психологическими данными, историкъ долженъ былъ открыть законы, управляющіе движеніемъ исторіи"... [1]).

Въ предисловіи къ „Философіи искусства" Тэнъ говоритъ: „Среди человѣческихъ твореній художественное произведеніе кажется самымъ случайнымъ; невольно поддаешься мысли, что оно зарождается наугадъ, безъ правилъ и основанія, что оно предоставлено на жертву случаю, неожиданности, произволу; дѣйствительно, когда художникъ творитъ, онъ слѣдуетъ своей, чисто личной фантазіи; когда публика одобряетъ, она руководится своимъ вкусомъ, а этотъ вкусъ—преходящій; выдумка художника и симпатіи публики—все это произвольно, свободно и, повидимому, столь же капризно, какъ налетѣвшій вѣтеръ. А между тѣмъ, какъ и налетѣвшій на насъ вѣтеръ, все это происходитъ при опредѣленныхъ условіяхъ и по установленнымъ законамъ" [2]).

„Представленіе о законѣ, который является исходной точкой для Тэна при объясненіи имъ духовныхъ явленій, перенесено имъ сюда изъ области естественныхъ наукъ. У нихъ заимствованъ методъ, который Тэнъ прилагаетъ къ наукамъ о духѣ, и, наконецъ, отношеніемъ къ естественнымъ наукамъ опредѣляется и самая цѣль, которую Тэнъ имѣетъ въ виду при изученіи духовнаго міра—содѣйствовать тому общему движенію, которое нынѣ сближаетъ науки о духѣ съ науками естественными" [3]).

Если міръ духовныхъ проявленій состоитъ изъ фактовъ, вызванныхъ извѣстными причинами, то задача науки состоитъ въ раскрытіи этихъ причинъ и въ констатированіи законовъ, ими управляющихъ. Такимъ образомъ, методъ изученія этихъ явленій долженъ быть генетическимъ, т. е. долженъ объяснить способъ возникновенія изучаемыхъ явленій. „Въ такомъ генетическомъ объясненіи явленій должна заключаться литературная и художественная критика, а за-

---

[1]) Герье, тамъ же, стр. 29.

[2]) Герье, Методъ Тэна, В. Евр., 1889 г., сент., стр. 73.

[3]) Герье, тамъ же, стр. 74.

тѣмъ и самая исторія литературы и искусства“ [1]). Ближайшій путь для изслѣдованія указанъ Тэномъ: причину литературныхъ явленій слѣдуетъ искать въ состояніи духа художника; а оно есть слѣдствіе трехъ первичныхъ силъ: расы, среды и момента [2]).

Этимъ стремленіемъ найти господствующее свойство анализируемаго писателя Тэнъ, примыкавшій къ школѣ Сентъ-Бева, замѣтно выдѣлился изъ среды его послѣдователей, ибо восполнилъ тотъ пробѣлъ, который былъ такъ замѣтенъ въ критикѣ С.-Бева,—именно, отсутствіе единства и научныхъ пріемовъ [3]).

Историко-литературныя воззрѣнія Тэна сводятся, кратко говоря, къ тому, что въ основаніи литературной (какъ и художественной) критики полагается генетическій методъ изслѣдованія. Вмѣсто похвалы или порицанія литературныхъ произведеній Тэнъ ставитъ себѣ вопросы и пытается дать отвѣты: 1) о происхожденіи анализируемаго памятника; 2) о томъ, какъ онъ возникъ, вслѣдствіе какихъ вліяній; 3) почему онъ обладаетъ такими или иными свойствами. Методъ Тэна—историческій, точнѣе — историко-психологическій. „Критикъ можетъ ставить себѣ задачею объясненіе историческаго · происхожденія литературныхъ памятниковъ потому, что эти памятники отражаютъ на себѣ чувства и страсти создавшей ихъ эпохи. Вслѣдствіе этого можно съ помощью литературнаго памятника „воскресить угасшія чувства и страсти“... [4]).

Какъ литературный критикъ, Тэнъ „всегда отыскиваетъ въ изучаемомъ имъ писателѣ его основное свойство или способность, преобладающую надъ остальными, и изъ нихъ старается объяснить общій характеръ писателя, достоинства и недостатки его произведеній“ [5]).

По Тэну,—настоящій человѣкъ есть „та группа свойствъ и чувствъ, которая произвела все остальное“ [6]). Отсюда „ху-

---

[1]) Герье, тамъ же, стр. 84.

[2]) Срв. Герье, тамъ же, стр. 84.

[3]) Срв. Герье, тамъ же, стр. 94.

[4]) Герье, Ипполитъ Тэнъ, В. Евр., 1890 г., янв., стр. 6—7.

[5]) Герье, Методъ Тэна, В. Евр., 1889 г., сент., стр. 71.

[6]) Герье, В. Евр., 1890 г., янв., стр. 31.

дожественное произведеніе опредѣляется общимъ состояніемъ духа и нравовъ среды, въ которой оно возникаетъ", говоритъ Тэнъ въ своей „Философіи искусства" [1]).

„Духъ писателя", говоритъ Тэнъ въ статьѣ о Расинѣ,—„представляетъ собою какъ бы сокращенное выраженіе духа другихъ, и мы находимъ у него въ болѣе рѣзкомъ проявленіи, чѣмъ у другихъ, тѣ свойства и условія, подъ вліяніемъ которыхъ сложились вкусы его современниковъ" [2]).

Въ художественномъ произведеніи на первомъ планѣ стоитъ лицо, характеръ, типъ, обладающій унаслѣдованными свойствами, получившими индивидуальную окраску, и физическимъ темпераментомъ; и то, и другое вырастаетъ или уменьшается подъ вліяніемъ среды. Вторымъ элементомъ художественнаго произведенія являются положеніе или событіе, въ которыхъ проявляется типъ.

Третій элементъ—это „le style", т. е. внѣшняя оболочка литературнаго произведенія, дѣйствующая на мысль читателя, на память и на воображеніе и на его музыкальный инстинктъ [3]).

Тэнъ смотритъ на литературу глазами историка и при томъ — предубѣжденнаго доктринера, которыхъ онъ самъ порицалъ. Трудно повѣрить, чтобы такую теорію классификаціи могъ предложить человѣкъ съ пониманіемъ художественнаго творчества.

Изо всего, что писалъ Тэнъ, для насъ наиболѣе важна формулировка его ученія о расѣ, средѣ и моментѣ. Наиболѣе ярко и характерно выражено это ученіе въ его „Введеніи въ исторію англійской литературы" (р. перев.— „О методѣ критики и объ исторіи литературы, СПБ. 1896 г.).

Здѣсь Тэнъ говоритъ: „Литературное произведеніе не есть простая игра воображенія, самородный капризъ, родившійся въ горячей головѣ, но снимокъ съ окружающихъ нравовъ и признакъ извѣстнаго состоянія умовъ. Отсюда заключили, что возможно по литературнымъ памятникамъ узнать, какъ чувствовали и думали люди нѣсколько вѣковъ назадъ. По-

---

[1]) Герье, В. Евр., 1889 г., сент., стр. 86.

[2]) Nouv. Essais, p. 211; Герье, тамъ же, стр. 97.

[3]) Срв. Герье, тамъ же, стр. 133—134.

пробовали это сдѣлать, и опытъ удался“ [1]). Значитъ, „существуетъ система въ чувствахъ и въ идеяхъ человѣческихъ, и эта система имѣетъ первоначальнымъ двигателемъ нѣсколько главныхъ чертъ, нѣсколько свойствъ ума и сердца, общихъ всѣмъ представителямъ извѣстной расы“ [2]). Изъ этого основанія Тэнъ выводитъ свое ученіе о расѣ.

Тэнъ разсматриваетъ судьбу расъ и находитъ въ каждой свои особенности, опредѣляющія ея существо, и выводитъ „механизмъ человѣческой исторіи“ изъ того основанія, что его „первоначальной пружиной всегда служитъ какая нибудь общая наклонность ума и души, врожденная и присущая расѣ, или же пріобрѣтенная благодаря какому-нибудь обстоятельству, вліяющему на расу. Но эти могучія пружины мало-по-малу производятъ свое дѣйствіе и, по истеченіи нѣсколькихъ вѣковъ, приводятъ народы въ новое литературное, религіозное, соціальное, экономическое состояніе, даютъ такимъ образомъ новое условіе, которое, въ совокупности съ ихъ возобновленнымъ усиліемъ, порождаетъ еще новое условіе, благопріятное или неблагопріятное, медленно или быстро образующееся“ [3]).

„Три различные источника способствуютъ происхожденію этого первоначальнаго нравственнаго состоянія: раса, среда и моментъ.

Расой мы называемъ врожденныя и наслѣдственныя наклонности, которыя человѣкъ приноситъ съ собой на свѣтъ и которыя обыкновенно сопровождаются различіями въ темпераментѣ и въ строеніи тѣла. Онѣ разнятся, смотря по народамъ. Бываютъ естественныя разновидности людей, какъ бываютъ разновидности быковъ и лошадей: одни храбры и умны, другіе робки и ограничены, одни способны къ высшимъ понятіямъ и твореніямъ, другіе осуждены на элементарныя идеи и изобрѣтенія, иные болѣе приспособлены къ извѣстной работѣ, богаче надѣлены извѣстными инстинктами, какъ однѣ породы собакъ болѣе способны быстро бѣгать, другія бороться, иныя охотиться и, наконецъ, иныя стеречь дома и стада. Эти природныя свойства представля-

---

[1]) „О методѣ критики“, стр. 3.

[2]) Тамъ-же, стр. 16.

[3]) Тамъ-же, стр. 21.

ютъ собою силу настолько самобытную, что, несмотря на громадныя отклоненія, которымъ она подвергается подъ вліяніемъ двухъ другихъ двигателей, она всегда сохраняетъ свои существенные признаки“ [1]).

„Вотъ первый и самый богатый источникъ тѣхъ главныхъ свойствъ, которыя даютъ начало историческимъ событіямъ; сила же его, какъ сразу видно, происходитъ отъ того, что онъ не простой источникъ, а подобенъ озеру и представляетъ собой какъ бы глубокій резервуаръ, куда остальные источники въ продолженіе множества вѣковъ несли и скопляли также и свои воды“ [2]).

Идея среды формулируется Тэномъ такъ: „человѣкъ не одинъ на свѣтѣ: онъ окруженъ природой и другими людьми; на первоначальныя и постороннія черты ложатся случайныя и второстепенныя, и природный характеръ измѣняется или дополняется физическими и соціальными обстоятельствами, дѣйствующими на него“ [3]). Среда опредѣляется вліяніемъ климата, соціальныхъ условій, политической обстановкой. Среда—не только совокупность физическихъ условій, вліяющихъ на тотъ или иной характеръ общества, но вмѣстѣ съ тѣмъ и само общество, по отношенію къ отдѣльнымъ его членамъ, и политическія обстоятельства [4]). Не приписывая все рѣшительно дѣйствію среды, нельзя, однако, отрицать ея глубокаго вліянія. Идеи, выражаемыя въ произведеніяхъ, служатъ выраженіемъ идеаловъ среды, настроенія массъ. Интересно прослѣдить вліяніе среды, напр., на Жуковскомъ. Представитель гуманныхъ идей, симпатичная личность, онъ въ своей литературной дѣятельности обнаруживаетъ смѣсь понятій: гуманизмъ и защита крѣпостного права, нѣжная впечатлительность и оправданіе произвола. Въ этомъ характерно видна печать эпохи и среды. Многіе писатели подъ ея вліяніемъ отражаютъ не то, что составляетъ сущность ихъ натуры, а лишь удовлетворяютъ требованіямъ моды. Тотъ же Жуковскій началъ съ одъ, по модѣ конца XVIII вѣка, потомъ увлекся

---

[1]) О методѣ критики... стр. 21—22.

[2]) О методѣ критики... стр. 23.

[3]) О методѣ критики... стр. 23—24.

[4]) Л.-Данилевскій, I, стр. 105.

Оссіаномъ, Греемъ, проповѣдниками правъ человѣка, и кончилъ мистико-піэтическимъ настроеніемъ, признавъ неизбѣжной покорность судьбѣ, а признательность Творцу за его благо—самымъ лучшимъ, къ чему можетъ стремиться человѣкъ.

Моментъ Тэнъ опредѣляетъ такъ: когда дѣйствуютъ національный характеръ (раса) и окружающія обстоятельства (среда), то дѣйствуютъ не на чистую страницу, но на страницу, гдѣ уже обозначены отпечатки. „Смотря по тому, въ тотъ или другой моментъ берете вы страницу,—отпечатокъ въ ней будетъ различенъ, а довольно этого, чтобы общій результатъ былъ различенъ. Каждая эпоха имѣетъ свой идеалъ. Онъ охватываетъ всю сферу дѣятельности мыслей; образуетъ господство одной формы мысли; умираетъ, уступая мѣсто другому. Таковы условія, опредѣляющія характеръ произведеній и ихъ причины".

„Возьмите два момента какой-нибудь литературы или искусства, напр., французскую трагедію при Корнелѣ и Вольтерѣ, греческій театръ при Эсхилѣ и Еврипидѣ, латинскую поэзію при Лукреціи и Клавдіанѣ, итальянскую живопись при Винчи и при Гвидо; конечно, общее понятіе не измѣнилось; и въ тотъ, и въ другой моментъ изображаютъ и рисуютъ все тотъ же человѣческій типъ; форма стиха, построеніе драмы, видъ тѣлъ—все это осталось то же. Но въ числѣ другихъ различій, здѣсь есть и то, что одинъ художникъ является предшественникомъ, другой преемникомъ, что первый не имѣетъ образца, а второй имѣетъ образецъ, что первый видитъ предметы лицомъ къ лицу, а второй черезъ посредство перваго, что нѣкоторыя значительныя части искусства усовершенствовались, что простота и величіе впечатлѣнія уменьшились, изящество и утонченность формы возросли,—словомъ, что первое произведеніе имѣло рѣшительное вліяніе на второе" [1]). Такимъ образомъ, „подъ моментомъ Тэнъ разумѣлъ не отдѣльный, индивидуальный фактъ во всей его конкретности, а скорѣе вліяніе, которое, напр., разнаго рода произведенія предшествующей литературы оказываютъ на послѣдующихъ писателей, воспринимающихъ ихъ въ качествѣ образцовъ; въ такомъ смыслѣ,

[1]) О методѣ критики... стр. 27.

напр., вліяніе Библіи на разнаго рода стили послѣдующаго времени, хотя бы XVI в., можно признать „моментомъ“; въ основу своего понятія о моментѣ, значитъ, Тэнъ клалъ психологическое понятіе о процессѣ подражанія, наступающемъ при извѣстныхъ условіяхъ мѣста и времени“ [1]).

Преобладающее значеніе изъ трехъ выдвинутыхъ факторовъ Тэнъ придаетъ расѣ.

§ 21. Критическія замѣчанія о теоріи Тэна.

Обращаемся къ критикѣ методологическихъ положеній Тэна, широко распространенныхъ впослѣдствіи въ наукѣ и во многихъ отношеніяхъ сохраняющихъ свое значеніе. Какъ справедливо замѣчаетъ Эннекенъ [2]), „эти положенія Тэна могутъ быть названы правдоподобными; путемъ многочисленныхъ изслѣдованій, можетъ быть, будетъ доказана ихъ истинность; но, строго говоря, мы не можемъ ихъ счесть справедливыми; они недостаточно провѣрены, и потому едва ли можно воспользоваться ими, какъ методомъ историческаго изслѣдованія“,—безъ оговорокъ и поправокъ. Необходимость послѣднихъ есть результатъ критики метода Тэна, къ которой и приступаемъ.

Начнемъ критику теоріи расы, комбинируя возраженія представителей различныхъ научныхъ направленій и спеціальностей, историковъ и теоретиковъ литературы.

Подъ расой Тэнъ разумѣетъ „врожденныя и наслѣдственныя наклонности (dispositions), которыя человѣкъ приноситъ съ собою, когда является на свѣтъ“ (Тэнъ). Одни употребляютъ слово раса—какъ совокупность особей съ единообразными физическими свойствами; другіе—съ единообразными психическими свойствами,—но эти понятія—не тожественны [3]).

Расѣ Тэнъ придаетъ наибольшее значеніе. Не отрицая ея значенія, необходимо, однако, внести къ нему поправку: понятіе „раса“ должно быть примѣняемо въ ограниченныхъ предѣлахъ, его нужно сузить. Въ противномъ случаѣ, антропологическія изслѣдованія легко обнаружатъ наше заблу-

---

[1]) Л.-Данилевскій, I, стр. 105—106.

[2]) Hennequin, La critique scientifique, р. перев. „Опытъ построенія научной критики. Эсто-психологія“, 1892 г., стр. 52.

[3]) Л.-Данилевскій, I, стр. 141—2.

жденіе. При нахожденіи расовыхъ чертъ всегда можетъ явиться вопросъ, какія же черты считать за таковыя, и кто ихъ установилъ. Вопросъ довольно мудреный. Въ просторѣчіи удовлетворяются и донынѣ ходячими характеристиками, вродѣ надписей подъ лубочными картинками XVIII вѣка съ изображеніемъ представителей разныхъ національностей. Но, по мысли Тэна, исторія литературы должна быть обоснована научно; ея положенія не должны опираться на голословныя утвержденія. Общее мнѣніе, приписывающее отдѣльнымъ расамъ характерныя черты, стало теперь достояніемъ только низшихъ классовъ общества и вообще людей не развитыхъ научно. Та самая антропологія, на которую опирался въ свое время Тэнъ, доказала, что въ Европѣ нѣтъ ни одной чистой расы [1]). То, что Тэнъ считалъ особенностью расы, приходится теперь приписывать другимъ причинамъ. Возьмемъ примѣры. Французы на сѣверѣ Франціи по типу германцы, въ средней и западной Франціи—кельты, въ южной—потомки семитовъ. Германецъ на Рейнѣ—настоящій германецъ, но пруссакъ и мекленбуржецъ—уже славяне по расовымъ признакамъ. Такіе стойкіе, казалось бы, въ антропологическомъ отношеніи—евреи, живущіе въ Россіи,—антропологически отличаются отъ своихъ испанскихъ и восточныхъ собратьевъ. Истинные украинцы—полтавцы носятъ расовые признаки тюрковъ,—половцевъ, татаръ и т. п. кочевниковъ. Объ обильной примѣси финской крови у великороссовъ и говорить не остается. Итакъ, вопросъ о расовыхъ особенностяхъ послѣ антропологическихъ разысканій конца XIX ст. придется оставить. Такимъ образомъ, оцѣнивая и литературныя произведенія, надо имѣть въ виду прежде всего не физическое сложеніе, темпераментъ, способности автора, какъ расовое наслѣдство, а одушевляющіе его идеалы, интересы, управляющіе имъ, т. е. интересы его среды, которой, впрочемъ, не слѣдуетъ придавать чрезмѣрнаго значенія. Къ тому же, когда мы говоримъ о расѣ, то обычно подразумѣваемъ не столько расу въ антропологическомъ смыслѣ, сколько ту или иную культурную націю. Но, какъ замѣчаетъ Риккертъ [2]), „понятіе

[1]) Тэйлоръ, Происхожденіе арійцевъ, рус. пер., 1897.

[2]) Философія исторіи, рус. пер., 1908 г., стр. 49.

культурной націи ничего не имѣетъ общаго съ естественно-научнымъ понятіемъ расы, которое, будучи и съ естественно-научной точки зрѣнія не вполнѣ безукоризненнымъ, даетъ нынѣ столько пищи дилеттантскому философствованію". Къ тому же антропологъ и соціологъ Летурно, съ точки зрѣнія эволюціонной попытавшійся построить теорію развитія литературы, пересмотрѣвъ громадный литературный матеріалъ разныхъ племенъ и народовъ, пришелъ къ выводу, что „современная неодинаковость человѣческихъ расъ не имѣетъ ничего фатальнаго, ничего такого, что не могло бы подлежать измѣненію" [1]). Отсюда тщетность попытокъ построить исторію литературы на расовыхъ признакахъ. Нельзя не признать существованія наслѣдственности физической и духовной. Но, чтобы изъ наличности совмѣстной жизни народовъ выработалась раса, однородная по своимъ психическимъ и творческимъ способностямъ,—это лишь отвлеченная гипотеза. „Такой расы, которая бы сохранила во всей чистотѣ и неприкосновенности однородность своихъ свойствъ, — не существуетъ, по крайней мѣрѣ, не существуетъ такой расы, которая при однородности своихъ свойствъ обратилась бы въ націю, образовала бы цивилизованное государство и произвела искусство и литературу.

Антропологія показала, что расы съ самыхъ древнихъ поръ представляютъ смѣшанный характеръ. Исторія также показываетъ, что нѣтъ ни одной націи, образованной какой-нибудь опредѣленной расой" [2]).

„Изученіе череповъ, мумій, скелетовъ, древнѣйшихъ иконографическихъ памятниковъ показываетъ, что каждый человѣкъ, каждая общественная группа, какъ бы ни была она отдалена отъ насъ по времени, представляетъ смѣсь различныхъ физическихъ типовъ, которые при размноженіи перемѣшиваются одни съ другими" [3]). Далѣе тотъ же критикъ указываетъ рядъ примѣровъ, начиная съ Англіи, и заключаетъ: „Мы сдѣлали бы большую историческую и политическую ошибку, если бы стали вѣрить въ существованіе стойкихъ и всеобщихъ признаковъ, свойственныхъ будто бы народамъ, которые во всѣ времена имѣли смѣ-

[1]) Литературное развитіе... 1895, стр. 23. [2]) Эннекенъ, стр. 53.
[3]) Эннекенъ, стр. 53—54.

шанный и измѣнчивый характеръ". „Всякая нація, всякій народъ представляетъ изъ себя скопленіе разныхъ племенъ, изъ которыхъ ни одно не можетъ считаться чистымъ или однороднымъ по составу; составныя единицы данной націи не имѣютъ между собою ничего общаго, кромѣ общности обитаемой мѣстности и кромѣ общепринятаго языка, въ которомъ также можно различать тысячи пришлыхъ элементовъ. Если такой народъ создаетъ литературу, то она является не литературой данной расы, а литературой, характерной лишь по языку; въ ней принимаютъ участіе люди разныхъ областей и разныхъ обществъ, между которыми общаго есть только то, что въ нихъ употребляется общій языкъ; если данный народъ создаетъ искусство, то служители искусства набираются изъ всѣхъ частей народа, говорящаго однимъ и тѣмъ же языкомъ; къ нему могутъ примкнуть сверхъ того иностранцы, привлеченные и задержанные разными обстоятельствами на чуждой имъ территоріи" [1]).

Обратимся отъ критики философской къ историкамъ, оперирующимъ на болѣе солидномъ матеріалѣ, чѣмъ теоретики.

Въ своемъ руководствѣ исторической методологіи Ланглуа и Сеньобосъ ставятъ тотъ же вопросъ: „что такое раса"? Мы представляемъ себѣ группу, связанную какимъ-нибудь общимъ признакомъ (оффиціальнымъ правительствомъ, языкомъ) и отожествляемъ съ этою группою представленіе о людяхъ одного склада мысли, привычекъ, творчества. Но на дѣлѣ—ни одна реальная группа, особенно — языковая, не представляетъ собою однороднаго цѣлаго. Не существуетъ группы, имѣющей тожественныя привычки и міросозерцанія [2]). Для изученія умственныхъ и психическихъ навыковъ и поэтическихъ традицій—мы должны брать не націю въ цѣломъ, не людей мнимо-одной расы, а группу людей, исторически пріобрѣтшихъ опредѣленные навыки и вкусы, группу, творившую произведенія искусства. „Нѣтъ болѣе необходимости доказывать безполезность понятія расы", ибо „расы" историковъ ничего общаго съ расою антропологовъ не имѣютъ. Ученіе о „расѣ", благодаря злоупо-

---

[1]) Эннекенъ, стр. 56.

[2]) Ланглуа и Сеньобосъ, стр. 191—2.

требленіямъ Тэна, было доведено до абсурда его наивными послѣдователями [1]).

Говоря о расѣ, слѣдуетъ, какъ справедливо замѣчаетъ Л.-Данилевскій [2]), имѣть въ виду, что психическія свойства расы образуются не только подъ вліяніемъ физической, но и соціальной среды. Условія жизни разныхъ слоевъ народа, даже принадлежащихъ къ одной расѣ, настолько различны, что нѣтъ возможности выводить заключеніе о расовыхъ чертахъ поэтовъ, вышедшихъ изъ разныхъ слоевъ общества: Байронъ и Диккенсъ, Мицкевичъ и Булгаринъ, Достоевскій и Толстой, а изъ второстепенныхъ русскихъ писателей А. Шеллеръ-Михайловъ и кн. В. Мещерскій — жили въ одно время, принадлежали къ одной расѣ, но что между ними общаго? Справедливо замѣчаетъ Л.-Данилевскій [3]), что и „психика разныхъ сословій можетъ быть различной“ (мы же скажемъ „каждаго общественнаго класса“), ибо „въ виду одинаковыхъ условій существованія члены данной группы могутъ испытывать сходныя состоянія сознанія [4]), а при наличности различныхъ условій существованія—члены одной націи, одного сословія, принадлежащіе къ одной расѣ, могутъ не только испытывать, но и проявлять въ литературной дѣятельности разныя идеи и настроенія, иногда—противоположныя другъ другу, напр., Катковъ и Герценъ, Леонтьевъ и Некрасовъ и др., и выражать эти настроенія различнымъ способомъ. При этомъ принадлежность писателя къ тому или иному общественному классу мы можемъ услѣдить, тогда какъ вопросъ о расѣ тонетъ въ безднѣ сомнѣній и противорѣчій.

Дѣленіе человѣчества на классы и группы съ тѣми или иными общими стремленіями, вкусами, условіями жизни и труда вноситъ гораздо болѣе существенныя различія въ психику писателей, чѣмъ ихъ „антропологическія“, т. е. анатомическія и физическія свойства. Въ этомъ отношеніи правъ Ле-Бонъ [5]), говоря: „Между членами какого-нибудь дикаго племени, изъ которыхъ всѣ посвящаютъ себя однимъ

---

[1]) См. Ланглуа и Сеньобосъ, стр. 192. Lacombe, „De l'histoire considérée comme le science“, гл. XVIII.

[2]) Л.-Данилевскій, I, стр. 142. [3]) Тамъ-же, I, стр. 144.

[4]) Тамъ-же, I, стр. 145.

[5]) „Психологія народовъ и массъ“, стр. 39—40.

и тѣмъ же занятіямъ, различіе существуетъ самое ничтожное. Напротивъ, между какимъ-нибудь крестьяниномъ, имѣющимъ въ своемъ лексиконѣ не болѣе трехсотъ словъ, и ученымъ (писателемъ, поэтомъ), у котораго ихъ сотни тысячъ съ соотвѣтствующими понятіями, различіе существуетъ громадное".

Но можетъ быть „раса" получаетъ значеніе въ области искусства вообще и поэтическаго творчества въ частности?

На это намъ отвѣчаетъ Гроссе [1]) на основаніи этнографическихъ изученій минувшаго столѣтія: „Художественныя произведенія различныхъ охотничьихъ племенъ отличаются своею однообразностью: въ косметикѣ, орнаментикѣ, въ живописи, гимнастикѣ, въ поэзіи и даже въ музыкѣ у каждаго отдѣльнаго народа встрѣчаемъ мы однѣ и тѣ же характерныя черты. Это общее сходство непосредственно показываетъ, что характеръ расы не имѣетъ никакого рѣшающаго значенія для развитія искусства"... „Кто сравнитъ сперва австралійскіе и бушменскіе рисунки на скалахъ, а потомъ и самыя эти двѣ народности (раздѣленныя океаномъ), тотъ едва ли рѣшится поддерживать ученіе Тэна, что искусство каждаго народа есть главнымъ образомъ выраженіе его расоваго характера" [2]).

Обращаемся къ анализу положенія Тэна относительно роли „среды" въ художественно-поэтическомъ творчествѣ.

Роль „среды" отмѣчалась, какъ мы видѣли, и ранѣе, еще у писателей XVIII в. и позже. Представитель психологической школы въ языкознаніи и этнографіи Лацарусъ уже отмѣтилъ значеніе „среды". По Лацарусу—индувидуумъ вставленъ въ данную общественную среду; онъ всегда находится подъ вліяніемъ прошедшаго и настоящаго, и въ такомъ смыслѣ—онъ продуктъ общества и его исторіи [3]). Реальное—есть общество, а не индивидуумъ.

Ученіе Тэна о средѣ примѣнительно къ развитію литературы нашло поддержку въ изслѣдованіи русскаго ученаго В. Плотникова (арх. Борисъ), формулировавшаго такъ отношеніе среды и литературы: „всякое измѣненіе въ какомъ-нибудь изъ условій жизни народа, вліяющихъ на лите-

---

[1]) „Происхожденіе искусства", стр. 287.

[2]) Тамъ-же, стр. 287.

[3]) Л.-Данилевскій, I, стр. 99.

ратуру, производитъ соотвѣтствующее измѣненіе и въ послѣдней“ [1]).

Состояніе литературы находится въ зависимости отъ состоянія цивилизаціи: „Прогрессъ литературы параллеленъ и пропорціоналенъ прогрессу всей цивилизаціи“ [2]).

Однако, историки-методологи справедливо рекомендуютъ большую осторожность при оперированіи надъ понятіемъ „среды“. Какъ создается она въ воображеніи историка? Випперъ остроумно и правдиво возсоздаетъ этотъ процессъ [3]). „Все, что мы называемъ коллективной мыслью, вѣрой и т. д., нисколько не составляетъ совокупности и свода мелкихъ единичныхъ наблюденій надъ молчаливыми сѣрыми воспринимающими людьми. Обыкновенно, при составленіи общихъ историческихъ характеристикъ культуры, состоянія общества и т. п. историкъ незамѣтно для себя производитъ слѣдующую операцію: стираетъ болѣе или менѣе сильно оригинальныя черты отдѣльныхъ личностей, ослабляетъ разницу между индивидуальностями, вырабатываетъ искусственно нѣкоторый средній уровень и изъ суммы стертыхъ фигуръ получаетъ „среду“. Или, иначе говоря: между доступными личностями и личными проявленіями онъ совершаетъ отборъ, вполнѣ искусственный, и создаетъ какъ бы второй разрядъ личностей, среднихъ между высшей активностью, оригинальностью и полной пассивностью. Получается что-то вродѣ воспріимчивой среды прямыхъ послѣдователей или второстепенныхъ исполнителей“. Такимъ образомъ, „среда“ строится не изъ прямыхъ непосредственныхъ наблюденій, а получается искусственнымъ образомъ чрезъ обезцвѣченіе оригинальныхъ личностей. Это—первое.

Затѣмъ, если мы перенесемся къ вопросу о примѣненіи теоріи „среды“ въ историко-литературномъ изслѣдованіи и въ изслѣдованіи вопросовъ и явленій исторіи искусства вообще,—то здѣсь не сможемъ никакъ обойти слѣдующихъ возраженій, которыя были сдѣланы уже давно Эннекеномъ [4]).

---

[1]) Фил. Зап., 1888 г., кн. 2, стр. 83.

[2]) Тамъ-же, стр. 89.

[3]) Очерки теоріи историческаго познанія, стр. 261—262.

[4]) „Опытъ построенія научной критики“, стр. 58 и слѣд.

„Вліяніе общественной среды, несомнѣнно, существуетъ и дѣйствуетъ, хотя измѣнчиво, но постоянно. Въ общемъ, условія, въ которыхъ жилъ художникъ, случайности, которымъ онъ подвергался, то или другое положеніе народа, къ которому онъ принадлежитъ, состояніе нравовъ, распущенныхъ или воинственныхъ, строгихъ, миролюбивыхъ, изнѣженныхъ—все это непремѣнно должно отразиться на его произведеніи, оставивъ ясный слѣдъ. Но это вліяніе не постоянно и непрочно. Очень возможно, что художникъ ему подчинится или отразитъ его". Примѣръ,—голандскіе художники, отражающіе буржуазное довольство, и французскіе классики, выражающіе придворное изящество и тактъ. Но рядомъ—противорѣчивыя явленія: Еврипидъ—и Аристофанъ, Гейне—и Уландъ, Толстой—и Достоевскій. „Легко", продолжаетъ Эннекенъ, „можно бы показать, что вліяніе окружающихъ обстоятельствъ не абсолютное, но все таки очень замѣтное въ началѣ развитія литературъ и обществъ, становится все слабѣе и слабѣе по мѣрѣ ихъ развитія и, наконецъ, въ эпоху ихъ полнаго расцвѣта становится ничтожнымъ, приближаясь къ нулю" [1]), ибо „жизнь—это сопротивленіе и обособленіе личности, или лучше—приспособленіе съ оборонительнымъ характеромъ, приспособленіе и вмѣстѣ съ тѣмъ противодѣйствіе внѣшнему міру, при чемъ противодѣйствіе становится тѣмъ больше, чѣмъ выше фаза жизни" [2]). Продолжая анализъ, приводя новые примѣры несоотвѣтствія среды и выходящихъ изъ нея писателей, Эннекенъ составляетъ любопытную таблицу совпаденія самыхъ противоположныхъ по духу и направленію писателей въ каждой странѣ въ одно и то же время, откуда дѣлаетъ выводъ, сильно ограничивающій общее значеніе тезиса Тэна: „Каково бы ни было вліяніе среды, существуетъ оно или нѣтъ—во всѣ эти эпохи одинъ извѣстный писатель на двоихъ не подчиняется этому вліянію" [3]). Наконецъ, если бы вліяніе „среды" на писателя было бы такъ сильно, какъ это можно вывести изъ тезисовъ Тэна, то всѣ литературныя произведенія могли бы служить историческими документами. Но выше, въ критикѣ историческаго метода мы достаточно много говорили о невозможности этого.

[1]) Стр. 59. [2]) Стр. 60. [3]) Стр. 70.

То же, что сказано было выше относительно значенія „среды“,—примѣнимо и при анализѣ понятія Тэна о роли момента: весьма часто въ выдающихся литературныхъ произведеніяхъ совсѣмъ не сказывается вліяніе даннаго момента ни въ построеніи, ни въ колоритѣ: Андре Шенье писалъ свои антологическія стихотворенія, а Флоріанъ—басни въ разгаръ революціоннаго движенія и казней сторонниковъ стараго режима [1]), а у насъ Фетъ писалъ въ 50-хъ и въ 60-хъ годахъ, въ эпоху всеобщаго увлеченія „гражданскими мотивами“—чисто лирическія стихотворенія. Въ этомъ смыслѣ совершенно правъ Гюйо, настаивающій, что нельзя дѣлать заключеній ни о произведеніяхъ искусства по состоянію общества, ни объ обществѣ—по произведеніямъ искусства [2]).

Но здѣсь мы уже соприкасаемся съ вопросомъ, трактовавшимся выше, при анализѣ историческаго метода.

Нѣтъ недостатка у Тэна, при его стремленіи къ „научности“, и въ оперированіи съ такими понятіями, которыя сами требуютъ предварительнаго анализа и выясненія. А по выясненіи оказывается, что родоначальникъ „научнаго метода“, пытаясь опереться на объективно-существующій критерій, впадаетъ въ обычную ошибку своихъ предшественниковъ. Такова, напримѣръ, тенденція его создать литературную іерархію: Тэнъ въ области литературы поставилъ на высшія ступени произведенія, изображающія сюжеты и типы, наиболѣе близкіе къ совершенству „нравственнаго идеала“ [3]),—какъ будто этотъ идеалъ есть нѣчто столь же незыблемое, какъ и законы естественныхъ наукъ, на которые любилъ онъ ссылаться. И потому насколько интересны и отчасти пріемлемы методическія предпосылки Тэна относительно роли расы, среды, момента и господствующей способности, — настолько неудачны его опыты построенія іерархической лѣстницы литературныхъ произведеній, на нижней ступени которыхъ стоятъ водевили и романы, на высшей „Подражаніе Христу“ Ѳомы Аквинскаго (?) [4]).

---

[1]) Боборыкинъ, „Европейскій романъ“, стр. 308.

[2]) Гюйо, „Искусство съ соціологической точки зрѣнія“, стр. 67.

[3]) Герье, Методъ Тэна, В. Евр., 1889 г., сент., стр. 136.

[4]) См. Герье, Методъ Тэна, В. Евр., 1889 г., сент., стр. 126 и слѣд.

Недостатокъ Тэна и его манеры сказался особенно замѣтно въ его книгѣ о Т. Ливіи: психологическую сторону этого писателя онъ изучилъ въ совершенствѣ,—но мы такъ и не узнаемъ изъ изслѣдованія Тэна, напр., „насколько рѣчи, которыя мы находимъ у Ливія, написаны имъ самимъ, или насколько онѣ заимствованы у предшественниковъ, которыми онъ пользовался. Приводя образчики ораторскаго таланта Ливія, Тэнъ даже не старается удостовѣрить, что приведенные отрывки принадлежатъ несомнѣнно перу самого историка“ [1]). Можемъ ли мы послѣ этого вѣрить въ правдоподобіе „психологической стороны“ Т. Ливія, если она опирается на анализъ, можетъ быть, не принадлежащихъ ему сочиненій?

Слѣдуя методу Тэна и Сентъ-Бева, мы можемъ, напр., нарисовать портретъ автора русской „Лѣтописи“—но иное дѣло, вѣренъ ли онъ будетъ. Къ тому же возникаетъ вопросъ, нуженъ ли этотъ портретъ для исторіи литературы и въ частности—эволюціи повѣствовательнаго жанра? Кромѣ того, предварительно составленія такого портрета—намъ нужно установить, портретъ какого изъ многочисленныхъ извѣстныхъ и анонимныхъ авторовъ намѣрены мы воспроизвести; а для этого—необходимъ анализъ состава лѣтописи и опредѣленіе авторовъ отдѣльныхъ ея частей и редакторовъ—сводчиковъ ихъ. Такимъ образомъ, безрезультатная работа созданія „портрета“ не упраздняетъ историко-литературнаго анализа памятника.

Методъ Тэна представляетъ „талантливую попытку подъ вліяніемъ преобладающаго направленія въ XIX вѣкѣ и съ научными средствами этого вѣка—разрѣшить великую проблему—объединить въ познаніи и пониманіи физическую природу и міръ человѣческаго творчества, перекинуть мостъ изъ области естественныхъ наукъ въ міръ духовныхъ явленій“ [2]).

Многое приходится теперь ограничивать, противъ многаго—спорить, но сама идея Тэна построить научную исторію литературы и литературную критику—уже является громад-

---

[1]) Герье, Методъ Тэна, В. Евр., 1889 г., сент., стр. 118—119.

[2]) Герье, тамъ же, стр. 143.

ной заслугой. Главная заслуга Тэна—его требованіе вмѣсто безплодныхъ субъективныхъ оцѣнокъ—„возвратить литературный памятникъ средѣ, которая его породила“, „replacer le livre parmi les circonstances, qui l'ont produit“ [1]).

Тэну принадлежитъ безспорная заслуга, что онъ доказалъ необходимость такого же объективнаго научнаго отношенія къ произведеніямъ человѣческаго духа, какое господствуетъ у натуралистовъ. Затѣмъ—что нельзя понять исторической эволюціи, замкнувшись въ спеціальной отрасли исторіи: необходимо заглядывать и въ область общихъ событій: „онъ заявилъ по поводу англійской литературы, что литературная эволюція зависитъ не только отъ литературныхъ событій, но и отъ общихъ фактовъ“ (faits généreaux) [2]).

Несмотря на указанныя ограниченія трехъ принциповъ критики Тэна,—нельзя ихъ отбросить цѣликомъ: не будучи универсальными, они все же приложимы къ изученію массы литературныхъ явленій. Особенно рельефно вліяніе среды, эпохи на писателя показалъ Тэнъ на анализѣ пьесъ Расина.

Выводя литературную дѣятельность поэта изъ объективныхъ факторовъ, создающихъ ее, Тэнъ допускаетъ одно обстоятельство, ослабляющее механичность его теоріи: кромѣ расы, среды и момента—Тэнъ основываетъ объясненіе литературныхъ явленій на теоріи господствующей способности, объединяющей всѣ стороны дѣятельности въ одну стройную систему и допускающей въ механически стройную теорію творчества своенравное вторженіе личнаго почина. Отсюда—„Тэнъ утверждаетъ, что задача критики заключается не въ томъ, чтобы нагромождать массу замѣчаній для характеристики какого-нибудь автора, но открыть въ немъ главную дѣйствующую силу“ [3]).

Лучше всего удалась Тэну и прочнѣе всего удержалась въ исторіи науки его теорія „среды“, подразумѣвая подъ средою не только климатическія условія, но и воздѣйствіе на писателя общественной и особенно литературной среды въ тѣсномъ смыслѣ слова. Въ самомъ дѣлѣ, только въ наив-

---

[1]) Герье, В. Евр., 1890 г., янв., стр. 16.

[2]) Ланглуа и Сеньобосъ, стр. 198.

[3]) Герье, В. Евр., 1889 г., сент., стр. 93.

номъ воззрѣніи вещь, напр., человѣкъ, выступаетъ какъ самостоятельная изолированная единица, представляющая замкнутую систему. „На дѣлѣ—человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ зависитъ отъ окружающей его среды", говоритъ Ферворнъ [1]), имѣя въ виду физическую и духовную жизнь человѣка; неизбѣжно, и творчество его воображенія испытываетъ на себѣ вліяніе среды. „У культурныхъ народовъ", говоритъ тотъ же ученый, „уже съ очень ранней стадіи развитія дитя получаетъ концентрированную духовную пищу въ видѣ готовыхъ представленій и оборотовъ мысли" [2])—мы добавимъ: и рѣчи съ ея обиліемъ образовъ. Такимъ образомъ, если „въ выработкѣ нынѣшняго достоянія культуры участвовали всѣ поколѣнія людей съ самыхъ древнѣйшихъ доисторическихъ временъ" [3]), то и въ области словеснаго творчества всякая эпоха присоединяла къ старому запасу новыя идеи и формы ихъ выраженія—и устраняла старыя, не отвѣчавшія потребностямъ новой эпохи. Извѣстный запасъ представленій и мыслей данной эпохи воспитываетъ психику культурнаго человѣка, создаетъ извѣстные психическіе навыки—мыслить, чувствовать, воспринимать чужое, воображать, творить. Такимъ образомъ, то, что называлъ Тэнъ „расою" и „средою", въ нашемъ представленіи не исключается изъ числа факторовъ литературнаго развитія: мы только придаемъ этимъ терминамъ иное, новое значеніе. Воздѣйствіе литературной среды на нашихъ писателей—неоспоримо; и чѣмъ скромнѣе писательское дарованіе, тѣмъ это воздѣйствіе ощутительнѣе. Какъ на примѣръ такого воздѣйствія, мы указывали уже на Жуковскаго, который, подъ вліяніемъ господствующей моды конца XVIII стол., писалъ оды, потомъ увлекся Оссіаномъ, Греемъ, проповѣдниками правъ человѣка, и кончилъ мистико-піэтическимъ настроеніемъ, покорностью судьбѣ и прославленіемъ Творца. Равнымъ образомъ, гр. Алексѣй Толстой при своихъ ультрамонархическихъ взглядахъ въ значительной мѣрѣ обязанъ духу времени содержаніемъ своихъ произведеній, проникнутыхъ иногда желчнымъ обличительнымъ духомъ, а на 20—30 лѣтъ раньше его дѣятельность, возможно, приняла

[1]) Вопр. о границахъ познанія, стр. 37.
[2]) Тамъ-же, стр. 26. [3]) Тамъ же, стр. 22.

бы другое направленіе. Отсюда, однако, нельзя заключать, что историческіе факты являются единственной подпочвой литературы. Надо привлекать къ изслѣдованію литературныхъ явленій и историческія условія, но въ извѣстной пропорціи и съ тактомъ, изслѣдуя писателя и его дѣятельность по отношенію къ литературной жизни и дѣятельности современнаго ему поколѣнія.

Принципы Тэна нашли себѣ примѣненіе и на почвѣ славянскихъ литературъ въ 1870-90-хъ годахъ, но здѣсь дошли до крайностей. Такъ, Здѣховскій (Урсинъ), авторъ съ большой эрудиціей, послѣдователь Лацаруса и Тэна, въ своихъ „Очеркахъ изъ психологіи славянскаго племени“ приписывалъ „расѣ“ исключительное значеніе. Переворотъ въ дѣятельности Мицкевича, Словацкаго, Шевченка, Гоголя и др. онъ объяснялъ врожденнымъ славянамъ мистицизмомъ (см., напр., стр. 218: „Даже при маломъ знакомствѣ съ славянскимъ міромъ всякаго поразитъ то обстоятельство, что національныя стремленія проявлялись у насъ въ мистической формѣ; это явленіе считаемъ мы самой выдающейся особенностью нашего времени“). Мессіанизмъ (стремленіе поставить свою націю выше другихъ и отъ нея ожидать спасенія міра), отразившійся въ произведеніяхъ Мицкевича, Гоголя и др., этотъ же авторъ считаетъ также чертой славянской расы. Но не видимъ ли мы тѣхъ же стремленій хотя бы и у нѣмцевъ (съ ихъ лозунгомъ: „Deutschland über alles!“), да и у всякой націи, вступившей впервые на путь самосознанія? Во всякомъ случаѣ, славянскій мессіанизмъ, источникъ котораго отказывается опредѣлить г. Здѣховскій,— есть черта не всего народа, а лишь группъ интеллигенціи и отдѣльныхъ ея представителей, ждущихъ „чуда“ и не видящихъ иного выхода изъ тисковъ исторіи.

§ 22. Продолжатели и подражатели Тэна. Въ значительной степени продолжателемъ Тэна является Георгъ Брандесъ. Важнѣйшій трудъ его—„Главнѣйшія теченія въ литературѣ XIX вѣка“, гдѣ онъ выясняетъ каждаго писателя съ точки зрѣнія доминирующей въ немъ способности и съ этой точки зрѣнія показываетъ развитіе писателя, между тѣмъ какъ Тэнъ занимается выясненіемъ типа писателя. Какъ мы выше замѣтили, теорія Тэна отличается нѣкоторою механичностью; Брандесъ присоединяетъ къ ней свою—ор-

ганическую. Кромѣ Тэна, на Брандеса въ созданіи его воззрѣній оказалъ вліяніе также Д. С. Милль. Взглядъ Брандеса на задачи исторіи литературы обнаруживается изъ его словъ: „если историческій документъ богатъ мыслями, и если люди умѣютъ толковать его, они легко найдутъ въ немъ смыслъ человѣческой жизни и часто смыслъ цѣлаго столѣтія, даже психологію цѣлаго племени". Не оцѣнивая отдѣльныхъ мѣстъ писателей, Брандесъ старается прослѣдить общее направленіе эпохи, при этомъ беретъ самое существенное у самыхъ главныхъ писателей. Отсюда—неизбѣжная односторонность и тенденціозность, парализующая научное значеніе примѣняемаго Брандесомъ метода.

Въ названной книгѣ — Брандесъ говоритъ такъ объ исторіи литературы: „Литература каждаго народа, если только она достигла извѣстной полноты, представляетъ всю исторію его воззрѣній и чувствъ. По памятникамъ англичанъ и французовъ можно узнать, какъ думалъ и чувствовалъ англійскій и французскій народъ въ каждый періодъ своей исторіи". Но—выше мы уже представили возраженія такому обращенію съ литературными произведеніями, какъ съ историческими документами. Къ тому же—Шекспиръ, напр., характеризуетъ во всякомъ случаѣ только XIX вѣкъ, который его оцѣнилъ, а не начало XVII-го, когда онъ дѣйствовалъ въ литературѣ, и XVIII-й, когда онъ былъ забытъ или считался законодателями вкуса—„пьянымъ дикаремъ".

Литература по Брандесу—хранительница идей, созданныхъ народомъ, а исторія ея—есть исторія этихъ идей, ихъ роста, распространенія, забвенія или гибели. Не останавливаясь на критикѣ этого положенія, идемъ далѣе. „Главная работа историка", пишетъ Брандесъ, „должна заключаться въ томъ, чтобы направить многочисленными каналами въ нашу страну (т. е. въ Данію) тѣ теченія, которыя исходятъ изъ революціи и идей прогресса, и въ томъ, чтобы пріостановить реакцію на всѣхъ пунктахъ, гдѣ ея задача исторически выполнена" [1]).

Такимъ образомъ, исторія литературы играетъ не самостоятельную научную роль, а является средствомъ для

---

[1]) Hauptströmungen, стр. 163.

пропаганды идей, можетъ быть и полезныхъ, но совершенно чуждыхъ изученію процесса литературнаго творчества, лежащихъ внѣ его. Къ тому же, какое дѣло, напр., русскому ученому, историку русской литературы—до потребностей современной Брандесу Даніи?

Исторія литературы обречена Брандесомъ на роль агитаторскаго пріема, обречена вмѣстѣ съ тѣмъ на служеніе временнымъ и мѣстнымъ потребностямъ, что, конечно, не содѣйствуетъ ея научности. Далѣе Брандесъ говоритъ: „Я разсматриваю исторію литературы съ психологической точки зрѣнія, желая проникнуться ею возможно глубже для того, чтобы быть въ состояніи уразумѣть душевныя побужденія, которыя всегда задолго и глубокими внутренними путями подготовляютъ появленіе литературныхъ произведеній. Для этого надо сколь можно безпристрастно (sic!) вглядываться въ свое собственное душевное настроеніе. Если служащія всему основой—внутреннее чувство и отвлеченную идею мнѣ удается изобразить въ опредѣленной и наглядной формѣ, то моя задача будетъ исполнена. Я проникаю, какъ только могу, въ дѣйствительную жизнь и объясняю, какъ возникали въ человѣческомъ сердцѣ тѣ чувства, которыя нашли свое выраженіе въ литературѣ“. Въ итогѣ получается изслѣдованіе психологическое, историческое, но не историко-литературное. Литературная эволюція не становится для насъ яснѣе послѣ прочтенія толстыхъ книгъ Брандеса, написанныхъ прекраснымъ стилемъ, порою съ блестящимъ паѳосомъ. Положительные выводы, извлекаемые изъ книгъ Брандеса, весьма скудны. Для характеристики итоговъ его метода достаточно сказать, что, разобравъ Вальтеръ-Скотта, Брандесъ отмѣчаетъ, поскольку въ произведеніяхъ этого писателя отразился „духъ англо-саксонской расы“. Чертами этой расы по Вальтеръ-Скотту Брандесъ считаетъ: любовь къ природѣ, къ морю, національную гордость, самосознаніе. Но кто не любитъ моря, природы? А напряженіе и проявленіе національнаго самосознанія зависитъ не отъ расы, а отъ историческаго момента и многихъ другихъ условій.

Итакъ, система Брандеса далека отъ идеала историко-литературной науки. Брандесъ съ своей „органической теоріей“ не только не подвинулъ впередъ науки

исторіи литературы, но надолго задержалъ распространеніе научныхъ понятій о научной исторіи литературы въ широкихъ кругахъ публики. Его краснорѣчіе и многословіе, плѣняющее читателя, ищущаго въ чтеніи не знанія, а отдыха — сослужило плохую службу изученію литературныхъ явленій. Его поверхностное и неглубокое отношеніе къ нимъ вызвало рядъ подражаній, иногда очень дурного тона, съ шарлатанскими выкриками, истерическими воплями (напр., у Айхенвальда въ его лекціи о Пушкинѣ). Къ сожалѣнію, пріемами культурно-историческаго метода, съ примѣсью публицистики, примѣнительно къ изученію литературныхъ явленій,—пользовались и болѣе солидные авторы. Такъ, напр., популярная и содержательная книга Франке [1]) намѣренно игнорируетъ „филологическую или литературную точку зрѣнія“, стремясь дать „ясное представленіе о всѣхъ великихъ умственныхъ движеніяхъ въ Германіи, поскольку они проявлялись въ литературѣ, которая выясняла бы взаимную связь между этими умственными движеніями и общественно-политическими условіями жизни народныхъ массъ, откуда они исходили или на которыя воздѣйствовали; которая, словомъ, обрисовывала бы исторію нѣмецкаго народа въ произведеніяхъ его мыслителей и поэтовъ“.

Задача благородная—но для спеціальныхъ цѣлей нашей науки, исторіи литературы, побочная. Это только одно изъ слѣдствій изученія исторіи литературы, а не сама исторія литературы. Воззрѣнія Франке истекаютъ изъ слѣдующихъ предпосылокъ, которыя намъ пояснятъ, почему этотъ авторъ игнорируетъ филологію и стремится къ исторіи: „Мнѣ кажется“, пишетъ онъ [2]), „что развитіе всякой исторіи литературы (т. е., собственно „литературы“?) обусловлено непрерывнымъ столкновеніемъ двухъ основныхъ, стихійныхъ человѣческихъ стремленій: стремленія къ личной свободѣ и стремленія къ коллективной сплоченности. Первое ведетъ къ наблюденію и воспроизведенію всего выдающагося, оригинальнаго, индивидуальнаго; короче—къ реалистическому направленію. Второе — къ наблюденію и

---

[1]) „Исторія нѣмецкой литературы въ связи съ развитіемъ общественныхъ силъ“, 1901 г., р. пер. 1904 г.

[2]) Стр. 2—3.

воспроизведенію всего возвышеннаго (sic!) и прекраснаго (?), многозначительнаго и универсальнаго; короче—къ идеализму. Индивидуалистическое стремленіе, ничѣмъ не сдерживаемое, можетъ выродиться въ вульгарный натурализмъ или фантастическій мистицизмъ. Ничѣмъ не сдерживаемое идеалистическое стремленіе можетъ повести къ пустой и безсодержательной условности. Тѣ эпохи и тѣ люди, въ которыхъ стремленіе къ индивидуальному и коллективному хорошо уравновѣшивались, были творцами истинно-великихъ литературныхъ произведеній".

Здѣсь — смѣсь историческихъ, публицистическихъ и эстетическихъ понятій, характеризующая полную спутанность воззрѣній Франке на исторію литературы и научный методъ ея созданія. Въ сущности—это отголоски, пережитки идей Тэна, Брандеса и ихъ послѣдователей, не разглядѣвшихъ положительной стороны метода Тэна, которые, устремившись въ область идей и произвольныхъ гаданій, оторвались отъ самыхъ фактовъ. Нѣчто подобное мы находимъ и у новѣйшаго нѣмецкаго историка литературы Куммера:— онъ также возвращается къ культурно-исторической точкѣ зрѣнія въ оцѣнкѣ литературы и значенія ея исторіи. „Тогда какъ большинство наукъ охватываетъ только часть духовной жизни человѣчества, исторія литературы, если только это не исторія книгъ, а исторія идей, даетъ картину всего духовнаго развитія, пройденнаго народомъ. Особенно важно это для послѣдняго времени, когда духовная жизнь стала безконечно многообразной". (Насколько исторія литературы можетъ дать историческую картину „всего духовнаго развитія" народа—было показано выше). Отмѣтивъ здѣсь свойственное спеціалистамъ пристрастіе и преувеличеніе значенія предмета своей спеціальности, продолжимъ цитату: „При этомъ не слѣдуетъ забывать, что духовная жизнь извѣстнаго времени представляетъ собою организмъ (?), преобразующійся по опредѣленнымъ законамъ, которыми управляется и литература, и вслѣдствіе этого отнюдь не слѣдуетъ пытаться разсматривать литературу самое по себѣ, какъ своего рода изолированное духовное государство" [1]).

---

[1]) Фр. Куммеръ, „О смѣнѣ литературныхъ поколѣній и литературныхъ кумировъ", пер. подъ редак. съ предис. П. Когана, М. 1910 г.

Для Куммера и его сторонниковъ „духовная жизнь націи представляетъ одно цѣлое (?), литература только часть этого цѣлаго; она соединяется съ другими частями тысячью духовныхъ нитей, и извлечь ее произвольно изъ единства великаго организма нельзя. Поэтическія творенія—это одухотворенныя произведенія природы (?), которыя необходимо вытекаютъ изъ различныхъ факторовъ: изъ сознаній эпохи (политическихъ, экономическихъ и общественныхъ отношеній), расы, народности, характера страны, домашней обстановки и личности самого автора, какъ внутренней, опредѣляющей, созидательной силы“ [1]).

Уже изъ этой обширной цитаты ясно, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ послѣдователемъ Тэна, но съ лишеннымъ ясной геометричности мышленія французскаго теоретика исторіи литературы. Тэнъ никогда бы не рѣшился настаивать на изученіи „всего великаго организма“, ибо прекрасно понималъ необходимость изолированія изучаемаго явленія и разсмотрѣнія спеціально ему присущихъ особенностей. Тэнъ, живя въ современныхъ намъ условіяхъ, прекрасно бы понялъ ихъ и никогда бы не рѣшился повторить, что жизнь націи—недифференцирована: она давно уже не представляетъ одного цѣлаго.

Но кромѣ Тэна, въ теоретическихъ предпосылкахъ Куммера чувствуется вліяніе и другого властителя думъ конца XIX в.—Брандеса. „Опредѣлить произведеніе только съ литературной точки зрѣнія, т. е. отнести его къ извѣстной школѣ или группѣ, значило бы насильственно вогнать его (?) въ эгоистическое (?) и невѣрное дѣленіе. Этимъ достигается во многихъ случаяхъ ясный, но съ внутренней стороны безжизненный и жалкій порядокъ, который о современныхъ наболѣвшихъ вопросахъ никакого представленія не даетъ, и въ которомъ нѣтъ связи съ огромнымъ организмомъ жизни, бьющейся снаружи“ [2]). Эта фраза даетъ ясное представленіе о тѣхъ публицистическихъ задачахъ, которыя ставитъ Куммеръ исторіи литературы, воображая, что отклики на злободневность способны застраховать такого историка литературы „отъ попытокъ насильственнаго и эгоистическаго дѣленія“ литературныхъ явленій.

---

[1]) Тамъ-же, стр. 1—3. [2]) Стр. 2.

Добавимъ сюда склонность автора оперировать съ душой народа, національнымъ духомъ и др. невѣсомыми понятіями добраго стараго романтическаго времени [1]). Это тѣмъ болѣе рискованный пріемъ, что по Куммеру—духовныя силы, влекущія за собою измѣненія литературныхъ вкусовъ и потребностей, „коренятся не въ литературѣ, а въ совершенно иной области. И для литературнаго воздѣйствія эти движущія силы—недосягаемы: ихъ нужно искать въ ходѣ соціальнаго и политическаго развитія націи“ [2]). Такимъ образомъ, по Куммеру—не поэтъ творитъ свой міръ, а каждое слово его, идея, движеніе диктуются внѣшними причинами. Такая точка зрѣнія не можетъ быть нами признана, ибо она грубо игнорируетъ самый важный факторъ—вліяніе литературной традиціи. Послѣдователь Тэна чувствуется только въ тѣхъ словахъ Куммера, гдѣ онъ пытается утверждать извѣстную закономѣрность литературныхъ явленій.

§ 23. Эсто-психологическій методъ. Число представителей того научнаго движенія, которое было вызвано теоріями Тэна, конечно, не ограничивается вышеназванными историками литературы. Имя имъ—легіонъ. Они съ полною вѣрою подхватили идеи своего учителя и блестяще доказали справедливость евангельскаго изреченія объ ученикахъ, не подымающихся выше своего наставника. Но наряду съ популяризаторами идей Тэна—были и такіе авторы, которые, критически относясь къ создателю моднаго метода, вносили свои поправки и иногда—весьма существенныя. Нами неоднократно уже упоминалось имя Эннекена, автора „Опыта построенія научной критики“. Выступивъ въ своемъ сочиненіи („Опытъ построенія научной критики“. Эсто-психологія. Рус. перев. 1892 г., СПБ.) съ критикой основныхъ положеній Тэна, Эннекенъ попытался положить основаніе своей теоріи и своему методу, названному имъ эсто-психологическимъ. Во многихъ взглядахъ, однако, онъ примыкаетъ къ Тэну и представителямъ культурно-исторической трактовки литературныхъ явленій. Его занимаетъ вопросъ появленія и развитія „великихъ людей“, „художниковъ“ и взаимоотношеніе между ихъ творчествомъ и разнообразными вліяніями современниковъ. Соображенія Эннекена не лишены по-

[1]) Стр. 9. [2]) Стр. 22.

рою нѣкоторой отвлеченности, метафизичности; порою имъ недостаетъ историческаго фундамента; но зато въ большинствѣ случаевъ его сужденія вносятъ важныя и существенныя возраженія Тэну и полагаютъ основаніе новой точкѣ зрѣнія на задачи исторіи литературы и литературной критики. Резюмируемъ его мысли.

Анализъ Эннекена исходитъ изъ положенія, высказаннаго, впрочемъ, среди его книги, утверждающаго, что движеніе литературы создается двусторонней работой—автора и среды, его читающей. Между душевнымъ складомъ поклонниковъ поэта и имъ самимъ существуетъ замѣтное сходство, и не только между единицами и поэтомъ, но между поэтами и цѣлыми группами и классами людей. Гейне, Мюссе—нравятся молодежи, Горацій—старикамъ; писатели, излюбленные буржуазіей—отличаются буржуазными свойствами своихъ произведеній [1]).

Около начавшаго творить генія „сразу начинается игра притяженій и отталкиваній, которая уже поддается изученію“ [2]). Около него группируются люди, сочувствующіе и подражатели, видящіе въ немъ своего выразителя; они образуютъ особый лагерь, вступающій въ борьбу съ другими, таковыми же. Если группа сторонниковъ писателя малочисленна или ничтожна, то и произведенія его обладаютъ минимальнымъ значеніемъ для эпохи его непопулярности. Отсюда: „рядъ произведеній, популярныхъ въ данной общественной группѣ, даетъ намъ исторію этой группы; литература служитъ выраженіемъ народа, не потому, что онъ ее произвелъ, а потому, что она была принята, признана имъ и доставляла наслажденіе“ [3]).

Справедливость требуетъ признать, что „степень популярности писателя опредѣляется не только извѣстностью его среди широкихъ круговъ читающей публики, но и всѣмъ числомъ разнообразныхъ вліяній его въ различныхъ сторонахъ умственной, художественной и бытовой жизни общества“ [4]): иллюстрированіе художниками, лубочныя картины, дѣтскія игры, драматическія и кинематографическія

---

[1]) Эннекенъ, 80—81.

[2]) Стр. 88. [3]) Стр. 88.

[4]) Даниловъ, Русскій Филол. Вѣстн., 1911 г., № 2, стр. 331.

передѣлки, музыкальныя композиціи—все это представляетъ значеніе при оцѣнкѣ роли и вліянія писателя на современниковъ и потомство.

Эннекенъ отрицательно относится къ такой критикѣ, которая одобряетъ или осуждаетъ литературныя произведенія: онъ признаетъ научнымъ анализомъ—оцѣнку литературныхъ произведеній съ трехъ точекъ зрѣнія: эстетической, психологической и соціологической, и притомъ съ цѣлью „уяснить безъ всякаго пристрастія законы изучаемыхъ явленій". Такое изученіе онъ называлъ „эсто-психологіей". „Эсто-психологическій анализъ слагается изъ трехъ существенныхъ отдѣловъ. Первый отдѣлъ—это анализъ составныхъ частей произведенія: того, что оно выражаетъ, и способа выраженія. Второй отдѣлъ—это психо-физіологическая гипотеза, уясняющая при посредствѣ данныхъ, добытыхъ въ первомъ отдѣлѣ, интеллектъ, выраженіемъ котораго эти данныя являются. Наконецъ, въ третьемъ отдѣлѣ изслѣдователь, устраняя теорію вліяній среды и расы, которая имѣетъ приложеніе только къ первобытнымъ періодамъ литературной и общественной жизни, разсматривая вмѣстѣ съ тѣмъ всякое произведеніе, какъ выраженіе тѣхъ, кому оно нравится, и помня, что помимо этого оно является выраженіемъ автора,—дѣлаетъ заключеніе на основаніи свойствъ душевной организаціи автора о свойствахъ его почитателей" [1]).

Пріемы эсто-психологическаго анализа, въ видѣ главныхъ тезисовъ, приведенныхъ выше въ конкретномъ видѣ—сближаются съ пріемами филологическаго метода, требуя прежде всего статистическихъ и историческихъ изученій въ области явленій литературы.

„При изученіи даннаго художника изслѣдователь долженъ прибѣгнуть къ ретроспективному изслѣдованію, сообразуясь съ отношеніемъ къ этому художнику критиковъ и журналистовъ этой эпохи, для того чтобы узнать степень его популярности; онъ долженъ знать продажную цѣну его картинъ, если онъ живописецъ; онъ долженъ знать число представленій, если дѣло идетъ о пьесѣ; число изданій данной книги; сумму вознагражденія, полученнаго авторомъ. Изслѣдователь долженъ изучить произведеніе съ этой точ-

[1]) Стр. 119.

ки зрѣнія за все время его существованія—для того, чтобы опредѣлить фазы его популярности, и, наконецъ, онъ долженъ знать о степени его распространенія за-границей".

„Если употреблены возможныя предосторожности, которыя укажетъ опытъ,—то изложенный нами методъ анализа сослужитъ службу наукѣ прошлаго, исторіи; онъ позволитъ для эпохъ и для народовъ, имѣвшихъ свою литературу, написать внутреннюю исторію людей, скрытую подъ оболочкой политическихъ, общественныхъ и экономическихъ явленій—и написать исторію въ научно-точныхъ терминахъ" [1]).

Этотъ методъ требуетъ изученія произведенія въ исторической обстановкѣ его созданія. Для этого необходимо изучить среду, отзывы современныхъ писателю критиковъ, распространеніе произведенія въ публикѣ. Методъ Эннекена опирается на эстетическій и теорію Тэна. Его здоровымъ зерномъ является статистическая оцѣнка литературныхъ явленій. Нельзя оцѣнивать писателя древности съ эстетической точки зрѣнія, не примѣнивъ статистическаго метода. Такъ, напр., Кириллъ Транквилліонъ Ставровецкій, писатель начала XVII вѣка, авторъ проповѣдей, виршъ и учебнаго курса „Зерцало Богословія", съ современной намъ эстетической точки зрѣнія имѣетъ очень условное значеніе, близкое къ нулевому. Между тѣмъ его произведенія имѣли широкое распространеніе даже послѣ его смерти въ теченіе XVII и XVIII вѣковъ. Это показываетъ намъ, что, несмотря на отсутствіе эстетическаго значенія, „Зерцало Богословія" было проводникомъ идей своего времени въ доступной и понятной читателямъ формѣ, а что проповѣди его, собранныя въ его „Учительномъ Евангеліи", кого то волновали, вызывая содержаніемъ религіозныя, а формой—эстетическія эмоціи; однимъ словомъ, сочиненія Кирилла Транквилліона удовлетворяли запросы современниковъ и ближайшаго потомства. Произведенія, сохранившіяся въ 2-хъ или 3-хъ спискахъ, остаются какъ бы оазисами въ пустынѣ. Судить по нимъ о вкусахъ широкихъ круговъ—вещь очень рискованная. Таково, напримѣръ, „Слово о полку Игоревѣ".

Рецензіи современниковъ показываютъ, какія струны

[1]) Стр. 89

авторъ затронулъ въ читателѣ, что внесъ новаго въ литературу. Статистическій методъ приводитъ точныя данныя. Возьмемъ комедіи и басни Крылова. Вкусъ къ нимъ въ настоящее время притупился. Чтобы изучить, напр., Крылова, нужно разсмотрѣть современные ему журналы. Перечтя ихъ и оцѣнивъ писателя съ точки зрѣнія современной ему эпохи, мы опредѣлимъ, что онъ внесъ въ литературу своего времени, чѣмъ всколыхнулъ обывательское болото, вызвалъ къ себѣ интересъ читателя.

§ 24. Сравнительно историческій методъ. Сравнительно-историческій методъ среди вышеуказанныхъ отличается наибольшей объективностью и имѣетъ цѣлью выясненіе происхожденія памятниковъ литературы и процесса ихъ сложенія путемъ сравненія въ цѣломъ и частяхъ, при допущеніи возможности широкихъ международныхъ вліяній.

Каждый народъ, племя, общественная группа безсознательно выражаетъ свои художественные идеалы въ словесномъ творчествѣ, создаетъ своеобразныя литературныя формы, сюжеты, цѣльныя композиціи, носящія черты создавшаго ихъ народа и среды. Писатель, однако, даже желая быть строго національнымъ, невольно переступаетъ при соприкосновеніи съ чуждой культурой и литературой—грань „національнаго“ и черпаетъ изъ чуждыхъ источниковъ, усваивая своей литературѣ новыя и иногда до того момента—чуждыя для нея формы и сюжеты. Это было замѣчено давно, еще тогда, когда царили взгляды Гердера на самобытность „народной души“, создательницы народной поэзіи.

Въ концѣ XVIII вѣка Европа ознакомилась съ литературой индусовъ, и явились первые намеки на возможность объяснять литературныя явленія у разныхъ народовъ путемъ вліянія одного народа на другой, одной литературы на другую. Ученый епископъ Huet пишетъ опытъ исторіи повѣсти, выдѣляя ее изъ ряда другихъ литературныхъ произведеній. Въ 1800 годахъ появляется трудъ Денлопа (Dunlop, The history of fiction, 1814 г.), положившій основаніе методу сравнительнаго изученія литературныхъ произведеній. Его трудъ былъ переведенъ и дополненъ Либрехтомъ (Geschichte der Prosadichtungen) и вызвалъ рядъ новыхъ работъ по сравнительному изученію литературы. Около того же времени стали, вглядываясь въ лите-

ратурныя явленія, замѣчать въ нихъ отголоски античности. Такъ постепенно подготовлялась почва для выработки сравнительнаго метода.

Важность литературныхъ взаимодѣйствій разныхъ народовъ была отмѣчена давно Ф. Шалемъ [1]). Одно время изученіе литературы съ цѣлью выясненія степени оригинальности тѣхъ или другихъ литературныхъ произведеній—считалось „одною изъ важнѣйшихъ задачъ исторіи литературы". Такое изученіе производится „посредствомъ разысканія источниковъ произведенія и сопоставленія его съ другими подобными произведеніями того же времени или времени предшествовавшаго" [2]).

Не только переводный, но и оригинальный памятникъ не всегда можетъ претендовать на полную самостоятельность. Помимо заимствованія сюжета, въ немъ могутъ быть, что встрѣчается часто въ древне-русской литературѣ—заимствованы отдѣльныя части, напр., Прологъ (см. изслѣд. проф. Петрова), Печерскій Патерикъ (см. изслѣд. Абрамовича) или еще тѣснѣе—житіе преп. Ѳеодосія; наконецъ, житія русскихъ святыхъ (см. изслѣд. Кадлубовскаго).

Все это выясняется изъ сравненія памятниковъ русской литературы съ иностранными, возникшими до появленія русскихъ (что упраздняетъ вопросъ объ обратномъ заимствованіи). Засимъ, анализируя сравнительнымъ методомъ литературныя произведенія, обрабатывающія одинъ и тотъ же сюжетъ, мы видимъ, какъ заимствующая среда реагируетъ на заимствованный сюжетъ или форму.

Братья Гриммы и ихъ послѣдователи при изученіи сходныхъ литературныхъ явленій исходили изъ того предположенія, что сходство преданій у разныхъ народовъ истекаетъ изъ общаго доисторическаго родства. Трудъ Бенфея („Pantschatantra" 1859 г.), если не разбилъ, то значительно пошатнулъ эту увѣренность: Бенфей собралъ массу данныхъ, указывающихъ, что сходство преданій, разсказовъ

---

[1]) Ph. Chasles, „Etudes sur l' antiquité, precedées d'un essai sur les phases de l'histoire littéraire et sur les influences intellectuelles des races, Paris, 1847, p. 3—136. Дашкевичъ, Отчетъ 29-й о присужд. Увар. нагр., стр. 86.

[2]) Körting, Encyklopedie und Methodologie der romanischen Philologie, Zwei Teile, 1885, s. 427.

объясняется путемъ устнаго или письменнаго заимствованія. Сравнительный методъ показываетъ, что „соотвѣтственно быту и развитію нравовъ и понятій, точка зрѣнія на преданіе мѣнялась, но само преданіе въ теченіе тысячелѣтій держится твердо и остается одно и то же, и вся работа вѣковъ и поколѣній состоитъ только въ томъ, чтобы нанизывать новыя впечатлѣнія и новые взгляды и идеи на одну и ту же общую нить, посредствомъ которой каждый новый шагъ по пути развитія тормозится притяженіемъ къ старинѣ и преданію“ [1]). „Критика нашихъ дней въ своихъ... наблюденіяхъ... усмотрѣла цѣлые ряды одинаковыхъ сюжетовъ и мотивовъ, разсыпавшихся по всему міру въ необозримомъ множествѣ разнообразныхъ варіацій на общія темы. Вотъ путь, по которому изслѣдователи должны были придти къ мысли объ одинаковости основныхъ элементовъ общаго всему человѣчеству литературнаго преданія, которое одинаково оказываетъ свою живучую силу и въ Божественной Комедіи Данте или Декамеронѣ Боккаччо, и въ русскихъ духовныхъ стихахъ или сказкахъ и народныхъ лубочныхъ изданіяхъ, и въ индійскомъ сборникѣ повѣстей и басенъ, извѣстномъ подъ именемъ Панчатантры, и въ нѣмецкой поэмѣ о Рейнгардѣ-Лисѣ или въ русскихъ и другихъ сказкахъ о Волкѣ и Лисѣ и т. п. При такомъ взглядѣ на источники и пути литературнаго преданія, изолированное изученіе той или другой литературы въ отдѣльности, нѣмецкой, французской или русской,—стало рѣшительно немыслимо“ [2]).

„Изучать русскіе духовные стихи“, говоритъ тотъ же ученый,—„житія святыхъ, легенды, народные заговоры и другія преданія и повѣрія, болѣе или менѣе связанныя съ книжными источниками среднихъ вѣковъ — возможно не иначе, какъ при пособіи общаго литературнаго, письменнаго преданія, внесеннаго вмѣстѣ съ христіанствомъ ко всѣмъ народамъ, принявшимъ эту религію“ [3]).

„Итакъ, самый фактъ литературной взаимности между европейскими народами не подлежитъ сомнѣнію. Въ теченіе многихъ вѣковъ блуждали и до сихъ поръ не переста-

---

[1]) Ѳ. Буслаевъ, „Мои досуги“, стр. 261.

[2]) Ibid., стр. 261—62. [3]) Ibid., стр. 263.

ютъ блуждать изъ страны въ страну по всему міру цѣлые ряды повѣстей, анекдотовъ и разныхъ разсказовъ, которые потому и называются перехожими, т. е. странствующими и переносными вмѣстѣ. Но откуда они взялись первоначально? [1]).

Возможно самостоятельное возникновеніе литературныхъ явленій въ силу одинаковыхъ условій, но въ массѣ случаевъ сравненіе обнаруживаетъ литературное заимствованіе, которое „составляетъ только одинъ изъ множества случаевъ историческаго между народами общенія, и сама жизнь, безъ сомнѣнія, не въ примѣръ значительнѣе ея литературнаго отраженія, болѣе или менѣе односторонняго“ [2]).

А. Веселовскій былъ твердо убѣжденъ въ положеніи, что литературныя явленія не могутъ изучаться изолированно, и формулировалъ его въ одномъ частномъ случаѣ такимъ образомъ: „Эпосъ каждаго историческаго народа есть эпосъ международный“, мы же можемъ расширить это понятіе и сказать:—литература каждаго историческаго народа есть литература международная.

Литературныя явленія среднихъ вѣковъ и новаго времени, а также устной народной традиціи не умѣщаются въ рамки какой-нибудь одной національной литературы. Не зная средневѣковой греческой литературы, мы можемъ неправильно истолковать значеніе явленій древне-русской литературы; не зная польской и латинской литературы XVI и XVII вв.—будемъ ошибаться при оцѣнкѣ явленій малорусской литературы XVII в.; безъ сравнительнаго изученія стиля барокко, итальянскаго „маринизма“, испанскаго „гонгоризма“, англійскаго „евфуизма“, французскаго „style précieux“ и нѣмецкаго „бомбаста“ мы можемъ вообразить, что эти стили—есть нѣчто особое, тогда какъ это—повтореніе въ сущности одного и того же, перенесеніе одной и той же моды въ разныя области и языки.

Исходя изъ такого положенія, мы не можемъ при изученіи русской литературы ограничиться ею одной; помня, что литературы сосѣднихъ народовъ непрестанно воздѣйствуютъ другъ на друга, мы должны параллельно изучать ихъ всѣ. Казалось бы, что общаго между Италіей к. XVI в. и Польшей к. XVI в., между Петраркой и Кохановскимъ,

---

[1]) Ibid., стр. 265—66. [2]) Ibid., стр. 267.

и однако же послѣдній можетъ быть понятъ только послѣ изученія перваго. Въ каждомъ литературномъ памятникѣ чувствуется реминисценція изъ другихъ литературъ.

Сравнительное изслѣдованіе обнаруживаетъ передъ нами не только источники того или иного литературнаго произведенія, но и показываетъ пути, какими позднѣйшій авторъ узналъ заново обработанную имъ тему. Если мы возьмемъ, напримѣръ, чрезвычайно распространенные (они насчитываются въ массѣ записей) духовные стихи объ Алексѣѣ человѣкѣ Божіемъ, то увидимъ, что всѣ варіанты стиха можно раздѣлить на три группы: великорусскую, бѣлорусскую и малорусскую, при чемъ каждая группа, путемъ сравненія съ церковными легендами можетъ быть возведена къ особому источнику: великорусскіе стихи—къ житію святого, написанному С. Метафрастомъ, бѣлорусскіе—къ латинской народной обработкѣ легенды („B“), на что указываетъ наличность нѣкоторыхъ эпизодовъ, отсутствующихъ у Метафраста и свойственныхъ только легендѣ B; наконецъ, малорусскіе варіанты восходятъ къ псальмѣ „Богогласника“ 1790 г. или точнѣе къ ея старшей, недошедшей до насъ редакціи XVII в. Возьмемъ еще примѣръ, также изъ области нашихъ разысканій—анализъ сказки объ испытаніи женской вѣрности [1]). Первый варіантъ—записанъ нами въ Новгор. губ.

Жилъ-былъ мужикъ; однажды онъ отправился въ лѣсъ и здѣсь слышитъ крикъ. Мужикъ видитъ, что медвѣдь душитъ лѣшаго; онъ заступается и спасаетъ его. Лѣшій обѣщаетъ за это награду, о которой мужикъ можетъ сказать только своему вѣрному другу. Мужикъ сообщаетъ эту тайну женѣ, и на другой день они отправляются въ лѣсъ за наградой, но лѣшаго не застаютъ. Въ ожиданіи его мужикъ кладетъ голову на колѣни жены и засыпаетъ. Является лѣшій въ образѣ молодца и предлагаетъ женѣ счастье и богатство, если она убьетъ мужа. Та соглашается. Они дѣлаютъ петлю на шеѣ мужа и тянутъ за концы веревки. Но лѣшій внезапно отпускаетъ свой конецъ и кричитъ: „Вставай, мужикъ, теперь я тебя отблагодарилъ. Ты спасъ меня отъ медвѣдя, я же тебя отъ невѣрной жены“.

---

[1]) В. Перетцъ, Къ исторіи русск. нар. сказки, 1894, I.

Второй варіантъ: баба встрѣчаетъ черта. Онъ въ слезахъ. На вопросъ бабы о причинѣ ихъ чертъ отвѣчаетъ, что идетъ въ пекло, не поссоривъ никого. Тщетно пытался онъ поселить вражду въ одной супружеской четѣ. Баба обѣщаетъ сдѣлать это. Она идетъ къ мужу и говоритъ, что жена собирается зарѣзать его, женѣ говоритъ, что, если она хочетъ пріобрѣсти любовь мужа, то должна сбрить у него на горлѣ три волоска: черный, бѣлый и рыжій, а мужа предупреждаетъ, что жена хочетъ его убить; мужъ притворяется спящимъ; жена беретъ бритву и направляется къ нему. Тотъ вскакиваетъ, происходитъ ссора. За это чертъ даетъ бабѣ мѣшокъ съ золотомъ, но не прямо въ руки, а на шестѣ черезъ рѣку, боясь, чтобы баба и самого черта не перехитрила.

Примѣняя историко-сравнительный методъ и помня, что русская литература испытывала два вліянія—восточное и западное, изслѣдователь старается отыскать источникъ каждаго варіанта этой сказки, разрабатывающей сюжетъ объ испытаніи жены, опредѣлить, къ какой эпохѣ относятся легенды, давшія ей содержаніе. И вотъ въ восточныхъ апокрифахъ сказочнаго характера онъ найдетъ апокрифъ о судахъ Соломона. Одинъ изъ этихъ апокрифовъ гласитъ слѣдующее: „Когда Соломонъ однажды дурно отозвался о женщинахъ, одинъ мужъ обидѣлся за свою жену. Тогда Соломонъ сказалъ: „Убей жену, и ты получишь лучшее мѣсто въ государствѣ“. Мужъ не сдѣлалъ этого, пожалѣвъ жену и дѣтей. То же самое предлагаетъ Соломонъ и женѣ, давъ ей оловянный мечъ. Жена пытается зарѣзать мужа, но не можетъ. Мужъ просыпается и хочетъ убить жену, но догадывается, что это дѣло Соломона, и идетъ къ нему объясняться. Соломонъ, узнавъ все, воскликнулъ: „Отъ тысячи мужей обрѣтохъ единаго мудраго, а въ тмѣ темъ женъ ни единой“.

Источникомъ второй сказки, записанной въ Бѣлоруссіи, послужило средневѣковое сказаніе о чертѣ, отбывавшемъ свою повинность на землѣ. Соль этого сказанія заключается въ томъ, что, гдѣ чертъ не сможетъ, туда онъ бабу пошлетъ. Первоначально оно нашло себѣ мѣсто въ латинскомъ сборникѣ „Великое Зерцало“ (Speculum Magnum), который былъ переведенъ на польскій и славяно-русскій языкъ XVII

столѣтія; наиболѣе близкими къ польскому типу являются записи бѣлорусскія. Затѣмъ слѣдуютъ украинскія и великорусскія сказки, на которыхъ, такимъ образомъ, сказалось двойное вліяніе на сказку и апокрифа, и разсказа изъ „Великаго Зерцала“ [1]).

Иногда сравнительно-историческій методъ переходитъ на почву этнографическую, т. е. старается разрѣшить двойную задачу, а именно: не только объяснить появленіе того или другого произведенія заимствованіемъ сюжета, но также и почему заимствованъ данный сюжетъ, а не иной. Для этого изслѣдователь ищетъ основанія въ бытовыхъ условіяхъ. Для примѣра возьмемъ сказку о братѣ, женившемся на сестрѣ. У одного царя былъ сынъ, которому царь далъ перстень, сказавъ: „кому онъ придется въ мѣру, на той и женись, тогда получишь царство“. Перстень пришелся на руку сестрѣ царевича. Она не желаетъ этого брака и послѣ всевозможныхъ приключеній спасается отъ брака. Эта сказка можетъ быть изучена съ двухъ точекъ зрѣнія. Во-первыхъ, сюжетъ ея могъ быть подсказанъ повѣстью о „Добромъ грѣшникѣ“, или заимствованъ изъ сборника повѣстей, переведеннаго въ Россіи въ XVII вѣкѣ, „Gesta Romanorum“, или изъ повѣсти объ Аполлоніи Тирскомъ. Во-вторыхъ, внѣдреніе сюжета на русской почвѣ объясняется бытовыми условіями, а именно: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи были еще недавно въ обычаѣ браки между близкими родственниками, о чемъ говорится и въ былинѣ о Соловьѣ и Ильѣ.

Такимъ изученіемъ бытовой и литературной стороны передъ нами обнажается сюжетъ, давшій толчекъ творческой дѣятельности автора, а потомъ выясняется, что внесъ новаго, самобытнаго въ обработку этого странствующаго сюжета авторъ.

Итакъ, историко-сравнительный методъ примѣнимъ къ изслѣдованію цѣлаго ряда явленій разныхъ литературъ. Въ настоящее время уже оставлена прежняя точка зрѣнія на народно-поэтическое творчество; его уже не считаютъ продуктомъ какого-то мистическаго творчества массъ, а результатомъ личнаго творчества и затѣмъ претвореніемъ созданія пѣвца—народною средою путемъ устной передачи.

---

[1]) В. Перетцъ, Къ исторіи русской нар. сказки, 1894.

Сравнительно-историческій методъ создалъ теорію заимствованій. Какъ понимали и понимаютъ его наиболѣе крупные представители, видно изъ разсмотрѣнія взглядовъ А. Веселовскаго, бывшаго адептомъ этой теоріи и только позже сосредоточившаго свои изслѣдованія на вопросахъ психологіи творчества и исторіи поэтики. Въ первой своей теоретической статьѣ 1870 г. Веселовскій говоритъ: „Методъ заимствованія есть въ сущности тотъ же историческій методъ, только учащенный, повторенный въ параллельныхъ рядахъ для достиженія возможно полнаго обобщенія". „Сравнительный методъ долженъ пользоваться словесными произведеніями всего человѣчества".

На первомъ планѣ онъ натыкается на исторію сюжета. Но и кромѣ этой исторіи, есть другая, не менѣе важная задача у исторіи литературы. „Если, какъ мнѣ кажется", говоритъ Веселовскій, „въ исторіи литературы обратить вниманіе на поэзію, то сравнительный методъ откроетъ ей въ этой болѣе тѣсной сферѣ совершенно новую задачу: прослѣдить, какимъ образомъ новое содержаніе жизни, этотъ элементъ свободы, приливающій съ каждымъ новымъ поколѣніемъ, проникаетъ въ старые образы, эти формы необходимости, въ которыя неизбѣжно отливалось всякое предыдущее развитіе".

Такимъ образомъ, Веселовскій выдвигаетъ два элемента въ творчествѣ: содержаніе и традиціонная форма. Прометей Эсхила, Праматасъ индійскаго эпоса и Лео Шпильгагена— разные факты, но они отливаются въ общую формулу. „Поэтому не ограничено ли поэтическое творчество извѣстными опредѣленными формулами? Каждая новая поэтическая эпоха не работаетъ ли надъ завѣщанными образами, обязательно вращаясь въ ихъ границахъ, позволяя себѣ лишь новыя комбинаціи старыхъ образовъ и только наполняя ихъ тѣмъ новымъ пониманіемъ жизни, которое и составляетъ ея прогрессъ передъ прошлымъ". Слово, повторяясь въ данной формулѣ въ разныя эпохи, получаетъ разныя значенія.

Въ своей вводной статьѣ въ изслѣдованіе „Изъ исторіи романа и повѣсти" Веселовскій дѣлаетъ поправки къ высказаннымъ положеніямъ: модификація происходитъ не только относительно содержанія, но и относительно самой формулы. Она мѣняется подъ вліяніемъ эпохи.

Примѣромъ, подтверждающимъ тезисы Веселовскаго, можетъ служить литературная исторія притчи о блудномъ сынѣ. Въ средніе вѣка этотъ сюжетъ былъ въ забвеніи. Эпоха реформаціи воскресила его, и онъ появляется въ массѣ обработокъ. Отцы іезуиты воспользовались имъ для духовныхъ мистерій, устраиваемыхъ при католическихъ церквахъ и школахъ; потомъ онъ перешелъ и въ протестантскія школы, а оттуда на свѣтскую сцену. Въ Россіи также появились двѣ обработки этого сюжета: „Комедія притчи о Блудномъ сынѣ“ Симеона Полоцкаго и „Повѣсть о Горѣ-Злочастьѣ“. Наступившая затѣмъ бурная эпоха преобразованій заставила забыть объ этомъ сюжетѣ; но въ XIX стол. онъ снова выплываетъ, даже выдвигается на первое мѣсто, и отклики его мы видимъ, напримѣръ, въ произведеніяхъ Тургенева, Гончарова и другихъ въ изображеніи борьбы между „отцами и дѣтьми“.

Каждая эпоха, конечно, накладывала на сюжетъ своеобразный отпечатокъ. Предметъ изображенія, планъ, стиль измѣнялись,—идея оставалась одна. Сводить исторію литературы на исторію идей—нельзя. Важнѣе знать, какъ та или иная идея трактуется въ произведеніи. Веселовскій, ранѣе допускавшій вліяніе личнаго творчества на развитіе формы лишь въ очень слабой степени, въ послѣдніе годы сталъ признавать это вліяніе, не отрицая въ то же время громаднаго значенія литературной традиціи.

Самая постановка такихъ вопросовъ Веселовскимъ имѣла громадное значеніе. Его теорія потребовала чрезвычайно обильнаго и разнообразнаго матеріала для своей провѣрки.

Сравнительно-историческій методъ требуетъ громадной эрудиціи и подготовленія критически провѣреннаго и обслѣдованнаго матеріала, а главное критической осторожности и такта, что доказали, напр., неудачныя работы Стасова и Потанина.

Сравнительно-историческій методъ примѣняется не только къ произведеніямъ народной словесности или древней литературы, но и къ изученію явленій новой литературы: не говоря уже о литературѣ XVIII в., открывающей подражательность россійскихъ „Пиндаровъ“ и „Гомеровъ“, слѣдуетъ имѣть въ виду, хотя бы, сатирическіе журналы и

ихъ своеобразный составъ. Анализъ этого состава, произведенный въ свое время Вс. Ѳ. Солнцевымъ, обнаружилъ невозможность довѣрчиво считать эти журналы отраженіемъ русской жизни, ибо они на $^2/_3$ состоятъ изъ переводныхъ статей. Для иллюстраціи примѣненія сравнительно-историческаго метода особенно хорошо служитъ книга Рѣзанова о Жуковскомъ, или примѣчанія къ 1-му тому академическаго изданія сочиненій Пушкина, гдѣ собраны его лицейскія стихотворенія.

Но и сравнительное изслѣдованіе имѣетъ свои подводные камни. Еще въ 1855 г. ак. Срезневскій [1]) высказалъ по вопросу о происхожденіи русской лѣтописи мысль, что „формы заимствуются, переносятся изъ странъ въ страны, распространяются, какъ и мысли; но могутъ и должны являться и независимо, сами собою, безъ заимствованія. Чѣмъ проще и естественнѣе мысль или форма, тѣмъ труднѣе доказать, что она занята, тѣмъ легче предполагать, что она порождена естественною потребностью".

Въ свое время и проф. Дашкевичъ справедливо отмѣтилъ, что „рѣшеніе вопроса о степени оригинальности литературныхъ произведеній требуетъ большой осмотрительности въ сужденіяхъ. Необходимо устанавливать сходства и аналогіи съ отчетливостью и осторожностью, потому что въ противномъ случаѣ можно доходить до совершенно невѣрной оцѣнки. Слѣдуетъ, далѣе, имѣть въ виду, что въ художественныхъ произведеніяхъ важна не столько оригинальность фабулы, сколько ея обработка, то духовное содержаніе, которое влагается въ заимствованный сюжетъ. Данте, Боккаччо, Аріостъ, Шекспиръ, Мольеръ, Гете не измышляли собственныхъ фабулъ, но почерпали ихъ изъ литературныхъ произведеній, которыя попадались имъ подъ руку, или же изъ народной словесности" [2]).

Всегда слѣдуетъ помнить, что видѣть во всемъ и вездѣ заимствованіе,—это для ученаго, пользующагося сравнительнымъ методомъ—признакъ „дурного тона", плохой школы

---

[1]) „Историческія чтенія о яз. и словесн.", въ II отд. Акад. Наукъ стр. 13.

[2]) Дашкевичъ, Отзывъ о соч. Н. И. Петрова „Очерки исторіи украинской литературы XIX ст.". Отчетъ о 29-мъ присужденіи награды гр. Уварова, стр. 86.

или отсутствія всякой школы. Поверхностное сходство между повѣстями, ихъ типами, положеніями—не есть основаніе къ заключенію о заимствованіи. „Совпаденіе разсказовъ должно быть таково, при которомъ мы должны признать за невозможное, чтобы разсказываемое событіе могло случиться два раза или болѣе; возможность происхожденія отъ первоначальнаго общаго достоянія должна быть исключена, и мы должны быть въ состояніи указать съ полною достовѣрностью непрерывную нить, „каналъ“ дальнѣйшей передачи“ [1]).

Однимъ такимъ „каналомъ“, какъ признаетъ и Бернгеймъ, могли быть походы крестоносцевъ и купцовъ на Востокъ и обратно, благодаря чему въ Европу проникла масса сказокъ изъ Индіи (Benfey). Другія сказанія—пошли отъ семитической и греко-римской легенды, напр., нѣмецкія и древне-русскія сказанія о происхожденіи императорской и царской власти (срв. Kampers и Милюковъ). Многія сказанія—библейскаго и византійско-восточнаго происхожденія, особенно легенды о святыхъ.

Сравнительно-историческій методъ имѣетъ еще нѣкоторыя уязвимыя стороны. „Въ чемъ состоятъ неоспоримыя преимущества нашей науки, въ томъ и ея временный недостатокъ“, говоритъ Буслаевъ. „Чѣмъ больше стремится она къ полнотѣ въ собираніи фактовъ, тѣмъ только глубже открывается предъ нею зіяющая пропасть, для наполненія которой далеко еще не хватаетъ матеріалу. Гдѣ же тутъ думать о сооруженіи прочнаго зданія въ архитектурной системѣ? Потому всякое изслѣдованіе по сравнительному изученію, какъ бы основательно оно ни было, и какъ бы ни былъ тѣсенъ объемъ изслѣдуемаго предмета, непремѣнно будетъ грѣшить противъ полноты, къ которой оно стремится въ подборѣ сравнительныхъ данныхъ, тогда какъ имъ еще и конца не видать. Изслѣдованіе, вышедшее въ свѣтъ сегодня, завтра уже непремѣнно окажется въ наукѣ отсталымъ, потому что будетъ пополнено новыми сравненіями, которыя непремѣнно въ какомъ-нибудь уголкѣ земного шара откроютъ начитанные всезнайки въ родѣ Феликса Либрехта или Рейнгольда Кёлера, не говоря уже объ истыхъ специа-

[1]) Бернгеймъ, Введеніе въ историческую науку, стр. 76.

листахъ по той или другой изъ народностей древняго и новаго міра, восточнаго и западнаго“ [1]).

Вскрывая составъ и источники произведеній литературы и обнаруживая пріемы творчества поэтовъ и самостоятельное значеніе ихъ произведеній, сравнительный методъ вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ основаніе сдѣлать нѣсколько выводовъ. Онъ открываетъ, напримѣръ, что сношеніе съ другими народами, а также „культура и дѣленіе народа на сословія, развивающіяся при этихъ сношеніяхъ, прекращаютъ жизнь эпоса“, ибо старое, но вѣрное наблюденіе гласитъ: „колыбель литературы—есть гробъ народной пѣсни“ [2]). Но на развалинахъ безсознательнаго и полусознательнаго устнаго творчества возникаетъ литература, какъ выраженіе художественныхъ и духовныхъ вообще потребностей человѣка. Въ заключеніе поставимъ вопросъ: если сравнительный методъ обнаруживаетъ „международность“ литературы, то, что тогда остается „національнаго“ въ литературѣ, и что такое это національное?

Серія популярныхъ произведеній какой-нибудь опредѣленной группы—создаетъ умственную исторію этой группы; „литература выражаетъ собой націю не потому, что она ее создала, но потому, что она ее признала и восхищалась ею, находила въ ней удовольствіе и узнала себя въ ней“ [3]).

Съ развитіемъ и распространеніемъ обще-человѣческой цивилизаціи—сглаживаются среди отдѣльныхъ народовъ ихъ національныя особенности;—крайне рельефно это сказывается въ литературѣ: съ развитіемъ каждой національной литературы (вопреки мнѣнію Гердера и романтиковъ)—не раскрываются, а наоборотъ—„сглаживаются рѣзкія національныя особенности“ [4]), иначе говоря,—„по мѣрѣ своего развитія, литература каждаго народа постепенно выходитъ изъ-подъ вліянія внѣшнихъ статистическихъ отношеній“ [5]). „Элементы, принадлежащіе цивилизаціи данной эпохи или мѣстности, мало-по-малу выпадаютъ изъ литературы и замѣ-

---

[1]) Буслаевъ, „Мои досуги“, стр. 273—74.

[2]) Миклошичъ, Изобразительныя средства славянскаго эпоса, Труды славян. Комис. М. Арх. Общ., т. I, стр. 204—05.

[3]) Гюйо, „Искусство“, стр. 71 и 73.

[4]) Плотниковъ, стр. 84—85, Евлаховъ, стр. 532.

[5]) Плотниковъ, стр. 85.

няются другими, по мѣрѣ освобожденія литературы отъ вліянія мѣстныхъ или временныхъ обстоятельствъ и условій. Та же участь ожидаетъ и національные элементы литературы, которые съ развитіемъ ея должны значительно ослабляться. Вообще въ области литературы нельзя отрицать дѣйствія закона возрастающей международности. Въ противоположность національнымъ элементамъ, личные элементы въ содержаніи литературы постоянно и постепенно усиливаются“ [1]).

Литература въ наше время есть явленіе національной жизни, хотя бы потому, что національной формой литературы является языкъ, свойственный тому или иному народу. Мы не знаемъ (кромѣ искусственнаго эсперанто и т. п.) международной или внѣнаціональной литературы въ формальномъ отношеніи. Но слѣдуетъ замѣтить, что въ отношеніи содержанія литературы европейскихъ народовъ сближаются чрезвычайно быстро и тѣсно путемъ непрестаннаго международнаго обмѣна. Можно думать, что литература будущаго станетъ международной, когда сотрутся узкія рамки національностей. Но вопросъ о языкѣ, разумѣется, остается открытымъ.

§ 25. Эволюціонный методъ—возникъ изъ того же стремленія, которое вызвало „генетическій“ методъ Тэна: изъ стремленія связать причинной связью разнообразіе литературныхъ явленій. Эволюція есть естественное развитіе явленія изъ того зерна, которое служило ему предкомъ, благодаря—не разрушенію, но постепенному историческому созидательному процессу.

Выше мы упоминали о появленіи идеи эволюціи въ естественныхъ наукахъ и въ исторіи: историки литературы не заставили себя долго ждать, и скоро у наиболѣе живыхъ и отзывчивыхъ явилось намѣреніе примѣнить эволюціонную точку зрѣнія къ вопросу о происхожденіи и жизни литературныхъ явленій. Наиболѣе прямолинейнымъ, подгоняющимъ подъ естественно-научныя дефиниціи все наблюдаемое въ области словеснаго творчества—былъ Брюнетьеръ.

Брюнетьеръ [2]) въ предисловіи своей книги спрашиваетъ:

---

[1]) Плотниковъ, Филологическія записки, 1888 г., II, стр. 87.

[2]) F. Brunetière, L'évolution des genres dans l'histoire de la littérature, 1892.

„Почему большая часть нашихъ исторій литературъ представляетъ собраніе, даже нельзя сказать послѣдовательное собраніе монографій и изслѣдованій, соединенныхъ кое-какъ, сшитыхъ зачастую бѣлыми нитками? Это происходитъ потому, что за самый предметъ исторіи литературы нельзя браться безъ цѣлаго ряда подготовительныхъ работъ; происходитъ это и потому, что совершенно пренебрегаютъ общей и основной идеей, а она въ исторіи литературы нужна, какъ въ живописи—точка зрѣнія". Въ итогѣ, при утратѣ понятій о связи между явленіями, получается хронологическій словарь.

Въ „Введеніи" Брюнетьеръ указываетъ, что попытки опредѣлить законы литературнаго развитія начались съ Тэна;—мы знаемъ, что это началось раньше.

Брюнетьеръ въ своемъ изслѣдованіи отправляется отъ сравненія поэтическаго, словеснаго творчества съ живописью, въ которой каждый жанръ имѣетъ историческіе корни въ предыдущемъ. Историкъ долженъ узнать, въ какомъ отношеніи находятся эти формы творчества, и что за причины, принудившія эти формы послѣдовательно выдѣлиться одна изъ другой: случайность или закономѣрность? Гдѣ законы этой послѣдовательности? Брюнетьеръ ставитъ себѣ задачей дать рѣшеніе и отвѣтъ на слѣдующіе вопросы.

1. Существуютъ ли виды литературнаго творчества, обусловлены ли они своими свойствами, независимо отъ каприза художника? (Отголоски эстетической критики).

2. Дифференціація видовъ: какъ они дифференцируются изъ своей первоначальной неопредѣленности?

3. Фиксація видовъ: вопросъ объ устойчивости ихъ, условіяхъ ихъ живучести (conditions de stabilité), обезпечивающихъ имъ жизнь.

4. Модификаторы видовъ: что за сила вліяетъ на измѣненіе видовъ?

5. Трансформація видовъ: существуетъ ли общій законъ эволюціи всѣхъ видовъ, или эволюція каждаго вида совершается по своимъ законамъ?

Отвѣты Брюнетьеръ даетъ такіе:

1. Вопросъ о существованіи видовъ разрѣшается

утвердительно [1]); каждому ясно, что, напр., ода, пѣсня и комедія характеровъ не одно и то же [2]).

2. Какъ выдѣляются виды—отвѣтъ даетъ теорія эволюціи: безъ сомнѣнія, дифференціація видовъ въ исторіи литературы происходитъ такъ же, какъ подобное явленіе въ природѣ, т. е. прогрессивно, переходомъ единичнаго въ множественное, простого въ сложное, гомогена въ гетерогенъ въ силу принципа, называемаго расходимостью (divergence), характеровъ [3]).

3. Отвѣтомъ на вопросъ о фиксаціи является установленіе классичности литературныхъ явленій, его наиболѣе зрѣлой (sic) формы [4]) и, конечно, установленіе признаковъ юности, зрѣлости и упадка (Отзвукъ стариннаго эстетизма).

4. Модификаторы видовъ—силы, еще мало выясненныя, вліяющія на развитіе видовъ, ихъ жизнь и замираніе: А) наслѣдственность или раса, которая дѣлаетъ, напр., эпопею въ Индіи всегда готовой возродиться, а у насъ нѣтъ (въ дѣйствительности, здѣсь виновата не раса, а стадіи развитія творца-поэта и воспринимающаго его творчество народа!); Б) среда, объясняющая, почему, напр., у германцевъ не было своего драматическаго искусства. Подъ средой Брюнетьеръ разумѣетъ: а) условія географическія и климатическія (но какъ опредѣлить вліяніе природы на исторію литературы?); б) условія соціальныя, создаваемыя строеніемъ общества; судя по нимъ, можно опредѣлить степень цивилизаціи и склонность его къ типамъ теократическимъ, аристократическимъ, демократическимъ и пр.; в) условія историческія, которыя вліяютъ извнѣ и изнутри на строеніе общества, но отъ него не зависятъ. В) Индивидуальность, т. е. совокупность свойствъ, качествъ, которыя дѣлаютъ индивидуума единственнымъ въ своемъ родѣ [5]).

5. Продолжая параллель, Брюнетьеръ отмѣчаетъ въ исторіи французской литературы борьбу, аналогичную съ борьбой за существованіе, и устойчивость болѣе приспособленныхъ къ ней явленій, какъ это наблюдается и въ области естествознанія [6]). Примѣрами являются судьбы французъ-

---

[1]) Стр. 9. [2]) Стр. 11.
[3]) Стр. 20. [4]) Стр. 20.
[5]) Стр. 21—22. [6]) Стр. 22.

ской трагедіи и романа [1]). Брюнетьеръ выдвигаетъ защиту классификаторовъ и пророчество, что исторія литературы, какъ и другія науки, изъ неопредѣленнаго состоянія перешла въ науку систематическую; далѣе перейдетъ въ естественную и въ генеалогическую. Здѣсь Брюнетьеръ часто жертвуетъ истиной ради построенія іерархической лѣстницы литературныхъ видовъ.

На русской почвѣ крупнѣйшими представителями эволюціонной точки зрѣнія на литературу были проф. Н. Карѣевъ и ак. А. Н. Веселовскій. Послѣдній не сгруппировалъ своихъ воззрѣній въ законченную систему: они выростали постепенно и формулировались медленно, исходя изъ многочисленныхъ наблюденій, не опережая ихъ, но вытекая изъ провѣренныхъ не разъ гипотетическихъ положеній, подвергнутыхъ критическому анализу самого Веселовскаго и его оппонентовъ. Въ ряду послѣднихъ выдающееся мѣсто занимаетъ Н. И. Карѣевъ, единомышленникъ Веселовскаго во взглядѣ на роль эволюціи въ литературѣ, расходившійся съ нимъ въ детальной разработкѣ эволюціонной теоріи; Карѣеву, кромѣ интересной статьи „Что такое исторія литературы“ [2]), принадлежитъ важная для исторіи нашей науки книга „Литературная эволюція на Западѣ“ (Воронежъ 1886 г.), въ которой имъ формулированы его взгляды на эволюцію въ литературѣ вообще—гораздо ранѣе и остроумнѣе, чѣмъ у Брюнетьера. Между тѣмъ какъ Брюнетьеръ былъ дилетантъ-эстетикъ, Карѣевъ былъ человѣкъ, глубоко освѣдомленный въ исторіи, и благодаря исторической подготовкѣ онъ сумѣлъ осторожно отнестись къ памятникамъ литературы. Изслѣдованію своему Карѣевъ предпосылаетъ выясненіе вопроса, что такое „литература“, каковъ ея объемъ, и даетъ свое опредѣленіе. Въ основаніе послѣдняго онъ кладетъ „практическую непримѣнимость“, ненужность ея для практически-дѣловыхъ цѣлей. Она обнимаетъ произведенія, имѣющія самодовлѣющее значеніе. Литература, по Карѣеву [3]), есть „совокупность произведеній устнаго,

---

[1]) Стр. 23—24.

[2]) Нѣсколько словъ о литературѣ и задачи ея исторіи“. Воронежъ, 1883 г., 28 стр.

[3]) Литературная эволюція, стр. 21.

письменнаго или печатнаго слова, выражающихъ въ общеинтересныхъ и общедоступныхъ содержаніи и формѣ общественную мысль и общественное настроеніе, будутъ ли эти произведенія продуктами художественнаго творчества, или имѣютъ болѣе прозаическій характеръ, лишь бы они не имѣли значенія дѣловыхъ обсужденій, учебниковъ, руководствъ, философскихъ и научныхъ изслѣдованій и пособій“ [1]). Замѣтимъ, что здѣсь Карѣевъ 1) стоитъ на точкѣ зрѣнія общности вкусовъ, 2) игнорируетъ индивидуальные вкусы, 3) даетъ отрицательное опредѣленіе, 4) разсматриваетъ здѣсь и ниже „общество“—какъ одно цѣлое, не замѣчая его расчлененности; но со всѣмъ тѣмъ онъ, на нашъ взглядъ, стоитъ на вѣрномъ пути, отрицая художественно-литературныя достоинства у произведеній слова, имѣющихъ дидактическое принудительное значеніе и не являющихся игрой свободнаго творчества.

Далѣе Карѣевъ устанавливаетъ сущность эволюціонной точки зрѣнія: „нѣтъ ничего неподвижнаго, заключеннаго въ тѣсныя границы, застывшаго въ своей опредѣленности“ [2]). „Задача исторической науки — изображеніе той эволюціи, которую мы называемъ историческою жизнью, эволюціи прагматической и культурной, ибо вся историческая жизнь состоитъ изъ ряда дѣяній, изъ коихъ одни суть причины или слѣдствія другихъ, и всѣ вмѣстѣ приводятъ въ движеніе культуру,—и изъ ряда измѣненій въ культурныхъ формахъ, изъ коихъ каждая порождается другою и порождаетъ третью, и всѣ вмѣстѣ обусловливаютъ нашу дѣятельность“ [3]). „Исторія литературы должна быть литературно-прагматическимъ изображеніемъ литературной эволюціи на почвѣ общей эволюціи общества и въ связи съ другими частными эволюціями, которыя на нее вліяли“ [4]).

„Слѣдя за общей эволюціей литературы, вы увидите два, такъ сказать, параллельные процесса; одинъ изъ нихъ мы назовемъ обособленіемъ философіи и науки, другой—расширеніемъ содержанія литературы. Одна изъ сторонъ всякой эволюціи въ томъ и состоитъ, что предметъ дифференцируется, цѣлое распадается на части, а каждая часть

---

[1]) Тамъ же, стр. 23.
[2]) Стр. 21.
[3]) Стр. 71—72.
[4]) Стр. 74.

усложняется въ своемъ содержаніи и растетъ въ объемѣ“ [1]). Цѣлое—это ранняя поэзія, въ которой нѣтъ еще духа изслѣдованія, а есть „лишь простое выраженіе идей и настроеній“ [2]). По мѣрѣ преобладанія „изслѣдованія“—связь науки порывается съ поэзіей, ставятся новые вопросы, исчезаетъ общеинтересность предмета, изложеніе дѣлается болѣе отвлеченнымъ“ [3]). „Рядомъ идетъ процессъ усложненія формы“ [4]). Этотъ процессъ въ области поэзіи создалъ литературу. Литературныя явленія возникаютъ, развиваются и гибнутъ въ зависимости отъ отношенія среды: не всѣ темы и сюжеты интересны для всѣхъ... „Успѣхъ въ обществѣ имѣютъ тѣ поэтическія произведенія, въ которыхъ люди находятъ отраженіе своей мысли и настроенія, но отраженіе, уясненное и выставленное съ особой энергіей“ [5]).

Подходя къ разсмотрѣнію литературныхъ произведеній съ точки зрѣнія правъ ихъ быть причисленными къ „литературѣ“, Карѣевъ первый намѣчаетъ ту точку зрѣнія, которая въ итогѣ одна можетъ примирить всеобъемлющія опредѣленія „литературы“ старыхъ ученыхъ филологовъ XVIII—XIX в.в. и исключить опредѣленія суживавшихъ до тѣснаго замкнутаго круга—представителей эстетической точки зрѣнія: „во всѣ времена поэзія была органомъ общественной мысли и настроенія, но, кромѣ поэтическихъ формъ, общество чрезъ отдѣльныхъ своихъ членовъ высказывало свои идеи и чувства и въ иныхъ формахъ,—въ формѣ проповѣди на церковной каѳедрѣ, рѣчи на публичной трибунѣ, печатной статьи, брошюры или книги: чѣмъ менѣе проповѣдь, рѣчь, памфлетъ имѣютъ характеръ дѣлового обсужденія вопросовъ дня, чѣмъ менѣе они похожи на преподаваніе уроковъ ex officio, на популяризацію результатовъ научной и философской мысли, чѣмъ менѣе пользуются они формами философскаго изложенія и научнаго доказательства, но чѣмъ болѣе въ нихъ общаго пониманія жизни съ точки зрѣнія извѣстныхъ общественныхъ міровоззрѣній и пониманія переживаемаго момента съ той же точки зрѣнія, чѣмъ больше возбуждаетъ къ себѣ интереса ихъ содержаніе, и чѣмъ ярче, рельефнѣе, энергичнѣе и понятнѣе выра-

---

[1]) Стр. 13. [2]) Стр. 13. [3]) Стр. 13.
[4]) Стр. 13. [5]) Стр. 19.

жено это содержаніе,—тѣмъ яснѣе родство такихъ литературныхъ произведеній съ произведеніями поэзіи: въ иной формѣ они предлагаютъ то же содержаніе“ [1]).

Для Карѣева уже не звучитъ еретическимъ, что исторія литературы — разсматриваетъ исторію литературнаго жанра [2]), напр., романъ имѣетъ отдаленнаго предка—поэтическую былину, сказку. Эта послѣдняя предлагаетъ вымыселъ, но этотъ вымыселъ долженъ захватить человѣка, сдѣлать его „не равнодушнымъ зрителемъ картины и пріобщить его къ извѣстному настроенію духа“ [3]).

Въ первобытной поэзіи, по мнѣнію Карѣева, развитому позже эволюціонистами,—„слѣдуетъ видѣть эмбріонъ и основу нашей литературы“ [4]). Въ этой первобытной поэзіи отразились традиціонное міровоззрѣніе и традиціонныя знанія. Индивидуальный личный поэтъ внесъ новую ступень въ развитіе поэзіи, осложнивъ традиціи личнымъ починомъ въ поэтическомъ творчествѣ, и литература, дифференцируясь, начала развиваться. Эта борьба традиціи и личнаго почина есть главнѣйшій двигатель литературной эволюціи: „въ основѣ литературная эволюція есть взаимодѣйствіе творчества и традиціи, каковы бы ни были причины и условія оригинальности, самостоятельности, самобытности или искусственности, подражательности, рутинности перваго, каковы бы ни были причины и условія силы, исключительнаго господства, преобладанія или слабости, незначительности, паденія второй“. „Традиція въ литературѣ—то, что писатель создаетъ не самъ, а находитъ уже готовымъ, изобрѣтеннымъ другими: это ближайшая духовная среда, въ которой происходитъ ближайшая литературная дѣйствительность (?), среда, накладывающая печать на отдѣльные акты творчества. Самый оригинальный писатель не создаетъ всего самъ: однѣ стороны его творчества самобытны по отношенію къ даннымъ идеямъ и формамъ, но другія унаслѣдованы по традиціи“ [5]). Но самая прочная традиція не остается неподвижной: личное творчество раздвигаетъ рамки традиціи: „въ этомъ и состоитъ одна сторона литературной эволюціи, въ развитіи личной оригинальности, въ усиленіи

---

[1]) Тамъ же, стр. 19—20. [2]) Стр. 9. [3]) Стр. 9.
[4]) Стр. 10. [5]) Стр. 46—47.

личной иниціативы, въ увеличеніи свободы личнаго творчества“ [1]). Это-то послѣднее „личное творчество“—„есть главный факторъ литературной эволюціи“ [2]).

Отправляясь отъ этихъ соображеній, Карѣевъ приходитъ къ выводамъ (которые наполовину были вполнѣ новы и составили эру въ изученіи исторіи литературы), изъ коихъ наиболѣе важны слѣдующіе:

1. „Какъ всякая иная эволюція, такъ и эволюція литературная,—есть взаимодѣйствіе творчества и традиціи, дѣятельности и среды: дѣятельность обусловлена средой и среда создается дѣятельностью. Это встрѣчающееся вездѣ въ исторіи взаимодѣйствіе прагматизма и культуры“.

2. „Ближайшая духовная среда литературнаго творчества—сама литература, существующіе въ ней языкъ, стиль и стихъ, виды и формы произведеній, темы, сюжеты, типы, образы, характеры, интриги и положенія, идеи, идеалы и настроенія: это—элементы литературной среды. Литературное творчество зависитъ отъ этой среды, но и отъ многаго другого, созданнаго природой и исторіей“.

3. „Литературная среда существуетъ и сохраняется со всѣмъ своимъ содержаніемъ и формами въ силу безсознательнаго или сознательнаго подражанія творцовъ литературныхъ произведеній данному содержанію и даннымъ формамъ въ ихъ отдѣльныхъ элементахъ“.

4. „Каждая такая среда и отдѣльные элементы ея содержанія и формъ имѣютъ свою традицію либо въ другой литературной средѣ, либо въ иныхъ средахъ, политической, религіозной, философской, лингвистической и т. п.“.

5. „Литературныя традиціи имѣютъ начало болѣе раннее или болѣе позднее и часто прерываются то скорѣе, то медленнѣе, то безслѣдно, то съ оставленіемъ нѣкотораго реликвата въ другихъ традиціяхъ. Возникновеніе, сохраненіе и прекращеніе литературныхъ традицій зависитъ отъ общихъ историческихъ условій“.

6. „Сохраняясь, традиція цѣлой литературной среды и отдѣльныхъ элементовъ ея содержанія и ея формъ не остается неизмѣнной: перемѣны въ ней происходятъ быстро или медленно, каждая перемѣна бываетъ крупнѣе и незна-

[1]) Тамъ-же, стр. 51. [2]) Стр. 333.

чительнѣе другой, является результатомъ коллективной работы или дѣломъ одного человѣка, нашедшаго подражателей, и перемѣны эти объясняются изъ характера дѣйствующихъ личностей и разныхъ историческихъ причинъ".

7. „Традиція литературной среды одного народа можетъ подвергаться вліянію чужихъ литературныхъ традицій въ зависимости отъ разныхъ историческихъ обстоятельствъ: тутъ возможно болѣе частное или болѣе общее вытѣсненіе одной традиціи другою или ихъ взаимодѣйствіе".

8. „Когда одна литературная традиція побѣждаетъ другую или возникаетъ новая,—а это возможно, если общее развитіе жизни даетъ литературѣ новыя содержанія и формы,—въ данной литературной традиціи происходитъ частный или общій кризисъ".

9. „Ничто такъ не перерабатываетъ литературныхъ традицій, какъ получающее импульсъ отъ жизни, личное и сознательное творчество, и ни на чемъ такъ слабо не сказывается вліяніе традицій, какъ на такомъ творчествѣ".

10. „Традиціонные поэты отражаютъ свое время на разработкѣ традиціи, и при коллективномъ творчествѣ каждый вноситъ что-нибудь свое въ произведеніе, чего не внесли бы другіе"... „и личность развитого поэта не создаетъ всего сама, а находитъ многое готовымъ,—языкъ, стиль, стихъ, темы,—не проявляетъ только свою оригинальность, а работаетъ въ одномъ духѣ съ современниками, испытывая отъ нихъ и вліяніе,—не отдаетъ себѣ яснаго отчета въ каждомъ шагѣ, а творитъ по вдохновенію".

11. „Всякая традиція обладаетъ свойствомъ косности, только легкія или крупныя проявленія личной оригинальности уничтожаютъ застой литературной среды".

12. „Въ исторіи литературы мы замѣчаемъ переходы литературной дѣятельности изъ одного класса общества въ другой и, такъ сказать, отливы и приливы традиціонности и извѣстныхъ традицій, личной оригинальности, колебанія въ соціальной роли литературы: въ общемъ литература принимаетъ разный характеръ, служитъ интересамъ то одного класса, то другого, процвѣтаетъ или прозябаетъ, пользуется преимущественно то однѣми формами, то другими, то сближается съ жизнью, то отъ нея удаляется, становится то болѣе оригинальной, то болѣе подражательной,

получаетъ значеніе—то могучаго фактора соціальной жизни, то праздной забавы и т. д.“ [1]).

Къ литературнымъ явленіемъ пр. Карѣевъ подходитъ, какъ къ явленіямъ, сложившимся исторически. Отсюда и его взглядъ на задачи исторіи литературы съ точки зрѣнія эволюціонной теоріи:

„Задача исторической науки—изображеніе той эволюціи, которую мы называемъ исторической жизнью, эволюціи прагматической и культурной, ибо вся историческая жизнь состоитъ изъ ряда дѣяній, изъ коихъ одни суть причины или слѣдствія другихъ, и всѣ вмѣстѣ приводятъ въ движеніе культуру,—и изъ ряда измѣненій въ культурныхъ формахъ, изъ коихъ каждая порождается другой и порождаетъ третью, и всѣ вмѣстѣ обусловливаютъ нашу дѣятельность“.

„Изображеніе культурно-прагматической эволюціи всей общественной жизни есть общая и послѣдняя цѣль исторической науки. Въ этой жизни есть обособленныя до нѣкоторой самостоятельности по своему содержанію стороны—политика, право, народное хозяйство, религія, философія, наука, литература, искусство, техника, языкъ, обычай и нравы,—и каждая такая сфера, имѣя свою эволюцію, можетъ быть изображена исторически отдѣльно: такъ возникаетъ задача спеціальныхъ исторій“.

„Исторія литературы должна быть культурно-прагматическимъ изображеніемъ литературной эволюціи на почвѣ общей эволюціи общества и въ связи съ другими частными эволюціями, которыя на нее вліяли“ [2]).

Разсмотрѣвъ съ этой точки зрѣнія обильный матеріалъ, Карѣевъ дѣлаетъ слѣдующіе наиболѣе важные выводы:

1. „Въ литературной дѣятельности существуютъ извѣстные проторенные пути, по которымъ идетъ и отъ которыхъ зависитъ творчество, т. е. традиціи, или все то, что писатель создаетъ не самъ, а находитъ уже готовымъ, изобрѣтеннымъ другими. Традиціоннымъ въ литературѣ можетъ быть или даже должно быть весьма многое, а именно:

---

[1]) Н. Карѣевъ, стр. 65—70.

[2]) Н. Карѣевъ, стр. 71—74.

а) литературный языкъ (литературный языкъ, въ отличіе отъ разговорнаго, стиль, версификація и пр. и пр.),

б) форма литературныхъ произведеній (построеніе произведенія, внѣшніе пріемы и т. д.),

в) ихъ содержаніе (отъ заимствованныхъ „сюжетовъ“ до самыхъ общихъ темъ, роднящихъ отдѣльныя произведенія) и

г) ихъ идеи (т. е. „выражаемое ими религіозное, философское, моральное, политическое міросозерцаніе“).

2) „Традиціонность противоположна свободѣ творчества, которая можетъ имѣть разныя степени. Наибольшею устойчивостью отличается литературный языкъ, наименьшею—идеи“. „Въ содержаніи литературныхъ произведеній традиціонность выражается либо въ формѣ переработки старыхъ сюжетовъ (напр., каролингскій эпосъ въ началѣ), либо въ изображеніи извѣстныхъ только предметовъ (напр., рыцарскій романъ), либо въ предпочтеніи къ извѣстнымъ, уже ранѣе существовавшимъ въ литературѣ конкретнымъ образамъ (напр., Роландъ), или болѣе отвлеченнымъ характерамъ и типамъ (аскета, рыцаря, скупца, лицемѣра и т. п.) и т. д.,—и въ общемъ на содержаніе литературныхъ произведеній теченіе жизни оказываетъ большее вліяніе, чѣмъ на ихъ форму, которая въ свою очередь можетъ быть то однообразнымъ наблюденіемъ, то болѣе широкой только рамкой, менѣе стѣсняющей свободу творчества, чѣмъ всякій шаблонъ“.

3. „Въ общемъ писатель можетъ быть всегда болѣе свободнымъ по отношенію къ тѣмъ традиціоннымъ элементамъ литературы, которые, во первыхъ, подвергаются большему вліянію со стороны жизни (идеи и содержаніе сравнительно съ формами и языкомъ) и по самой сущности дѣла, во вторыхъ, допускаютъ больше проявленія индивидуальности писателя (напр., стиль сравнительно съ лексической и грамматической сторонами языка, форма, не стѣсненная „правилами“, вытекающими изъ сути дѣла или чисто условными, сравнительно съ формою, предоставляющей очень много личному произволу, изображеніе общаго типа сравнительно съ воспроизведеніемъ уже установившагося образца и т. п.). Чѣмъ больше жизнь и все живое (разговорный языкъ, напр., въ противоположность языку мертвому, ка-

кимъ была латынь въ средніе вѣка) вліяетъ на литературу, съ одной стороны, а съ другой, чѣмъ менѣе въ самой литературѣ условленности, тѣмъ сильнѣе проявляется личное творчество".

4. „Освобожденію послѣдняго способствуетъ общее развитіе личности въ зависимости отъ культурно-соціальныхъ условій и вліяніе на нее разныхъ литературныхъ традицій, отъ комбинацій и синтеза которыхъ происходитъ вообще инновація въ литературной эволюціи и расширяется сфера творчества отдѣльнаго лица.

5. „Все традиціонное въ литературѣ можетъ быть разложено на отдѣльные элементы, имѣющіе каждый свою исторію, но находящіеся въ то же время въ извѣстномъ взаимодѣйствіи. Это взаимодѣйствіе литературныхъ традицій, когда онѣ имѣютъ разное происхожденіе и наиболѣе одна другой противорѣчатъ, наиболѣе враждебно полному застою, т. е. именно совершенной традиціонности, которая есть синонимъ однообразія и бѣдности литературы".

6. „Высшимъ результатомъ взаимодѣйствія литературныхъ традицій бываетъ ихъ синтезъ въ новыя явленія: соединеніе идей одной традиціи съ содержаніемъ другой или содержанія этой съ формами третьей,—хотя бы и чисто механическое при слабомъ развитіи оригинальнаго творчества,—есть первая ступень къ этому синтезу, который возможенъ только подъ условіемъ самостоятельной переработки входящихъ въ синтезъ элементовъ".

7. „Общій ходъ литературной эволюціи заключается въ ослабленіи традиціонности путемъ: а) развитія творчества и б) взаимодѣйствія традицій вслѣдствіе, во первыхъ, международныхъ вліяній, усиливающихся съ общимъ развитіемъ жизни, а во вторыхъ, вслѣдствіе большаго, съ теченіемъ времени, накопленія литературнаго матеріала, дающаго и большее количество образцовъ. Роль международныхъ вліяній играютъ и случаи возвращенія къ забытымъ традиціямъ прежняго времени (напр., вліяніе классиковъ на европейскую литературу съ эпохи Возрожденія или средневѣковой поэзіи на неоромантизмъ XIX вѣка".

8. „Личное творчество, роль котораго не всегда вѣрно понимается,—хотя бы въ минимальныхъ дозахъ, есть главный факторъ литературной эволюціи".

9. „Традиціонность и творчество находятся въ постоянномъ взаимодѣйствіи: въ каждомъ литературномъ явленіи мы необходимо въ разныхъ пропорціяхъ находимъ обѣ эти стороны всей эволюціи; традиція развивается только путемъ обработки ея отдѣльными личностями, творчество послѣднихъ всегда обусловлено какими либо традиціями. Значеніе того или другого писателя въ данной традиціи опредѣляется вообще тѣмъ, насколько, во первыхъ, онъ подвинулъ ее впередъ, развивъ присущія ей начала, и во вторыхъ, видоизмѣнилъ ее, обогативъ ея основы присоединеніемъ чуждыхъ ей первоначально элементовъ (взятыхъ изъ литературы или изъ жизни), а значеніе его въ цѣломъ литературной эволюціи обусловливается, съ одной стороны, степенью его самостоятельности по отношенію къ всему традиціонному, а съ другой, какъ разнообразіемъ элементовъ, вошедшихъ въ синтезъ разныхъ традицій, такъ и удаленіемъ этого синтеза отъ простого механическаго соединенія указанныхъ элементовъ“.

10. „Теорія литературной эволюціи должна вырабатываться путемъ такого изученія литературныхъ фактовъ, которое на первый планъ ставило бы разрѣшеніе вопросовъ о неизбѣжныхъ,—вообще и при извѣстныхъ только условіяхъ,—границахъ традиціонности въ литературѣ и о возможной,—опять таки по существу дѣла и по отношенію какъ къ разнымъ элементамъ традиціоннаго, такъ и вообще культурно-соціальнымъ условіямъ,—свободѣ личнаго творчества“ [1]).

Касается Карѣевъ и больного мѣста для многихъ, путающихъ задачи исторіи литературы и литературной критики, именно эстетической: „Эстетическіе, психологическіе и соціологическіе вопросы теоріи литературы лучше всего разрѣшаются посредствомъ сравнительнаго изученія историческаго матеріала, но такое изученіе не есть еще исторія литературы: послѣдняя имѣетъ своею цѣлью не выработку общихъ теоретическихъ положеній, а изображеніе послѣдовательности и преемственности литературныхъ явленій, имѣвшихъ мѣсто въ дѣйствительности. Но разъ возникла исторія литературы, она также должна имѣть свою

[1]) Н. Карѣевъ, стр. 330—334.

теорію: въ этой теоріи на первомъ планѣ стоятъ не эстетическіе законы, даже не вопросы о психическихъ основахъ творчества и соціальной роли литературы, а именно указанныя послѣдовательность и преемственность литературныхъ явленій, причины и условія, формы и законы, внутреннія и внѣшнія отношенія этого процесса, въ которомъ новое приходитъ на смѣну старому, изъ него вырабатываясь, его преобразуя и вытѣсняя, съ нимъ вступая во взаимодѣйствіе,—т. е. это уже не эстетическая теорія, а теорія эволюціонная, долженствующая руководить не литературной критикой, а историческимъ изученіемъ литературы. Эстетическая теорія литературы только часть общей теоріи художествъ, эволюціонная—только часть общей теоріи историческаго процесса. Какъ исторія литературы не вытѣсняетъ эстетической критики произведеній словесности, хотя многіе даже до этого доводятъ противоположность между обоими способами отношенія къ литературѣ, такъ эволюціонная теорія вовсе не приходитъ на смѣну эстетической, а только ее преобразуетъ и дополняетъ, придавая понятію художественнаго идеала характеръ явленія развивающагося, а не даннаго разъ навсегда въ видѣ какой то изначальной и остающейся неподвижною платоновской „идеи“, и уча смотрѣть на отдѣльныя литературныя произведенія, какъ на факты, отмѣчающіе извѣстные моменты спеціально литературной и общей, соціально-культурной эволюціи“ [1]).

§ 26. Методъ эволюціонно-этнографическій. Новую попытку поставить изученіе процесса литературнаго развитія на эволюціонно-этнографическую точку зрѣнія въ свое время сдѣлалъ акад. А. Н. Веселовскій въ своихъ лекціяхъ, выдвинувъ теорію развитія литературныхъ явленій изъ синтетическаго единства. Но только въ послѣдніе годы жизни эта теорія была опубликована въ отрывкахъ изъ обширнаго и свѣжаго по замыслу курса исторической поэтики (о ней—ниже). Широкая публика узнала о подобіи теоріи Веселовскаго—изъ книги Ш. Летурно, переведенной на русскій языкъ въ 1895 г. [2]). Этотъ авторъ идетъ по слѣдамъ

[1]) Н. Карѣевъ, стр. 335—336.

[2]) Ш. Летурно, Литературное развитіе различныхъ племенъ и народовъ, 1895.

антропологовъ-этнографовъ, изъ которыхъ крупнѣйшими были Тэйлоръ, Леббокъ, Морганъ, Бастіанъ и др.

Летурно понимаетъ терминъ „литература“ въ очень широкомъ—и въ настоящее время въ единственно возможномъ смыслѣ: творчество въ словѣ, не только въ періодъ эстетическій, но и въ до-эстетическій, когда порою „слово“ не выдѣлилось еще изъ синкретическаго единства съ другими средствами выраженія идей.

Возражая, главнымъ образомъ, своимъ французскимъ коллегамъ, въ большинствѣ увязшимъ въ эстетизмѣ, Летурно пишетъ: „Никто не воображалъ, чтобы въ литературѣ могло существовать что-либо достойное вниманія ученыхъ, кромѣ выдающихся произведеній наиболѣе культурныхъ народовъ. О литературѣ дикарей никто не думалъ. Отъ этой иллюзіи нѣсколько отрѣшились со времени побѣдоноснаго появленія на горизонтѣ науки ученія о трансформизмѣ [2]). Стремясь достигнуть „корней вопроса“ въ изслѣдованіи литературной эволюціи, до Летурно (точнѣе до Веселовскаго) брали литературныя произведенія бѣлой расы и притомъ преимущественно сохраненныя на письмѣ. „Антропологическій методъ заставляетъ насъ взяться за дѣло—совершенно инымъ способомъ“: работа должна охватить всѣ проявленія литературнаго (словеснаго) творчества человѣческаго рода, даже до-этнографическаго періода. Въ этихъ послѣднихъ произведеніяхъ Летурно надѣется „открыть генезисъ литературы“ [2]). Второю своею задачею Летурно считаетъ „установленіе связи между литературными и эстетическими продуктами мысли и той соціальной средой, которая ихъ породила, съ тѣми учрежденіями и политическими формами, неизбѣжнымъ отраженіемъ которыхъ лишь и является литература“ [3]).

Та фаза литературы, которую обычно изучаютъ—является послѣднимъ этапомъ историческаго развитія творчества въ словѣ. „Она предполагаетъ существованіе развитого обработаннаго языка, сложной, вдумчивой метрики, придуманной, чтобы ласкать глазъ и ухо толпы дилеттантовъ. Вся эта изысканная техника представляется обстоятельствомъ вполнѣ безразличнымъ для литературы еще не дисциплинирован-

[1]) Тамъ же, стр. 23. [2]) Стр. 23. [3]) Стр. 23.

ной, самородной, наивной, народной, если угодно, которая на всемъ земномъ шарѣ предшествовала литературѣ образованныхъ людей, служила ей даже питательной средой и сама существовала многія тысячи лѣтъ. Между тѣмъ и эта литература сама также довольно удалена отъ первоначальной фазы своего существованія, и только этнографическая антропологія въ состояніи воскресить и вызвать къ жизни медленную ея эволюцію" [1]). Такую работу и ставитъ своею задачею Летурно, опираясь на сравнительный методъ и восходя путемъ подбора и анализа матеріала до зародышей литературнаго творчества. Онъ старается отмѣтить главныя фазы многовѣковой эволюціи, прослѣдивъ происхожденіе литературы до возможно отдаленной эпохи. Изъ изслѣдованія фактовъ литературнаго развитія Летурно выводитъ „существованіе точной и неизбѣжной связи между литературой и соціальной средой, отраженіемъ которой она служитъ" [2]).

Начиная съ характеристики эстетическихъ рефлексовъ, Летурно говоритъ объ эстетикѣ у животныхъ, о первобытныхъ языкахъ и рѣчи у ребенка, о связи между литературными и соціальными явленіями,—предлагая объясненіе возникновенія явленій т. н. народной поэзіи; далѣе, начиная съ австралійцевъ, въ порядкѣ сдѣланной имъ этнографической классификаціи, Летурно разсматриваетъ литературныя и эстетическія явленія у разныхъ народовъ, приходя въ результатѣ къ такимъ положеніямъ: „Пѣніе древнѣе рѣчи" [3]). Оно связывается съ мимикой [4]) и ритмомъ [5]). Совершенствуется стихосложеніе [6]). Литературное, т. е. словесное произведеніе связано съ пляской и музыкой [7]): въ коммунальной общинѣ создается хоральный танецъ, своего рода „опера-балетъ" [8]). Съ дифференціаціей элементовъ общины—создаются новыя идеи; рождается индивидуальный лиризмъ, сентиментальная любовная поэзія [9]). Съ усовершенствованіемъ первоначально синтетическихъ элементовъ наступаетъ ихъ дифференціація, потребовалась спеціальная подготовка для пѣвца, музыканта, плясуна [10]). Создаются пѣвцы профессіоналы [11]).

Покровительствуемая царями и жрецами поэзія аристо-

---

[1]) Стр. 3. [2]) Стр. 4. [3]) Стр. 355. [4]) Стр. 356.
[5]) Стр. 357. [6]) Стр. 358. [7]) Стр. 359. [8]) Стр. 360.
[9]) Стр. 361. [10]) Стр. 362. [11]) Стр. 363.

кратизуется; вмѣсто выраженія „коллективной души“— она становится выраженіемъ групповыхъ вкусовъ и интересовъ и индивидуальныхъ. „Поощряемая, развращаемая и эксплуатируемая сильными міра сего, поэзія выигрываетъ много съ точки зрѣнія формы техники... Въ то же время поэтическія произведенія перестаютъ быть исключительно устными, ихъ начинаютъ записывать, и стихъ долженъ одновременно удовлетворять ухо и глазъ“... „Сущность измѣняется подобно формѣ и аристократизуется подобно ей—очищается отъ грубости и утрачиваетъ величественную наивность“ [1]).

Отличительною стороною Летурно и его антропологоэволюціоннаго метода (или соціологическаго) является новый взглядъ на матеріалъ для исторіи литературы; хотя памятники народнаго творчества и до него привлекались къ изученію, но никогда ими не пользовались такъ широко, какъ Летурно.

Обслѣдуя постепенно различные человѣческіе типы, Летурно остается вѣренъ эволюціонному методу и идетъ отъ менѣе сложнаго къ болѣе сложному, т. е. начинаетъ съ изученія наименѣе культурныхъ или, какъ онъ выражается, съ наиболѣе „скромныхъ“ расъ.

Разрѣшая контроверзу о первоначальности лирики, эпоса или драмы, Летурно приходитъ къ утвержденію „синтетической“ поэзіи, въ которой слиты не только элементы словеснаго творчества, но и орхестики и музыки, съ преобладаніемъ драмы („само по себѣ драматическое искусство является первобытнымъ. Оно вышло непосредственно изъ хоральныхъ танцевъ, изъ оперы-балета“ [2]).

Но наряду съ другими безспорными пріобрѣтеніями Летурно, и, кажется, независимо отъ Веселовскаго — мы должны отмѣтить немаловажный дефектъ въ его построеніяхъ. Прежде всего—своеобразіе этнографической классификаціи племенъ и народовъ. А далѣе—что не менѣе важно—игнорированіе могучаго элемента въ исторіи творчества всѣхъ родовъ: подражанія. Летурно совершенно оставляетъ въ сторонѣ роль литературной традиціи, которая отнюдь не менѣе значительна въ жизни литературы, чѣмъ вліяніе „жрецовъ и царей“.

[1]) Стр. 362—363. [2]) Стр. 143.

Во всякомъ случаѣ матеріалъ, собранный Летурно, наводитъ на размышленія и зоветъ къ детальному разсмотрѣнію поставленныхъ имъ тезисовъ, близкихъ къ тезисамъ ак. Веселовскаго.

§ 27. А. Н. Веселовскій—разрабатывалъ всю жизнь вопросы исторіи литературы, въ цѣляхъ созданія величественнаго зданія „Исторической Поэтики", которое осталось недостроеннымъ. То, что высказывалъ Карѣевъ, съ оговоркою, какъ плодъ домысловъ дилетанта,—то формулировано имъ на основаніи колоссальной эрудиціи во всѣхъ областяхъ исторіи европейской и русской литературы. Свои взгляды на задачи и цѣли своего то сравнительнаго, то эволюціоннаго метода, базирующагося на матеріалѣ, подготовленномъ методомъ филологическимъ, онъ высказывалъ при разныхъ случаяхъ, не сведя въ одно цѣлое итоги многолѣтнихъ работъ[1]). Научныя исканія Веселовскаго представляютъ для насъ большой интересъ и поучительность.

Вначалѣ Веселовскій (первая фаза) выступилъ на научное поприще—вѣрнымъ послѣдователемъ Гердера и Геттнера въ опредѣленіи литературы и ея задачъ (а отсюда и метода изслѣдованія). Въ 1870 году онъ во вступительной лекціи писалъ: „Исторія литературы въ широкомъ смыслѣ слова—это исторія общественной мысли, насколько она выражалась въ движеніи философскомъ, религіозномъ и поэтическомъ и закрѣплена словомъ". Исторія литературы есть по преимуществу исторія поэзіи и имѣетъ задачу „прослѣдить, какимъ образомъ новое содержаніе жизни, этотъ элементъ свободы, приливающій съ каждымъ новымъ поколѣніемъ, проникаетъ старые образы, эти формы необходимости, въ которыя неизбѣжно отливалось всякое предыдущее

[1]) Вопросовъ историко-литературнаго метода Веселовскій касается, главнымъ образомъ: въ вступительной лекціи 1870 г., Жур. М. Нар. Просв.; въ предисловіи къ книгѣ „Изъ исторіи романа и повѣсти", въ статьяхъ: „Изъ введенія въ историческую поэтику". Жур. Мин. Нар. Просв. 1894 г., кн. 5; „Изъ исторіи эпитета", тамъ же, 1895 г., кн. 11; Эпическія повторенія, какъ хронологическій моментъ", тамъ же, 1897 г. кн. 4; „Психологическій параллелизмъ и его формы въ отраженіяхъ поэтическаго стиля", тамъ же, 1898 г., кн. 3; „Три главы изъ исторической поэтики, тамъ же, 1898 г., кн. 4 и 5, и отдѣльно. Эти статьи и неопубликованная при жизни Веселовскаго „поэтика сюжетовъ" см. въ „Собраніи сочиненій" А. Н. Веселовскаго, т. I и т. II, вып. I, 1913 г.

развитіе“ [1]). Такимъ образомъ, по мнѣнію Веселовскаго, все содержаніе литературы выливается въ устойчивыя традиціонныя формы, и развитіе ея есть лишь усложненіе этихъ формъ новымъ пониманіемъ жизни. Перечитывая Тениссона и старыхъ авторовъ средневѣковья, мы встрѣчаемся съ знакомымъ содержаніемъ, лицами и приключеніями. „Вы заключаете, что здѣсь произошло заимствованіе новымъ авторомъ у старыхъ, и найдете поэтическій прогрессъ въ томъ, что въ прежніе образы внесено болѣе человѣческихъ мотивовъ, болѣе понятной намъ психологіи, болѣе современной рефлексіи“. Вслѣдъ за Лотце Веселовскій называетъ „геніальнымъ поэтическимъ инстинктомъ склонность великихъ поэтовъ обрабатывать сюжеты, уже подвергшіеся однажды поэтической обработкѣ“ [2]). Таковъ, какъ извѣстно, пріемъ Шекспира: его драмы построены большею частью на итальянскихъ новеллахъ, а историческія на хроникахъ Голиншеда [3]). То же было съ легендой о Фаустѣ, о Прометеѣ, о Донъ-Жуанѣ и др.

Далѣе Веселовскій ставитъ вопросы, подразумѣвающіе готовые отвѣты: „не ограничено ли поэтическое творчество опредѣленными формулами, устойчивыми мотивами, которые одно поколѣніе приняло отъ предыдущаго, а это отъ третьяго, которыхъ первообразы мы неизбѣжно встрѣтимъ въ первобытной старинѣ, и далѣе на степени миѳа, въ конкретныхъ опредѣленіяхъ первобытнаго слова. Каждая новая эпоха не работаетъ ли надъ изстари завѣщанными образами, обязательно вращаясь въ ихъ границахъ, позволяя себѣ лишь новыя комбинаціи старыхъ и только наполняя ихъ тѣмъ новымъ пониманіемъ жизни, которое собственно и составляетъ ея прогрессъ передъ прошлымъ“ [4]). Такимъ образомъ, оказывалось, что измѣнялось въ литературѣ содержаніе, формы же оставались незыблемо традиціонными. Очевидно, тогда Веселовскій еще подъ формами разумѣлъ лишь сюжеты въ ихъ схематическомъ видѣ, а не поэтическій языкъ, являющійся неизбѣжной формой поэтическаго творчества, не поэтическій стиль, даже и не композицію.

Это и другія обстоятельства обратили на себя вниманіе

---

[1]) Журн. Мин. Н. Пр., 1870 г., ч. 132, стр. 14.

[2]) Стр. 11. [3]) Стр. 13. [4]) Стр. 13.

проф. Карѣева, который въ вышеизложенной книгѣ „Литературная эволюція на Западѣ“, 1886 г. (первоначально „Филологическія Записки“, 1885 г.) внесъ существенныя поправки въ представленіе Веселовскаго о литературной эволюціи, которую онъ, видно, понималъ, какъ эволюцію идей, а не какъ эволюцію формъ. Карѣевъ ставитъ на цитированные выше „вопросы“ Веселовскаго—рядъ контръ-вопросовъ: неужели способность, создавшая встарину первообразы, формулы и мотивы, изсякла? Неужели творчество обязательно вращается только въ изстари завѣщанныхъ фактахъ? Неужели движеніе жизни отражается въ литературѣ только тѣмъ, что наполняетъ старые образы—новымъ пониманіемъ жизни, а не создаетъ матеріала для творчества новыхъ образовъ? Карѣевъ беретъ примѣръ Веселовскаго—Лео, героя романа Шпильгагена, въ которомъ Веселовскій видитъ тотъ же образъ, что и въ Прометеѣ Эсхила, въ Pramathas'ѣ индійскаго эпоса—и заключаетъ, что „примѣръ Лео и Прометея скорѣе указываетъ на старую идею въ новой формѣ, чѣмъ обратно“ [1]).

Выше мы изложили и привели полностью основные тезисы Карѣева; изъ нихъ одинъ наиболѣе повліялъ на Веселовскаго: съ этого времени онъ уже не настаиваетъ на незыблемости формъ и вноситъ новый принципъ литературной эволюціи—роль вліянія на традицію личнаго почина, личнаго творчества поэта. Въ трудѣ „Изъ исторіи романа и повѣсти“ [2]) читаемъ: „Въ исторіи поэтическихъ родовъ есть своего рода послѣдовательность, не вездѣ одинаково выдержанная, затемненная иногда посторонними вліяніями, ускорившими или извратившими правильный ходъ развитія, но настолько прозрачная, что она производитъ впечатлѣніе законности. Какъ послѣдовательныя измѣненія быта и ростъ общественнаго и личнаго сознанія выражались въ новыхъ формахъ политическаго устройства, въ выдѣленіи научнаго міросозерцанія изъ миѳическаго, философіи изъ религіи, исторіи изъ эпоса—такъ выражались они и въ поэзіи, въ чередованіи ея формъ, обусловленномъ измѣненіями ея идеальнаго содержанія. Вездѣ, гдѣ мы въ состояніи наблюдать продолжительную литературную исторію, на первомъ мѣстѣ

[1]) Карѣевъ, назв. соч., стр. 45—63. [2]) Т. 1., 1886 г., стр. 1.

являются тѣ произведенія народной поэзіи, не знающей творца, которыя мы обвыкли объединять именемъ эпоса, и надо перенестись къ другому концу развитія, чтобы встрѣтить тотъ особый рядъ повѣстей и разсказовъ, лишенныхъ традиціоннаго значенія и принадлежащихъ личнымъ авторамъ, которые называются новеллами, романами и т. д.“

Здѣсь Веселовскій уже принимаетъ во вниманіе „постороннія вліянія“; придавая значеніе „идеальному содержанію“, онъ различаетъ роль традиціоннаго и личнаго; онъ понялъ вмѣстѣ въ тѣмъ скоро, что не одно идейное содержаніе и ростъ его, упадокъ и видоизмѣненіе создаютъ историческую картину жизни литературы, а эволюціонный процессъ касается и формальной стороны поэтическаго творчества. Въ 1894 г. онъ пишетъ [1]), что одно изъ наиболѣе симпатичныхъ ему воззрѣній на исторію литературы „можетъ быть сведено къ такому приблизительно опредѣленію: исторія общественной мысли въ образно-поэтическомъ переживаніи и выражающихъ его формахъ“. Если такъ, то и задача исторіи литературы сводится къ выясненію процесса возникновенія, забвенія и вновь воскресенія литературныхъ формъ и сюжетовъ подъ вліяніемъ извѣстнаго состоянія общественной мысли.

Такъ поиски лучшаго, мечты о возможности достиженія идеала и крушеніе ихъ—воскресили въ литературѣ XVI в. забытый было мотивъ притчи о блудномъ сынѣ. Чѣмъ объясняются этотъ спросъ и забвеніе? „Вымираютъ или забываются до очереди тѣ формулы, образы, сюжеты, которые въ данное время ничего намъ не подсказываютъ, не отвѣчаютъ за наши требованія образной идеализаціи [2]). „Въ періоды народныхъ бѣдствій или возбужденій, демократическихъ или мистическихъ, видѣли одни и тѣ же страхи, и надежды одѣвались въ тѣ же или сходные образы: ждали послѣдняго часа, или послѣдней битвы, когда явится избавитель, кто бы онъ ни былъ, византійскій ли императоръ или Дантовскій Вельтре, Фридрихъ Барбаросса или Наполеонъ III“ [3]). Это очередное обновленіе сюжетовъ, повидимому, не всегда является отвѣтомъ на органическія тре-

[1]) „Изъ введенія въ историческую поэтику“, стр. 21.

[2]) Стр. 4. [3]) Стр. 36—37.

бованія общественно-поэтическаго развитія. Талантливый поэтъ можетъ напасть на тотъ или другой мотивъ случайно, увлечь къ подражанію, создать школу, которая будетъ итти въ его колеѣ, не отвѣчая тѣмъ требованіямъ, иногда имъ наперекоръ. Такъ пережилъ свое время феодальный эпосъ, петраркизмъ; такъ были отсталые классики и романтики. Но если взглянуть на эти явленія издали, въ исторической переспективѣ,—всѣ мелкіе штрихи, мода и школа и личныя теченія стушуются въ широкомъ чередованіи общественно-поэтическихъ спросовъ и предложеній". Для Веселовскаго исторія литературы—какъ и раньше, является „исторіей обшественной мысли", но вмѣстѣ съ тѣмъ она есть исторія поэзіи, точнѣе того „поэтическаго", что мы улавливаемъ въ памятникахъ словеснаго творчества, или—„эволюція поэтическаго сознанія и его формъ". Съ этого времени вопросы поэтики занимаютъ главнымъ образомъ вниманіе Веселовскаго.

Въ послѣдней, наиболѣе важной для насъ работѣ Веселовскаго, въ „Трехъ главахъ"..., ясно видно, что въ литературѣ, изучая первичныя формы поэтическаго творчества, онъ стремился постигнуть возникновеніе поэзіи и эволюцію поэтическаго творчества и самый смыслъ поэзіи. О задачахъ своей „исторической поэтики" Веселовскій говоритъ такъ: „она научитъ, что въ унаслѣдованныхъ нами формахъ поэзіи есть нѣчто закономѣрное, выработанное общественно-психологическимъ процессомъ, что поэзію слова не опредѣлить отвлеченнымъ понятіемъ красоты, и она вѣчно творится въ очередномъ сочетаніи этихъ формъ съ закономѣрно измѣняющимися общественными идеалами; что всѣ мы участвуемъ въ этомъ процессѣ, и есть между нами люди, умѣющіе задержать его моменты въ образахъ, которые мы называемъ поэтическими" [2]). Выше мы цитировали отрывокъ изъ „Введенія въ историч. поэтику", гдѣ Веселовскій дѣлаетъ нѣкоторую уступку случайности въ проявленіи личнаго творчества поэта; въ „Трехъ главахъ"—Веселовскій видитъ уже въ поэтѣ „исполнительный органъ", творящій новыя формы, сюжеты, подъ давленіемъ безко-

[1]) Тамъ же, стр. 38.

[2]) Три главы, Ж. М. Н. Пр., апр., стр. 289.

нечно малыхъ величинъ: „поэтъ родится, но матеріалы и настроенія приготовила группа. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что петраркизмъ древнѣе Петрарки“ [1]).

Наблюдая литературныя явленія, изслѣдуя процессы ихъ возникновенія и роста, распространенія и отраженія,— Веселовскій приходитъ къ сознанію тожества поэзіи съ искусствомъ, главнымъ свойствомъ ея—считаетъ способность заражать читателя настроеніемъ, идеей художника-поэта. При этомъ пониманіи поэзіи, какъ искусства, исторія литературы естественно сводится не къ эволюціи общественной мысли, идей, а къ „эволюціи поэтическаго сознанія и его формъ“. Такъ Веселовскій пришолъ, постепенно разставаясь съ предвзятыми идеями юности,—къ идеѣ, что въ литературѣ, въ поэзіи, какъ и вообще въ искусствѣ важно не *что*, а *какъ*, и что исторія литературы имѣетъ своимъ предметомъ изученіе не этого *что* (мысли, содержанія), а *какъ* (формъ). Съ этого времени, съ 1890-хъ годовъ, Веселовскій выдвигаетъ новую задачу исторіи литературы— изученіе эволюціи стиля, какъ поэтическаго пріема, свидѣтельствующаго объ эволюціи поэтическаго сознанія.

Такъ мы пришли къ необходимости выяснить, что такое форма въ искусствѣ и въ поэзіи, понимаемой Веселовскимъ, какъ искусство.

„Искусство есть чистая форма“, говоритъ Фолькельтъ [2]): „Разсматривая предметъ съ художественной точки зрѣнія, мы созерцаемъ его, какъ чистую форму... „Форма“ здѣсь противополагается „веществу“. Въ художественномъ созерцаніи мы не обращаемъ вниманія на вещественную сторону предметовъ“... То же мы имѣемъ предъ собою въ области словеснаго творчества. Естественно, что „вся исторія поэзіи, какъ и искусства вообще, должна сводиться, въ сущности, къ исторіи формъ, ибо только формальная обработка даннаго матеріала, сообщеніе ему извѣстныхъ художественныхъ формъ, можетъ превратить этотъ матеріалъ, самъ по себѣ безразличный, въ произведеніе искусства или поэзіи“ [3]).

---

[1]) Тамъ-же, стр. 238.

[2]) Современные вопросы эстетики, стр. 68.

[3]) Евлаховъ, Введеніе въ философію художественнаго творчества, I, стр. 357.

Напрасно думаютъ нѣкоторые, что теорія рождаетъ въ искусствѣ—самое искусство, что идейное содержаніе диктуетъ поэту форму; одно и то же содержаніе можетъ быть перелито въ самыя разнообразныя формы: „Никогда искусство не шло отъ теоріи къ практикѣ и отъ содержанія къ формѣ. Напротивъ, теорія всегда возникала, выводилась изъ созданнаго, а содержаніе выростало изъ заботы о формѣ. Такъ учитъ вся исторія литературы“—признается одинъ изъ крупнѣйшихъ поэтовъ нашего времени [1]).

Содержаніе (идея) произведенія можетъ быть „добродѣтельнымъ“,—„недобродѣтельнымъ“, „своимъ“, или „заимствованнымъ“, „прогрессивнымъ “или„ реакціоннымъ“ и т. д., —историкъ литературы интересуется не этими сторонами поэтическаго произведенія, а тѣмъ, *какъ* это содержаніе претворено поэтомъ и отлито въ наблюдаемую форму.

„Содержаніе, сюжетъ въ искусствѣ не имѣетъ значенія самъ по себѣ, но пріобрѣтаетъ его благодаря труду художника“, говоритъ Кардуччи [2]).

Кроче справедливо утверждаетъ, что у поэта, которому недостаетъ формы,—нѣтъ ничего, потому что ему недостаетъ самого себя [3]), ибо содержаніе можетъ быть общимъ достояніемъ, въ формѣ же обнаруживается индивидуальное творчество художника. Примѣромъ служатъ старинные мастера, трактовавшіе свои однообразные сюжеты, но каждый по своему.

Въ наше время только случайнымъ lapsus'омъ можно объяснить такое выраженіе ак. Истрина: „для историка литературы важны не формы того или другого произведенія, а указаніе на внутреннія и внѣшнія причины его появленія“ [4]).

Пересматривая произведенія искусства вообще и литературы въ частности, нельзя не обратить вниманія на ограниченный кругъ сюжетовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ на громадное количество формъ, въ которыхъ разработаны эти сюжеты. Каждый художникъ и поэтъ при трактовкѣ уже много

---

[1]) В. Брюсовъ, Новыя теченія въ русск. поэзіи, Р. М., 1913, мартъ, стр. 132.

[2]) Евлаховъ, Введ. въ филос. худож. творч., I, стр. 361.

[3]) Croce, Estetica come scienza, 1909 г., Евлаховъ, Введеніе... I, стр. 368.

[4]) Изсл. въ обл. др. р. лит., стр. 221.

разъ использованнаго сюжета, идеи—находитъ и вопло щаетъ въ своемъ произведеніи свое индивидуальное толкованіе, отливая въ форму, соотвѣтствующую его воспріятію сюжета. Это было давно замѣчено не только Веселовскимъ, но и Брандесомъ, который, приведя рядъ примѣровъ этого, заключаетъ: „и въ то время какъ развитіе двигалось впередъ, сюжеты оставались тѣ же“ [1]).

Примѣромъ можетъ служить драма, въ которой ограниченность числа основныхъ положеній, создающихъ драматическую коллизію замѣчена была еще Гоцци, Шиллеромъ и провѣрена Ж. Польти. Послѣдній сосчиталъ извѣстныя во всемірной драматической литературѣ положенія—и ихъ оказалось всего 36 (просьба, спасеніе, месть за преступленіе, кровная месть, положеніе преслѣдуемаго, погибель, добыча, возмущеніе, отважное предпріятіе, похищеніе, загадка, соблазнъ, ненависть между кровными родственниками, соперничество между ними, прелюбодѣйственное убійство, безуміе, трагическая непредусмотрительность, безсознательное преступленіе любви, убійство родственниковъ или друзей по невѣдѣнію, самопожертвованіе ради идеала, самопожертвованіе ради ближнихъ, жертва страсти, жертва ближними ради долга, соперничество неравныхъ соперниковъ, нарушеніе супружеской вѣрности, преступная любовь, обнаруженіе позора любимаго существа, помѣха въ любви, любовь къ врагу, честолюбіе, борьба съ Богомъ, ошибочная ревность, ошибочное сужденіе, раскаяніе, обрѣтеніе, утрата близкихъ людей) [2]).

Нельзя, конечно, настаивать на томъ, что сюжеты уже заключились въ опредѣленный кругъ, и число ихъ остается безусловно однимъ и тѣмъ же: кое-что—отмираетъ, забывается; кое-что вновь появляется въ зависимости отъ усложненія и видоизмѣненія жизни, преломляющейся въ творческомъ сознаніи поэта. Но уже тотъ фактъ, что поэты всѣхъ временъ и народовъ возвращаются постоянно къ старымъ сюжетамъ, является для насъ показателемъ, что „искусство и поэзія въ частности—есть форма; исторія искусства и поэзіи въ частности есть не что иное, какъ исто-

---

[1]) „Литература эмигрантовъ“, III, стр. 132.

[2]) Georges Polti, Les 36 situations dramatiques, Paris, 1894.

рія формъ". „Только форма отличаетъ художественное отъ нехудожественнаго и, слѣдовательно, только она одна можетъ быть критеріемъ при отнесеніи поэтическаго произведенія къ области поэзіи и художественнаго творчества вообще. Безъ этого критерія всякое различіе между исторіей поэзіи и исторіей культуры теряется, и исторія литературы теряетъ свое право на самостоятельнсе значеніе отдѣльной дисциплины" [1]).

Но что такое эта форма? Значитъ ли, что мы всякое произведеніе въ стихахъ или съ соблюденіемъ „красотъ" рѣчи (риторика!) причислимъ къ поэзіи? Отнюдь нѣтъ. Подъ формой мы разумѣемъ ту сторону литературнаго произведенія, которая нами воспринимается непосредственно, интуитивно, не требуетъ логической оцѣнки. Каждое слово есть форма понятія, каждое сочетаніе словъ—даетъ намъ рядъ впечатлѣній. И такое сочетаніе, которое заражаетъ насъ настроеніемъ поэта, вызываетъ въ насъ рядъ переживаній, характеризуемыхъ, какъ эстетическія эмоціи, — мы назовемъ элементарнымъ видомъ формы. Такимъ образомъ,— подъ формой въ исторіи поэзіи мы разумѣемъ не только „обработку извѣстнаго содержанія", „способъ трактовки сюжета" или „всю композицію произведенія въ цѣломъ" или то, что называютъ „литературнымъ жанромъ" (эпосъ, лирика, драма съ ихъ разновидностями), а неизбѣжныя формы поэтическаго творчества, безъ которыхъ оно не мыслимо: слово, поэтическій стиль, выражающій поэтическое сознаніе, поэтическое мышленіе отдѣльнаго поэта и иногда цѣлой эпохи и господствующаго класса или разряда лицъ.

Резюмируемъ то, что можно извлечь наиболѣе существеннаго изъ разсмотрѣнія взглядовъ трехъ крупнѣйшихъ представителей эволюціонной точки зрѣнія на литературу. Какъ мы можемъ наблюдать въ области изученія исторіи литературы, методъ прогрессируетъ въ связи съ общимъ развитіемъ историческаго міросозерцанія: пока господствовали эстетическія и этическія тенденціи—до тѣхъ поръ исторія литературы вращалась между біографіей и библіографіей съ одной стороны и эстетической критикой съ другой. Только съ появленіемъ генетической точки зрѣнія и позже—

[1]) Евлаховъ, I, стр. 372.

съ примѣненіемъ идеи эволюціи къ литературному матеріалу расширялся кругъ изучаемыхъ матеріаловъ, уже не вмѣщающихся въ традиціонныя эстетическія рамки,—и выработаны были новыя точки зрѣнія на задачи и пріемы изслѣдованія. Литературная эволюція движется, развивая однѣ стороны традиціоннаго достоянія, теряя другія подъ вліяніемъ факторовъ разнообразнаго происхожденія. Личный съ сильною индивидуальностью поэтъ—создаетъ новыя художественныя цѣнности, перерабатывая традиціонный матеріалъ и внося новое, лично имъ созданное.

Каждая эпоха имѣетъ особую любовь къ тому или иному литературному жанру, благопріятствуетъ одному—и не благопріятствуетъ другому: мы уже не знаемъ чистыхъ трагедій, героическаго эпоса, не знаемъ дидактической поэзіи и т. п. Но зато въ наше время упадка стихотворныхъ эпопей и поэмъ—пышно расцвѣлъ романъ, уступая, затѣмъ, постепенно мѣсто краткой новеллѣ.

Какъ справедливо выразился Гюйо, поэтическій стиль „вводитъ въ идеи организацію, равновѣсіе и пропорціональность живыхъ существъ“—т. е., онъ объединяетъ и связываетъ во взаимной зависимости всѣ произведенія данной литературной эпохи. Онъ превращаетъ всю литературу опредѣленнаго періода какъ бы въ одинъ организмъ, даетъ ему одну физіономію съ общимъ вараженіемъ преобладающаго національнаго или общественнаго типа (примѣръ—стиль петраркистовъ, стиль французскихъ классиковъ, стиль оссіановскій и т. п.).

Каково значеніе исторіи стиля для характеристики литературныхъ эпохъ и дѣятелей? Еще Ницше замѣтилъ, что „для истиннаго поэта метафора бываетъ не одной только реторической фигурой, но представляетъ собою такую картину, которая дѣйствительно носится у него передъ глазами вмѣсто какого нибудь отвлеченнаго понятія“ [1]). То же можно сказать и о другихъ особенностяхъ стиля. Онѣ сознаются творцомъ и немногими современниками, какъ нѣчто живое, а позже обычно становятся ходячей манерой словеснаго творчества, готовымъ шаблономъ.

„Въ развитіи литературнаго стиля мы замѣчаемъ зна-

[1]) Происхожденіе трагедіи, гл. 8; р. пер., 1900 г., стр. 95

чительное количество постоянныхъ формулъ, шаблоновъ. Они наблюдаются сначала у крупныхъ поэтовъ, но затѣмъ покоряютъ своей власти поэтовъ меньшаго калибра (съ слабо выраженной индивидуальностью). Они не ограничиваются родиной своего изобрѣтателя и узкими предѣлами національной литературы: въ международномъ литературномъ общеніи образы, отлившіеся въ опредѣленныя формулы, ставшіе шаблонными, повторяются почти механически, какъ наиболѣе привычная форма, въ которую отливается мысль, чувство, настроеніе поэта съ не сильной творческой индивидуальностью. Литературное воспріятіе поэта, всегда „консервативное“, создаетъ прочное основаніе для сохраненія старыхъ формъ, стиля; вмѣстѣ съ ними живутъ вѣками и готовыя формулы послѣдняго, пока крупный талантъ не внесетъ въ литературный оборотъ новыя изобразительныя средства, новые пріемы и не обогатитъ, освѣжитъ наслѣдіе прошедшихъ вѣковъ“.[1]). Гюйо вслѣдъ за Тардомъ говоритъ справедливо, что въ мірѣ искусства, какъ и во всемъ соціальномъ мірѣ, можно видѣть два класса людей: новаторовъ и повторителей, „т. е. геніевъ и публику“ [2]).

Мы должны распространить этотъ тезисъ. Не только публика „повторяетъ“ и подражаетъ готовому, но и самъ поэтъ зависитъ отъ среды, ему предшествовавшей; но и самъ онъ создаетъ въ совокупности съ другими факторами—будущую среду; онъ подражаетъ и вводитъ новое. Подобно тому, какъ въ данной средѣ господствующія идеи послѣ извѣстнаго періода своего господства уступаютъ мѣсто другимъ идеямъ, — и литературные направленія, вкусы, образы чередуются, смѣняясь съ теченіемъ времени: галантная лирика опустилась въ простонародье къ концу XVI вѣка.

И не только поэтическіе образы мѣняются въ различныя эпохи: мѣняется вообще языкъ, и не только въ отношеніи звуковомъ, формальномъ и синтаксическомъ, но и въ лексическомъ и семасіологическомъ. Разныя эпохи ассоціируютъ съ даннымъ звуковымъ комплексомъ разныя пред-

---

[1]) В. Н. Перетцъ, Очерки по исторіи поэтическаго стиля, 1907 г., стр. 3.

[2]) Искусство... стр. 76.

ставленія; возьмемъ, напримѣръ, слова: не-истовъ, из-умленіе, пре-лесть и другія, первоначальное значеніе которыхъ еще недавно, лѣтъ 200 тому назадъ было совершенно иное, чѣмъ нынѣ.

Эволюціонируетъ языкъ, стиль, вообще эволюціонируетъ преимущественно форма. Поэтическіе замыслы могутъ оставаться въ своей основѣ тѣми же самыми на протяженіи вѣковъ, но каждая литературная эпоха выражаетъ ихъ по своему, своимъ языкомъ. Позволю себѣ привести такой примѣръ изъ области древнерусской литературы: идея—„восхвалить героя, путемъ сравненія съ подобными ему предшественниками“ въ XI в. звучитъ такъ:

„.... хвалитъ же хвалными гласы римьскаа страна Петра и Павла, има же вѣроваше къ Гу Хѣ Сну Бжіа. Ісіа и Ефесѣ, Патѣмѣ, Іѡа Богослова, Индіа Ѳѡмѫ, Єгипетъ Марка всѣ страны, гради и людіе чьтѫт и славять коегождо ихъ оучителя, иже наоучиша православнѣи вѣрѣ. Похвалимъ же и мы по силѣ нашеи.... князя нашеи земля Владимера“ [1]).

Немного позже видимъ:

„хвалитъ бо Римьскаа земля Петра и Павла, Ісіа богослова Іоанна, Єгупетъ Марка, Антіохиа Лѫкѫ, Грѣчьскаа Андрѣа, всѣ же земля Рѫсскаа тебе Володимере“ [2]).

Въ XIV в.—XV в. та же идея выражена нѣсколько иначе:

„...хвалитъ бо римьскаа страна Петра и Павла, гречьскаа страна цра Костантина, роуськаа страна и земьля князя Володимера, ростовьскаа землѵ блажитъ тебе великыи стѣи Леонтее“ [3]).

Въ составленномъ въ XVI в. Житіи Прокопія Устюжскаго читаемъ: „Кіевъ блажитъ Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ чудотворцевъ; Московское царство блажитъ Петра, Алексѣя и Іону и Максима; Псковъ же и Великій Новгородъ блажатъ Варлаама и Михаила Юродиваго Христа ради; Смоленскъ блажитъ князя Ѳеодора; Ростовъ блажитъ Леонтія, Игнатія, Исаію, Вассіана и Ефрема; Вологда бла-

---

[1]) Слово о законѣ и благодати митр. Иларіона, см. Отч. объ экск. въ Житомиръ, стр. 81, и Пам. учит. лит. Пономарева, в. I.

[2]) Ср. Прологъ Рум. Муз. № 435 и М. Типогр. библ. № 1146—11; Похвала Владимиру Св. за сказаніемъ о его кончинѣ. И. Н. Ждановъ. Сочиненія I, стр. 59.

[3]) Житіе св. Леонтія, еп. Ростовскаго (по рукоп. Имп. Общ. Любит. Древн. письм. Q. DCCLXXVIII (9162) Сборн. XVII в. л. 609 и об.

житъ преподобнаго Димитрія. Каждая область своихъ блажитъ. И мы Устюжане блажимъ Прокопія Устюжскаго...“ [1]).

До сихъ поръ мы чувствуемъ постепенное, весьма медленное измѣненіе шаблона согласно потребностямъ времени и вкусамъ слагателей житій. Но во что обратился этотъ шаблонъ въ эпоху появленія въ Южной Руси стиля барокко?—Вотъ примѣръ:

Въ „Вѣршахъ на жалостный погребъ зацного рыцера“ гетмана Петра Конашевича Сагайдачного (1622 г.) сочиненныхъ Касс. Саковичемъ, въ рѣчи 17-го спудея читаемъ:

„Несмертельнои Славы достойный Гетмане,
Твоя Слава въ молчаню нѣкгды не зостане.
Поки Днѣпръ зъ Днѣстромъ многорыбные плынути
Будутъ: поты дѣлности тежъ твои слынути.
Не зайдешъ въ глубокое нѣкгды запомнѣня,
Анѣ тя лѣта пустятъ въ долгое молчѣня.
Бо если выхваляетъ Кгреція Нестора,
Ахіллеса, Аякса, а Троя Гектора,
Атенчикове славятъ кроля Периклеса,
И славного оного зъ нимъ Темистоклеса.
Римъ зась зъ смѣлости свого хвалитъ Курциуша
И зъ щасливыхъ потычокъ славитъ Помпеюша,
Теды тежъ и Россіа Петра Сайдачного
Подасть людемъ въ памятку вѣку потомного“... [2]).

Такъ отразилась эволюція литературныхъ вкусовъ въ трактовкѣ одной идеи, заимствованной изъ Греціи и ставшей въ славянорусской литературѣ однимъ изъ излюбленныхъ шаблоновъ.

Какъ на образецъ эволюціи цѣлаго жанра въ древнерусской литературѣ—мы можемъ указать на житія; въ русской литературѣ въ XIV в. господствуютъ житія краткія, съ преобладаніемъ фактическаго содержанія; въ XV—XVI вв. они перерабатываются въ духѣ новомъ, съ обиліемъ „добрословія“; въ XVII в. житія снова какъ будто упрощаются. Исторія Печерскаго Патерика — изображена въ изслѣдованіи Абрамовича. Судьба древнерусской исторической литературы также дастъ любопытную картину:

---

[1]) См. Яковлевъ, Древне-кіевскія религіозныя сказанія, стр. 25.

[2]) Стр. 29—30, Голубевъ, Ист. Кіев. Акад. I, прилож., стр. 35.

на нашихъ глазахъ формируется Хронографъ и живетъ въ рядѣ послѣдовательныхъ редакцій, отвѣчающихъ потребностямъ времени. На почвѣ, подготовленной лѣтописью,—возникаетъ Степенная Книга и т. д.

Эволюціонируютъ вкусы не только отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлыхъ группъ: то, что теряетъ значеніе для одной—живо для другой: умираетъ интересъ къ воинской повѣсти—расцвѣтаетъ житійная литература; одновременно, сообразно съ этимъ парелельно сосуществуютъ даже нѣсколько литературныхъ направленій, сохраняя свой стиль, свои аттрибуты творчества; не говоря о русской (напр., у насъ—романы приложеній „Родины“, „Свѣта“—и литература стиля „модернъ“)—въ міровой литературѣ наблюдаемъ совершенно то же [1]).

Итакъ, чѣмъ движется литературная эволюція?—Ростомъ вкусовъ и художественныхъ интересовъ авторовъ и читателей.

Литература народа въ цѣломъ, какъ коллективное явленіе, измѣняется въ зависимости отъ измѣненій, совершающихся въ творящемъ ее коллективѣ, въ составляющихъ его индивидуумахъ. Одно литературное направленіе или школа смѣняется другой (какъ, напр., классицизмъ и романтизмъ) не какъ результатъ какой-то „реакціи“ или изъ противорѣчія, а потому, что первое, старшее перестаетъ быть выраженіемъ художественныхъ идеаловъ и вкусовъ современности, не отражаетъ болѣе думъ и настроеній своего времени. Оно вывѣтривается, вульгаризуется, упрощается, и верхи читателей отвертываются отъ него, ища новыхъ боговъ, болѣе чуткихъ выразителей современныхъ душевныхъ переживаній. Ихъ среда создаетъ интересы дня, часто кажущіеся наличному поколѣнію важными, имѣющими вѣчное значеніе. Люди создаютъ извѣстныя художественныя потребности, и такимъ образомъ, какъ и въ общей исторіи, необходимо обратиться къ самимъ людямъ, послѣдовательно развивающимся. „Причиной всякой эволюціи служитъ перемѣна въ матеріальныхъ условіяхъ существованія или привычкахъ нѣкоторыхъ людей“ [2]). Психическіе навыки, регулирующіе

[1]) Ср. Дашкевичъ, Отчетъ о 29 присужд. Уваров. награды, стр. 284—285.

[1]) Ланглуа и Сеньобосъ, стр. 233.

наше отношеніе къ явленіямъ художественнаго творчества, эволюціонируютъ въ зависимости отъ измѣненія ихъ носителей. Люди мѣняютъ свои идеи и поступки, добровольно или подчиняясь воздѣйствію „духа времени“. Люди старыхъ навыковъ и вкусовъ постепенно сходятъ со сцены и замѣняются новыми, съ новыми навыками, иначе воспитанными. Это наиболѣе дѣятельная причина литературной эволюціи и у поэтовъ, и у читателей. До сихъ поръ живутъ среди насъ обломки предыдущихъ поколѣній, которымъ, какъ ни странно, даже Гоголь и Тургеневъ кажутся „неприличными писателями“, не говоря уже о Чеховѣ, а подавно уже—о модернистахъ.

Ростъ литературы, ея эволюцію—мы можемъ формулировать, какъ видоизмѣненіе „психическихъ навыковъ“ (въ творчествѣ и воспріятіи и оцѣнкѣ его) одного поколѣнія, вызывающее частью протестъ, частью усвоеніе. Изъ этихъ навыковъ слагаются опредѣленныя наклонности къ употребленію уже извѣстныхъ формулъ—символовъ и композицій. „Новое“ вноситъ поэтъ, вышедшій изъ подъ власти навыковъ воспитавшаго его поколѣнія—въ область свободнаго творчества. Вотъ почему мы вполнѣ согласны съ А. Веселовскимъ, когда онъ говоритъ: „Въ исторіи поэтическихъ родовъ есть своя послѣдовательность, не вездѣ одинаково выдержанная, затемненная иногда посторонними вліяніями, ускорившими или извратившими правильный ходъ развитія, но настолько прозрачная, что она производитъ впечатлѣніе законченности“ [1]).

Изъ всего выше сказаннаго ясно, что эволюціонный методъ изученія литературныхъ памятниковъ ставитъ своей задачей изученіе и установленіе не только генетической связи между литературными явленіями, но требуетъ также обнаруженія самаго процесса развитія (эволюціи) явленій. Этотъ процессъ обнаруживается изъ изслѣдованія содержанія произведеній (идей) въ связи съ общимъ ходомъ исторической эволюціи, а главнѣйше—изъ изслѣдованія эволюціи литературныхъ формъ,—стиля, жанровъ, любимыхъ композицій, самая популярность которыхъ въ ту или иную эпоху обнаруживаетъ соотношеніе съ параллельнымъ хо-

[1]) Изъ истор. ром. и повѣсти, 1886, I, стр. 1.

домъ исторической эволюціи той общественной среды, въ которой создалось разсматриваемое литературное явленіе; но при этомъ историкъ литературы твердо долженъ помнить, что его дѣло—изученіе не столь того, *что* есть въ произведеніи, а того, *какъ* оно выражено. Эволюціонный методъ требуетъ, однако, какъ основанія—примѣненія ряда подготовительныхъ методовъ, среди которыхъ на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить сравнительно-историческій и филологическій, ибо безъ знанія исторіи памятника нельзя прослѣдить его эволюцію.

Итакъ, мы приходимъ къ тому, что собственно и составляетъ основу историко-литературныхъ изученій и главный, если не единственный путь, по которому смѣло можетъ итти странникъ въ темной и необозримой странѣ литературнаго творчества всѣхъ вѣковъ и народовъ.

Этотъ путь—методъ филологическій, презрительно называемый нѣкоторыми легковѣсными „спеціалистами“ копаніемъ на черномъ дворѣ науки.

§ 28. Филологическій методъ. Теперь мы должны установить свою руководящую точку зрѣнія. Будемъ помнить, что наша задача—не оцѣнка литературныхъ явленій, исходящая изъ вызываемыхъ ими ощущеній удовольствія или неудовольствія, или изъ нашихъ симпатій или антипатій, а сужденія научно-объективныя. Наша задача—изучить исторію литературы въ зависимости отъ предлагаемаго ею матеріала. Что такое этотъ матеріалъ?

Филологія—наука о творчествѣ человѣка. Но человѣкъ проявляетъ его не только въ крупныхъ, выдающихся и важныхъ для современниковъ произведеніяхъ. Наряду съ литературными памятниками, обязанными возникновеніемъ крупнымъ талантамъ,—масса читаетъ и такіе, которые написаны средними талантами и даже бездарностями. Для филолога—историка ничто не должно пропадать: даже самыя слабыя и неважныя на первый взглядъ произведенія. Съ точки зрѣнія историка литературной эволюціи—всѣ виды литературныхъ произведеній имѣютъ значеніе, какъ извѣстные этапы развитія. Такимъ образомъ, идеальнымъ для филолога пріемомъ изученія литературной эпохи является изученіе если не всѣхъ, то по возможности большинства памятниковъ, ею созданныхъ. Равнымъ образомъ, историкъ того или

иного жанра—долженъ сосредоточить свое вниманіе и на талантливыхъ, оригинальныхъ представителяхъ его—и на ремесленныхъ, подражательныхъ.

Отсюда, на вопросъ, важны ли для исторіи литературы только крупные, выдающіеся писатели или также и второстепенные—мы отвѣтимъ: безусловно важны тѣ и другіе. Значеніе первыхъ—кажется, не требуетъ доказательствъ; важность, съ исторической точки зрѣнія, второстепенныхъ писателей не всегда ясна для многихъ историковъ литературы и критиковъ. Поэтому приводимъ справедливыя слова А. Г. Горнфельда [1]): „Значеніе второстепенныхъ писателей рѣдко бываетъ цѣнимо съ соотвѣтствующихъ точекъ зрѣнія". Будучи тѣсно связаны съ моментомъ—второстепенные писатели часто даютъ отвѣты на запросы дня, привлекаютъ къ себѣ общественное вниманіе сильнѣе перворазрядныхъ: Кохановская кажется равной Гоголю, Марлинскій—выше Пушкина и т. п. Но съ перемѣной интересовъ—такого писателя постигаетъ скорѣе забвеніе. „Мало того, даже у историка литературы онъ не получаетъ должной оцѣнки, иногда даже не находитъ мѣста въ обзорѣ того періода литературы, славу котораго, какъ казалось его современникамъ, долженъ былъ составить... Каково бы ни было теперь художественное значеніе ихъ произведеній, ихъ историческія заслуги стоятъ внѣ сомнѣнія. Каждый изъ нихъ дѣлаетъ вкладъ въ образованіе литературнаго языка, каждый находитъ свои особенныя сферы наблюденія и интересовъ, каждый даетъ матеріалъ для болѣе широкихъ обобщеній, каждый подмѣчаетъ тѣ или иныя стороны вещей, до него не отмѣченныя, каждый изъ нихъ можетъ съ искреннимъ самоудовлетвореніемъ повторить извѣстныя слова большого поэта о небольшомъ стаканѣ, изъ котораго онъ пьетъ"... „Ихъ служебная роль значительна и почетна". Міру искусства не чуждъ тотъ процессъ, который мы замѣчаемъ въ поступательномъ движеніи науки, гдѣ обобщающая мысль генія, лишь опираясь на совокупность мелкихъ разъединенныхъ наблюденій, вноситъ единство и гармонію въ разобщенные результаты частныхъ изслѣдованій. И этой подготовкой новой идеи не исчерпывается трудъ второстепенныхъ

[1]) О русскихъ писателяхъ, I, 1912, стр. 49—51.

работниковъ: наоборотъ, появленіе такой новой идеи знаменуетъ собою лишь новый расцвѣтъ и новое направленіе ихъ муравьиной работы: одни комментируютъ новую мысль, находя ей новыя приложенія, другіе популяризуютъ ее, стараясь общедоступностью ея привлечь къ ней общее вниманіе и дать толчекъ работѣ мысли въ этомъ направленіи; третьи развиваютъ ее далѣе, дробя въ различныхъ категоріяхъ и находя для общаго ея выраженія болѣе нюансированныя формулы. Судьбы отдѣльныхъ поэтическихъ образовъ и сюжетовъ даютъ многочисленные примѣры аналогичнаго движенія въ исторіи литературы: и здѣсь всякое крупное твореніе есть результатъ преемственнаго развитія общихъ мотивовъ, и здѣсь—вспомнимъ хотя бы классическій примѣръ «предшественниковъ Шекспира» или отношеніе между Батюшковымъ и Пушкинымъ—всякое большое движеніе выражается не только въ безсмертныхъ его представителяхъ, но и въ цѣломъ рядѣ писателей второстепенныхъ, о которыхъ не только грѣшно, но и опасно забывать".

Такія трезвыя мысли—надо засвидѣтельствовать—стали только очень недавно достояніемъ русской критики...

Какъ выше не разъ было сказано, сравнительно съ литературнымъ критикомъ, историкъ литературы имѣетъ свои задачи. Отсюда вытекаетъ вопросъ и о матеріалѣ для его изслѣдованій. Этотъ вопросъ обсуждался уже давно,—какъ мы видѣли раньше,—и почти всѣ ученые кружились около одной мысли, какъ выбрать изъ обильнаго запаса произведеній словеснаго творчества именно то, что заслуживаетъ быть матеріаломъ для исторіи литературы. Въ этомъ стремленіи къ „выборкѣ" матеріала заключается главнѣйшая основная ошибка изслѣдователей исторіи литературы, неизбѣжно влекущая ихъ къ шаткимъ построеніямъ. Выше, въ рядѣ приведенныхъ нами опредѣленій „литературы" и „исторіи литературы", ясно обнаруживается безпомощность представителей эстетической, публицистической, психологической, соціологической точекъ зрѣнія въ этомъ вопросѣ: имъ то приходится брать все, то приходится ограничивать выборъ только группой произведеній, подходящихъ подъ

[1]) Горнфельдъ, I, 51.

принципъ, установленный, совершенно не считаясь съ сущностью искусства и поэзіи и игнорируя историческую точку зрѣнія, ограничивающую апріорные критеріи сужденій о литературныхъ явленіяхъ.

Между тѣмъ вопросъ о матеріалѣ исторіи литературы разъясняется гораздо проще, если мы 1) станемъ на эволюціонную точку зрѣнія и 2) примемъ, какъ основное положеніе, что предметомъ исторіи—является сама литература; литература же—есть поэзія; а поэзія—это то, что, будучи выражено въ словѣ, независимо отъ какихъ-либо цѣлей и намѣреній автора, внушаетъ намъ, суггестируетъ извѣстныя настроенія, заставляетъ въ силу своей формы переживать и чувствовать идеи поэта.

Дѣло, такимъ образомъ, не въ „чертѣ, отдѣляющей памятникъ, имѣющій культурное значеніе, отъ памятника литературнаго", которую тщетно разыскивалъ нѣкогда проф. Стороженко [1]), а въ томъ, что исторія литературы разсматриваетъ формальную сторону памятниковъ, ея эволюцію, оставляя изученіе содержанія историку культуры.

Обратимся въ частности къ исторіи древне-русской литературы.

Проф. Архангельскій однажды бросилъ упрекъ тѣмъ, кто вноситъ въ курсъ исторіи литературы „много произведеній, ничего общаго съ поэзіей неимѣющихъ. Таковы, напр., поученіе Владиміра Мономаха, переписка Грознаго съ Курбскимъ, Домострой" [2]). Онъ исходилъ при этомъ изъ своей точки зрѣнія на поэзію и литературу, выраженной въ другихъ его работахъ. Но онъ упустилъ изъ виду, что названныя сочиненія, одною стороною принадлежа исторіи—другою, формально,—находятся безспорно въ вѣдѣніи историка литературы.

Явленія древне-руской литературы разнообразнаго содержанія, напр., Домострой,—представляютъ главнымъ образомъ матеріалъ для исторіи и лишь отчасти—для историка литературы. Но исключать его совершенно изъ области

---

[1]) „Очерки исторіи западно-европейской литературы", Москва, 1908 г., Введ., стр. 2.

[2]) „Замѣтки по программѣ по исторіи русской литературы", 1908 г., стр. 31.

вѣдѣнія филолога—едва ли возможно. Въ самомъ дѣлѣ: приступая къ литературному явленію, мы прежде всего стремимся выяснить, въ отношеніи къ какой цѣнности его индивидуальность (спецефически присущія ему свойства) получаетъ наибольшее значеніе. Мы можемъ судить о „Домостроѣ“ съ точки зрѣнія эстетической, этической (какъ это дѣлали историки-обличители, публицисты) и, наконецъ, съ точки зрѣнія правдивости изображенія дѣйствительности. И только съ этой точки зрѣнія индивидуальность этого памятника получаетъ наибольшее значеніе. Такимъ образомъ, мы приходимъ къ заключенію, что этотъ памятникъ—историческій по преимуществу. Но какъ произведеніе человѣческаго творчества—онъ можетъ подлежать и суду историко-эстетическому: его языкъ, пріемы изложенія, образность эпизодовъ—очевидно, вліяли на читателя и сами по себѣ, независимо отъ дидактическихъ задачъ, отъ этическаго воздѣйствія. Къ области историко-литературнаго изученія этого и аналогичныхъ памятниковъ относится изслѣдованіе его источниковъ, — его „пра-исторіи“, и изученіе его литературной судьбы, отразившейся на судьбѣ его списковъ и редакцій.

Поэтому, будучи на формальной точкѣ зрѣнія, единственно для насъ возможной, ставя цѣлью при изученіи поэтическихъ произведеній литературы „какъ“, а не „что“ выражено,—мы всегда имѣемъ въ литературномъ произведеніи любого содержанія сторону, подлежащую изученію историка литературы. Brunot справедливо замѣчаетъ: „каждое произведеніе по существу литературно, даже противъ желанія автора“ [1]). Историкъ изучаетъ Домострой съ одной стороны, мы—съ другой. Богословъ изучаетъ проповѣди митр. Иларіона, Кирилла Туровскаго, митр. Григорія Цамблака съ точки зрѣнія ихъ ортодоксальной вѣрности символу вѣры,—намъ важна ихъ литературная эволюція, какъ поученій вообще, —важенъ вопросъ, какъ они возникли и что возбудили. Явленія древне-русской литературы крайне разнообразны, но исключать изъ нихъ тѣ, которыя преслѣдуютъ свои особыя цѣли, нѣтъ никакихъ основаній.

---

[1]) P. de Julleville, Histoire de la langue et de la littérature française, I v., p. XLIV.

Исходя изъ справедливыхъ требованій Эннекена, мы должны помнить также, что историкъ литературы, изучая преимущественно „образцовыя“ (т. е. не „примѣрныя“ для будущихъ подражателей, а наиболѣе типично выражающія литературные вкусы эпохи) литературныя произведенія, не долженъ обходить молчаніемъ и тѣ памятники, которыми удовлетворялись запросы сравнительно небольшихъ группъ читателей въ данную эпоху—но въ послѣдующую пріобрѣтали значеніе и вліяніе на ходъ литературной эволюціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ громадное количество литературныхъ произведеній „средней руки“, подражательныхъ, компилятивныхъ гораздо лучше характеризуютъ ростъ литературныхъ вкусовъ общества.

Такимъ образомъ, мы должны вернуться къ тому опредѣленію матеріала для исторіи литературы, которое далъ Пауль—„все, что сохранилось до насъ въ словесной формѣ, въ ней выражено и распространяется“ [1]), а принципомъ, руководящимъ историкомъ литературы, мы поставимъ—изученіе формальной стороны литературныхъ произведеній, того, „какъ“ выразилъ поэтъ свою идею, а не того, „что“ выразилъ онъ. Изученіе идейной стороны литературныхъ произведеній историку литературы полезно для выясненія эволюціи ихъ формы.

§ 29. Вспомогательныя науки.

Изученіе исторіи литературы и древней, и новой требуетъ не только интереса къ чтенію, но и предварительной подготовки, кромѣ умѣнія разбираться въ вопросахъ метода. Всѣмъ, кто занимается особенно древней литературой,—часто приходится ощущать необходимость вспомогательныхъ наукъ.

Подъ вспомогательными науками мы разумѣемъ какъ знанія, помогающія усвоить технику изслѣдованія, такъ и вообще знанія, расширяющія научный горизонтъ изслѣдователя и оріентирующія его въ вопросахъ, съ которыми соприкасается историкъ литературы въ своемъ изслѣдованіи. Ланглуа не считаетъ вспомогательныхъ наукъ—науками: онѣ, по его мнѣнію,—лишь сводъ фактовъ, облегчающихъ

[1]) Methodenlehre, стр. 225.

критику и изученіе еще неизученныхъ документовъ [1]). Намъ въ данный моментъ совершенно безразлично,—науки или не науки: библіографія, исторія, біографія, палеографія, хронологія, исторія языка и др. Мы знаемъ лишь то, что ни одно историко-литературное обстоятельное и добросовѣстное изслѣдованіе не можетъ игнорировать знаній, доставляемыхъ этими вспомогательными науками.

I. Библіографія. Кажется, можно считать безспорнымъ, что каждый, дѣлающій какое-либо заключеніе, долженъ знать основанія его, а если онъ говоритъ о явленіи историческомъ, долженъ знать, изъ какого источника слѣдуетъ черпать свѣдѣнія. Зачастую событія остаются намъ неизвѣстными: но это не значитъ, что ихъ не было, и что они не вліяли на возникновеніе другихъ событій. То же самое мы должны имѣть въ виду при изученіи литературныхъ явленій. Какъ часто приходится наблюдать „открытія“, которыя являются на свѣтъ только вслѣдствіе малой освѣдомленности открывателей—въ литературѣ предмета. Здѣсь пособіемъ для ученыхъ является библіографія, какъ необходимая предварительная стадія всякаго филологическаго изученія. Библіографія устанавливаетъ прежде всего наличность литературнаго факта, иногда сомнительнаго (см., напр., разысканія объ изданіяхъ старопечатныхъ книгъ Ундольскаго, Головацкаго, Каратаева, Голубева, Огіенка и др.), тщательно описываетъ съ внѣшней стороны литературное явленіе и затѣмъ даетъ важный для оцѣнки значенія факта—статистическій матеріалъ. Библіографическія разысканія положительно необходимы для рѣшенія вопросовъ исторіи литературы: вспомнимъ, напр., обширный библіографическій аппаратъ при изданіи сочиненій Пушкина (Академическомъ, Венгерова; при Тихонравовскомъ изданіи Гоголя, или при новыхъ Академическихъ изданіяхъ русскихъ писателей). Въ области древней литературы библіографическія разысканія также чрезвычайно важны. Они не только подготовляютъ почву для изслѣдованія, но даютъ часто богатый матеріалъ для комментированія литературныхъ явленій. О технической сторонѣ рѣчь будетъ ниже.

II. Исторія. Каждое литературное явленіе возникаетъ

[1]) Ланглуа и Сеньобосъ, стр. 41.

не само по себѣ, а въ зависимости отъ различныхъ факторовъ, создается авторомъ, живущимъ въ извѣстныхъ условіяхъ исторической жизни, отражаетъ эту жизнь—и, можетъ быть, вліяетъ на нее. Если такъ, то необходимымъ условіемъ обработки историко-литературнаго матеріала и пониманія его является знаніе важнѣйшихъ историческихъ событій эпохи. Отсюда—необходимость знанія исторіи всеобщей и особенно исторіи того народа, чью литературу мы изучаемъ. Само собою разумѣется, что только на фонѣ ея выясняются предъ нашими взорами тѣ условія, въ которыхъ росъ и воспитывался писатель. Изучать, напр., нео-классическую литературу во Франціи безъ знанія жизни во Франціи XVII в. и въ частности—условій жизни двора Людовика XIV невозможно.

Біографія писателя также представляется для насъ немаловажной. Зная ее, мы точнѣе можемъ опредѣлить кругъ литературныхъ вліяній на писателя; иногда по ея указаніямъ—безошибочно можемъ прійти къ опредѣленнымъ источникамъ его творчества. У насъ, правда, любятъ посвящать иногда слишкомъ много усилій, вниманія и времени біографическимъ разысканіямъ. Мы не принадлежимъ, однако, къ фанатическимъ приверженцамъ самодовлѣющихъ біографическихъ разысканій: собирать свѣдѣнія о раннемъ дѣтствѣ писателя, о его поведеніи, объ отношеніяхъ къ роднымъ и знакомымъ, обо всей закулисной, интимной сторонѣ его жизни—врядъ ли настолько полезно, чтобы удѣлять имъ всѣ силы, забывая о главномъ,—объ итогахъ творчества, о самыхъ поэтическихъ произведеніяхъ. Не всегда эти мелочи важны,—ибо не всегда даютъ матеріалъ для истолкованія произведеній. Въ области древней литературы мы сталкиваемся съ затруднительнымъ случаемъ: мы большею частью совершенно не находимъ данныхъ для біографіи писателей. Намъ приходится на основаніи памятника создавать біографію, а затѣмъ оцѣнивать памятникъ въ зависимости отъ возстановленной изъ него біографіи. Образуется circulus vitiosus. Но здѣсь же отсутствіе біографіи иногда позволяетъ намъ выяснять лучшимъ, объективнымъ образомъ цѣну самого памятника по статистическимъ даннымъ и путемъ раскрытія его литературной исторіи.

III. Исторія славянскихъ и западно-евро-

пейскихъ литературъ. Историкъ русской литературы долженъ всегда помнить, что она развивалась въ связи съ явленіями родственныхъ славянскихъ и западно-европейскихъ литературъ; нельзя изучать изолированно литературныя явленія домонгольскаго періода, не принимая во вниманіе литературныхъ явленій греческой (византійской) ученой и вульгарной литературы, равно какъ и древне-болгарской; нельзя правильно понять и опредѣлить историческое значеніе нѣкоторыхъ памятниковъ средняго періода—Московской литературы, не имѣя въ виду вліяній нѣмецкихъ (напр., „Преніе живота и смерти“). Вопросъ о возникновеніи многочисленныхъ украинскихъ учительныхъ Евангелій въ XVI в.— не объясняется только изъ существовавшей греко-славяно-русской литературной традиціи (Уч. Ев. „Филоѳея“—„Каллиста“): слѣдуетъ принять во вниманіе явленія старинной польской литературы, богатой Postyll'ами (Rej и др.). Также необходимо предварительное знакомство съ явленіями польской и новой латинской литературы XVI—XVII вв. для того, кто пожелалъ бы заняться исторіей повѣствовательной, виршевой и драматической литературы и на Украинѣ, и въ Москвѣ, въ XVII в. Изученіе русской литературы XVIII и XIX вв. (романа, лирики, драмы) не менѣе требуетъ знакомства съ исторіей западно-европейскихъ литературъ. Предложенныхъ примѣровъ, кажется, достаточно, чтобы показать, какъ тѣсно связаны научныя работы въ области исторіи русской литературы съ таковыми же въ области литературъ западно-европейскихъ. Не говоримъ уже объ изученіи народной словесности, о чемъ рѣчь была выше.

IV. Исторія языка. Въ числѣ вспомогательныхъ для историка литературы наукъ мы должны назвать исторію языка—не въ лингвистическомъ, конечно, а въ археологическомъ, описательномъ смыслѣ. Языкъ—есть матеріалъ, изъ котораго поэтъ строитъ свое произведеніе [1]). Это первая неизбѣжная форма, въ которую отливается поэтическое творчество. Историку литературы, чтобы хорошо, точно понимать свой матеріалъ—прежде всего необходимо знать языкъ памятниковъ той эпохи, къ которой анализируемое произведеніе относится предположительно. Слово м. Иларіона, посланія

[1]) Срв. Paul, Begriff und Aufg., стр. 6.

преп. Максима Грека требуютъ для своего пониманія знанія исторіи русскаго литературнаго языка XI и XVI в. в. Но этого мало: на изслѣдованіи языка построено все изученіе исторіи анонимныхъ памятниковъ и библейскихъ книгъ, ибо греческій текстъ, съ котораго переведены послѣднія, именно редакція L—есть пока величина искомая и потому не можетъ быть критеріемъ древности. Ученые, имѣя передъ собою массу славянскихъ текстовъ и не довѣряя однимъ историческимъ свидѣтельствамъ, въ поискахъ за вполнѣ объективными свидѣтельствами должны были обратиться къ изученію языка славянскихъ текстовъ Свящ. Писанія, и вотъ, говоритъ проф. Михайловъ, „новѣйшія изслѣдованія убѣдительно доказываютъ, что среди кирилловскихъ и глаголическихъ текстовъ ветхозавѣтныхъ книгъ нашлись и такіе, даже не богослужебные, которые по древности перевода и характеру словоупотребленія можно почти съ увѣренностью отнести къ литературному наслѣдію, оставленному славянамъ ихъ первоучителями. Значительно расширяя объемъ переводной дѣятельности святыхъ братьевъ, это открытіе, основанное на лингвистическихъ данныхъ, съ одной стороны подтвердило свидѣтельство историко-литературныхъ источниковъ, съ другой—окончательно подорвало довѣріе къ значенію въ этомъ вопросѣ показаній Геннадіевской библіи“ [1]). На основаніи изученія данныхъ языка древняго перевода Паримейника—проф. Михайловъ приходитъ къ заключенію, что это—совмѣстный трудъ первоучителей, какъ и переводъ Евангелія, Апостола и Псалтири, съ чѣмъ стоятъ въ согласіи и историческія соображенія, и свидѣтельства современниковъ и ближайшихъ потомковъ св. братьевъ [2]). Достаточно ограничиться этимъ наглядным примѣромъ.

Анонимное сочиненіе не можетъ быть съ достовѣрностью пріурочено къ той или иной эпохѣ безъ анализа и оцѣнки его языка. Знаніе исторіи языка—открываетъ путь къ критикѣ и обличенію подложныхъ или ложно надписан-

---

[1]) А. В. Михайловъ, Опытъ изученія текста Книги Бытія прор. Моисея въ древнеславянскомъ переводѣ, Ч. I, Паримейный текстъ. Варш. 1912, стр. 16.

[2]) Стр. 387.

ныхъ сочиненій. Что для правильнаго пониманія памятника необходимо основательно знать исторію языка, на которомъ онъ написанъ, у насъ—древне-русскаго языка и исторію церковно-славянскаго—это избитая истина, но, къ сожалѣнію, не всѣ ее достаточно ясно сознаютъ. Многіе, не зная основательно церковно-славянскаго и древне-русскаго языка, берутся за истолкованіе текстовъ, не будучи въ состояніи понять даже ихъ буквальнаго смысла, который—при всей ясности—кажется либо непонятнымъ, либо настолько неясенъ (при испорченномъ чтеніи), что требуетъ поправокъ, а не произвольнаго перевода. Вспомнимъ исторію толкованія Слова о полку Игоревѣ, въ которомъ первые издатели ухитрились прочесть и перевести все, даже то, въ чемъ и теперь сомнѣваются весьма авторитетные комментаторы и издатели.

Въ результатѣ незнанія исторіи языка—обильныя ошибки, обязанныя своимъ происхожденіемъ искаженію, приблизительному толкованію, иногда слишкомъ смѣлому, какъ часто бываетъ у самоучекъ. Между тѣмъ внимательное изученіе языка памятника даетъ всегда цѣнные результаты. Такъ, анализъ языка лѣтописей приводитъ насъ къ заключенію о разновременномъ возникновеніи ея частей; въ Несторовомъ житіи пр. Ѳеодосія, въ спискѣ XII в.—изученіе языка обнаруживаетъ двухъ писцовъ, а можетъ быть и авторовъ и т. п. Кромѣ того, историко-литературныя изученія влекутъ за собою еще одну серьезную необходимость—знать не только языкъ той литературы, которая изучается, но также и другіе языки. Для древне-русской литературы уже недостаточно знать церковно-славянскій и древне-русскій языкъ: надо знать не только греческій и латинскій, иногда даже древне-еврейскій, но также и новые языки, именно, польскій, чешскій, болгарскій, иногда—румынскій, нѣмецкій; для изученія исторіи новой русской литературы нужно знать не только французскій и нѣмецкій, но и англійскій и итальянскій языки. Многіе памятники древне-русской письменности стоятъ въ тѣсной связи съ исторіей таковыхъ же на Востокѣ и въ Западной Европѣ; изученіе, напр., легендарной славяно-русской литературы, связанной съ византійской и средневѣковой западно-европейской, требуетъ знанія того, что сдѣлано западно-европейскими учеными

въ области изучаемыхъ литературныхъ явленій. Незнаніе языковъ влечетъ за собою невозможность доработать затронутую тему до конца, выполнить работу такъ, какъ этого требуетъ научный методъ.

V. Палеографія. Занятія древне-русской литературой влекутъ за собою необходимость изучить палеографію. Кажется, что можетъ быть проще—прочесть литературный памятникъ, хотя бы и древній. Но это не такъ легко и просто. Нерѣдко берутся за чтеніе и изученіе древнихъ рукописей, не научившись предварительно палеографіи, полагаясь на „чутье“ и „привычку“, надѣясь разобраться въ нихъ чисто эмпирическимъ способомъ. „Подобная иллюзія очень опасна“, говоритъ Ланглуа [1]): „ученыхъ, непосвященныхъ въ тайны палеографіи, почти всегда можно узнать по грубымъ ошибкамъ, которыя они дѣлаютъ, время отъ времени, при чтеніи документовъ,—ошибкамъ, способнымъ въ корень подрѣзать послѣдующую критику и истолкованіе документовъ. Что касается самоучекъ, практическимъ путемъ достигающихъ совершенства въ умѣніи читать историческіе документы, то изученіе палеографическаго искусства избавило бы ихъ, по меньшей мѣрѣ, отъ безконечныхъ колебаній и непріятностей“. Незнаніе палеографіи не только ведетъ къ ошибкамъ, но зачастую является прямо препятствіемъ къ началу работы. Сколько намъ встрѣчалось способныхъ людей, которые, проработавъ въ области новой литературы по печатнымъ источникамъ года 2—3, на четвертый годъ хотѣли взяться за вопросъ по древней литературѣ — и встрѣчали серіозное препятствіе въ невозможности самостоятельно оперировать надъ рукописными первоисточниками—именно вслѣдствіе отсутствія навыка къ такого рода работѣ.

Знаніе славяно-русской палеографіи—вовсе не должно „увѣнчивать“ постройку филологическаго образованія: оно, какъ и знаніе исторіи языка—должно быть необходимой предпосылкой для приступа къ занятію; оно необходимо при самомъ началѣ самостоятельныхъ опытовъ въ изученіи явленій древней русской литературы. По славяно-русской палеографіи у насъ имѣются хорошія руководства ак. Собо-

[1]) Ланглуа и Сеньобосъ, Введеніе, стр. 39.

левскаго, Карскаго; есть и образцы письма—альбомы тѣхъ же авторовъ,—затѣмъ Виленской Археографической Коммиссіи, Кіевскаго Центральнаго Архива, Петербургскаго Археологическаго Института (подъ редакціей А. И. Соболевскаго—русскій уставъ, полууставъ и скоропись; подъ редакціей В. В. Майкова—скоропись Московская, подъ редакціей П. А. Лаврова — юго-славянскій уставъ и полууставъ), Московскаго Археологическаго Института (альбомъ Маркса и Колесникова) и др. Для чтенія Московской скорописи—есть руководство Бѣляева, хотя не блещущее большими достоинствами, но за неимѣніемъ лучшаго и имъ можно пользоваться.

Только путемъ изученія видоизмѣненій въ письмѣ XI—XVIII в.в. мы можемъ при чтеніи, изданіи и коментированіи текста древняго памятника пользоваться пріемами палеографической критики, исправлять и возстановлять испорченныя чтенія, которыми порою бываютъ такъ богаты древніе памятники письма.

VI. Исторія Церкви. Русская литература древняго и средняго періодовъ (съ X в. включительно) развивалась въ тѣсной связи съ жизнью церковной, религіозной; многаго нельзя понять въ памятникахъ этой литературы, не зная условій, въ которыхъ она творилась. Церковь подсказывала писателямъ идеи, она же регулировала основное, главное чтеніе православнаго читателя особыми правилами (статьи о книгахъ истинныхъ и ложныхъ) и требованіями Церковнаго Устава.

Возникновеніе многихъ памятниковъ и ихъ смыслъ безъ знакомства съ религіозной жизнью среды—совершенно непонятны читателю и изслѣдователю: таковы, напримѣръ, переводное Преніе Панагіота и Азимита, другія религіозно-полемическія сочиненія древней Руси, полемическая литература Москвы и Украины въ XVI и XVII вв. Значеніе и происхожденіе многихъ проповѣдническихъ сочиненій—становится понятнымъ только при знакомствѣ съ религіознымъ состояніемъ Руси; наконецъ, время возникновенія памятниковъ и ихъ происхожденіе—иногда опредѣляются по церковно-историческимъ намекамъ и деталямъ: таковы вирши к. XVI в.—начала XVII в., изслѣдованные С. А.

Щегловой [1]) и оказавшіеся противупротестантскимъ полемическимъ памятникомъ.

Отсюда вытекаетъ необходимость для изучающихъ древне-русскую литературу—знать иногда въ общихъ чертахъ, а иногда и весьма обстоятельно исторію православной, восточной Церкви. Для пониманія же религіозной литературы XVI—XVII в.в.—необходимо знаніе развитія религіозной мысли на Западѣ, въ мірѣ католическомъ и претестантскомъ.

VII. Исторія искусства. Занимающійся древне-русской литературой не можетъ быть чуждымъ и исторіи искусства—восточнаго, византійскаго и западно-европейскаго. Вопросы исторіи искусства и исторіи литературы порою тѣсно сплетаются одни съ другими, какъ это показалъ еще Буслаевъ (см. его „Историческіе очерки“ и изслѣдованіе о лицевыхъ Апокалипсисахъ). Иногда изученіе литературнаго памятника въ связи съ древними иллюстраціями его—даетъ полезныя соображенія для историка [2]). Въ византійской и древне-русской литературѣ то памятникъ давалъ толчекъ художнику (напримѣръ, иконографія Рождества Христова, Благовѣщенія, Воскресенія), то наоборотъ, при наличности памятниковъ искусства—создавалась легенда въ объясненіе ихъ. Такова, напримѣръ, легенда о Богородицѣ Троеручицѣ, о сжатой рукѣ Спаса въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ; возможно, что и легенда о св. Георгіи съ значительной вѣроятностью создалась подъ вліяніемъ символическаго образа христіанскаго святого, поражающаго язычество, во образѣ дракона. Самое развитіе древне-русской литературы шло параллельно съ развитіемъ искусства—питалось изъ тѣхъ же источниковъ, подвергалось тѣмъ же аналогичнымъ иноземнымъ воздѣйствіямъ (вспомнимъ оживленіе въ русской повѣствовательной литературѣ и живописи въ XVII в.) [3]).

---

[1]) Вирши праздничные и обличительные на аріанъ конца XVI—нач. XVII в. Спб. 1913.

[2]) См. ст. Д. В. Айналова о Борисѣ и Глѣбѣ, Извѣст. отд. рус. яз. и словесн. 1910 г. кн. 3 и сл.

[3]) О взаимоотношеніи памятниковъ искусства и литературы см. детально: Кирпичниковъ, Сказанія о житіи Дѣвы Маріи и ихъ выраженіе въ средневѣковомъ искусствѣ, Ж. М. Н. Пр. 1883, іюнь; его же

Наконецъ, для цѣлей палеографическихъ — русскій филологъ неизбѣжно долженъ быть знакомъ съ элементами исторіи русскаго искусства, какъ византійскаго и европейскаго. Давно уже замѣчено, что орнаментація памятника помогаетъ опредѣлить время и отчасти мѣсто его написанія; примѣръ такихъ рукописей, какъ Пересопницкое Евангеліе, Загоровскій Апостолъ обнаруживаетъ, что умѣніе анализировать орнаментацію—можетъ привести къ весьма важнымъ выводамъ, какъ въ отношеніи подтвержденія подлинности памятника, такъ и для опредѣленія тѣхъ культурныхъ вліяній, среди которыхъ онъ возникъ [1]).

VIII. Хронологія. Часто мы встрѣчаемъ необходимость въ хронологическихъ вычисленіяхъ; здѣсь помогаетъ намъ „хронологія“, вспомогательная наука, предлагающая теоретическія и практическія свѣдѣнія и пріемы для вычисленія времени. Древне-русскіе памятники, если имѣютъ обозначеніе года, то большей частью отъ сотворенія міра; для перевода на нашъ счетъ изъ этой цифры надо вычесть 5508. Зачастую мы лишь путемъ соображеній, на основаніи упоминаній о праздникахъ постоянныхъ и подвижныхъ, можемъ сдѣлать заключенія о времени написанія памятника или о времени совершенія событій, въ немъ упоминаемыхъ, Отсюда—для хронологическихъ расчетовъ необходимо знать „пасхалію“. Въ первые три вѣка христіанства праздникъ св. Пасхи въ различныхъ Церквахъ праздновался въ различное время. Такъ—одни христіане праздновали св. Пасху вмѣстѣ съ іудеями, т. е. 15 Нисана, въ какой бы день недѣли это число ни приходилось; другіе христіане праздновали св. Пасху въ первый воскресный день послѣ 15 Нисана. Отъ этого разногласія между христіанами происходили споры и несогласія,

---

статья — Успеніе Богородицы въ легендѣ и искусствѣ, Одесса, 1886; Е. Барсовъ, О воздѣйствіи апокрифовъ на обрядъ и иконопись, Ж. М. Н. Пр. 1885, дек.; В. Сахаровъ, Апокрифическія и легендарныя сказанія о пр. Дѣвѣ Маріи, особенно распространенныя въ древн. Руси, Христ. Чт. 1888, мартъ-апрѣль; О. Фотинскій, Иконописное отраженіе стараго апокрифа, Сборн. Волынск. Ц.-Арх. Музея, I, 1890; Н. Покровскій, Евангеліе въ памятникахъ иконографіи, 1892; Н. Янчукъ, Къ вопросу объ отраженіи апокрифовъ въ народномъ творчествѣ, Изв. р. яз. и слов. 1907 г., кн. 1.

[1]) См. изслѣд. А. Грузинскаго, Пересопницкое Евангеліе, какъ памятникъ искусства эпохи Возрожденія въ Южной Россіи въ XVI в., 1911.

что и побудило, наконецъ, византійскаго императора Константина Великаго передать это дѣло на разсмотрѣніе Никейскаго Вселенскаго Собора (325 г. по Р. Х.).

Постановленіемъ этого собора было рѣшено: а) что христіанская св. Пасха должна праздноваться всегда позже еврейской, но не раньше послѣдней и не одновременно съ ней; что св. Пасха празднуется въ первое воскресенье послѣ мартовскаго полнолунія, если это полнолуніе случится 19 марта или позже; в) если же мартовское полнолуніе случится раньше 19 марта, то св. Пасха празднуется въ первое воскресенье послѣ слѣдующаго апрѣльскаго полнолунія; г) если полнолуніе мартовское или апрѣльское случится въ пятницу, субботу или воскресеніе, то св. Пасха празднуется черезъ недѣлю, въ слѣдующее воскресеніе. Въ 325 году весеннее равноденствіе пришлось на 21 марта, и потому пасхальными полнолуніями признаны только тѣ, которыя случаются только послѣ 21 марта и въ этотъ самый день или апрѣльское. Такимъ образомъ, днемъ св. Пасхи бываетъ то воскресеніе, которое приходится за полнолуніемъ между 22 марта и 25 апрѣля.

Дни православной Пасхи легче всего исчислять слѣдующимъ образомъ: числа даннаго года дѣлятъ послѣдовательно на 19, 4 и 7, при чемъ остатки отъ этихъ дѣленій обозначаютъ буквами a, b и c. Затѣмъ дѣлятъ 19a+15 на 30, и 2b+4c+6d+6 на 7, означая остатокъ отъ перваго дѣленія черезъ d, а остатокъ отъ второго дѣленія черезъ e. День св. Пасхи будетъ (22+d+e) марта или, что то же самое (d+e—9) апрѣля. Напримѣръ, для 1910 года имѣемъ: a = 10, b = 2, c = 6, d = 25, e = 2, и слѣдовательно Пасха будетъ (22+25+2) марта = 49 апрѣля, а если вычесть общее число дней въ мартѣ = 31, то, слѣдовательно, св. Пасха будетъ 18-го слѣдующаго мѣсяца, т. е. апрѣля. Имѣется и другой способъ вычисленія дня Пасхи, которымъ пользовались встарину.

Иногда является необходимость провѣрить показанія памятника и опредѣлить день недѣли. Въ этомъ случаѣ слѣдуетъ имѣть въ виду слѣдующій способъ опредѣленія дня недѣли въ любое число любого мартовскаго года: для опредѣленія дня недѣли надо годъ отъ Адама (a^m) раздѣлить

на 28, отъ года же по Р Х. (ach) предъ дѣленіемъ вычесть 8, остатокъ послѣ дѣленія надо искать въ таблицѣ А.

Таблица А.	Пятница.	Суббота.	Воскресен.	Понедѣльн.	Вторникъ.	Среда.	Четвергъ.
	1	13	25	9	21	5	17
6	7	19	3	15	27	11	23
5	12	24	8	20	4	16	28
6	18	2	14	26	10	22	6

Названіе дня, стоящее противъ найденной цифры, указываетъ, на какой день приходится въ данномъ году 1-ое марта. Зная день недѣли 1-го марта, можно опредѣлить день недѣли любого числа, для чего слѣдуетъ запомнить двѣ lineas memoriales:

M	au	j	o	a	s	f
N	.	m	.	il	d	in

,

въ которыхъ начальныя буквы мѣсяца стоятъ на томъ мѣстѣ, на какое число этого мѣсяца приходится день недѣли 1-го марта; точки во 2-й строкѣ указываютъ, что для августа и октября нѣтъ парныхъ мѣсяцевъ, т. е. недѣльный день 1-го марта падаетъ на 2-е число только въ августѣ, а на 4-е только въ октябрѣ, а въ маѣ онъ приходится на 3-ье, въ іюлѣ на 5-ое.

Составленіе таблицы А: первое число таблицы, стоящее противъ слова „пятница“, есть 1. Слѣдующія въ 1-й строкѣ числа образуются прибавленіемъ къ предыдущему 12, а каждая слѣдующая строчка образуется чрезъ прибавленіе къ числамъ стоящей надъ ней послѣдовательно 6, 5, 6, причемъ, если получится болѣе 28, вычитается 28—и пишется только остатокъ. Примѣръ: какъ опредѣлить день недѣли 13 апрѣля 1910 г. Составляемъ формулу:

$$\frac{\text{Ach} - 8}{28}, \qquad \frac{1910 - 8}{28} = 67 \text{ / остатокъ } 26;$$

ищемъ въ таблицѣ А: 26—противъ понедѣльника—значитъ 1 марта 1910 г. былъ понедѣльникъ.

Въ lineae memoriales „а“ стоитъ на 5-мъ мѣстѣ, т. е. 5-ое апрѣля былъ понедѣльникъ, откуда 13 апрѣля былъ вторникъ [1]).

§ 30. Источники. Евристика. Описаніе рукописей. Матеріалъ для изслѣдованія, хотя и кажется на первый взглядъ опредѣленнымъ—на самомъ дѣлѣ почти безграниченъ: каждое новое разысканіе наталкивается на новые списки памятниковъ, открываетъ новыя черты въ судьбѣ произведеній древней литературы.

Въ новой литературѣ—каждый годъ приноситъ все болѣе возрастающее количество произведеній литературы.

Всякая исторія пишется по документамъ, по „источникамъ“. Источниками исторіи литературы мы называемъ литературный матеріалъ, изъ котораго почерпаетъ свѣдѣнія наша наука о состояніи литературнаго развитія въ то или иное время. Этимъ матеріаломъ могутъ быть: произведенія всевозможныхъ, напримѣръ, вкусовъ, воплощающія различные идеалы, пользующіяся разнообразными формами: памятники прозы, поэзіи,—проповѣди, посланія, повѣсти, вирши (стихотворенія), драмы, даже богословскія сочиненія, житія святыхъ, лѣтописи и иныя произведенія историческаго повѣствованія,—но всѣ они разсматриваются историкомъ литературы со своей точки зрѣнія: намъ очень мало важны догматическіе споры въ полемическо-богословскомъ трактатѣ или степень достовѣрности сообщаемаго лѣтописью событія; но весьма важна литературная манера полемиста и лѣтописца, его источники, способъ аргументаціи, стиль и языкъ. Итакъ, документами для историка литературы являются прежде всего самые литературные памятники, затѣмъ—тѣ письменныя свидѣтельства объ авторахъ, объ эпохѣ, объ условіяхъ жизни и творчества, о состояніи просвѣщенія, которыя сохранились до насъ: для историка литературы древней—лѣтописныя свидѣтельства, инвентари

---

[1]) О счисленіи времени въ древней Руси—см. Хавскій, Чтен. Общ. И. и Др. 1847 г., 6; его же „Таблица для повѣрки годовъ въ русскихъ лѣтописяхъ“... М. 1856; Н. В. Степановъ, Чт. О. И. и Др. Р. 1909 г., кн. IV и Изв. отд. р. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ 1910 г., кн. 3.

библіотекъ; для историка новой литературы—біографическія данныя о писателяхъ, ихъ произведенія, отзывы критики, современной писателямъ, списки печатныхъ книгъ, матеріалы по исторіи цензуры и т. п.

Памятники литературы, особенно, древней—не всѣ въ равной степени обладаютъ долговѣчностью; одни сохраняются тщательно, другіе гибнутъ быстро, не заинтересовывая широкихъ круговъ читателей. Количество списковъ древняго памятника и число изданій и экземпляровъ новаго—вещь условная и колеблющаяся. Однако, нужно замѣтить, что не всегда мы можемъ сдѣлать однообразный выводъ о памятникѣ древней и новой литературы на основаніи количества экземпляровъ: единственный списокъ Слова о полку Игоревѣ свидѣтельствуетъ о малой заинтересованности имъ людей послѣдующихъ поколѣній. Но, напримѣръ, рѣдкіе и единственно-сохранившіеся экземпляры печатныхъ книгъ—наоборотъ, говорятъ объ ихъ популярности, слѣдствіемъ коей явилось то, что они были „зачитаны“.

Гдѣ же искать историку литературы для себя документы?—Въ библіотекахъ и архивахъ, а также въ печатныхъ изданіяхъ пямятниковъ древней литературы. Послѣднія такъ немногочисленны у насъ, что достаточно взять хотя бы „Исторію русской литературы“ А. Пыпина, „Словарь“ П. Строева, „Матеріалы“ Н. Никольскаго и просмотрѣть библіграфическія примѣчанія, чтобы получить удовлетворительное представленіе о томъ, что издано. Остановимся на минуту на архивахъ и библіотекахъ.

При отсутствіи въ обществѣ историческихъ интересовъ, какъ справедливо замѣчаетъ В. А. Алексѣевъ [1]), благоденствіе мѣстныхъ, провинціальныхъ архивовъ часто зависитъ отъ губернаторовъ. Любитъ губернаторъ старину—и архивная коммиссія благоденствуетъ;—равнодушенъ къ прошлому—и провинціальные ученые находятся въ черномъ тѣлѣ. То же можно сказать и о епархіальныхъ Музеяхъ и Древлехранилищахъ, всецѣло зависящихъ отъ расположенія къ наукѣ архіереевъ; часто то, что созидается однимъ, разрушается другимъ, его преемникомъ. Волынскіе архивы

[1]) Архивныя мытарства, Историческій Вѣстникъ, 1910 г., декабрь, стр. 1040.

давно разорены: [1]) неужели то же постигнетъ и Древнехранилища? Столичные архивы и библіотеки, напр., Импер. Публичная, Академическая, Моск. Румянцевскій Музей, Московск. Синод. Библіотека, Архивъ Св. Синода въ СПБ., Московск. Типографская библіотека и нѣкоторыя другія ученыя учрежденія находятся, конечно, въ лучшемъ положеніи: снабжены не только штатомъ архиваріусовъ и библіотекарей, но нерѣдко въ ихъ средѣ насчитываютъ выдающихся ученыхъ.

Историческіе и историко-литературные матеріалы часто гибли и гибнутъ, истребляемые вслѣдствіе невѣжества ихъ обладателей. Такъ, еще въ к. XVIII в. часть рукописей Воскресенскаго мон. была сожжена еписк. Сильвестромъ (1785—1788 г.),—другая часть—была спасена архим. Аполлосомъ; митр. Евгеній случайно спасъ древнѣйшія пергаменныя рукописи Юрьевскаго Новгор. мон. отъ истребленія; въ 1841 г. были сожжены варварски рукописи Вологодскаго архіерейскаго дома [2]). Такихъ варварскихъ случаевъ истребленія рукописей можно и еще насчитать немало [3]). И въ наше время невѣжественные люди уничтожаютъ историческіе памятники или препятствуютъ, по проснувшейся внезапно жадности—доступу къ нимъ ученыхъ.

Не только небрежное отношеніе къ памятникамъ старинной письменности является обстоятельствомъ, препятствующимъ ея изученію. Какъ документъ важенъ въ связи съ другими, вызвавшими его появленіе, такъ и памятники чисто литературнаго значенія важны для историка литературы въ томъ видѣ и порядкѣ, въ какомъ мы ихъ находимъ въ сборникахъ разнообразнаго состава. Но, къ сожалѣнію, не мало вреда архивамъ и библіотекамъ приносятъ не въ мѣру усердные хранители, одержимые страстью къ „классификаціи“; у нихъ порою возникаетъ, по выраженію Ланглуа, „несчастная мысль разсортировывать архивные документы“ съ цѣлью „сохранить только «интересные» и «полезные» и отдѣлаться отъ остальныхъ“. Такое сортированіе и отборъ, производимый людьми неопытными, приво-

---

[1]) Алексѣевъ, тамъ же, стр. 1042.

[2]) В. С. Иконниковъ, Опытъ р. исторіографіи, I, 1, стр. 174—175.

[3]) См. Труды Моск. Общ. Исторіи, 1829 г., кн. IV.

дитъ къ непоправимымъ опустошеніямъ въ старинныхъ архивахъ. „Въ настоящее время много тружениковъ тратятъ безконечную массу времени, терпѣнія и старанія, чтобы возстановить разрозненные матеріалы и возвратить на свои мѣста отрывки, разобщенные между собою по необдуманному усердію лицъ, разбиравшихъ нѣкогда историческіе документы“ [1]). Особенно характерны сборники юмористическіе XVII—XVIII вв. (Собраніе Бѣляева), сборники житій, словъ и пр. Что бы было, если бы мы ихъ разорвали и стали разсматривать внѣ многовѣковой связи? Варварство коллекціонеровъ отмѣчалось уже не разъ. Оно не мало мѣшаетъ систематическому и послѣдовательному изученію старинной литературы. Немало вредятъ и затрудняютъ научныя изслѣдованія случайные владѣльцы (иногда по внѣшности и цензу—какъ будто бы интеллигенты, которые, не умѣя сдѣлать употребленія памятникамъ, однако не передаютъ ихъ въ общественныя и ученыя учрежденія, подвергая ихъ случайности безслѣдно погибнуть для науки. Въ Кіевѣ намъ случалось встрѣчать такихъ готтентотовъ даже среди людей университетскаго и даже болѣе—филологическаго образованія...). Счастливыя исключенія—коллекціонеры въ родѣ П. И. Щукина, А. А. Титова и др. Пользованіе библіотеками—опредѣлено ихъ уставами [2]). Русскія книгохранилища охотно высылаютъ рукописи въ ученыя учрежденія,—даже Св. Синодъ, долгое время не примыкавшій къ обмѣну ученымй матеріалами (см. брошюру Здравомыслова).

Подготовительной работой историка литературы—являются библіографическія разысканія, собираніе памятниковъ и ихъ списковъ, классификація ихъ, исправленіе текста, критика происхожденія, поиски біографическаго матеріала.

Какъ ни странно, эта подготовительная работа внушаетъ чувство презрѣнія и пренебреженія не только поверхностной публикѣ, но зачастую и тѣмъ, кто, казалось бы, долженъ былъ со вниманіемъ относиться къ предварительному подготовленію и обработкѣ историко-литературнаго

---

[1]) Ланглуа и Сеньобосъ, стр. 19.

[2]) О сношеніи съ заграничными библіотеками—см. Ланглуа и Сеньобосъ, стр. 21, прим. О русскихъ библіотекахъ и архивахъ см. у В. Иконникова, Опытъ русской исторіографіи, I, 1—2.

матеріала. Но мы возьмемъ себѣ девизомъ слова блаж. Іеронима: „Non sunt contemnenda quasi parva sine quibus magna constare non possunt“. Пусть легковѣсные создатели теорій на пескѣ укоряютъ работниковъ, подготовляющихъ матеріалъ, за копанье на черномъ дворѣ науки, не чувствуя, чьихъ трудовъ плоды вкушаютъ они. Въ настоящее время, кажется, не можетъ быть уже спора, что всякой теоріи, всякой гипотезѣ, чтобы она была плодотворной—необходимо опираться на матеріалъ, цѣнность котораго и достовѣрность должна быть подвергнута самой серьезной критикѣ. Можно обладать самымъ тонкимъ чутьемъ и споткнуться на фальшивомъ документѣ или датировкѣ безъ техническихъ знаній.

Чрезвычайно важнымъ представляется состояніе библіотеки или архива, въ которомъ мы собираемся заниматься. Большинство библіотечныхъ собраній описано, но все же до сихъ поръ случается, что библіотека, иногда обладающая большими коллекціями рукописей,—совершенно недоступна, ибо коллекціи эти не упорядочены, содержаніе ихъ не приведено въ извѣстность, нѣтъ описанія рукописей.

Къ числу незамѣнимыхъ пособій при занятіяхъ не только историка, юриста, но, главнымъ образомъ, историка литературы первоисточниками — принадлежатъ, какъ извѣстно всякому, описанія рукописей, особенно если эти описанія сдѣланы съ соблюденіемъ болѣе или менѣе установившихся въ наукѣ пріемовъ. Описанія или даже простые каталоги рукописей съ показаніемъ содержанія послѣднихъ являются ключемъ къ библіотекѣ, безъ котораго каждому отдѣльному изслѣдователю приходится продѣлывать кропотливую предварительную работу ознакомленія со всѣмъ составомъ библіотеки, отъ чего, сберегая его время, избавляетъ насъ такое описаніе.

Мы, русскіе, можемъ похвалиться изобиліемъ рукописнаго матеріала, оставленнаго намъ многовѣковой исторической жизнью. Помимо колоссальныхъ сокровищъ Импер. Публ. Библ., богатаго драгоцѣнными памятниками собранія Румянц. Музея, Синод. Библіотеки и Архива—почти въ каждомъ сколько-нибудь крупномъ центрѣ культурной жизни, не чуждомъ научныхъ вкусовъ и стремленій, мы находимъ болѣе или менѣе значительное собраніе рукописей, не говоря уже о монастыряхъ и частныхъ лицахъ, часто

сосредоточивающихъ въ своемъ владѣніи такія цѣнныя произведенія книжной старины, которымъ принадлежитъ безспорное мѣсто въ ряду выдающихся предметовъ этого рода.

Между тѣмъ мы не можемъ похвалиться ни обиліемъ ученыхъ описаній рукописей, ни качествомъ ихъ. Какъ ни странно—до сихъ поръ такое собраніе, какъ Погодинское Древлехранилище, находящееся уже 50 лѣтъ въ вѣдѣніи Императорской Публ. Библіотеки, не удостоено вниманія и имѣетъ лишь полуграмотный инвентарь; въ библіотекѣ Московской Дух. Академіи имѣется громадный шкафъ также неописанныхъ рукописей. Черепашьимъ шагомъ подвигаются описанія рукописей Петербургской Дух. Академіи (Кирилло-Бѣлоз.). Въ плачевномъ упадкѣ находится цѣнная и обильная рукописями Московская Епархіальная библіотека...

Можно привести не мало и еще такихъ примѣровъ, доказывающихъ, что нива предварительной разработки памятниковъ рукописной старины у насъ богата и обильна, но дѣлателей—очень, очень мало. Отраднымъ явленіемъ въ этой области кажется намъ полезная и плодотворная дѣятельность нѣкоторыхъ Архивныхъ Ученыхъ Коммиссій и немногихъ частныхъ лицъ, изъ коихъ назову хотя бы П. И. Щукина—владѣльца цѣннаго собранія въ г. Москвѣ, проф. А. И. Яцимирскаго, объѣхавшаго и описавшаго много заграничныхъ библіотекъ, и проф. Н. И. Петрова, единичными своими усиліями создавшаго почти полное описаніе всѣхъ рукописей, хранящихся въ Кіевскихъ монастырскихъ книгохранилищахъ.

Къ стыду нашему мы должны сознаться, что существуетъ немало рукописныхъ собраній, находящихся въ рукахъ невѣжественныхъ коллекціонеровъ, современныхъ намъ Плюшкиныхъ, не только не заботящихся сдѣлать что-нибудь для науки, но даже порою не знающихъ, что скрывается въ ихъ небрежно сваленныхъ въ кучу коробахъ, предназначенныхъ на пищу крысамъ.

Можно только пожалѣть о томъ, что гибнетъ безъ пользы для науки. Но тамъ, гдѣ мы можемъ дѣйствовать, не нарушая правъ чужой собственности, мы должны какъ ни-

будь сговориться и условиться, выработать нѣкоторый планъ работъ надъ описаніемъ рукописей.

До сихъ поръ мы имѣемъ два главныхъ типа описаній: 1) каталогъ, въ родѣ извѣстнаго описанія (стараго) рукописей Московской Син. Библіотеки, гдѣ показано заглавіе рукописи, число листовъ, и приблизительно указана дата написанія; и 2) описанія Востокова, Горскаго и Новоструева и другихъ ихъ послѣдователей. Кромѣ того, средину занимаютъ каталоги Имп. Публичной Библіотеки при годовыхъ отчетахъ, далекіе, конечно, отъ почти исчерпывающей полноты трудовъ названныхъ ученыхъ, но дающіе очень полезное постатейное описаніе рукописей. Впрочемъ, для нѣкоторыхъ позднѣйшихъ рукописей эта постатейность не выдерживается строго. Существуетъ затѣмъ масса промежуточныхъ посредствующихъ типовъ, но всѣ они заключаются между двумя первыми, по степени полноты и обстоятельности.

Это разнообразіе стоитъ въ тѣсной зависимости отъ степени подготовки составителя описанія къ предпринятой имъ работѣ. Въ послѣдней сверхъ того отражаются личныя симпатіи, личные интересы составителя: одно онъ считаетъ важнымъ и останавливается надолго, другое, кажущееся ему несущественнымъ, опускаетъ, часто совершенно безслѣдно, тогда какъ истиннымъ достоинствомъ описанія является безспорно — прежде всего полная объективность и вниманіе къ самымъ, порою кажущимся ничтожными, мелочамъ.

Но и тѣ описанія, которыя составлены, какъ казалось бы, лицами свѣдущими и вполнѣ подготовленными, поражаютъ иногда своею неточностью и небрежностью исполненія. Такъ небрежно отмѣчаетъ почтенный составитель „Описанія рукописей Археографической Коммиссіи“ составъ рукописей неисторическаго содержанія, иногда ограничиваясь однимъ замѣчаніемъ, какъ, напр., „Сборникъ кантовъ на столькихъ-то листахъ, такого-то формата“.

Въ описаніи рукописей Виленской Публ. Библіотеки, чрезвычайно трудолюбиво и внимательно составленномъ, есть куріозныя погрѣшности въ родѣ „Радишинъ—вм. Ромшинъ“ (владѣлецъ рукоп.), комедія Сумарокова „Трессотиніусъ“ причислена къ разряду семинарскихъ интермедій и т. п. Особенно же обильно разнаго рода куріозами юбилей-

ное и въ своемъ родѣ изумительное описаніе рукописей собраніе князя П. П. Вяземскаго; на многочисленныхъ промахахъ описателей его останавливаться не будемъ. Особенно сказывается неточность и небрежность составителей описаній, когда описываются рукописи не древнія, пергаменныя, или по крайней мѣрѣ—допетровскія, а позднія, заключающія, однако, цѣнный историко-литературный и историческій матеріалъ. Таковы, хотя бы, рукописные канты, псальмы, разнаго рода стихотворенія и драматическія произведенія конца XVII и всего XVIII ст. Изученіе ихъ открываетъ передъ нами любопытнѣйшія страницы литературной исторіи, но затруднено удивительно небрежнымъ отношеніемъ къ этому матеріалу гг. описателей.

Всѣмъ, кто прикосновененъ къ описанію памятниковъ рукописной старины, помимо неизбѣжной, конечно, тщательности и внимательности, слѣдовало бы условиться относительно нѣкоторыхъ общихъ пріемовъ въ описаніи рукописей. Эти пріемы достаточно извѣстны европейской наукѣ, но у насъ въ этомъ отношеніи господствуетъ полное разногласіе и не столько по нежеланію прійти къ согласію, сколько прямо по недоразумѣнію, вслѣдствіе незнанія составителей одного описанія, что важно для другого, или по естественной слабости ученыхъ придавать большее значеніе предмету, ихъ лично интересующему, нежели такому, къ которому они болѣе или менѣе равнодушны.

Предлагаемъ руководственныя указанія для тѣхъ, кто когда-либо займется описаніемъ рукописей.

До сихъ поръ идеальнымъ классическимъ трудомъ являются описанія рукописей, сдѣланныя Востоковымъ, и особенно Горскимъ и Невоструевымъ. О трудѣ Горскаго и Невоструева Срезневскій писалъ: „Такихъ произведеній ума, учености, трудолюбія, внимательности въ научной литературѣ нашей очень немного; немного такихъ произведеній и въ литературахъ западной Европы“ [1]). Описаніе это, по отзыву ак. Бычкова [2]), составило эпоху въ дѣлѣ описаній рукописей...

---

[1]) Отч. о прис. Ломон. прем., стр. 46, Сб. отд. р. яз. и слов. 1870 г., т. 7.

[2]) Тамъ же, стр. 45.

Другихъ подобныхъ трудовъ на русскомъ языкѣ мы не знаемъ. Эти ученые, особенно двое послѣднихъ, вносили въ описаніе не только внѣшніе признаки рукописи, исчисляли статьи съ указаніемъ началъ и источниковъ, извѣстныхъ или предположительныхъ, но и давали цѣлыя изслѣдованія о языкѣ и достоинствахъ перевода того или другого описываемаго ими сочиненія. Востоковъ особенно любилъ сообщать выписки, что было и понятно при тогдашнемъ положеніи нашей науки, шедшей еще въ сумеркахъ. Но теперь эти выписки — излишняя, пожалуй, роскошь, часто лишь расширяющая объемъ книги, которая прежде всего должна быть справочной.

Съ 1840—1850-хъ годовъ, особенно же съ эпохи, созданной трудами Срезневскаго и Буслаева, мы сдѣлали значительные шаги впередъ въ изученіи литературы, палеографіи, языка съ его исторіей и діалектологіей и, естественно, теперь описатель рукописи можетъ внести съ меньшимъ трудомъ много такого въ свое описаніе, чего не знали или что игнорировали названные ученые — образцы трудолюбивыхъ и многосвѣдущихъ піонеровъ на поприщѣ изученія родной старины.

Мы изложимъ ниже тѣ пункты, тѣ вопросы, на которые желательно найти отвѣты въ описаніи рукописей; многое изъ указываемаго нами не ново, и мы желаемъ лишь въ системѣ сгруппировать вмѣстѣ то, что одними принимается, другими отвергается къ немалому иногда урону для достоинства труда и неудобству ученыхъ, справляющихся съ описаніемъ.

1) Прежде всего въ описаніе—инвентарное или обстоятельное, ученое — рукопись заносится подъ извѣстнымъ нумеромъ. Полезно, чтобы эта нумерація шла черезъ всѣ тѣ страницы, которыя заняты описаніемъ каждой рукописи. Рядомъ съ нумеромъ, прежде названія или заглавія рукописи должно ставить въ скобкахъ тѣ №№, подъ которыми данная рукопись была извѣстна ранѣе по рукописнымъ каталогамъ или упоминалась въ ученыхъ изслѣдованіяхъ.

2) Не менѣе важно наименованіе рукописи. Съ книгами библейскими, учительными, литургическими, однимъ словомъ, съ сочиненіями опредѣленнаго состава наименованіе не представляетъ затрудненія. Иное дѣло съ сочине-

ніями историческими, напр., лѣтописями, хронографами разныхъ редакцій. Полезно при описаніи указывать эту послѣднюю, хотя бы и не претендуя на особую точность, съ оговоркой—„по мнѣнію такого-то“, въ данномъ случаѣ хотя бы—А. Попова. Сборники также, по возможности, должны быть обозначаемы, сборникъ ли это, или цвѣтникъ неопредѣленнаго состава, или одинъ изъ сборниковъ извѣстнаго типа—Измарагдъ, Златоустъ и т. п. Очень важно отмѣчать, одновременно ли составленъ сборникъ, или случайно сплетены въ одинъ переплетъ отрывки изъ разныхъ рукописей разнаго времени и содержанія.

3) Вслѣдъ за наименованіемъ долженъ быть указанъ форматъ въ сантиметрахъ и

4) Число листовъ (всѣхъ, съ заглавнымъ и послѣднимъ, если таковые есть) и тетрадей, которыя часто помѣчаются киноварью. При этомъ слѣдуетъ перемѣчивать и вносить въ общій счетъ и чистые бѣлые листы.

5) Матеріалъ — пергаменъ или бумага: знакъ бумаги полезно указывать. и хотя безусловнаго значенія знакъ, независимо отъ другихъ признаковъ, имѣть не можетъ, но въ совокупности съ другими признаками онъ чрезвычайно цѣненъ.

6) Само собою разумѣется—вѣкъ или приблизительная дата рукописи, если нѣтъ точной, устанавливаемой на основаніи записи или календарныхъ помѣтъ или чего либо иного. Для опредѣленія вѣка и для обоснованія этого опредѣленія полезно указывать—

7) Палеографическія особенности почерка (уставъ, полууставъ, скоропись того или другого типа).

8) Особенности языка — діалектологическія, которыя помогутъ оріентироваться въ вопросѣ о мѣстѣ написанія рукописи или ея оригинала, особенности орѳографіи, не всегда совпадающія съ особенностями діалектологическими.

9) Безусловно необходимымъ представляется намъ полное цитированіе записей: а) о времени написанія, б) передачи книги отъ одного владѣльца другому, в) о цѣнѣ книги. Другія записи не имѣютъ на нашъ взглядъ такого важнаго значенія, если не указываютъ на возможное пріуроченіе книги къ тому или иному времени или мѣстности.

10) Вслѣдъ за этими признаками, опредѣляющими

цѣнность рукописи независимо отъ ея состава, должно слѣдовать—и на чемъ мы особенно настаиваемъ—постатейное описаніе содержанія рукописи, при чемъ не должны опускаться даже мелкія статьи до полустраницы книги въ 8-ку; при описаніи стихотворныхъ произведеній должны приводиться также названія каждаго стихотворенія. Важно указывать и начала, и первый стихъ статей и стихотвореній. Для прозаическихъ произведеній начало должно заключать въ себѣ не менѣе 10—12 словъ, чтобы справляющійся могъ хотя бы приблизительно имѣть возможность отличить различные списки одного и того же сочиненія.

11) Не считаемъ необходимымъ безусловно, но весьма полезнымъ, чтобы при статьяхъ сборниковъ или при трудахъ отеческихъ и иныхъ, наполняющихъ цѣлую рукопись, указывались для переводныхъ—оригиналы, для оригинальныхъ—редакціи и вообще, что извѣстно въ литературѣ касательно даннаго произведенія.

Всѣ эти данныя, конечно, требуютъ нѣкоторой, иногда значительной, эрудиціи и кропотливыхъ изысканій, но за то описаніе, удовлетворяющее указаннымъ требованіямъ, можетъ дать изслѣдователю литературы, церковной и гражданской исторіи, Священнаго Писанія и т. п. дисциплинъ—вѣрное и надежное руководство.

12) Мы до сихъ поръ оставляли въ сторонѣ чисто художественную сторону рукописей. Авторъ описанія не можетъ, конечно, быть всестороннимъ. По преимуществу занимаясь литературой и исторіей, наши описатели рѣдко бывали знатоками искусства. Но отъ идеальнаго описанія хотѣлось бы требовать и вниманія къ искусству старинныхъ писцовъ и художниковъ. Описатель долженъ обратить вниманіе на орнаментъ и иниціалы въ нашихъ рукописяхъ, столь характерные для ихъ датировки. Основные стили орнамента являются едва ли не самымъ бросающимся въ глаза признакомъ при первомъ взглядѣ на рукопись. Древній византійскій, такъ называемый чудовищный, поздній византійскій геометрическій и, наконецъ, западно-европейскій стиль орнамента, богатый крупными листьями, цвѣтами, яркими красками, иногда позолотой—всѣ эти признаки важны не только для датировки рукописи, но и для исторіи искусства въ Россіи.

13) Къ области чисто художественной относится и миніатюра, также нерѣдко украшающая страницы нашихъ древнихъ рукописей. Полезно не только перечисленіе миніатюръ съ указаніемъ на страницы, но хотя бы и краткая характеристика ихъ, краски, особенности композиціи...

14) Мы можемъ закончить нашъ планъ описанія рукописей пожеланіемъ, чтобы впредь не оставались безъ вниманія такіе важные памятники древне-русской художественной промышленности какъ ткани, охраняющія миніатюры, и переплеты. Этимъ послѣднимъ посвящены замѣчательные труды П. К. Симони. При помощи ихъ и подобныхъ имъ— въ будущемъ станетъ возможно оріентироваться въ типахъ переплетнаго искусства въ древней Руси и изучить самый способъ переплетанія книгъ по древне-русскимъ и юго-славянскимъ руководствамъ.

15) Такъ какъ рукописи въ древности писались не на отдѣльныхъ листахъ, а тетрадями съ четнымъ количествомъ листовъ, то при описаніи рукописи въ цѣляхъ удостовѣренія ея сохранности слѣдуетъ указывать число тетрадей. Такъ, напр., судя по помѣтамъ тетрадей, мы иногда убѣждаемся, что имѣемъ предъ собою не цѣлый сборникъ, а лишь часть его, напр., Сборн. 1482 г. Имп. Публ. Библ. О. I. № 1411.

16) Въ заключеніе слѣдуетъ пожелать, чтобы описанія и каталоги снабжались именными указателями; иначе чрезвычайно трудно разобраться въ предлагаемомъ ими матеріалѣ. Какъ на примѣръ, не заслуживающій подражанія въ этомъ отношеніи, сошлемся на изданные при годовыхъ отчетахъ Императорской Публичной Библіотеки каталоги рукописей Богданова, Буслаева, Савваитова и др., въ которыхъ, разъ потерявъ, невозможно иначе найти нужную справку, какъ пересмотрѣвъ сызнова весь томъ каталога.

Филологическая подготовка, знаніе элементарныхъ пріемовъ научнаго метода и знакомство съ вспомогательными науками—необходимы всякому, кто хочетъ работать добросовѣстно и цѣлесообразно, стремится создать что-либо прочное, а не литературную шумиху. Хорошо, если историкъ литературы имѣетъ дѣло съ темою, по которой подготовительная работа уже сдѣлана предшественниками, выясненъ матеріалъ, поставлены вопросы первой важности и намѣ-

чены возможные отвѣты. Но такихъ темъ въ области исторіи и древней, и новой русской литературы—пока очень немного. Изслѣдователю приходится самому разыскивать матеріалъ, подвергать его критическому пересмотру, выбирать и классифицировать. Здѣсь мало одного знанія техники.

Мало знать, что есть библіотеки, музеи, архивы; надо умѣть искать въ нихъ. Здѣсь на помощь приходитъ знаніе условій эпохи, въ которыхъ дѣйствовалъ тотъ или иной писатель, или господствовало то или иное литературное направленіе, и указанія здраваго смысла. Когда намъ пришлось разыскивать матеріалъ для исторіи литературной дѣятельности пастора Глюка, для поисковъ представлялось безграничное поле; но это лишь кажется съ перваго взгляда. На самомъ дѣлѣ—предъ нами былъ выборъ: онъ жилъ въ плѣну, въ Москвѣ, значитъ, біографическія свѣдѣнія о немъ и его помощникахъ, нѣмцахъ преподавателяхъ, должны быть собраны въ Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ въ Москвѣ, гдѣ хранятся „Выѣзды". Засимъ Глюкъ и его преемникъ Паусъ занимались Свящ. Писаніемъ, а эта работа концентрировалась около Печатнаго Двора въ Москвѣ (нынѣ Синод. Типографія), гдѣ работали русскіе справщики; архивъ этого учрежденія за XVII и нач. XVIII в. сохранился. Засимъ Глюкъ и Паусъ подносили именитымъ сотрудникамъ царя Петра и, возможно, ему самому свои сочиненія. Гдѣ ихъ искать?—Въ Государственномъ Архивѣ, гдѣ хранятся бумаги Петра Великаго. Но тамъ не оказалось почти ничего. Гдѣ же могли оказаться бумаги этихъ нѣмцевъ? Тамъ, гдѣ служилъ младшій изъ нихъ, т. е., въ Архивѣ и библіотекѣ Академіи Наукъ.

Такимъ путемъ, чисто логическимъ мы дошли до мысли, гдѣ слѣдуетъ искать бумаги Глюка и Пауса—и послѣ упорныхъ поисковъ, на шкафу въ пыли, въ отдѣлѣ рукописей Академіи Наукъ—нашли засунутые туда, можетъ быть, еще А. А. Куникомъ свертки съ документами о названныхъ писателяхъ. Эта находка—не была совершенно случайной, какъ и многія другія, напр., на Аѳонѣ, гдѣ, уже теоретически соображая, слѣдуетъ искать массу греко-византійскихъ рукописей и славянскихъ уже въ силу многовѣкового значенія Аѳона, какъ мѣста не только подвижничества, но и не засыпавшей въ самые глухіе вѣка религіозной мысли и книжной дѣятельности.

§ 31. Изданіе (editio et emendatio).

Мы устремляемся очень смѣло и охотно въ область гипотезъ, часто совершенно забывая, что и для нихъ должна быть прочная почва. Эту прочную почву подготовляютъ тѣ, кто самоотверженно роется „на черномъ дворѣ науки", занимаясь библіографическими разысканіями, исправленіемъ текста памятниковъ и ихъ изданіемъ. Для этой послѣдней задачи надо немало знаній и тщательности: справедливо замѣчаетъ Ланглуа [1]), что „издавать согласно правиламъ критики неизданные или изданные плохо документы—значитъ оказывать существенную услугу изученію исторіи".

Библіографическая подготовка матеріала имѣетъ немаловажное значеніе. Извѣстно, что тексты древне-русскихъ памятниковъ литературы, а въ значительной степени и новыхъ, раскиданы по библіотекамъ. Изслѣдователю, собравшему свѣдѣнія о числѣ списковъ и ихъ мѣстонахожденіи, слѣдуетъ собрать извѣстные ему тексты и классифицировать. Многіе, приготовляя матеріалъ для изданія и изслѣдованія, списываютъ все подрядъ или заказываютъ списки. Другіе, полагаясь на память, отмѣчаютъ лишь наиболѣе важныя для нихъ въ данный моментъ мѣста и списываютъ себѣ въ тетради. Но такая экономія времени и письма—только кажущаяся: съ углубленіемъ въ изслѣдованіе возникаютъ вопросы, непредусмотрѣнные при составленіи первыхъ выписокъ, и онѣ оказываются безполезными.

Классифицировать матеріалъ надо съ самаго начала работы, положивъ въ основаніе классификаціи признаки, свойственные различнымъ спискамъ памятника, по возможности, копируя его цѣликомъ или—большими частями (начало, главные эпизоды, конецъ).

Изданіе памятниковъ имѣетъ свои правила, стоящія въ связи и зависимости отъ пріемовъ филологическаго метода изслѣдованія. Теперь, какъ справедливо говоритъ Бернгеймъ [2]), уже не издаютъ первый попавшійся списокъ памятника, какъ это случалось прежде, а пытаются разыскать первоначальный списокъ (архетипъ) или первопечатный экземпляръ (editio princeps). За неимѣніемъ таковыхъ—

---

[1]) Введеніе, стр. 67.

[2]) Введ. въ истор. науку, стр. 108 и сл.

собираютъ списки памятника, восходящіе къ одному общему оригиналу издаваемой редакціи, и выдѣляютъ лучшій списокъ. Нельзя ограничиться старѣйшимъ спискомъ, полагая, что онъ, какъ наиболѣе близкій ко времени написанія оригинала, будетъ ближе къ его тексту: иногда позднѣйшія копіи оказываются болѣе исправными и превосходятъ предшествующія. Возможно, что многочисленные списки памятника восходятъ къ различнымъ редакціямъ его. Результаты изученія списковъ могутъ быть представлены въ формѣ генеалогическаго древа (stemma) списковъ. Списки, прямо или косвенно происходящіе отъ одного общаго, образуютъ классъ; ради краткости каждый классъ иногда обозначается какой-либо буквой (A^1, A^2, A^3... B^1, B^2, B^3 и т. д.), отдѣльные же экземпляры—списки даннаго класса обозначаются цифрами.

При изданіи въ предисловіи обычно даются свѣдѣнія объ отдѣльныхъ рукописяхъ и объ общихъ результатахъ наблюденій надъ индивидуальными ихъ свойствами и о результатахъ изысканій, отъ которыхъ зависитъ видъ текста и „критическаго аппарата“, его сопровождающаго.

По установленіи качества списковъ и по выборѣ лучшаго,—его приготовляютъ къ изданію. Нельзя ограничиться механической передачей списка, хотя бы онъ вышелъ и изъ подъ пера автора. Издатель долженъ исправить (конечно, оговоривъ въ каждомъ случаѣ) очевидныя описки и опечатки, проставить недостающіе знаки препинанія; раскрывать сокращенія слѣдуетъ лишь въ томъ случаѣ, когда они не вызываютъ никакихъ сомнѣній; если же сокращеніе можетъ быть раскрыто и прочтено двоякимъ способомъ—лучше передавать его въ изданіи буква въ букву. Для историка—сохраненіе орѳографіи не представляетъ большой важности, но для филолога и историка литературы—иногда очень важно сохранить орѳографію рукописи; слѣдуетъ только выдѣлить собственныя имена большими буквами и раздѣлить слова, обычно пишущіяся въ древне-русскихъ и старо-славянскихъ рукописяхъ слитно. Когда архетипъ—оригиналъ памятника отсутствуетъ, а приходится при изданіи пользоваться рядомъ списковъ,—задача издателя становится труднѣе, особенно если ни одинъ изъ списковъ не близокъ къ оригиналу настолько, чтобы можно было имъ руководить-

ся, а есть нѣсколько классовъ рукописей или нѣсколько рукописей. Тогда приходится возстанавливать текстъ, руководясь принципами критики текста, о коихъ рѣчь ниже, заботясь о согласованіи чтенія отдѣльныхъ рукописей, и выбирать, взвѣшивая постоянно, лучшее, предпочтительное чтеніе, приводя въ критическомъ аппаратѣ другія чтенія. Вообще каждое измѣненіе въ издаваемомъ текстѣ должно быть оговорено въ примѣчаніяхъ критическаго аппарата, чтобы читающій и пользующійся изданіемъ могъ контролировать издателя и не зависѣть отъ его произвола. Неразборчивыя слова въ рукописи, чтеніе которыхъ сомнительно, должны быть оговорены въ примѣчаніяхъ. Нельзя не упомянуть, что такой обработкѣ текста къ изданію должно предшествовать внимательное изученіе памятника со стороны его состава, дабы въ аппаратъ были внесены варіанты лишь данной группы списковъ, а не иной редакціи. Внесеніе варіантовъ изъ другой редакціи можетъ быть оправдано лишь тамъ, гдѣ самыя редакціонныя отличія списковъ сводятся къ чисто механическимъ пропускамъ и дополненіямъ, какъ, напр., въ извѣстномъ „Словѣ о законѣ и благодати“ митрополита Иларіона.

Относительно воспроизведенія въ печати памятниковъ древняго славяно-русскаго письма, на нашъ взглядъ слѣдуетъ держаться такихъ пріемовъ: уставныя и полууставныя рукописи до XVII в. включительно передавать точно, славянскимъ шрифтомъ; скорописныя—гражданскимъ; памятники XI—XIV в.в., пергаменные, писанные уставомъ—обычно воспроизводятся строка въ строку, буква въ букву, особенно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ имѣются поврежденія и возможно путемъ счета буквъ въ строкѣ подобрать текстъ для заполненія утраченнаго. При воспроизведеніи памятниковъ новой литературы—также умѣстно (для XVIII в. и для крупныхъ поэтовъ XIX в.) сохранять ихъ орѳографію, иногда очень характерную.

Такимъ образомъ, изданіе памятника требуетъ большой тщательности въ подготовленіи матеріала, которая очень не легко достижима. Изданія, исполненныя даже опытными библіографами, нерѣдко грѣшатъ неправильными чтеніями, пропусками, вѣроятно, въ зависимости отъ того, что издатели въ массѣ использованныхъ рукописей не нашли пра-

вильнаго чтенія. Примѣръ имѣемъ въ изд. сатиръ Кантемира Ефремова и Стоюнина (СПБ. 1857 г.): на стр. 289 пропущенъ парный стихъ къ стиху 39-му; имѣется лишь: „Дабы бѣднаго убить непорочно“, между тѣмъ какъ.

Кіевскій списокъ (Унив. библ., 1730 г.г.) въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ (Epodos consolatoria) даетъ чтеніе:

„Дабы бѣднаго убить непорочна,
Но та работа вся будетъ непрочна“.

Издательскія ошибки мы встрѣчаемъ даже у Тихонравова. Издавая Сказаніе Афродитіана по рукоп. XIII в. [1]), онъ допустилъ по недосмотру: бы вм. бꙋ, наречемыи вм. нарѣчемыи, суща вм. сощща и т. п. и что важнѣе: царѧ вм. цр҃ѧ, видѣхомѣ вм. вѣдѣхомѣ и чл҃вцю кещь вм. правильно читаемаго въ рукописи чл҃вчю кещь; изъ послѣдней ошибки Тихонравова возникалъ соблазнъ зачислять древнѣйшій списокъ „Сказанія“ въ разрядъ новгородскихъ. Или возьмемъ его же „Русск. драматическія произведенія 1672—1725 г.г., т. II, стр., 485 и слѣд.; здѣсь издателемъ не только измѣнено правописаніе, но и допущенъ рядъ ошибокъ, измѣняющихъ смыслъ текста интермедіи, напр., въ изд. *съ красными,*—въ рукоп. *с красныя;* въ изд. *въ кочергу,*—въ рук. *в корчагу;* въ изд. *дивку,* —въ рукоп. вѣдѣ чловѣ; въ изд. *хочу,* въ рукоп. *не хочу;* изд. *старикъ*—въ рук. *мужикъ,* и нѣсколько явныхъ пропусковъ [2]). Изданія другихъ ученыхъ XIX в. грѣшатъ иногда еще большими неточностями. Сказанное о необходимости тщательнаго изданія памятниковъ древней письменности относится и къ изданію произведеній новыхъ авторовъ. Еще Шевыревъ [3]) жаловался на небрежное отношеніе издателей къ текстамъ. А до чего могутъ исказить смыслъ словъ поэта неумѣлые издатели—свидѣтельствуютъ примѣры, указанные Шевыревымъ въ изданіи сочиненій Пушкина, сдѣланномъ Анненковымъ: напр., въ „Борисѣ Годуновѣ“ читаемъ:

„Что пользы въ томъ, что явныхъ казней нѣтъ,
Что на полу кровавомъ всенародно
Мы не поемъ каноновъ Іисусу?“

---

[1]) Пам. отреченной литер. II, стр. 1—4.

[2]) См. нашу статью „Скоморошьи вирши“ по рук. пол. XVIII в., 1898, стр. 9.

[3]) Ист. русск. слов. I, введеніе, CXX.

Слѣдуетъ, конечно, читать—„на колу“, ибо рѣчь идетъ о казни. Или въ „Посланіи къ Дельвигу“ 1817 г. явился у Анненкова стихъ, неимѣющій размѣра.

„Милой другъ и я пѣвецъ! И мой смиренный путь“... Вмѣсто „милой“ слѣдуетъ, конечно, читать „мой“. Только въ самое послѣднее время являются у насъ опыты научнаго изданія новыхъ русскихъ писателей—Грибоѣдова (Шляпкина и новое, Академическое), Лермонтова (Введенскаго и Академическое), Кольцова (Лященка и Академическое), Пушкина (Морозова, Венгерова, Академическое), Гоголя (Тихонравова—Шенрока). Когда наступитъ пора для изданія всѣхъ древне-русскихъ произведеній литературы—сказать трудно: Академіей Наукъ только что положено начало такому изданію.

При переизданіи памятника слѣдуетъ свѣрить текстъ его съ оригиналомъ; старые издатели были не всегда внимательны къ издаваемому и допускали по недосмотру серіозные пропуски и искаженія. Какъ мы видѣли выше, они встрѣчаются даже у Тихонравова и у современныхъ ученыхъ; отъ ошибокъ трудно уберечься, особенно при изданіи большого или написаннаго неразборчиво памятника.

§ 32. Критика текста. Типы ошибокъ.

Историко-литературный матеріалъ вызываетъ цѣлый рядъ сомнѣній въ отношеніи исправности своего текста. Большая часть произведеній древне-русской литературы и многія изъ произведеній новой русской литературы дошли до насъ не въ оригиналахъ, точность передачи которыхъ и соотвѣтствіе мысли автора—внѣ сомнѣній. Большею частью мы имѣемъ дѣло съ копіями, а извѣстно, что даже наиболѣе внимательный списыватель невольно порою погрѣшаетъ, ошибается и передаетъ оригиналъ неточно, не говоря уже о преднамѣренныхъ измѣненіяхъ. Къ тому же въ ту эпоху, когда развивалась древне-русская литература, понятія о литературной собственности и объ обращеніи съ чужими текстами были весьма элементарны: списыватель, кромѣ случаевъ переписки Свящ. Писанія, богослужебныхъ книгъ или наиболѣе авторитетныхъ сочиненій, гдѣ если и были ошибки, то большею частью неважныя—могъ допускать въ своей копіи свободныя перемѣны, добавленія и сокращенія. Отсюда для историка литературы вытекаетъ не-

обходимость—критически относиться къ имѣющемуся на лицо списку памятника и помнить, что передъ нимъ не самый памятникъ, а лишь одна изъ многочисленныхъ копій его и, можетъ быть, далеко не точная. Вспомогательнымъ орудіемъ для возстановленія на основаніи показаній списковъ самаго памятника—является „критика текста“ его.

Возникшая еще во время дѣятельности Александрійскихъ грамматиковъ „критика текста“ примѣняется и въ наше время при изученіи памятниковъ какъ древней, такъ и новой литературы; въ послѣднемъ случаѣ—прибѣгаютъ къ критикѣ текста нѣсколько рѣже, но все-таки, какъ увидимъ ниже, безъ нея не обходятся. Примѣняютъ критику текста къ произведеніямъ новыхъ литературъ не столько для возстановленія текста, сколько для точнаго установленія его, т. е. для для опредѣленія окончательнаго вида произведенія. Въ обычномъ обращеніи съ произведеніями писателей новаго времени мы не замѣчаемъ надобности вникать въ детальныя черты ихъ текста. Масса читателей пользуется, напр., сочиненіями Пушкина, не задавая себѣ вопроса,—вѣренъ ли текстъ, лежащій предъ нами, замысламъ поэта, отражаетъ ли онъ дѣйствительно то, что творилъ, о чемъ думалъ поэтъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, нужна ли предварительная критика текста литературнаго памятника?

Справедливо замѣчаютъ, что „въ принципѣ всѣ признаютъ полезность критики; но это одинъ изъ тѣхъ неоспоримыхъ постулатовъ, которые трудно осуществляются на практикѣ“ [1]). Умъ человѣческій склоненъ по лѣности или по инертности къ самому широкому довѣрію именно тамъ, гдѣ нужна самая тщательная осторожность. Сколько гипотезъ строится, сколько ложныхъ утвержденій существуетъ въ нашей наукѣ именно изъ-за умственной трусости или лѣни, не дающей дороги критическимъ методамъ углубиться въ существо дѣла и влекущей носиться по поверхности, истощая силы въ безплодныхъ разсужденіяхъ общаго характера, равно безполезныхъ и для разсуждающихъ, и для слушающихъ, или читающихъ ихъ разсужденія. Наука отъ этихъ разсужденій ничего не выигрываетъ; развивается же благодаря имъ врожденная намъ лѣность мысли. „Основной

[1]) Ланглуа и Сеньобосъ, стр. 53.

причиной легковѣрія (некритичности) служитъ лѣность. Гораздо удобнѣе вѣрить, чѣмъ разбирать, признавать—чѣмъ критиковать, накоплять документы, чѣмъ ихъ взвѣшивать“ [1]).

Критика текста документовъ необходима и для историка, и для историка литературы. Она имѣетъ цѣлью дать очищенный отъ случайныхъ наслоеній и искаженій матеріалъ. Ее, какъ сказано, примѣняютъ и по отношенію къ памятникамъ древнимъ—и памятникамъ новымъ (Академическія изданія Пушкина, Кольцова). Первою же важной задачей критики текста является задача установленія подлинности памятника, т. е. выясненіе, съ оригиналомъ мы имѣемъ дѣло или съ копіей: если съ послѣдней, то съ хорошей или дурной, требующей поправки. Критика текста находитъ и, по возможности, поправляетъ ошибки, имѣющіяся въ дошедшемъ до насъ текстѣ, исправляетъ отдѣльныя слова и фразы, восполняетъ пропуски и отбрасываетъ излишнія добавленія переписчиковъ и издателей, уясняетъ смыслъ непонятныхъ мѣстъ, словомъ, старается представить текстъ, испорченный традиціей, въ возможно близкомъ видѣ къ тому, какъ онъ вышелъ изъ подъ пера автора. Путемъ критики текста открываются также основанія для установленія времени и мѣста написанія памятника, опредѣленія его возможнаго автора, если онъ не названъ, и провѣрка, насколько сочиненіе, приписываемое тому или иному автору, въ дѣйствительности принадлежитъ ему.

Вспомогательнымъ средствомъ при анализѣ и возстановленіи текста является палеографія, объясняющая возникновеніе ошибокъ изъ условій письма. Когда палеографическія данныя не выясняютъ вопроса,—прибѣгаютъ къ герменевтикѣ, толкованію текста, къ анализу его стиля, синтаксиса или метрики, если это стихотворное произведеніе.

Общимъ принципомъ критики текста, вызвавшимъ ея появленіе въ филологической наукѣ новаго времени (Лаврентій Валла), является безпристрастіе, отсутствіе предвзятаго мнѣнія, осторожность въ выводахъ, недовѣріе ко всему, что является хоть сколько-нибудь сомнительнымъ, использованіе по возможности всего матеріала и пособій по данному вопросу. Пользуясь плохимъ, испорченнымъ

[1]) Ланглуа и Сеньобосъ, стр. 54, прим.

текстомъ, безъ предварительной критики и исправленій,—можно по ошибкѣ приписать автору то, что принадлежитъ переписчику, жившему иногда значительно позже автора и руководившемуся какими либо совершенно посторонними автору соображеніями [1]). Ошибки писцовъ бываютъ иногда „очень коварны“ и могутъ повести къ грубымъ выводамъ читателя [2]).

Но приступать къ исправленію ошибокъ надо умѣючи. „Исправленіе текстовъ слишкомъ часто оказывается неудачнымъ, вслѣдствіе недостаточнаго знанія того, что можно было бы назвать „правилами игры“—пишетъ Линдсей, давшій руководство для исправленія Плавта [3]). Мы желаемъ предлагаемыми ниже свѣдѣніями помочь лицамъ, практически приступающимъ къ работѣ надъ изслѣдованіемъ текста древне-русскихъ памятниковъ.

Остановимся на значеніи ошибокъ и видахъ ихъ. Ученые не сразу научились искусству исправлять ошибки въ древнихъ рукописяхъ и цѣнить хорошіе списки. Еще недавно издавали памятники по случайно подвернувшимся спискамъ, исправляли ихъ на удачу (напр., Сахаровъ). Но имѣя дѣло съ массой писанныхъ документовъ,—ученые замѣтили, что ошибки не случайны, что въ ихъ возникновеніи есть нѣкоторая закономѣрность [4]).

Ошибки, какъ показываетъ статистическое обслѣдованіе ихъ,—не случайны, т. е. характеръ ихъ, несмотря на кажущуюся случайность—однообразенъ: всѣ онѣ могутъ быть классифицированы въ опредѣленныя группы (пропуски вставки, перестановки, замѣны—искаженія въ словахъ, формахъ и ихъ сочетаніяхъ), и возникновеніе ихъ можетъ быть объяснено. Изъ ихъ классификаціи вытекаетъ путь къ исправленію текстовъ. „Тексты искажаются согласно

---

[1]) Ланглуа и Сеньобосъ, стр. 57.

[2]) Тамъ же, стр. 57.

[3]) Тамъ же, стр. 61 и 67.

[4]) Ср. Ланглуа и Сеньобосъ, стр. 57. Принципы критики текста и исправленія ошибокъ изложены Fr. Blass'омъ „Hermeneutik und Kritik“ въ Handbuch der Klassischen Altertumswissenchaft, Joh. Müller'a I B. 1886 г.; рус. переводъ Воеводскаго, Одесса, 1891 г.; Tournier, въ Bibliothèque de l'ecole des Hautes Etudes, X vol; въ руководствѣ Ланглуа и Сеньобоса, упомянутомъ выше.

нѣкоторымъ законамъ. Мало по малу примѣнились распознавать и классифицировать причины и обычныя формы различій, наблюдаемыхъ между оригиналами и ихъ копіями; затѣмъ, при помощи аналогіи удалось вывести правила, дающія возможность возстановлять гадательнымъ образомъ тѣ мѣста въ единственной копіи утеряннаго подлинника, которыя несомнѣнно (потому что они непонятны) или, вѣроятно искажены“ [1]).

Каждый памятникъ, дошедшій до насъ въ копіи, а не въ оригиналѣ, или—если въ оригиналѣ, то испорченномъ временемъ,—возбуждаетъ различныя сомнѣнія въ цѣломъ и частяхъ. Напримѣръ, можетъ оказаться, что нарушена въ текстѣ грамматическая правильность, свойственная эпохѣ, къ которой относится памятникъ; или употреблено слово или выраженіе, совершенно необычное для даннаго автора и той эпохи, когда онъ писалъ, или обнаруживается искаженіе метра, порча или неудачная замѣна риѳмы—если передъ нами стихотвореніе; или текстъ обнаруживаетъ уклоненіе отъ требованій здраваго смысла, предлагая нѣчто, не удовлетворяющее правильному теченію и развитію мысли; или—грубый анахронизмъ, обличаемый свидѣтельствами безспорныхъ показаній другихъ памятниковъ. Эти и другія погрѣшности въ текстѣ изучаемаго списка памятника вызываютъ сомнѣнія относительно тожества дошедшаго до насъ памятника съ его архетипомъ, а иногда даже заставляютъ заподозрѣвать принадлежность его тому автору, которому онъ приписывается.

Но чаще всего мы встрѣчаемся съ ошибками въ самомъ текстѣ, въ отдѣльныхъ словахъ; устраненіе ихъ является первымъ этапомъ филологическаго изученія памятника.

Ошибки можно раздѣлить на двѣ большія категоріи—ошибки умышленныя и случайныя. Нѣкоторые переписчики, списывая текстъ памятника, умышленно дѣлали въ немъ измѣненія, или пропуски, или вставки; измѣненія дѣлались большей частью по непониманію того, что списывается; въ результатѣ получались случаи осмысленія непонятныхъ словъ оригинала (см., напр., „Крайнее мѣсто“—вм. „Краніево мѣсто“, т. е. Голгоѳа).

---

[1]) Ланглуа и Сеньобосъ, стр. 59.

Случайныя ошибки при всей ихъ случайности (вслѣдствіе ослышки или неправильнаго чтенія мѣстъ оригинала—распадаются на нѣсколько классовъ: 1) измѣненія: диттографія, гаплографія, неправильное раздѣленіе словъ; 2) вставки (интерполяціи)—случаи механическаго повторенія выше написаннаго; 3) пропуски: глазъ скользилъ въ слѣдующую строку или черезъ нѣсколько строкъ,—и писецъ продолжалъ съ того же слова (въ новомъ мѣстѣ), на которомъ прервалъ списываніе.

Анализъ случайныхъ ошибокъ въ древнихъ рукописяхъ приводитъ къ выводу, что всѣ „эти различнаго рода ошибки дѣлались писцами всѣхъ временъ и всѣхъ странъ, безразлично, на какомъ языкѣ и какимъ бы почеркомъ ни были написаны оригиналы“ [1]).

Большинство случайныхъ ошибокъ можно угадать, зная обычныя формы языка, употребляемаго въ памятникахъ, аналогичныхъ критикуемому, или въ немъ самомъ. (Только пропуски—непоправимы, если нѣтъ другого, болѣе исправнаго списка). Пропуски умышленно дѣлались для сокращенія работы: уничтожались повторенія; или—по небрежности писца (см. ниже); вставки, интерполяціи дѣлались также и умышленно—для того, чтобы блеснуть знаніемъ или начитанностью, или—механически, черезъ повтореніе слова оригинала. Довольно обычны описки, гдѣ писецъ не дописывалъ части буквы, напр., ѕ и получалось—о: „тробы рожаны“ [2]). Зная такія описки, мы можемъ, напр., исправить въ Словѣ о Полку Игоревѣ: „бѣды пасеть птиць подобію“—на „... по дѕбію“.

Замѣна однѣхъ буквъ другими подъ вліяніемъ сосѣднихъ (слѣдующихъ) написаній—обычна въ памятникахъ древне-русской письменности и легко подвергается исправленію: Псалтирь XIII—XIV в. Ф. п. I, № 1: въ *т*отоцѣ, 133 об., помыхлѧхоу, 277 об.; особенно надо имѣть въ виду такія ошибки при изслѣдованіи языка памятника, чтобы не придать имъ по недоразумѣнію звукового значенія (срв. тамъ же: волны востаѧщам на мѧ л. 121). Часты случаи повторенія буквъ предыдущаго или послѣдующаго слога: „лъѣтыѣ

[1]) Ланглуа и Сеньобосъ, стр. 60.

[2]) Пергамен. Псалтирь; Розовъ, Отчетъ, стр. 45.

(=лютыя), плогом .....шралъ, берегенѧмъ", М. Синод. Сборн. $^{68}/_{270}$; „ко грѣбѣ" (=ко гробу), М. Синод. Сборникъ $^{53}/_{255}$; „на пилъ ли (=на пиръ ли),—Новгород. Соф. № 1262; „пр҃ркъ ...ѧвѣ намъ бесѣдѣет", Пергам. Сб. XV в. Синод. Арх. № 1301, л. 164. Ко блибнему, Палея 1477 г.; вышняро мира, *в* женѣ въ дом, двори восходници, Палея 1494 г.

Искаженія въ словахъ могутъ происходить отъ перестановки буквъ, иногда не давая смысла, иногда—совершенно измѣняя его. Примѣры: въ слав. перг. Хронографѣ Малалы читаемъ: „покори Римъ весь", въ греч.—„ὑποταξας τὸν κόσμον", т. е. въ переводѣ первоначально было „миръ" (міръ), а отъ небрежности писца „миръ" превратился въ „Римъ" [1]); то же: въ мирѣ вм. въ „Римѣ", Еванг. молдав. письма XVI в., библ. Баворовскихъ; „Ровголода", Синод. Библ. № 154.

Пропускъ буквъ—вслѣдствіе того, что переписчикъ не могъ разобрать слова или буквы, или отъ разсѣянности,—явленіе не рѣдкое: примѣръ пропуска одной буквы: „въ приторъ" вмѣсто „въ притворъ" (Евангеліе Ундольскаго, XV—XVI вв. (л. 246); съ строю вм. съ сестрою, не возмоша вм. невозмогоша, Палея 1494 г. и М. Син. Сб. $^{53}/_{255}$; или—пропускъ слога: же та (вм. жена та) Кіев. Ев. XIV в. Печ. Л. 1, л. 80 об.; оу темьцю—вм. оу темьницю—Ев. Чартор. XIV в.; пока вм. потока, Палея 1477 г.; надо имѣть въ виду, что пропускъ не всегда сразу замѣтенъ, особенно въ связномъ письмѣ XI—XIV в.в., безъ раздѣленій, а порою—какъ будто даже даетъ нѣкоторый смыслъ, напр., въ Пс. И. П. Б. п. I, № 1, XIII—XIV в.: „иже ѿ пре҃тьою бокѣ твоею" (220 об.)—слѣд. исправить „бо роукѣ"; .....„иноплеьницы (ib. 133 об.)—слѣд. исправить „иноплеменьницы".

Пропускъ слоговъ имѣетъ особое значеніе при связномъ письмѣ, безъ раздѣленія и при невниманіи писца можетъ за неправильнымъ чтеніемъ повлечь неправильное пониманіе, напр. [2]), „аще кто оу[бо боу]деть" (Сб. Соф. библ. № 1262); особенно часто—между сходными слогами: „сѓго

---

[1]) См. Истринъ, Хроника I. Малалы въ слав. перев., кн. 8—9, 1912 г., стр. 20.

[2]) Въ скобкахъ [ ] наши дополненія, внесенныя для поясненія того, что именно пропущено.

пе[тра ми]трополита изли[чи]въ“ (Пск. Судн. Грамота); ...„почерьпшеши в[од]оу и пьригласи жениха [архи]триклинъ“. (Евсев. Ев. 1283 г., М. II. Муз. № 3168, л. 5). Пропускаются слоги между слогами особенно часто, если стоятъ подрядъ два тожественныхъ или сходныхъ слога: „въ Галею“ вм. въ Галелею, Ев. Муз. Чарторыск. XIV в.; „зане [не] ограженъ“, (Слово Даніила Заточника, рук. XVI в.); „внегда судити [ти]“, Апостолъ, XVI в.; зная это—читаемъ съ исправленіемъ: „стрежаше е[го] гоголемъ“, въ Словѣ о полку Игоревѣ.

Пропуски словъ, предложеній получаются въ рукописи и отъ того, что при списываніи глазъ перескакиваетъ на находящуюся по близости похожую группу буквъ—одною или нѣсколькими строками ниже—и писецъ пропускаетъ стоящее между этими сходными группами; это особенно часто случалось тогда, когда одно и то же слово или фраза повторялись нѣсколько разъ подрядъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ подобныхъ ошибокъ гаплографическаго типа, ставя пропущенное въ рукописяхъ въ скобки: „бысть [вечеръ и бысть] утро“ Григор. Парем., I, 19; въ спискахъ Паремейника Лобковскомъ, Унд. и нѣкоторыхъ другихъ въ Быт. VIII, 20: „отъ всѣхъ скотъ чт҃хъ [и ѿ всѣхъ птиць чт҃хъ]“—т. е. пропущены слова, замкнутыя между повторяющимся „чт҃хъ“ [1]). Иногда писецъ по́ какому то капризу выбиралъ изъ лежащаго предъ нимъ текста, напр., „азъ послю исходительствоукть“ вм. „азъ послю [а҃ѣ҃ нже ѿ ѿца] исхо[дить и тъ сви]дительствоукть“ (Кіев. Ев. Печ. Лавры № 1, XIV в.).

Въ Острожской библіи (122 л. кн. Руѳь, гл. 3) читаемъ: „И пріиде Руѳь къ свекрови своей и рече ей свекры: что есть дщи, и повѣда ей елико сотвори ей мужъ и повѣда ей: шесть мѣръ ячменя—се дастъ ми“; а въ спискѣ библейскихъ книгъ Новг. Соф. собора XVI в. № 82—такая ошибка писца: „И рече ей свекры, что есть дщи, и повѣда ей: шесть (мѣръ) ячменя—се дастъ ми“, т. е. пропущено все, находящееся между повторяющимся дважды словомъ „повѣда“. Очевидно, взглядъ писца скользнулъ приблизительно на одну строку ниже, на второе „повѣда“, и писецъ, не

[1]) Михайловъ, Опытъ изуч. текста кн. Бытія, I, стр. 286.

замѣтивъ этого, сталъ писать далѣе, пропустивъ слова, заключенныя между первымъ и вторымъ „повѣда“.

Пропуски, если они невелики, могутъ быть легко исправляемы,—и безъ справокъ съ другими списками. Но тамъ, гдѣ пропуски болѣе обширны—приходится привлекать большой критическій аппаратъ изъ различныхъ списковъ памятника.

Ошибочныя чтенія переводныхъ памятниковъ возстанавляются изъ сравненія съ оригиналомъ. Такъ, въ переводѣ Хроники I. Малалы, въ 6 кн. читаемъ: „праздникы ваша“—очевидно, изъ „праздьноваша=ἐπετέλεσαι; „пръваа“—изъ „еръвоа“ (чрезъ—еръваа), =греч. ἐρίβοια; въ 7-й кн.: „ѡблечесѧ въ ризоу сию“, а должно быть: „синию“, греч. „ἐφόρει σχῆμα ἱματίων κυανῶν“; въ заднихъ (=западныхъ) странахъ=ἐν τῇς δύσεως μέρεσιν“... [1]).

Къ числу пропусковъ относятся недописи; ихъ можно восполнить иногда по догадкѣ, но съ увѣренностью,—только чрезъ привлеченіе къ дѣлу лучшихъ списковъ или, если памятникъ переводный,—по справкѣ съ оригиналомъ. Важность исправленія недописей по лучшимъ спискамъ особенно становится ясной изъ такого случая. Въ „Исторіи канонизаціи русскихъ святыхъ“ проф. Голубинскаго [2]) читаемъ указаніе на то, что существовалъ святой „Іоаннъ Сухой, Ярославскій, неизвѣстно когда жившій во второй половинѣ XV в.“. Дѣйствительно, въ Новгородской 4-й лѣтописи, въ нѣкоторыхъ спискахъ Воскресенской лѣтописи—читается подъ 1463 годомъ, что послѣ того, какъ въ семъ году зачались въ Ярославлѣ чудеса отъ гроба кн. Ѳеодора Ростиславича съ дѣтьми: „Иванъ Сухой чудеса творити началъ по всей ярославской вотчинѣ“ [3]). Но вотъ въ самое послѣднее время ак. Шахматовъ изучалъ Ермолинскій лѣтописецъ. Подъ 1463 г. здѣсь нашлось то же извѣстіе, но съ прибавкой, существенно измѣняющей дѣло: послѣ извѣстія о чудесахъ отъ гроба кн. Ѳеодора сказано: „а послѣ того в том же градѣ Ярославли явися новый чюдо-

---

[1]) В. М. Истринъ, Хроника I. Малалы въ слав. перев., кн. 6 и 7. СПБ. 1911 г., стр. 32, 33—38.

[2]) 2 изд., 580 стр.

[3]) П. С. Р. Л., IV, 149; VI. 247.

творець Иоанъ Огафоновичъ Сущей созиратай ярославской земли, у кого село добро, инъ отнялъ, а у кого деревня добра инъ отнялъ, да отписалъ на великаго князя, а кто будеть сам добръ, бояринъ или сынъ боярской инъ его самого записал а иныхъ его чюдесъ множество, неможно исписати и исчести, понеже во плоти суще дьявол“ [1]). Московскій писецъ, какъ оказывается, не сохранилъ въ своемъ спискѣ ироническаго конца лѣтописной замѣтки и—явился новый святой [2]).

Бываютъ и обратныя описанному явленія: не пропуски, а напротивъ того, повторенія одного или нѣсколькихъ слоговъ (диттографія): „срачичицею“ Кіев. Печ. Ев. XIV в., № 1, л. 32 а; „разболѣле“, „блѣговоливоли“, „и на ико и на иконахъ“—Палея 1404 г.; „раради wбрадованна“, Перг. Сбор. XV в., Син. Арх. № 1301, л. 166; „еририхо“, „слововомъ“, „сестрыстры“—Палея, 1477 г.; „бабагряну, проидодоша“,—Син. Сбор. № 154. Случаи диттографіи есть въ припискѣ на Мин. Служ. XVII в., февр., Син. Арх. № 3824: „при благороднемъ и благочестивемъ его сыну веливеликомъ князи Иванѣ Васильевичи всеа Роуси“... Диттографическія ошибки особенно естественны въ томъ случаѣ, когда слово раздѣляется на двѣ части концомъ строки или приходится на концѣ ея: „Пришедъ/шедше“ Ев. Кіев.-Печ. Лавры XIV в. № 1, л. 78а, животъ/вотъ“ тамъ же, л. 145б. Встрѣчаются въ рукописяхъ повторенія по ошибкѣ и цѣлыхъ строкъ, что проходитъ иногда незамѣченнымъ издателями памятника, напр., въ Еванг. Кіево-Печ. Лавры № 1, л. 62—63; въ Уваровскомъ спискѣ Западно-русской лѣтописи л. 102 об. [3]). „и рече Борисъ: брате Глебе вели грести, да поможемо сроднику нашему Александру, видѣвь же Певгусий такое виденье и такое слышание и стояшѣ трепетенъ, дондеже отиде насад из очью его. Потомъ скоро поеха ко князю Александру, видѣвъ же Пегусий такое видение и такое слышание и стояше трепетень, исповѣда ему радость“...

Очевидно, здѣсь повтореніе совершенно излишне и послѣ перваго „Александру“ должно слѣдовать „исповѣда“...

---

[1]) В. Иконниковъ, Опытъ р. исторіографіи, II, 2, стр. 916.

[2]) См. Лихачевъ, Дипломатика, 2 изд., стр. 13—14.

[3]) Изданіе Археограф. Коммиссіи въ Полн. Собр. Р. Лѣтоп., томъ XVII, 1907 г., столб. 121.

Мелкія ошибки въ письмѣ непреднамѣреннаго, механическаго характера—чрезвычайно многочисленны и могли происходить вслѣдствіе различныхъ причинъ: разсмотримъ нѣкоторыя изъ нихъ.

Измѣненіе произношенія могло отразиться и на новомъ спискѣ какой-нибудь рукописи, куда писецъ непроизвольно вносилъ новыя буквы, записывая слово такъ, какъ онъ его произносилъ, а не какъ оно было написано въ древнѣйшей рукописи. Такъ, въ Ипатскомъ спискѣ Начальной Лѣтописи читаемъ: „Днѣпръ потече изъ Воковьскаго лѣса“, тогда какъ Лаврентьевскій списокъ имѣетъ: „Оковьскаго“. Буквы, имѣвшія сходныя начертанія, могли быть приняты одна за другую и послужить такимъ образомъ источникомъ дальнѣйшихъ ошибокъ. Въ XV в., напримѣръ, іотированное ѥ имѣло такіе закругленные края во второй своей части, что легко могло быть принято за *ю*; напримѣръ, въ спискѣ XV в.—Слова св. Ипполита объ Антихристѣ читаемъ: „милосердное и нелицемѣрною“ вм. „нелицемѣрное“, какъ читаемъ въ Синодальномъ спискѣ XIII в.—Небрежно написанный, или вѣрнѣе недописанный ѕ (особенно часто въ западно-русскихъ рукописяхъ XV—XVI в.в.) легко смѣшивался съ о (примѣры—выше).

Недосмотръ, пропускъ какого-нибудь значка тоже играетъ видную роль въ ошибкахъ этого рода.

Въ частности у насъ богатое поле для наблюденія надъ этими ошибками и возможностью ихъ возникновенія представляютъ полууставныя рукописи XV—XVI в.в. Дѣло въ томъ, что въ концѣ XV в. мелкій полуустав сталъ испещряться надписными буквами и титлованными окончаніями, что при слитномъ начертаніи словъ уже немало затрудняло читателя. Въ XII в., особенно во второй его половинѣ, когда полууставныя буквы стали наполовину мѣшаться со скорописными при надстрочныхъ начертаніяхъ и титлованныхъ окончаніяхъ, затрудненія были уже такъ велики, что подавали поводъ къ невѣрнымъ чтеніямъ и многочисленнымъ ошибкамъ. Надстрочныя буквы легко выпадали или выпускались при дальнѣйшей перепискѣ, и смыслъ получался иногда совершенно обратный, напримѣръ: „Лутче бы смерть не продолженъ животъ“; „не“ здѣсь вмѣсто неж; ж—выпало, и смыслъ измѣнился. Точно также надстрочные знаки не-

рѣдко принимались не за то, что они означали, или же совершенно опускались. Сокращенія словъ и ихъ окончаній черезъ такъ называемыя титла тоже не разъ служили источникомъ позднѣйшихъ ошибокъ, напримѣръ, „двамъ разбойникомъ распѧтыма“, Палея 1494 г.—очевидно, первое слово читалось въ оригиналѣ, съ котораго списывалъ переписчикъ—„двам“ т. е. двама; въ томъ же памятникѣ: „и тогда нападе намъ (вм. „на мѧ“) сонъ“. Особенно часто встрѣчаются онѣ въ рукописяхъ XVI в. Примѣръ такой же ошибки Барсовъ—одинъ изъ изслѣдователей Слова о полку Игоревѣ—видитъ въ слѣдующемъ мѣстѣ Слова: „щекотъ славій успе, говоръ галичь убуди“. По его мнѣнію, „убуди“ имѣло такое написаніе: оубоуди. Въ одномъ Хронографѣ XVI в. находимъ: вмѣсто хождааху—хождаах; вмѣсто не втѧгнѧху—не втѧгнѧх.

Неправильное дѣленіе словъ въ оригиналѣ влечетъ за собою узаконеніе неправильнаго чтенія въ спискѣ. Такъ, старое изданіе Лавр. списка лѣтописи давало чтеніе: „и бѣ Якунъ слѣпъ“, тогда какъ правильное чтеніе—требуетъ раздѣленія: „и бѣ Якунъ сь лѣпъ“; издатели Екатерининской эпохи въ Древнемъ Лѣтописцѣ прочли: „отъялъ еси поле, заичь и миловцы“, тогда какъ на самомъ дѣлѣ здѣсь не должно быть запятой—и все мѣсто слѣдуетъ читать такъ: „отъялъ еси поле заичьми ловцы“ [1]). Весьма возможно, старинныхъ археографовъ ввело въ заблужденіе существованіе с. Миловець (См. запись въ Праздник. Поч. 1757 г., экз. 8-й Подольскаго Древлехр. № 102). Въ одномъ спискѣ Дѣяній (XVI в.) написано неправильно: „Понести не сенить единаго сихъ“—вмѣсто „поне стѣнь (стинь) сенить“... Еще одинъ очень интересный примѣръ неправильнаго дѣленія словъ и, вслѣдствіе этого, искаженія смысла встрѣчаемъ въ упоминавшейся уже „Книгѣ Руѳь“—Новгор. Софійск. Собора XVI в. Тамъ читаемъ такъ: „акож носилы ты еси“..., что совершенно непонятно. По контексту въ Острожской Библіи это мѣсто слѣдуетъ исправить такимъ образомъ: „ако жена силы ты еси“, что даетъ совершенно ясный смыслъ и вполнѣ соотвѣтствуетъ латинскому тексту даннаго мѣста: „tu feminam esse strenuam“. Собственно

[1]) Лихачевъ, Дипломатика, изд. 1901 г., стр. 84.

этотъ видъ ошибокъ нерѣдокъ и при чтеніи древнихъ рукописей; съ ними чаще встрѣчаемся у старинныхъ издателей. Иногда съ издателями случались прямо таки курьезы. Мусинъ-Пушкинъ, напримѣръ, читалъ первоначально „ужедъ скы"—вмѣсто „уже дъскы" (доски) [1]). Къ ошибкамъ отъ неправильнаго дѣленія словъ относятся и слѣдующія: въ Паис. Сб. Кир.-Бѣлозер. мон. № 410, XIV в. читаемъ о латынахъ: „ѡдять же львы"—вмѣсто—„желвы"; въ Палеѣ 1494 г. (Рум. М., № 453) читаемъ: „(огнь) земны жи тель семъ облаженъ"—вмѣсто „земныи же телесемь ѡбложенъ".

Еще примѣры неправильнаго раздѣленія словъ: въ Степенной книгѣ печат. изд. 1775 г.: „и дань дающе ни вы дѣлают"—вмѣсто „нивы"; „лихоимцы всѣ тѣхъ дѣлъ своихъ увязахуся"—вмѣсто „въ сѣтѣхъ"; „прежде ю родство вмѣняше быти"—вмѣсто „юродство"; „нынѣ же о таковыхъ не вѣ гласъ побѣжденъ"—вмѣсто „невѣгласъ"; „жаловати васъ свою отъ чину"—вмѣсто „жаловати васъ свою отчину". Примѣры неправильнаго дѣленія словъ находимъ иногда и въ изданіи старославянскихъ памятниковъ: такъ Гейтлеръ въ Синайскомъ Требникѣ [2]) прочелъ въ рукописи и напечаталъ „на ставрѣ мѧ празденъству"—вмѣсто правильнаго—„наста врѣмѧ празденъствоу".

Неправильное раздѣленіе влечетъ иногда за собою осмысленіе писцомъ-копіистомъ недописанныхъ словъ оригинала; напримѣръ, въ Степенной Книгѣ, въ фразѣ „устремишася на Русь свирѣпо хвалящеся" послѣднія слова въ оригиналѣ рукописи Миллера были неправильно раздѣлены, а отсюда и въ ней, и въ изданіи явилось „звѣрѣ похваляшеся". Порою неправильное раздѣленіе словъ въ рукописи-оригиналѣ до того запутываетъ писцовъ копій, что возстановленіе правильнаго чтенія требуетъ либо догадки, либо—если памятникъ переводный—возстановленія при помощи греческаго (или иного) текста памятника. Такъ, издатели Острож. библіи, слѣпо вѣруя въ чтеніе рукописи, воспроизвели Іова IX, 9 такъ: „нарече тѳ раи южь наложа"; въ греч. читается: „καὶ ἀρκτοῦρον καὶ ταμεῖα νότου", т. е. по славянски слѣдуетъ читать: „и арктоура и южьна ложа" [3]).

[1]) Барсовъ, „Слово о полку Игоревѣ", стр. 123—124, 136, 154, 165.

[1]) Euchologium glagolski... 1882, стр. 3.

[1]) См. Горскій и Невоструевъ, Опис. рук. Син. библіот., I стр. 62.

Незнаніе исторіи языка и его грамматическаго строя ведетъ къ ошибкамъ у позднѣйшихъ переписчиковъ. Такъ, въ Степенной книгѣ 1775 г. читаемъ: „Святая рекоста к нама: сице повелѣваеми вама“—вмѣсто—„повелѣваевѣ“; или „гроба Сергіева цѣловали весьма“—вмѣсто „есмя“ (старая форма I л. мн. числа).

Далѣе слѣдуютъ ошибки отъ неправильнаго чтенія отдѣльныхъ буквъ въ словахъ: „и тогда загрѣхомъ своему недостоинству“—вмѣсто „зазрѣхомъ“; „и нача уставляти по мѣстѣ погосты“—вмѣсто „по Мьстѣ“ (Степ. кн. издан. 1775 г.).

Случается также, что одно слово по какой-либо причинѣ неправильно употреблено вмѣсто другого. Примѣръ замѣны одного слова другимъ находимъ въ „Книгѣ Руѳь“ (оп. Новг. Соф. Соб. № 52): „И реч Воозъ: въ дн҃ь въ онь же притяжеши слово отъ руки Ноемини“. Между тѣмъ какъ въ Острожской Библіи читаемъ правильно: „притяжеши село“. Эта ошибка могла произойти или вслѣдствіе сходнаго написанія „село“ и „слово“, или же вслѣдствіе частаго повторенія „слово“ въ предшествующемъ текстѣ. Возможно также, что дѣйствовали обѣ причины, усиливая одна другую. Порою писецъ вмѣсто слова оригинала по небрежности, а иногда вслѣдствіе неразборчивости оригинала—пишетъ нѣчто отдаленно-подобное ему, не совпадающее по смыслу, но сходное графически, напр., въ Сб. Арх. Мин. Ин. Д. XV в. № $^{902}/_{1498}$ вм. „праведною рукою“—праведно рекоу (л. 20); вм. „клени ми сѧ“—„кленемсѧ“ (л. 21), вм. „въ домъ“—„к дн҃ь“ (л. 24) и т. п.; въ Острож. Библіи въ кн. Іова XL, 19 вмѣсто „лукъ мѣдянъ“—читаемъ „лукъ метенъ“, по той же причинѣ, о которой выше—вслѣдствіе слѣпого довѣрія издателей къ плохой рукописи. Еще одинъ интересный случай подобной же замѣны одного слова другимъ на основаніи внѣшняго сходства встрѣчаемъ въ той же „Книгѣ Руѳь“, гл. 2: „да идеши къ соусѣдом и піеши“, вмѣсто правильнаго чтенія, даваемаго Острожской Библіей: „да идеши къ сосоудом“. Здѣсь возможность ошибки облегчалась еще тѣмъ обстоятельствомъ, что отъ такой замѣны смыслъ мѣста какъ будто мало нарушался, и ошибка при чтеніи не бросалась въ глаза.

Забытое слово, т. е. слово съ забытымъ уже значеніемъ

подъ перомъ малосвѣдущаго писца или издателя можетъ обратиться въ имя собственное, какъ, напр., это случилось въ изданіи Степенной Книги 1775 г.: „зоветъ тя царь, поиди в Борзѣ“ (слѣдуетъ „вборзѣ“, т. е. скоро) или: „Дѣисусъ (икона Распятія Хр. съ предстоящими ап. Іоанномъ Богословомъ и Богородицею) написанъ Лазаремъ чуднымъ“ (вм. „лазоремъ“—видъ краски, тамъ же); въ той же Степенной книгѣ доместикъ превращенъ въ „Доместита“.

Чрезъ порчу чтенія иногда возникаютъ новыя слова, напр., въ Сказаніи объ Индійскомъ царствѣ читаемъ при перечисленіи драгоцѣнныхъ камней: „аспидъ желтоадръ яко огнь горящій“—на мѣстѣ латинскаго „topasii“; въ Александріи, откуда заимствована вставка о камняхъ, читается: „ест же жолтъ тимпазіи, а ядро въ немъ червлено, аки угль горить“; отсюда ак. Истринъ заключаетъ, что слово „желтоядръ“ есть остатокъ изъ болѣе полнаго чтенія: „жолтъ (тимпазіи а) ядро (в нем червлено)...“ [1]). Новыя слова возникаютъ не только вслѣдствіе ошибки, но иногда благодаря преднамѣренности писцовъ и редакторовъ, стремящихся осмыслить слово, замѣнивъ его по своему разумѣнію болѣе понятнымъ, напр., въ № 112 (Аа 1281). К. Дух. Акад.—Бесѣда І. Злат. на Ев. Іоанна, XVI в., л. 337 читаемъ: камен край есть оуглен—изъ ...„краеоуглен“..; приведемъ еще попытки осмысленія (народной этимологіи): „крайнее мѣсто“ (краніево)—Ев. ИПБ. I, 17; также мерскій и мирскій городъ [2]); въ Сказаніи объ Инд. Цар. (сп. Унд. XVII в.) читаемъ: „волосаты“—вм. древняго „волотове“ [3]); подобное же упрощеніе—въ спискѣ Сказанія Храбра о письм., Кіев. Д. Акад.—„в писменѣхъ“ вм. „въ чисменѣхъ“. Въ одномъ спискѣ житія св. Иринея еп. Лугоднійскаго (рук. Нар. Дома въ Львовѣ собр. Петруш. № 4 (27), л. 524) читаемъ: „бывъ епъ Лѣгдана Галилейска“ ...—очевидно, вм. „галльскаго“. Въ одномъ изъ списковъ Бесѣды 3-хъ святителей,—„коего мужа потворила, жено“ [4]), а въ рук. Унд. 384—съ искаженіемъ: „...подговорила“... Случаи народной этимологіи бы-

---

[1]) Сказаніе объ Инд. Царствѣ, стр. 38.

[2]) Кульбакинъ. Отчетъ, стр. 32, въ Сб. 2 отд., т. 69.

[3]) Истринъ, стр. 46.

[4]) Отч. объ экск. сем. р. фил. въ Москву, стр. 118.

ваютъ итогомъ постепеннаго осмысливанія; встрѣчается, напр.,—въ повѣсти о Басаргѣ: „ипаты и тираны“, откуда—„патираны“ и „тироны и попы земьстіи“ (ИПБ. О. XVII. 22); въ Степенной книгѣ разныхъ типовъ, по наблюденію П. Васенка, читается имя „кн. Пройдень“, вм. правильнаго имени князя Тройдень.

Наряду съ болѣе или менѣе сознательнымъ образованіемъ ошибокъ типа „народной этимологіи“, мы можемъ отмѣтить замыслы переписчиковъ, не находящіе оправданія въ стремленіи осмыслить текстъ, напримѣръ: „рождахоуса бѣси“ вм. „рождахоу себѣ си (Григор. Парем., Быт. VI, 4 и друг. списки, ошибка, можетъ быть, изъ неправильнаго раздѣленія словъ); „сущъ“—вм. „сучець“ (Григ. Пар., Быт. VIII, II и др. сп.); „сенародъ“ или „се народи земныя—вмѣсто „Сенааръ“—Быт. X, 10 [1]).

Не всегда ошибки—варіанты отдѣльныхъ чтеній въ славянскихъ памятникахъ являются результатомъ небрежности славянскихъ писцовъ: иногда онѣ бываютъ слѣдствіемъ перевода съ неправильнаго написанія въ оригиналѣ; напримѣръ, въ житіи Симеона Дивногорца, написанномъ Никифоромъ, магистромъ Антіохійскимъ (нач. „Бл҃венъ Бг҃ъ, того бо бл҃вити дс҃тоино...“) греческому оригиналу „ὡς ἀετὸν πρόθυμον ἐπὶ τὸ φαγεῖν“ соотвѣтствуетъ въ славянскомъ переводѣ „акоже ѡ҃рѣлъ оугрѣдень на бг҃гѣтко“; это объясняется тѣмъ, что въ греческомъ спискѣ, служившемъ оригиналомъ переводчику, было ....„ἐπὶ τὸ φυγεῖν“ [2]).

Для руководства при чтеніи и исправленіи греческихъ и латинскихъ рукописей имѣются указатели „варіантовъ традиціи“, часто встрѣчающихся смѣшеній и возможныхъ поправокъ [3]). У насъ, въ области славянской филологіи ничего подобнаго, къ сожалѣнію, не имѣется.

Подъ интерполяціей мы разумѣемъ вставки въ текстъ памятника словъ, выраженій, цѣлыхъ фразъ и даже эпи-

---

[1]) Михайловъ, Опытъ.., I, стр. 303.

[2]) См. Калужняцкій, Сборники Нямецкаго мон. 1907, стр. 48. Сборн. № 106.

[3]) См. работы Бласса, Мадвига, Баста, Кобэ, Гагена, Линдсея, указанныя у Лангглуа и Сеньобоса, стр. 54, прим. I и стр. 61, прим. 1.

зодовъ, не бывшихъ въ рукописи автора. Интерполяціи бываютъ различнаго типа: 1) внесенныя въ текстъ глоссы, сдѣланныя на поляхъ читателями рукописи; 2) нечаянныя повторенія выше сказаннаго и 3) результатъ желанія показать свою ученость. Интерполяціи въ большинствѣ случаевъ (1 и 3) относятся не къ механическимъ, а преднамѣреннымъ ошибкамъ. Въ какой-нибудь рукописи могъ быть пропускъ, затемняющій смыслъ; писецъ это замѣтилъ и вставилъ что-нибудь свое, что, какъ ему казалось, уясняло смыслъ, въ дѣйствительности же нерѣдко еще болѣе портило его. Точно также смыслъ какого-нибудь мѣста, даже гдѣ не было пропуска, могъ показаться писцу неяснымъ,—и онъ могъ приписать туда необходимыя, по его мнѣнію, слова; такія дополненія и объясненія (глоссы) очень часто писались первоначально на поляхъ или надъ строкой, но позднѣйшіе переписчики не различали основного текста и дополненій и вносили ихъ уже въ самый текстъ. Подобныя глоссы имѣемъ, напримѣръ, въ старыхъ текстахъ Свящ. Писанія, напр., въ кн. Бытія, въ паремейномъ текстѣ: „твердь (небо)“ Стеф. Парем, I, 7 (Рум. № 303); особенно много глоссъ къ названіяхъ мѣстъ и народовъ въ Четьемъ текстѣ Бытія: „Багададъ (Вавилонъ)“, „Мисиря (Египта)“, „Шамъ (Дамаскъ)“, „Армени (Амаликъ)“, „Сарры (Есхи)“, „столпъ (сунъ)“, „домъ хлѣбный (Виѳлеемъ)“, „кумиры (стурлабы)“ и др. [1]). Приведемъ еще нѣсколько примѣровъ: въ Еван. ИПБ. I. 17, XV—XVI в.: въ текстѣ: „ядь же сего бѣ врѣшье й мед дивій“—глосса къ напечатанному въ разрядку: „пружие і акриды“; текстъ—„рече имъ, пороженіе ехидново“,—глосса: „исчадия“ [2]). Особенно часто встрѣчаются глоссы тамъ, гдѣ текстъ переводнаго памятника подвергается послѣдовательнымъ истолкованіямъ съ цѣлью приблизить его къ пониманію читателей; напр., въ переводѣ Апоѳегматъ въ спискѣ Синод. Библ. № 362 читаемъ такія глоссы: текстъ—„вырва“, глосса—„дуракъ“; т.—„гладости“, гл.—„лѣпости“, т.—„его имѣша за фирля“ (польск. filar)—гл. „за подпору“, т.—„познавши навуператовъ“, гл. — „разбойникъ морскихъ“, т. — „смотряя астресъ“, гл.—„звѣзды“ и т. д.

---

[1]) Михайловъ, Опытъ... I, стр. 300—301.

[2]) См. В. Перетцъ, Матер. до істор. укр.-лит. мови, стр. 11, Зап. Т. Шевч., т. XCIII.

Нечаянныя повторенія встрѣчаются не особенно часто и легко выдѣляются изъ текста, напр., въ Римск. Дѣяніяхъ [1]).

Особенно наглядно можно прослѣдить увеличеніе текста памятника путемъ вставокъ—въ анализѣ состава Толковой Палеи, сдѣланномъ ак. Истринымъ въ его „Изслѣдованіяхъ въ области древне-русской литературы“ [2]), обнаруживающихъ прямо мозаичный составъ названнаго памятника.

Всѣ эти вставки, объясненія и дополненія, называемыя теперь „интерполяціями“, дѣлались писцами въ большинствѣ случаевъ съ добрымъ намѣреніемъ—уяснить смыслъ; но встрѣчаются также иногда интерполяціи, возникшія изъ полемическихъ цѣлей или вслѣдствіе какихъ-нибудь другихъ побужденій. Начало интерполяцій относится ко времени глубокой древности, и ихъ мы встрѣчаемъ и въ рукописяхъ сочиненій Демосеена, и въ текстахъ Евангелій; очевидно, онѣ появились сейчасъ же, какъ только начали переписывать и изучать сочиненія древнихъ.

Въ поэтическихъ произведеніяхъ интерполяціи встрѣчаются значительно рѣже, такъ какъ ихъ легче было замѣтить и исправить, благодаря стихотворному размѣру [3]). Способомъ для огражденія стихотворнаго текста отъ интерполяцій служила иногда форма акростиха—и у грековъ (Іосифъ Пѣснописецъ), и у нашихъ древнихъ авторовъ (вирши въ „Богогласникахъ“ XVII—XVIII вв.).

Интерполяціи иногда бывали таковы, что влекли читателя къ ложнымъ выводамъ:—въ Ипатскомъ спискѣ Лѣтописи подъ 6596 (1088) годомъ читаемъ слѣдующее: „Священа бысть церквы святого Михаила монастыря Всеволожа, митрополитомъ Іоанномъ и епископомъ Лукою, Исаемъ, Иваномъ, игументство тогда держащу того монастыря Лазореви“. Тогда какъ въ Лаврентьевскомъ спискѣ находится дословно слѣдующее: „Священа бысть церкы... митрополитомъ Иваномъ, а игуменьство тогда держащю того монастыря Лазъреви“. То-есть, въ немъ нѣтъ упоминанія о епи-

[1]) Стр. 19 по изд. О. Л. Др. Письм.

[2]) Изслѣдованія, I—V, 1906, стр. 70—139.

[3]) Blass, стр. 232—233.

скопахъ Лукѣ, Исаіи и Иванѣ, изъ которыхъ первый былъ епископомъ Бѣлгородскимъ, второй—Ростовскимъ, а третій—Черниговскимъ. Проф. Голубевъ, основываясь на томъ, что еп. Исаія Ростовскій присутствовалъ при освященіи Кіево-Печерской церкви въ слѣдующемъ году (1089), что достовѣрно извѣстно,—и что два года подрядъ онъ не могъ ѣздить изъ Ростова въ Кіевъ въ виду дальности и трудности пути, а продолжительное отсутствіе его изъ епархіи (если бы онъ участвовалъ въ освященіи обѣихъ церквей въ одну поѣздку) тоже представляется невѣроятнымъ,—полагаетъ, что данное упоминаніе о трехъ епископахъ въ Ипатской Лѣтописи представляетъ позднѣйшую интерполяцію. Особенность этой замѣтки заключается въ томъ, что при перечисленіи епископовъ указаны только ихъ имена, но не обозначены занимаемыя ими каѳедры, какъ это всегда бываетъ въ Лѣтописи. Произошла же указанная интерполяція, по мнѣнію проф. Голубева, слѣдующимъ образомъ. Въ неинтерполированной замѣткѣ лѣтописца объ освященіи Всеволожей церкви не было упоминанія о трехъ епископахъ, но нѣсколькими строками дальше находимъ сообщеніе объ освященіи Печерской церкви, гласящее такъ: „Въ лѣто 6597. Священа бысть церкви Печерская святыя Богородица монастыря Федосьева, Иваномъ митрополитомъ и Лукою Бѣлогородскимъ епископомъ и епископомъ Ростовьскимъ Исаемъ, и Иваномъ Черниговскимъ епискупомъ, и Антоніемъ Гурьговскимъ игуменомъ при благовѣрномъ князѣ Всеволодѣ“...

Вотъ это-то сообщеніе и могло дать поводъ переписчику представлять дѣло такъ, что оба означенныя освященія совершены были митрополитомъ при одинаково торжественной обстановкѣ,—въ сослуженіи съ тремя епископами. Отсюда и произошла указанная интерполяція, причемъ такъ какъ въ лѣтописи при перечисленіи епископовъ, бывшихъ при освященіи Печерской церкви, означены были и ихъ каѳедры, то при интерполяціи послѣднія, какъ уже извѣстныя переписчику—дополнителю, были опущены [1]).

Слѣдующій видъ ошибокъ тотъ, когда нѣтъ ни пропу-

[1]) Голубевъ, „Нѣсколько страницъ изъ новѣйшей исторіи Кіев. Дух. Акад.“, Кіевъ, 1907 г., стр. 148—153.

сковъ, ни излишнихъ добавленій, но неправиленъ самый порядокъ словъ или цѣлыхъ предложеній, а иногда—и цѣлыхъ отрывковъ. Напр., простѣйшій случай: вм. „царь Валанъ“—„Валанъ царь“, вм. „бысть меньшая“—„меньшая бысть“, вм. „оконце ковчегу“—„ковчегу оконце“ и т. п. [1]); бываютъ и болѣе сложныя перестановки. Большей частью здѣсь дѣйствуютъ механическія причины: писецъ, хотя и правильно прочелъ и запомнилъ всѣ переписанныя слова, но не замѣтилъ порядка ихъ, который часто бываетъ произвольнымъ. Могло быть и такъ, что какое-нибудь слово первоначально было опущено, а потомъ его приписывали на поляхъ или надъ строкой; слѣдующій же писецъ вносилъ это слово въ текстъ, но уже въ другомъ мѣстѣ, а не тамъ, гдѣ оно раньше стояло. Возможно также, что внизу или вверху страницы стояло объяснительное примѣчаніе читателя или переписчика, а потомъ, при дальнѣйшей перепискѣ, было соединено съ ближайшими строками.

Нерѣдко происходили еще болѣе крупныя перестановки, когда спутывались листы сочиненія (при переплетѣ, напримѣръ), и листъ, бывшій въ одной тетради, попадалъ въ другое мѣсто или перевертывался и затѣмъ переписывался вмѣстѣ съ остальными. Подобное явленіе наблюдаемъ, повидимому, въ первыхъ же 40 строкахъ „Слова о полку Игоревѣ“. Иногда же, особенно въ древнихъ греческихъ сочиненіяхъ и руководствахъ, дѣло не обходилось безъ произвола со стороны переписчика, который выбиралъ для переписки только отдѣльныя мѣста, по его мнѣнію—наиболѣе важныя и интересныя [1]). То же наблюдаемъ и въ старинныхъ русскихъ сборникахъ извлеченій.

Какъ примѣръ перестановки, мы позволимъ себѣ привести одно мѣсто изъ „Слова о полку Игоревѣ“, гдѣ нѣкоторые изслѣдователи (Максимовичъ, Вс. Миллеръ) усматриваютъ перестановку двухъ строкъ:

1. „А съ нимъ молодая мѣсяца
2. Олегъ и Святославъ,
3. Тьмою ся поволокоста.
4. По Русской земли

---

[1]) Михайловъ, Опытъ... I, с. 302.

[2]) Blass, стр. 238—239.

5. Простроишася Половцы,
6. Аки пардуже гнѣздо,
7. И въ морѣ погрузиста
8. И великое буйство подасть Хинови".

Именно, они полагаютъ, что двѣ послѣднія строки (7—8) стоятъ не на своемъ мѣстѣ, а должны непосредственно слѣдовать за третьимъ стихомъ, за словами—„тьмою ся поволокоста"—въ виду того, что двойственное число „погрузиста"—гораздо больше вяжется съ двойственнымъ же числомъ—„поволокоста", нежели съ глаголомъ „простроишася"[1]).

Перестановки хотя и вносятъ большое разнообразіе во взаимныя отношенія списковъ изучаемаго памятника, но, какъ и пропуски и вставки, могутъ служить основаніемъ для установленія отдѣльныхъ группъ списковъ. Такъ, проф. Михайловъ[2]) на основаніи общихъ перестановокъ опредѣляетъ въ средѣ Четьихъ списковъ кн. Бытія—двѣ главныя группы ихъ, югословянскую и русскую, и особыя подгруппы ихъ или семьи списковъ въ этихъ группахъ. Подобно другимъ ошибкамъ—и перестановки являются руководящимъ признакомъ при классификаціи списковъ. Обыкновенно, чѣмъ меньше понималъ и разбирался въ лежащей передъ нимъ рукописи ея переписчикъ, тѣмъ легче могъ онъ пропустить одно или нѣсколько словъ или буквъ, знаковъ, тѣмъ скорѣе могъ спутать что-нибудь. Однако, необходимо отмѣтить, что различные авторы и различныя произведенія одного и того же автора портились, вообще, далеко не въ одинаковой степени,—и на это были свои особыя причины.

Чѣмъ какое-нибудь сочиненіе или мѣсто было труднѣе, чѣмъ меньше его понимали, тѣмъ легче и тѣмъ скорѣе, слѣдовательно, его портили при неоднократной перепискѣ. Такъ, напримѣръ, всѣ хоры у древнихъ трагиковъ испорчены гораздо больше, чѣмъ діалоги. Авторъ, котораго очень много читали, усердно снабжался всякаго рода примѣчаніями и объясненіями, нерѣдко предназначавшимися для учениковъ (für unreife Schüler).

Менѣе читаемые авторы могли пострадать отъ небрежности: если никто не бралъ на себя труда исправить

---

[1]) Барсовъ, Слово о П. И., т. II, стр. 88.

[2]) Опытъ... I, стр. 303.

ошибки дурной переписки, онѣ распространялись и умножались все больше и больше. Надо отдать справедливость древнимъ критикамъ (напримѣръ, Александрійскаго періода) и сказать, что ихъ дѣятельность, основанная на сличеніи рукописей, была очень благотворна, и многія испорченныя мѣста, многіе пропуски въ плохихъ рукописяхъ были исправлены и пополнены по хорошимъ. Съ другой стороны, и у нихъ можно найти промахи—тамъ, напримѣръ, гдѣ они какую-нибудь интерполяцію принимали за правильное заполненіе пропуска. Вообще, нерѣдко происходили вслѣдствіе даже добраго желанія исправить рукопись—такія же ошибки, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ [1]).

Такимъ образомъ, причины порчи текста могли быть очень различны, и въ зависимости отъ дѣйствовавшихъ причинъ болѣе или менѣе сильно пострадали дошедшія до насъ рукописи различныхъ сочиненій.

§ 33. Пріемы критики текста. При изложеніи самыхъ пріемовъ критики текста различаютъ обыкновенно двѣ задачи: 1) возстановленіе и установленіе текста и 2) опредѣленіе истинности или подложности его, и въ зависимости отъ этихъ двухъ задачъ самую критику раздѣляютъ на такъ называемую „низшую“ и „высшую“. Критики второго рода, т. е. высшей, мы коснемся ниже; здѣсь мы остановимся на критикѣ низшей, т. е. на исправленіи и возстановленіи текста.

Что касается дошедшихъ до насъ рукописей, то судьба отдѣльныхъ авторовъ и сочиненій бываетъ различна. Первый и наиболѣе легкій для изслѣдованія путь—тотъ, когда сохранился оригиналъ даннаго сочиненія, кромѣ цѣлаго ряда списковъ съ него. Тогда, естественно, всѣ списки могутъ быть исправлены по оригиналу и приведены къ нему, какъ къ источнику, изъ котораго они непосредственно вытекаютъ; они интересуютъ насъ уже лишь постольку, поскольку представляютъ различныя особенности и уклоненія отъ оригинала, въ зависимости отъ времени и мѣста своего возникновенія. Второй случай, болѣе трудный,—когда оригиналъ произведенія до насъ не дошелъ, а извѣстенъ лишь рядъ болѣе или менѣе точныхъ и правильныхъ списковъ

[1]) Blass, стр. 244.

съ него. Тогда приходится опредѣлять, какой изъ этихъ списковъ наиболѣе близокъ къ утраченному оригиналу и наиболѣе точно передаетъ его; иногда пытаются по дошедшимъ спискамъ возсоздать самый оригиналъ. Здѣсь также можетъ быть установлено, что цѣлый рядъ списковъ восходитъ къ какой-нибудь одной, древнѣйшей рукописи называемой въ такомъ случаѣ архетипомъ; остальныя же рукописи теряютъ тогда значительную долю своей цѣнности и авторитетности. Третій и наиболѣе трудный для изслѣдованія случай—когда уцѣлѣлъ и дошелъ до насъ всего лишь единственный списокъ утраченнаго оригинала, который не съ чѣмъ сличить, не по чему исправить; здѣсь при всякой попыткѣ возстановить утерянный оригиналъ изслѣдователю приходится имѣть болѣе дѣла съ различными предположеніями и догадками, нежели съ достовѣрными, точными данными. Когда подъ руками имѣется нѣсколько рукописей одного и того же сочиненія, то прежде всего необходимо классифицировать ихъ, расположить въ извѣстномъ порядкѣ и отношеніи. Принципомъ такой классификаціи является болѣе или менѣе близкая связь, которую обыкновенно имѣютъ между собою всѣ воспроизведенія одного и того же текста. Эта связь или тѣсное сходство между списками одного памятника—можетъ быть двоякаго рода: или въ отношеніи общихъ эпизодовъ, общаго буквально повторяющагося ряда оборотовъ рѣчи, или же—въ отношеніи ошибокъ. Анализъ ошибокъ, какъ выше показано, помогаетъ предугадать возможныя исправленія; наблюденіе общихъ ошибокъ въ рядѣ списковъ памятника ставитъ ихъ въ генетическую связь или другъ къ другу или къ третьему общему предку. Ошибки могуть быть индивидуальными для каждаго списка—такія при построеніи родословнаго древа менѣе важны; но общія ошибки—даютъ вѣрный путь для раскрытія судьбы памятника и установленія его рецензій или изводовъ. Первоначально и дѣлятъ списки на группы по болѣе или менѣе значительной связи, которую они имѣютъ между собою на первый взглядъ. Затѣмъ сравниваютъ попарно такіе, которые будутъ имѣть наиболѣе чертъ сходства, чтобы убѣдиться, не являетея ли одинъ изъ двухъ списковъ простой копіей съ другого. Есть ли тѣсная связь между двумя рукописями—можно узнать по нѣкоторымъ, въ большинствѣ случаевъ, вѣр-

нымъ признакамъ. Такъ, присутствіе или отсутствіе нѣкоторыхъ пропусковъ въ двухъ только экземплярахъ сочиненія, исключая другіе, будутъ первымъ признакомъ—и весьма убѣдительнымъ; не менѣе убѣдительными являются ошибки, которыя такъ противорѣчатъ правиламъ грамматики и обыкновеніямъ языка, что существованіе ихъ рядомъ въ двухъ спискахъ невозможно объяснить простой игрой случая. Когда существованіе тѣсной связи между двумя списками уже установлено, то надо постараться разобрать, происходитъ ли непосредственно одинъ изъ другого, или они—лишь подобные родственники. Разъ вопросъ уже поставленъ, то необходимо узнать, соединяя два чтенія, выбирая нѣкоторыя черты то изъ одного, то изъ другого, возможно ли получить такое гипотетическое чтеніе, которое могло бы быть разсматриваемо, какъ общій ихъ родоначальникъ; или, просто, одно вытекаетъ изъ другого, является его передѣлкой, искаженіемъ. Если опытъ сличенія отдѣльныхъ мѣстъ, повторенный достаточное число разъ, приводитъ постоянно къ одному результату, то съ увѣренностью можно сказать, существуетъ ли прямое родство между рукописями, или же только косвенное. Вообще, всякій текстъ предварительно подвергается критическому изслѣдованію относительно возраста, цѣнности и взаимной связи его списковъ. Въ большинствѣ случаевъ, эта связь становится очевидной при помощи stemm'ы—генеалогическаго древа, гдѣ безъ труда можно прослѣдить отъ перваго родоначальника всѣ развѣтвленія семейства рукописей, гдѣ уже по первому взгляду видно, на какомъ разстояніи отъ общаго архетипа находится каждый списокъ и чрезъ сколько промежуточныхъ звеньевъ, сохранившихся или утерянныхъ, онъ является наслѣдникомъ первоначальнаго текста.

Если списокъ въ качествѣ предка имѣетъ существующую рукопись, то видно сразу, что его цѣна невысока; въ противномъ же случаѣ, его нельзя сразу исключить изъ числа источниковъ, и онъ можетъ заслуживать большаго или меньшаго довѣрія. Исключить все нецѣнное, вотъ первая обязанность критика и главный предметъ генеалогической работы, о которой только что шла рѣчь. Во вторыхъ, необходимо опредѣлить относительную цѣнность рукописей, имѣющихъ нынѣ существующихъ пред-

ковъ [1]). Конечно, всегда большую авторитетность придаютъ болѣе древнимъ рукописямъ; но это только предположеніе, которое основательнымъ разсмотрѣніемъ не всегда подтверждается. Понятно, въ самомъ дѣлѣ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ древняя рукопись можетъ представить передачу болѣе искаженную, чѣмъ рукопись гораздо болѣе новаго происхожденія. Пусть, напримѣръ, у насъ есть двѣ одинаково старыя рукописи (X вѣка, приблизительно) x и y, изъ которыхъ одна (x) сдѣлана очень тщательно, а другая (y)—небрежно. Рукопись y осталась цѣлой, а x—пропала, но въ XV вѣкѣ нашелся ея очень точный списокъ. Очевидно, этотъ списокъ, хотя и поздній, имѣетъ почти равное достоинство съ самой рукописью x и превосходитъ y приблизительно такъ же, какъ x превосходитъ y [2]). Примѣнительно къ изученію славяно-русскихъ памятниковъ, еще Шлецеръ въ предисловіи къ изслѣдованію „Несторъ“ писалъ: „Не слѣдуетъ держаться правила, что древнѣйшая рукопись непремѣнно лучшая, часто бываетъ наоборотъ“ [3]).

Срезневскій говоритъ: „Наша старинная письменность богата примѣрами того, что списки позднѣйшіе гораздо важнѣе древнѣйшихъ, какъ болѣе или менѣе важныя копіи съ очень древнихъ изводовъ (редакцій), не сохранившихся въ подлинникѣ“... Напримѣръ—„въ числѣ списковъ Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ позднихъ гораздо болѣе, чѣмъ древнихъ, и между поздними есть очень важные, сохранившіе на себѣ ясные слѣды вѣрной передачи изводовъ; тогда какъ древнѣйшіе такъ обильны описками, что руководствоваться ими одними нѣтъ никакой возможности“ [4]). Слѣдовательно, важно также установить, старательно или нѣтъ списывалась рукопись, сличалась ли она съ оригиналомъ и исправлялась ли, съ понятіемъ ли дѣйствовалъ переписчикъ или только срисовывалъ буквы. Вообще, недостаточно классифицировать рукописи только по возрасту и по взаимной ихъ связи; нужно еще опредѣлить степень довѣрія, котораго заслуживаетъ по отношенію къ другимъ каждая изъ тѣхъ руко-

---

[1]) Tournier, Classement des manuscrits, стр. 11, 12, 13.

[2]) Blass, стр. 259.

[3]) Иконниковъ, Опытъ р. исторіографіи, I, ч. 1-я, стр. 10.

[4]) Иконниковъ, тамъ же, стр. 104—5.

писей, которыя мы не исключаемъ изъ числа источниковъ. Очень часто, кромѣ свидѣтельствъ дошедшихъ до насъ рукописей, имѣютъ также значеніе свидѣтельства дошедшихъ переводовъ и цитатъ изъ даннаго сочиненія, напримѣръ, цитата изъ Апостола XIV в. для „Слова о полку Игоревѣ“; всякое же несамостоятельное свидѣтельство, разъ только несамостоятельность его доказана, должно быть отвергнуто. Когда „допросъ свидѣтелей“ оконченъ, и „критическій аппаратъ“ добытъ, по возможности, полностью, слѣдуетъ разобрать эту массу, такъ какъ далеко не всѣ свидѣтельства равноцѣнны. Самую классификацію рукописей слѣдуетъ производить дважды: сперва надо классифицировать всѣ имѣющіяся рукописи по ихъ связи, а затѣмъ, вторично класифицировать рукописи—начальники семействъ по древности передачи, которую онѣ представляютъ. Тогда только возможно будетъ правильно судить о томъ, есть ли авторитетность во всѣхъ рукописяхъ, или въ какой нибудь ихъ части или только въ одной [1]). Когда съ помощью классификаціи рукописей положено основаніе тексту, слѣдуетъ попытаться возстановить его, по возможности, въ первоначальномъ видѣ, путемъ выбора чтеній. Если есть нѣсколько авторитетныхъ рукописей, хотя бы даже двѣ только, нужно всюду, гдѣ онѣ противорѣчатъ одна другой, сравнить и оцѣнить ихъ свидѣтельства, чтобы рѣшить, которое изъ нихъ правильнѣе. Но что же заставляетъ отдать предпочтеніе одному какому нибудь чтенію изъ цѣлаго ряда другихъ? Прежде всего авторитетъ рукописи, которая его даетъ, и, конечно, чѣмъ больше этотъ авторитетъ, тѣмъ больше онъ будетъ говорить въ пользу чтенія именно этой рукописи. Что же касается другихъ мотивовъ предпочтенія, то нельзя перечислить ихъ всѣ: выборъ намъ укажетъ то смыслъ мѣста, то соблюденіе правилъ синтаксиса, то размѣръ, то историческій доводъ, а часто также близость съ другими мѣстами того же автора [2]). Болѣе трудному чтенію (lectio difficilior), обыкновенно, слѣдуетъ отдавать предпочтеніе, такъ какъ изъ него можно объяснить легкое, а не наоборотъ. Это правильно въ томъ случаѣ, если

[1]) Tournier, стр. 15.

[2]) Turnier, Choix des leçons, стр. 15—16.

было свободное обращеніе съ текстомъ, вообще, если имѣемъ дѣло съ правильнымъ его измѣненіемъ; но неправильно, если дѣйствовали механическія причины, вызвавшія измѣненіе непроизвольное. Механическія причины дѣйствовали, въ общемъ, чаще, и прежде всего надо думать о нихъ. Точно также, въ случаѣ свободнаго обращенія съ текстомъ,—при параллельныхъ мѣстахъ предпочтеніе отдается чтенію, непохожему на другія, такъ какъ есть вѣроятность, что другія произошли отъ него, въ противномъ же случаѣ, гдѣ измѣненіе преднамѣренное, наоборотъ — предпочтеніе отдается болѣе сходнымъ чтеніямъ. Въ концѣ концовъ, при выборѣ чтенія общаго правила установить нельзя, говоритъ Blass [1]), и каждый изслѣдователь руководится своими соображеніями; пытаются иногда установить общія правила для одного только какого нибудь автора, но и тутъ часто приходится отступать отъ нихъ и дѣлать исключенія.

Случается, однако, и такъ, что ни одна изъ имѣющихся рукописей не даетъ яснаго, вполнѣ удовлетворительнаго чтенія, или такъ, что имѣется всего лишь одна рукопись какого нибудь памятника съ испорченными, неясными мѣстами. Тутъ ужъ критику приходится какъ бы становиться на мѣсто автора и пытаться возстановить испорченное чтеніе отъ его лица съ помощью конъектуръ, т. е. различнаго рода соображеній и догадокъ. Для конъектуръ, опять таки, нѣтъ общихъ, опредѣленныхъ законовъ и правилъ: кто болѣе другихъ можетъ уподобиться автору даннаго произведенія, проникнуться его духомъ и манерой, кто лучше другихъ понимаетъ его, тотъ и можетъ наиболѣе удачно его исправить. Конечно, необходимо, чтобы предлагаемая конъектура давала мѣсту, по возможности, наилучшій смыслъ и не противорѣчила ни другимъ мѣстамъ сочиненія, ни обыкновеніямъ его автора. Точное сличеніе рукописей, имѣющихся подъ руками, приводитъ иногда очень близко къ истинѣ и дѣлаетъ возможнымъ полное ея разоблаченіе; если же находится новая, хорошо сохранившаяся рукопись, то она, обыкновенно, даетъ многое, чего конъектуры не давали и не могли дать, причемъ самыя конъектуры или подтверждаются, или отвергаются, какъ негодныя. Лучшія конъектуры

[1]) Назв. соч., стр. 263.

—тѣ, которыя исходятъ не изъ фантазіи интерпретатора, а могутъ быть объяснены палеографически.

Какъ образецъ конъектуры, мы приведемъ здѣсь остроумную догадку Барсова по поводу одного изъ не вполнѣ ясныхъ мѣстъ „Слова о полку Игоревѣ“, которое, вѣроятно, всѣмъ хорошо извѣстно: когда вѣщій Боянъ хотѣлъ кому нибудь „пѣснь творити“, то—

„Растекашется мыслію по древу,
Сѣрымъ волкомъ по земли,
Сизымъ орломъ подъ облаки“.

Уже первые издатели „Слова“ замѣтили нѣкоторую неестественность этого мѣста въ томъ, что Боянъ по землѣ растекался волкомъ, въ небесахъ—орломъ, а по дереву—„мыслію“. Но многочисленныя попытки какъ бы то ни было осмыслить это выраженіе—очень долгое время оставались неудачными, Между тѣмъ, художественный смыслъ рѣчи подсказываетъ, что и подъ „мыслію“ здѣсь скрывается какой-нибудь звѣрекъ, способный растекаться по дереву, какъ волкъ по землѣ и орелъ подъ облаками. Изъ всѣхъ догадокъ Барсовъ считаетъ наиболѣе удачною ту, которая предполагаетъ подъ „мыслію“—„мысь“, т. е. бѣлку (догадка Карелкина). Бѣлка называется „мысію“ не только въ губерніи Псковской, но и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Новгородской. „Въ виду необыкновенной близости новгородскаго нарѣчія къ древнему языку южно-русскому“, говоритъ (что ошибочно) Барсовъ, „нѣтъ основанія отвергать, чтобы въ Кіевской Руси не существовало это слово въ эпоху пѣвца Игорева. Авторъ, знакомый съ охотой, весьма удачно воспользовался этимъ выраженіемъ, въ отличіе отъ имени „бѣли“, которымъ въ то время, какъ видно изъ того же „Слова“, называлась въ Кіевской Руси монетная цѣнность. Мысь—для выраженія быстроты движенія—образъ столь же художественный, какъ и растеканіе волка и орла. Древо—здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ мѣстахъ „Слова“, употреблено, какъ часть вмѣсто цѣлаго, и означаетъ лѣсъ вообще.

Однако, возникаетъ вопросъ, почему же въ текстѣ читается не „мысію“, а „мыслію“. Вотъ что предполагаетъ Барсовъ. Такъ какъ въ XVI вѣкѣ неисправности текстовъ нерѣдко обусловливались тѣмъ, что писцы выкидывали рядомъ стоящіе одинаковые слоги, сливая чрезъ то иногда два

слова въ одно (гаплографія), то возможно, что и здѣсь подъ „мыслію“ скрываются два слова. Въ исправномъ спискѣ памятника стояло: „мы҃мысію“, что слѣдовало читать раздѣльно: „мы҃ мысію по древу“. Легко было это стеченіе одинаковыхъ слоговъ принять за ошибку (вродѣ вышеупомянутаго „пилапилатъ“, вмѣсто — „пилатъ) и прочесть „мы҃мысію“ просто „мыслію“, сливая два слова въ одно. Наиболѣе вѣроятно, что эта ошибка принадлежитъ еще древнимъ переписчикамъ „Слова“. „Въ такомъ случаѣ“, говоритъ Барсовъ, „подлежащимъ при „растекашется“ будетъ не Боянъ, но мысль, какъ творческая сила, фантазія Бояна. Олицетвореніе отвлеченныхъ понятій составляетъ одну изъ особенностей стиля автора „Слова“. При такомъ разумѣніи все это мѣсто получаетъ внутреннюю опредѣленность и характерную изобразительность“ [1]).

Другой примѣръ конъектуры:... „Святополкъ повелѣя отца своего между Угорьскими иноходцы“... Затрудненіе этого мѣста легко устраняется счастливой догадкой Потебни, предложившаго читать вмѣсто „повелѣя“—„полелѣя“, т. е., замѣнить „в“ черезъ „л“. Такое чтеніе вполнѣ оправдывается палеографическими данными 2-й половины XVI в.: начертаніе буквы „в“, сходное съ „л“, встрѣчается уже у приказныхъ писцовъ половины XVI в.; къ концу же этого вѣка оно—очень часто. Если бы въ „повелѣя“ скрывалось „поведѣ“ или „повезѣ“, какъ полагали нѣкоторые, то дальше было бы „на“, а не „между“ Угорьскими иноходцами. Предлогъ вполнѣ соотвѣтствуетъ глаголу „полелѣять“; на это же указываютъ иноходцы. Художественный строй рѣчи требуетъ здѣсь символическаго изображенія поднятія Изяслава съ поля битвы, что прекрасно выражается глаголомъ „полелѣять“ [2]).

При изученіи стихотворнаго памятника важнымъ обстоятельствомъ при оцѣнкѣ и выборѣ правильнаго чтенія изъ нѣсколькихъ, предлагаемыхъ рукописной традиціей—является правильность размѣра; напримѣръ, рукописи, послужившія Ефремову при изданіи сочиненій кн. Кантемира, даютъ (Соч. 1867 г., стр. 191, строка 52) чтеніе:

„Дома *не прибытокъ*, пагуба убытокъ“.

---

[1]) Барсовъ, „Слово о п. Игоревѣ“, II, стр. 128—129.

[2]) Барсовъ, тамъ же, стр. 194—195.

а рукопись Кіев. Университет. библіотеки 74(43), л. 17 об.— предлагаетъ тотъ же стихъ въ такомъ видѣ:

„Дому *изнуреніе,* пагуба, убытокъ".

Мы предпочитаемъ послѣднее чтеніе, не только потому, что первое явно получилось чрезъ повтореніе въ измѣненномъ видѣ послѣдняго слова, но также и потому, что чтеніе Кіев. рукоп. правильно въ метрическомъ отношеніи, давая 13-ти сложный стихъ, употребляемый Кантемиромъ.

Или возьмемъ въ „Epodos consolatoria" того же автора; при обычномъ 11-ти сложномъ стихѣ, изданіе (стр. 289, строка 30) даетъ чтеніе:

„Будешь *искать,* да не сыщешь мѣста" (10 слоговъ), тогда какъ въ Кіевской рукописи правильно, съ 11 слогами и сохраненіемъ болѣе архаичной формы infinitiv'a.

„Будешь *искати,* да не сыщешь мѣста" (л. 115 об.).

Или—въ изданіи (стр. 291, ст. 102):

„То лучше *быть* въ жизни незлобиву",—

тогда какъ въ Кіевской рукописи—лучшее чтеніе:

„То лучше *быти* въ жизни незлобиву (л. 117).

Возьмемъ „Петриду" Кантемира, написанную 13-ти сложнымъ стихомъ; въ изданіи читаемъ:

„Михаилъ первый *и* святыхъ чиновъ всѣхъ правитель"—

т. е. стихъ изъ 14 слоговъ; это указываетъ на то, что одинъ слогъ—лишній. Дѣйствительно, Кіевская рукопись даетъ чтеніе безъ *и,* которое, вѣроятно, попало въ изданіе по недосмотру издателей. Въ той же „Петридѣ", въ изданіи (стр. 300, ст. 95) читаемъ:

„Вторый солнце имѣетъ отъ *Запада* къ Востоку";

издатели замѣтили, что здѣсь есть лишній, 14-й, слогъ и пытались исправить стихъ, читая „съ Запада..."; но Кіев. рук. предлагаетъ лучшее въ метрическомъ отношеніи и болѣе архаичное чтеніе, возстановляющее размѣръ стиха:

„Вторый солнце имѣетъ отъ *Западъ* къ Востоку" (л. 127).

Порою издатель и критикъ останавливается въ недоумѣніи, что ему дѣлать съ явнымъ нарушеніемъ размѣра, показывающимъ, что памятникъ испорченъ пропускомъ. Здѣсь приходитъ на помощь либо конъектуральная критика, либо, какъ въ предположенныхъ примѣрахъ—чтеніе новой,

еще не привлекавшейся къ изученію памятника рукописи. Въ этой же „Петридѣ“, въ изданіи Ефремова—издатель самъ при стихѣ:

„Къ исполненію велѣнныхъ удобну“ (стр. 302, ст. 166) замѣчаетъ, что здѣсь „недостаетъ двухъ слоговъ“. Уже изъ контекста ясно, что надо добавить „ему“, что и находимъ въ Кіев. рукописи:

„Къ исполненію *ему* велѣнныхъ удобну“ (л. 128 об.). Руководясь размѣромъ стихотворнаго памятника, можно иногда возстановить нѣсколько испорченныхъ и утраченныхъ мѣстъ, конечно,—въ духѣ всего реставрируемаго памятника, въ соотвѣтствіи не только съ размѣромъ, но и съ содержаніемъ и языкомъ памятника.

Приводимъ примѣръ—изъ простѣйшихъ: опытъ дополненія утраченныхъ мѣстъ въ „Тренахъ на Успеніе Богородицы“ (рукоп. Петрушев. № 125); наши добавленія въ скобкахъ [ ]:

„[Къ сн҃ѹ] Двца ѿто юж ѿходит,
Дкам въ г҃бо ѿто юж заходит.
[Ревне во]лам плач встыдливый дворе
женскіи хоре“ (ст. 85—88).
„[Идет ѡз]доба Паненства ко Сн҃ѹ
Ѿходит чт҃но к Аг҃глскому чину.
[Днес҃ воспой] погребъ, Мѹзо, не лениве,
спѣва зычливе“ (ст. 89—92).

Иногда, чтобы возстановить правильное чтеніе испорченнаго мѣста—не мѣшаетъ заняться простымъ грамматическимъ разборомъ предложенія; напр., въ „Петридѣ“ въ изданіи Ефремова читаемъ (стр. 302, ст. 171):

„Странгуріо *влекомъ* вожду въ слѣдъ рыдая“.

Ссылаясь на необходимость возстановить 13-й слогъ въ стихѣ, издатель предлагаетъ читать съ исправленіемъ „влекомый“: Кіев. рукоп. дастъ явно испорченное чтеніе „влекомя“ (128об.); полагаемъ, что разобравъ соотношеніе словъ въ предложеніи, слѣдуетъ видѣть въ этомъ стихѣ архаическій оборотъ, употребленный Кантемиромъ—дательный самостоятельный и исправить и смыслъ, и размѣръ стиха такъ:

„Странгуріо, *влекому* вожду въ слѣдъ рыдая“.

Образцы критики текста. Затѣмъ мы позволимъ себѣ привести нѣсколько образцовъ критики текста съ по-

мощью сличенія рукописей, чтобы наглядно, на живыхъ примѣрахъ показать примѣненіе тѣхъ пріемовъ и способовъ критики, которые изложены выше. Примѣры взяты нами изъ работъ ак. Соболевскаго по возстановленію первоначальнаго, не дошедшаго до насъ текста „Начальной Лѣтописи“ на основаніи варіантовъ, имѣющихся въ спискахъ этой Лѣтописи: Лаврентьевскомъ, Ипатскомъ, Хлѣбниковскомъ, Троицкомъ, Академическомъ и Радзивилловскомъ. Примѣры эти для насъ являются особенно интересными еще и потому, что ак. Соболевскій, разбираясь въ варіантахъ Лѣтописи, пользовался, какъ онъ самъ говоритъ объ этомъ, именно тѣми правилами критики текста, которыя изложены у Турнье и Бласса; слѣдовательно, они являются здѣсь какъ бы живой иллюстраціей, наглядным подтвержденіемъ всего того, что было сказано раньше.

1. „Днѣпръ потече изъ Оковьскаго лѣса“.... Такъ читаемъ въ спискахъ Лавр., Троиц. и Хлѣбник.; Ипат. и Акад. имѣютъ: „Воковьскаго“; Радзив.: „Волковьскаго“. Варіантъ—„Воковьскаго“ — отличается отъ варіанта „Оковьскаго“ — лишь присутствіемъ „в“, которое должно было явиться въ сравнительно позднее время (срв. древнее „остръ“ и позднѣйшее „вострый“). Такимъ образомъ, эти два варіанта легко сводятся къ одному—„Оковьскаго“. Третій варіантъ—„Волковьскаго“,—находящійся въ одномъ лишь Радзивилловскомъ спискѣ, не имѣетъ признаковъ древности: онъ—результатъ осмысленія переписчикомъ непонятнаго ему названія „Воковьскаго“. Итакъ, оригиналъ лѣтописи долженъ былъ говорить объ Оковьскомъ лѣсѣ. Въ настоящее время въ Осташковскомъ уѣздѣ, Тверской губерніи извѣстно село Оковцы.

2. „Радимичи, Вятичи и Сѣверъ... творяху кладу велику и възложахуть на кладу мертвеца, сожьжаху“... Такъ въ Лавр., Троиц., Ипат.; Радзив. и Академ.: „краду“. ...„на краду“... Какое чтеніе слѣдутъ предпочесть? Слово „клада“—нерѣдко въ древне-русскихъ текстахъ, гдѣ соотвѣтствуетъ современному русскому „колода“. Слово „крада“ отличается гораздо большею рѣдкостью; оно извѣстно лишь въ древнѣйшихъ русскихъ текстахъ, списанныхъ съ церковно-славянскихъ оригиналовъ, между прочимъ—въ Святославовомъ Изборникѣ 1073 г. („крада“, „крада огньна“—въ Хрон. Малалы, I, VI; въ Соф. Хроногр. л. 339а и др.). Оно употре-

бляется здѣсь въ значеніи—костеръ. Которое же изъ этихъ двухъ словъ находилось въ оригиналѣ Лѣтописи? „Крада“—для переписчиковъ XIV в. и слѣдующихъ было уже непонятнымъ словомъ, и они легко могли исправить его на ясное для нихъ по смыслу—„клада“; что касается передѣлки „клада“ въ „крада“, то она, конечно, для нихъ была невозможна. Сверхъ того, „крада“ даетъ несравненно лучшій смыслъ мѣсту, чѣмъ „клада“. Вслѣдствіе этого мы должны признать безусловную древность за „крада“.

3. „Въ лѣто 915... расваришася Грѣцкыя воеводы. Видѣвше Печенѣзи, яко сами на ся рать имуть, отъидоша“... Такъ въ Ипат. и Хлѣбн.; Радзив.—„рѣчь“; Академ.—„рѣть“. Первый изъ трехъ варіантовъ даетъ неудовлетворительный смыслъ: древне-русское „рать“—войско, военный походъ; а здѣсь рѣчь идетъ о „сварѣ“ воеводъ между собою; второй—не даетъ вовсе смысла. Только третій варіантъ кажется намъ древнимъ. Слово „реть“ хорошо извѣстно церковнославянскимъ и древне-русскимъ текстамъ; оно значитъ: споръ, соревнованіе (см. словарь Миклошича) и такимъ образомъ является какъ бы синонимомъ слова „свара“. Въ XIV вѣкѣ и слѣдующихъ оно было уже непонятно переписчикамъ, и они старались такъ или иначе осмыслить неясное для нихъ мѣсто.

4. „Володимеръ... заложи городъ... и нарече и Переяславль, зане перея славу оторкъ-тъ“. Такъ въ Лавр. (подъ 992 г.); въ Хлѣбн.—„зане перея славу оторкъ“; въ Радзивил. и Академ.—„зане Переяславъ отроку тому имя“.

Собственное личное имя Переяславъ не встрѣчается ни въ одномъ древне-русскомъ памятникѣ. Очевидно, въ древнѣйшій періодъ нашей исторіи оно было мало употребительно, а въ періодъ болѣе поздній, въ XIV—XV в. в., когда писались дошедшіе до насъ списки лѣтописи, совсѣмъ уже не существовало въ живомъ употребленіи. Наоборотъ, глаголъ „переять“ (или переняти) съ винительнымъ падежомъ прямого дополненія, въ значеніи „перехватить“, не разъ встрѣчается въ древне-русскихъ текстахъ, напримѣръ, „перея власть его всю“ (Лавр. 147); глаголъ этотъ извѣстенъ и въ современныхъ русскихъ говорахъ, а въ XIV и XV в. в. долженъ былъ имѣть значительное употребленіе. Ясно, что переписчики Начальной Лѣтописи легко могли сдѣлать изъ

непонятнаго для нихъ „Переяславъ“ понятное „перея славу“ тѣмъ болѣе, что при чтеніи „Переяславъ“ чувствовался недостатокъ въ глагольной формѣ прошедшаго времени (сказуемомъ), а при чтеніи „перея славу“—нужная для смысла глагольная форма была на лицо. Обратная передѣлка понятнаго „перея славу“ на непонятное „Переяславъ“ для переписчиковъ едва ли была возможна. Такимъ образомъ, мы должны отдать предпочтеніе варіанту „Переяславъ“ и возстановить это мѣсто лѣтописи въ слѣдующемъ видѣ: „...нарече и Переяславль, зане Переяславъ отрокъ тъ“, то есть, назвалъ его Переяславлемъ, такъ какъ отрокъ этотъ—Переяславъ. Названіе города Переяславль, какъ и другія названія того же рода (Ярославль, Мстиславль),—не что иное, какъ прилагательное отъ собственнаго имени—Переяславъ [1]).

Критикующій и исправляющій текстъ, заподазривая въ немъ ошибки и искаженія—прежде всего и въ теченіе всей работы долженъ критически относиться къ своимъ предположеніямъ (конъектурамъ): „критика индивидуальная“, какъ справедливо замѣчаетъ Бёкъ [2]), „труднѣе всѣхъ остальныхъ родовъ и кромѣ учености, зоркости и остроумія, требуетъ умѣнья проникать въ самые сокровенные изгибы личной жизни“. Но кто изъ филологовъ рѣшится признать себя обладателемъ этихъ качествъ, а особенно послѣдняго?

Примѣненіе критическихъ пріемовъ необходимо тамъ, гдѣ есть поводы къ сомнѣнію. Но случается,—не въ мѣру энергичные критики, зачастую дилетанты примѣняютъ (для достиженія своихъ цѣлей) критическіе пріемы тамъ, гдѣ они по меньшей мѣрѣ излишни. Такое стремленіе критиковать то, что собственно не нуждается въ критикѣ,—называютъ гиперкритикой. Результаты гиперкритики—обратны критикѣ истинной. „Нѣкоторымъ людямъ вездѣ мерещатся загадки, даже тамъ, гдѣ ихъ совсѣмъ нѣтъ. Они вдаются въ излишнія тонкости при изученіи вполнѣ ясныхъ текстовъ и, желая очистить ихъ отъ воображаемыхъ искаженій, дѣлаютъ ихъ сомнительными“ [3]).

---

[1]) Чтенія въ истор. общ. Нестора-Лѣтописца, книги 5 и 8-я, статья А. Соболевскаго: „Нѣсколько мѣстъ Начальной Лѣтописи“.

[2]) Boeckh, Энцикл. и методол. филол. наукъ, излож. Аландскаго, стр. 47.

[3]) Ланглуа и Сеньобосъ, Введеніе, стр. 104.

Считаемъ умѣстнымъ привести нѣсколько примѣровъ такъ называемой гиперкритики или чрезмѣрной критики, т. е. нѣсколько примѣровъ того, какъ не слѣдуетъ поступать при критическомъ разборѣ и изслѣдованіи памятниковъ. Богатый матеріалъ для ознакомленія съ этой именно „чрезмѣрной критикой“, выходящей уже за предѣлы строгой научности, можно найти въ статьѣ Г. Бараца: „О библейско-агадическомъ элементѣ въ сказаніяхъ и повѣстяхъ Начальной русской лѣтописи“ (Кіевъ, 1907 г.), откуда нами и позаимствованы нижеприводимые примѣры. Вся статья эта направлена къ той цѣли, чтобы обнаружить и доказать несомнѣнное вліяніе еврейской письменности на многія сказанія нашей лѣтописи; доказать, что чуть ли не всѣ сказанія и повѣсти, встрѣчающіяся въ лѣтописи, суть не что иное, какъ пересказъ или, въ лучшемъ случаѣ, переработка библейскихъ или талмудическихъ сказаній (кромѣ библейскихъ книгъ, по мнѣнію Бараца, несомнѣнно также и вліяніе Талмуда, Мидрашей, І. Флавія и „Книги Праведнаго“—Сеферъ-га-Яшаръ). Авторъ статьи прибѣгаетъ нерѣдко къ очень рискованнымъ пріемамъ и сближеніямъ, чтобы доказать то или другое свое положеніе; напримѣръ:

1. Въ лѣтописномъ разсказѣ о сватовствѣ Владимира Рогнѣда говоритъ отцу: „не хочю розути робичича, но Ярополка хочю“... (по Ипат. списку).

Въ Хлѣбниковскомъ спискѣ (подъ 980 годомъ) сначала —„разути“, но потомъ исправлено на „ити за“. По мнѣнію Бараца, это „розути“—является здѣсь позднѣйшей вставкой переписчиковъ; но вѣдь Хлѣбниковскій списокъ ясно говоритъ, что чтеніе „розути“—древнѣе. Барацъ даже указываетъ мѣсто, откуда это слово попало сюда, какъ интерполяція; именно, оно вставлено изъ разсказа о войнѣ Игоря съ древлянами (945 г.) и есть—причастіе страдательное множественнаго числа: тамъ дружина говоритъ Игорю, „что отроці Свѣнельжи изодѣлися суть оружіемъ и порты, а мы нази (и разути)“[1])... Добавимъ отъ себя, что даже въ печатномъ текстѣ эти отрывки находятся на разстояніи 15 страницъ (по Ипат. списку, изд. Археографич. Коммиссіи, 1872 г.), въ рукописи же этотъ промежутокъ между ними долженъ быть еще

[1]) Барацъ, стр. 49—52.

больше. Такимъ образомъ, непонятнымъ, страннымъ и совершенно произвольнымъ кажется этотъ переносъ одного только слова, выхваченнаго изъ цѣлаго ряда другихъ, притомъ такъ далеко отъ его первоначальнаго мѣста,—и все объясненіе Бараца кажется намъ не болѣе какъ натяжкой, не имѣющей подъ собой даже достаточно твердой почвы.

2. Г. Барацъ утверждаетъ, что Владиміръ Святой вовсе не былъ сыномъ рабыни, какъ его назвала Рогнѣда, и какъ объ этомъ говоритъ лѣтопись (по Повѣсти временныхъ лѣтъ Владиміръ сынъ Ольгиной ключницы), и вотъ почему: „въ самомъ имени матери Владиміра", говоритъ онъ, „есть указаніе на княжескій ея родъ. Мать его Малуша, а по Никоновскому и Архангелогородскому спискамъ—Малка" (замѣтимъ: „Малъка"—отъ „малъ" В. П.); это имя не личное, а нарицательное. По еврейски „малка"—„царица". Слѣдовательно, по Барацу, здѣсь также ларчикъ открывается довольно просто, и все сводится къ вліянію еврейской письменности и языка: мать Владиміра—княжескаго рода и носитъ еврейское имя, хотя не личное, а нарицательное (!?). Самъ собой напрашивается выводъ: ужъ не еврейка ли была мать Владиміра?.. [1]).

3. ...„И нарекоша ей (Рогнѣдѣ) имя Гориславa"... Вотъ какъ объясняетъ это мѣсто Г. Барацъ. Съ древнихъ временъ у евреевъ былъ обычай мѣнять имена людей по случаю призванія къ новому служенію (Аврамъ—Авраамъ и т. п.), или послѣ несчастья. Такъ, въ „Книгѣ Руѳь"—Ноеминь говоритъ: „не называйте меня Ноеміей (пріятная, сладкая), но Марой (горькая), ибо Вседержитель послалъ мнѣ великую горесть". Авторъ лѣтописи, находясь подъ вліяніемъ евреевъ, сдѣлалъ то же съ Рогнѣдой. Въ составъ прежняго имени Полоцкой княжны, какъ и имени ея отца, входитъ слово „рогъ" (въ Библіи—символъ славы, величія, силы). Если же это слово прочесть наоборотъ, справа на лѣво (на какомъ основаніи?), получается большинство буквъ реченія „горе". Стоило только затѣмъ къ слову „горе" присоединить реченіе „слава", какъ намекъ на прежнее утраченное величіе Рогнѣды (!), и новое имя было готово—Гориславa (!!).

---

[1]) Тамъ же, стр. 57.

Какъ примѣръ недопустимаго гиперкритическаго хозяйничанья надъ текстомъ Слова о полку Игоревѣ, укажу на новѣйшую работу того же автора [1]), гдѣ помимо невозможныхъ и произвольныхъ перестановокъ, онъ договорился до носороговъ, пашущихъ хребтами русскимъ князьямъ, предлагая чтеніе: „нъ носорози имъ хрьбьти пашуть“ [2]) (вм. возможнаго, на нашъ взглядъ, чтенія: „сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзіи Давидовы; но розьно ся имъ хоботы пашуть“),—хотя въ Библіи о носорогахъ нѣтъ ни слова, а говорится лишь о единорогѣ.

„Слѣдуетъ замѣтить, что чѣмъ больше достигаетъ положительныхъ результатовъ критика текстовъ и источниковъ, тѣмъ болѣе возрастаетъ опасность придирчивости критики“—говорятъ Ланглуа и Сеньобосъ [3]). Мы же полагаемъ, что при большей вдумчивости ученыхъ профессіоналовъ и дилеттантовъ, при развитіи критическаго отношенія къ самымъ пріемамъ изслѣдованія—случаи гиперкритики сведутся къ ничтожнымъ проявленіямъ каприза немногихъ упорныхъ дилеттантовъ, для которыхъ не существуетъ даже вопроса о достовѣрности критеріевъ исторической критики.

Тѣ же пріемы, которые примѣняются при критикѣ текста произведеній древне-русской литературы, употребляются и при изученіи произведеній новыхъ писателей. Благодаря аппарату для критики текста Гоголя, собранному въ извѣстномъ изданіи Тихонравова, мы, напр., можемъ не только возстановить текстъ сочиненій Гоголя, но и изучить его исторію. Такое значеніе имѣютъ и Академическія изданія Пушкина, Лермонтова, Кольцова и др.

Главнымъ основнымъ пріемомъ при критикѣ текста произведеній новыхъ писателей является тотъ же пріемъ, что и при критикѣ текста древнихъ памятниковъ,—сличеніе и тщательное изученіе первоисточниковъ, каковыми въ данномъ случаѣ могутъ быть не только рукописи, написанныя самимъ авторомъ или имъ исправленныя, но и прежніе первопечатные тексты, особенно вышедшіе еще при жизни даннаго автора, при его непосредственномъ участіи.

---

[1]) О библейскомъ элементѣ въ Словѣ о полку Игоревѣ, Кіевъ, 1912 г.
[2]) Стр. 37. [3]) Назв. соч., стр. 104.

Такъ, напр., Академическое изданіе сочиненій Пушкина пользуется слѣдующими матеріалами для установленія правильнаго текста лицейскихъ стихотвореній поэта:

1) Стихотворенія—автографы.

2) Первопечатные тексты стихотвореній, появлявшіеся въ журналахъ и альманахахъ.

3) Рукописи стихотвореній—не автографы, но писанныя ближайшими товарищами и друзьями поэта, часто съ собственными его поправками; такія рукописи „представляютъ собою все значеніе автографовъ".

4) Позднѣйшіе списки, не всегда исправные [1]).

При этомъ всѣ произведенія, вышедшія въ свѣтъ при жизни Пушкина, печатаются въ томъ именно видѣ, въ какомъ они появились въ печати на его глазахъ, притомъ въ послѣдній разъ [2]); исключеніе дѣлается въ тѣхъ случаяхъ, когда достовѣрно извѣстно, что подлинный Пушкинскій текстъ былъ измѣненъ рукою цензора или другого посторонняго исправителя. Однако, по самому существу дѣла, первое и наиболѣе широкое мѣсто отводится источникамъ рукописнымъ, но они требуютъ тщательной критики: не всякая рукопись даетъ хорошее чтеніе. Какъ искажается иногда текстъ въ рукописныхъ копіяхъ съ памятниковъ новой литературы—можетъ, напримѣръ, свидѣтельствовать чтеніе рукописи М. П. Музея, № 2395 (Лицейскія стихотворенія Пушкина), гдѣ послѣдніе стихи „Слезы" читаются такъ [3]):

„Увы! *Луной* слезы довольно
Чтобъ *отправить* бокалъ".

Конечно, при критикѣ текста произведеній новѣйшихъ писателей нѣсколько мѣняются тѣ факторы, которые даютъ намъ возможность установить правильный текстъ: такъ, напр., совершенно уже не приходится обращаться къ палеографіи,—зато необходимо точное знаніе почерка даннаго автора, а также близкихъ къ нему людей, которые могли переписывать его произведенія; приходится изучать стиль автора, его манеру, излюбленные пріемы, необходимо также близкое знакомство съ его міросозерцаніемъ, чтобы на основа-

---

[1]) „Русскій Филол. Вѣстникъ", кн. XIII, стр. 108.

[2]) Акад. изд., I, стр. 7.

[3]) Брюсовъ, Лицейск. стихотв., стр. 25.

ніи всѣхъ этихъ данныхъ можно было отличить дѣйствительное произведеніе даннаго автора отъ ложнаго, ошибочно ему приписываемаго. Въ большинствѣ случаевъ текстъ не приходится „возстановлять“ въ буквальномъ смыслѣ, какъ при критикѣ памятниковъ древнихъ, такъ какъ рукописи болѣе исправны и читаются, въ общемъ, легко, хотя могутъ, конечно, попадаться и неразборчивыя мѣста; къ помощи конъектуръ тоже прибѣгать почти не приходится. Приходится лишь, главнымъ образомъ, устанавливать, что въ дошедшихъ до насъ и сохранившихся рукописяхъ, а также въ перепечаткахъ текстовъ—подлинно и принадлежитъ самому автору, а что могло быть добавлено и передѣлано кѣмъ-нибудь (или друзьями, или кѣмъ-нибудь изъ близкихъ, или цензоромъ).

Кромѣ основного текста, за который для стихотвореній, не сохранившихся въ рукописи, принимается первопечатный текстъ, слѣдуетъ различать варіанты, происходящіе вслѣдствіе того, что одно и то же стихотвореніе исправлялось, а иногда и совершенно передѣлывалось по нѣсколько разъ самимъ авторомъ, пока не принимало окончательнаго своего вида. Изученіе этихъ варіантовъ по рукописямъ и первопечатнымъ текстамъ очень важно, такъ какъ даетъ намъ исторію текста каждаго произведенія, исторію всѣхъ, иногда значительныхъ измѣненій въ текстѣ пьесы, произведенныхъ авторомъ или посторонней рукой [1]). Съ другой стороны изученіе варіантовъ раскрываетъ передъ нами процессъ творчества поэта, ростъ его таланта. Въ то же время это разнообразіе варіантовъ, безчисленныя иногда помарки въ оригиналѣ—свидѣтельствуютъ о взглядахъ писателя на свои труды, говорятъ о требованіяхъ автора къ себѣ, какъ къ писателю. „Случайныя замѣтки, разбросанныя по рукописямъ Пушкина, нерѣдко указываютъ первоначальные мотивы его творчества; выписки изъ книгъ даютъ понятіе объ объемѣ и характерѣ его чтенія; наконецъ, разсѣянныя по тетрадямъ числовыя помѣтки помогаютъ опредѣлить хронологію его произведеній“ [1]). Замѣтимъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда произведеніе писателя не имѣетъ опредѣленной даты

---

[1]) Р. Ф. В., стр. 114.

[2]) Предисловіе къ Акад. изд., стр. 7.

на рукописи автора или рукописи, просмотрѣнной и исправленной авторомъ, то приходится довѣрять болѣе или менѣе—свидѣтельству его друзей, современниковъ, или выводить заключеніе о времени написанія произведенія на основаніи того, когда оно впервые появилось въ печати; (таково, напр., стихотвореніе „Моя эпитафія“, напечатанное въ „Россійскомъ Музеумѣ“ 1815 года), на основаніи писемъ автора, гдѣ онъ о немъ говоритъ, и т. п. Мы приведемъ здѣсь нѣсколько мелкихъ лицейскихъ стихотвореній Пушкина съ тѣмъ критическимъ матеріаломъ, который собранъ для нихъ въ Академическомъ изданіи сочиненій Пушкина.

1. Старикъ.

Основной текстъ.	Варіантъ ред. Рос. Муз.
Ужъ я не тотъ любовникъ страстный	....философъ....
Кому дивился прежде свѣтъ:	Что прежде такъ любить умѣлъ:
Моя весна и лѣто красно	. . . . .
Навѣкъ прошли, пропалъ и слѣдъ.	Ушли за тридевять земель.
Амуръ, богъ возраста младова,	....свѣтъ.... златого
Я твой служитель вѣрный былъ;	Боговъ тебя всѣхъ болѣ чтилъ
Ахъ, если бъ могъ родиться снова,	....я родился ....
Ужъ такъ ли бъ я тебѣ служилъ.	. . . . .

Это стихотвореніе, переписанное рукою не Пушкина, находится въ рукописи Московскаго Публичнаго Музея № 2364, л. 51 об. Впервые въ печати оно явилось въ „Россійскомъ Музеумѣ“ 1815 г. съ помѣтой: „Изъ Марота“. Затѣмъ оно было помѣщено въ изданіи сочиненій Пушкина 1826 и 1827 гг. Текстъ рукописи согласенъ съ текстомъ изданія 1826 г., а въ Россійскомъ Музеумѣ текстъ представляетъ нѣкоторыя отклоненія, происшедшія, вѣроятно, отъ поправокъ посторонней руки. Это переводъ изъ Клемана Маро, французскаго поэта, первой половины XVI в.; сличеніе съ подлинникомъ показываетъ, что переводъ сдѣланъ не особенно близко, при чемъ позднѣйшая редакція перевода, 1826 г., еще дальше отъ оригинала, чѣмъ первоначальная (въ „Россійскомъ Муз.“). Л. Майковъ (редакторъ

Академ. изд.) полагаетъ, что отличія журнальной редакціи принадлежатъ не Пушкину, а чьей то посторонней рукѣ, и произошли отъ поправокъ, сдѣланныхъ съ цѣлью приблизить переводъ къ подлиннику. Онъ приписываетъ эти поправки дядѣ Пушкина—Василію Львовичу Пушкину, другу издателя „Россійскаго Музеума"—Измайлова и большому поклоннику произведеній Клемана Маро [1]).

2. Гробъ Анакреона. Это стихотвореніе, переписанное рукою Илличевскаго, находится въ рукописи Моск. Публ. Музея № 2364, л. 3 об. и имѣетъ хронологическую дату: „1815". Это же стихотвореніе было читано Василіемъ Львовичемъ Пушкинымъ въ февралѣ 1817 г. въ Обществѣ любителей россійской словесности и напечатано впервые въ „Трудахъ Общества" въ 1818 году. Въ сокращенномъ и исправленномъ видѣ оно было напечатано въ изданіи 1826 и 1829 г.г. За основной текстъ всѣми издателями признается текстъ 1826 года. Въ рукописи № 2364 стихотвореніе является въ перначальной редакціи, но имѣетъ уже позднѣйшія поправки автора; эта редакція и была напечатана въ „Трудахъ"—задолго до внесенія въ нее вышеупомянутыхъ поправокъ, но съ нѣсколькими измѣненіями, которыя, однако, не включены въ изданіе 1826 года. Академикъ Майковъ думаетъ, что эти измѣненія принадлежатъ не автору, а его дядѣ—Василію Львовичу; что касается позднѣйшихъ авторскихъ поправокъ, то онѣ, очевидно, были сдѣланы въ виду подготовлявшагося изданія 1826 г. Лишь благодаря тщательному сличенію тройного текста возможно установить эту любопытную исторію текста даннаго произведенія.

Рукоп. № 2364.	Изд. 1826 г.
Ст. 10. Вижу: горлица на лирѣ	. . . . .
Ст. 12. Други, други, въ вѣчномъ мирѣ	Други, здѣсь почіетъ въ мирѣ
Ст. 28. Вкругъ философа сѣдого	Вкругъ любовника...
Ст. 33. Въ гробъ любимца увели	. . . . .
Ст. 35. Игры, смѣхи вслѣдъ ушли	Игры вслѣдъ за нимъ пошли

[1]) См. Академ. изданіе соч. Пушкина, томъ I, стр. 131—133, прим.

Ст. 37. Какъ невнятный вздохъ любви Какъ веселый сонъ любви.

Редакція „Трудовъ“.

Ст. 10. ...горлинка...

Ст. 12. Други, други, въ сладкомъ мирѣ.

Ст. 28. Вкругъ любовника сѣдого.

Ст. 33. Пригорюнившись сидятъ.

Ст. 37. Какъ невинный вздохъ любви.

(См. Акад. Изданіе, „Гробъ Анакреона“, примѣчаніе). Нельзя не замѣтить въ этой послѣдней редакціи—поправокъ въ сентиментальномъ духѣ, едва-ли принадлежащихъ А. С. Пушкину.

3. Слеза. Сохранилось четыре списка этого стихотворенія. Первый, старшій,—писанъ рукой Илличевскаго; второй (рукопись М. Публ. Музея № 2364, л. 4)—съ помѣтой „1815“—тоже написанъ рукою Илличевскаго. Напечатано стихотвореніе впервые въ альманахѣ „Мнемозина“ 1824 г. Изученіе рукописей показало, что въ „Мнемозинѣ“ напечатана лишь наиболѣе ранняя редакція; позднѣйшей редакціей является—рукописная въ № 2364, писанная Илличевскимъ, съ позднѣйшими авторскими поправками. Эта редакція и принимается за основной текстъ. Главное отличіе ея отъ ранней—пропускъ цѣлой (III) строфы, зачеркнутой авторомъ и пр.

Рукоп. № 2364.	Ранняя редакція.
Строфа 1 ая, ст. 3:	
И молча съ дикою тоскою	...съ мрачною душою
Строфа 2-я, ст. 2:	
Мой воинъ вопросилъ	Мой храбрый вопросилъ.

Въ „Мнемозинѣ“ поправка рукою Пушкина: „Гусаръ мой вопросилъ“, которая принята за основное чтеніе.

Строфа 4-ая, ст. 1:	
Оставь, гусаръ,—охъ, сердцу больно.	...ахъ...

(Академ. Изданіе, т. I, прим. стр. 168—170).

Критика текста поэтическихъ произведеній не только рисуетъ картину созданія стихотворенія, но также приводитъ къ возстановленію того, что вышло изъ подъ пера поэта и испорчено неумѣлыми издателями; о поправкѣ Шевырева къ изданію Анненкова—сказано выше; еще примѣръ, въ

изданіи сочиненій Кольцова (СПБ. 1892 г.) подъ редакціей Быкова читаемъ (стр. 77):

„Было кромѣ много дѣвушекъ
И хорошихъ и талантливыхъ".

„Талантъ"—въ литературномъ языкѣ—обозначаетъ выдающуюся способность къ творчеству, къ опредѣленной дѣятельности; въ народномъ же языкѣ „таланъ"—обозначаетъ „счастье", „удачу"; отсюда „талантливый" — счастливый, удачливый. Какъ выразился въ своемъ подражаніи народной пѣснѣ Кольцовъ, и что болѣе вяжется съ контекстомъ? Очевидно, слѣдуетъ исправить „талантъ"—на „таланъ", „талантливыхъ"—на „талантливыхъ",—согласно народному значенію этого слова.

Еще примѣръ изъ того же Кольцова: въ стихотвореніи „Перепутье" Кольцовъ, говоря отъ лица своего героя, противополагаетъ прожитую имъ бурную жизнь—жизни спокойной, наполненной мелкими интересами. Вотъ характеристика послѣдней въ чтеніи Быкова:

„Сидѣть дома, болѣть, стариться,
Съ старикомъ отцомъ вновь ссориться,
Работать, съ женой хозяйничать,
Ребятишкамъ сказки сказывать".

Въ автографѣ Кольцова, въ собраніи рукописей П. Я. Дашкова, въ изд. 1846 г., напечатанномъ съ рукописей поэта, въ изданіи Введенскаго, Солдатенкова читаемъ не „болѣть". а „ботѣть". Какое чтеніе должны мы предпочесть, традиціонное, опирающееся на автографъ и болѣе трудное, или—новое, предложенное г. Быковымъ? Справимся, что значитъ слово „ботѣть"? Въ народномъ языкѣ оно значитъ: „толстѣть", „полнѣть",—можетъ быть, въ данномъ случаѣ „брюзгнуть". Зная это, мы остановимся на болѣе трудномъ чтеніи автографа и отвергнемъ чтеніе издателя [1]).

Не слѣдуетъ, конечно, преувеличивать значенія пріемовъ критики текста. „Какъ бы то ни было, но многочисленные тексты, сохранившіеся въ единственныхъ копіяхъ и въ искаженномъ видѣ, не поддаются и безъ сомнѣнія не бу-

[1]) См. А. І. Лященко, рецензія на изд. Быкова, Ж. М. Н. Пр. 1893 г., стр. 518.

дутъ поддаваться усиліямъ критики“ [1]). Таково у насъ „Слово о полку Игоревѣ“, полная реставрація котораго представляется намъ при наличныхъ средствахъ невозможной. Въ случаяхъ слишкомъ рискованныхъ „критика констатируетъ искаженіе текста, указываетъ, что̀ требуется смысломъ, и если она осторожна, то этимъ и ограничивается, потому что во многихъ копіяхъ, благодаря множеству ошибокъ и послѣдовательныхъ исправленій, почти не осталось слѣдовъ авторскаго текста и разобраться во всей этой путаницѣ нѣтъ никакой возможности“ [2]).

§ 34. Изученіе переводныхъ памятниковъ. Всякая литература пополняетъ свой составъ двумя путями: самостоятельнымъ творчествомъ и переводами и заимствованіями. Древне-русская литература особенно замѣтно питалась переводами, почему, подходя къ каждому, еще неизученному памятнику, мы въ правѣ поставить вопросъ о степени его оригинальности и прежде всего спросить—не переводный-ли онъ. Въ виду такого огромнаго значенія переводной литературы весьма важнымъ является вопросъ о пріемахъ ея изученія. Недостаточно знать, что данный памятникъ—переводный, необходимо отыскать и изучить его оригиналъ, сравнить съ нимъ переводъ, указать на тѣ измѣненія, которыя внесъ въ него переводчикъ, на причину и источники разнаго рода добавленій, опредѣлить по возможности личность переводчика, время и мѣсто перевода, а также его дальнѣйшую историческую судьбу. Наконецъ, слѣдуетъ постараться выяснить причины самаго появленія памятника, степень его распространенности, вліянія на современную ему и позднѣйшую литературу. Къ этимъ то пріемамъ изученія переводныхъ памятниковъ мы и перейдемъ теперь.

Прежде всего необходимо точно и доказательно установить, что данный памятникъ представляетъ переводъ, а не оригинальное произведеніе и не подражаніе. Если только памятникъ вызываетъ хоть какія-нибудь сомнѣнія относительно своей самостоятельности, то необходимо предположить, что онъ переводный, и постараться найти его

---

[1]) Ланглуа и Сеньобосъ, стр. 63.

[2]) Ланглуа и Сеньобосъ, стр. 63.

оригиналъ. Послѣднее не всегда удается, но это еще не даетъ права утверждать, что памятникъ—оригинальнаго происхожденія, такъ какъ въ будущемъ, когда древнія рукописи и книги будутъ лучше изслѣдованы, чѣмъ въ настоящее время,—предполагаемый оригиналъ можетъ найтись. Розыскамъ возможнаго оригинала помогаетъ знаніе библіографіи греческой, латинской и др. литературъ.

Изучая памятники древнѣйшаго періода русской письменности, мы наталкиваемся тамъ же на вопросъ о томъ, съ какого оригинала былъ сдѣланъ прототипъ дошедшихъ до насъ славяно-русскихъ списковъ. Здѣсь приходится имѣть въ виду юго-славянскіе кирилловскіе или глаголическіе оригиналы, что̀ устанавливается путемъ палеографическимъ.

Напримѣръ, проф. Михайловъ весьма правдоподобно утверждаетъ, что кирилловскій текстъ Григоровичева Паримейника XII в. нѣкогда былъ списанъ съ глаголическаго оригинала: къ этому заключенію приводятъ ошибки въ цифрахъ лѣтъ патріарховъ Сиѳа, Еноса, Каинана и Малелеила [1]): „глаголическая омега (=700) замѣнена писцомъ кириллдовской омегой (=800), что и явилось ошибкой противъ греческаго подлинника и показанія всѣхъ другихъ паримейныхъ текстовъ, въ которыхъ всюду читается семьсотъ. Вліяніе глаголическаго счета также слѣдуетъ видѣть въ употребленіи писцомъ греч. списка буквы ц для обозначенія 900, вмѣсто ожидаемаго ѧ“. [2])...

Текстъ переводнаго памятника не всегда можно возводить къ извѣстнымъ текстамъ оригинальнаго иноязычнаго, сохранившимся до нашего времени. Такъ, тотъ же ученый, изслѣдуя книгу Бытія въ Паримейникахъ, пришелъ путемъ сопоставленія отдѣльныхъ чтеній къ выводу, что ни одинъ изъ дошедшихъ до насъ текстовъ греческаго профитологія не могъ служить непосредственнымъ подлинникомъ для славянскаго переводчика: „на основаніи имѣющагося матеріала, греческаго и древне-славянскаго, мы имѣемъ право сказать, что профитологій, послужившій оригиналомъ прототипа древне-славянскаго Паримейника, по составу текста

---

[1]) Михайловъ, Опытъ, стр. 199—200.

[2]) Михайловъ, тамъ же, стр. 350—351.

книги Бытія отличался отъ извѣстныхъ намъ профитологіевъ, взятыхъ не только въ отдѣльности, но и вмѣстѣ“ [1]). Мало того, этотъ древне-славянскій прототипъ впослѣдствіи подвергся пересмотру по иному греческому подлиннику“ [2]).

Иногда даже при переводѣ съ одного подлинника въ переводномъ текстѣ получаются различныя чтенія, грамматическія и лексическія, напримѣръ, въ паримейномъ текстѣ кн. Бытія: 8,5 „верси горамъ“—и „верси горъ“; 35,4 „въ рукахъ“—„въ руку“ и т. п. Здѣсь разночтенія объясняются параллельнымъ сосуществованіемъ въ разныхъ спискахъ архаизмовъ и соотвѣтствующихъ имъ новообразованій.

Важнѣе разночтенія лексическія, гдѣ одно слово или выраженіе оригинала передается въ отдѣльныхъ спискахъ и группахъ списковъ по разному, напр., въ паримейномъ текстѣ кн. Бытія [3]);

1,1 „ἐν ἀρχῇ“: „въ началѣ“ B_2; „испрьва“ Г, М, P_3; „искони“—Гр. и всѣ другіе.

1,9 „συναχθήτω το ὕδωρ“: „да сберется вода“ Рум., Ляп., Тв., Арх., Унд. и всѣ русскіе четьи списки; „да сомнется вода“ Гр. и всѣ другіе списки.

2,1 „ὁ κόσμος“—„украшеніе“ Рум., Тв., Ляп., Унд. и всѣ русскіе четьи списки; „лѣпота“—Гр. и всѣ другіе.

4,11 „ἔχανε“—„зину“ Г., М., P_3, Сав.; „разверзе“ Оф., Перф., Рум., Тв., Ляп., Унд. и всѣ русскіе четьи списки; „раздвиже“ Гр. и всѣ другіе.

14,18 „ὁ ἱερεὺς“—„іерей“ Гр., Ляп. и другіе 8 списковъ; „священникъ“ Унд., Арх.; „жрець“ А. и всѣ русскіе четьи списки.

31,19,34 „τὰ εἴδωλα“—„стурлаби“ B_1, K_1, Т; „кумиры“ Л., Арх., Г., Кр., М., P_3, Сав., Унд. и всѣ русскіе четьи списки.

Наличность такихъ разночтеній можетъ быть основаніемъ для дѣленія списковъ на группы и подгруппы для выясненія исторіи переводнаго памятника.

На оригиналъ перевода указываютъ иногда непереведенныя слова, напр., въ 6—7 кн. Хроники І. Малалы: „ригесъ“—

---

[1]) Михайловъ, Опытъ, стр. 341, 343.

[2]) Тамъ же, стр. 343.

[3]) Тамъ же, стр. 317—321.

„ῥῆγες“, „ῥύξ“, „ῥῆξ“—(съ латинскаго было бы „регесъ“—„reges“), „оупаты“—„ὕπατοι [1]).

Вообще древній переводчикъ, не находя въ своемъ языкѣ нужныхъ словъ для передачи оригинала, сохранялъ обычно нѣкоторыя его слова, напримѣръ: въ паримейномъ текстѣ кн. Бытія—„Ное“ (Νῶε), аспальтъ (ἡ ὄσπαλτος), олкарпосъ (ὁλοκάρπωσις), олокавтома (ὁλοκαύτωμα), плинтъ (ἡ πλίνθος), лива (λίβα), въ Содомѣхъ (ἐν Σοδόμοις) и др. [2]).

Славянинъ-переводчикъ не всегда вѣрно понималъ греческій текстъ, невѣрно прочитывая отдѣльныя слова, отъ чего получалось и невѣрное чтеніе, и переводъ. Напр.: „приведе же и соудиа ѡ Акропола“—„κατήγαγε δὲ καὶ τοὺς Κρῆτας ἀπὸ τῆς ἀκροπόλεως“. Очевидно, переводчикъ вмѣсто „Κρῆτας“ читалъ „κρίτας“; или—„Салоустіи поминаетъ въ списании еже на еллины“—„Σαλλούστιος μέμνηται εἰς τὴν κατελλιναρίαν ἔκδεσιν“, т. е. переводчикъ прочелъ καθ' ἕλληνας“ [3]).

Въ паримейномъ переводѣ кн. Бытія переводчикъ въ оригиналѣ вмѣсто „Χαῤῥὰν“ (страна)—прочелъ „χαρὰν“ (радость), откуда и возникла ошибка [4]).

Повтореніе ошибокъ оригинала въ спискахъ переводнаго сочиненія указываетъ на общій источникъ, въ слѣдующемъ случаѣ—на одинъ переводъ; напримѣръ, въ текстѣ „Żywotów swiętych“ П. Скарги читаемъ:...„męczenników cierpienia, ktorzy przed nami byli spisane zostały“—въ двухъ рукописяхъ К.-Печерской Лавры (155 и 156): ...„которыи перед нами сѣсены зостали“... (Житіе св. Хрисанфа и Дарія). При изслѣдованіи памятниковъ переводныхъ необходимо имѣть хорошій текстъ оригинала, иначе при сличеніи съ нимъ—возможны новыя ошибки, указанныя, напримѣръ, у ак. Истрина [5]).

Иногда различныя чтенія переводныхъ памятниковъ объясняются различіемъ въ редакціяхъ оригинала, напримѣръ, въ сказаніи объ Индійскомъ царствѣ. Особенно это важно въ разныхъ отношеніяхъ при обращеніи съ текстами Свящ.

---

[1]) Истринъ, Хроника I. Малалы, стр. 34.

[2]) Михайловъ, Опытъ, I, стр. 300.

[3]) Истринъ, Хроника I. Малалы, кн. 8—9, стр. 69.

[4]) Брандтъ, Григоров. Паримейникъ, вып. 3, М. 1907, стр. 181, прим. 10.

[5]) Сказаніе объ Индійскомъ царствѣ, стр. 4 и прим.

Писанія, которые вращались въ древнерусской письменности и въ цѣломъ видѣ, и въ видѣ цитатъ. Откуда въ случаѣ надобности брался текстъ Свящ. Писанія Ветхаго Завѣта? Его брали или изъ богослужебнаго текта (Париміи), или изъ четьяго. Эти тексты не во всемъ сходны относительно словоупотребленія, напримѣръ, въ книгѣ Бытія: *Пар.* асфальтъ—*Чет.* смола, брьние, сѣра; *Пар.* бесѣдовати—*Чет.* глаголати; *Пар.* брашьно—*Чет.* ядь; *Пар.* влага—*Чет.* масть, благость; *Пар.* враждовати—*Чет.* съпротивлятисѧ; *Пар.* вънити—*Чет.* вълѣзти, прити; *Пар.* глава—*Чет.* врьхъ, коньць; *Пар.* гласъ—*Чет.* жрѣло, и т. п.[1]). Руководясь такою разницею въ словарѣ, мы заключаемъ не только о двухъ переводахъ, но также пользуемся ею при опредѣленіи источниковъ тѣхъ памятниковъ, которые цитируютъ Библію. Тоже слѣдуетъ имѣть въ виду и относительно Евангелія. Славяне брали евангельскій текстъ изъ Тетроевангелія и изъ Ев. служебнаго, также изъ катенъ[2]). Составители катенъ пользовались Евангеліемъ съ такими варіантами, которыхъ не встрѣчаемъ въ дошедшихъ до насъ спискахъ его[3]). Текстъ Евангелія у южныхъ славянъ всегда перерабатывался и измѣнялся[4]); то же наблюдается и въ Россіи (см. изслѣдованія проф. Воскресенскаго). Отсюда – выводъ, что по цитатамъ изъ Евангелія съ характерными варіантами мы можемъ опредѣлять время написанія памятника, цитирующаго его.

Возвратимся къ видамъ соотношенія оригинала и перевода. Одинъ переводный памятникъ можетъ иногда восходить къ двумъ оригиналамъ. Въ не разъ упомянутомъ паримейномъ Бытіи при внѣшнемъ знакомствѣ можно установить два извода (редакціи): югославянскій и русскій. Югославянскій изводъ образуютъ два списка—Григ. и Лобк. (и Бѣлгр.). Но первые два отличаются отъ русской версіи не только переводомъ, но и греческимъ подлинникомъ. Кромѣ того Лобк. подвергся исправленіямъ: въ него не только были внесены чтенія, которыя не переводились первоучителями, и упорядоченъ мѣсячный отдѣлъ, но и самый

---

[1]) См. словарь такихъ параллельныхъ выраженій у Михайлова, Опытъ, I, стр. 369—385.

[2]) См. Михайловъ, Къ вопросу объ Учит. Евангеліяхъ, стр. 23, 24.

[3]) Тамъ-же, стр. 25.

[4]) Ягичъ, Марінское Четвероев., стр. 463, 474 и др.

текстъ свѣренъ по новому греческому подлиннику. Къ этому результату пришелъ проф. Сперанскій [1]). Это доказывается рядомъ примѣровъ въ родѣ слѣдующихъ:

Гр. „ѿпаде лице ему“ (=συνέ Лоб. „спаде лицемь“ (συνέπεσε πεσε τὸ πρόσωπον αὐτοῦ). Быт., 4, 5. τῷ προσώπῳ αὐτοῦ).

Гр. „ѿ земѧ“ (=ἐκ γῆς) 15,7. Лоб. „ѿ страны“ (ἐκ χώρας)...

Иногда же различныя чтенія перевода восходятъ къ одному оригиналу и являются результатомъ труда разныхъ (двухъ или трехъ) переводчиковъ [2]).

Переводъ иногда пересматривался вновь и сличался съ оригиналомъ—и въ результатѣ мы получаемъ измѣненный текстъ, новый видъ его или редакцію (изводъ). Это видно весьма наглядно въ томъ же паримейномъ Бытіи. Напримѣръ, списокъ Григоровича греческое ἀνίστημι переводитъ „въздвижѫ“, то же и въ другихъ спискахъ; а въ Лобковскомъ—„възвождѫ“; въ Григоров. ὁ οἰκογενὴς переведено „дѣчѧдецъ“, въ Лобков.—„домачадьць“; въ Григ. πληθυνῶ σε „передано „оумножѫ сѣмѧ твое“, въ Лобков. „оумножѫ тѧ“ въ Григ. εὐλογημένος передано „блаженъ“, а въ Лобк. „благословенъ“ и т. п. [3]).

Кромѣ пропусковъ, дополненій и перестановокъ, сходство и различіе списковъ памятника опредѣляется варіантами. То же относится къ памятникамъ переводнымъ, тексты которыхъ имѣютъ также свою исторію, независимо отъ полученнаго изъ оригинала при переводѣ и пересмотрѣ. Ихъ новые варіанты, независящіе отъ вліянія разныхъ оригиналовъ, также важны для исторіи текста.

Примѣръ того, какъ узнается переводное сочиненіе, находимъ въ „Матеріалахъ для повременнаго списка русскихъ писателей“ проф. Никольскаго [4]): въ пергаменныхъ и бумажныхъ рукописяхъ встрѣчается „Наказаніе св. Иларіона къ отрекшимся отъ міра“ (или „Посланіе къ брату столпнику“). Есть соблазнъ приписать это Слово митр. Иларіону; но—1) нигдѣ это Слово не надписывается именемъ митрополита Иларіона; 2) въ содержаніи нѣтъ чертъ, обнаруживаю-

---

[1]) Замѣтки о рукоп. Бѣлгр. и Соф. библіотекъ, М. 1908.

[2]) Кульбакинъ Отчетъ, стр. 25, II гл., ст. 35 и III гл., ст. 1.

[3]) Михайловъ, Опытъ, стр. 405—407.

[4]) Никольскій, Матеріалы, 1906 г., стр. 91.

щихъ отношеніе памятника къ русской жизни (даже наоборотъ: авторъ говоритъ о монашествѣ, что оно широко распространено и уже испорчено); 4) въ рукописи, представляющей текстъ Слова въ болѣе древнемъ видѣ, вмѣсто словъ Іисуса Христа „иго мое благо“ (Остром. Ев. и позд.)—читается—„иго мое помазано“, т. е. переводчикъ спуталъ два слова: вмѣсто прилагательнаго „χρηστὸς“—прочелъ „χριστός“, — согласно позднему византійскому произношенію. Между тѣмъ въ позднѣйшихъ спискахъ — читаемъ съ поправкой, согласно обычному чтенію евангельскаго текста. Отсюда выводъ, что слово нѣкоего Иларіона—не русское сочиненіе, а переводное и, вѣроятно, принадлежитъ св. Иларіону Великому или игумену Пелекитскому.

Бываютъ случаи, когда можно предполагать даже для житій русскихъ святыхъ,—греческіе оригиналы; таково, напримѣръ, Житіе Романа и Давида (=Бориса и Глѣба) [1]).

Иногда вопросъ о переводѣ или оригинальномъ происхожденіи памятника бываетъ весьма запутаннымъ и трудно разрѣшимымъ при наличности современныхъ данныхъ. Такъ, въ рукоп. Синод. Архива № 1318, XVII в. читается: „Повѣсть о святомъ и побѣдоносномъ мученику Меркурію чудотворцу Смоленскомъ“... съ такимъ объясненіемъ ея происхожденія: „Исписана бо прежде сія вещь словенъскимъ языкомъ, таже изъ словенскаго языка преложена на польскій языкъ, а нынѣ паки ис польскаго на словенскій“. Изъ другихъ списковъ мы не знаемъ ничего о подобномъ переводѣ; въ самомъ текстѣ—также не обнаруживается полонизмовъ, обычныхъ въ переводахъ XVII вѣка. А между тѣмъ фактъ перевода житій святыхъ съ польскаго на славянскій—вещь не невозможная, особенно если примемъ во вниманіе многочисленные переводы изъ „Żywotów swiętych“ П. Скарги, православный переводъ Печерскаго Патерика XVII в. („Paterikon“ Сильвестра Коссова) и т. п.

Случается, что переводный памятникъ извѣстенъ и въ греческой, и въ латинской, а иногда и въ древне-еврейской или иной литературѣ задолго до появленія его у славянъ. Возникаетъ вопросъ о томъ, съ какого языка сдѣланъ пе-

---

[1]) Айналовъ, Изв. отд. р. яз. и слов. Акад. Н. 1910 г., кн. 3, стр. 41 и предыдущія.

реводъ. Данное произведеніе могло быть извѣстно на нѣсколькихъ языкахъ; спрашивается: какимъ оригиналомъ пользовался нашъ переводчикъ? Рѣшается этотъ вопросъ главнымъ образомъ на основаніи совпаденія отдѣльныхъ мѣстъ перевода съ тѣмъ или инымъ предполагаемымъ оригиналомъ, а также на основаніи словарнаго матеріала—терминологіи, собственныхъ именъ, непереведенныхъ словъ.

Наглядный примѣръ того, какъ опредѣляется источникъ перевода, даетъ изслѣдованіе проф. П. Владимірова о происхожденіи Библіи Ф. Скорины [1]). Докторъ Францискъ Скорина, русскій по происхожденію, родился въ Полоцкѣ около 1490 г. Главная цѣль его литературной дѣятельности заключалась въ „наученіи простыхъ людей русскаго языка“. Пользуясь русскимъ, точнѣе западно-русскимъ языкомъ, Скорина имѣлъ въ виду сдѣлать книги Священнаго Писанія понятными для людей „русскаго языка“,—„они же восхотятъ ихъ чести добрымъ умысломъ“. Подобная тенденція замѣчается въ юго-западной Руси еще задолго до Скорины. Въ житія и поученія проникаютъ народныя слова и обороты (напр., Четья-Минея поповича Березки 1489 г. и др.). Вполнѣ опредѣленное выраженіе этихъ стремленій—ввести народную рѣчь въ Св. Писаніе „выразумѣнія ради простыхъ людей“,—мы и находимъ въ переводѣ Скориной Библіи.

Съ какого языка былъ сдѣланъ этотъ переводъ? Естественнѣе всего было бы предположить, что Скорина, какъ воспитанникъ университетовъ католической Европы воспользовался латинской Вульгатой (популярный латинскій переводъ Св. Писанія), справляясь иногда съ соотвѣтствующими мѣстами церковно-славянскаго текста. Однако, посмотримъ, какіе результаты даетъ сравненіе этихъ трехъ текстовъ (латинскаго, церковно-славянскаго и западно-русскаго Скорины). Въ Вульгатѣ читаемъ; „ab hac ut recessit injustus“; въ первопечатной Острожской церковно-славянской Библіи: „ѿступи же·ѿ неправедне“; у Скорины: „ѿ сеѧ мудрости внегда есть ѿступилъ неправедный“. Сходства не находимъ. Откуда же взялъ Скорина свои выраженія? Самъ ли онъ ихъ создалъ? Сравнимъ его текстъ еще съ текстомъ чешской Библіи, гдѣ соотвѣтствующее мѣсто читается такъ: „Od te múdrosti ko-

[1]) П. Владимировъ, Докторъ Фр. Скорина, 1888 г.

lyż yest odstúpil nesprawedliwy". Текстъ Скорины и чешскій совпадаютъ за исключеніемъ послѣдняго слова, которое взято было имъ изъ церковно-славянскаго Евангелія.

Въ другомъ мѣстѣ Вульгаты читаемъ: „sicut purpura regis vineta canalibus"; Острожская Библія: „Заплетеніе главы твоея яко багряница црьска, связана въ преристаніихъ". То же мѣсто у Скорины выражено совсѣмъ иначе: „И власы главы твоея яко златоглавъ царскии вложеный до жлабовъ къ выпранию". Очевидно, что ни Вульгата, ни Острожская Библія не были непосредственнымъ оригиналомъ Скорины, тогда какъ въ чешской Библіи находимъ буквальное совпаденіе текста съ сохраненіемъ даже нѣкоторыхъ, непонятныхъ для переводчика словъ: „Wlasy hlawy twé yako žlatohlaw králowski wloženy do žlabow k wypranij". Вотъ еще два примѣра.

1. Вульгата: „qui annuit oculo, dabit dolorem"; Острожская Библія: „Намизая окомъ со лестию събираетъ мужемъ скорбь"; Скорина: „Кто моргаетъ окомъ дая навестье, той чинитъ болѣсть"; Чешская Библія: „ktoż mhura okem davaye nawestije tento učini bolest".

2. Вульгата: „Anima omnis vitalis denuntiavit ante faciem ipsum"; Острожская Библія: „душа всякого животна покры лице ея"; Скорина: „Понеже каждая животная вещ возвестилася ест пред лицем его"; Чешская Библія: „Neb każda żywotna viecz zwiestowala przed twarży yeho".

Итакъ, сличеніе отдѣльныхъ мѣстъ Библіи Скорины съ соотвѣтствующими мѣстами различныхъ текстовъ приводитъ къ тому заключенію, что непосредственнымъ источникомъ перевода послужила чешская Библія. Кромѣ нея, Скорина пользовался для подбора словъ, какъ словаремъ, церковно-славянскими текстами нѣкоторыхъ книгъ Ветхаго Завѣта и паримій; иногда онъ выписывалъ изъ нихъ цѣлыя главы.

Какъ примѣръ опредѣленія языка оригинала, разсмотримъ еще работу ак. Истрина „Александрія русскихъ хронографовъ", Авторъ этого изслѣдованія тщательно изучаетъ всѣ имѣющіеся въ его распоряженіи списки греческой повѣсти „Александрія" различныхъ редакцій, ея латинскіе переводы, касается и переводовъ нѣмецкихъ и французскихъ и приходитъ къ тому заключенію, что русская „Александрія" есть переводъ именно съ греческаго, а не съ какого-либо друго-

го языка. Въ этомъ его убѣждаетъ съ одной стороны буквальное совпаденіе многихъ мѣстъ перевода съ греческимъ текстомъ, а съ другой стороны словарный матеріалъ перевода, въ которомъ мы находимъ рядъ словъ, очевидно, непонятныхъ для переводчика, а потому оставшихся непереведенными и измѣнившихъ лишь нѣсколько форму, какъ, напр.; „палицу евелову“—„ἐβελινήν“; „въ полатѣ“—„παλατίῳ“; „коупарису“—„κυπαρίσσοις“.

Примѣрами переводовъ съ латинскаго языка могутъ служить житія св. Аполлинарія Равеннскаго и св. Вита. Оба эти житія были изслѣдованы ак. Соболевскимъ, который склонился въ пользу латинскаго оригинала ихъ на основаніи слѣдующихъ данныхъ: „paganus“ переводится—поганъ, „patricius“—петрець; „convoca hic milites“—„призови сто воиновъ“,—переводчикъ въ словѣ hic видѣлъ двѣ части: онъ понялъ hi—какъ форму мѣстоименія, а c (centum)—какъ цифру; имена боговъ перешли съ латинскими окончаніями винительнаго падежа: Еракулѣ (Heraclem), Минервамъ (Minervam); въ фразѣ: „его же ради испълненъ есть“—этому „ради“ въ латинскомъ текстѣ соотвѣтствуетъ „gratia“, имѣющее два значенія: „ради“ и „благодать“. Здѣсь, конечно, болѣе подходитъ второе значеніе, но переводчикъ не обратилъ на это вниманія. За латинскій оригиналъ „Сказанія объ Индійскомъ царствѣ“ говорятъ такія непереведенныя слова: бовешь—„boves“, оурши—„ursi“, тигрисъ—„tigres“, леонисъ—„leones“, сатырѣ—„satyri“.

Примѣромъ переводовъ съ польскаго языка является „Космографія Ортеліуса“, оригиналъ которой имѣется также и на латинскомъ языкѣ. Въ ней мы находимъ географическія названія въ польской формѣ: „Саская, Сляская, Ракуская земля“. Въ „Описаніи Сарматіи“, заимствованномъ нашими предками также изъ польской литературы, встрѣчаемъ такіе полонизмы: грабія, великомощный, по лацинѣ.

Образецъ перевода съ нѣмецкаго языка даетъ изслѣдованная ак. Соболевскимъ исторія „О Карлѣ I англійскомъ“, гдѣ собственныя имена имѣютъ нѣмецкую форму: арцугъ фонъ-Буккингамъ, графъ фонъ-Эсексъ. Кромѣ того, за нѣмецкій оригиналъ говоритъ манера ставить глаголъ на концѣ предложенія. О нѣмецкомъ оригиналѣ Ариѳметики ок.

1543 г. говорятъ непереведенные термины: „часъ 60 минутенъ“ и т. д. [1]).

Путемъ наблюденія надъ языкомъ пьесы „Юдифь“, ак.Тихонравовъ установилъ нѣмецкій ея оригиналъ, а не какой либо иной: „безпохвальный народъ“ (unlobliches Volk), „кровію же оное истребили“ (vertilgen), „живи благо“ (lebe wohl), „отключити“ (aufschliessen), „вѣнцы осажденные“ (besetzt) и т. п. достаточно ясно говорятъ объ оригиналѣ пьесы [2]). Пьеса „Сципіо Африканъ, вождь римскій“, какъ доказалъ тотъ же ученый, также переведена съ нѣмецкаго языка, о чемъ свидѣтельствуютъ соотвѣтствія: „побѣжденіе на обѣ стороны висѣло“ (schwebte), „счастопаденіе“ (Glückfal), „Сифаксъ тебѣ пропалъ“ (S. ist dir verloren) „стекло“ вмѣсто „стаканъ“ (Glass); переводилъ, повидимому, полякъ или украинецъ: „цнотость“ и др. [3]).

Въ Виленскомъ спискѣ библейскихъ книгъ XV—XVI в.в.—Іерушалаимъ, Адонай, Шаддай, Мицраимъ (Египетъ) Боазъ, Иша, Нахшонъ, Рагель и др. непереведенныя слова въ древне-еврейскихъ формахъ, а не въ греческихъ, свидѣтельствуютъ о непосредственномъ еврейскомъ оригиналѣ; то же видимъ и въ переводахъ, приписываемыхъ жидовствующимъ [4]).

Также путемъ изученія языка, особенно—передачи собственныхъ именъ устанавливается и точный оригиналъ старинныхъ русскихъ переводныхъ памятниковъ свѣтскаго, повѣствовательнаго содержанія и др.

За опредѣленіемъ языка и оригинала, съ котораго сдѣланъ переводъ, слѣдуетъ обстоятельное изученіе оригинала, заключающееся въ слѣдующемъ: во-первыхъ, устанавливается авторъ; затѣмъ, по различнымъ источникамъ, свидѣтельствамъ о немъ опредѣляется, по возможности, полно его міровоззрѣніе, литературные вкусы и интересы, вліянія, которымъ онъ подвергался, степень популярности его сочиненій. Далѣе приступаютъ къ самому произведенію. Собираютъ всѣ имѣющіеся на лицо списки и варіанты его, а так-

[1]) Соболевскій, Переводная литература, стр. 149.

[2]) Русск. драмат. произв. I, стр. XXI.

[3]) Примѣчанія ко второму тому Русск. драм. произведеній, стр. 550—551.

[4]) Соболевскій, назв. соч., стр. 390 и слѣд. Перетцъ, Книга Руѳь въ бѣлор. переводѣ XV в.

же отдѣльныя цитаты. Весь этотъ матеріалъ группируется по редакціямъ, располагается, насколько это доступно, въ хронологической послѣдовательности. Если первоначальный текстъ не сохранился, то съ помощью пріемовъ критики текста можно если не возстановить его цѣликомъ, то, по крайней мѣрѣ, опредѣлить наиболѣе характерныя черты его. Сравнивая между собою различныя редакціи, мы изучаемъ исторію памятника, опредѣляемъ составъ его и такимъ путемъ выясняемъ многія особенности перевода. Подобнымъ образомъ мы обслѣдуемъ рукописи даннаго произведенія и на другихъ языкахъ, а также тѣ произведенія, которыя создались подъ вліяніемъ даннаго памятника.

Выполнивъ эту предварительную работу, мы обращаемся къ нашимъ переводамъ, которые также группируемъ по редакціямъ, разлагаемъ на составные элементы, выдѣляемъ позднѣйшія наслоенія и возстановляемъ, хотя бы приблизительно, первоначальную редакцію перевода.

Затѣмъ мы переходимъ къ рѣшенію вопроса о томъ, къ какой редакціи оригинала восходитъ нашъ переводъ или переводы, если ихъ нѣсколько. Съ этой цѣлью переводъ сравнивается со всѣми оригинальными текстами. Результатъ такого сличенія можетъ быть троякій: или окажется, что переводъ цѣликомъ восходитъ къ одному изъ текстовъ оригинала и не имѣетъ по сравненію съ нимъ никакихъ значительныхъ уклоненій; или онъ представляетъ контаминацію двухъ или нѣсколькихъ текстовъ; или, наконецъ, онъ значительно отличается отъ всѣхъ, имѣющихся въ нашемъ распоряженіи текстовъ.

Въ послѣднемъ случаѣ могутъ быть поставлены двѣ гипотезы, объясняющія причину этихъ уклоненій: или мы ихъ относимъ на счетъ свободнаго обращенія переводчика съ оригиналомъ, или предполагаемъ, что онъ пользовался особымъ, до насъ не дошедшимъ текстомъ, въ которомъ уже были эти измѣненія. Въ первыхъ двухъ случаяхъ, т. е. когда установлено, что оригиналы переводовъ имѣются налицо, намъ достаточно выяснить отношеніе переводчика къ оригиналу, а также наиболѣе характерные пріемы его. Слѣдуетъ опредѣлить, гонится ли онъ за буквальностью, или слѣдитъ больше за сохраненіемъ смысла содержанія. Если сравненіе текстовъ покажетъ, что переводчикъ сохраняетъ

ошибки оригинала, слово въ слово передаетъ его, благодаря чему смыслъ становится темнымъ, то это говоритъ въ пользу перваго предположенія. Наоборотъ, сознательное отношеніе къ тексту выступаетъ въ томъ слу́чаѣ, если переводчикъ, сохраняя смыслъ, мѣняетъ нѣсколько форму выраженія. Напримѣръ, въ Хроникѣ І. Малалы мы встрѣчаемъ такой переводъ; „имя сътвори"—„ἐπωνόμασεν"; „въ твореніи своемъ списа"—„ποιητικῶς συνεγράψατο".

Въ этомъ же переводѣ сознательное отношеніе переводчика отразилось на передачѣ имъ названій греческихъ божествъ и на глоссахъ къ нимъ. Напримѣръ, при имени „Ἥλιος" прибавлена глосса—„его же наричютъ Дажьбогъ", или „ὁ υἱὸς Ἡφαίστου"—„сынъ Свароговъ" и т. п. То же—но въ большей степени наблюдаемъ въ славяно-русскомъ переводѣ Повѣсти о взятіи Іерусалима, Іосифа Флавія [1]).

Затѣмъ изслѣдуются наиболѣе характерные пріемы даннаго переводчика, его манера передавать тѣ или иныя формы и обороты оригинала. Напр., переводчикъ Хроники І. Малалы прибѣгаетъ къ описательнымъ выраженіямъ: черезъ нихъ онъ передаетъ прошедшее и будущее время, или глаголъ передаетъ двумя словами: существительнымъ отъ того же корня и глаголомъ, подходящимъ по смыслу. „Пусти водити"—„ἐπέσπευσεν"; „начя жити"—„διῆγε"; „гнѣвъ дръжала"—„ὠργίζετο" и т. д.

Переводчикъ „Откровенія Меѳодія Патарскаго" передаетъ два существительныхъ чрезъ существительное съ прилагательнымъ: „κρέα καμήλων"—„меса вельблюжа"; „Βυθὸς θαλάσσης"—потокъ морьскый; „εἶδος θηρίων"—родъ звѣринъ.

Если мы имѣемъ дѣло съ контаминированнымъ текстомъ, то слѣдуетъ постараться опредѣлить мотивы, которыми руководился переводчикъ при выборѣ мѣстъ изъ различныхъ текстовъ.

Все сказанное относится также и къ изслѣдованію такихъ текстовъ, которые представляютъ значительныя уклоненія отъ всѣхъ извѣстныхъ оригиналовъ. Тогда, какъ выше было указано, могутъ представиться двѣ возможности: или эти уклоненія приписываютъ переводчику, или ихъ возводятъ къ предполагаемому, до насъ не дошедшему

[1]) Барсовъ, Слово о п. Игоревѣ, I, стр. 217 и сл.

списку оригинала, которымъ и пользовался переводчикъ. Установить какіе либо общіе критеріи для выбора между двумя этими рѣшеніями—невозможно.

Изслѣдователь долженъ выяснить въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ всѣ факторы, которые могли повлечь за собой измѣненія текста, и на основаніи такого анализа рѣшить, что было причиной тѣхъ или иныхъ измѣненій. Многое можетъ намъ объяснить въ данномъ случаѣ знакомство съ личностью переводчика, историческими и бытовыми условіями, требованіями данной эпохи.

Иногда достаточно знать хотя бы сословіе, изъ среды котораго вышелъ переводчикъ: будучи знакомы со степенью культурнаго развитія, міровоззрѣніемъ даннаго класса въ извѣстную эпоху, мы можемъ судить о тѣхъ требованіяхъ, которыя она, а слѣдовательно и переводчикъ, какъ представитель класса, предъявляли къ литературнымъ произведеніямъ.

Разсмотримъ рядъ примѣровъ, иллюстрирующихъ тотъ случай, когда въ текстѣ перевода есть значительныя уклоненія отъ оригинала. Уклоненія эти заключаются главнымъ образомъ въ пропускахъ и дополненіяхъ; ихъ необходимо отмѣтить сполна. Напримѣръ, „Александрія“ русскихъ Хронографовъ имѣетъ рядъ пропусковъ сравнительно со всѣми извѣстными намъ греческими рукописями ея; тутъ, конечно, трудно опредѣлить причину ихъ; но есть рядъ такихъ пропусковъ, которые замѣчаются также и въ одномъ изъ четырехъ греческихъ кодексовъ, и которые могутъ быть отнесены уже къ греческому оригиналу. Отсюда по аналогіи можно сдѣлать такой же выводъ и по отношенію къ первымъ случаямъ. Напримѣръ, въ русской „Александріи“ читаемъ: „распяти велиши, преступивъ роту“,—а въ трехъ греческихъ кодексахъ добавлено: „οὗ ἐποιήσω“; слѣдовательно, пропускъ этихъ словъ въ переводѣ восходитъ уже къ греческому оригиналу.

То же самое относится и къ мелкимъ дополненіямъ (интерполяціямъ), но въ нѣкоторыхъ случаяхъ дополненія не могутъ быть приписаны автору оригинала по самому своему характеру. Напр., въ „Сказаніи объ Индійскомъ Царствѣ“ мы находимъ наряду съ названіями животныхъ описаніе ихъ особенностей, которое свидѣльствуетъ о полномъ

невѣжествѣ ихъ сочинителя, каковымъ могъ быть лишь нашъ переводчикъ, или даже вѣрнѣе позднѣйшій переписчикъ, имѣвшій самое смутное представленіе объ описываемыхъ имъ животныхъ. Такъ, „tigres“ онъ надѣлилъ полусобачьимъ, получеловѣчьимъ видомъ, „boves“—пятью ногами и т. д.

До сихъ поръ мы говорили о мелкихъ добавленіяхъ и пропускахъ, но часто мы находимъ цѣлые вставочные эпизоды, легенды, апокрифы, опредѣлить источникъ которыхъ является весьма существеннымъ. Примѣръ такого добавленія мы находимъ въ той же „Александріи“. Наша „Александрія“ первой редакціи имѣетъ прибавленіе, вошедшее въ общую связь,—разсказъ о вшествіи Александра Македонскаго въ Іерусалимъ. Та греческая редакція, къ которой скорѣе всего можно возвести нашу, не имѣетъ этого эпизода, но онъ есть въ другой греческой редакціи, въ пространной латинской редакціи „Historia de proeliis“—и въ средневѣковой греческой поэмѣ „Βίος Αλεξάνδρου“. Тотъ же разсказъ въ нѣсколько иномъ видѣ есть и въ сербской „Александріи“ и ея источникахъ.

Совпаденіе эпизода въ нашей „Александріи“ и въ латинскомъ и греческомъ повѣствованіяхъ даетъ основаніе предполагать общій источникъ его, но это предположеніе разрушается, такъ какъ изслѣдованія показали, что Іерусалимскій эпизодъ нашей „Александріи“ цѣликомъ заимствованъ изъ Хроники Георгія Амартола, которою вообще пользовались наши переводчики и особенно позднѣйшіе переписчики „Александріи“. Текстъ ихъ почти буквально совпадаетъ. Совпаденіе эпизода съ греческой повѣстью можно объяснить общимъ источникомъ только тогда, если предположить, что переводчикъ „Александріи“, дойдя до Іерусалимскаго эпизода и догадавшись, что онъ вставленъ изъ Хроники Амартола, съ славянскимъ переводомъ которой онъ уже былъ знакомъ, прямо вставилъ этотъ готовый переводъ. Предполагать такой случай у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ. Скорѣе сходныя причины привели къ сходнымъ результатамъ. Эпизодъ этотъ идетъ отъ Іосифа Флавія, съ которымъ могли быть знакомы авторы трехъ указанныхъ произведеній (славянорусскаго, греческаго и латинскаго). Они и вставили его въ „Александрію“ съ той только разницей, что латинская

повѣсть взяла его прямо у Іосифа Флавія, а греческая и русская—у Амартола. Слѣдовательно, въ данномъ случаѣ дополненія къ тексту надо приписать самодѣятельности переписчика, а не тому оригиналу, съ котораго онъ дѣлалъ переводъ. Подобные случаи позднѣйшихъ вставокъ въ литературные памятники—въ различныхъ литературахъ встрѣчаются часто.

Отмѣтивъ и изслѣдовавъ характеръ и причины, по возможности, всѣхъ отступленій перевода отъ извѣстныхъ намъ текстовъ оригинала, мы переходимъ къ опредѣленію мѣста и времени перевода.

Вопросъ о мѣстѣ перевода представляетъ большую важность. Изслѣдованія въ этой области показали, напр., что масса памятниковъ, распространявшихся у насъ, переведены у южныхъ и западныхъ славянъ. Такимъ образомъ, устанавливается литературная связь между русскими и остальнымъ славянскимъ міромъ. Вопросъ о мѣстѣ перевода рѣшается главнымъ образомъ на основаніи словарнаго матеріала, такъ какъ непосредственнымъ указаніямъ можно довѣрять не всегда, да и не всегда они имѣются на лицо.

Что касается фонетическихъ особенностей, то онѣ, какъ замѣтилъ акад. Соболевскій [1]), съ чрезвычайной быстротой и легкостью измѣнялись древними переписчиками; ту же судьбу, что особенности фонетическія, хотя и въ меньшей степени, имѣли особенности морфологическія.

Матеріаломъ, которому слѣдуетъ придавать значеніе, является словарь. Хотя переписчики касались и его, но, во-первыхъ, далеко не всѣ, а во-вторыхъ, лишь въ немногихъ особенныхъ случаяхъ. За рѣдкими исключеніями словарь списка совсѣмъ или почти совсѣмъ не отличается отъ словаря оригинала.

Такимъ образомъ, напримѣръ, опредѣлили, что переводы съ латинскаго языка сдѣланы въ большинствѣ случаевъ у западныхъ славянъ. Разсмотримъ хотя бы „Бесѣды Григорія Великаго“, переведенныя съ латинскаго языка. Наблюденія надъ словарнымъ матеріаломъ этого памятника показали, что въ немъ среди ряда словъ, обычныхъ для всѣхъ древнихъ церковно-славянскихъ текстовъ, есть нѣ-

[1]) Рус. Филол. Вѣст. 1900 г., т. 43, стр. 154.

сколько, не встрѣчающихся въ нихъ, которыя, однако, находятъ себѣ параллели въ современныхъ западно-славянскихъ языкахъ; таковы, напримѣръ: вароватися, варовьнъ—чешское „varovati“ „varovny“; велѣти — „veleti“; вѣдѣніе—„vêdêni“; струсъ—польское „strus“ и т. д. Наряду съ такими словами есть слова, имѣющія греческую окраску, какъ собственныя имена:—Филикъ (Felix), Мина (Menna).

Двойственность заключается въ христіанской терминологіи; наблюдаемъ рядомъ съ заимствованіями съ латинскаго: всемогай (omnipotens), мьша, крижь, и т. п.—слѣды перевода съ греческаго языка: вьседьржитель, литургія, крьстъ, адъ др.

„Все это указываетъ“, говоритъ Соболевскій [1]), „что переводъ „Бесѣдъ“ сдѣланъ въ странѣ, гдѣ встрѣтились церковно-славянскій и западно-славянскій языки, гдѣ столкнулось греческое и латинское вліяніе. Такой страной могла быть только Моравія временъ Меѳодіевскихъ и послѣ Меѳодіевскихъ“. Дѣло въ томъ, что въ Моравіи христіанство распространилось лѣтъ за 70 до прибытія туда свв. Кирилла и Меѳодія. Проповѣдниками были нѣмецкіе миссіонеры. Богослуженіе отправлялось на латинскомъ языкѣ, и терминологія установилась латино-нѣмецкая, но проповѣдь происходила и на народномъ языкѣ, такъ что много моравскихъ словъ, переводившихъ латинскія и нѣмецкія, — вошло въ церковный обиходъ.

Такимъ образомъ, Кириллъ и Меѳодій нашли здѣсь уже установившуюся христіанскую терминологію и замѣнили ее своей только отчасти, сохранивъ многое прежнее. Подобнымъ же образомъ поступали и ихъ ученики. Отсюда та двойственность въ языкѣ, которую мы замѣчаемъ въ переводахъ, сдѣланныхъ на территоріи западныхъ славянъ.

Разсмотримъ еще нѣсколько примѣровъ опредѣленія мѣста перевода болѣе позднихъ произведеній. Существуетъ переводный сборникъ словъ Іоанна Златоустаго, составленный кн. Андреемъ Курбскимъ „Новый Маргаритъ“, сдѣланный, какъ извѣстно, въ западной Руси. Но и не зная этого, мы могли бы опредѣлить мѣсто перевода по такимъ выраженіямъ, какъ „першие недѣли“, „зъ главы“, „зъ еван-

[1]) Р. Ф. В. 1900 г., т. 43, стр. 159.

геліи", „клейнотъ", „зраженъ", „декретъ", „албо", — которыя указываютъ на западно-русское происхожденіе перевода.

Хроника Синкела, по мнѣнію ак. Истрина, переведена въ Россіи, такъ какъ въ ея языкѣ нѣтъ ни болгаризмовъ, ни сербизмовъ, но зато встрѣчаются чисто русскія формы и обороты, каковы причастія на „-че", выраженія—„самъ третей, вѣче"; глосса къ слову седмерица—„недѣля" и т. п.

Ак. Соболевскій на основаніи сходства словарнаго матеріала житія св. Вита съ памятниками моравскаго происхожденія (Бесѣдъ Григорія Великаго, Никодимова евангелія и др.), гдѣ встрѣчаемъ рѣчь—„res", челядь—„familia", бѣдите гладкая словеса и т. п., склоняется въ пользу его моравскаго происхожденія.

Время перевода приблизительно опредѣляется по наличности старѣйшихъ списковъ съ помощью данныхъ палеографіи, по замѣткамъ, помѣщеннымъ въ самой рукописи, по свидѣтельствамъ о немъ другихъ писателей, наконецъ—также по даннымъ языка, такъ какъ славянскій языкъ XI—XIII в.в. и болѣе позднихъ эпохъ обнаруживаетъ значительныя различія. Сужденія на основаніи древности списка мало основательны, точнѣе — односторонни; иногда памятникъ древняго перевода доходитъ до насъ въ относительно новой копіи. Анализъ языка и характеръ перевода хотя и не даютъ строго опредѣленныхъ хронологическихъ границъ—все же являются лучшими свидѣтелями. Мы знаемъ, что древнѣйшіе переводчики вообще стремились перевести всѣ слова подлинника и потому слѣдуютъ также порядку словъ его и, насколько позволяютъ свойства славянскаго языка, сохраняютъ сочетанія словъ оригинала [1]). Объ особенностяхъ русскихъ переводовъ домонгольскаго періода см. у Соболевскаго [2]). Такимъ путемъ можно если не точно опредѣлить годъ появленія перевода, то, по крайней мѣрѣ, срокъ, не позже котораго онъ появился.

Мы заключаемъ, напр., что первый переводъ „Открове-

---

[1]) Срв. Михайловъ, Опытъ, 1, стр. 358. Срв., напримѣръ, переводъ молитвы отъ грома; Перетцъ, Матеріалы къ исторіи апокрифа и легенды, I, стр. 26; то же и въ другихъ переводахъ молитвъ и богослужебныхъ пѣснопѣній.

[2]) Матеріалы и изслѣд. въ обл. филол. и археол., стр. 162.

нія Меѳодія Патарскаго“ былъ сдѣланъ не позже начала XII вѣка, такъ какъ онъ былъ извѣстенъ уже автору „Начальной Лѣтописи“, который приводитъ его слова, говоря о половцахъ. „Александрія“ находится въ половинѣ XIII вѣка въ соединеніи съ Хроникой І. Малалы, но не въ своемъ первоначальномъ, а уже въ нѣсколько измѣненномъ видѣ. Это обстоятельство можетъ служить доказательствомъ того, что первый переводъ „Александріи“ сдѣланъ или въ концѣ XII вѣка, или въ самомъ началѣ XIII вѣка. Ниже упоминаемое Слово Есифа, какъ и многія анонимныя слова и поученія, относятся къ до-монгольской эпохѣ на основаніи данныхъ ихъ языка. То же должны мы имѣть въ виду при датировкѣ переводныхъ памятниковъ, отражающихъ въ значительной мѣрѣ состояніе языка переводчика и эпохи въ моментъ перевода. Опредѣленіе времени перевода очень облегчается, если намъ извѣстенъ переводчикъ. Иногда эпоху, когда сдѣланъ переводъ, можно приблизительно опредѣлить на основаніи самаго характера памятника, его содержанія.

Когда всѣ указанные вопросы будутъ рѣшены относительно первой, древнѣйшей редакціи перевода, тогда приступаютъ къ изученію дальнѣйшей судьбы памятника.

Не всегда каждый авторъ славянинъ для своихъ цѣлей пользуется готовымъ переводомъ, напр., Свящ. Писанія—бываютъ случаи и самостоятельнаго перевода. Доказательствомъ самостоятельнаго перевода бываетъ анализъ словарнаго матеріала; такъ, Константинъ Болгарскій цитируетъ Евангеліе: вопросъ, заимствовалъ ли онъ готовыя цитаты, или заново ихъ переводилъ съ греческаго? Случаи въ родѣ: „свѣтъ истовый“ (Τὸ φῶς τὸ ἀληθινόν), тогда какъ во всѣхъ древнихъ текстахъ Еванг. „истиньный“ (Зогр. Ев. Іо. I, 9 и др.), или—„а ты колиши“ (σὺ δὲ ὀδυνᾶσαι), а въ древн. Евангеліяхъ „а ты страждеши“ (Лук. XVI, 25); или – „казать лица своа“ (ἀφανίζουσι τὰ πρόσωπα αὐτῶν), а въ древн. Еванг. „простраждѣжѫтъ“ (Мѳ. VI, 16), или—„лютъ есмь“ (αὐστηρός εἰμι), а въ древнемъ Евангеліи „ѣрх есмь“ [1]); такіе случаи показываютъ, что Константинъ Болг. самъ переводилъ заново необходимыя ему цитаты. Аналогичное явленіе — въ южно-русскихъ Учительныхъ

[1]) Михайловъ, Къ вопр. объ Учит. Ев., стр. 28.

Евангеліяхъ: хотя уже съ начала XVI в. Евангеліе было извѣстно и на „простой мовѣ“, составители Учит. Евангелій заново переводятъ чтеніе на каждый праздникъ, служащее основой гомиліи.

§ 35. Датировка памятника и опредѣленіе его автора.

Пройдя первый этапъ возстановленія текста, списки памятника—оригинальнаго, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и переводнаго—подвергаются второму изслѣдованію, именно, со стороны ихъ происхожденія. Откуда памятникъ? Кто его авторъ? Каково время его написанія? Памятникъ, который мы не можемъ пріурочить хотя бы приблизительно къ той или иной эпохѣ—непригоденъ для историка: безъ опредѣленія хронологіи пвмятниковъ невозможно построеніе литературной эволюціи, ибо нѣтъ возможности болѣе или менѣе достовѣрно поставить ихъ въ послѣдовательную и генетическую связь.

Для опредѣленія времени возникновенія изучаютъ памятникъ (его списки)—палеографически; изслѣдуютъ его языкъ, его стиль:—и то, и другое является весьма характерною особенностью эпохи (напр., XV вѣкъ, Петровская эпоха). Большая часть памятниковъ, претендующихъ на древность, но редактированныхъ или составленныхъ позже желанной даты—обличается именно чрезъ употребленіе несовременныхъ терминовъ, словъ и оборотовъ рѣчи. Дополненіемъ къ внутреннему анализу являются свѣдѣнія, почерпаемыя изъ современной памятнику литературы, цитаты, біографическія замѣтки, (напр., наличность Слова о п. Игоревѣ въ XIV вѣкѣ подтверждается цитатою въ Псков. Апостолѣ, или извѣстность въ XV вѣкѣ Слова о погибели Русской земли — цитатами и заимствованіями въ рядѣ памятниковъ) [1]).

Въ древности рукописи рѣдко датировались; путемъ для опредѣленія времени написанія—является сравненіе ихъ съ другими датированными памятниками. Каждая эпоха, каждая мѣстность имѣетъ свои характерныя черты, проявляющіяся тѣмъ или инымъ образомъ въ памятникахъ письменности. Иногда мы наталкиваемся на нѣкоторыя черты,

---

[1]) См. Н. Серебрянскій, Замѣтки и тексты изъ Псковскихъ памятниковъ, гл. V (Тр. Пск. Ц.-Арх. Комитета I, 1910).

совершенно опредѣленно относящіяся къ извѣстному времени и мѣсту: выраженія, формы слова, орѳографическая деталь, орнаментъ, украшающій списокъ, такъ что на основаніи ихъ является возможность установить болѣе или менѣе опредѣленныя границы мѣста и времени происхожденія списка.

Отъ датировки списковъ слѣдуетъ отличать датировку самыхъ памятниковъ. Послѣдняя производится на основаніи болѣе глубокихъ и существенныхъ признаковъ, чѣмъ орѳографія, графика, матеріалъ и т. п. стороны, изслѣдуемыя палеографическимъ методомъ.

Палеографическимъ путемъ мы датируемъ лишь списки памятника, которыхъ можетъ быть много и которые иногда бываютъ разсѣяны по многимъ столѣтіямъ (особенно—памятники литургическіе и агіографическіе). Датировать возникновеніе памятника на основаніи начертаній, встрѣчающихся въ спискахъ—не слѣдуетъ. Нельзя также безусловно полагаться и на наличность въ рукописяхъ приписокъ, записей о продажѣ и вкладѣ. На основаніи только внѣшнихъ данныхъ описатели рукописей Моск. Синодальной библіотеки „совершенно несправедливо приписали рукопись этой библіотеки № 601 (344) митр. Кипріану и рукопись № 952 (347) преп. Сергію Радонежскому“ [1]). По наличности одинаковаго списка входныхъ молитвъ въ Стоглавѣ и въ Служебникѣ Син. библ. № 612 (356)—они заключили о написаніи этой рукописи послѣ Стоглаваго Собора, тогда какъ внутренніе признаки даютъ основаніе говорить объ обратномъ явленіи.

Памятникъ мы датируемъ, опираясь на показаніе его литературнаго стиля, на его составъ, отраженіе другихъ памятниковъ, цитаты Св. Писанія (по редакціямъ поревода), наконецъ—на содержаніе, которое порою весьма краснорѣчиво указываетъ время, ранѣе или позже котораго памятникъ не могъ возникнуть.

Манера въ композиціи памятника и его стиль краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о времени его возникновенія; на-

---

[1]) А. Дмитріевскій, Способы опредѣленія времени написанія рукоп. безъ опредѣленныхъ датъ вообще и богослуж. рукописей въ частности, Прав. Собес. 1884 г., янв., стр. 75—92.

примѣръ, житія святыхъ до XIV вѣка отличаются сухимъ, сжатымъ изложеніемъ; на первомъ планѣ стоитъ фактическое содержаніе. Съ конца XIV вѣка житія пишутся въ напыщенномъ стилѣ и очень распространенно. Передъ біографіей святого является ораторское предисловіе; краткая похвала святому превратилась въ цѣлое похвальное слово, помѣщаемое въ видѣ особой главы; въ самомъ разсказѣ являются типическія черты, которыя приближаютъ каждаго святого къ обще-христіанскому идеалу: въ житіи и авторомъ, и читателями главное значеніе придается церковно-ораторскому элементу—передъ историческимъ.

Списки богослужебныхъ книгъ—датируются по мѣсяцесловамъ, ихъ сопровождающимъ; такъ, въ древнѣйшихъ славяно-русскихъ богослужебныхъ памятникахъ не встрѣчается именъ русскихъ святыхъ. Впервые упоминаніе о свв. Борисѣ и Глѣбѣ—въ Стихирарѣ 1157 г.; пр. Ѳеодосій Печерскій упоминается въ Стихирарѣ XII в.; св. Леонтій Ростовскій—въ XIV вѣкѣ; съ 1505 г.—митр. Алексѣй „новый русскій чудотворецъ“ и т. п. Отсюда проф. Дмитріевскій относитъ рукописи безъ упоминанія въ мѣсяцесловѣ о русскихъ святыхъ или съ упоминаніемъ только свв. Бориса и Глѣба и пр. Ѳеодосія—ко времени не позже XIII вѣка; содержащія имя пр. Леонтія безъ имени митр. Петра—къ XIV в.; имя послѣдняго—указываетъ на нач. XV в.; упоминаніе обоихъ послѣднихъ—указываетъ на вторую полов. XV или на нач. XVI в. Точно также важно замѣчать титулы: рукописи съ упоминаніемъ на эктеніяхъ о князѣ или великомъ князѣ—относятся ко времени не позже первой половины XVI в., ибо послѣ 1562 г. патріаршею грамотою утвержденъ царскій титулъ. То же слѣдуетъ имѣть въ виду и относительно титула духовныхъ лицъ (съ 1589 года—патріархъ); упоминаніе о послѣднихъ—епископахъ, игуменахъ и архимандритахъ—въ эктеніяхъ и молитвахъ даетъ хорошія указанія и на время, и на мѣсто написанія рукописи[1]).

Опредѣленіе редакціи памятника вообще можетъ быть полезнымъ для установленія хронологіи другого памятника, который связанъ съ данной редакціей, уже извѣстною и опредѣленною хронологически. Такъ, въ составъ Сборника, извѣст-

[1]) См. Дмитріевскій, тамъ же, стр. 81—84.

наго подъ заглавіемъ „Златая Матица“, вошелъ Кіево-Печерскій Патерикъ; если мы опредѣлимъ, что вошедшая въ „Златую Матицу“ редакція Патерика есть Іоанновская, возникшая въ началѣ XV вѣка, то слѣдовательно—„Златая Матица“ явилась въ XV столѣтіи, а не раньше [1]).

Границы времени мы обозначаемъ, указывая, когда всего ранѣе (terminus post quem) и когда всего позднѣе (terminus ante quem)—можно предположить происхожденіе памятника. Нерѣдко мы узнаемъ время и мѣсто возникновенія памятника по его естественной принадлежности къ другому, датированному (см. выше), или къ ряду датированныхъ, напр., письмо („посланіе“, „полемическое сочиненіе“), которое явно служитъ отвѣтомъ на датированное письмо, или поводомъ къ датированному отвѣту. Время и мѣсто написанія памятника могутъ быть опредѣлены, если въ немъ есть ссылки на извѣстныя событія и памятники съ опредѣленными или приблизительными датами [2]).

Иногда древнерусскіе памятники, не носящіе опредѣленной даты заключаютъ въ себѣ косвенныя указанія на время написанія. Такъ, напр., „Пророчества Соломона“, историко-обличительный противуіудейскій памятникъ, имѣетъ такое мѣсто: „от того бо полона Титова до нынѣшняго лѣта вамъ уже работаючи у насъ есть лѣтъ ѧ и ѯ безъ тридесятехъ и трех лѣтъ“, т. е. 1167. Титово взятіе Іерусалима было въ 75 году по Р. Х.; прибавивъ 1167 лѣтъ, получимъ 1242 годъ—годъ составленія „Пророчества Соломона“.

Мѣсто составленія древняго памятника опредѣляется по его содержанію, стилю, языку; мѣсто, гдѣ онъ былъ списанъ, иногда—по глоссамъ въ родѣ имѣющейся въ спискѣ Архивскаго Хронографа, возникшаго не позже 1262 г.: „скажемъ же о поганской прелести и въ Литвѣ нашей“ [3]).

Ошибочная датировка мѣста и времени влечетъ за собою произвольные и ошибочные выводы. Такъ, исходя изъ ошибочной презумпціи, что „Моленіе Даніила Заточника“—памятникъ южно-русскій, и что южно-руссы XII-го

---

[1]) В. Истринъ, рец. на Древне-русскую литературу П. Владимірова, Ж. М. Н. Пр., 1902 г., мартъ, стр. 226.

[2]) Срв. Бернгеймъ, стр. 102—103.

[3]) Истринъ, Изслѣдованія въ обл. др.-русской литературы, стр. 225.

вѣка отличались тѣми же свойствами, что и современные украинцы XIX-го столѣтія, Шевыревъ сравнивалъ юморъ Гоголя съ юморомъ Даніила и находилъ, что юморъ этотъ „свѣтлоразумный и глубокомыслящій“ [1]). Что дѣлать теперь съ этимъ объясненіемъ, когда основанія для сближенія, сдѣланнаго Шевыревымъ—не могутъ быть признаны за имѣющія хотя бы относительную достовѣрность?

Для историка литературы важно знать о происхожденіи, авторѣ, времени возникновенія памятника: это—пути для указанія на связь даннаго памятника съ литературнымъ развитіемъ создавшей его среды.

Часто памятники не имѣютъ никакого надписанія, не бываетъ имени даже вымышленнаго автора. Разыскивая этого автора, приходится руководиться сравненіемъ. Сравнивая изслѣдуемое произведеніе съ другими, болѣе или менѣе близкими по времени происхожденія, изучаютъ его характерныя свойства: способъ изложенія, стиль, обороты рѣчи, а если это автографъ, то и орѳографію и почеркъ [2]). Примѣръ—ниже: изслѣдованіе Н. П. Попова о Псалтири съ толкованіями, которыя онъ съ большой вѣроятностью приписалъ кн. А. Курбскому.

Иногда авторъ или писецъ скрывалъ свое имя съ помощью тайнописи [3]). Зная системы древне-русской тайнописи, можемъ попытаться открыть имя автора.

Если изслѣдованіе не даетъ прямыхъ указаній—во всякомъ случаѣ мы представляемъ себѣ путемъ наблюденій надъ памятникомъ кругъ отношеній и дѣятельности автора и возможную среду, гдѣ могло возникнуть изслѣдуемое анонимное произведеніе (напр., цитированное выше изслѣдованіе С. Щегловой въ Пам. Древ. Письм. о виршахъ XVI—XVII в. противъ неизвѣстныхъ еретиковъ, которые оказались социніанами).

Приведемъ нѣсколько наглядныхъ примѣровъ опредѣленія времени возникновенія памятника и опредѣленія его анонимнаго, неизвѣстнаго автора.

---

[1]) Ист. русской словесности, II, стр. 244.

[2]) Срв. Бернгеймъ, стр. 103.

[3]) О ней см. Лекціи по палеографіи А. И. Соболевскаго; Очеркъ кирилловской палеогр. Е. Ф. Карскаго; также у В. Иконникова, Опытъ русской исторіографіи, I, ч. 1-я, стр. 101.

Въ „Матеріалахъ для исторіи древне-русской письменности“ 1907 г. Н. К. Никольскій издалъ посланіе Есифа дѣтямъ и братіи по 2 спискамъ: конца XIV в. и XVI вѣка. Судя по содержанію, Есифъ былъ духовнымъ лицомъ, скорѣе всего настоятелемъ монастыря. Время его жизни удачно опредѣлено издателемъ: „Посланіе Есифа—памятникъ русской письменности древнѣйшаго періода, появившійся въ то время, когда вопросы о паломничествѣ и достойномъ причащеніи, занимавшіе въ XII вѣкѣ Кирика, Илію и Нифонта, были еще живыми вопросами“. Кромѣ этого, помимо содержанія памятника, какъ полагаетъ акад. Соболевскій [1]), и данныя языка указываютъ на ту же эпоху: „на печалѣхъ житийскахъ“ (138), „елени“ (136), „аще быша входили“ (правильная форма сослагательнаго наклоненія—139) и др. примѣры, приводимые Соболевскимъ, „указываютъ на домонгольскій періодъ и притомъ болѣе на XII, чѣмъ на XIII вѣкъ“.

Примѣромъ разысканія и опредѣленія автора анонимнаго произведенія—является изслѣдованіе Н. П. Попова, напечатанное въ приложеніи къ описанію Ново-Спасскаго собранія рукописей Москов. Синод. Библіотеки. Н. П. Поповъ описалъ юго-западно-русскую Толковую Псалтирь второй половины XVI вѣка [2]), и предъ нимъ возникъ вопросъ, кому принадлежатъ собранныя здѣсь толкованія и ихъ подборъ. Рядъ киноварныхъ помѣтокъ обнаруживаетъ, что составитель толкованій имѣлъ въ виду какихъ-то „нечестивыхъ“, казалось бы на первый взглядъ, евреевъ. Главнымъ образомъ толкованія взяты изъ трудовъ Ѳеодорита и Аѳанасія съ анти-іудаистической тенденціей, съ дополненіями изъ другихъ толкователей того же направленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ киноварныя помѣты, кромѣ нечестивцевъ и іудеевъ, имѣютъ въ виду какихъ-то „еретиковъ“ и „слѣпыхъ учителей“.

Едва ли эти нападки могли мѣтить въ жидовствующихъ: 1) для послѣднихъ ссылки на свв. отцевъ были неубѣдительны; 2) школъ для выработки проповѣдниковъ ереси жидовствующихъ не существовало и 3) одно обличеніе имѣетъ цѣлью ересь Павла Самосатскаго—намекъ на ересь анти-

---

[1]) „Рус. Фил. Вѣст.“ 1911 г., № 2, стр. 463.

[2]) Приложенія, стр. 1—11.

тринитаровъ, социніанъ. Ихъ ученіе о Троицѣ съ особымъ вниманіемъ выдвигается въ Толкованіяхъ этой Псалтири. Комментаріи „иного", разсѣянные по всей книгѣ,—направлены именно противъ антитринитаровъ.

Зная историческія условія, въ которыхъ развивалось культурное и литературное движеніе въ юго-западной Руси XVI вѣка, мы можемъ искать собирателя и автора Толкованій или въ Острогѣ, или въ Слуцкѣ, около кн. Острожскаго или кн. Курбскаго. Но 1) кн. Острожскій былъ другомъ вольнодумцевъ; 2) языкъ Толкованій—чище языка предисловія къ Острожской Библіи; слѣдовательно, надо обратиться къ школѣ кн. Курбскаго.

Характерно, что составитель Толкованій—хорошо знаетъ сочиненія пр. Максима Грека и слѣпо слѣдуетъ его авторитету, даже повторяя его промахи; въ Толкованіяхъ встрѣчаемъ отрывки изъ Новаго Маргарита, перевода кн. Курбскаго. Такъ могъ поступать только преданный ученикъ пр. Максима. Самая же манера снабжать текстъ схоліями („сказами") характерна для самого кн. Курбскаго. Анализъ стиля указываетъ на склонность автора схолій („иного") къ вычурнымъ выраженіямъ, свойственнымъ пр. Максиму и встрѣчающимся именно у кн. Курбскаго. Изложенные факты приводятъ г. Попова къ вѣроподобному заключенію, что Толковая Псалтирь—дѣло кн. Курбскаго и его сотрудниковъ, а покрывающія памятникъ киноварныя замѣтки—произведенія князя-изгнанника, такъ же какъ и „сказы" на Новомъ Маргаритѣ и Богословіи Іоанна Дамаскина. Эти сказы полны язвительныхъ намековъ по адресу царя Іоанна IV; то же наблюдаемъ и въ Толковой Псалтири. Анализъ историческихъ событій второй половины XVI в. приводитъ автора изслѣдованія къ заключенію, что Толковая Псалтирь составлена въ 1564—1577 г.г. Далѣе, ища повода къ составленію и назначенію Псалтири, г. Поповъ приходитъ къ заключенію, что этотъ трудъ былъ составленъ для учащихся въ Слуцкой школѣ, и это [1]) тѣмъ болѣе вѣроятно, что кн. Курбскій не только переводилъ Діалектику и Богословіе Іоанна Дамаскина, но и учебникъ логики Спагенбергера. Такъ, путемъ детальнаго анализа памятника, авторъ изслѣдованія извлекъ изъ него необходимыя свѣдѣнія объ авторѣ Толковой Псалтири.

[1]) Тамъ же, стр. 117—157.

Остановимся на примѣрахъ опредѣленія времени составленія памятника и частей его.

Н. И. Петровъ въ статьѣ „Подлинность поученій преп. Ѳеодосія Печерскаго о питіи и чашахъ тропарныхъ и о казняхъ Божіяхъ“ [1]) даетъ такой примѣръ датировки памятника.

Поученіе о тропарныхъ чашахъ въ нѣкоторыхъ спискахъ надписывается именемъ св. Панкратія и относится къ „первой недѣлѣ поста св. апостолъ“. Память св. Панкратія празднуется 9 февраля; этотъ день падаетъ на 1-ую недѣлю Великаго поста, когда Пасха бываетъ 23 марта. Какъ разъ въ этотъ день была Пасха въ 1068 г., т. е. при жизни преп. Ѳеодосія Печ. Проф. Петровъ и полагаетъ, что 9 февраля 1068 г. было произнесено преп. Ѳеодосіемъ поученіемъ „о тропарныхъ чашахъ“, заглавіе котораго, испорченное при переписке, должно быть возстановлено въ такомъ видѣ:

„Поученіе (на память) св. Панкратія о крещеніи обѣда и питія въ первую недѣлю (великаго) поста св. апостолъ, списано Ѳеодосіемъ худымъ мнихомъ“.

Выше была рѣчь о необходимости для историка литературы знанія исторіи. Покажемъ, какъ необходимо оно при рѣшеніи вопроса о времени возникновенія памятника и его частей. Въ редакціи Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ, представленной Успенскимъ спискомъ XII в. имѣется „сказаніе о чудесахъ“, принадлежащее не автору „Сказанія“, а другимъ авторамъ, писавшимъ въ разное время; въ этомъ мы убѣждаемся, изучая текстъ „Сказанія о чудесахъ“, пользуясь данными, собранными С. А. Бугославскимъ въ его докладѣ [2]), читанномъ въ Славянской Комиссіи Имп. Моск. Археол. Общества и въ нашемъ филологическомъ семинаріи: работа перваго автора завершается разсказомъ „о слѣпьци“, но заключительными словами можно считать слѣдующія: „по сихъ убо чюдьсьмъ растущемъ отъ святою и благодати умножающися, яко же въ святыхъ евангеліяхъ писано есть, ни вьсему міру въмѣстити пишемыхъ“. Такъ онъ говоритъ потому, что его матеріалъ былъ уже исчерпанъ. Матеріаломъ

---

[1]) Изв. отд. рус. яз. и слов. И. А. Н. 1897 г., кн. 3, стр. 783—5.

[2]) Къ вопросу о древнерусскихъ литер. произвед. о свв. кн. Борисѣ и Глѣбѣ. Отчетъ о занятіяхъ въ библ. Москвы, Петербурга и Порѣчья, 1913, стр. 15 и сл.

этимъ, вслѣдъ за проф. Голубовскимъ и ак. Шахматовымъ, можно считать протокольныя записи Вышгородской церкви: за это говорить стиль статеекъ о чудесахъ, отсутствіе между ними связи и литературной обработки (въ противуположность Сказанію объ убіеніи) и слѣдующая подпись въ концѣ 1-го чуда „о хромомъ“: „Господинъ его (т. е. исцѣленнаго отрока) Миронѣгъ огородникъ“ (читаемая въ Сильв. ред.).

О томъ, что разсказъ перваго автора кончался приведеннымъ выше мѣстомъ, свидѣтельствуетъ второй авторъ. Онъ пишетъ: „Бысть забъвеніе о церкви сей святою мученику и не единъ же можаше что содѣяти и о зьданіи и о вьсемь и о съказаніи чюдесъ“. Слѣдовательно, до него былъ перерывъ въ записи чудесъ. Первый авторъ писалъ до смерти Святослава Ярославича, т. е. до 1076 г., такъ какъ его продолжатель начинаетъ свой погодный разсказъ съ этого именно князя. Вмѣстѣ съ тѣмъ—онъ пишетъ послѣ 1072 г., такъ какъ разсказываетъ о перенесеніи мощей, происшедшемъ въ этомъ году.

Второй авторъ пишетъ послѣ 1097 г., такъ какъ знаетъ раздѣленіе волостей по Любечскому договору. Кончаетъ второй авторъ сообщеніемъ, что Святополкъ Изяславичъ хотѣлъ построить новую церковь въ Вышгородѣ, на мѣстѣ обветшавшей деревянной; но, говоритъ онъ, „сему же умышленію не събывъшюся по божію строенію и по воли святою мученику“. Что здѣсь именно кончилъ второй авторъ, свидѣтельствуетъ Несторово Чтеніе, кончающееся этимъ разсказомъ, а Несторъ пользовался разсматриваемымъ Сказаніемъ о чудесахъ во 2-й редакціи.

Третій авторъ, современникъ Мономаха, пишетъ прижизни князя статью—панегирикъ Мономаху, заключающуюся 2-мъ перенесеніемъ мощей свв. въ 1115 г. (слѣдовательно между 1115—1125 г.г.). Онъ очевидецъ этого событія, которое описываетъ очень подробно. Красною нитью черезъ весь разсказъ проходитъ восхваленіе Владимира Мономаха, стиль же—отличается отъ стиля предшествующаго разсказа. Кромѣ того, здѣсь у третьяго автора наблюдается болѣе отрицательное отношеніе къ вел. кн. Святополку Изяславичу, чѣмъ въ предыдущемъ разсказѣ.

Такимъ образомъ путемъ комбинаціи стилистическихъ наблюденій и данныхъ историческихъ выясняется путь воз-

никновенія „Сказанія о чудесѣхъ“ и его различныхъ частей, и обнаруживается компилятивный характеръ памятника.

Время написанія памятника опредѣляютъ по наличности или отсутствію въ немъ упоминанія о событіяхъ, которыя не могли быть безразличны для автора. Такъ, посланіе извѣстнаго южно-русскаго полемиста, аѳонскаго инока Ивана Вишенскаго къ епископамъ, отпавшимъ отъ православія [1]), не имѣетъ даты написанія. Но оно адресовано „архіепископу Михаилу“ и другимъ епископамъ, а митроп. Рагоза скончался въ 1600 г.—это terminus ad quem. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ посланіи есть упоминаніе о заключеніи въ темницу экзарха Никифора, что произошло въ 1597 г.—это terminus a quo, который подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что Ив. Вишенскій зналъ сочиненіе, дошедшее до него, „Оборона згоды з латинскимъ костеломъ“: повидимому, это „Obrona synodu Brzeskiego“ Скарги, вышедшая въ самомъ концѣ 1596 года.

Памятникъ датируется по цитатамъ, встрѣчающимся въ немъ изъ другихъ памятниковъ, литературная исторія которыхъ болѣе или менѣе выяснена. Такъ, извѣстно, что въ славянорусской письменности есть немало памятниковъ или отдѣльныхъ ихъ редакцій, которыя не могутъ быть пріурочены къ опредѣленному мѣсту и времени за отсутствіемъ о нихъ историческихъ данныхъ. Здѣсь иногда приходятъ на помощь библейскіе тексты, если они приводятся въ изучаемомъ сочиненіи. „Опытъ показалъ, что съ помощью этихъ выдержекъ можно иной разъ опредѣлить, переводный ли извѣстный памятникъ, или оригинальный и даже гдѣ и когда онъ могъ явиться“ [2]). Названный ученый имѣетъ въ виду Палею Толковую, датируемую на основаніи главнымъ образомъ его разысканій [3]), и замѣчаетъ: „но чтобы имѣть возможность съ успѣхомъ пользоваться этимъ средствомъ (цитатами) при изученіи древнѣйшихъ памятниковъ славянорусской литературы, изслѣдователь долженъ заранѣе знать, какія существуютъ редакціи библейскихъ текстовъ и какого онѣ происхожденія [4]).

[1]) Изд. въ А. Ю. и З. Россіи, П.

[2]) Михайловъ, Опытъ, I стр. 18.

[3]) См. В. Адріанова, Къ литературной исторіи Толковой Палеи, 1910.

[4]) Михайловъ, Опытъ, стр. 18.

Анонимныя сочиненія иногда такъ замѣтно отличаются особымъ, характернымъ стилемъ, что авторъ ихъ обнаруживается относительно легко и съ достаточной вѣроятностью. Такъ, не смотря на нѣкоторыя сомнѣнія, и Голубевъ, и Франко, и И. Житецкій, и Третьякъ согласны въ томъ, что анонимный „Краткословный отвѣтъ Ѳеодула“ [1]) и „Зачапка мудраго латынника съ глупымъ русиномъ“ [2])—принадлежатъ Ивану Вишенскому. То же можно сказать и о посланіи неизвѣстнаго автора XVI в. на люторовъ [3]), которое первыми же строками обнаруживаетъ литературную полемическую манеру и стиль ц. Ивана Грознаго.

Для обнаруженія анонимнаго автора по стилистическимъ особенностямъ его рѣчи, само собою разумѣется, необходима хорошая начитанность въ памятникахъ древнерусской письменности.

Важно ли для историка литературы непремѣнно знать, кто былъ авторомъ анализируемаго произведенія, и какова біографія этого автора? Отчасти—да, если это помогаетъ выяснить генезисъ даннаго произведенія и пролить свѣтъ на положеніе его автора среди литературныхъ дѣятелей эпохи. Но часто—это совершенно безполезно: произведеніе (если мы имѣемъ его дату), говоритъ само за себя, и порою анонимныя литературныя произведенія въ литературной эволюціи бываютъ не менѣе важны и цѣнны, чѣмъ тѣ, авторовъ коихъ мы прекрасно знаемъ.

Роль біографическихъ свѣдѣній чисто служебная. Но, какъ мы выше уже отмѣчали, многіе любятъ увлекаться ими, переносятъ центръ тяжести отъ изученія памятниковъ къ біографіи ихъ авторовъ и исторіи эпохи въ силу преобладающихъ интересовъ самого изслѣдователя или вслѣдствіе неясности представленій о собственныхъ задачахъ исторіи литературы. Мы не придаемъ особаго значенія біографіи въ смыслѣ изображенія личной, частной, обыденной жизни литературныхъ дѣятелей: она сама по себѣ мало да и не всегда объясняетъ эволюцію литературы. Но если приходится говорить о смѣнѣ литературныхъ направленій, о

---

[1]) Напечатанъ Голубевымъ, Петръ Могила, стр. 109—146.

[2]) Изд. Голубевъ, тамъ же, стр. 67—108.

[3]) Изд. А. Поповымъ и Общ. Л. Др. Письм.

характерѣ заимствованій у предшественниковъ или современниковъ—небезполезнымъ подспорьемъ являются біографическія подробности о личности, которой обязаны тѣ или или иныя измѣненія въ исторіи литературнаго развитія народа. Само собою разумѣется, историку литературы вовсе не важны мелкія и не имѣющія отношенія къ литературѣ подробности, которыми такъ любили иногда загромождать свои труды историки прежнихъ временъ. Важно лишь то, что освѣщаетъ личность писателя, а не частнаго человѣка.

Въ самомъ дѣлѣ—всегда ли совпадаетъ въ человѣкѣ писатель и частный человѣкъ? Важно ли для біографіи Гете, творца Фауста, Римскихъ элегій, Гетца и др.—знать, что онъ былъ тайнымъ совѣтникомъ? Или—важны ли несовпаденія Некрасова—поэта и Некрасова—человѣка и дѣльца; или—что Пушкинъ былъ титулярнымъ совѣтникомъ и послѣ смерти числился состоящимъ подъ надзоромъ полиціи? Послѣднее—фактъ для исторіи нашихъ нравовъ и порядковъ, но отнюдь не матеріалъ для оцѣнки произведеній Пушкина и эволюціи поэтическаго творчества въ русской литературѣ.

Біографическому элементу должно быть дано соотвѣтствующее мѣсто, но съ тактомъ и осторожностью. Пристрастіе біографовъ къ ихъ героямъ замѣчено давно и вполнѣ основательно вызвало ироническое замѣчаніе Маколея: „Біографъ—это литературный вассалъ, обязанный по незапамятному ленному праву нести своему господину почтеніе, помощь, защиту и всѣ прочія обычныя повинности“; біографы—особенно подвержены „болѣзни благоговѣнія“ [1]).

§ 36. Вопросъ о поддѣлкѣ памятниковъ. Итакъ, знать автора полезно, но это не есть условіе, опредѣляющее внесеніе памятника въ исторію. Анонимныя и псевдонимныя произведенія въ литературной эволюціи—исполняютъ свою роль не менѣе вліятельно, чѣмъ тѣ, авторы которыхъ хорошо извѣстны. Но если есть возможность узнать автора, — это вещь далеко не лишняя. Въ старину, въ ту эпоху, когда только начиналось изученіе русской литературной старины,—въ концѣ XVIII и началѣ XIX в.в. думали нѣсколько иначе. Отсюда грубыя поддѣлки конца XVIII—начала XIX. в. небезызвѣстнаго Селакадзева и др.,

[1]) Сочиненія, III, стр. 225 и II, стр. 259.

создавшихъ рядъ раритетовъ, каковы пророченія новгородскихъ волхвовъ жрецовъ, или „Боянова песнь въ стихахъ, выложенная имъ, на Словеновы ходы, на казни, на дары, на грады, на Волхвовы обаянія и страхи, на Злогора, умлы и тризны, на баргаментѣ разномъ малыми листками, сшитыми струною. Предревнее сочиненіе отъ 1-го вѣка или 2-го вѣка“; или, напримѣръ, „Патріарси. Вся вырезана на буковыхъ доскахъ числомъ 45 и довольно мѣлко: Ячипа Гана смерда въ Лагодѣ IX вѣка, о переселенцахъ варяжскихъ и жрецахъ и писменахъ, въ Моравію увезено“; тотъ же Селакадзевъ имѣлъ для продажи рукопись X в. смерда Внездилища о холмахъ новгородскихъ, тризнахъ Злогора, Колядѣ вандаловой и окрутѣ Буривоя и Владиміра, на кожѣ бѣлой и т. п. наивныя поддѣлки, обличаемыя очень легко не только филологомъ, но и вообще сколько-нибудь образованнымъ человѣкомъ, о чемъ см. подробнѣе въ брошюрѣ А. Пыпина [1]). Знаетъ русская литература и болѣе древнія и труднѣе различимыя поддѣлки. Таковы сомнительныя житія, (напр., кн. Анны Кашинской [2]), подложные статейные списки посольства Ищеина и Сугорскаго [3]).

„Выдающійся примѣръ литературной поддѣлки въ началѣ XIX в. представляетъ подложный списокъ „Слова о полку Игоревѣ“, писанный на пергаменѣ, съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ правилъ древняго письма, который относили даже къ XIV в.“—тогда какъ это была мистификація, впрочемъ, не безкорыстная; къ ней былъ причастенъ антикваръ Бардинъ [4]); къ числу поддѣлокъ относится и мнимый дневникъ русской боярыни XV—XVI в., старицы Маріи, урожд. кн. Одоевской [5]) и т. п.

Поддѣлка диктовалась не только наивностью и тщеславіемъ любителей, или корыстью аферистовъ-антикваровъ, въ родѣ Бардина, Селакадзева, но также и соображеніями полемическими: при Петрѣ Великомъ было, напримѣръ, составлено „Соборное дѣяніе кіевское на арменина еретика

---

[1]) Поддѣлки рукописей и народныхъ пѣсенъ, Пам. Др. Письм. CXXVII.

[2]) Ключевскій, Житія, стр. 340

[3]) Пам. Др. Письм. XLI.

[4]) Иконниковъ, Опытъ р. исторіогр., I, ч. 1-я, стр. 136.

[5]) Пыпинъ, Уч. Зап. II отд. Акад. Н., IV, стр. 281.

Мартина“ (1718 г.)—въ интересахъ борьбы съ старообрядцами [1]).

Часто, пересматривая сборники произведеній старинной славяно-русской литературы, мы наталкиваемся на сочиненія, надписанныя именами извѣстныхъ христіанскихъ писателей (І. Златоустъ), но имъ не принадлежащія. Иногда, напр., имѣемъ надъ „Словомъ о сошествіи Предтечи во адъ“ надпись о принадлежности „Слова“ Евсевію Самосатскому, тогда какъ оригиналъ этого произведенія—въ двухъ взаимно дополняющихъ другъ друга отрывкахъ находимъ inter dubia Евсевія Эмесскаго и Евсевія Александрійскаго [2]).

Доказательствомъ того, что „Александрія“, дошедшая до насъ,—не есть продуктъ еллинскаго языческаго творчества,—служитъ то, что даже въ 1-й редакціи боги, призываемые Нектонавомъ, названы мнимыми, что въ устахъ грека современника Александра и Каллисѳена было бы немыслимо [3]). Мало того—„Александрія“ не можетъ считаться принадлежащей Каллисѳену вообще, ибо Каллисѳенъ, племянникъ Аристотеля, умеръ до конца похода Александра; кромѣ того—во время появленія романа „Александрія“ знали о трудѣ Каллисѳена—его описаніи походовъ до битвы при Гавгамелѣ, о чемъ говоритъ Плутархъ [4]).

Отсюда легко заключить, что „самыя формальныя указанія на происхожденіе никогда не бываютъ достаточными сами по себѣ. Они представляютъ только большую или меньшую вѣроятность,—большую вообще, когда рѣчь идетъ о современныхъ памятникахъ, и часто очень слабую, когда вопросъ касается древнихъ“ [5]). Откуда берутся эти ложныя указанія?—Они прибавляются, напр., иногда къ древнерусскимъ проповѣдническимъ произведеніямъ съ цѣлью поднять ихъ цѣну и авторитетность [6]), или съ цѣлью кого либо прославить, или мистифицировать потомство. „Под-

---

[1]) Иконниковъ, тамъ-же, стр. 133.

[2]) Migne, Patrol., series graeca, t. 86, pars 1.

[3]) Истринъ, Александрія русск. хронографовъ, стр. 159.

[4]) Истринъ, стр. 1—2.

[5]) Ланглуа и Сеньобосъ, стр. 70.

[6]) См. Сухомлиновъ, О псевдон. въ русск. литературѣ, Изслѣдованія.

ложная (псевдэпиграфическая) литература древности и среднихъ вѣковъ—очень обширна“ [1]). Существуетъ цѣлый рядъ отвергнутыхъ христіанской Церковью сочиненій о священныхъ лицахъ и событіяхъ, не заключающихъ ничего существенно еретическаго, но не внесенныхъ въ кругъ полезнаго и допустимаго чтенія вслѣдствіе ложнаго надписанія именемъ апостола или учителя Церкви. Такія же ложно надписанныя сочиненія встрѣчаемъ и въ древне-русской литературѣ.

Такимъ образомъ, одного указанія на автора, а отсюда и на время сочиненія—мало для пріуроченія даннаго памятника къ той или иной эпохѣ. Является необходимость провѣрки указаній на происхожденіе памятника.

„Главнымъ орудіемъ критики происхожденія служитъ внутренній анализъ памятника, для обнаруженія всѣхъ признаковъ, могущихъ дать указанія объ авторѣ, о времени и странѣ, гдѣ онъ жилъ“ [2]). Но и помимо этого, очень часто чисто внѣшнія обстоятельства обнаруживаютъ качество памятника и даютъ матеріалъ для признанія его подложнымъ.

Прежде всего обращаютъ вниманіе на почеркъ списковъ памятника: если, напр., мы знаемъ, что Кириллъ Туровскій умеръ въ 1184 г., то, очевидно, „слово“, ему приписываемое и находящееся въ рукописи XI и нач. XII в.,—вопіющій подлогъ. Или если мы имѣемъ сочиненіе Симеона Полоцкаго, написанное почеркомъ XVI в.,—то оно ему не принадлежитъ, а принадлежитъ другому автору, либо здѣсь грубая поддѣлка.

Второе, что обличаетъ поддѣлку—это языкъ. Извѣстно, что каждая литературная эпоха имѣетъ свои особенности языка: нѣкоторыя грамматическія формы употреблялись въ опредѣленное время и на опредѣленныхъ территоріяхъ. Поддѣлыватели очень легко выдаютъ себя незнаніемъ языка той эпохи, къ которой пріурочиваютъ свою поддѣлку, языка, какимъ не могъ говорить авторъ, чье имя они надписываютъ.

Обращаютъ вниманіе на имѣющіеся въ памятникахъ намеки и упоминанія о событіяхъ. „Когда событія эти из-

[1]) Ланглуа и Сеньобосъ, стр. 70.

[2]) Ланглуа и Сеньобосъ, стр. 71.

вѣстны изъ другого источника, который не могъ быть въ распоряженіи поддѣлывателя, достовѣрность памятника установлена, и время его написанія опредѣляется приблизительно между самымъ позднимъ извѣстнымъ его автору событіемъ и событіемъ, наиболѣе близкимъ къ предыдущему, о которомъ онъ, безъ сомнѣнія, помянулъ бы, если бы зналъ о немъ. Принимается во вниманіе также и то, что о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ въ памятникѣ говорится съ особою любовью, и что нѣкоторыя мнѣнія выражены умышленно такъ, что даютъ возможность возстановить по догадкѣ званіе, среду и характеръ автора [1]). Внутренній анализъ, даже при полной безукоризненности внѣшней стороны памятника, во всѣхъ случаяхъ, когда этотъ анализъ ведется тщательно, даетъ достаточныя указанія о происхожденіи сомнительнаго произведенія литературы и позволяетъ въ большинствѣ случаевъ съ увѣренностью признать его подлиннымъ или отвергнуть.

Впрочемъ, въ литературной области мы встрѣчаемся съ поддѣлками гораздо рѣже, чѣмъ въ области документовъ юридическихъ: рѣдко авторы бываютъ заинтересованы поддѣлать чей-либо трудъ съ корыстной цѣлью; мы, правда, встрѣчаемся съ массою ложно-надписанныхъ сочиненій въ древней Руси,—но побужденія были далеко не корыстны: авторы старались скрыть себя и надписывали для большей авторитетности не свое имя, а имя знаменитаго о. Церкви надъ своимъ произведеніемъ [2]).

Случаи поддѣлокъ корыстныхъ встрѣчаются лишь въ концѣ XVIII и началѣ XIX в., когда развилось любительство, началась охота за памятниками древности, и размножились наивные покупатели, готовые платить деньги за фабрикаты гг. Селакадзевыхъ и Комп.

Путь критики и выясненія поддѣльности сомнительнаго сочиненія указанъ былъ еще пр. М. Грекомъ, преслѣдовавшимъ свои религіозныя и церковныя задачи. Въ настоящее время руководятся такими соображеніями [3]): критика подлинности сочиненія сводится къ рѣшенію во-

---

[1]) Ланглуа и Сеньобосъ, стр. 71—72.

[2]) Пѣтуховъ, О Кириллахъ; Сухомлиновъ, О псевдонимахъ.

[3]) Бернгеймъ, стр. 100—101.

просовъ, направляющихъ насъ на сравненіе подозрѣваемыхъ памятниковъ съ завѣдомо-подлинными, именно:

1. Соотвѣтствуетъ-ли внѣшняя форма даннаго памятника (въ отношеніи языка, почерка, или шрифта, стиля, построенія и литературной формы) той формѣ, которая свойственна другимъ, несомнѣнно-подлиннымъ памятникамъ того же рода, той же эпохи и изъ того же мѣста, откуда происходитъ разсматриваемый сомнительный памятникъ?

2. Соотвѣтствуетъ-ли содержаніе и духъ памятника тому, что мы знаемъ о несомнѣнно-подлинныхъ памятникахъ данной эпохи и мѣста?

3. Соотвѣтствуетъ-ли содержаніе и форма памятника всей обстановкѣ развитія даннаго жанра памятниковъ (напр., вдругъ Степенная книга—датирована XIV вѣкомъ или вирши—XV в.) и возможно-ли включить его безъ натяжекъ въ серію другихъ подобныхъ?

4. Нѣтъ ли въ содержаніи или въ формѣ памятника слѣдовъ искусственной работы, напр., неправдоподобный или странный способъ нахожденія или передачи его (срв. легендарное окончаніе Моленія Даніила Заточника); въ такомъ случаѣ мы обычно имѣемъ передѣлку древняго памятника, позднѣйшую его редакцію.

Иногда подлинность и поддѣльность или позднѣйшее происхожденіе памятника опредѣляются отвѣтомъ на одинъ изъ поставленныхъ выше вопросовъ.

Результаты, достигнутые внутреннимъ анализомъ памятника, дополняются и провѣряются внѣшними свидѣтельствами, разсѣянными въ другихъ памятникахъ: біографическими свидѣтельствами, паралелльными мѣстами въ современныхъ памятникахъ, цитатами изъ анализируемаго памятника, встрѣчающимися въ другихъ, позднѣйшихъ [1]).

Такъ, напр., эпоха написанія и подлинность долго бывшаго подъ сомнѣніемъ Слова о полку Игоревѣ подтверждается, помимо данныхъ языка,—паралелльными мѣстами изъ памятниковъ литературы XI—XII в.в. [2]), обнаруживающими принадлежность „Слова“ къ литературной школѣ XII в., затѣмъ—цитатою изъ „Слова“ въ записи Апостола

---

[1]) Срв. Ланглуа и Сеньобосъ, стр. 72.

[2]) См. работы Владимирова, Сушицкаго.

1307 г.; далѣе, рядомъ подражаній въ памятникахъ, относящихся къ Куликовской битвѣ.

Часто въ области изученія древне-русской литературы приходится сталкиваться съ трудными вопросами при опредѣленіи подлинности или принадлежности памятника перу того или другого автора—по той причинѣ, что до сихъ поръ языкъ и стиль древне-русскихъ сочиненій еще очень мало изучены. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ рѣзкая дисгармонія сразу вызываетъ сомнѣнія; напр., на нашъ взглядъ, очень сомнительна принадлежность Кириллу Туровскому Слова о поученіи церковномъ[1]).—такъ не гармонируетъ оно по языку и манерѣ съ другими словами того же проповѣдника.

Иногда препятствуетъ выясненію дѣйствительной принадлежности памятника тому или другому автору—большое искусство подражателя или поддѣлывателя.

§ 37. Пріемы филологическаго метода.

Памятники древней письменности, а также и новой, если они не были по внѣшнимъ причинамъ опубликованы путемъ печати,—распространялись путемъ переписыванія или письменной традиціи. Мы знаемъ уже, какимъ опасностямъ подвергается текстъ памятника въ рукахъ небрежнаго неграмотнаго или тенденціознаго писца. Въ свою очередь „устное преданіе по самой природѣ своей является безпрерывнымъ искаженіемъ“ [2]). Мы можемъ наблюдать на пространствѣ двухъ—двухъ съ половиною вѣковъ, какъ видоизмѣнялись, напр., былины о Кіевскихъ богатыряхъ, начиная съ записей нач. XVII вѣка и кончая записями А. Григорьева и Маркова.

Иногда въ литературныхъ памятникахъ путемъ сравненія мы выдѣляемъ обрывки народно-поэтическаго творчества (Слово о полку Игоревѣ), иногда наоборотъ, въ легендарномъ разсказѣ находимъ вкрапленный въ него обломокъ историческаго документа (въ „Повѣсть временныхъ лѣтъ“—преданія о первыхъ князьяхъ и—договоры).

Древніе памятники письма дошли до насъ почти всѣ въ копіяхъ, при чемъ эти копіи дѣлались въ громадномъ количествѣ случаевъ не съ оригиналовъ, а также съ копій.

---

[1]) У Пономарева № X.

[2]) Ланглуа и Сеньобосъ, стр. 145.

Не всѣ писцы были равнымъ образомъ внимательны, добросовѣстны и грамотны. Они или допускали случайныя погрѣшности, или нарочно видоизмѣняли текстъ памятника, или допускали отклоненія отъ литературнаго церковнославянскаго языка въ пользу живой рѣчи, которою говорили сами. Переписывались рукописи не всегда сознательно: писцы, повидимому, не всегда понимали содержаніе или понимали плохо. Очень рѣдко списокъ прочитывался по написаніи съ цѣлью внести поправки, какъ это мы видимъ, напр., въ Евангеліи И. П. Б. I. F. № 17, или въ Сборникѣ Волын. древлехран. I, 170 и др.

Отсюда возникаетъ необходимость осторожнаго отношенія къ каждому списку, ставя вопросъ, „хорошъ ли его текстъ, т. е. согласенъ ли онъ съ подлинникомъ автора", если же текстъ плохъ, необходимо его исправлять [1]).

Выше у насъ уже была рѣчь объ элементарныхъ исправленіяхъ отдѣльныхъ словъ, мѣстъ, выраженій. Теперь мы займемся критикой происхожденія памятника и его списковъ, находящихся въ генетической связи между собою.

„Критика происхожденія, поскольку она примѣняется къ установленію родственной связи между памятниками,— даетъ двоякаго рода результаты". Съ одной стороны она возстановляетъ утраченные памятники (напр., ак. Шахматовъ— въ его Разысканіяхъ о лѣтописныхъ сводахъ); съ другой стороны—разрушаетъ легенду о самостоятельномъ происхожденіи и значеніи памятниковъ, обнаруживая ихъ компилятивность и иногда прямо мозаичность состава [2]).

Изслѣдуя древне-русскіе памятники, мы довольно часто натыкаемся на случаи компиляціи и контаминаціи. Компиляція—есть созданіе новаго памятника на основаніи двухъ, трехъ и болѣе. Компиляторъ беретъ идеи и элементы изложенія, иногда цѣлыя фразы и болѣе крупныя части изъ своихъ источниковъ, но подчиняетъ свое изложеніе чужого матеріала—той или иной руководящей идеѣ, излагаетъ его по своему плану, часто — со своимъ освѣщеніемъ. Примѣръ элементар-

---

[1]) Ланглуа и Сеньобосъ, стр. 57.

[1]) Срв. Ланглуа и Сеньобосъ, стр. 77.

ной компиляціи—„Слово“, анализируемое Акимовичемъ [1]), и болѣе совершенной—„Повѣсть о бесѣдѣ отца съ сыномъ“.

Примѣромъ обширной компиляціи, въ которой разнообразный литературный матеріалъ подчиненъ опредѣленной идеѣ—видимъ въ Толковой Палеѣ [2]).

Контаминаціей мы называемъ механическую спайку отдѣльныхъ эпизодовъ изъ двухъ или болѣе источниковъ, когда составитель новаго произведенія не заботится объ объединеніи своего матеріала, а списываетъ подрядъ, что даютъ ему его источники.

Примѣръ контаминаціи: въ рукописи М. П. М. № 3431, 40, XVII в.—въ Сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ въ редакціи Торжественника—вставка изъ списка Синодальной редакціи съ оговоркой на поляхъ: „сіе во иномъ преводѣ отложено“. Подобную же контаминацію со спискомъ Синод. редакціи находимъ (независимо отъ предыдущаго списка) въ спискѣ М. П. М. № 577 (Пискар. № 142) л. 393, тетр. XVI в.; писецъ здѣсь воспользовался, по наблюденію С. А. Бугославскаго, спискомъ Синод. редакціи, находящимся въ томъ же переплетѣ на л. 365. Бѣлорусскій списокъ Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ (въ ред. Торжественника) Моск. Истор. Муз. № 877, XVII в., л. 42—часто, по наблюденію того же лица, пересказываетъ свой типъ, а кое гдѣ и дополняетъ его изъ проложной статьи о свв. князьяхъ, начинающейся: „Мученикъ Борисъ бяше измлада наученъ страху божію“. Задачей контаминатора было слить въ одно все то, что имѣлось въ двухъ независимыхъ редакціяхъ.

Кромѣ компиляціи и контаминаціи, среди памятниковъ древне-русской литературы мы встрѣчаемся съ случаями подражанія, Подражаніе, воспроизводящее оригиналъ, мы узнаемъ по явнымъ недоразумѣніямъ одного списка, объясняющимся изъ другого (оригинала), по оборотамъ рѣчи, свойственнымъ только заимствуемому, а не заимствующему; по стилистической пестротѣ, по пропускамъ и дополненіямъ, особенно рельефно выдѣляющимъ произведеніе заимствователя отъ его оригинала.

---

[1]) Въ Отчетѣ объ экскурсіи семинарія русск. фил. въ С.-Петербургъ, 1911 г., стр. 73—75.

[2]) См. Истринъ, Изслѣд. въ обл. др. р. лит., 1906.

Въ ряду измѣненій, претерпѣваемыхъ текстомъ древнихъ памятниковъ литературы, слѣдуетъ еще отмѣтить „продолженіе“. Это явленіе мы особенно часто наблюдаемъ среди лѣтописей: обычно одинъ авторъ или редакторъ свода былъ дополняемъ другими, продолжившими его работу, не отмѣчая, гдѣ они получили готовый текстъ, и гдѣ начинается принадлежащее ихъ перу продолженіе. Вставки и продолженія выдѣляются изъ основного текста памятника довольно просто, если наряду съ интерполированнымъ спискомъ сохранился списокъ первоначальный. Но если дошли только копіи съ уже интерполированнаго текста, тогда прибѣгаютъ къ внутреннему анализу[1]): изслѣдуютъ, одинаковъ ли стиль всѣхъ частей памятника, нѣтъ ли противорѣчій или пробѣловъ въ послѣдовательномъ развитіи мысли. Примѣръ—изслѣдованіе ак. Шахматова о лѣтописяхъ и его опытъ возстановленія первой редакціи лѣтописи.

Итакъ, анализируя произведеніе древней литературы, мы разлагаемъ его на элементы и, сопоставляя съ матеріалами, послужившими или могшими послужить для автора источниками, убѣждаемся въ степени самостоятельности послѣдняго, изучаемъ его пріемы и опредѣляемъ мѣсто памятника въ ряду другихъ, трактующихъ тотъ же сюжетъ.

Матеріалъ для созданія новаго литературнаго произведенія до своего объединенія могъ быть въ разсѣянномъ, распыленномъ видѣ; творчество автора можетъ выразиться лишь въ объединеніи его около одной идеи (и то, порою, заимствованной); иногда же авторъ перерабатываетъ свой матеріалъ кореннымъ образомъ. И чѣмъ болѣе мы можемъ имѣть подъ руками первичнаго матеріала, сотканнаго изучаемымъ авторомъ въ одну картину, тѣмъ яснѣе выступитъ предъ нами его роль, какъ творца: мы нагляднѣе, осязательнѣе узнаемъ, что онъ внесъ своего въ бывшее до него. Вспомнимъ подражательную, но полную своеобразія поэзію Жуковскаго.

Подъ анализомъ памятника мы понимаемъ изслѣдованіе его съ цѣлью обнаруженія элементовъ, изъ которыхъ онъ составился, а не пересказъ его (какъ это принято у нѣкоторыхъ авторовъ—французовъ и ихъ русскихъ подра-

---

[1]) Ланглуа и Сеньобосъ, стр. 74.

жателей). Если мы подозрѣваемъ, что авторъ воспользовался какъ источниками—трудами своихъ предшественниковъ или современниковъ, то мы или подыскиваемъ эти источники, напр., находимъ для Радищева — путешествіе Рейналя и др., или у Карамзина—путеводители по Европѣ, или у М. Смотрицкаго для Θρῆνος'α книгу Іереміи; но если источники до насъ не дошли, тогда возможна лишь внутренняя критика: ставятся вопросы: 1) вообще, любилъ ли авторъ и въ другихъ произведеніяхъ дѣлать заимствованія; 2) ровенъ ли стиль изучаемаго произведенія: всюду ли онъ соотвѣтствуетъ обычнымъ пріемамъ даннаго автора. Вставочныя мѣста обычно узнаются по стилю, по слабой связи съ контекстомъ.

Историкъ литературы не можетъ ограничиваться при изслѣдованіи тѣмъ памятникомъ, который у него имѣется подъ руками, не ставя вопроса о его составѣ и происхожденіи, т. е. объ его источникахъ. Не всегда эти источники ясны. Заимствованія изъ книгъ Св. Писанія обнаруживаются довольно легко при помощи „Симфоній“ или „Конкордацій“. Гораздо сложнѣе дѣло, если авторъ памятника пользовался въ видѣ пособія или источника — памятникомъ иного рода. Иногда заимствованія обнаруживаются просто и требуютъ лишь нѣкоторой начитанности въ старинной литературѣ (Такъ, напр., обнаружена вставка изъ Александріи въ Сказаніи объ Индійскомъ Царствѣ ак. Истринымъ).

Сложнѣе бываетъ дѣло, когда авторъ-плагіаторъ излагаетъ чужой трудъ въ сокращеніи или перифразѣ, пользуясь имъ для своего сочиненія,—но и здѣсь онъ выдаетъ себя отдѣльными мѣстами [1]).

Критика происхожденія памятниковъ ведетъ также къ опредѣленію мѣста ихъ среди подобныхъ имъ. Она гарантируетъ такимъ образомъ историковъ литературы отъ переоцѣнки значенія литературнаго памятника, указываетъ на ходъ развитія и созданіе редакцій памятниковъ и такимъ образомъ вводитъ насъ въ пониманіе процесса литературной эволюціи.

При изученіи и возстановленіи текста какого-либо па-

[1]) Ланглуа и Сеньобосъ, стр. 76.

мятника необходимо привлекать самые разнообразные и возможно многочисленные (о чемъ была рѣчь выше) списки его, иначе можетъ получиться нѣчто крайне одностороннее, не удовлетворяющее запросамъ науки, несмотря на колоссальныя усилія и массу затраченной энергіи. Въ самомъ дѣлѣ, знаемъ ли мы судьбу Евангелія на русской почвѣ? Казалось бы, послѣ трудовъ проф. Воскресенскаго нельзя отвѣтить отрицательно. Между тѣмъ то, что сдѣлалъ Воскресенскій, совершенно недостаточно для исторіи текста Евангелія въ Юго-западной Руси, ибо онъ бралъ для XIV—XVI в.в. лишь великорусскіе списки, игнорируя украинскіе.

Но, впрочемъ, не всегда обиліе списковъ облегчаетъ дѣло исправленія текста памятника; оно иногда „служитъ скорѣе помѣхою, чѣмъ помощью“, именно когда списки еще не классифицированы или классифицированы плохо. Исправленіе текста и литературная исторія памятника на основаніи списковъ будутъ всегда болѣе или менѣе фантастичны, если взаимное отношеніе списковъ предварительно не выяснено, и не опредѣлено отношеніе ихъ къ оригиналу памятника—первоначальному источнику списковъ [1]).

Для историка литературы важно 1) издать древній памятникъ и 2) изучить его исторію, его судьбу въ жизни литературы. И та, и другая задача требуютъ изученія многочисленныхъ иногда списковъ, при чемъ могутъ обнаружиться три случая:

1. Предъ нами только автографъ, и остается лишь сдѣлать точное изданіе. Если другихъ списковъ нѣтъ и нѣтъ подражаній ему, — историческое значеніе памятника опредѣляется довольно просто.

2. Оригиналъ утраченъ, осталась копія, которой можно пользоваться, исправивъ ее путемъ пріемовъ критики текста, устранивъ ошибки традиціи.

3. Имѣются нѣсколько списковъ а) при наличности и б) при отсутствіи оригинала. Тогда необходимо установить путемъ изученія языка, своеобразныхъ выраженій, общихъ ошибокъ—генеалогію списковъ, при чемъ исходнымъ пунктомъ служитъ правило, что всѣ списки съ одинаковыми ошибками или были сняты одинъ съ другого, или имѣютъ

---

[1]) Ланглуа и Сеньобосъ, стр. 65.

общаго родоначальника всей группы. По характернымъ ошибкамъ и другимъ чертамъ мы распредѣляемъ списки на семейства. Сравнивая характерныя мѣста всѣхъ копій, мы опредѣляемъ исторію списковъ и отношеніе ихъ къ архетипу [1]).

Въ литературной жизни древней Руси мы встрѣчаемъ случаи, когда вторичныя копіи и совершенно различные памятники, перекрещиваясь, вліяли другъ на друга. Имѣя два памятника, легко обнаружить ихъ взаимоотношеніе путемъ сравненія. Но когда мы имѣемъ три сродныхъ памятника, то обнаружить ихъ взаимныя отношенія бываетъ уже болѣе трудно. При наличности памятниковъ А, Б и В, изъ которыхъ А былъ общимъ источникомъ, можно предположить три случая: 1) писцы Б и В—въ отдѣльности воспользовались А. 2) писецъ В зналъ общій источникъ только черезъ посредство Б.; 3) или писецъ Б зналъ общій источникъ чрезъ посредство В. Если Б и В сократили или вообще видоизмѣнили общій источникъ двумя различными способами, то ихъ частичныя копіи, несомнѣнно, независимы. Если Б и В зависятъ другъ отъ друга,—значитъ мы имѣемъ ясную генеалогію. Но если авторъ В комбинировалъ А и Б и сверхъ того А былъ уже утилизированъ Б—въ такихъ случаяхъ генеалогическія отношенія перекрещиваются и затемняются. Еще сложнѣе становится дѣло, когда передъ нами — четыре, пять и болѣе сродныхъ памятниковъ [2]).

Въ томъ случаѣ, когда имѣется на-лицо нѣсколько различныхъ списковъ памятника, изслѣдователь находится въ болѣе выгодномъ положеніи при возстановленіи первоначальнаго текста.

Какому списку можно болѣе довѣрять? Едва ли не большинство новичковъ отвѣчаютъ на этотъ вопросъ такъ: „самому старшему“. Но, какъ справедливо замѣчаютъ Ланглуа и Сеньобосъ [3]), „древность при оцѣнкѣ достовѣрности копій теоретически, а часто и на дѣлѣ не имѣетъ никакого зна-

---

[1]) См. подробнѣе у С. Бугославскаго, Нѣсколько замѣчаній оріи и практикѣ критики текста, 1913.

[2]) Срв. Ланглуа и Сеньобосъ, стр. 76. Бугославскій, къ теназв. соч.

[3]) Введеніе, стр. 63.

ченія, потому что рукопись XVI столѣтія, представляющая собою воспроизведеніе хорошей утраченной копіи XI вѣка, имѣетъ гораздо большую цѣнность, чѣмъ полная ошибокъ, передѣланная копія XII или XIII в.“.

Младшій списокъ можетъ быть ближе къ протографу памятника и болѣе исправенъ, чѣмъ старшіе; напримѣръ, одинъ списокъ „Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ“ XVII в. вѣрнѣе даетъ представленіе о древнемъ видѣ памятника, чѣмъ списокъ XIV в. Мюнхенскій греческій списокъ „Видѣнія Павла“ XIII в.—исправнѣе, чѣмъ таковой же Миланскій XI в. Совершенно справедливо поэтому утверждаетъ проф. Михайловъ [2]), что дѣйствительныя основанія для группировки списковъ „слѣдуетъ искать не во внѣшней сохранности рукописей, а въ качествѣ ихъ текстовъ“.

Не менѣе опасно полагаться исключительно на показанія статистики и предпочитать варіантъ, повторяющійся много разъ, варіанту рѣдкому: возможно, что списки, содержащіе наиболѣе употребительный варіантъ,—всѣ ведутъ начало отъ одного, испорченнаго, а меньшинство сохранило варіантъ оригинала. Прежде чѣмъ возстановлять текстъ памятника по многочисленнымъ спискамъ, необходимо классифицировать ихъ и составить генеалогическую таблицу.

Это дѣлается такимъ образомъ. Исходятъ изъ того безспорнаго положенія, что всѣ списки, имѣющіе въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ одинаковыя ошибки, (пропуски, вставки и т. п.), сдѣланы одинъ съ другого или происходятъ отъ одного списка, содержащаго эти ошибки. Тожественность ошибокъ свидѣтельствуетъ объ общемъ происхожденіи списковъ, такъ какъ совершенно невѣроятно, чтобы нѣсколько писцовъ, переписывая въ разное время и въ разныхъ мѣстностяхъ первоначальный текстъ, свободный отъ ошибокъ,—всѣ разомъ сдѣлали одинаковыя ошибки. Руководясь ошибками, повторяющимися въ отдѣльныхъ спискахъ, и разночтеніями (общими и индивидуальными—свойственными только одному тексту), мы получаемъ ключъ къ дальнѣйшей работѣ.

Всѣ списки одного и того же памятника имѣютъ индивидуальныя ошибки и варіанты; встрѣчаются ошибки, свой-

[2]) Опытъ, I, 296.

ственныя двумъ, тремъ и большему числу списковъ; при этомъ, „изученіе текстовъ еще показываетъ, что чѣмъ больше списковъ мы привлекаемъ къ сравненію, тѣмъ чаще индивидуальныя ошибки обращаются въ общія. Такъ въ Парижскомъ Рум. 304 и Тип. 228, которыми проф. Брандтъ не пользовался въ своемъ изданіи, нашлись ошибки, раздѣляемыя списками Офонасьевскимъ и Стефановскимъ въ отдѣльности“ [1]).

Сравненіе ошибокъ въ группахъ списковъ даетъ возможность классифицировать ихъ по семействамъ, сравнивая которыя, постепенно восходятъ къ предполагаемому оригиналу памятника [2]).

Такимъ образомъ создается stemma codicum, важная не только для возстановленія первоначальнаго вида памятника, но и для установленія его литературной исторіи, которая для историка русской литературы имѣетъ особо важное значеніе.

Всѣ эти манипуляціи приводятъ къ обнаруженію различныхъ видовъ или „редакцій“ памятниковъ.

Подъ „редакціей“ памятника мы разумѣемъ крупную передѣлку его, проходящую по всему тексту и сдѣланную съ извѣстною цѣлью; напримѣръ, когда „Сказаніе о Сивиллахъ“ Мартина Бѣльскаго переписывается съ случайнымъ опущеніемъ части текста или съ измѣненіемъ орѳографіи— это еще не будетъ отдѣльная редакція; но когда „Сказаніе“ передѣлываетъ І. Галятовскій, выбирая изъ него только то, что относится къ прославленію Богородицы, или когда авторъ лубочнаго изданія того же „Сказанія“ приспособляетъ его и къ уровню своихъ читателей, и къ техническимъ требованіямъ лубочнаго производства—то получаются особыя, отдѣльныя редакціи памятника [3]).

Редакціи памятника называютъ или по имени редактора, или по порядку ихъ появленія (1-я, 2-я, 3-я и т. д.), или по мѣстности, гдѣ онѣ возникли, или условно (ред. А, ред. В и т. д.). Говорятъ: юго-славянская, сѣверно-русская,

---

[1]) Михайловъ, Опытъ, I, стр. 304.

[2]) Срв. Ланглуа и Сеньобосъ, стр. 64—65.

[3]) См. отчетъ объ экскурсіи семинарія русск. филологіи въ Петербургъ, 1913 г., стр. 10—13.

сербская, болгарская и т. п. редакція,—но думаемъ, что тексты списковъ одного и того-же памятника, различающіеся лишь словарными, фонетическими и морфологическими особенностями—лучше называть „рецензіями“ или „изводами“; такъ, напримѣръ, списки книгъ библейскихъ, дающіе въ существѣ дѣла одинъ текстъ, при всемъ разнообразіи языкового матеріала, можно разсматривать лишь, какъ различныя рецензіи.

Многіе склонны опредѣлять „редакціи“ памятниковъ (особенно сложныхъ въ родѣ сборниковъ) по началу, по заглавіямъ, по числу статей. Такой пріемъ не можетъ считаться научнымъ. Необходимо изучить каждый списокъ въ полномъ текстѣ; начала статей—легко могутъ вовлечь въ ошибку; такъ, словами „Тайну цареву добро есть хранити....“ кромѣ житія св. Маріи Магдалины, написаннаго патр. Софроніемъ, начинается рядъ другихъ житій, а также „Похвала кн. Витовту“ [1]).

Для историка литературы важно путемъ изученія списковъ не только установить архетипъ памятника, но, продѣлавъ обратный путь, сравнивая архетипъ съ вышедшими изъ него редакціями,—обнаружить судьбу памятника въ зависимости отъ измѣненія вкусовъ и литературныхъ интересовъ среды, въ которыхъ онъ вращался и подвергался новымъ обработкамъ [2]).

Изученіе, напр., редакцій и рецензій библейскихъ книгъ раскрываетъ исторію перевода Св. Писанія у южныхъ славянъ и въ Россіи и служитъ основаніемъ для исторіи другихъ памятниковъ, какъ было сказано выше.

Таковы первыя необходимыя основанія для изученія литературныхъ памятниковъ, въ особенности древне-русскихъ. Но, допустимъ, списки изучены, исторія памятника —установлена. Мы переходимъ къ его истолкованію. Но прежде—еще небольшое замѣчаніе относительно изученія отдѣльныхъ памятниковъ.

Текстъ найденнаго памятника долженъ быть изученъ тщательно относительно формы и композиціи. Недостатокъ вниманія къ послѣднимъ несетъ за собою случаи

---

[1]) П. С. Р. Л. XVII, стлб. 64 и 102.

[2]) См. подробнѣе у Бугославскаго, назв. соч.

въ родѣ того, какъ открывшій „Слово похвальное о князѣ Борисѣ Александровичѣ“ Н. П. Лихачевъ слилъ въ одно цѣлое 5 словъ и начало шестого, какъ это позже обнаружилъ ак. Шахматовъ [1]).

Предварительно истолкованія общаго смысла памятника, анализа его содержанія и стиля—слѣдуетъ понять его буквально. Это вещь не такая легкая, несмотря на кажущуюся элементарность задачи. До сихъ поръ, напримѣръ, мы не можемъ съ увѣренностью сказать, что понимаемъ всѣ мѣста „Слова о п. Игоревѣ“.

При интерпретаціи литературныхъ памятниковъ на первомъ планѣ стоитъ знаніе языка и его исторіи, уразумѣніе его не только по буквѣ, но и по духу: надо изучить разнообразныя спеціальныя значенія и оттѣнки рѣчи соотвѣтственной эпохи и мѣста, особенное значеніе оборотовъ, техническихъ названій, образующихся въ связи съ воззрѣніями и обычаями времени и мѣста; однимъ словомъ—„надо умѣть понимать“, говоритъ Бернгеймъ [2]), „намеки и цитаты, относящіяся къ общеизвѣстнымъ событіямъ и ходячей литературѣ эпохи, словомъ, надо такъ непосредственно понимать памятникъ, какъ тотъ читатель или тотъ кругъ читателей, къ которому авторъ обращается, какъ къ своей публикѣ. Для правильнаго пониманія смысла слѣдуетъ также принимать во вниманіе спеціальный характеръ отдѣльныхъ памятниковъ, спеціальныя особенности языка, воззрѣній и взглядовъ автора; принимается въ расчетъ кругъ знаній, уровень образованія той эпохи и той среды, къ которымъ принадлежитъ памятникъ“.

Чтобы понять текстъ древне-русскаго памятника, необходимо прежде всего понимать языкъ, которымъ онъ написанъ. Какъ намъ извѣстно—языкъ въ теченіе многихъ столѣтій исторической жизни русскаго народа не оставался неподвижнымъ. Вмѣстѣ съ фонетикой, морфологіей мѣнялся синтаксисъ, лексика и значеніе однихъ и тѣхъ же словъ. Каждая эпоха имѣетъ свой своеобразный языкъ. Для пони-

---

[1]) Отзывъ объ изданіи Лихачева „Инока Ѳомы Слово“. СПБ. 1909 г., изъ Протоколовъ Общ. Лит. Древ. Письм. за 1907—10 г.г., СПБ. 1911 г.

[2]) Стр. 116.

манія памятника надо знать языкъ данной эпохи, для датировки памятника анонимнаго—исторію языка не только въ литературномъ употребленіи, но и въ народныхъ діалектахъ. Пособіемъ является здѣсь монументальный словарь И. И. Срезневскаго и діалектологическіе словари (Даля, областные словари). Примѣръ: Слово о п. Игоревѣ и Русская Правда (въ послѣднемъ памятникѣ, какъ видно изъ спеціальной терминологіи—силенъ южно-русскій элементъ). Неправильное истолкованіе словъ можетъ быть поводомъ къ крупнымъ ошибкамъ [1]).

Слѣдуетъ затѣмъ различать буквальный и переносный смыслъ. Послѣдній мы предполагаемъ у прозаиковъ (и у поэтовъ, когда буквальный смыслъ теменъ или противорѣчитъ мыслямъ автора). Но, конечно, искать аллегорическаго смысла повсюду—будетъ уже чрезмѣрнымъ.

Изучая литературный памятникъ, мы задаемся вопросомъ: въ какой мѣрѣ онъ является продуктомъ даннаго момента литературной эволюціи, т. е., все ли въ немъ созданіе даннаго момента, нѣтъ ли въ немъ традиціонныхъ элементовъ, или все ли принадлежитъ въ немъ его автору, и нѣтъ ли въ немъ того, что создано другимъ лицомъ или,—что собственно хотѣлъ сказать авторъ въ своемъ произведеніи, какъ представитель эпохи, и что онъ повторилъ машинально, воспроизводя литературные навыки своего поколѣнія.

Небрежный историкъ, читая документъ или литературный памятникъ, находится постоянно въ опасности понять его сквозь призму своего міровоззрѣнія, своихъ предразсудковъ, симпатій и антипатій. Это—ошибка невольная. Но —бываетъ и такъ, что „нѣкоторые ученые начинаютъ съ того, что составляютъ себѣ мнѣніе... и только послѣ этого читаютъ тексты“ [2]).

Въ итогѣ—предубѣжденный умъ читающаго тексты отказывается принимать то, что противорѣчитъ его мысли; онъ, такъ сказать, слѣпнетъ по отношенію ко всему, что не подходитъ подъ его мѣрку. Читая памятникъ, такой

---

[1]) См., напр., рецензію ак. Соболевскаго на изслѣдованіе Мрочка Дроздовскаго о Русской Правдѣ, Ж. М. Н. Пр. 1886.

[2]) Фюстель де Куланжъ, Monarchie franque“, p. 31.

ученый выуживаетъ изъ него не дѣйствительныя данныя, а то, что соотвѣтствуетъ заранѣе составленному мнѣнію. Вотъ почему Ф. де-Куланжъ повторяетъ: „Мало читать тексты: ихъ слѣдуетъ читать раньше, чѣмъ составилось свое убѣжденіе“ [1]). То же въ полной мѣрѣ можно посовѣтовать и историку литературы.

§ 38. Итоги. Примѣрный путь изслѣдованія.

Гдѣ же бросимъ мы якорь нашего корабля послѣ плаванія среди спорныхъ и противорѣчивыхъ опредѣленій задачъ исторіи литературы?

Конечно, исторія литературы не есть исторія только книгъ,—но и не идей самихъ по себѣ. Она, по нашему мнѣнію, есть исторія литературныхъ формъ, воплощающихъ идеи, и идей—постольку, поскольку онѣ вліяли и вліяютъ на эволюцію формъ.

Изучая отдѣльный литературный фактъ, мы должны помнить, что онъ лишь часть великаго цѣлаго—исторіи всемірной литературы и, такимъ образомъ, изучая его, какъ часть, мы не можемъ упускать изъ виду цѣлаго: ибо—говоритъ Бернгеймъ [2]) —„каждое событіе есть необходимое звено болѣе широкаго эволюціоннаго ряда. Весьма важно, если при всякой работѣ въ области нашей науки взору изслѣдователя живо представляется это великое единство науки: тогда одухотворяется самое сухое и ограниченное по темѣ изслѣдованіе, одухотворяется сознаніемъ общей задачи“, въ нашей наукѣ—изслѣдовать моменты развитія отдѣльныхъ литературныхъ явленій и возсоздать картину литературной эволюціи.

Исключается ли только что приведенными пріемами филологическаго изслѣдованія изученіе литературныхъ памятниковъ другими путями, другими методами? Полагаемъ, что нѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, отрицаемъ ли мы эстетическую оцѣнку? Нѣтъ. Историкъ литературы принимаетъ во вниманіе эстетическую оцѣнку памятника, но историческое значеніе послѣдняго выясняется только при изученіи вліянія его на литературные факты послѣдующаго времени.

Зерно поэтическаго творчества—идея, облеченная въ образъ, словесно выраженный. Вмѣстѣ съ ростомъ сознанія

---

[1]) Тамъ же, стр. 31. [2]) Стр. 33.

и творческой фантазіи—растетъ и видоизмѣняется поэтическій языкъ. Изученіе его—первое основаніе историко-литературнаго изслѣдованія. Это начали сознавать и наши литературные критики, до конца XIX ст. относившіеся съ пренебреженіемъ къ изученію эволюціи поэтическаго языка и стиля.

„Научное изученіе языка (добавимъ—поэтическаго В. П), всякаго писателя, занимающаго мѣсто въ исторіи литературы—и возможно, и необходимо“, пишетъ А. Горнфельдъ [1]), „языкъ писателя есть языкъ опредѣленнаго народа въ опредѣленную эпоху; писатель принадлежитъ къ извѣстной группѣ или, вѣрнѣе, къ цѣлому ряду группъ, взаимоотношеніемъ которыхъ опредѣляется его личность, его творчество, его языкъ. Употребляя общелитературный языкъ, онъ, какъ и всякій говорящій, преобразуетъ его. Изслѣдованіе, не довольствуясь нашимъ безсознательнымъ чутьемъ, подмѣчающимъ индивидуальныя особенности рѣчи, должно формулировать и регистровать ихъ; оно выдѣляетъ всѣ разнообразные элементы слога, оцѣниваетъ ихъ комбинацію, опредѣляетъ собственный вкладъ писателя въ словарь, формальное строеніе, въ фразеологію языка. Кто думаетъ, что это будетъ изученіемъ формы, тотъ ошибается: это есть изученіе содержанія, ибо въ томъ, что называется формой, нѣтъ ничего, что бы не было содержаніемъ. Малѣйшее фонетическое измѣненіе придаетъ слову новую эмоціональную окраску и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщаетъ новый оттѣнокъ его значенію“ [2]). Сказанное относится не только къ произведеніямъ новой литературы, эстетически воспринимаемой нами, но и къ памятникамъ древней письменности, не вызывающимъ въ насъ эстетическихъ эмоцій. Это не препятствуетъ, однако, изучать ихъ стиль и языкъ, слѣдить, какъ они варьируются, переживаютъ эпохи господства одной или другой манеры (срв. стиль проповѣдниковъ—пр. Ѳеодосія, Кирилла Туровскаго, Гр. Цамблака, митр. Даніила, Кир. Транквилліона, Іоанникія Галятовскаго и др.). Конечно, для этого необходимо имѣть очень большую начитанность въ памятникахъ, какъ, напр., у А. С. Орлова въ его работахъ о стилѣ воинскихъ повѣстей.

---

[1]) О русскихъ писателяхъ, т. I, 1912 г., стр. 114—116.

[2]) Стр. 115.

Стиль есть не что иное, какъ чувственное, осязаемое выраженіе не только настроенія поэта, онъ — не только „средство, помощью котораго авторъ заставляетъ читателя видѣть все такъ, какъ онъ его видитъ самъ“ [1]), не только индивидуальная черта того или другого автора (поэта)— онъ характерный признакъ, объединяющій писателей одной школы, одной эпохи. По общимъ чертамъ стиля, измѣняющимся послѣдовательно въ различные періоды литературнаго развитія, мы получаемъ свѣдѣнія о смѣнѣ художественныхъ интересовъ эпохи, объ эволюціи ихъ. Эволюція стиля зависитъ отъ развитія индивидуальности творца [2]).

Говоря о памятникахъ особенно древней литературы, мы должны помнить, что всегда слѣдуетъ принимать во вниманіе время, мѣсто, среду, въ которой создался памятникъ. Мы не имѣемъ права оцѣнивать памятники особенно древней литературы — на основаніи воззрѣній нашей современности: мы должны всегда имѣть въ виду уровень культуры, современной памятникамъ, чтобы, исходя изъ него, дать имъ правильную историческую оцѣнку. Нельзя судить съ точки зрѣнія современныхъ намъ понятій и вкусовъ— объ эстетической сторонѣ памятниковъ XII, XIV—XVII в.в., нельзя, напримѣръ, судить о красотѣ стиля повѣстей и виршъ XVII в.

Мы не отрицаемъ вліянія среды, но не считаемъ его исключительнымъ. Разсматривая факты естественнонаучные, наблюденные факты исторической жизни, мы убѣждаемся, что всѣ они связаны между собою необходимыми отношеніями. Факты литературные неизбѣжно зависятъ отъ таковыхъ же, вызываются ими и вліяютъ на появленіе новыхъ. И если творчество стоитъ въ зависимости отъ духовной жизни отдѣльной личности, то и широкій общественный коллективъ вліяетъ неизбѣжно на творца: только это вліяніе, иногда отрицаемое поэтами, можетъ обнаруживаться совершенно безсознательно для испытывающихъ его. Итакъ, возникновеніе и жизнь литературныхъ явленій зависитъ отъ предшествовавшихъ литературныхъ воздѣйствій и—отъ вліянія общественной среды на автора — и не только въ идей-

---

[1]) Евлаховъ, Введеніе, I, стр. 362.

[2]) Ср. Евлаховъ, ib., стр. 507.

номъ, но и въ чисто матеріальномъ отношеніи (Достоевскій).

Теоретически вывести генетическое развитіе литературы не представляло бы затрудненій: вѣдь литература—есть явленіе соціальной жизни; а соціальныя явленія не имѣютъ въ себѣ ничего случайнаго или произвольнаго. Соціологи показали фактически, что извѣстныя нравственныя и юридическія учрежденія, что извѣстныя религіозныя вѣрованія встрѣчаются въ одинаковомъ видѣ повсюду, гдѣ оказываются одинаковыми условія соціальной жизни...—но наряду съ соціальными условіями историческаго прошлаго и настоящаго—на развитіе и возникновеніе литературныхъ явленій вліяютъ факторы чисто психологическаго характера: подражаніе, заимствованіе. Правда, подражаютъ, заимствуютъ то, что соотвѣтствуетъ вкусамъ, сложившимся подъ вліяніемъ соціологическихъ факторовъ. Но все же нельзя не признать наличности громаднаго количества отклоненій, которыя невозможно подвести подъ опредѣленную схему и которыя мѣшаютъ построенію генетической картины развитія той или иной національной литературы.

Внимательно относясь къ указаніямъ опыта, мы знаемъ уже, что одностороннее увлеченіе какою-либо одной точкой зрѣнія при историко-литературномъ изслѣдованіи влечетъ послѣдствія, не отвѣчающія требованіямъ, предъявляемымъ наукѣ. Всѣ методы, подвергнутые выше нами анализу, кромѣ сравнительно-историческаго, статистическаго и филологическаго, отличаются въ изолированномъ, отдѣльномъ отъ другихъ, примѣненіи—одною общею чертою: они стремятся къ познанію законовъ историческаго развитія духа; въ литературѣ они разыскиваютъ и изслѣдуютъ факты жизни, отожествляя историка литературы съ историкомъ общественности, искусства, философіи и пр. Между тѣмъ они оставляютъ совершенно безъ вниманія существенную сторону литературы, основной фондъ ея, составляющій отличіе исторіи литературы отъ другихъ историческихъ наукъ: форму въ широкомъ смыслѣ слова и слово, въ которое отливается мысль и чувство поэта.

Изучая литературныя явленія въ ихъ развитіи, мы должны всегда помнить, что въ исторіи литературы всегда объектомъ изученія является не то, *что* говорятъ авторы,

а то, *какъ* говорятъ они. Такимъ образомъ, предметомъ научной исторіи литературы является изученіе исторіи развитія сюжетовъ, ситуацій и ихъ пониманія, и стиля, какъ выразителя духа эпохи и индивидуальности поэта.

Въ заключеніи нашихъ научныхъ бесѣдъ о филологическомъ методѣ изученія памятниковъ литературы резюмируемъ пріемы этого метода въ самомъ широкомъ масштабѣ и отмѣтимъ главные моменты историко-литературнаго изслѣдованія.

Эти моменты изслѣдованія таковы:

1. Необходимо собрать списки и изданія изучаемаго памятника и—литературу о немъ. 2. Рѣшить—съ оригинальнымъ или переводнымъ памятникомъ мы имѣемъ дѣло. 3. Востановить путемъ критики текста основной видъ памятника, какъ онъ вышелъ изъ подъ пера автора. 4. Исторія текста памятника выясняетъ его судьбу и отношеніе къ литературнымъ эпохамъ и ихъ вкусамъ. 5. Изученіе языка и художественнаго стиля памятника и его списковъ и изданій даетъ ключъ къ его историческому пріуроченію, ибо эпоха отражается на языкѣ памятника; отсюда—6. Датировка памятника: а) времени его написанія (внутренніе признаки; цитаты и извлеченія; палеографическія особенности, отношенія списковъ); б) мѣста (внутр. показанія, палеографическія и діалектологическія наблюденія). 7. Разысканіе автора памятника—по внутреннимъ показаніямъ, по упоминаніямъ въ другихъ сочиненіяхъ, по языку и стилю,—ибо связь съ опредѣленнымъ лицомъ указываетъ на отношеніе памятника къ средѣ, его создавшей. 8. Біографія автора выясняетъ детали сочиненія и его тенденціи въ связи съ историческими условіями созданія памятника. Личность автора—необходимая почва созданія литературнаго произведенія. Сквозь нее проходятъ и преломляются интересы эпохи и ея идеи. 9. Статистико-библіографическое изученіе памятника объективно опредѣляетъ его назначеніе для современныхъ ему читателей и для послѣдующихъ эпохъ; вопросъ о переводахъ его на другіе языки. 10. Изученіе критическихъ отзывовъ современниковъ появленія памятника и оцѣнки его съ точки зрѣнія тогдашнихъ эстетическихъ вкусовъ и правилъ. 11. Установленіе степени оригинальности или подражательности памятника производится сравнительнымъ методомъ. 12. Исто-

рическое изученіе судьбы памятника въ связи съ судьбою памятниковъ однородныхъ освѣщаетъ эволюцію жанра. 13. Изслѣдованіе пріемовъ творчества автора изучаемаго произведенія броситъ свѣтъ на рѣшеніе теоретическихъ вопросовъ исторической поэтики или теоріи литературнаго творчества. 14. Отношеніе литературнаго памятника къ искусству его эпохи.

Такое изслѣдованіе памятника со стороны его содержанія и формы—исторіи сюжета и стиля — приближаетъ насъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ къ рѣшенію общей задачи—къ историческому и фактическому рѣшенію вопроса о путяхъ литературной эволюціи.

Таковъ трудный, но, на нашъ взглядъ, единственно вѣрный путь историко-литературнаго изслѣдованія, ведущаго насъ не къ построенію воздушныхъ замковъ, а къ скромнымъ, но прочнымъ пріобрѣтеніямъ науки. Путемъ такого изслѣдованія мы начинаемъ съ самаго памятника, съ его написанія, языка, стиля; убѣждаемся въ его подлинности; анализируемъ содержаніе и истолковываемъ его; изслѣдуемъ его сравнительнымъ методомъ, ища связей и соприкосновеній съ другими явленіями нашей литературы и литературъ иностранныхъ; изучаемъ его въ связи съ исторической обстановкой и жизнью автора; ищемъ его мѣсто въ ряду литературныхъ явленій того же жанра;—мы не игнорируемъ ни одного пріема изслѣдованія, ни одного метода, но учимъ принимать все по предварительному размышленію и оцѣнкѣ—не только матеріала, но и самыхъ пріемовъ изученія.

Чтобы съ успѣхомъ работать, надо:

1. Имѣть любовь къ работѣ даннаго типа: прекрасный математикъ, врачъ, адвокатъ—могутъ быть совершенно плохими филологами. Каждый ученый долженъ выбирать предметъ изученія—сообразно природнымъ склонностямъ.

2. Имѣть терпѣніе работать въ ожиданіи результатовъ, не опережая изслѣдованіе голыми, необоснованными гипотезами.

3. Имѣть вниманіе—дабы избѣгать неточностей, ведущихъ къ ошибкамъ, подрывающимъ самыя блестящія построенія.

4. Не быть излишне торопливымъ и поспѣшнымъ, въ погонѣ за сенсаціей и внѣшнимъ успѣхомъ.

5. Имѣть осторожность—въ наблюденіи и сужденіяхъ.

6. Наблюдательность—необходима филологу не менѣе, чѣмъ натуралисту.

7. Безпристрастіе — отрѣшеніе отъ симпатій и антипатій, какъ литературныхъ, такъ и общественныхъ, дабы не впасть въ тенденціозность.

Вмѣстѣ съ тѣмъ всегда слѣдуетъ помнить, что три опасности постоянно грозятъ изучающимъ памятники [1]).

1. Безсиліе вслѣдствіе строгаго отношенія къ изслѣдуемому вопросу (боязнь ошибокъ): оно—результатъ критическаго отношенія къ источникамъ и идеямъ, перешедшаго въ скепсисъ; скепсисъ—необходимъ, но лишь методологическій, скепсисъ абсолютный, ведущій къ отрицанію всего,—гибеленъ для науки. Онъ обезпложиваетъ даже талантливые умы не менѣе, чѣмъ—

2. Дилеттантизмъ—легкомысленное отношеніе къ предмету изслѣдованія, безсистемное и пренебрегающее техническими пріемами изученія вопроса; стремленіе къ безполезнымъ, но труднымъ изысканіямъ и, наоборотъ, предпочтеніе скользить по верхамъ, не углубляясь въ существо вопроса.

3. Гиперкритика—примѣненіе критическихъ пріемовъ тамъ, гдѣ они совершенно не нужны, излишни и лишь запутываютъ дѣло.

§ 39. Къ построенію и изложенію исторіи литературы.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о построеніи и изложеніи историко-литературнаго изслѣдованія. Это для начинающихъ—вещь не маловажная, да и не только для начинающихъ.

„Въ то время, какъ критика текстовъ и критика источниковъ приняла уже научную форму, синтетическіе процессы въ исторіи совершаются еще наудачу“—говорятъ Ланглуа и Сеньобосъ [1]) относительно исторіи. Почти то же слѣдуетъ констатировать и относительно исторіи литературы, въ частности русской. Ниже, въ главѣ о пособіяхъ мы дадимъ характеристику важнѣйшихъ общихъ обзоровъ исто-

---

[1]) Ланглуа и Сеньобосъ, стр. 104 и сл.

[2]) Стр. 111.

ріи русской литературы и дадимъ матеріалъ для обоснованія этого печальнаго вывода.

Классифицированные и распредѣленные по выработанному плану факты—даютъ описательную исторію. Ученые, привыкшіе собирать факты, часто ограничиваются этою первой ступенью построенія исторіи. Конечно, всѣ факты имѣютъ свое значеніе и важны въ томъ или иномъ отношеніи. Но не слѣдуетъ забывать, что человѣческое знаніе должно быть скристаллизовано въ удобопонимаемыя формулы,— тогда только наука станетъ доступна и понятна, не заставляя раскидываться по мелочамъ. Во-вторыхъ, склонность человѣческаго ума къ обобщенію и пытливость стремятся даже въ разрозненныхъ фактахъ найти связывающую ихъ идею; тѣмъ болѣе побуждаетъ къ этому богатый, фактическій и систематизированный матеріалъ [1]).

Задачей историка является формулировка связи и взаимодѣйствія между различными литературными явленіями, а также между ними и явленіями общей исторіи. Эти формулы, по возможности, должны быть кратки, точны и выразительны, поскольку это допускаетъ характеръ матеріала. Необходимо установить пространственныя отношенія (территорію) и временныя отношенія (дату и продолжительность) явленія.

При построеніи исторической картины мы не всегда имѣемъ полностью документы для ея деталей, а иногда и для существенныхъ частей; случается, что порою и совсѣмъ нѣтъ нужнаго документа. Пробѣлы въ такихъ случаяхъ заполняютъ на основаніи умозаключенія, опирающагося на два основанія: на аналогію и требованія здраваго смысла (логики). Опытъ обнаруживаетъ, что неправильнымъ умозаключеніямъ обязаны возникновеніемъ наиболѣе важныя ошибки. Необходимо, пользуясь разсужденіемъ, имѣть въ виду нѣкоторыя предосторожности, которыя перечисляетъ Ш. Сеньобосъ [2]).

1. Никогда нельзя смѣшивать съ анализомъ документа своихъ разсужденій и домысловъ, пополнять „отъ себя“ автора памятника.

---

[1]) Срв. Ланглуа и Сеньобосъ, стр. 208—9.

[2]) Ланглуа и Сеньобосъ, стр. 201—208.

2. Нельзя смѣшивать факты, полученные изъ документа, съ результатами разсужденія.

3. Если разсужденіе оставляетъ хоть малѣйшее сомнѣніе—не слѣдуетъ пытаться дѣлать выводъ; допустимо—лишь предположеніе.

4. Слѣдуетъ ясно разграничивать предположеніе и утвержденіе, не пытаясь превратить первое во второе, пользуясь привычкой читателя, охотно поддающагося внушенію.

„Существуютъ два способа вести разсужденіе: одинъ—отрицательный, другой—положительный". Отрицательное разсужденіе (argumentum ex silentio) отправляется отъ отсутствія указанія на фактъ: изъ того, что ни въ одномъ документѣ нѣтъ упоминанія о фактѣ, заключаютъ, что этого факта не было. Но не всѣ документы до насъ дошли, не все было занесено на бумагу. Слѣдовательно, 1) чтобы argumentum ex silentio имѣлъ основаніе—нужно, чтобы возможный документъ никогда не существовалъ, ни въ настоящемъ, ни въ прошломъ. Во-вторыхъ—самый фактъ долженъ быть таковъ, что его по неволѣ должны были отмѣтить. Если фактъ не былъ отмѣченъ въ документахъ—далеко не значитъ, что его вовсе не было.

Примѣръ:—мы не имѣемъ данныхъ утверждать, что въ XVIII в. всѣ редакторы журналовъ не платили сотрудникамъ: жалобъ на это не сохранилось. Однако—несомнѣнно, что значительная часть журналовъ, если не всѣ,—пользовалась даровымъ трудомъ.

„Положительное разсужденіе отправляется отъ факта (или отсутствія факта), установленнаго документами, чтобы сдѣлать выводъ о другомъ фактѣ (или его отсутствіи), не указанномъ" [1]). Такое разсужденіе опирается на аналогію настоящаго съ прошедшимъ. Если причинная связь между явленіями наблюдается теперь, то можно предполагать, что въ аналогичныхъ случаяхъ и въ прошломъ наблюдалась та же связь.

Положительными выводами изъ разсужденій могутъ быть только тѣ выводы, которые опираются на совокупность наблюдаемыхъ явленій. Нельзя основываться только на единичныхъ показаніяхъ, какъ бы разительны они ни были,

---

[1]) Ланглуа и Сеньобосъ, стр. 204.

если они не согласуются съ общимъ. Соблюдая осторожность—особенно въ біографическихъ разысканіяхъ—слѣдуетъ не ограничиваться при выводахъ только изолированными подробностями, или отвлеченными фактами: надо ставить дѣятелей литературы—среди важнѣйшихъ, главныхъ условій ихъ жизни и дѣятельности.

„Даръ намѣчать важныя проблемы"—не свойствененъ каждому историку, а, конечно, болѣе талантливымъ. Это обстоятельство болѣе зависитъ отъ природы, чѣмъ отъ изслѣдователя. Во всякомъ случаѣ полезно начинать съ болѣе элементарныхъ, ограниченныхъ точно вопросовъ, а позже, пріобрѣтая опытъ, эрудицію и зрѣлость мысли, переходить къ болѣе обширнымъ вопросамъ. Начинающіе сразу съ рѣшенія обширныхъ проблемъ, съ „общихъ" соображеній—обыкновенно, навсегда остаются безплодными, въ лучшемъ случаѣ—компиляторами, что мы наблюдаемъ на массѣ примѣровъ. Но какова бы ни была историческая монографія—слѣдуетъ помнить правила:

1. Всегда цитировать точно историческіе и литературные документы, на основаніи которыхъ дѣлается изложеніе.

2. Если документъ еще наукѣ неизвѣстенъ, или авторъ имъ пользуется въ своемъ чтеніи, съ исправленіями—слѣдуетъ его приводить въ примѣчаніяхъ, или приложеніяхъ цѣликомъ, дабы читатель зналъ, на какомъ основаніи сдѣланы заключенія.

3. Авторъ долженъ все время имѣть въ виду основной вопросъ и, увлекаясь въ сторону,—не нагромождать разсужденій, не относящихся къ существу дѣла.

4. Дешевое хвастовство эрудиціей—совершенно излишне; оно, ничего не прибавляя въ лаврамъ изслѣдователя, только обнаруживаетъ въ немъ суетность и тщеславіе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ изслѣдователь долженъ точно разграничивать свое и чужое; лучше всего изслѣдованію предпосылать краткій обзоръ того, что сдѣлано въ наукѣ по изслѣдуемому вопросу.

5. Чужія мнѣнія должны быть принимаемы только послѣ строгой провѣрки: соглашающійся съ тѣмъ или инымъ авторитетомъ долженъ знать основанія его мнѣній и умѣть ихъ защитить.

Мы не будемъ останавливаться на внѣшней сторонѣ,

на повѣствованіи или изложеніи изслѣдованія. Здѣсь открывается широкое поле для пожеланій, въ зависимости отъ вкусовъ. Зиммель, напр., требуетъ отъ историка, чтобы онъ былъ художникомъ [1]); требованіе это переходитъ границы возможнаго: можно обладать блестящимъ аналитическимъ умомъ, болѣе того—способностью къ синтезу, но не обладать даромъ живого, занимательнаго повѣствованія—и наоборотъ. Въ исторіи русской науки мы имѣемъ различные примѣры сочетанія эрудиціи съ стройностью и изяществомъ изложенія, имѣемъ такого блестящаго стилиста и повѣствователя, какъ Буслаевъ [2]), самымъ изложеніемъ привлекающаго къ себѣ читателя; но суховатый, совсѣмъ не дающій пищи для воображенія Тихонравовъ или подавляющій эрудиціей и нагромождающій Пеліонъ на Оссу, не всегда удобочитаемый ак. Александръ Веселовскій—для современной науки сдѣлали гораздо болѣе, чѣмъ первый, названный выше ихъ учитель. Вотъ почему мы выражаемъ только одно пожеланіе относительно изложенія, чтобы оно было ясно и кратко, безъ погони за внѣшней красивостью, и не уподоблялось бы словоизверженіямъ современныхъ маговъ и волшебниковъ критическаго импрессіонизма въ родѣ пресловутаго г. Айхенвальда и ему подобныхъ, не стѣсняющихся во имя фразы противорѣчить самимъ себѣ на разстояніи нѣсколькихъ страницъ [3]).

Итакъ, резюмируемъ наши дезидераты относительно изложенія историко-литературнаго изслѣдованія:

1. Авторъ долженъ всегда указывать источники своихъ свѣдѣній и пособія.

2. Представлять доказательства своихъ утвержденій.

3. Ясно отграничивать результаты достовѣрные отъ сомнительныхъ.

4. Дать исторію вопроса, дабы читатель зналъ, что дано предшественниками, и что сдѣлано самимъ авторомъ.

5. По возможности собрать всѣ данныя для работы.

6. Быть краткимъ, но яснымъ.

§ 40. Нѣсколько спорныхъ вопросовъ исторіи русской литературы. Главные вопросы общаго

---

[1]) Евлаховъ, I, стр. 225. [2]) См. его „Очерки".

[3]) См., напр., Силуэты рус. писателей I, предисловіе, стр. VIII, XI, XIV и XXIV.

характера, которые мы можемъ поставить, приступая къ изслѣдованію русской литературы древняго періода—таковы:

1. Возможна ли научная исторія литературы при современномъ печальномъ состояніи источниковъ?

2. Если возможна, то какъ она должна быть построена: на принципахъ чисто-хронологическихъ или на принципахъ эволюціи видовъ литературы?

3. Если первое справедливо, то можно ли дѣлить русскую литературу на періоды?

4. Съ какого момента можно начинать исторію русской литературы, и въ какомъ отношеніи къ ней находится литература южно-русская (украинская)?

Обратимся къ этимъ вопросамъ.

1. Возможна-ли нынѣ научная исторія русской литературы?

Положеніе науки исторіи русской литературы, несмотря на массу изданій и изслѣдованій, страдаетъ массой пробѣловъ. Отсюда вытекаетъ невозможность построить точную картину историко-литературной эволюціи. Въ чемъ причина и главная трудность этого? Тихонравовъ еще въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія писалъ: „изученіе древне-русской литературы по рукописямъ, по источникамъ, большею частью неизслѣдованнымъ, сопряжено въ настоящее время съ необыкновенными затрудненіями. Масса безличныхъ литературныхъ произведеній древней Россіи, привлекая къ себѣ интересъ изслѣдователя, представляетъ поле, почти не тронутое исторической критикой“... „Бѣдность подготовительныхъ работъ по исторіи древне-русской словесности такъ поразительна, что преосвященный Филаретъ высказалъ даже мысль, что для составленія подробной исторіи русской духовной литературы не настало еще время: недостаетъ еще много данныхъ“ [1]). Было время, когда только начиналась разработка матеріала; тогда слагались гипотезы, которыя новѣйшая критика должна отвергнуть, напримѣръ, о мнихѣ Іаковѣ, о Ѳеодосіи Печерскомъ и Ѳеодосіи Грекѣ [2]). Въ наше время нельзя удовле-

---

[1]) Сочиненія, т., I стр. 124.

[2]) Н. Никольскій, О ближайшихъ задачахъ изученія древнерусской книжности, 1902, стр. 28.

творяться такими гипотезами, тѣмъ болѣе, что при непосредственномъ обращеніи къ фактамъ часто обнаруживается шаткость выводовъ о древнемъ періодѣ нашей литературы. Въ итогѣ проф. Никольскій полагаетъ, что „для составленія научной исторіи древне-русской литературы не наступило еще время. Научное право на существованіе принадлежитъ пока церковно-историческому изученію духовно-учительной книжности въ ея происхожденіи, составѣ и генеалогіи отдѣльныхъ списковъ и произведеній“ [1]). Первое мѣсто должна занять систематическая разработка библіотечнаго дѣла: она не только перестроитъ заново цѣлые отдѣлы до-петровской литературы, но и отыщетъ нить къ разысканію первоначальныхъ текстовъ.

„Систематическое изученіе исторіи и состава библіотекъ даетъ обширный и надежный статистическій матеріалъ, изъ котораго мы узнаемъ, что было излюбленнымъ чтеніемъ древне-русскаго церковника, и какія сочиненія съ ихъ идеалами соотвѣтствовали міровоззрѣнію его и всего русскаго общества“ [1]). При такомъ изученіи не будетъ основанія дѣлать исторіи литературы упрекъ, бросаемый проф. Никольскимъ въ началѣ его труда: „историки связываютъ исторію церковной литературы до Петра искусственно съ свѣтской литературой XVIII и XIX вѣковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы, обслѣдовавъ древнія рукописи, сможемъ сознаться, что древней литературы мы не знаемъ и не можемъ знать“. Противъ такого скептическаго взгляда проф. Никольскаго возражалъ ак. Соболевскій, выводы котораго противоположны выводамъ Никольскаго: „Спеціальнаго подбора въ большихъ монастырскихъ библіотекахъ не было. Составленныя въ значительной части изъ келейныхъ книгъ монаховъ, эти библіотеки заключали въ себѣ все, что читали древне-русскіе грамотеи, даже запрещенныя церковью статьи. Церковь не подвергла книгъ монастырскихъ цензурѣ и смотрѣла на нихъ прежде всего, какъ на цѣнное имущество. Если монастырскія библіотеки сохранили намъ мало произведеній древне-русской свѣтской литературы, то единственно потому, что эта литература была совсѣмъ скудна. Духовная литература древней Руси, удовлетворявшая по-

[1]) Тамъ же, стр. 32. [2]) Стр. 31.

требности всего читающаго общества, т. е. не только монаховъ и духовенства, но и мірянъ, была столь же общенародною, сколько теперь въ XIX и XX в.в. общенародна свѣтская литература. Иными словами", заключаетъ свой отвѣтъ ак. Соболевскій, „мы можемъ знать древне-русскую литературу во всемъ ея объемѣ и не подвергаемся опасности преувеличить значенія какого-нибудь одного ея отдѣла на счетъ другого" [1]).

Итакъ, прежде чѣмъ рѣшить вопросъ о возможности построенія научной исторіи литературы, мы наталкиваемся на другой—знаемъ ли мы самый матеріалъ? И хотя можно принять оговорки акад. Соболевскаго, однако, первый и главный тезисъ Никольскаго остается въ силѣ: у насъ до сихъ поръ нѣтъ еще даже предварительныхъ статистическихъ обслѣдованій матеріала. Въ чемъ же дѣло?

Ак. Истринъ такъ-же, какъ и проф. Никольскій, сомнѣвается въ возможности въ наше время создать научную исторію литературы. Онъ, однако, смотритъ на дѣло съ другой точки зрѣнія; эта невозможность вытекаетъ изъ другой причины, чѣмъ указано Никольскимъ: „причина эта лежитъ не столько въ скудности матеріала, сколько, наоборотъ, въ его обиліи". „Не будетъ парадоксомъ, если скажемъ, что въ настоящее время появленіе новаго памятника чаще всего не столько разъясняетъ дѣло, сколько его затемняетъ въ томъ смыслѣ, что возбуждаетъ новый рядъ вопросовъ и побуждаетъ къ новымъ изысканіямъ. Прошло то доброе старое время, когда по одному документу можно было строить цѣлыя теоріи, которыя почитались чуть-ли не за откровенія и приносили авторамъ ихъ значеніе чуть-ли не геніевъ. Въ послѣднія три десятилѣтія получилъ широкое примѣненіе методъ, называемый, обыкновенно, филологическимъ, который даетъ вѣрные результаты, но который въ то же время наглядно убѣждаетъ, что еще нескоро настанетъ время синтеза".

„Въ настоящее время, предварительно сужденія о фактѣ, требуется большая подготовительная работа, при большомъ объемѣ дающая иногда незначительные по виду, хотя и важные по существу, результаты. Изъ этой работы вы-

[1]) Нѣсколько мыслей о древней р. литературѣ 1903, стр. 17.

ясняется, что старыя изданія памятниковъ неудовлетворительны и даже опасны для работы, такъ какъ построены на принципахъ, которые при настоящихъ требованіяхъ уже не научны".

Это замѣчаніе Истрина касается и новой литературы; такъ, напримѣръ, академическое изданіе Пушкина показываетъ, насколько измѣнилась точка зрѣнія издателей на сочиненія этого поэта. Съ теченіемъ времени „развивается все болѣе и болѣе требованіе при изданіи памятниковъ привлекать возможно большее количество рукописей, ибо мы неоднократно бывали свидѣтелями, какъ привлеченіе новаго матеріала ниспровергало прежнія утвержденія" [2]). Отсюда рядъ затрудненій, расширеніе области изслѣдованія самаго незначительнаго литературнаго факта. Случайное нахожденіе новой рукописи изучаемаго памятника проливаетъ свѣтъ на другія, даетъ возможность понимать ихъ; поэтому необходимо привлекать возможно большее количество матеріала. Путемъ такого изслѣдованія выясняется связь русской литературы съ юго-славянской и—далѣе—съ византійской, представляющей еще до сихъ поръ не початый уголъ для ученыхъ изслѣдованій. Такимъ образомъ, наука наша болѣе ставитъ вопросы, чѣмъ рѣшаетъ ихъ. Она „находится въ разгарѣ развитія, ежедневно давая спеціальныя работы, но въ то же время болѣе и болѣе указывая новыя точки отправленія". Отсюда понятно, что всякій общій обзоръ исторіи русской литературы есть только опытъ и ученъ не постольку, поскольку онъ рѣшаетъ вопросы, а постольку, поскольку онъ добросовѣстно исчерпалъ матеріалъ и пользовался научными, а не субъективными методами.

Вопросъ о возможности научной исторіи русской литературы, поставленный ак. Истринымъ, вызвалъ обмѣнъ мнѣній. Изъ нихъ особенно важно цитированное выше мнѣніе, высказанное акад. Соболевскимъ, ибо этотъ ученый не только внесъ нѣкоторыя существенныя поправки въ мнѣніе ак. Истрина, но и точно указалъ, гдѣ наиболѣе слабые пункты въ изученіи древне-русской литературы.

Подвижность матеріала, прибывающаго вновь, не препят-

---

[1]) Истринъ, рец. на Древн. р. литер. Владимирова, Ж. М. Н. Пр. 1902, мартъ, стр. 215.

ствуетъ созданію научной для нашего времени исторіи литературы: вѣдь научныя истины не есть что-либо абсолютное, а лишь показатель нашихъ знаній о предметѣ въ данный моментъ. Ростъ теорій и измѣненіе ихъ—вещь обыкновенная даже въ области точныхъ наукъ (напр. физики и химіи). Вообще не можетъ быть рѣчи о научномъ трудѣ въ идеальномъ смыслѣ этого слова, могущемъ сохранять свое значеніе на пространствѣ вѣковъ. Въ мірѣ все преходяще, и то, что вчера еще считалось научною истиною, сегодня всѣми признается за заблужденіе, чему мы будемъ свидѣтелями неоднократно. Итакъ, говоритъ ак. Соболевскій, мы можемъ говорить здѣсь только о такой исторіи древней русской литературы, которая была бы научна теперь, въ наши дни. Возможна ли она? Нѣтъ; это признаютъ всѣ; это готовы признать и мы, но съ оговоркою. Именно: ак. Соболевскій считаетъ возможной научную исторію литературы Московской Руси XVI—XVII в.в., а также исторію южно-русской литературы XVII в., хотя и тутъ, и тамъ изслѣдователю приходится работать много и работать по рукописямъ и старопечатнымъ изданіямъ. Иное дѣло—научная исторія литературы до-монгольской Руси, сѣверо-восточной Руси XIII—XV ст., Украины XIII—XVI ст. „Здѣсь историкъ не имѣетъ подъ ногами почвы: онъ не знаетъ, о чемъ говоритъ. Съ одной стороны ему извѣстно, что матеріалъ есть; съ другой стороны—ясно, что этимъ матеріаломъ почти нельзя воспользоваться". Препятствіемъ служитъ анонимность памятниковъ и ихъ хронологическая неясность. Историку приходится растрачивать силы и на черновую работу, а именно: прежде всего привести въ извѣстность и сколько-нибудь обработать матеріалъ; установить мѣсто и значеніе каждаго памятника и т. д., такъ что онъ не въ состояніи добраться до крупныхъ обобщеній, задавленный этой черновой подготовительной работой. „Ему необходимо разрѣшить вопросы: 1) съ переводнымъ или съ оригинальнымъ произведеніемъ онъ имѣетъ дѣло; 2) если произведеніе переводное,—когда и гдѣ сдѣланъ переводъ,—у южныхъ славянъ или въ Россіи, съ греческаго языка или съ какого другого; 3) если произведеніе оригинальное,—чьему перу оно принадлежитъ—южно-славянина или русскаго, представляетъ ли оно подражаніе чему-нибудь чужому или вполнѣ оригинально. Для

достиженія этихъ цѣлей, чтобы работа была выполнена научно—необходимо историку литературы быть и лингвистомъ хотя бы настолько, чтобы различать церковно-славянскій языкъ русской редакціи, обработанный русскимъ грамотеемъ XI—XIV в.в., отъ церковно-славянскаго языка, обработаннаго въ XIII—XIV в.в. или въ XVI в.; нужно умѣть отличать особенности церковно славянскаго литературнаго языка, юго-славянскихъ отъ русскихъ, умѣть читать и опредѣлять по почерку рукописи, списки, въ которыхъ сохранились памятники". И тогда только мы можемъ сказать, что изслѣдователь въ силахъ дать для своего времени научную исторію литературы.

И если правъ проф. Никольскій, настаивая на необходимости библіографически статистическаго изученія древнерусской литературы съ точки зрѣнія церковной исторіи, то не менѣе правъ и ак. Истринъ, указывая на необходидимость историку русской литературы быть и византологомъ, и славистомъ, а также и акад. Соболевскій, требующій отъ автора научнаго историко-литературнаго труда, также и знанія спеціально русской филологіи. Добавимъ: для историка литературы XVI—XVIII в.в. не менѣе важенъ чѣмъ греческій, также и латинскій языкъ, а для историка XVIII—XIXв.в.—французскій, нѣмецкій, англійскій и даже италіанскій.

Въ связи съ успѣхомъ этихъ первоначальныхъ изученій подвигаемся мы къ идеалу—къ созданію научной исторіи литературы. Для отдѣльныхъ моментовъ—мы знаемъ достаточно; но для обширной синтетической работы необходимы многочисленныя аналитическія. И если мы не всѣ способны къ синтезу—пусть утѣшеніемъ намъ служитъ то, что въ сумму научныхъ знаній мы вкладываемъ свою долю—путемъ анализа.

2. Возможно ли хронологическое построеніе исторіи древне-русской литературы?

Будемъ ли мы изучать судьбы русской древней литературы съ точки зрѣнія чисто исторической, т. е. интересуясь ея содержаніемъ, идеалами той или иной эпохи, или же съ точки зрѣнія эволюціи литературныхъ видовъ, языка, стиля,—во всякомъ случаѣ ни та, ни другая цѣль нами не будетъ достигнута, разъ передъ нами лежитъ необозримый

литературный анонимный и притомъ недатированный матеріалъ. Эта то анонимность и недатированность неоднократно приводила въ смущеніе ученыхъ, изъ которыхъ иные рѣшили было совершенно твердо, что древне-русская литература въ силу условій древне-русскаго быта, возрастившей ее среды—въ силу устойчивости древне-русскихъ вкусовъ и міросозерцанія—совершенно не имѣла движенія внутри себя и только извнѣ какъ бы пополнялась новымъ, время отъ времени приходящимъ матеріаломъ.

Наиболѣе краснорѣчивое выраженіе эта точка зрѣнія нашла себѣ въ извѣстномъ трудѣ акад. Пыпина. „Изложеніе исторіи русской литературы имѣетъ еще свои особенности. Въ ея древнемъ періодѣ историкъ встрѣчается съ однимъ постояннымъ явленіемъ, котораго не можетъ не принять во вниманіе. Вслѣдствіе условій, въ какихъ образовалась наша древняя письменность, она почти не знаетъ хронологіи: большая масса памятниковъ оставалась въ обращеніи въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, иногда съ XI—XII до XVII в. и даже XIX столѣтія; старые памятники не заслонялись новыми, какъ новою ступенью литературнаго развитія,—напротивъ, новые примыкали къ старымъ, какъ ихъ непосредственное продолженіе, и они не разъединялись въ представленіи самихъ книжниковъ. Исторія дѣлала свое: совершались событія, которыя бывали цѣлыми переворотами въ политической жизни народа, но письменность сохраняла тѣ же традиціонныя формы. Такова была лѣтопись; таковы были памятники паломничества; таковы были памятники древней повѣсти, такова была литература церковнаго поученія, житія, наконецъ,—отреченныхъ книгъ и т. д. Въ связи съ этимъ мы наблюдаемъ другое явленіе. Московская Русь, когда установилась въ обширное царство, оказалась на перепутьѣ: какъ бы въ предчувствіи новыхъ теченій въ національной жизни, она думала закрѣпить все старое содержаніе письменности, какъ національное достояніе, на которомъ воспитался русскій народъ и сталъ великимъ народомъ, и достояніе, изъ предѣловъ котораго онъ не долженъ выходить и впредь, потому что въ немъ предполагалась вся истина. Эта мысль выразилась цѣлымъ рядомъ сборныхъ трудовъ: такова была Степенная книга, которая въ своей обычной компилятивной формѣ хотѣла объединить изложеніе рус-

ской исторіи отъ древнѣйшихъ и до новѣйшихъ временъ; таковъ былъ Хронографъ, который по старымъ и застарѣлымъ свѣдѣніямъ излагалъ русскому читателю всеобщую исторію; таковъ былъ Азбуковникъ, который собиралъ изъ рукописей, старыхъ и новыхъ самыя разнообразныя свѣдѣнія, составлявшія своего рода научную энциклопедію; таково было, наконецъ, громадное предпріятіе митр. Макарія, который въ своихъ Четіихъ-Минеяхъ хотѣлъ объединить всю старую русскую письменность въ порядкѣ святцевъ. Такимъ образомъ, при постановкѣ историко-литературнаго вопроса сама собою является мысль о необходимости соединить однородное, хотя разновременное по происхожденію, — потому что по существу оно имѣло внутреннюю связь и равную цѣнность для читателя. Простое хронологическое распредѣленіе памятниковъ „по вѣкамъ“ въ этомъ смыслѣ не достигаетъ цѣли, такъ какъ вынуждаетъ къ постояннымъ возвращеніямъ назадъ. Вопросъ не безразличенъ, потому что съ извѣстной постановкой изложенія (исторіи литературы) соединяется представленіе о внутреннемъ значеніи самыхъ явленій“. „Нѣтъ сомнѣнія, что самая задача исторіи требуетъ вниманія къ хронологическому теченію фактовъ; но эта цѣль можетъ быть достигаема общими указаніями историческихъ періодовъ. Замѣтимъ, что самые факты древней письменности до сихъ поръ еще не сполна приведены въ извѣстность, и въ тѣхъ, которые извѣстны, не всегда опредѣлено время ихъ происхожденія и, въ древнемъ періодѣ, иногда не опредѣлено даже, былъ ли памятникъ русскаго или юго-славянскаго происхожденія“ [1]).

Для исторіи русской литературы послѣ Петра Великаго Пыпинъ считаетъ возможнымъ хронологическое построеніе [2]). Нѣсколько ниже [3]), говоря о повѣсти, Пыпинъ снова возвращается къ вопросу о хронологіи, очевидно его смущавшему. Въ средѣ древне-русскихъ повѣстей онъ также видитъ „отсутствіе хронологіи“. Разсмотримъ эти положенія почтеннаго ученаго.

Дѣйствительно-ли древне-русская литература не знаетъ хронологіи? Да, точно датированныхъ памятниковъ мы зна-

[1]) А. Пыпинъ, Исторія русской литературы, т. I, изд. 2-е, 1902 г., стр. IV—V.

[2]) Тамъ же, стр. VI. [3]) Тамъ же, стр. 488.

емъ немного, но даже не имѣя точныхъ датъ, историкъ самъ извлекаетъ ихъ приблизительно изъ анализа текстовъ. Далѣе, для установленія хода историко-литературной эволюціи важно опредѣлить взаимоотношеніе между различными фактами одного и того же порядка; важно изслѣдовать, что въ теченіе вѣковъ происходило съ однимъ и тѣмъ же памятникомъ, какъ вліяли эпохи и среда на его содержаніе и форму, въ чемъ выражались измѣненія, вносимыя въ составъ памятника новою жизнью. И вотъ мы видимъ, что хотя старые памятники не всегда заслонялись новыми, однако—въ нихъ самихъ шелъ неустанно процессъ обновленія, и изслѣдователь можетъ установить хронологическую послѣдовательность этихъ измѣненій. Кромѣ того, исторія литературы знаетъ—а это увидимъ ниже—именно случаи, когда старое заслонялось и вытѣснялось новымъ, особенно въ области повѣстей, лѣтописной литературы и пр.

Существуетъ воззрѣніе, что литература и жизнь совершенно обособлены другъ отъ друга; съ другой стороны существуетъ и діаметрально противоположная точка зрѣнія. Истина находится посединѣ. Событія вовсе не безслѣдно проносились надъ литературой, застывшей будто бы въ традиціонныхъ формахъ. Начнемъ съ лѣтописи: лѣтопись въ XII в.—одно; въ Москвѣ XV—XVI в.в.—другое. Эпоха XVII вѣка даетъ—третье: мѣняется фактическая сторона разсказа, мѣняется и отношеніе къ нему авторовъ; въ XVI вѣкѣ вырабатывается Степенная книга и Своды. Въ XIII в. лѣтопись отличалась сравнительной объективностью: лѣтописецъ одинаково повѣствовалъ обо всѣхъ князьяхъ, не задаваясь вопросомъ, который изъ нихъ выше. Въ XVI ст. уже проводится московская идея самодержавія; вмѣсто отрывочныхъ, погодныхъ записей лѣтописи—въ Степенной книгѣ находимъ связный разсказъ о княженіяхъ отъ Рюрика до московскаго самодержца,—проникнутый одною идеей: возвысить московскихъ государей, сдѣлать Москву средоточіемъ русской земли. Въ зависимости отъ этого была изобрѣтена особая система изложенія, типично отличающая Степенную книгу отъ лѣтописи. Тенденція вліяла на форму и подчиняла ее своимъ требованіямъ. Такъ отразились историческія условія на лѣтописи.

Возьмемъ примѣры повѣствовательной литературы: ста-

рыя повѣсти, поэмы въ родѣ Слова о полку Игоревѣ—вытѣснены были повѣстями съ новымъ, религіознымъ содержаніемъ; затѣмъ въ XVII в. серьезная повѣсть вытѣснена въ свою очередь переводной смѣхотворной. Въ XVII ст. составляются и переводятся новые сборники легендъ, являются новыя повѣсти, и манера повѣствованія становится болѣе свободной; авторы имѣютъ въ виду не только „назиданіе, но и занимательность"; языкъ становится также болѣе яснымъ и простымъ, какъ языкъ актовъ, документовъ, обыденной жизни. Въ концѣ XVII ст. въ атмосферѣ воспитанія на идеалахъ Домостроя рядомъ съ глубокой религіозностью появляется легкомысленная игривая сатира. Литературное обновленіе было слѣдствіемъ пріобщенія къ западному вліянію послѣ „великой разрухи" смутнаго времени. Языкъ, поэтическій стиль воинскихъ повѣстей, композиція ихъ—не оставались неподвижными съ XII до XVII в., о чемъ ярко свидѣтельствуютъ изслѣдованія А. Орлова [1]). Въ области отреченныхъ книгъ достаточно прослѣдить исторію индекса, чтобы понять, какъ тамъ происходило постоянное движеніе, какъ вліяла эпоха на форму памятника [2]).

Хронографъ, какъ руководство всеобщей исторіи, тоже имѣетъ свою долгую и поучительную исторію, въ которой отмѣчаются главные моменты литературной эволюціи старой Руси; до XIV вѣка онъ имѣетъ одинъ составъ, въ XV вѣкѣ мѣняется; въ XVII вѣкѣ снова мѣняется отъ прилива заимствованій.—Азбуковникъ далеко не одинаковъ по составу на всемъ протяженіи своей жизни. Сначала—это статьи для истолкованія непонятныхъ словъ въ книгахъ переводныхъ съ еврейскаго и греческаго. Затѣмъ азбуковникъ осложняется рядомъ вторичныхъ наслоеній, объясненія дѣлаются очень полными, включаются анекдотическіе разсказы изъ „Физіолога". Въ XVII в. являются грамматическія статьи о тропахъ, фигурахъ, истолкованіе иностранныхъ терминовъ и старославянскихъ словъ, сдѣлавшихся уже непонятными. Такимъ образомъ, изъ небольшого списка словъ

---

[1]) А. Орловъ, Объ особенностяхъ формы русскихъ воинскихъ повѣстей, 1902 и О нѣкоторыхъ особенностяхъ стиля великорусской историч. беллетристики XVI—XVII в. 1909.

[2]) См. Тихонравовъ, Сочиненія, I, стр. 130—155.

Азбуковникъ разростается въ почтенную книгу, родъ энциклопедическаго словаря [1]).

Наконецъ, дѣло не въ простомъ хронологическомъ распредѣленіи по вѣкамъ, которое Пыпинъ считалъ невозможнымъ, а въ изслѣдованіи судебъ каждаго памятника: при этомъ только условіи мы получимъ картину видоизмѣненія условій литературной жизни древней Руси. И только когда эта работа будетъ выполнена, возможно будетъ ограничиться „общими указаніями историческихъ періодовъ", о которыхъ говоритъ Пыпинъ. Итакъ, вопросъ о хронологіи древне-русской литературы не разрѣшается Пыпинымъ, а лишь вызываетъ рядъ сомнѣній, тѣмъ болѣе сильныхъ, что на ихъ сторонѣ масса фактическихъ указаній на возможность обратнаго. Вопросъ, очевидно, не можетъ быть рѣшенъ такъ просто и категорично, какъ его рѣшаетъ Пыпинъ. „Конечно", говоритъ по поводу его мнѣнія ак. Истринъ,— „такое, напримѣръ, произведеніе, какъ хожденіе Даніила, съ одинаковымъ правомъ могло явиться въ какомъ угодно вѣкѣ, но нельзя сказать того же самаго о всей совокупности памятниковъ древне-русской литературы. И при нашихъ средствахъ мы можемъ говорить о смѣнѣ направленій, или—точнѣе сказать—настроеній" [2]) (въ древне-русской литературѣ до Петра Великаго).

„Съ вопросомъ о хронологіи тѣсно связывается вопросъ о редакціяхъ памятника" [3]). Задача историка литературы не только въ томъ, чтобы констатировать наличность редакцій, но и прослѣдить, чѣмъ была вызвана та или другая передѣлка, т. е. перенести изслѣдованія въ исторію каждаго жанра и каждаго представителя этого жанра особо.

Такова, напр., судьба Александріи; переведенная съ греческаго, она извѣстна стала давно отдѣльно и въ составѣ хронографа, гдѣ вытѣснила краткое дѣйствительное изложеніе судьбы Александра Македонскаго. Очень рано исторія Александра подвергалась переработкѣ, главнымъ образомъ—дополненію; дополненія эти важны въ двухъ

---

[1]) См. изслѣдованіе Карпова, Азбуковники или алфавиты иностр. рѣчей... 1878.

[2]) В. Истринъ, назв. рец., стр. 221.

[3]) Тамъ же, стр. 222 и стр.

отношеніяхъ: „1) они указываютъ на начитанность передѣлывателя въ наличной литературѣ и на умѣнье пользоваться ею, обнаруживая его литературные пріемы; 2) эти дополненія указываютъ на наличный составъ тогдашней литературы и именно свѣтскаго содержанія; этимъ самымъ опредѣляется для времени не позднѣе XIII—XIV в.в. составъ наиболѣе читаемой тогда литературы, отъ которой до насъ дошло не все“ [1])... „Съ теченіемъ времени, въ XIII—XIV в.в., появился въ Сербіи другой переводъ той же повѣсти, но въ другой редакціи, рѣзко отличавшейся отъ употреблявшейся ранѣе. На средне-греческомъ языкѣ появилась особая редакція съ романтическимъ элементомъ, гдѣ Александръ является какъ средневѣковый рыцарь. Эта редакція была гораздо занимательнѣе по своимъ подробностямъ, чѣмъ старая“. Придя въ Россію, сербская Александрія распространилась въ огромномъ количествѣ списковъ, старая же перестала переписываться и приняла характеръ чисто историческаго повѣствованія, будучи помѣщаема только въ хронографахъ. Новая же понималась читателями, какъ занимательный романъ, и этотъ фактъ знаменуетъ пробужденіе въ читателяхъ интереса къ свѣтскому чтенію, неудовлетворенность старыми памятниками религіозной литературы. „Взятые въ совокупности, такого рода факты выясняютъ типъ древне-русскаго читателя и его интересы, инстинктивное освобожденіе изъ подъ опеки византійскаго богословско-церковнаго вліянія“ [2]).

Аналогичный процессъ раскрывается предъ нашими глазами, если мы остановимся на исторіи не разъ упомянутаго хронографа. Хронографы—руководства по всеобщей исторіи, главнымъ образомъ—на основѣ книгъ Бытія, Исходъ, отчасти Числъ—рано появились въ Россіи, будучи занесены съ славянскаго юга, куда они попали изъ Греціи. Впослѣдствіи по образцу переводовъ стали составляться компиляціи изъ другихъ памятниковъ историческаго содержанія. Этими переводными источниками хронографа были не сочиненія византійскихъ историковъ, интересовавшихся свѣтской жизнью, а монашескія хроники, проникнутыя стре-

[1]) В. Истринъ, тамъ же, стр. 222.

[2]) Тамъ же, стр. 222—223.

мленіемъ все подчинить религіозно-церковному вліянію. „На такихъ произведеніяхъ воспитывался историческій интересъ древне-русскаго человѣка и принималъ такое же религіозное направленіе. Но въ началѣ XVII в. составился особый Хронографъ, въ составъ котораго вошли новые источники, недавно переведенные съ польскаго языка (Бѣльскій, Стрыйковскій, Гваньини), и отличавшіеся уже особымъ направленіемъ, такъ сказать— свѣтскимъ. Этотъ Хронографъ особенно распространился среди читателей“ [1]). Библіотечные каталоги, напримѣръ, Импер. Публич. Библіотеки, свидѣтельствуютъ, что на одинъ Хронографъ стараго состава приходится большое количество экземпляровъ Хронографа новой редакціи. Причина этому—свѣтское его содержаніе. „Распространенность такого рода памятниковъ имѣетъ большое значеніе въ вопросѣ о вытѣсненіи одного чужого вліянія на русскую литературу другимъ, а потому исторія такихъ памятниковъ не должно игнорироваться“ [2]).

Возьмемъ еще одинъ примѣръ, указываемый ак. Истринымъ: судьба замѣчательнаго древне-русскаго памятника— Откровенія Меѳодія Патарскаго о послѣднихъ дняхъ. „Оно было переведено тоже съ греческаго языка,“ пишетъ ак. Истринъ, „и извѣстно было уже первому лѣтописцу“; Откровеніе рисовало судьбу міра, гибель котораго и конечная судьба связывалась съ паденіемъ Византіи. Каждая эпоха наложила свою печать на возникшія послѣдовательно редакціи этого замѣчательнаго историко-пророческаго памятника. „Въ исторіи этого памятника мы можемъ ясно видѣть, какъ необходимо разсматривать и позднѣйшія редакціи, и какъ мы можемъ говорить о хронологіи въ древне-русской литературѣ“. Говоря о литературѣ XV в., никакъ нельзя миновать „Откровенія“. „Во второй половинѣ XV в. русское общество было взволновано тремя событіями: 1) ересью жидовствующихъ, 2) паденіемъ Константинополя и 3) ожидаемымъ концомъ міра въ 1492 г. Въ Житіи Апдрея Юродиваго и въ Словѣ Меѳодія съ концомъ греческаго царства связывался конецъ міра, а всеобщая увѣренность въ концѣ міра, по истеченіи 7-й тысячи лѣтъ, наполняла ужасомъ

---

[1]) Истринъ, тамъ же, стр. 223.

[2]) Тамъ же.

сердце русскаго человѣка, воспитывавшагося въ дѣтской вѣрѣ ко всему легендарному. Подъ вліяніемъ такого настроенія и „Откровеніе“ Меѳодія получило особый смыслъ“, что доказывается массой списковъ и появленіемъ особенной передѣлки, носящей чисто эсхатологическій характеръ. Первая часть „Откровенія“—историческая,—излагающая судьбы человѣчества по тысячелѣтіямъ; вторая—о VII-й тысячѣ въ пророческомъ тонѣ. Въ указанное время историческая часть начала терять интересъ для русскихъ читателей и потому испытала сильное сокращеніе, тогда какъ пророческая получила сильное распространеніе [1]). Событія конца XVII в. (1666 г.) въ связи съ „числомъ звѣринымъ 666“ создали особую популярность Откровенію у старообрядцевъ. Оно пришлось имъ особенно по вкусу—они видѣли въ немъ подтвержденіе своего убѣжденія въ развращенности нравовъ и въ близкой кончинѣ міра, связанной съ пришествіемъ антихриста.

Особенно характерна въ зависимости отъ исторической эпохи судьба Толковой Палеи: она сочинена въ XIII в. противъ евреевъ; въ XV в.—въ нее вливаются талмудическія легенды; постепенно теряется полемическій характеръ, и Палея превращается въ историческій сборникъ. Такимъ образомъ, памятникъ читается на протяженіи многихъ вѣковъ, но читатели къ нему относятся различно; опредѣленіе этого отношенія въ зависимости отъ особенностей редакцій и составляетъ исторію смѣнъ литературныхъ настроеній. Каждую эпоху характеризуетъ не только появленіе новыхъ памятниковъ, но и отношеніе эпохи къ старымъ. Сказанное примѣнимо какъ къ древней, такъ и къ новой литературѣ.

3. Слѣдующимъ вопросомъ—является вопросъ о дѣленіи русской литературы на періоды. Періоды являются какъ бы „хронологическими пластами“, по выраженію Ш. Сеньобоса [2]). Построеніе ихъ—старо, какъ сама исторія. „Въ нихъ чувствуется потребность не только въ общей исторіи, но и въ спеціальныхъ исторіяхъ, какъ только изучается достаточно продолжительное время, чтобы эволюція была чувствительна“. Основой, начальнымъ моментомъ, какъ и концомъ періода, обычно считаютъ какое нибудь крупное

---

[1]) Истринъ, тамъ же, стр. 224.

[2]) Ланглуа и Сеньобосъ, стр. 200.

событіе; различаютъ (Сенъ Симонъ) періоды органическіе—съ медленнымъ измѣненіемъ, и критическіе—съ быстрымъ измѣненіемъ“ [1]). Первый, кто попытался набросать въ общей картинѣ характеристику исторіи русской литературы—Бѣлинскій, какъ упомянуто выше, совсѣмъ исключилъ древнюю литературу изъ обзора и началъ литературу только съ Кантемира. Составителямъ общихъ обзоровъ пришлось бороться съ этой точкой зрѣнія, весьма соблазнительной и удобной, такъ какъ для того, чтобы говорить о литературѣ до Петра Великаго,—нужно имѣть и знанія, и историческія представленія, умѣть судить о литературныхъ явленіяхъ въ извѣстной исторической перспективѣ, а не только съ отвлеченной, напр., эстетической точки зрѣнія. Впослѣдствіи, къ концу XIX в. является взглядъ, что русская литература пережила два главные періода: до Петра и послѣ него. Это мнѣніе основано на точкѣ зрѣнія и славянофиловъ, и западниковъ, которымъ Петровскія реформы представлялись рѣзкою гранью стараго и новаго періода; вспомнимъ пресловутое—„Петръ россамъ далъ тѣла, Екатерина душу“: Петръ далъ какъ бы новыя формы жизни, Екатерина же вдохнула въ эти формы душу. Подобное сужденіе можетъ быть принято только послѣ строгой критики. Безусловно новаго Петръ В. далъ не много, даже въ границахъ явленій, изучаемыхъ историками. Его реформы были продолженіемъ прежняго, которое чувствовалось даже и долго послѣ, въ XVIII—XIX в.в. Въ исторіи литературы то же самое: рѣзкой грани между литературой того и другого времени—нѣтъ. Мнѣніе о дѣленіи литературы на два періода въ этотъ моментъ возникло потому, что для лицъ, незнакомыхъ съ свѣтской литературой до Петра, свѣтская литература послѣ него слишкомъ рѣзко отдѣляется отъ духовной. Ошибка въ воззрѣніи сторонниковъ такого дѣленія обличена, какъ указано выше, проф. Никольскимъ. Съ теченіемъ времени, съ развитіемъ историко-литературныхъ изученій и изслѣдованіемъ отдѣльныхъ моментовъ литературы до Петровской эпохи, выяснилось, что она не представляетъ одного прочнаго монолита и не можетъ быть названа однимъ именемъ „древней литературы“. Въ этой послѣдней детальныя изученія открываютъ такія особенности,

[1]) Ланглуа и Сеньобосъ, стр. 201.

при наличности которыхъ невозможно уже говорить о литературѣ, напримѣръ, XII и XV в.в., какъ объ одномъ явленіи, или о литературѣ Московской и Украинской въ XVI в., какъ итогахъ общаго историческаго процесса. Не затрагивая пока спеціальныхъ вопросовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ минуя школьныя руководства, мы ограничимся мнѣніемъ ак. Пыпина и попробуемъ, исходя изъ него, разобраться въ вопросѣ о періодахъ [1]): „Одною изъ первыхъ задачъ, какія являются у историковъ литературы, бываетъ вопросъ о раздѣленіи ея исторіи на періоды, которое облегчало бы имъ установить ея основные пункты, главныя движущія силы и характеръ въ различныя эпохи. Давно замѣчено, что въ дѣйствительной исторіи такіе „періоды“ рѣдко б.•заютъ отдѣлены одинъ отъ другого такъ ярко, чтобы можно было обозначить ихъ точными событіями и датами; въ ходѣ событій рѣдко бываютъ переломы, быстро измѣняющіе народную жизнь; перемѣна бываетъ отчетливо замѣтна лишь на извѣстномъ значительномъ пространствѣ времени, и при сложности явленій народной жизни опредѣленіе „періодовъ“ можетъ быть сдѣлано лишь на основаніи цѣлой совокупности признаковъ; обычное теченіе жизни имѣетъ свою непрерывность и традицію; новое крупное явленіе, обыкновенно, подготовляется задолго мало замѣтными признаками, которые только послѣ извѣстнаго промежутка созрѣванія являются дѣятельной исторической силой; въ концѣ одного періода уже готовятся факты періода дальнѣйшаго, и въ этомъ послѣднемъ, съ другой стороны, продолжаютъ отживать факты предыдущаго. Такимъ образомъ, „періоды“ должны быть понимаемы только приблизительно; но съ этой оговоркой установленіе ихъ важно для изслѣдователя, какъ опредѣленіе точекъ опоры для читателя“. Слѣдовательно, Пыпинъ признаетъ дѣленіе литературы на періоды только съ педагогической точки зрѣнія, какъ то мы видимъ въ учебникахъ литературы (древній періодъ, средній, новый и новѣйшій), вообще же этого дѣленія онъ не допускаетъ, ибо то, что является пережитымъ для высшихъ слоевъ общества, для читателя средняго и низшаго продолжаетъ существовать. Историкъ литературы долженъ считаться съ исто-

[1]) Пыпинъ, Исторія рус. литературы, т. I, стр. 64.

ріей развитія воззрѣній различныхъ слоевъ читателей на литературу, съ тѣмъ, какъ преломляются различныя произведенія въ сознаніи широкихъ массъ, какія формы принимаютъ они въ различныхъ слояхъ общества.

По мнѣнію Пыпина, основными періодами для дѣленія исторіи русской литературы, съ „педагогической“ точки зрѣнія, могутъ быть приняты три; границы ихъ: татарское нашествіе и вторая половина XVII в., какъ преддверіе Петровской реформы. Но границы эти не рѣзки, ихъ нельзя обозначить точными датами. Направленіе новой литературы обозначилось уже въ половинѣ XVII в., но первые настоящіе ея памятники являются уже только послѣ Петра—у Кантемира, Ломоносова и др. „Въ теченіе новаго періода опять было нѣсколько граней, отдѣлявшихъ характерныя ступени литературнаго движенія, когда направленія быстро смѣняли другъ друга и прежнія становились устарѣлыми на пространствѣ немногихъ поколѣній“ [1]).

Итакъ, здѣсь Пыпинъ ничего не имѣетъ уже противъ дробленія исторіи литературы на періоды не только съ точки зрѣнія педагогической, но и научной. Онъ только указываетъ на нѣкоторую условность такого дѣленія въ зависимости отъ непрерывности историческаго процесса, отражающагося въ литературѣ.

Споры между лицами, дѣлившими литературу на періоды, сосредоточивались на вопросѣ: куда отнести XVII вѣкъ? Было время, когда русская литература XVII вѣка относилась къ древнему періоду и ставилась въ непосредственную связь съ литературой XVI в., но новѣйшія изысканія разрушили этотъ взглядъ. Выяснилось, что литература XVII в. тѣсно связана съ литературой Петровской эпохи; во вторыхъ, что литература XVII в. получаетъ свой характеръ съ половины вѣка, наконецъ, новый характеръ литературы XVII вѣка заключается въ сильно обнаружившемся въ ней западномъ вліяніи. Сверхъ того, литература этого вѣка отражаетъ, по мнѣнію ак. Истрина, [2]) четыре крупныхъ явле-

---

[1]) Тамъ же, стр. 64—65.

[2]) В. Истринъ, Введеніе въ исторію русской литературы второй полов. XVII в. 1903; этою статьею пользуемся въ дальнѣйшемъ изложеніи. Срв. брюш. М. Сперанскаго, Дѣленіе исторіи русской литературы на періоды... 1896.

нія—частью историческаго, частью литературнаго характера: 1) расколъ старообрядцевъ 1666 г. былъ особенно замѣчателенъ въ этомъ отношеніи; несчастія, посѣтившія Россію около этого времени, какъ голодъ, моръ, несчастная война съ Польшею, разсматривались какъ признаки пришествія антихриста. Сюда же надо отнести и культурное вліяніе Запада, повлекшее за собою ослабленіе „древняго благочестія“. Многіе отъ этого впали въ соблазнъ, тогда какъ другіе сдѣлались ревнителями вѣры. Павелъ Алеппскій, посѣтившій Россію въ половинѣ XVII ст., пишетъ, что русскіе люди при всей ихъ порочности—святые, ибо они въ состояніи выстаивать по 6-8 час. въ сутки. Со стороны нѣмцевъ, разлившихся по Россіи, наблюдается, наоборотъ, легкомысленное отношеніе къ обрядовой церковности, заразившее и русскихъ людей. Въ то время Россія переживала „великую разруху“, отъ которой не спасало и слово и молитва патріарха, ибо онъ передался на сторону иностранцевъ; недаромъ старообрядцы называли патр. Никона ересіархомъ. Онъ, по характеру крутой и обладавшій по природѣ раціоналистическимъ складомъ ума, былъ ихъ жестокимъ гонителемъ. Этотъ расколъ повелъ къ раздѣленію направо и налѣво; въ то время никто не могъ оставаться посерединѣ, онъ долженъ былъ примкнуть или къ новому, или къ старому. Стороной болѣе экзальтированной, хранившей въ чистотѣ дѣтскую вѣру въ букву Писанія, были старообрядцы: между ними были способные на жертвы; никоніанцы же были болѣе индифферентны къ вопросамъ вѣры. Всѣ вожди старообрядцевъ имѣли видѣнія; ихъ религіозныя галлюцинаціи показываютъ страшный подъемъ фанатизма. Этотъ расколъ предопредѣлилъ, гдѣ должна была культивироваться литература свѣтская и гдѣ духовная. Происходитъ дифференціація литературныхъ направленій. 2) На сторонѣ никоніанъ стояли люди пытливые, внесшіе элементы знанія въ религію. Это были пришельцы изъ Украины; часто они приходили къ совершенному отрицанію, скептицизму, но роль ихъ значительна. Украинцы стали являться въ Москвѣ въ началѣ XVII в., но были приняты сначала неблагосклонно; только значительно позже ихъ стали допускать къ такому важному дѣлу, какъ исправленіе книгъ. Борьба между украинцами и великороссами закончилась

побѣдою первыхъ, и въ литературу вошли принесенныя украинцами и новыя понятія, и новыя литературныя формы. 3) Появленіе новыхъ формъ литературы выразилось въ зарожденіи виршевой литературы, изображавшей жизнь сердца въ формахъ, дотолѣ въ Москвѣ неизвѣстныхъ, явилась драма, также неизвѣстная старинной Москвѣ. 4) Наплывъ переводной повѣствовательной литературы (Великое Зерцало, Римскія Дѣянія, Фацеціи); по образцу ихъ слагается новая повѣствовательная литература. Но литературу XVII в. необходимо ставить въ связь съ литературой XVI и XV вв., отличительными чертами коихъ является мистицизмъ, развитіе идеи 3-го Рима и Московскаго царства, критическій духъ Нила Сорскаго.

XVII вѣкъ связывается тѣсно съ двумя предыдущими вѣками: путемъ вычитанія изъ круга его явленій уже извѣстнаго въ XV и XVI в., мы получаемъ то новое, что связываетъ XVII в. съ XVIII в. и дальнѣйшимъ теченіемъ русской литературы. Главная же характерная черта XVII в.—это „обмірщеніе“ идеаловъ пишущей и читающей среды, секуляризація ея творческой мысли отъ завѣщанной духовной формы XVII в.—время замиранія древней литературы, по опредѣленію ак. Соболевскаго. Причина замиранія, однако, не только въ измѣненіи идеаловъ (такъ, напр., переводятся заново съ греческаго сочиненія въ родѣ Шестоднева Василія Великаго), но и въ устарѣніи языка. То, что произошло въ XVII в. въ Москвѣ, имѣло мѣсто въ XVI в. на Украинѣ.

Такимъ образомъ, авторитетнѣйшіе представители нашей науки признаютъ XVII в.—половину его—гранью, отдѣляющею русскую литературу средняго періода отъ литературы новаго періода. Но мы должны, прежде чѣмъ выскажемся сами по этому вопросу—отмѣтить одно обстоятельство: и Пыпинъ, и Истринъ, и Соболевскій (отчасти за исключеніемъ послѣдняго) главнымъ образомъ, если не исключительно—останавливаютъ свое вниманіе на эволюціи содержанія литературы. Правда, Истринъ указываетъ на драму, вирши—на эти новыя формы, которыхъ до XVII вѣка не знала Московская Русь, но центромъ вниманія этихъ авторовъ является не литературный процессъ, а историческій: они интересуются смѣной и взаимоотношеніемъ событій, идей, а не тѣмъ, какъ эти идеи отражаются въ литера-

турной формѣ, какъ вліяютъ на созданіе того или иного литературнаго направленія, какъ такового. Для нихъ важно дѣленіе на періоды, хотя бы условное, потому что они, говоря о литературѣ, видятъ предъ собою факты исторіи. Мы можемъ, конечно, для удобства обозрѣнія дѣлить исторію русской литературы на періоды, напримѣръ, указанные Пыпинымъ; но, твердо помня о непрерывности исторической и литературной эволюціи, должны сосредоточить свое вниманіе на самыхъ памятникахъ литературы, на ихъ формѣ, и тогда предъ нами откроется новый горизонтъ: мы не станемъ терять время въ погонѣ за „періодами“: мы ограничимся лишь изученіемъ эпохъ смѣны литературныхъ формъ. Литературное—въ собственномъ смыслѣ—направленіе должно опредѣляться изъ наличности литературныхъ данныхъ, а не изъ данныхъ исторіи культуры. Послѣднія могутъ быть привлекаемы лишь какъ комментарій, какъ поясняющій матеріалъ.

Главныя направленія литературы связываютъ иногда съ направленіемъ развитія литературнаго языка. Литературный языкъ есть: 1) совокупность фонетическихъ, морфологическихъ, синтаксическихъ и лексическихъ особенностей, отличающихъ языкъ литературныхъ памятниковъ отъ современнаго народнаго языка; 2) совокупность стилистическихъ особенностей, характеризующихъ особенности автора или группы ихъ, вкусы эпохи.

Примѣромъ можетъ служить языкъ памятниковъ учительной литературы XI—XII в.в., языкъ XVI в. и проповѣдниковъ XVII в., языкъ и стиль древне-русскихъ житій до XV и XV—XVI в.в., стиль пѣсенъ Ксеніи Годуновой и стиль пѣсенъ на тѣ же темы Петровской эпохи и т. д.

Анализируя эти данныя, мы убѣждаемся, что если можно выдѣлить и изолировать отдѣльныя части исторіи литературы, то не по вѣкамъ, даже не по періодамъ, а по эпохамъ преобладанія того или иного стиля, въ зависимости отъ хода литературной эволюціи, слагавшейся подъ воздѣйствіемъ домашнихъ и иностранныхъ факторовъ.

§ 41. Къ вопросу о началѣ изложенія русской литературы и о разграниченіи исторіи литературы великорусской и малорусской.

При построеніи отдѣльнаго очерка, характеристики пе-

ріода, эпохи, момента—мы имѣемъ болѣе или менѣе опредѣленные отправные пункты, располагая, согласно существу дѣла, фактами и влагая ихъ въ опредѣленную хронологическую схему. Но при опытѣ построенія и изложенія исторіи какой либо національной литературы, напр., русской, мы наталкиваемся на нѣкоторыя колебанія, вызываемыя разнообразіемъ точекъ зрѣнія на предметъ изложенія. Въ самомъ дѣлѣ, ученые, строившіе схему исторіи русской (великорусской) литературы—далеко не всегда согласны между собою относительно времени, когда она можетъ считаться начавшей свое существованіе, равно какъ и относительно начала литературы южнорусской (малорусской), украинской. Въ существующихъ и наиболѣе распространенныхъ учебныхъ руководствахъ эти вопросы обычно не затрагиваются.

Старыя руководства (Шевырева, Ор. Миллера, Галахова) совершенно обходятъ поставленные нами вопросы. У Галахова, начинающаго изложеніе древнерусской литературы съ проповѣдниковъ [1]), въ § 25 неожиданно является на сцену литература юго-западной Руси въ к. XVI-го вѣка. Нѣчто подобное находимъ и въ трудѣ Порфирьева, гдѣ также, съ нѣкоторой относительной обстоятельностью выдѣлена и изложена эпизодически глава о состояніи литературы и просвѣщенія въ южной Руси XVI—XVII в.в. Названные авторы излагаютъ сплошь и памятники южнорусскіе, и сѣверно-русскіе XI—XIV вв., не обращая вниманія на ихъ происхожденіе и особенности. То же находимъ и у Владимирова, и у Пѣтухова; у послѣдняго глава „Переходное время“ (?) начинается характеристикой литературы юго-западной Руси XVI—XVII вв., очевидно, только для того, чтобы перейти къ очерку литературныхъ явленій Москвы въ XVII в., непонятныхъ и необъяснимыхъ безъ справокъ изъ литературной исторіи южной Руси. Только Пыпинъ подходитъ нѣсколько ближе къ интересующимъ насъ вопросамъ, говоря объ отраженіи историческаго вопроса о Кіевской Руси въ современныхъ ему взглядахъ на положеніе малорусской литературы [2]) и касаясь роли Кіевской школы и литературы XV—XVII в. въ литературномъ развитіи Москвы [3]). Въ

[1]) Т. I, отд. I. [2]) Т. I, гл. III. [3]) Т. II, гл. VIII.

остальномъ наблюдаемъ полное смѣшеніе матеріала—южнаго и сѣвернаго, кіевскаго и московскаго происхожденія [1]). Только ак. Истрину принадлежитъ въ недавнее время попытка разобраться въ этомъ вопросѣ съ фактами въ рукахъ [2]). Обращаясь къ характернымъ чертамъ русской литературы, развившейся съ XI в., онъ приходитъ къ заключенію, что „если распредѣлить древне-русскую литературу по эпохамъ, то первая эпоха будетъ продолжаться съ начала до XIII в. (кончая XII). Это эпоха космополитическаго направленія. Она господствовала не только въ Кіевѣ, но и въ другихъ центрахъ“ [3]).

Литература „Кіевскаго періода“ (XI—XIII вв.) прежде всего сильно отражала тѣ византійскіе оригиналы, которые, въ болгарской одеждѣ, были принесены на Русь и были первыми образцами для созданія русскими славянами своихъ литературныхъ опытовъ. Съ другой стороны въ созданіи ея едва ли не равнымъ образомъ участвовали и южане, и сѣверяне [4]), она равно читалась и была доступна и въ Кіевѣ, и въ Новгородѣ (чего нельзя сказать, напр., о произведеніяхъ XV—XVI вв.). Далѣе—„какъ кіевская литература началась съ воспринятія литературы переводной, такъ и новая сѣверо-восточная литература начала свою жизнь принятіемъ литературы готовой—Кіевскаго періода“ [5]), изъ коей одно—усвоила и развила, иное не восприняла, не усвоила.

Съ переходомъ центра политической жизни на сѣверъ, въ Суздальскую землю въ XII в. и позже въ Москву обнаруживается здѣсь нѣкоторое „литературное возбужденіе“. „Старая литература Кіевскаго періода переходитъ на сѣверо-востокъ, но она не является характерной для этого періода, а для него характерны новыя произведенія [6]). Жизнь въ новыхъ центрахъ не угасала въ XIII—XV вв. и создала новое движеніе, выразившееся въ новыхъ памятникахъ, чуждыхъ югу, но родныхъ сѣверу, потому что они

---

[1]) См., напр., главу о повѣстяхъ, т. I, гл. XI, или главу о паломникахъ, I, гл. IX.

[2]) Изслѣдованія въ области древне-русской литературы, 1906 г., I—V.

[3]) Истринъ, Изслѣдованія, стр. 212.

[4]) Истринъ, Изслѣдованія, стр. 216.

[5]) Тамъ-же, стр. 219. [6]) Тамъ-же, стр. 212—13.

выражали умственныя настроенія его писателей и—отвѣчали, добавимъ, вкусамъ новой читающей среды.

Въ XIII в. на сѣверо-востокѣ появляются новые, неизвѣстные дотолѣ на югѣ памятники: Моленіе Даніила, Александрія (2-я ред.), Сказаніе объ Индійскомъ Царствѣ, Архивскій (іудейскій) Хронографъ, Еллинскій лѣтописецъ (2-я ред.), Радзивилловская лѣтопись, Изборникъ XIII в.; пересмотрѣнъ библейскій текстъ, составлена Толковая Палея, Пророчество Соломона, поученія еп. Серапіона, Слово о погибели земли русской, Сказаніе о Калкскомъ побоищѣ, Повѣсть о разореніи Рязани Батыемъ, Житіе Александра Невскаго, О двѣнадцати снахъ ц. Шахаиши [1]); въ XIV в.—составленъ Измарагдъ, переведенъ Шестодневъ Георгія Писидійскаго, пишутся житія русскихъ святыхъ, поученія митр. Петра, Алексія и др.—все это обнаруживаетъ непрекращающуюся литературную работу.

Сѣверо-восточная литература „прежде чѣмъ стать литературой спеціально Московской, была литературой мѣстной“ [2]).

Литература сѣверо-востока приняла извѣстное направленіе, выработала извѣстныя формы: писатель XIV, а еще болѣе замѣтно XV—XVI в. пользуется иными изобразительными средствами, чѣмъ писатель домонгольскаго періода, хотя иногда и отзывается у него вліяніе старой школы. Въ духѣ новыхъ литературныхъ вкусовъ великорусская литература перерабатываетъ старый матеріалъ. „Самостоятельность“, пишетъ ак. Истринъ, „проявилась, наконецъ, и въ тѣхъ хотя бы компилятивныхъ произведеніяхъ или въ передѣлкѣ старыхъ памятниковъ, которые отражали запросы тогдашняго времени и прямо отвѣчали потребностямъ общества. Эта самостоятельность проявлялась въ такихъ случаяхъ въ сознательномъ подборѣ матеріала и въ проведеніи съ яснымъ сознаніемъ одной идеи“ [3]).

Спеціально московской литература становится въ XVI в., когда сглаживаются мѣстныя особенности предшествовавшаго періода.

---

[1]) Изслѣдованія, стр. 119, 221 и сл.

[2]) Изслѣд., стр. 213.

[3]) Истринъ, Изслѣд., стр. 220—221.

Московская литература была центральною, и „такъ какъ на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ въ то время складывалась великорусская народность, то литература эта можетъ быть названа великорусской: начало этой литературы лежитъ въ XIII вѣкѣ“ [1]).

Отъ литературы великорусской, сѣверо-восточной ак. Истринъ обращается къ оставленной на время южно-русской и здѣсь высказывается уже съ меньшими основаніями, въ полемическомъ (противъ д-ра Франка) задорѣ впадая въ крайности, неоправдываемыя фактами.

„Названію литературы московской (великорусской) противуполагается литература, развивавшаяся около другого центра, а на такой центръ естественно напрашивается Кіевъ“ [2]). Далѣе ак. Истринъ утверждаетъ, что вся южнорусская литература съ XIII в. перешла на сѣверо-востокъ и что „съ XIII в. нѣтъ литературы южнорусской“ [3]).

Конечно, такъ говорить можно только въ полемическомъ задорѣ: факты говорятъ иное. Уже ак. А. Соболевскимъ было открыто въ 1884 г. значительное звуковое отличіе южно-русскихъ діалектовъ отъ діалектовъ сѣверно-русскихъ [4]) въ XII и XIII вв. Съ подчиненіемъ Южной Руси западно-европейской культурѣ съ присоединеніемъ къ Литовскому и Польскому государству—языкъ ея еще замѣтнѣе уклоняется отъ общихъ нормъ, свойственныхъ и сѣвернымъ русскимъ племенамъ, и южнымъ. Въ XIV—XV вв. масса рукописей, написанныхъ на югѣ и юго-западѣ, носитъ слѣды измѣненій въ разговорномъ языкѣ [5]), а въ XVI в. выступаетъ ясно и опредѣленно „простая мова“, какъ органъ культурнаго мышленія и литературнаго творчества. Списки памятниковъ старой, домонгольской эпохи, хотя и не всѣхъ, тянутся чрезъ XIV—XVI вв. въ южно-русскихъ рукописяхъ, связывая литературу южно-русскую—съ „общерусскою литературою“ Кіевскаго періода. Возникаютъ и новые памятники, неизвѣстные и чуждые сѣверо-восточной (московской), т. е. великорусской литературѣ XIII—XVII вв.

---

[1]) Изслѣд., стр. 214. [2]) Изслѣд., стр. 214. [3]) Тамъ-же.

[4]) Очерки по ист. р. яз. Кіевъ, 1884.

[5]) Владимировъ, Обзоръ южно-русскихъ и западно-русскихъ памятн. письм., К., 1890.

Резюмируемъ: наша точка зрѣнія на вопросъ о началѣ собственно-великорусской литературы въ главныхъ чертахъ совпадаетъ съ точкой зрѣнія ак. Истрина. По принятіи христіанства въ Болгаріи тамъ создалась довольно обширная переводная и отчасти оригинальная литература, реципированная русскими славянами также послѣ принятія ими христіанства. Центромъ, гдѣ возникли первые опыты русской литературы, былъ на югѣ—Кіевъ, на сѣверѣ—Новгородъ. Эта литература была общей, равно понятной и равно удовлетворяющей читателя и на сѣверѣ, и на югѣ. Съ основаніемъ на сѣверо-востокѣ сильныхъ княжествъ и съ образованіемъ новыхъ культурныхъ центровъ—Владиміра и Москвы, литература Кіевская реципируется отчасти сѣверянами, которые присоединяютъ къ ней рядъ новыхъ произведеній, получающихъ въ силу своего соотвѣтствія вкусамъ создавшей ихъ среды—преобладающее значеніе. На югѣ—въ зависимости отъ оскудѣнія верхняго слоя общества послѣ татарскаго погрома—литературная продукція ослабѣваетъ и возобновляется лишь спустя 150—200 лѣтъ, когда новыя условія жизни создаютъ новую интеллигенцію, не феодальную, военную и духовную, но также и городскую. Она творитъ подъ вліяніемъ новыхъ культурныхъ условій новую литературу, на первый взглядъ какъ будто даже неимѣющую связи съ славянорусской традиціей, на новомъ литературномъ языкѣ, отражающемъ крупныя перемѣны въ звукахъ и формахъ живой рѣчи, совершившіяся втеченіе двухъ послѣднихъ вѣковъ.

Такимъ образомъ началомъ русской (великорусской) литературы, съ своеобразной физіономіей—можно считать литературныя явленія XIII вѣка; для литературы южнорусской (малорусской, украинской) эпоха пробужденія и оживленія наступаетъ нѣсколько позже.

Источники и пособія.

§ 42. Ознакомившись съ методами изслѣдованія историко-литературнаго матеріала, мы должны были бы перейти къ вопросу о примѣненіи указанныхъ методовъ въ частности къ русскому матеріалу. Но для этого необходимо предварительно имѣть, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ—представленіе объ этомъ матеріалѣ и о томъ, въ какомъ состояніи мы застаемъ его въ настоящій моментъ. „Въ прежнее время", писалъ Ѳ. Буслаевъ, „останавливаясь только на геніальныхъ личностяхъ въ исторіи художественнаго и литературнаго развитія, думали въ этихъ личностяхъ, такъ сказать, подслушать отвѣты на задушевные вопросы той эпохи, къ которой каждая изъ геніальныхъ личностей принадлежитъ. Теперь не довольствуются такимъ привиллегированнымъ положеніемъ генія, отвѣтствующаго на вопросы своей эпохи; думаютъ, что трудно и даже невозможно бываетъ понять этого геніальнаго отвѣта безъ всесторонняго, подробнѣйшаго изученія самыхъ вопросовъ, которые предложены были ему эпохою. И вотъ, —около прославленнаго геніальнаго имени изучаемой эпохи скопляется цѣлый рядъ произведеній, правда, не столько знаменитыхъ, не столь превознесенныхъ эстетическою критикою, но столь же исполненныхъ жизненнаго интереса, чаяній, ожиданій, вполнѣ характеризующихъ настроеніе цѣлыхъ народныхъ массъ" [1]).

Такое же расширеніе круга матеріаловъ, привлекаемыхъ къ изученію, наблюдается и въ области изслѣдованія судебъ древней литературы. Было время въ исторіи нашей науки, когда изслѣдователи ограничивались случайными находками, когда открытіе и опубликованіе одного какого нибудь списка памятника создавало славу ученому. Въ на-

[1]) Очерки, I, стр. 404.

стоящее время—мы имѣемъ обширную научную литературу, охватывающую какъ изданія текстовъ памятниковъ, такъ и изслѣдованія о нихъ.

Поэтому считаю умѣстнымъ предложить здѣсь краткій очеркъ источниковъ для изученія русской литературы и важнѣйшихъ пособій, какъ общаго характера, такъ и наиболѣе важныхъ спеціальныхъ монографій.

Подъ источниками исторіи русской литературы наука разумѣетъ самые памятники ея и документы, служащіе для ихъ объясненія; таковы произведенія древнихъ и новыхъ писателей, описи библіотекъ, документы, касающіеся исторіи книжнаго дѣла и просвѣщенія въ Россіи.

Подъ пособіями—разумѣются довольно уже многочисленныя въ настоящее время ученыя изслѣдованія, посвященныя разработкѣ отдѣльныхъ вопросовъ исторіи литературы, а также труды болѣе общаго характера, какъ, напр., обзоры литературнаго развитія цѣлыхъ эпохъ или всей многовѣковой исторіи существованія русской литературы. Ученый въ своихъ трудахъ исходитъ изъ анализа источниковъ, показанія же пособій, хотя бы и самыхъ авторитетныхъ, принимаются послѣ обстоятельной критической оцѣнки. Термины „источникъ“ и „пособіе“ не слѣдуетъ смѣшивать и употреблять одинъ вмѣсто другого.

Русская литературная критика въ своемъ отношеніи къ исторіи древней литературы заняла въ лицѣ Бѣлинскаго положеніе, не благопріятствующее изученію древности: она начинала исторію литературы только съ Кантемира, ибо съ него только (будто бы) начинается художественная сознательная литературная дѣятельность въ Россіи, отражающая мыслящую личность. Но позднѣйшія разысканія не подтвердили гипотезы перваго блестящаго представителя русской критики. Оказалось, что не только задолго до Петра Великаго существовала обширная литература, но что уже съ давнихъ поръ она вызывала къ себѣ глубокій и сознательный интересъ. Уже къ XV в. относятся первые русскіе библіографическіе труды (если не считать перечневую опись библіотеки Владимира Васильевича у Волынскаго лѣтописца подъ 1288 годомъ). Древняя Русь цѣнила книги независимо даже отъ содержанія: онѣ были вообще очень

дороги.[1]) Монастыри для охраны этого имущества дѣлали инвентарныя описи, служившія для чисто практическихъ цѣлей. Такъ въ описи Слуцкаго монастыря 1494 года указаны только названія книгъ (А. З. Р. I, № 115). Въ описи библіотеки Іосифо-Волоколамскаго монастыря 1473 года наблюдается нѣкоторый прогрессъ: указывается не только названіе и форма книги, но и обозначается и самый экземпляръ именемъ его бывшаго владѣльца или переписчика. Однако, уже въ послѣдней четверти XV в. въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ появляется первый опытъ научной описи, соотвѣтствующей тѣмъ требованіямъ, какія мы и теперь предъявляемъ къ библіографическому труду. Эта опись, вѣроятно, является отвѣтомъ на запросъ архіеп. Геннадія 1489 г.; она представляетъ собою постепенное перечисленіе всего литературнаго матеріала, имѣвшагося въ описанныхъ сборникахъ монастыря, и обнимаетъ 957 сочиненій, изъ которыхъ, кромѣ заглавія, приводятся и начальныя слова[2]). Къ 1575—1584 г.г. относится Опись царскаго архива[3]). Опись Супрасльскаго мон., составленная въ 1557 г., упоминаетъ до 200 книгъ[4]). Въ 1591 г. была сдѣлана перепись утвари и книгъ Іосифо-Волоколамскаго мон.; въ 1601 г.—Кирилло-Бѣлозерскаго мон.; въ 1653 г. для исправленія богослужебныхъ книгъ собирались рукописи изъ 39 русскихъ монастырей и всѣмъ этимъ рукописямъ также была составлена опись[5]).

Къ концу XVII вѣка относится второй, аналогичный старшему Кирилло-Бѣлозерскому каталогу, трудъ „Оглавленіе книгъ, кто ихъ сложилъ“, приписывавшійся долгое время Сильвестру Медвѣдеву, ученику знаменитаго ученаго, писателя и воспитателя царевича Ѳедора Алексѣевича, іером. Симеона Полоцкаго[6]). Въ настоящее время авторомъ этого

---

[1]) О стоимости книгъ см. трудъ В. Адріановой, Матеріалы для исторіи цѣнъ на книги въ древней Руси XVI—XVIII ст. 1912.

[2]) См. Н. Никольскій, Описаніе рукоп. Кирилло-Бѣлозер. мон., составл. въ к. XV в.,—1897 г.

[3]) Акты Археограф. Экспед., 1836 г., I, № 289.

[4]) Вил. Археогр. Сб., IX, стр. 53.

[5]) Издана М. Общ. И. и Др. Р. 1848 г. „Опись книгамъ, въ степенныхъ монастыряхъ находящимся, составленная въ XVII в.“.

[6]) Чт. О. И. и Др. Р. 1846 г.

труда считаютъ либо Епифанія Славинецкаго, либо его послѣдователя, чудовскаго іеромонаха Евѳимія. Въ этомъ трудѣ перечисляется до 300 памятниковъ, и приводится начало каждаго.

Въ XVIII вѣкѣ, благодаря накопившемуся историческому матеріалу и пріобрѣтеннымъ знаніямъ, явилась необходимость установить точное количество литературныхъ памятниковъ, собрать ихъ по вѣкамъ, опредѣлить мѣсто ихъ возникновенія: этотъ предметъ вызвалъ интересъ прежде всего среди нѣмецкихъ ученыхъ, прибывшихъ въ Россію въ числѣ первыхъ академиковъ. Опыты литературной исторіи начинаютъ принимать форму критическаго изслѣдованія, хотя исторія литературы все таки понимается какъ біографія и библіографія, но уже съ явнымъ желаніемъ собрать факты и объяснить главнѣйшія явленія литературной исторіи. Первымъ ученымъ, работавшимъ въ этомъ направленіи, былъ Іоганнъ Петръ Коль. Онъ былъ приглашенъ въ Петербургскую Академію Наукъ профессоромъ краснорѣчія и церковной исторіи, но, какъ видно изъ представленныхъ имъ въ Академію статей, намѣревался заняться русской словесностью и исторіей. Несмотря на то, что Коль пробылъ въ Россіи всего два года, отъ 1725—27, онъ успѣлъ настолько познакомиться съ исторіей россійской Церкви, что сумѣлъ выбрать для ученой разработки наиболѣе важныя событія. Въ 1729 году Колемъ издана въ Германіи книга (Iohannis Petri Kohlii, in Akademia scientiarum petropolitana histor. eccles. et human. litterararum professoris Introductio in historiam et rem litterariam slavorum imprimis sacram, sive Historia critica versionum slavonicarum maxime insignium, nimirum codicis sacri et Ephremi Syri, duobus libris absoluta", Altonaviae, 1729, in 8⁰) [1]), которая была первымъ историко-литературнымъ трудомъ по нашей книжной древности. Въ предисловіи, обращаетъ на себя вниманія опись сочиненій, которыя, по словамъ Коля, были имъ приготовлены къ печати. Коль называетъ латинскій переводъ русскихъ извѣстій объ отлученіи патріарха Никона, исторію о раскольникахъ, съ примѣчаніями изъ разныхъ достовѣрныхъ источниковъ, переводъ „Книги о вѣрѣ" и др. Изъ предисловія мы узнаемъ, что

[1]) Пекарскій, Исторія Академіи Наукъ, т. I, стр. 79.

Колемъ написанъ и помѣщенъ въ „Acta eruditorum“ (журналъ, изд. подъ редакціей Менка въ Германіи) въ 1729 году разборъ „Системы мухамеданской религіи“ князя Дмитрія Кантемира, которая была издана въ Петербургѣ въ 1729 году. Въ трудѣ Коля объ исторіи и литературѣ славянъ описываются изданія Библіи въ Острогѣ 1581 г. и въ Москвѣ въ 1663 году [1]). Далѣе помѣщено изслѣдованіе, доказывающее, что Св. Писаніе переводилъ на славянскій языкъ не бл. Іеронимъ, а братья Кириллъ и Меѳодій, приложено жизнеописаніе ихъ на основаніи извѣстій Стрыйковскаго и Степенной книги. Далѣе говорится о подлинникѣ, съ котораго переводились на русскій языкъ Ветхій и Новый Завѣтъ. Вторая книга заключаетъ подробное описаніе жизни и сочиненій Ефрема Сирина и свѣдѣнія о переводахъ ихъ на разные языки и особенно на славянскій. Сочиненіе Коля имѣло, для своего времени, несомнѣнное достоинство въ томъ, что авторъ зналъ русскій языкъ и былъ хорошо знакомъ съ славянскими рукописями. Такимъ образомъ, въ трудахъ Коля мы имѣемъ попытку научной разработки исторіи литературы, а не просто библіографическій списокъ книгъ и біографій авторовъ. Онъ по древнимъ памятникамъ старается установить достовѣрность того или другого явленія. Конечно, его книга въ научномъ отношеніи—особенно при современныхъ намъ требованіяхъ—весьма слаба: Коль даже съ внѣшней стороны неправильно описалъ изданія Библіи 1581 и 1663 г.г., а говоря о древности текста церковно-славянской Библіи—положился безо всякой критики на Острожскихъ издателей; подъ видомъ текста изъ изданій 1663 г.—напечаталъ текстъ изъ Елизаветинской Библіи [2]).

Вторымъ труженикомъ въ разработкѣ вопросовъ исторіи литературы является нѣмецкій ученый Іоганнъ Вернеръ Паусъ, который одно время завѣдывалъ школой, основанной Петромъ Великимъ по предложенію пастора Глюка въ Москвѣ. Послѣдніе годы своей жизни онъ былъ переводчикомъ при Академіи Наукъ; многія его рукописи заслуживаютъ вниманія, такъ какъ онъ собралъ и произведенія русскаго народнаго творчества.

---

[1]) Тамъ же, т. I, стр. 79—81.

[2]) См. Михайловъ, Опытъ, стр. CLX.

Много поработалъ надъ изученіемъ древней старины проф. Московскаго университета Баузе (1752—1812 г.). Онъ, по свидѣтельству его ученика, проф. Снегирева, „въ продолженіи 30 лѣтъ, съ особеннымъ стараніемъ и съ великими издержками, составилъ собраніе древнихъ славяно-русскихъ рукописей, между которыми находились Псалтирь и Прологъ XII в., лѣчебникъ 1588 года, первые на русскомъ языкѣ логаріѳмы“.... Эта библіотека погибла въ 1812 г., вмѣстѣ со многими драгоцѣннымн памятниками, извѣстными Н. Карамзину и К. Калайдовичу [1]). Изъ ученыхъ трудовъ Баузе относится къ нашему предмету его латинская рѣчь о состояніи просвѣщенія въ Россіи до Петра Великаго, гдѣ онъ хотѣлъ отдать справедливость прошедшимъ вѣкамъ и вмѣстѣ защитить Россію отъ ненависти и нареканій иноземцевъ.

Въ трудахъ Бакмейстера собрано много важныхъ свѣдѣній для исторіи науки и литературы XVIII вѣка. („Russische Bibliotheck, zur Kenntnis den gegenwärtigen Zustandes der Literatur in Russland“, два тома, 1772—1787 г.г.).

Въ 1768 году въ одномъ Лейпцигскомъ журналѣ появилось безъ имени автора „Извѣстіе о русскихъ писателяхъ“; оно вышло потомъ отдѣльной книжкой (въ Ливорно въ 1771 и 74 г.), которая была перепечатана библіографомъ Полторацкимъ [2]).

Но новѣйшимъ изслѣдованіямъ оказывается, что „Извѣстіе“ напечатано знаменитымъ актеромъ Дмитревскимъ, который жилъ заграницей во время напечатанія этой статьи.

„Извѣстіе“ было началомъ цѣльныхъ обзоровъ русской литературы. Появленіе „Извѣстій“ побудило къ подобному труду Н. Новикова, который въ 1772 году издалъ „Опытъ историческаго словаря о русскихъ писателяхъ“. Въ предисловіи своего „словаря“ Новиковъ отмѣчаетъ заслугу всякаго писателя, распространяющаго просвѣщеніе. Онъ питаетъ уваженіе не только къ русскимъ писателямъ, но и къ знаменитымъ писателямъ иностраннымъ, восхваляетъ Вольтера, Дидро и друг. Съ 1773 года Новиковъ предпринялъ цѣлый

---

[1]) Пыпинъ, Истор. рус. этногр., I, стр. 318.

[2]) Перепеч. Полторацкаго „Révue Etrangère“ 1851 г. октябрь, рус. перев. въ Библіограф. Запискахъ 1861 г., т. 3. Новое изданіе въ „Матеріалахъ для русск. литер.“ Ефремова. СПБ. 1867 г.

рядъ историческихъ изданій. Цѣль изданія, какъ говоритъ Новиковъ—дать „начертаніе нравовъ и обычаевъ нашихъ предковъ". Къ такимъ изданіямъ принадлежитъ: „Древняя Россійская Вивліоѳика или собраніе древностей россійскихъ"; здѣсь помѣщены: статьи географическаго и историческаго содержанія, рѣдкія грамоты, описаніе обрядовъ и россійскихъ посольствъ въ другія государства, много сочиненій россійскихъ стихотворцевъ.

Въ „Древней Россійской Вивліоѳикѣ" имѣются и матеріалы для исторіи литературы. Въ содержаніи II части I-го изданія за 1773 годъ декабрь: „Списокъ изъ книгохранилища кн. Сергѣя Димитріевича Кантемира". Въ содержаніи IV ч., 1774 г., іюнь, Путешествіе Исидора, Россійскаго митрополита на Флорентійскій Соборъ" съ пріобщеніемъ историческаго извѣстія о возвращеніи его въ Москву и о двухъ его изъ Россіи побѣгахъ. Въ содержаніи V части, 1774 г. іюль—„Чинъ бываемаго въ недѣлю предъ Рождествомъ Христовымъ святыхъ отецъ, такъ называемаго пещного дѣйствія или воспоминаніе бывшихъ въ пещи трехъ отроковъ: Ананія, Азарія и Мисаила". Въ журналѣ „Повѣствователь древностей россійскихъ", изд. Новиковымъ въ 1776 году, имѣется статья: „Сказаніе, како состави Кириллъ Философъ азбуку по языку словенску и книги переводя отъ греческаго на славянскій языкъ".

Въ 1788—1791 г.г. „Вивліоѳика" была вторично перепечатана Новиковымъ. Здѣсь, какъ и въ первомъ изданіи, собраніе древностей россійскихъ по исторіи, географіи, генеалогіи, исправленное, увеличенное и приведенное въ хронологическій порядокъ. Въ содерж. III части 2 изд. № 39: „Поздравительная рѣчь на пресвѣтлый день Воскресенія Христова Феодору Михайловичу Ртищеву отъ Игнатія Іевлевича Архимандрита Богоявленскаго", 1660 г., и въ содержаніи IV части.—„Путешествіе митрополита Исидора на Флорентійскій соборъ въ 1436 г.". Въ содерж. VIII ч., 1789 г. помѣщена: „Комедія о блудномъ сынѣ; комедія о Новуходоносорѣ царѣ, о тѣлѣзлатѣ и о трехъ отрокахъ въ пещи сожженныхъ; комедія Новуходоносоръ, Мемуханъ, Моавъ, Аммонъ, Нееманъ, Лапидовъ, четыре протазанщика, четыре спальника". Въ содержаніи IX части: Комедіи: „Ужасная измѣна сластолюбиваго житія съ прискорбнымъ и нищетнымъ въ

Евангельскомъ Пиролюбцѣ и Лазарѣ изображенная 1701 г.“; Комедія: „Страшное изображеніе второго пришествія Господня на землю. 1702 г.“; Комедія—„Царство Міра, идолослуженіемъ прежде разоренное, исповѣданіемъ же и проповѣдью Св. Верх. Апостоловъ Петра, Ангела Пресвѣтлѣйшаго и Высокодержавнѣйшаго Государя нашего Петра Алексѣевича паки возставленное“ (1702 г.). Въ содерж. XII части: „Посольство съ Государевою заздравною милостынею во Царьградъ, Александрію, Антіохію, Іерусалимъ и въ Синайскую гору Трифона Коробейникова и Михаила Огаркова. 1593 г.“ Въ содерж. XIV части 1790 г.: „Въ лѣто 1416 о Григоріи Цамблакѣ посланіе грамоты всѣхъ епископовъ Литовскихъ; грѣшнаго инока Іосифа сказаніе о новоявившейся ереси Новгородскихъ еретиковъ и отступниковъ Алексѣя протопопа и Дениса, Осипа и Федора Курицына и инѣхъ, иже тако же мудрствующихъ, 1491 г.“ Въ содерж. XVI части 1791 г.: „Сказаніе: како составлялъ святый Кириллъ Философъ азбуку по языку славенскому и книги преведе отъ греческихъ на Славянскій языкъ“. Прибавленіе начала къ „сказанію грѣшнаго инока Іосифа о Новгородскихъ новоявившихся еретикахъ и отступникахъ, Алексѣѣ протопопѣ и Денисѣ попѣ и Феодорѣ Курицынѣ и инѣхъ, иже тожде мудрствующихъ“, которое въ XVI части Древней Россійской Вивліоѳики на стр. 128 было пропущено. Въ содерж. XVII части: „Хожденіе Ааараамія Суздальскаго на осьмый соборъ съ митрополитомъ Исидоромъ 6945—1437 г.“, и въ содерж. XIX части: „Лѣтопись о построеніи града Суздаля и въ немъ монастырей и о бытіи и прославленіи Суздальскихъ Чудотворцевъ и о родословіи Великихъ Князей—вкратцѣ“ [1]).

Слѣдующія его историческія изданія: „Исторія о невинномъ заточеніи боярина Матвѣева“, „Скифская исторія“. Во всѣхъ этихъ трудахъ Новикова видно желаніе указать необходимость изученія древности, которое необходимо и для просвѣщенія, и для воспитанія патріотическаго чувства его современниковъ.

---

[1]) Подробно см. въ Историческ. розысканіи о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ Неустроева за 1703—1802 г. стр. 177 и далѣе.

Съ 1777 года характеръ издательства Новикова измѣняется: это не были спеціальныя историческія изданія; онъ предпринимаетъ изданіе „С.-Петербургскихъ ученыхъ Вѣдомостей“, которыя должны служить обзоромъ текущей литературы, главнымъ образомъ исторической. Журналъ „Утренній свѣтъ“ (1777—1780 г.) посвященъ предметамъ нравственности и самопознанія. Всѣ эти труды Новикова имѣютъ громадное значеніе для исторіи литературы XVIII в.

Кромѣ Новиковскихъ журналовъ, въ XVIII вѣкѣ издавались и другіе, въ содержаніи которыхъ мы находимъ матеріалъ для исторіи литературы. Въ 1767 г. былъ изданъ Императорской Академіей Наукъ журналъ „Библіотека Россійская историческая“. Въ I части: „Житіе преподобнаго Нестора“;—Лѣтопись Несторова съ продолжателями по Кенигсбергскому списку до 1206 года.

Въ журналахъ „Старина и Новизна“, изд. 1772—1773 г., изд. В. Г. Рубаномъ и „Опыты трудовъ Вольнаго Россійскаго собранія при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ“ 1774—1783 г.г. имѣется много мелкихъ сочиненій и переводовъ, касающихся какъ словесныхъ, такъ и другихъ наукъ.

Въ 1786 году Академіей Наукъ начало издаваться „Продолженіе Древней Россійской Вивліоѳики“, посвященное исключительно русской исторіи и исторіи литературы. Въ II части: „Новгородскій лѣтописецъ отъ 946 до 1441 г.“ [1]).

Сборникъ „Россійскій Ѳеатръ“, изд. при Импер. Академіи Наукъ 1786 г., имѣлъ цѣлью дать полное собраніе какъ печатныхъ, такъ и оставшихся еще въ рукописи театральныхъ пьесъ. Здѣсь мы имѣемъ произведенія Ломоносова, Сумарокова, имп. Екатерины, Хераскова, Николева, Майкова, Волкова, Фонъ-Визина, Княжнина и др. [2]) Всѣ перечисленныя изданія преслѣдовали одну цѣль: собрать историческій и лишь попутно—историко-литературный матеріалъ. Русскіе ученые не пробовали примѣнить къ изученію и объясненію его филологическаго метода. Этотъ методъ былъ принесенъ въ Россію и примѣненъ къ изученію русскаго матеріала нѣмецкимъ ученымъ—Авг. Шлецеромъ.

[1]) По рукоп. Акад. Наукъ, доставл. Татищевымъ.

[2]) Подробно у Неустроева въ его трудѣ „Историческое розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ“.

Шлецеръ, вызванный въ Россію Миллеромъ, внесъ большое оживленіе въ изученіе русской исторіи. „Все до сихъ поръ напечатанное въ Россіи, говоритъ Шлецеръ, дурно, недостаточно и невѣрно, но исторія Россіи должна быть создана, и прежде должны быть приготовлены средства къ этому“ [1]). Шлецеръ это и сдѣлалъ, главнымъ образомъ относительно разработки русскихъ лѣтописей. Онъ поставилъ историку-филологу задачей: 1) критическую обработку лѣтописей—выясненіе чрезъ сличеніе редакцій и установленіе текста; 2) грамматическую, т. е. объясненіе текста при помощи сравнительной грамматики; 3) историческую обработку, т. е. сличеніе лѣтописей и другихъ памятниковъ по содержанію.

Это былъ первый настоящій ученый, занимавшійся русской древней литературой. Онъ „исключаетъ изъ исторіи всѣ баснословные разсказы, въ какихъ-бы священныхъ книгахъ они ни находились, а исторію каждаго народа онъ считаетъ возможнымъ начинать только со времени появленія письменныхъ извѣстій о немъ. Онъ не удовлетворяется уже однимъ толкованіемъ текста и оцѣнкою извѣстій на основаніи ихъ вѣроятности — онъ критически относится къ показаніямъ автора и обращаетъ наибольшее вниманіе на критику текста“, задача его—возстановленіе текста Нестора [2]).

Заслуга Шлецера въ томъ, что въ его трудахъ сказалось большое знаніе научныхъ пріемовъ; онъ точно и ясно опредѣлилъ методы для разработки возстанавливаемыхъ источниковъ русской исторіи, являющихся матеріаломъ и для исторіи древней русской литературы. Шлецеръ задумалъ создать обширную и научно построенную русскую исторію или, какъ онъ писалъ, „обработать прагматически древнюю русскую исторію“; но это ему не удалось: слишкомъ мало разработаны были ея источники. Приходилось начинать съ оцѣнки и изданія ихъ, т. е. съ чисто филологической работы. Въ этой области мы имѣемъ серьезный трудъ Шлецера, это—„Несторъ“, который былъ изданъ Шлецеромъ заграницей, переведенъ на русскій языкъ въ началѣ XIX вѣка Языковымъ и изданъ въ 3 частяхъ въ

---

[1]) Кояловичъ, Исторія русскаго самосознанія, 1901.

[2]) В. Иконниковъ, Опытъ русской исторіографіи, I, ч. 1, стр. 8—9.

1809—1819 г. Въ трудѣ Шлецера „Несторъ“ онъ, при разборѣ лѣтописей, строго слѣдовалъ филологическому методу. Сличивъ списки, онъ отбрасываетъ то, что ему кажется позднѣйшимъ прибавленіемъ, искаженіемъ, и возстановляетъ предположительно подлинный текстъ „Нестора“. Пріемъ у него таковъ: сначала онъ печатаетъ данную часть текста по имѣющимся у него спискамъ, затѣмъ сводитъ въ одно, что ему кажется подлиннымъ, и даетъ уже очищенный текстъ. Всю эту работу онъ сопровождаетъ примѣчаніями, въ которыхъ приводитъ объясненіе текста изъ греческихъ, восточныхъ и западныхъ писателей. Несмотря на то, что Шлецеръ не пользовался расположеніемъ русскихъ ученыхъ, его научные пріемы имѣли въ свое время громадное значеніе, такъ какъ строгость и выдержанность его метода были новинкой для русскихъ ученыхъ его времени. Подъ вліяніемъ нѣмецкой школы образовались историко-литературныя понятія и среди русскихъ ученыхъ.

Однимъ изъ такихъ дѣятелей является прот. Петръ Ал. Алексѣевъ, духовный писатель XVIII вѣка (род. въ Москвѣ 1727 г., учился въ славяно-греко-латинской Академіи). Онъ былъ членомъ Вольнаго собранія и потомъ Россійской Академіи. Ученость Алексѣева была старомодная, но западноевропейская научность коснулась и его. Онъ усердно занимался изученіемъ древностей и зналъ не только печатныя книги, но и рукописи. Важнѣйшимъ трудомъ Алексѣева былъ Церковный словарь, изданный въ 1770 году (Церковный словарь, или истолкованіе реченій древнихъ, такожъ иноязычныхъ, безъ перевода положенныхъ въ Священномъ Писаніи и другихъ церковныхъ книгъ, сочиненный Московскаго Архангельскаго собора протоіереемъ и Московской духовной консисторіи членомъ Петромъ Алексѣевымъ) [1]. Хотя Алексѣевъ не собирался создать какія-либо филологическія разысканія, а хотѣлъ лишь дать дополнительное пособіе для чтенія церковныхъ книгъ, однако, словарь его не есть простой словарь въ обыкновенномъ значеніи этого слова. Кромѣ объясненія различныхъ мало понятныхъ словъ и формъ, въ словарѣ находится много объясненій историческихъ, археологическихъ, литературныхъ по различнымъ предметамъ

[1]) Пыпинъ, Исторія русск. этнограф., т. I., стр. 175.

церкви, церковнаго вѣроученія, исторіи, богослужебныхъ обрядовъ, церковныхъ обычаевъ и др. Источники, которыми пользовался Алексѣевъ, были очень разнообразны: во-первыхъ, книги церковныя и библейскія, писатели классическіе, византійцы, западные ученые XVII в., старая и современная ему русская литература. Онъ ссылается на рукописную лѣтопись, Палею, Пчелу; по библейской археологіи онъ вноситъ въ книгу толкованія европейскихъ ученыхъ, приводитъ реальныя объясненія древняго быта; онъ приводитъ подробности изъ народнаго быта и повѣрій. Трудъ Алексѣева былъ въ числѣ важнѣйшихъ пособій, послужившихъ для словаря Россійской Академіи.

Извѣстны его другіе труды: „Исторія греко-россійской церкви“, „Словарь еретиковъ и раскольниковъ“, изданіе „Православнаго исповѣданія“ Петра Могилы съ новыми объясненіями и друг., но такъ какъ они прямого отношенія къ исторіи литературы не имѣютъ, то останавливаться на нихъ мы не будемъ [1]).

Подъ вліяніемъ той же нѣмецкой школы образовались историко-литературныя понятія мало извѣстнаго, но замѣчательнаго дѣятеля, библіографа XVIII в., Дамаскина Руднева. Дамаскинъ Рудневъ воспитывался въ славяно-греколатинской академіи. Въ 1760 году, въ числѣ другихъ хорошо подготовленныхъ семинаристовъ, онъ былъ посланъ заграницу для довершенія образованія. Онъ провелъ шесть лѣтъ въ Геттингенѣ (1766—1772 г.), гдѣ его занятія распространялись на самые разнообразные предметы. Университетъ, въ средѣ профессоровъ котораго были замѣчательные ученые, возбуждалъ самостоятельную дѣятельность Дамаскина-Руднева. Слушая арабскій и еврейскій языки и объясненіе подлинныхъ текстовъ Писанія, Дамаскинъ-Рудневъ дѣлаетъ сличеніе славянской Библіи съ греческимъ оригиналомъ. Критическіе пріемы нѣмецкой школы Рудневъ примѣняетъ къ изученію источниковъ и литературы русской исторіи. По возвращеніи въ Россію, Рудневъ былъ назначенъ профессоромъ славяно-греко-латинской академіи, потомъ, принявъ монашество, былъ назначенъ ректоромъ академіи подъ именемъ Дамаскина; умеръ въ 1795 году.

[1]) Подробное изложеніе біографіи и трудовъ Алексѣева можно найти въ „Исторіи Рос. Акад.“ Сухомлинова, т. I, стр. 280—343.

Мы не будемъ останавливаться на перечисленіи всѣхъ трудовъ Дамаскина-Руднева [1]). Обширный трудъ Дамаскина-Руднева по русской библіографіи: „Библіотека Россійская по годамъ расположенная, отъ начала типографіи въ Россіи по нынѣшнія времена". Трудъ Дамаскина обнимаетъ собою книги, появившіяся въ печати отъ 1518 г. до 1699 г., онъ хранится въ рукописяхъ въ Московской духовной академіи. Въ началѣ Библіотеки помѣщено: „Краткое описаніе россійской ученой исторіи". Свою „Библіотеку" Дамаскинъ-Рудневъ не ограничиваетъ однимъ перечисленіемъ книгъ, онъ разсматриваетъ содержаніе и составъ произведенія, отличаетъ черты болѣе важныя. Если одно и то же сочиненіе находится въ нѣсколькихъ изданіяхъ и редакціяхъ, то онъ ихъ сравниваетъ; разсматривая составныя части сочиненій, онъ указываетъ, какія изъ нихъ встрѣчаются въ книгахъ другого содержанія. Онъ уже примѣняетъ отчасти методъ историко-критическаго изслѣдованія.

Ученую исторію Россіи Дамаскинъ Рудневъ дѣлитъ на три періода: первый—отъ начала письменности до книгопечатанія, или отъ Владиміра Мономаха до Іоанна Грознаго; второй—отъ книгопечатанія до введенія гражданскаго шрифта, или до Петра Великаго; третій—отъ Петра Великаго до новѣйшаго времени [2]).

Дамаскинъ Рудневъ для своихъ изслѣдованій пользовался библіотеками общественными и частными, бралъ книги у раскольниковъ и другихъ лицъ. Кромѣ печатныхъ книгъ, онъ упоминаетъ много рукописей. Зная языки, Дамаскинъ Рудневъ при сочиненіяхъ переводныхъ указываетъ на иностранные подлинники и дѣлаетъ важнѣйшія указанія переводовъ изъ византійской литературы.

Такимъ образомъ, одной изъ первыхъ заботъ реформъ XVIII в. было основаніе русской школы, приготовленіе русскихъ ученыхъ людей, которые могли бы самостоятельно разрабатывать науку и примѣнять ее къ различнымъ потре-

---

[1]) Подробно см. въ Исторіи Рос. Акад. Сухомлинова, т. I, стр. 159—183.

[2]) Библіотека Росс. или свѣдѣніе о всѣхъ книгахъ въ Россіи съ начала типографій на свѣтъ вышедшихъ. Трудъ еп. Дамаскина (Семенова-Руднева) 1737—1795. 1881. (Пам. Др. II. XX, и предисл. Тиханова).

бностямъ русской жизни. Въ Академіи началась разработка русской исторіи и исторіи литературы. Хотя дѣятели XVIII вѣка не оставили цѣльнаго законченнаго труда ни по исторіи, ни по исторіи литературы, но труды ихъ по разысканію, публикаціи и комментированію памятниковъ древне-русской литературы имѣли громадное значеніе, такъ какъ они положили начало примѣненію научныхъ методовъ.

Подводя итоги историко-литературнымъ изученіямъ въ Россіи XVIII в., мы видимъ, что эти изученія не были, во-первыхъ, самостоятельны, а тѣсно примыкали къ историческимъ и археологическимъ. Далѣе занятія эти сосредоточивались, главнымъ образомъ, на подготовительныхъ работахъ библіографическаго характера. Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ помнить, что къ началу XIX вѣка мы уже имѣли словари Дмитревскаго и Новикова; Церковный словарь Алексѣева; библіографическій трудъ Дамаскина-Руднева; начало разработки лѣтописей и особенно изученную лѣтопись Нестора. Въ журналахъ XVIII в. были уже опубликованы Сказаніе Кирилла Философа, путешествія русскихъ людей за границу; памятники русской драмы до XVIII вѣка и произведенія XVIII вѣка. Съ другой стороны научная разработка древностей вызывала дѣятельность частныхъ лицъ—любителей археологіи. Однимъ изъ такихъ дѣятелей является графъ Мусинъ-Пушкинъ, которымъ въ 1792 г. былъ купленъ у одного любителя словесности, монаха Спасо-Ярославскаго монастыря арх. Іоиля, Хронографъ; въ концѣ его было приписано „Слово о полку Игоревѣ“, которое изъ всѣхъ открытій XVIII вѣка представляетъ самый крупный интересъ для историковъ литературы до нашего времени.

§ 43. Важную роль въ изученіи исторіи русской литературы сыграли нѣкоторые моменты XIX в., особенно способствовавшіе разработкѣ знаній о прошломъ. Не менѣе важны были и труды нѣкоторыхъ выдающихся дѣятелей, дававшихъ толчекъ научному движенію и вносившихъ время отъ времени новые принципы и методы въ изученіе литературнаго матеріала. Подробно объ этомъ см. въ „Исторіи русской этнографіи“ А. Пыпина. Полезныя указанія на важнѣйшіе моменты изученія русской филологіи—см. въ замѣчательномъ трудѣ акад. И. В. Ягича „Исторія славян-

ской филологіи“ [1]), и въ „Опытѣ р. исторіографіи“ [2]) проф. В. С. Иконникова. Здѣсь мы упомянемъ лишь о наиболѣе выдающихся ученыхъ, подвинувшихъ изученіе исторіи русской литературы, преимущественно древней.

Въ началѣ 1804 г. возникло при Московскомъ Университетѣ Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, опубликовавшее втеченіе многолѣтней дѣятельности массу статей, изслѣдованій и матеріаловъ въ своихъ періодическихъ изданіяхъ. „Русскія достопамятности“, I—III, (1815, 1843 и 1844 г.г.) содержатъ: грамоты, посланія митрополитовъ XIII в. Никифора и Іоанна, правило митр. Кирилла XIII в., Слово о п. Игоревѣ и пр. „Чтенія“ Общества И. и Др. Р., издающіяся съ 1846 г., заключаютъ въ себѣ колоссальное количество научнаго матеріала и изслѣдованія, важныя для русскаго филолога. Съ основаніемъ этого Общества научная работа одиночекъ принимаетъ характеръ нѣкоторой организованности.

Изъ ученыхъ, трудившихся въ области подготовки и разысканія матеріаловъ для исторіи русской литературы въ первыя десятилѣтія XIX ст., слѣдуетъ назвать Кеппена (Библіографическіе листы), митр. Евгенія, Бантышъ-Каменскаго, Малиновскаго, П. Строева. „Но едва ли не замѣчательнѣйшимъ по таланту изъ всѣхъ этихъ дѣятелей археографіи“, замѣчаетъ Пыпинъ, „былъ Константинъ Калайдовичъ, даровитый, многосторонній ученый, съ яснымъ критическимъ взглядомъ, оказавшій наукѣ великую услугу открытіями въ старославянской и древней русской литературѣ“ [3]). Значительную роль въ оживленіи интереса къ русской филологіи сыграло просвѣщенное меценатство гр. Н. П. Румянцова. „Это, пишетъ о немъ М. П. Погодинъ [4]), былъ истинный, искренній любитель и знатокъ русской исторіи, что касается до частностей, въ которыхъ онъ не уступалъ никакому ученому спеціалисту... Все древнее, старинное возбуждало любопытство графа Румянцова; онъ читалъ постоянно все, относящееся къ русской исторіи, отыскивалъ

---

[1]) Энциклопедія слав. фил., изд. Имп. Акад. Н., вып., 1910 г., особенно гл. IV, VII, XIII, XVII,—XX, XXIV, XXX.

[2]) См. т. I, часть I.

[3]) Пыпинъ, Исторія русск. этнограф., I, стр. 223.

[4]) Судьбы археологіи въ Россіи, Ж. М. Н. Пр. 1869., сент., стр. 32 и сл.

вездѣ ея любителей, привлекалъ къ занятіямъ, искалъ случаевъ начинать историческія работы, задавалъ вопросы, указывалъ источники, снабжалъ книгами, поручалъ изслѣдованія, употреблялъ всѣ зависѣвшія отъ него средства для содѣйствія всякому предпріятію. Всякое открытіе принималось имъ къ сердцу"; онъ печаталъ, издавалъ научные труды; „около него составилось цѣлое общество ревностныхъ, трудолюбивыхъ, хлопотливыхъ дѣятелей, имъ найденныхъ, взысканныхъ, ободренныхъ, воспитанныхъ"... Капитальныя изданія слѣдовали одно за другимъ. Изъ относящихся къ исторіи литературы трудовъ, опубликованныхъ на средства гр. Румянцова, назовемъ: „Іоаннъ Экзархъ Болгарскій" Калайдовича, „Памятники XII вѣка", имъ же собранные; „Словарь р. писателей духовнаго чина" М. Евгенія, „Изслѣдованіе о Словѣ о полку Игоревѣ" Пожарскаго, второе (1818 г.) изданіе „Древн. росс. стихотвореній Кирши Данилова" [1]).

„Въ теченіе 1817—20 г.г. Строевъ и Калайдовичъ на средства Румянцова осмотрѣли многія монастырскія библіотеки и составили описанія имъ, положивъ послѣдними прочное основаніе трудамъ этого рода въ Россіи" [2]). Они открыли Изборникъ Святослава 1073 г., Похвалу кн. Владиміру, сочиненія Іоанна Дамаскина въ переводѣ Іоанна экз. Болгарскаго, сочиненія Кирилла Туровскаго и др. Первое печатное описаніе рукописей—было Описаніе рукописей гр. Ѳ. А. Толстого, составленное Строевымъ и изд. 1825 г.; за симъ слѣдовали 2 дополненія или прибавленія и Описаніе старопечатныхъ книгъ. Въ 1829 г. по иниціативѣ П. Строева отправилась на розыски древнихъ памятниковъ организованная имъ Археографическая экспедиція, и съ этого времени, какъ замѣчаетъ Иконниковъ [3]), „начинается новый періодъ въ дѣлѣ изслѣдованія и изданія матеріаловъ русской исторіи" — а мы добавимъ: и исторіи русской литературы, преимущественно древней. Въ 1829 г. экспедиція объѣхала Архангельскую и Воло-

---

[1]) О дѣятельности гр. Румянцова и его кружка см. у Иконникова, Опытъ русск. исторіографіи, I, ч. 1, стр. 132—243.

[2]) Иконниковъ, Опытъ р. исторіогр., I, ч. 1, стр. 173.

[3]) Опытъ, тамъ же, стр. 248.

годскую губ.; въ 1830—34 г.г.—губерніи Олонецкую, Новгородскую, Псковскую, Тверскую, Московскую, Ярославскую, Костромскую, Владимірскую, Нижегородскую, Казанскую и Вятскую, а также осмотрѣла рядъ библіотекъ, всего же 200 архивовъ и библіотекъ; найдены многочисленные историческіе и историко-литературные матеріалы [1]). Для разработки собранныхъ матеріаловъ и опубликованія ихъ была учреждена Археографическая Коммиссія (съ 22 февр. 1837 г.).

На 1830-е—1840-е годы падаетъ начало научной дѣятельности М. А. Максимовича, перваго профессора русской словесности и ректора Кіевскаго университета (съ 1834 по 1842 г.). Еще въ 1827 году онъ издалъ сборникъ малорусскихъ народныхъ пѣсенъ; позже, оставивъ ботанику, которую онъ преподавалъ въ Московскомъ университетѣ, сосредоточилъ свои силы на разработкѣ вопросовъ исторіи, археологіи, этнографіи и литературы, преимущественно южнорусской, при чемъ наиболѣе привлекали его тѣ явленія литературы, въ которыхъ наиболѣе выражается „народность“ [2]). Многочисленные труды Максимовича собраны (не всѣ) въ „Собраніи сочиненій“ 1876—1880 г. I—III; для филолога наиболѣе интересенъ томъ III-й, гдѣ помѣщены статьи о народной исторической поэзіи въ древней Руси, о „Пѣснѣ о полку Игоревѣ“, о различныхъ памятникахъ книжной южнорусской старины; есть интересныя статьи и во второмъ томѣ.

Въ тѣ же годы по изданію историко-литературныхъ матеріаловъ немало сдѣлалъ И. П. Сахаровъ. Его труды—нѣсколько сумбурные, некритичные, далекіе отъ требованій науки—все же для своего времени были откровеніемъ. Съ 1836 г. онъ начинаетъ издавать „Сказанія русскаго народа“, по обширному плану, имъ невыполненному всецѣло. Однако, „Сказанія“ въ 3-мъ изданіи 1841—49 г., въ своихъ двухъ томахъ заключали, кромѣ народныхъ пѣсенъ, пословицъ, загадокъ, былинъ,—также и Слово о п. Игоревѣ (съ 1-го изданія), Сказаніе о нашествіи Батыя (изъ Соф. Врем.), Моленіе Даніила Заточника, Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ

---

[1]) Тамъ-же, стр. 248—252.

[2]) Пыпинъ, Исторія р. этн., III, с. 16 и сл.

(т. I); древнерусскіе лексиконы, описанія древнерусскихъ свадебъ, и путешествія русскихъ людей, начиная съ паломника Даніила XII в., кончая Арсеніемъ Сухановымъ (XVII в.). Какъ справедливо замѣчаетъ Пыпинъ, „Сказанія“ были цѣлой энциклопедіей для изученія народности и старины. Кромѣ „Сказаній“, Сахаровъ издалъ: „Славяно-русскія рукописи“, 1839; „Русскіе древніе памятники“ 1842, 4⁰, съ 9 снимками со старопеч. книгъ; „Русское церковное пѣснопѣніе“ [1]), „Обозрѣніе славяно-русской библіографіи“, т. I, кн. 2-я (вып. 4-й), 1849. „Программа русской юридической палеографіи“ и „Лекціи русской палеографіи“, литогр. 1852. Собраніе рукописей Сахарова было пріобрѣтено гр. А. С. Уваровымъ. Будучи самоучкой, незнакомый ни съ исторической критикой, ни съ состояніемъ науки въ Европѣ, что и отразилось на качествѣ его трудовъ [2]), Сахаровъ для научнаго изслѣдованія памятниковъ древней литературы сдѣлалъ немного: изданія его—далеки отъ идеальныхъ требованій. Но онъ популяризовалъ идею изученія старины, обратилъ на послѣднюю вниманіе русскихъ образованныхъ круговъ. Вслѣдъ за Сахаровымъ потянулся рядъ любителей—самоучекъ. Изученіе старины или хотя бы любительскій интересъ дѣлаются съ этого времени модными, но не даютъ осязательныхъ результатовъ, кромѣ опубликованія случайныхъ памятниковъ древне-русской литературы. Объединяющая частности, идейная работа могла начаться только тогда, когда на поприще изслѣдованія старины выступилъ научный методъ, одухотворившій научную работу.

Замѣтный поворотъ въ изученіи исторіи русской литературы—наблюдается послѣ Бѣлинскаго, поставившаго извѣстные тезисы о бытіи или небытіи русской литературы и о времени ея возникновенія. До Бѣлинскаго господствовала художественная, эстетическая критика, не интересовавшаяся древнею письменностью, какъ продуктомъ грубой безсознательности. Послѣ Бѣлинскаго—своимъ прямолинейнымъ отрицаніемъ вызвавшаго естественную реакцію,—когда укрѣпились у насъ взгляды западно-европейской науки, сначала робко, постепенно, затѣмъ энергичнѣе и шире, подъ влія-

[1]) Ж. М. Н. Пр. 1849, февр., мартъ, іюль;

[2]) См. Пыпинъ, Ист. р. этногр., I, стр. 276—313.

ніемъ Гримма стало шириться научное отношеніе къ старинѣ и народности. Въ нихъ стали видѣть нѣчто свое, самобытное, въ противуположность художественной литературѣ XVIII в., развившейся подъ европейскимъ вліяніемъ [1]). Это было, конечно, также преувеличеніемъ: филологическое изученіе позже показало, насколько можно говорить о „самобытности“ древней русской литературы и народной словесности; но—толчекъ былъ данъ, ледъ равнодушія былъ сломанъ: отъ эстетическаго и философскаго безразличія и враждебности къ старинѣ—ученые и любители, по разнымъ побужденіямъ, обращаются къ изученію ея.

Но научному изслѣдованію не скоро удалось освободиться отъ этихъ привходящихъ элементовъ, въ силу условій развитія нашей общественности и до сихъ поръ тормозящихъ объективное изученіе явленій. Примѣромъ ученаго громадной эрудиціи, но растратившаго ее вотще—для характеризуемой эпохи можетъ служить профессоръ Московскаго университета Ст. Шевыревъ, о коемъ, какъ авторѣ обзора исторіи русской литературы—рѣчь будетъ ниже.

Слѣдующимъ этапомъ изученія русской литературы является дѣятельность проф. Ѳ. И. Буслаева. Его роль, на фонѣ трудовъ самоучекъ-археологовъ и тенденціозныхъ ученыхъ типа Шевырева—громадна. Онъ былъ ученымъ, стоявшимъ на уровнѣ европейской науки своего времени, отличался серіозной эрудиціей и незаурядным талантомъ. Буслаевъ взялъ себѣ руководителемъ научныхъ работъ Я. Гримма и слѣдовалъ ему съ рѣдкимъ тактомъ и умѣренностью, не впадая въ крайности миѳологической точки зрѣнія, подобно, напр., Ор. Миллеру. Онъ примѣнялъ методъ Гримма къ изученію явленій языка и литературы, соединяя съ научнымъ методомъ учителя и другую черту, также ему свойственную: онъ сочеталъ въ своихъ трудахъ критическій анализъ съ поэтическимъ чувствомъ, придававшимъ особую привлекательность его трудамъ, явившимся въ свѣтъ въ то время, когда у насъ спеціалисты насчитывались рѣдкими единицами, а типичнымъ читателемъ—былъ средне-образованный человѣкъ. Къ нему умѣло адресовался Буслаевъ,

[1]) Пыпинъ, Исторія этногр., II, стр. 135.

сѣя любовь и интересъ къ старинѣ, безъ Сахаровскихъ псевдо-народныхъ причитаній и сентиментальности. „Онъ", говоритъ Пыпинъ, „съ любовью раскрывалъ преданія старины, вникалъ въ ея затаенный смыслъ, собиралъ ея поэзію въ тѣхъ membra disjecta, въ которыхъ она по большей части у насъ сохранилась, и объяснялъ ее современному читателю" [1]).

Буслаевъ своими изслѣдованіями тѣсно связалъ древнюю литературу съ народной словесностью и расширилъ изученіе послѣдней сопоставленіемъ ея явленій съ явленіями аналогичными въ области западно-европейскихъ литературъ и исторіи искусства. „Ѳ. И. Буслаевъ—спеціалистъ и вмѣстѣ съ тѣмъ энциклопедистъ, не въ старомъ банальномъ смыслѣ этого слова и не въ новомъ, который представляется желаннымъ миражемъ всякому, работающему въ извѣстной области, а въ томъ хорошемъ и достижимомъ, который въ каждой спеціальной наукѣ ставитъ успѣхи въ зависимость отъ знаній группы наукъ, смежныхъ съ избранною, освѣщающихъ ее и направляющихъ ея выводы" [2]). Обладая недюжиннымъ талантомъ и способностью увлекать читателя, трактуя о самыхъ, казалось бы, спеціальныхъ вопросахъ, Буслаевъ оказалъ важное вліяніе на дальнѣйшую разработку вопросовъ древне-русской литературы, привлекши къ дѣлу свѣжія силы, новыхъ работниковъ.

Труды Буслаева, имѣющіе значеніе для историка русской литературы, собраны въ Историч. Очеркахъ русск. нар. словесности и искусства, I—II, 1861; также см. Мои досуги, I—II, 1886; Народная поэзія. Историч. очерки. 1887; имѣетъ до сихъ поръ значеніе и Историческая хрестоматія, составленная въ 1861 г. по порученію Главнаго Управленія военно-учебныхъ заведеній. Рукописное собраніе Буслаева поступило въ Импер. Публ. Библіотеку и описано И. А. Бычковымъ.

Вслѣдъ за Буслаевымъ, давшимъ рядъ блестящихъ гипотезъ и проложившимъ путь для разработки массы вопросовъ, выступили въ Петербургѣ—А. Н. Пыпинъ, въ Москвѣ—Н. С. Тихонравовъ, надолго ставшіе законодателями въ области изученія древне-русской литературы. Пыпинъ

---

[1]) См. Пыпинъ, Ист. русск. этногр., II, стр. 75—109; стр. 80.

[2]) Е. Аничковъ, Вопр. теоріи и психол. творч., I, 1-е изд., стр. 375.

одновременно съ европейскими учеными—Бенфеемъ и Либрехтомъ—явился у васъ первымъ солиднымъ изслѣдователемъ исторіи повѣствовательной литературы въ диссертаціи „Очеркъ литературной исторіи повѣстей и сказокъ", 1858 г., и апокрифовъ, которые изданы были имъ на средства гр. Кушелева-Безбородко въ „Памятникахъ старинной русской литературы" (т. III); позже онъ обратился къ изученію XVIII в.—драмы (Сочиненія Лукина, 1862 г.), масонской литературы и, наконецъ, сосредоточился на XIX в.: извѣстны всѣмъ, интересующимся эпохой Александра I, книга Пыпина „Общественное движеніе при Александрѣ I" 2-е изд. 1883 г. и другая—„Характеристика литературныхъ мнѣній отъ 20-хъ до 50-хъ годовъ" (2-е изд. 1890 г.), „Бѣлинскій, его жизнь и переписка" (2-е изд. 1908 г.), „Исторія русск. этнографіи" (4 т. т. 1890—1892), „Исторія русской литературы (4 т. т. три изданія). Изъ другихъ работъ Пыпина упомянемъ—собраніе свѣдѣній о позднихъ повѣстяхъ XVIII в., „Для любителей книжной старины", 1888, съ дополненіями въ сборникѣ „Починъ"; „Изъ исторіи народной повѣсти" 1887 [1]), „Дѣла о пѣсняхъ въ XVIII в.", 1900; Поддѣлки рукописей и нар. пѣсенъ, 1898; „Замѣтки по литературной археологіи", „Н. А. Некрасовъ", 1905; „М. Е. Салтыковъ", 1899, и кромѣ того, много статей, не имѣвшихъ отдѣльныхъ оттисковъ.

Тихонравовъ [2]), выступившій на ученое поприще также въ 50-хъ годахъ, какъ и Пыпинъ,—понялъ необходимость обратиться къ разысканію и опубликованію первоисточниковъ: имъ изданы „Отреченныя книги древней Россіи", „Драматическія произведенія"—1672—1720-хъ годовъ; онъ издавалъ въ 1859—62 г.г. „Лѣтописи русской литературы", гдѣ помѣщенъ былъ рядъ изслѣдованій и матеріаловъ, доставленныхъ имъ и его сотрудниками.

Въ трудахъ Тихонравова „вопросы исторіи литературы были поставлены въ томъ широкомъ объемѣ, въ какомъ стала понимать ихъ новая школа. Здѣсь нашли мѣсто и старая, и новая литература"... [3]).

Въ противоположность Буслаеву, Тихонравовъ не отличался стремленіемъ къ поэтическому полету мысли. Его

[1]) Пам. Др. Письм. LXIV.

[2]) См. Собраніе его сочиненій.

[3]) Пыпинъ, Истор. русск. этногр., II, стр. 137—143.

работы—плодъ вдумчиваго медленнаго, осторожнаго и методическаго анализа фактовъ. Онъ былъ не только изслѣдователемъ — его интересовали и теоретическія основанія историко-литературныхъ изученій. Свои воззрѣнія на задачи и пріемы изученія исторіи русской литературы онъ изложилъ въ рецензіи на 1-е изданіе „Исторіи русск. словесности“ Галахова [1]). Онъ не былъ пылкимъ энтузіастомъ: въ немъ преобладалъ ученый—аналитикъ, тонко и умѣло препарирующій матеріалъ. Сочиненія его переизданы въ 1898 г. (I—IV, 4 книги) съ біографіей, написанной Пыпинымъ. Собраніе рукописей, составленное Тихонравовымъ и поступившее по смерти его въ Моск. Публ. и Румянц. Музей—отчасти описано Г. П. Георгіевскимъ [2]).

Труды Тихонравова создали цѣлую школу, къ которой принадлежатъ крупнѣйшіе представители современной русской филологіи, изслѣдователи древне-русской литературы: В. М. Истринъ, М. Н. Сперанскій, А. В. Михайловъ, С. О. Долговъ, А. С. Орловъ и мн. другіе.

Слѣдуетъ упомянуть также и о преемникѣ Тихонравова по каѳедрѣ, М. И. Соколовѣ, проф. Моск. Унив., работавшемъ преимущественно въ области изученія апокрифической литературы („Матеріалы и замѣтки“ 1888 г.—главнымъ образомъ о компиляціи попа Іереміи, „Книга Еноха“ и др.); его ученики—продолжаютъ работу учителя.

Четвертымъ крупнымъ ученымъ, создавшимъ своего рода школу русскихъ историковъ литературы—былъ младшій современникъ Пыпина и Тихонравова—акад. Александръ Ник. Веселовскій. Рано посвятивъ свои силы изученію западно-европейскихъ литературъ и создавъ своеобразные взгляды на судьбу литературнаго развитія, а отсюда— и на задачи и пріемы историко-литературнаго изслѣдованія,— А. Веселовскій внесъ въ область изученія явленій древней и новой русской литературы такъ много своего, что нельзя пройти молчаніемъ его дѣятельность даже въ краткомъ очеркѣ исторіи литературныхъ изученій въ Россіи. Вопросовъ исторіи русской литературы А. Веселовскій касался

---

[1]) Отчетъ о 19-мъ присужд. Увар. наградъ; перепечатана въ Собр. сочиненій, I.

[2]) „Собраніе Н. С. Тихонравова, I. Рукописи“. М. 1913 г. Изъ Отчета Музея за 1912 г.

въ массѣ трудовъ [1]); такъ въ „Южно-русскихъ былинахъ“ онъ подвергъ анализу русскій народный эпосъ съ точки зрѣнія сравнительнаго метода; въ „Разысканіяхъ въ области духовнаго стиха“ изучилъ въ широкой сравнительной обстановкѣ русскіе духовные стихи; въ двухтомномъ трудѣ „Изъ исторіи романа и повѣсти“ обслѣдовалъ повѣсти византійскаго происхожденія и западно-европейскіе рыцарскіе романы, жившіе на русской почвѣ; многія детали русской апокрифической и легендарной литературы получили новое освѣщеніе въ его изслѣдованіяхъ „О Соломонѣ и Китоврасѣ“, въ „Опытахъ по исторіи христіанской легенды“ и др. Наконецъ, въ книгѣ о В. А. Жуковскомъ—разсмотрѣна поэзія сентиментальной души въ оболочкѣ моднаго романтизма. Главный трудъ жизни Веселовскаго—его историческая поэтика, о чемъ была рѣчь выше (стр. 201—216). Сочиненія Веселовскаго издаются Академіей Наукъ.

Преобразованная по смерти А. Шишкова Россійская Академія, образовавшая второе отдѣленіе Академіи Наукъ и пополненная новыми учеными членами—обнаружила съ 1850-хъ годовъ довольно энергичную дѣятельность въ разработкѣ вопросовъ русской филологіи. Двигателемъ научной работы былъ И. И. Срезневскій, человѣкъ съ сильнымъ умомъ, громадными свѣдѣніями, систематической подготовкой и энергичной волей. По его иниціативѣ Академія издаетъ съ 1852 г. „Извѣстія отд. русскаго языка и словесности“, существовавшія десять лѣтъ, и „Ученыя Записки“ того же отдѣленія; оба эти изданія чрезвычайно полезны были для развитія изученія древней русской литературы; многое, опубликованное въ нихъ, сохраняетъ научное значеніе и до нашего времени. Срезневскому принадлежитъ здѣсь значительное количество статей; кромѣ того, важное значеніе имѣютъ для русскаго филолога его „Древніе памятники русскаго языка и письма“, „Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ“ (91 замѣтка, 1867—1879 г.г.), „Славяно-русская палеографія“ 1885 г., незамѣнимый для русскаго филолога словарь древнерусскаго языка, вышедшій въ свѣтъ по смерти составителя—„Матеріалы для

[1]) См. Указатель къ научнымъ трудамъ А. Н. Веселовскаго, 1859—95, СПБ. 1896.

словаря др.-русскаго языка по письменнымъ памятникамъ", I—III, 1893—1912 г.г., и мн. другіе труды.

Важное значеніе для разработки исторіи литературы XVIII и XIX в.в. молодыми учеными, начавшими работать въ концѣ прошлаго столѣтія, имѣли труды и руководящія указанія академиковъ проф. М. И. Сухомлинова, проф. И. Н. Жданова и Леонида Ник. Майкова; послѣдній, какъ и его другъ и помощникъ (чл. кор. Акад. Наукъ) В. И. Саитовъ—никогда не стояли близко къ университету. Тѣмъ не менѣе подъ руководствомъ ихъ работали и отлились въ опредѣленный типъ изслѣдователей новой русской литературы: Сиповскій—авторъ изслѣдованій о Карамзинѣ, о русскомъ романѣ XVIII ст., Козминъ, написавшій книги о Полевомъ и Надеждинѣ, Лященко—издатель соч. Кольцова, авторъ работъ о Даніилѣ Заточникѣ, Ѳеодосіи и др., Модзалевскій—авторъ многочисленныхъ біографическихъ и генеалогическихъ работъ, Кубасовъ—авторъ изслѣдованія объ Измайловѣ, и многіе другіе Петербургскіе библіографы.

Развитію нашей науки въ прежніе годы препятствовалъ не только недостатокъ просвѣщенныхъ людей, или отсутствіе интереса къ наукѣ: XVIII вѣкъ и первыя три четверти XIX-го свидѣтельствуютъ, что порою въ научную работу вмѣшивались совершенно постороннія вліянія и иногда на десятки лѣтъ тормозили развитіе науки. Изъ массы примѣровъ приведемъ немногое: въ 1734 г. Синодъ сдѣлалъ препятствіе Академіи Наукъ въ печатаніи лѣтописей, а въ 1746 г. академику Миллеру, пожелавшему напечатать сибирскія лѣтописи,—такъ какъ въ нихъ находится „не малое число лжей, басней, чудесъ и церковныхъ вещей, которыя никакого имовѣрства не токмо недостойны, но и противны регламенту академическому, въ которомъ именно запрещается академикамъ и профессорамъ не мѣшаться никоимъ образомъ въ дѣла, касающіяся до закона"—и потому изданіе этихъ памятниковъ было остановлено [1]). Сочиненія пр. Максима Грека, взятыя изъ Софійской библіотеки, десять лѣтъ пребывали въ Московской духовной цензурѣ—и не были разрѣшены къ печати [2]); также встрѣчали препятствія гр.

---

[1]) Иконниковъ, Опытъ р. исторіографіи, I, ч. 1-я, стр. 83.

[2]) Тамъ-же, стр. 84.

Румянцевъ и Археографическая Коммиссія; Устряловъ испытывалъ затрудненія по поводу изданія сочиненій кн. Курбскаго и повѣстей о Смутномъ времени [1]); въ 1850-хъ годахъ В. Далю пришлось немало претерпѣть при изданіи пословицъ, а нѣсколько ранѣе — И. Кирѣевскому удалось провести чрезъ цензуру только духовные стихи— остальное собраніе пѣсенъ только много лѣтъ спустя получило право на изданіе. Много труда стоило Тихонравову напечатать въ 1863 году „Памятники отреченной литературы": два тома вышли, а третій—не удалось издать; при этомъ замѣтимъ, что въ „Памятникахъ" не разрѣшено было напечатать ни одного изъ апокрифическихъ евангелій..... Относительная свобода публикаціи матеріаловъ по исторіи древней русской литературы—наступила лишь въ концѣ XIX столѣтія, а по исторіи новой русской литературы — послѣ 1905 года.

Въ настоящее время Академіей Наукъ издаются „Извѣстія Отдѣленія русск. языка и словесности" (съ 1896 г.) и „Сборникъ отд. р. яз. и слов.". Кромѣ того, не мало важнаго для филолога въ Отчетахъ о присужденіи наградъ им. гр. Уварова, гр. Д. Толстого, Ломоносова, м. Макарія, а также въ общихъ „Запискахъ Имп. Акад. Наукъ" и въ „Византійскомъ Временникѣ", по исторіи новой р. литературы— полезно періодическое изданіе „Пушкинъ и его современники".

Кромѣ Академіи Наукъ, мы должны упомянуть еще: Императорское Общество Любит. Древн. Письменности, издающее много полезнаго историко-литературнаго матеріала въ двухъ серіяхъ: въ „Изданіяхъ" и въ „Памятникахъ". Важны для насъ и „Чтенія" Моск. Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, состоящаго при Московскомъ университетѣ, а также довольно многочисленныя періодическія изданія, посвященныя русской исторіи и исторіи русской литературы: Русскій Филологич. Вѣстникъ (Варш.), Журналъ Министерства Нар. Просвѣщенія, Ученыя Записки и Извѣстія университетовъ (Кіев., Петерб., Моск., Казанск., Юрьевск. и др.), Этнографическое Обозрѣніе, Живая Старина, Archiv für slavische Philologie Ягича, Byzantinische Zeit-

[1]) Тамъ-же, стр. 84.

schrift, Библіографъ, Библіографич. Записки, Русская Старина, Русскій Архивъ, Историческій Вѣстникъ, Минувшіе годы, Православный Собесѣдникъ, Правосл. Обозрѣніе, Богословскій Вѣстникъ, Христіанское Чтеніе, Труды Кіев. Духовн. Академіи (особенно за старые годы), Труды Археологическихъ Съѣздовъ, изданія Харьковскаго, Новорос., Нѣжинскаго ученыхъ обществъ, Чтенія въ Общ. Нестора Лѣтописца и др.

§ 44. Свѣдѣнія о главнѣйшихъ источникахъ. Въ „Опытѣ русской исторіографіи“ проф. Иконникова можно найти обстоятельную библіографію по общимъ вопросамъ, касающимся и изученія исторіи русской литературы, а также свѣдѣнія о дѣятельности ученыхъ обществъ. Упомянемъ здѣсь о томъ, что особенно необходимо знать историку русской литературы: 1) перечислимъ существеннѣйшія пособія по разысканію источниковъ исторіи р. литературы; 2)—охарактеризуемъ общіе обзоры и пособія для обозрѣнія исторіи р. литературы въ цѣломъ и 3)—предложимъ нѣсколько библіографическихъ указаній для оріентировки въ крупнѣйшихъ вопросахъ исторіи преимущественно древней р. литературы.

И спеціальныя изслѣдованія отдѣльныхъ вопросовъ, и общіе обзоры литературныхъ явленій требуютъ знанія источниковъ. Свѣдѣнія объ источникахъ для исторіи литературы мы почерпаемъ въ библіографическихъ трудахъ. Библіографія источниковъ исторіи русской литературы можетъ быть распредѣлена на три основныя группы: библіографія источниковъ рукописныхъ, старопечатныхъ (славянорусскихъ книгъ) и печатныхъ новыхъ.

1. О рукописныхъ источникахъ (т. е., объ источникахъ, дошедшихъ до насъ съ древнѣйшаго времени путемъ рукописной традиціи) мы узнаемъ изъ „Описаній“ и „Каталоговъ“ рукописей, хранящихся въ различныхъ библіотекахъ и архивахъ (объ описаніи рукописей см. выше § 30). Ниже мы перечислимъ важнѣйшія собранія рукописей съ указаніемъ, гдѣ можно почерпнуть свѣдѣнія объ ихъ составѣ. Предварительно упомянемъ, что изслѣдователю явленій древне-русской литературы приходится часто обращаться къ рукописной греческой (византійскаго періода); перечень каталоговъ греческихъ рукописей см. у V. Gardtha-

usen'a, Griechische Palaeographie, Leipz. 1879, pp. 430 et squu. Кромѣ того: — его же, Catalogus codicum graecorum sinaiticorum. Oxonii, 1886; Σακέλλιων, Πατμιακὴ Βιβλιοθήκη, ἐν Ἀθήναις, 1890; того же ученаго—Καταλογος τῶν χειρογράφων τῆς ἐθνικῆς Βιβλιοθήκης τῆς Ἑλλάδος, 1892; Spyr. Lambros, Catalogue of the greek manuscripts on mount Athos. Cambridge, I—II, 1895—1900. А. Παπαδοπούλου-Κεραμέως, Ἱεροσολυμιτικὴ Βιβλιοθήκη, ἐν Πετροπόλει, 1891—1899, I—IV (изд. Палест. Общ.) и др. Сборанія славяно-русскихъ рукописей имѣются въ городахъ:

Вильно: Ф. Добрянскій, Описаніе рукописей Виленской публичной библіотеки, церковно-славянскихъ и русскихъ, 1882. Дальнѣйшія свѣдѣнія о поступившихъ рукописяхъ—въ Отчетахъ библіотеки. П. Гильтебрандтъ, Рукописное отдѣленіе Виленск. Публ. библ., вып. I, II, 1871.

Владиміръ (губернск.): Недешевъ, Краткое описаніе рук. Церк.-истор. Древнехранилища при братствѣ св. бл. вел. кн. Александра Невскаго, вып. I, 1906.

Воронежъ: Воронежскій Губернскій Музей—Труды Воронежской Уч. Архивн. Комиссіи, I и II, 1902 и 1905 гг.; А. Назаревскій, Отчетъ о поѣздкѣ для занятій въ Ворон. Музеѣ, 1912.

Воскресенскій монастырь (Новый Іерусалимъ) подъ Москвою: арх. Леонидъ, Описаніе славяно-русск. рукоп. книгохранилища ставропигіальнаго Воскресенскаго, Новый Іерусалимъ именуемаго мон., 1871. (Чтенія, кн. I); арх. Амфилохій, Описаніе Воскресенской Ново-Іерусалимской библіотеки, съ прилож. снимковъ, 1876.

Выгорѣцкій монастырь (Олон. губ., Повѣнецк. у.): Е. Барсовъ, Описаніе рукописей и книгъ, хранящихся въ Выголексинской библ., 1874.

Екатеринославъ: Каталогъ Екатеринославскаго Областного Музея им. А. Н. Поля и В. Перетцъ, Отчетъ объ экскурсіи семин. р. филологіи въ Полтаву и Екатеринославъ, 1910 г.

Житомиръ: Краткое описаніе предметовъ древности, пожертвованныхъ въ Волынское Епархіальное Древлехранилище по іюль 1893 г., Почаевъ, 1893; О. А. Фотинскій, Краткое описаніе... съ 1 іюля 1893 г. по 1 авг. 1894 г., вып. 2, 1894; О. А. Фотинскій и свящ. Н. М. Бурчакъ-

Абрамовичъ, Краткое описаніе... отъ 1 авг. 1894 по 1 ноября 1898 г. Вып. 3-й. 1899; В. Перетцъ, Отчетъ объ экскурсіи семинарія р. филологіи въ Житомиръ, 1911 г.

Казань: Артемьевъ, Описаніе рукописей, хранящихся въ библіотекѣ Имп. Каз. Университета, СПБ. 1892; Описаніе рукописей Соловецкаго мон., находящихся въ библ. Казанской Дух. Академіи, I, II и часть III-го т., 1881—1898; свящ. Игнатьевъ, Краткій обзоръ крюковыхъ и нотнолинейныхъ рукоп. Соловецкой библіотеки. Приложеніе къ описанію Соловецк. библ., 1910.

Каменецъ-Подольскъ: прот. Е. Сѣцинскій, Музей Подольскаго Церк. Историко-Археологич. общества, 2. Опись предметовъ старины. (стр. 64—78).

Кіевъ: Церковно-Археологическій Музей при Духовн. Академіи — Н. И. Петровъ, Описаніе рукоп. Ц.-Арх. Музея при К. Дух. Академіи, I—IV, 1875—79; дальнѣйшія свѣдѣнія—въ отчетахъ Церк.-Археол. Общ.; Н. И. Петровъ, Описаніе рукоп. собраній, находящихся въ г. Кіевѣ, I—III, 1891—1904; В. Березинъ, Описаніе рукописей Почаевской лавры, хранящихся въ библ. Музея при Кіев. Дух. Академіи. 1881. Университетъ св. Владиміра: С. Масловъ, Обзоръ рукописей библіотеки Имп. Унив. св. Владимира, 1910; его же—Описаніе рукописей Историч. Общества Нестора лѣтописца, 1908; Г. Крыжановскій, Рукописныя Евангелія Кіевскихъ книгохранилищъ, 1889; А. Дмитріевскій, Описаніе рукоп. и книгъ, поступившихъ въ Церк.-Археолог. Музей при Кіев. Дух. Академіи изъ греч. Нѣжинской Михайло-Архангельской церкви. Тр. Кіев. Дух. Ак. 1885 г. кн., 4 и слѣд. Ю. Яворскій, Описаніе рукописей Импер. Александровской Кіев. гимназіи, 1913.

Кострома: И. В. Миловидовъ, Содержаніе рукописей, хранящ. въ Архивѣ Ипатьевскаго мон., вып. 1—2, 1887—1888 г.

Макарьевскій Унженскій мон. (Костром. губ.): И. Херсонскій, Описаніе старинныхъ рукописей, хранящихся въ архивѣ Макар.-Унженск. мон. 1887.

Минскъ: А. Снитко, Описаніе рукописнаго отдѣла и старопечатныхъ книгъ библіотеки Минскаго Церк. Историко-Археол. Комитета, в. 1, 1909.

Москва: Моск. Публичный и Румянцовскій Музей—А.

Востоковъ, Описаніе русскихъ и славянскихъ рукоп. Румянцовскаго Музеума, 1842; Викторовъ, Славянорусскія рукоп. Д. Пискарева, 1871; Собраніе рукоп. П. Севастьянова, 1881; Собраніе рукоп. И. Бѣляева, 1881; Г. П. Георгіевскій, Рукописи Н. С. Тихонравова, 1913; проч. см. въ ежегодныхъ Отчетахъ Музея. Моск. Синодальная библіотека—архим. Савва, Указатель для обозрѣнія Московской Патріаршей (нынѣ Синодальной) ризницы и Библіотеки, изд. 2, 1858; Горскій и Невоструевъ, Описаніе славянскихъ рукописей Моск. Синод. библ., I—IV, 1855—1869; В. М. Ундольскій, Описаніе славянскихъ рукописей Моск. Патріаршей библіотеки (Чт. О. И. Др. Р. 1867, кн. 2; только — часть, 110 рукописей); П. Петровъ, Книгохранилище Чудова монастыря, 1879; Н. Поповъ, Рукописи М. Син. Б. I. Новоспасское собраніе; Описаніе библ. Моск. Успенскаго собора—въ Чт. въ Общ. Ист. и Др. р. 1895, кн. 3. Н. Поповъ, Собраніе рукописей Моск. Симонова мон. 1910. Библіотека Моск. Синодальной Типографіи—описана пока въ пяти выпускахъ: I, А. Орловъ, Сборники, 1896; II, В. Погорѣловъ, Сборники и лексиконы, 1899; III, В. Погорѣловъ, Псалтыри, 1901; IV, онъ-же, Матеріалы и оригиналы Вѣдомостей 1702—1727 гг., 1903; V, А. Покровскій, Календари и святцы, 1911. Импер. Общество Исторіи и Древностей Росс.—П. Строевъ, Библіотека Имп. О. И. Др. Р., 1845; Е. И. Соколовъ, Библіотека Имп. О. И. и Др. Р. Выпускъ второй. Описаніе рукоп., поступившихъ съ 1846 по 1902 г. 1905. Библіотека П. И. Щукина—нынѣ поступила въ Историч. Музей: А. И. Яцимирскій, Опись старинныхъ славянскихъ и русскихъ рукоп. собранія Щукина, I, II, 1896—1897. Библіотека Моск. Единовѣрческаго монастыря: А. Поповъ, Описаніе рукописей и каталогъ книгъ церк. печати библіотеки А. И. Хлудова, 1872; Первое прибавленіе 1875; Моск. Историческій Музей—свѣдѣнія о рукоп. въ Отчетахъ Музея. Е. И. Соколовъ, Опись 24 рукописей Ѳ. И. Буслаева, нынѣ принадлежащихъ библіотекѣ Импер. Моск. университета, 1900. Описаніе нѣкоторыхъ южно-русскихъ и западно-русскихъ рукописей, находящихся въ рукоп. собраніи Е. В. Барсова, Чт. О. И. Др. Рос., 1884 г., кн. 2.

Нѣжинъ: Историко-филологическій Институтъ кн. Безбородка—М. Сперанскій, Описаніе рукоп. библіотеки Ист.-

Филол. Института кн. Безбородко въ Нѣжинѣ, 1900; То же, „Окончаніе", 1901; М. Сперанскій, Рукописное собраніе библіотеки Ист.-Фил. Инст. кн. Безбородко, пріобрѣтенія 1901—1905 гг. 1905; Е. В. Пѣтуховъ, Замѣтки о нѣкоторыхъ рукописяхъ, хранящихся въ библ. Ист.-филол. Института... 1895.

Одесса: Новороссійскій университетъ—В. Мочульскій Описаніе рукописей В. И. Григоровича. 1890 г. (Лѣтоп. Ист.-Филол. Общества при Имп. Новор. Унив.); А. В. Рыстенко, Рукописи, принадлеж. библіотекѣ Импер. Одесск. общ. Исторіи и древностей, вып. 1-й, Одесса, 1910.

Орелъ: И. Е. Евсѣевъ, Описаніе рукописей, хранящихся въ Орловскихъ древлехранилищахъ. Вып. 1, 1905 г.; 2-й—1906; 3-й—1907 г.

Петербургъ: Въ Импер. Публ. библіотекѣ—Древлехранилище Погодина (есть рукописный инвентарь; обзоръ рукописей Погод. скоро будетъ нами опубликованъ); есть и общій рукоп. каталогъ всѣхъ рукописей; напечатаны описанія: А. Бычковъ, Описаніе церк. слав. и русскихъ рукописныхъ сборниковъ И. П. Б, ч. I, 1882; И. А. Бычковъ, Каталогъ собранія рукописей Ѳ. И. Буслаева, Каталогъ собранія рукопис. П. Савваитова, вып. 1 и 2, 1900—1902г.г.; Каталогъ собранія славянор. рукоп. П. Д. Богданова, вып. 1 и 2, 1891—93 гг. Калайдовичъ и Строевъ, Обстоятельное описаніе славяно-россійскихъ рукописей гр. Ѳ. А. Толстова, М. 1825, 1-е прибавленіе—СПБ. 1825 г., 2-е—М. 1827; А. Титовъ (рукописи его пожертвованы въ Имп. П. Б.), Описаніе славяно-русскихъ рукописей А. А. Титова т. I, ч. 1, 1893 г., ч. 2-я—1901 г.; т. II, 1900.; т. III, 1903 г.; т. IV 1901 г.; т. V, 1906 г. Собранія Михайловскаго и Тиханова описаны В. Майковымъ и вскорѣ выйдутъ въ свѣтъ; далѣе см. въ ежегодныхъ „Отчетахъ И. П. Б." (послѣдній—за 1906 г,); П. Лавровскій, Описаніе семи рукоп. Имп. П. Библ., М. 1859. Библіотека Импер. Академіи Наукъ: Каталогъ обстоятельный рукописнымъ книгамъ, къ россійской исторіи и географіи принадлежащимъ и въ академической библіотекѣ находящимся, сдѣланный ст. сов. Соколовымъ, 1818; того-же автора—Каталогъ обстоят. рукописнымъ книгамъ свящ. писанія... 1818; В. Срезневскій, Отчетъ о поѣздкѣ въ Вологодскую губ. СПБ. 1903; Отчетъ о поѣздкѣ

въ Олонецкую, Вологодскую и Пермскую губ. 1904; Свѣдѣнія о рукописяхъ, печатныхъ изданіяхъ и др. предметахъ, поступившихъ въ рукоп. отд. библіотеки Имп. Акад. Н. въ 1900 и 1901 г., 1902 г.; Свѣдѣнія о рукописяхъ... поступившихъ въ 1900 и 1901 г. Приложеніе 1-е, 1903 г.; Свѣдѣнія о рукоп... поступившихъ въ 1902 г., 1903 г.; Свѣдѣнія о рукоп., поступившихъ въ 1903 г., 1904 г.; Охранная опись рукоп. отдѣленія библ. Имп. Ак. Н. I, Книги Свящ. Писанія, 1905. Свѣдѣнія о рукописяхъ... поступившихъ въ 1904 г., 1907. Вс. Срезневскій и Ѳ. Покровскій, Описаніе рукописнаго отдѣленія библ. Имп. Академіи Наукъ 1. Рукописи, т. I. Книги Свящ. Писанія и богослужебныя, СПБ. 1910 г. Духовная Академія: Куприяновъ, Обозрѣніе пергаменныхъ рукописей Новг.-Соф. библіотеки, 1857 г. Смирновъ, Описаніе рукоп. сборниковъ Нов.-Соф. библ., 1865. А. Родосскій, Описаніе 432-хъ рукописей, принадл. СПБ. Духовной Академіи и составляющихъ ея первое по времени собраніе, 1894; Д. И. Абрамовичъ, Софійская библіотека, I—III, 1905—1906. Императ. Общ. Любит. Древн. Письменности: Х. Лопаревъ, Опис. рукоп. И. О. Л. Др. Письм., I—III. 1892—1899. Описаніе рукописей кн. П. П. Вяземскаго, 1902. Археографическая коммиссія: Н. Барсуковъ, Рукописи Археогр. Коммиссіи, 1882; Н. Сидоровъ, Рукописи Имп. Археогр. Комм. Первое прибавленіе, 1907. Императорское Русское Археологическое Общество: Д. Прозоровскій, Опись древнихъ рукописей, хранящ. въ Музеѣ Импер. Р. Археол. Общ. 1879. Архивъ Св. Синода: А. И. Никольскій, Описаніе рукоп., хранящихся въ Архивѣ св. Синода, I, II, вв. 1 и 2, 1900—1910.

Полтава: „Полтавское Епарх. Древлехранилище“, сост. свящ. Трипольскій; В. Перетцъ, Отчетъ объ экскурсіи семинарія р. филологіи въ Полтаву и Екатеринославъ, губернскій Музей—въ Земскомъ Домѣ—см. тамъ же.

Порѣчье, библіотека гр. Уваровыхъ: арх. Леонидъ, Систематическое описаніе славяно-русскихъ рукописей собранія гр. А. С. Уварова, I—IV, 1893—1894; (П. Строевъ) Каталогъ славяно-россійскихъ рукописей, принадлежащихъ московскому первой гильдіи купцу... И. Н. Царскому. М. 1836 (собраніе Царскаго было пріобрѣтено гр. Уваровымъ), и Рукописи славяно-россійскія, принадлежащія И. Н. Царскому, 1848 г.

Псковъ: И. А. Шляпкинъ, Описаніе рукописей и книгъ Музея археологич. коммиссіи при Псковскомъ губ. статист. комитетѣ. 1879.

Ржевъ (Тверск. губ.): П. Ѳ. Симсонъ, Описаніе рукописей, принадлежащихъ П. Ѳ. Симсону. Тверь, 1903 г. (частное собраніе).

Ростовъ (Яросл. губ.): А. Титовъ, Описаніе рукописей Ростовскаго Музея церк. древностей, 1886—1889; А. Титовъ, Рукописи славянскія и русскія, принадлежащія И. А. Вахромѣеву, тт. I—VI, 1888—1907 (перешло въ Моск. Истор. Музей).

Саратовъ, Братство св. Креста: А. Лебедевъ, Рукописи Братства св. Креста... вып. 1, 1910, и вып. 2 (окончаніе), 1913 (безъ года).

Сергіевъ-Посадъ: Библіотека Троице-Сергіевой лавры: (іером. Иларій и Арсеній) Описаніе славянскихъ рукописей библіотеки Свято-Троицкой Сергіевой Лавры, чч. I—III, 1878—79; арх. Леонидъ, Славянскія рукописи, хранящіяся въ ризницѣ Свято-Троицкой Сергіевой Лавры, 1880; Арх. Леонидъ, Свѣдѣнія о славянскихъ рукописяхъ, поступившихъ изъ книгохранилища св. Троицкой Сергіевой Лавры въ библ. Троицкой Дух. Семинаріи въ 1747 г. (нынѣ находящихся въ библ. Моск. Дух. Академіи), вып. 1, 1887, (пергаменныя и бумажныя рукописи), вып. II (рукоп. на бумагѣ), Чт. О. И. и Др. 1883, 1884 и 1885 гг; іером. Іосифъ, Опись рукописей, перенесенныхъ изъ библіотеки Іосифова мон. въ библ. Московской Духовной Академіи, 1881 (Чтенія О. И. и Др. кн. 3); С. Муретовъ, Описаніе рукоп. библ. Виѳанской Дух. Семинаріи, 1897.

Смоленскъ: Духовная Семинарія—Д. К. Вишневскій, Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Смоленскѣ. Вып. 1-й, рукописи на латинск. яз. Смоленской семинарской библіотеки, 1901.

Слуцкъ (Минск. губ.): Тройчанскій монастырь—А. Снитко, Описаніе рукоп. и старопеч. книгъ Тройч. мон., Минск. Старина, II, 1911 г.

Суздаль, Спасо-Евфиміевъ монастырь: И. А. Шляпкинъ, Описаніе рукописей Суздальскаго Спасо-Евфиміева мон., 1880 (изъ Пам. Др. Письм., вып. 4).

Тверь: М. Сперанскій, Описаніе рукописей Тверского Музея, в. 1, 1891 г.; вып. II—1904 г.

Тихвинъ:—Г. Кунцевичъ, Опись рукописей Тихвинскаго Успенскаго мон., 1908 (Изъ Изв. отд. р. яз. и слов.).

Флорищева Пустынь (Гороховецк. у. Владимірск. губ.): В. Георгіевскій, Флорищева Пустынь... 1896.

Черниговъ, Духовная Семинарія: М. И. Лилеевъ, Описаніе рукописей, хранящ. въ библіот. Черниг. Дух. Семинаріи, 1880 (и въ Пам. Др. Письм.).

Ярославль: іером. Владиміръ, Ярославскій Спасо-Преображенскій монастырь, что нынѣ архіер. домъ, 1881.

Кромѣ того, назовемъ нѣсколько работъ, имѣющихъ болѣе общій характеръ и заключающихъ въ себѣ свѣдѣнія о рукописяхъ, находящихся въ разныхъ мѣстахъ. П. Строевъ, Описаніе рукописей монастырей Волоколамскаго, Новый-Іерусалимъ, Саввина-Сторожевскаго и Пафнутьева-Боровскаго, 1891. А. Викторовъ, Описи рукописныхъ собраній въ книгохранилищахъ Сѣверной Россіи. 1890. П. Владимировъ, Обзоръ южно-русскихъ и западно-русскихъ памятниковъ письменности отъ XI до XVII в. 1890 (нѣсколько устарѣлъ, нуждается въ серіозныхъ дополненіяхъ). Н. Рузскій, Свѣдѣнія о рукописяхъ, содержащихъ въ себѣ „Хожденіе въ святую землю русскаго игумена Даніила“. 1891. А. Шиловъ, Описаніе рукописей, содержащихъ лѣтописные тексты. (Лѣтоп. зан. Археогр. комм. 1909, кн. XXII и отд). И. Срезневскій, Обозрѣніе древнихъ русскихъ списковъ Кормчей книги, 1897. Г. Кунцевичъ, Исторія о казанскомъ царствѣ. Ея списки. 1902. М. Халанскій, Экскурсы въ область древнихъ рукописей и старопеч. изданій, I—XXII, 1900—1902. Я. И. Бередниковъ, О нѣкоторыхъ рукописяхъ, хранящихся въ монастырскихъ и друг. библіотекахъ. Ж. М. Н. Пр. 1858, кн. 6. и Куприяновъ, тамъ же, 1853 г., кн. 12. В. Ундольскій, Библіографическія розысканія, М. 1846 г. И. Сахаровъ, Славяно-русскія рукописи, 1839 (48 рукописей). А. Востоковъ, Описаніе рукописныхъ и печатныхъ книгъ словенскихъ, принадлежащихъ д. с. с. А. С. Норову. 1836 (изъ Ж. М. Н. Пр., кн. 9).

Перечислимъ нѣкоторыя описанія славяно-русскихъ рукописей, находящихся въ заграничныхъ библіотекахъ: С. Строевъ, Описаніе памятниковъ славяно-русской

литературы, хранящихся въ публичныхъ библіотекахъ Германіи и Франціи. М. 1841. В. Ламанскій, О нѣкоторыхъ славянскихъ рукописяхъ въ Бѣлградѣ, Загребѣ и Вѣнѣ, 1864. Гр. Воскресенскій, Славянскія рукописи, хранящ. въ заграничныхъ библіотекахъ, Берлинской, Пражской, Вѣнской, Люблянской, Загребской и двухъ Бѣлградскихъ. 1882.

Аѳонъ: Г. Ильинскій, Рукописи Зографскаго монастыря на Аѳонѣ. Софія. 1908. Арх. Леонидъ, Славяносербскія книгохранилища на св. Аѳонской горѣ, въ мон. Хиландарѣ и св. Павлѣ. 1875.

Румынія: А. И. Яцимирскій. Славянскія и русскія рукописи румынскихъ библіотекъ, 1905; его-же—Слав. рукописи Нямецкаго мон., 1898; Ѳ. Калужняцкій, Сборники Нямецкаго мон. №№ 20 и 106. 1907. (Сб. отд. р. яз. и слов. т. LXXXIII).

Болгарія: Е. Спространовъ, Описъ на рукописитѣ въ библіотеката при св. Синодъ на българската църква въ София. 1900; его же—Описъ на рукописитѣ въ библіотеката при Рилския манастиръ. 1902; Цоневъ, Описъ рукописитѣ и старопечатнитѣ книги на Народната Библиотека въ София, 1910.

Сербія: Л. Стояновичъ, Каталог Народне Библиотеке у Београду, Рукописи и старе штампане књиге 1903; того-же автора —Каталог рукописа и старих штампаних книг. Збирка С. К. Академије. 1901; другія описанія см. у Поповича, Обзоръ исторіи серб. литературы, СПБ. 1912 г.; М. Сперанскій, Замѣтки о рукописяхъ Бѣлградскихъ и Софійской библіотекъ, 1898.

Австрія вообще: В. Розовъ, Отчетъ о командировкѣ въ Австрію въ 1907 г. 1908. (Львовъ, Краковъ, Прага).

Прага: М. Сперанскій, Рукописи Павла Іосифа Шафарика (нынѣ Музея королевства чешскаго) въ Прагѣ. 1894.

Львовъ: И. Свѣнцицкій, Церковно-и Русско-славянскія рукописи Публичной библіотеки Народнаго Дома во Львовѣ, 1904; его-же: Описаніе иноязычныхъ и новѣйшихъ карпато-русскихъ рукописей библіотеки Нар. Дома во Львовѣ, 1905; Опись Музея Ставропигійскаго Института во Львовѣ, 1908; Рукописи Львівських збірок, вип. I, 1906; II—III, 1911. (т.т. I, VI и VII Українсько-руського

Архива, изд. Тов. ім. Шевченка); Славянскія и русскія рукописи библ. Оссолинскихъ—см. въ нашемъ „Отчетѣ о занятіяхъ во время заграничной командировки 1907 г.“.

Г. Кунцевичъ, Перечень русскихъ рукописей герцогской библіотеки въ Вольфенбюттелѣ, 1912.

Парижъ: Ѳ. Булгаковъ, Славяно-русскія рукописи Парижской Библіотеки, съ выписками изъ нихъ сообщ. И. М. Мартыновымъ, Пам. Древн. Письм. 1879 г., вып. 4-й.

Стокгольмъ: кн. В. Оболенскій, Рукописи о Россіи въ Корол. Библіотекѣ въ Стокгольмѣ, Пам. Др. Письм. 1880 г., вып. 1-й; К. Якубовъ, Русскія рукопоси Стокгольмскаго Госуд. Архива, 1891.

Упсала: кн. В. Оболенскій, Рукописи по Русской исторіи въ Упсальскомъ университетѣ, Пам. Пр. Письм. 1880 г., вып. 1-й.

Дрезденъ: В. Ханыковъ, Дрезденская Королевская библіотека и хранящіяся въ ней рукописи, относящіяся до русской исторіи, Тр. Росс. Акад. 1840 г., кн. III. С. Ф. Шевченко, Кирилловскія рукописи Дрезденской Корол. Публ. библіотеки, 1911.

Іерусалимъ: И. Красносельцевъ, Славянскія рукописи патріаршей библіотеки въ Іерусалимѣ, 1889.

Объ источникахъ печатныхъ мы узнаемъ изъ библіографическихъ работъ, посвященныхъ старопечатнымъ и новымъ печатнымъ книгамъ.

О старопечатныхъ книгахъ мы узнаемъ изъ ряда работъ. Назовемъ лишь нѣкоторыя: желающій получить болѣе подробныя свѣдѣнія обратится, напр., къ Энц. словарю Брокгауза-Эфрона, 2-е изданіе, и въ статьѣ П. К. Симони найдетъ все необходимое.

Сопиковъ, Опытъ о Россійской библіографіи, I—V чч., 1813; есть новое изданіе В. Рогожина съ указателемъ. Свѣдѣнія о старопеч. книгахъ — въ 1-й части. П. Кеппенъ, Хронологическая роспись первопечатнымъ словенскимъ книгамъ, Библіограф. Листы, 1825 г. Соколовъ, Каталогъ обстоятельный богословскимъ книгамъ... находящ. въ 1-мъ отд. библіотеки Имп. Академіи Наукъ, 1832. П. Строевъ, Обстоятельное описаніе старопечатныхъ книгъ славянскихъ и россійскихъ, хранящ. въ библ. гр. Ѳ. А. Толстова. 1829. П. Строевъ, Описаніе старопеч. книгъ слав., нахо-

дящихся въ библ. И. Н. Царскаго, 1836 г. П. Строевъ, Описаніе старопеч. книгъ славянскихъ, служащее дополненіемъ къ описаніямъ библіотекъ гр. Ѳ. А. Толстова и купца И. Н. Царскаго, 1841. И. Сахаровъ, Обозрѣніе славяно-русской библіографіи, 1849, вып. 4-й 2-й книги 1-го тома. И. Каратаевъ, Хронологическая роспись славянскихъ книгъ, напечатанныхъ кирилловскими буквами, 1491—1730. 1861 г. и Описаніе славяно-русскихъ книгъ, напеч. кирилл. буквами, т. I съ 1491 по 1652. 1883 г. (Сборн. Отд. р. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ, т. XXXIV.) В. Ундольскій, Очеркъ славяно-русской библіографіи, съ дополн. А. Бычкова и А. Викторова. М. 1871. Я. Головацкій, Дополненія къ Очерку славяно-русской библіографіи В. Ундольскаго, 1874 г. и Библіографическія находки во Львовѣ, 1873. С. Т. Голубевъ, Библіографическія замѣчанія о нѣкоторыхъ старопеч. церк.-слав. книгахъ преимущественно к. XVI—XVII ст. 1876. А. Родосскій, Свѣдѣнія о нѣкоторыхъ рѣдкихъ экземплярахъ церк.-слав. книгъ XVII—XVIII ст., хранящихся въ Петерб. Дух.Акад. 1880, и Описаніе старопечатныхъ и церковно-славянскихъ книгъ, хранящ. въ библ. С.-Петерб. Дух. Академіи, I (1491—1700 г.) 1891 г.; II (1701—1897 г.) 1898 г. Э. Калужняцкій, Къ библіографіи церк.-славянскихъ печатныхъ изданій въ Россіи, 1887; Еще нѣсколько прибавленій къ библіографіи русскихъ церк. изданій, Э. І. Калужняцкаго, 1890. Токмаковъ Хронологическій каталогъ славяно-русскихъ книгъ церк. печати съ 1517 по 1821 библіотеки Моск. Главнаго Архива Мин. Иностр. Дѣлъ, 1879. Е. Сѣцинскій, Музей Подольскаго Церк.-Археологическаго Общества I. Опись старопечатныхъ книгъ, 1904. И. Свѣнцицкій, Выдавництво Церковного Музея во Львовѣ I. Каталогъ книгъ церк.-славянской печати. Жовква 1908. А. Миловидовъ, Описаніе славяно-русскихъ старопечатныхъ книгъ Виленск. Публ. библ. 1481—1800 гг. 1908.

Другія указанія, кромѣ статьи Симони, см. въ нашихъ Критико-библіогр. обзорахъ I-й и II-й серіи.

Мы не будемъ долго останавливаться на библіографическихъ пособіяхъ, изъ которыхъ узнаемъ о произведеніяхъ новаго времени: въ примѣчаніяхъ къ вводной главѣ въ 1-мъ томѣ Исторіи р. литературы ак. Пыпина, въ упомяну-

той статьѣ П. К. Симони въ Энц. словарѣ Брокгауза-Эфрона (изд. 2-е), въ статьѣ Н. М. Лисовскаго въ Большой Энциклопедіи—можно почерпнуть богатыя свѣдѣнія о библіографіи новыхъ печатныхъ русскихъ книгъ. Мы перечислимъ лишь наиболѣе важное изъ библіографіи книгъ гражданской печати: П. Пекарскій, Наука и литература въ Россіи при Петрѣ В., т. II, 1862. А. Бычковъ, Каталогъ хранящимся въ Имп. Публ. библ. изданіямъ, напечатаннымъ гражданскимъ шрифтомъ при Петрѣ В. 1867. Библіотека А. В. Петрова, Собраніе книгъ, изд. въ царствованіе Петра В, изд. 2-е, доп. 1913; Бакмейстеръ, Russische Bibliothek zur Kenntniss des gegenwärtigen Zustandes der Literatur in Russland, St. Petersburg, Riga, Leipzig, 1772—1787, I—XI. А. Шторхъ и Ф. Аделунгъ, Систематическое обозрѣніе литературы въ Россіи въ теченіе пятилѣтія съ 1801 по 1806 г., I—II, 1810—1811 гг. В. Сопиковъ, Опытъ россійской библіографіи, I—V, 1813; есть новое изданіе съ поправками и указателемъ В. Рогожина. В. Плавильщиковъ, Роспись россійскимъ книгамъ для чтенія изъ библіотеки В. Плавильщикова, систематическимъ порядкомъ расположенная, I—III, 1820, съ указателемъ 1821 г. и пятью прибавленіями 1821—1826 гг. В. Анастасевичъ и А. Смирдинъ, Роспись россійскимъ книгамъ для чтенія изъ библіотеки А. Смирдина, 1828, съ 4 прибавленіями. В. Межовъ, Библіографическій указатель исторіи русской и всеобщей словесности, 1872. В. Межовъ, Русская историческая библіографія за 1865—1876 годы включительно, I—VIII, 1892—1890. А. Мезіеръ, Русская словесность съ XI по XIX ст. включительно, I—II, 1899—1902. С. Венгеровъ, Русскія книги съ библіографическими данными объ авторахъ и переводчикахъ I—III, 1897—1899 (А.—Вавиловъ).

Важнѣйшіе труды по обозрѣнію періодическихъ изданій: А. Неустроевъ, Историческое розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 гг., библіографически и въ хронологическомъ порядкѣ описанныхъ, 1875; его-же, Указатель къ русскимъ повременнымъ изданіямъ и сборникамъ за 1703—1802 гг. и къ историческому розысканію о нихъ А. Н. Неустроева. 1898. Н. Лисовскій, Русская періодическая печать 1703—1900 гг.,

вып. I—III, 1901—1913 гг. (таблицы). С. Срезневскій, Списокъ русскихъ повременныхъ изданій съ 1703 по 1899 г. съ свѣдѣніями объ экземплярахъ, принадлежащихъ библ. Имп. Академіи Наукъ. 1901.

§ 45. Пособія общаго характера. Ихъ можно раздѣлить на двѣ категоріи: 1) справочные словари и 2) систематическіе курсы и обзоры.

1. Уже въ XVIII в. вслѣдъ за чисто библіографическими трудами стали появляться такіе, авторы коихъ интересовались не только книгами и ихъ исторіей, но и авторами книгъ, ихъ біографіями, характеромъ и направленіемъ дѣятельности; мы имѣемъ въ виду біографическіе словари:

Дмитревскаго, „Nachricht von einigen russischen Schriftstellern nebst einem kurzen Berichte vom russ. Theater“ Лейпцигъ, („Neue Bibliothek der schönen Wissenschaften“... 1768 г.), французскій переводъ 1771 г., 1774 г., русскій—въ „Библіографическихъ Запискахъ“—1861 г., новое изданіе въ „Матеріалахъ для исторіи русской литературы“, Ефремова, 1867 г. Н. И. Новикова, „Опытъ историческаго Словаря о россійскихъ писателяхъ“ 1772 г. (переизданъ также Ефремовымъ). Митр. Евгенія Болховитинова „Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина“,—1818 и 1827 гг., 2 части, и „Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей“, 1838 и 1845 гг., 2 части. Г. Геннади, Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ XVIII и XIX ст., и списокъ русскихъ книгъ съ 1725 по 1825 г., Берл. I т., 1876 г. и II т. 1880 г. (А—М). Архіеп. Филарета—„Обзоръ русской духовной литературы“—2 части, 3 изд. 1884 г. А. А. Котляревскаго, Библіологическій опытъ о др.-р. письм., Ворон. 1881. А. Арсеньева, Словарь писателей древняго періода русской литературы IX—XVII в. 1882; его-же—Словарь писателей средняго и новаго періодовъ русск. литературы, 1887. П. М. Строева, Библіологическій Словарь и черновые къ нему матеріалы. Изд. А. Ѳ. Бычковъ. СПБ. 1882. (и въ сборн. Отд. р. яз. и слов. Имп. Академіи Наукъ, т. XXIX, № 4). „Критико-біографическій словарь“ С. А. Венгерова тт. I—VI, 1889—1904 гг. заключаетъ въ себѣ систематически собранныя свѣдѣнія о писателяхъ на

буквы А—Б, значительную часть—на В и случайныя свѣдѣнія—на прочія буквы. С. Венгерова, Источники словаря русскихъ писателей, I—II (Ааронъ - Карамзинъ), 1900—1910. Кн. Н. Голицына, Библіографическій словарь русскихъ писательницъ, 1889 (Ж. М. Н. Пр. 1888 и отд.). С. И. Пономарева, Наши писательницы, 1891.

Другія указанія см. у Пыпина въ его Исторіи р. литер., т. I, у Иконникова, Опытъ... т. I, ч. 1; въ Энц. Словарѣ изд. Брокгауза Эфрона s. v., въ „Большой Энциклопедіи“ тов. „Просвѣщеніе“ и отд.—Библіографія. Обзоръ трудовъ библіографическаго содержанія. Составилъ Н. М. Лисовскій (СПБ. 1900. 16⁰).

2. Опыты построить нѣчто вродѣ историческаго обзора русской литературы восходятъ только ко второй четверти XIX столѣтія Первый такой опытъ принадлежитъ Н. Гречу: его—„Опытъ краткой исторіи русской литературы“, СПБ. 1822 г. и въ переработанномъ видѣ „Учебная книга русской словесности“, 1830 г. Этотъ трудъ Греча основанъ главнѣйшимъ образомъ на „Словарѣ“ митр. Евгенія. Пособіе, и для своего времени бывшее далеко отъ требованій науки, а нынѣ совершенно устарѣвшее.

Статьи В. Г. Бѣлинскаго, важныя для оцѣнки литературныхъ явленій въ нач. XIX в.:

„Литературныя мечтанія“ 1834 г. Собр. соч. под. ред. Венгерова, т. I, 308—396. Далѣе почти ежегодные обзоры литературныхъ явленій; наиболѣе важенъ обзоръ:

„Русская литература въ 1841 г.“ Собр. соч., т. VII; здѣсь оцѣнка важнѣйшихъ русскихъ писателей съ кн. Кантемира до Гоголя.

„Очерки русской литературы“ Н. Полевого, 1839. I—II чч.: собраны журнальныя статьи о Державинѣ, Жуковскомъ, Пушкинѣ, кп. Шаховскомъ и др.

М. Максимовичъ, „Исторія древней русской словесности, т. I, 1839 г. Перепечатана съ отвѣтомъ на критику „Отеч. Записокъ“ въ „Собр. соч. М. А. Максимовича“, т. III, Кіевъ, 1880 г. Кромѣ краткаго введенія о словесности вообще и о дѣленіи русской словесности на періоды, находимъ главу (III) „о сочиненіяхъ, относящихся къ исторіи русской словесности“. Въ дальнѣйшемъ, авторъ говоритъ о раздѣленіи славянъ, историческихъ условіяхъ жизни русскихъ

по принятіи христіанства, вкратцѣ касается русскихъ писателей и памятниковъ (до XIII в.) и—остальную часть книги посвящаетъ разсужденіямъ о русскомъ и другихъ славянскихъ языкахъ.

Знаменательнымъ событіемъ своего временн была:

„Исторія русской словесности. Лекціи Ст. Шевырева", обширное сочиненіе, имѣвшее три изданія I-й т. — 1846 г.). Во второмъ изданіи (I — IV т.т. 1859—1860 г.) мы имѣемъ первый капитальный обзоръ явленій русской литературы, къ сожалѣнію, доведенный лишь до начала XVI в.—заканчивающійся характеристикой литературной дѣятельности пр. Нила Сорскаго. Отмѣтимъ, что изложеніе литературныхъ явленій въ 1-мъ томѣ предваряется „введеніемъ", гдѣ, послѣ куріозныхъ для нашего времени сентенцій въ духѣ древне-русской старины (напр., „Наука безъ вѣры увлекаетъ разумъ въ бездну безплодныхъ сомнѣній, или ограничиваетъ міръ его познаній однимъ матеріализмомъ, поглощающимъ и его душу" стр. IX)—съ стр. XII начинается весьма полезное, впервые внесенное въ курсъ обозрѣніе руководствъ, пособій и матеріаловъ для исторіи русской словесности, извѣстныхъ въ тѣ времена, а далѣе — исчисляются и характеризуются существовавшія тогда библіотеки, общественныя и частныя, засимъ — идетъ рѣчь о вспомогательныхъ наукахъ, палеографіи и библіографіи; заканчивается введеніе изложеніемъ desiderat'овъ, которыя—увы—не достигнуты въ значительной степени и въ наше время (научное изданіе памятниковъ древней письменности и новыхъ авторовъ). Въ своей „Исторіи" Шевыревъ былъ намѣренъ „разсматривать, какъ рождались и развивались постепенно душа и духъ народа Русскаго" (I, стр. 9); на дѣлѣ—слѣдуетъ изложеніе всего существеннаго, добытаго наукою до 1850-хъ годовъ, съ примѣсью тяжелой и бездоказательной, а главное безполезной реторики на темы нравственно-религіозныя и патріотическія въ славянофильскомъ духѣ. Насколько можемъ судить по исторіи нашей науки въ Россіи, Шевыревъ не создалъ научной школы, несмотря на громадную по своему времени ученость, расплывшуюся въ безполезномъ краснорѣчіи.

„Лекціи о русской литературѣ, читанныя въ Парижѣ

въ 1862 г. С. П. Шевыревымъ", 1884 [1]), представляетъ обзоръ съ начала письменности до Карамзина, достаточно фактичный и сжатый сравнительно съ „Исторіей р. словесности".

Ор. Миллеръ, „Опытъ историческаго обозрѣнія русской словесности", 2-е изданіе 1865—1866 г., двѣ книги. Въ первой—очерки устной, народной словесности, трактуемой съ точки зрѣнія миѳологической школы и съ окраской славянофильской идеализаціи; далѣе—обзоръ съ комментаріемъ памятниковъ письменныхъ, до прихода татаръ, а также духовныхъ стиховъ, сложившихся подъ вліяніемъ памятниковъ письменныхъ. Памятники Миллеръ разсматриваетъ безъ отношенія къ оригиналамъ, совершенно опуская рѣчь о литературѣ переводной. Во второй части—хрестоматія. Тенденціи построеній Ор. Миллера чисто славянофильскія. Вслѣдствіе отсутствія научной объективности и отмѣченной тенденціозности „Опытъ", несмотря на громадную эрудицію автора его—и въ свое время, подобно труду Шевырева, былъ далекъ отъ научности, а въ настоящее время—совершенно устарѣлъ.

А. Галаховъ, „Исторія русской словесности", три книги (1863, 1868 и 1875 г.г.); второе изданіе—1875 г., заново переработанное при участіи спеціалистовъ; третье изданіе—1894 г. Послѣ вводныхъ замѣчаній—очеркъ устной словесности; здѣсь—отдѣлъ о былинахъ и историческихъ пѣсняхъ написанъ Ор. Миллеромъ; объ обрядовыхъ и бытовыхъ пѣсняхъ, сказкахъ и другихъ видахъ устнаго творчества—П. О. Морозовымъ. Далѣе слѣдуютъ свѣдѣнія о началѣ письменности у славянъ, о различныхъ вліяніяхъ на древнерусскую письменность, преимущественно о византійскомъ и болгарскомъ; объ апокрифахъ и о духовныхъ стихахъ (о послѣднихъ статья проф. Кирпичникова, до сихъ поръ не утратившая цѣнности). За симъ обозрѣваются явленія древней русской литературы съ XI до XVII в. включительно, а заключается 1-я часть 1-го тома замѣчательной для своего времени статьей А. Веселовскаго о памятникахъ древнерусской повѣствовательной литературы (§ 27). 2-я часть 1-го тома содержитъ характеристику просвѣщенія и литературы при Петрѣ В. и

[1]) Сб. отд. р. яз. и слов. Имп. Акад. Н., т. XXXIII.

обзоръ литературныхъ явленій до Карамзина, захватывая и мемуары, и проповѣди, и періодическія изданія, и дѣятельность обществъ. Во второмъ томѣ—столь-же внимательный обзоръ отъ Карамзина до Пушкина. Во однихъ отдѣлахъ трудъ Галахова устарѣлъ, но что касается другихъ, то и до сихъ поръ они сохраняютъ свое значеніе, несмотря на многіе новые факты, открытые наукой, и на измѣнившіяся точки зрѣнія на задачи научной исторіи литературы.

Трудъ Галахова страдаетъ тѣмъ, что и послѣ рецензіи Тихонравова на 1-е изданіе [1]) отличается односторонностью: составитель (онъ же авторъ большинства статей) стоитъ по прежнему на эстетической точкѣ зрѣнія и невсегда достаточно освѣдомленъ о фактахъ древней литературы. Статьи, написанныя спеціалистами, частью уже устарѣли, а главное——и при своемъ появленіи во 2-мъ изданіи были мало связаны съ общимъ планомъ труда, который представляетъ собою слабо объединенные другъ съ другомъ 6 отдѣловъ, написанныхъ лицами разныхъ научныхъ воззрѣній и далеко не равной эрудиціи.

И. Порфирьевъ, „Исторія русской словесности“ I, древній періодъ; II—новый періодъ (три вып.) послѣднее—6-е изд. безъ поправокъ. Этотъ трудъ имѣетъ значительное преимущество предъ названными выше; онъ чуждъ какой либо тенденціозности и составленъ ученымъ, много и самостоятельно работавшимъ на поприщѣ изученія древней-русской литературы. Т. I-й начинается общими замѣчаніями о „словесности“, о языкѣ; за симъ слѣдуетъ изложеніе явленій устной народной поэзіи, въ настоящее время—уже устарѣлое. Затѣмъ идетъ рѣчь о началѣ письменности у славянъ, обширная глава о переводной словесности, о духовныхъ стихахъ и легендахъ; наконецъ, авторъ переходитъ къ обозрѣнію собственно русской книжной словесности (съ XI в. до конца XVI в.) на югѣ и въ Московской Руси, вставляетъ необходимую для оріентировки главу о состояніи образованія и словесности въ Юго-западной Россіи въ XVI—XVII вв. и возвращается къ Московской литературѣ XVII в. Во второмъ томѣ Порфирьевъ гораздо болѣе обстоятельно, чѣмъ его предшественники, характеризуетъ литературу эпохи Петра В., поскольку она была извѣстна въ его время, а далѣе излагаетъ

[1]) См. сбор. соч. Тихонравова, I.

явленія литературы XVIII и XIX вв. до Пушкина (кончая Баратынскимъ), не исключая и крупнѣйшихъ духовныхъ писателей. Трудъ Порфирьева отличается лѣтописнымъ характеромъ; въ немъ изложеніе расположено по вѣкамъ; но въ лучшей своей части, древней, является незамѣнимымъ до послѣдняго времени собраніемъ фактическаго матеріала; богатство библіографическихъ указаній и самостоятельность автора въ отдѣлѣ древней литературы дѣлаютъ этотъ трудъ прекрасной справочной книгой.

А. Пыпинъ, „Исторія русской литературы", т. т. I—IV, 1-е изд. 1897 г., 2-е 1902 г., 3-е безъ перемѣнъ 1906 г. Этотъ трудъ вноситъ нѣчто существенно-новое въ изложеніе исторіи русской литературы. Авторъ въ введеніи устанавливаетъ объемъ предмета, говоритъ о разработкѣ исторіи русской литературы и отправныхъ точкахъ зрѣнія этой разработки. Вводный характеръ носятъ I—II главы, излагающія историческія условія русскаго національнаго развитія и развитія письменности и просвѣщенія въ первые вѣка по принятіи христіанства. Въ дальнѣйшемъ авторъ излагаетъ литературныя явленія по группамъ, напр.: лѣтопись и историческія сказанія, паломничество, отреченныя книги, древняя повѣсть и т. д., переходя во второй части къ характеристикѣ моментовъ по крупнѣйшимъ ихъ дѣятелямъ. Пыпинъ доводитъ изложеніе до Гоголя и касается даже явленій, возникшихъ въ литературѣ послѣ него. О народной поэзіи онъ говоритъ тогда (т. III), когда появляются первыя записи памятниковъ устной поэзіи, т. е., наканунѣ эпохи Петра В. Судьбы литературы южнорусской, начиная съ татарскаго нашествія—совсѣмъ не затронуты Пыпинымъ; онъ касается ихъ лишь вскользь, въ гл. VIII-й II-го тома. Трудъ Пыпина обладаетъ достоинствами солидной ученой работы. Покойный академикъ не разъ въ теченіе своей жизни обращался къ интересовавшей его идеѣ написать научную, но вмѣстѣ съ тѣмъ популярную, доступную всякому образованному человѣку исторію русской литературы. Широта воззрѣній, выдержанность основной точки зрѣнія, богатство библіографическаго аппарата въ значительной мѣрѣ искупаютъ коегдѣ рѣзко проглядывающую историко-публицистическую точку зрѣнія автора. Естественнымъ дополненіемъ къ послѣднимъ томамъ Пыпина является его обширное изслѣдо-

ваніе „Характеристики литературныхъ мнѣній 1820—1840 г.г.“.

П. Владиміровъ, „Введеніе въ исторію русской словесности“, 1896 г.; „Древняя русская литература кіевскаго періода XI—XIII вѣковъ“, 1900. Обѣ эти книги имѣютъ солидныя достоинства. Въ „Введеніи“—излагаются результаты изученія народной словесности. Этотъ трудъ отчасти замѣненъ новыми „Лекціями по народной словесности“ проф. Лободы; но „Древняя литература“—до сихъ поръ не имѣетъ себѣ соперниковъ. Составъ ея слѣдующій: сначала авторъ сообщаетъ въ обширной первой главѣ обильныя свѣдѣнія о началѣ просвѣщенія и письменности у славянъ и у русскихъ, а далѣе—о переводной литературѣ, извѣстной на Руси въ до-монгольскій періодъ. За симъ разсматриваетъ произведенія XI—XIII вв. по видамъ: богатую проповѣдническую литературу, житійную, паломническую, историческую, Слово о п. Игоревѣ, Моленіе Даніила и различныя другія явленія литературы до XIV в. Въ приложеніи — текстъ „Слова о п. Игоревѣ“ по первопечатному изданію, экскурсы о Лѣтописи и Патерикѣ и списокъ русскихъ писателей XI—XIII вв.

Труды Владиміровa, по свидѣтельству ученой критики и общему признанію спеціалистовъ, хотя и не даютъ выпуклой картины древне-русской литературы, но написаны съ необыкновенной даже для ученаго труда любовью и вниманіемъ. Авторъ не ограничивается изложеніемъ фактической стороны предмета: онъ привлекаетъ въ массѣ случаевъ выводы новѣйшей ученой литературы и вноситъ въ книгу результаты своихъ многолѣтнихъ изслѣдованій. Для эпохи до XIV в. его труды являются вѣрнымъ и солиднымъ вождемъ для каждаго, приступающаго къ занятіямъ древней русской литературой.

Е. В. Пѣтуховъ, „Русская литература. Историческій обзоръ главнѣйшихъ литературныхъ явленій древняго и новаго періода. Древній періодъ“. Юрьевъ. 1-е изд. 1911 г., 2-е—1912 г. На первомъ мѣстѣ во 2-мъ изданіи любопытныя „вводныя замѣтки“ методологическаго характера. Авторъ стоитъ на точкѣ зрѣнія исторической, допуская уклонъ въ область публицистическаго толкованія явленій литературы; для него важны „идеи“, „новизна мыслей“, и хотя онъ упо-

минаетъ наряду съ ихъ ролью—о „попыткахъ введенія новыхъ литературныхъ формъ", тѣмъ не менѣе въ самомъ изложеніи исторіи литературныхъ формъ мы не находимъ. Достоинствомъ работы является стремленіе къ строгой фактичности. Начинается изложеніе съ поученій, посланій; слѣдуютъ житія святыхъ, Лѣтопись, Слово о п. Игоревѣ, паломники; переводной литературѣ удѣлено лишь „нѣсколько замѣчаній"—68—73 стр., и то послѣ изложенія древнѣйшаго періода. Гораздо лучше и обстоятельнѣе изложены „средніе вѣка"—XIII—XVI вв. Въ главѣ „Просвѣщеніе и литература въ Юго-зап. Руси" (стр. 232—261) впервые внесены свѣдѣнія о возникновеніи стихотворства, о школьной драмѣ (по новымъ изслѣдованіямъ) и объ Іоаннѣ Вишенскомъ. Хорошо въ отношеніи обстоятельности и полноты изложены „литературныя явленія Петровской эпохи", при чемъ впервые привлечены новыя данныя о повѣсти, драмѣ и стихотворствѣ, вообще—о свѣтской литературѣ Петровской эпохи, которыхъ не знали, или намѣренно замалчивали предшествующіе авторы общихъ курсовъ. Положительной стороной книги г. Пѣтухова является то, что онъ по каждому вопросу старается ознакомить читателя съ литературой предмета, приводя мнѣнія ученыхъ объ излагаемомъ и анализируемомъ явленіи. Это лучшій и самый свѣжій университетскій учебникъ изъ существующихъ у насъ.

„Исторія русской литературы" изд. Сытина, 1908—1910 гг., т. I, Русская литература до XIX в., подъ ред. проф. А. К. Бороздина, т. II, Народная словесность, подъ ред. Е. В. Аничкова. Томъ 1-й заключаетъ въ себѣ далеко небезполезныя свѣдѣнія о методахъ литературныхъ изученій, о библіотекахъ и архивахъ, библіографическія свѣдѣнія о пособіяхъ по исторіи древней и новой русской литературы. Въ дальнѣйшемъ изложеніе отрывочное, носитъ печать какой то спѣшности, случайности, особенно—XVIII в. Въ томѣ II-мъ поражаютъ наряду со статьями редактора и другихъ ученыхъ авторовъ—фантастическія упражненія гг. А. Блока, С. Городецкаго и нѣкот. др. Это изданіе наглядно представляетъ намъ торжество капитала, умѣющаго объединить самыхъ разнообразныхъ представителей науки, публицистики и беллетристики, и ученыхъ—и фантазеровъ. Безспорно прекрасна техническая сторона изданія: масса

снимковъ, портретовъ, хотя эти иллюстраціи и не всегда относятся къ тексту, среди котораго онѣ помѣщены. Качество статей за малымъ исключеніемъ не возвышается надъ посредственностью. Этимъ изданіемъ слѣдуетъ пользоваться съ осторожностью и критичностью.

Изъ популярныхъ трудовъ, расчитанныхъ на среднюю школу и для самообразованія—нельзя не упомянуть двухтомный трудъ В. А. Келтуялы, „Курсъ исторіи русской литературы", ч. I, кн. 1 и 2, (2-е изданіе) 1911—1913 гг. Обиліе матеріала и оригинальное его расположеніе сообразно основной точкѣ зрѣнія автора, совершенно новой въ книгахъ этого рода, равно какъ и прекрасная освѣдомленность его съ важнѣйшими изслѣдованіями въ области исторіи древней русской литературы—дѣлаютъ книги г. Келтуялы полезнымъ пособіемъ, хотя, къ сожалѣнію, онѣ не лишены нѣкоторыхъ фактическихъ неточностей.

Изъ пособій по исторіи новой русской литературы мы не можемъ назвать ни одного, въ которомъ бы не было той или иной публицистической тенденціи. Цѣнные, но нѣсколько устарѣлые „Очерки исторіи русской литературы и просвѣщенія съ начала XIX в." проф. Н. Н. Булича (2 т. въ „Ист. Обозр." и отд.)—написаны съ уклономъ въ сторону эстетической и публицистической критики. „Исторія новѣйшей русской литературы" А. Скабичевскаго, имѣвшая много изданій, есть собственно сборникъ оцѣнокъ дѣятельности писателей XIX ст., причемъ авторъ, отклоняясь отъ задачъ исторической, безпристрастной критики—обнаруживаетъ весьма замѣтно публицистическія и узко-кружковыя тенденціи (сравн. въ 1-хъ изданіяхъ оцѣнку Чехова и Короленко).

Трудъ Н. Энгельгардта „Исторія русской литературы XIX ст., 2 тома,—отличается малой самостоятельностью и также тенденціозностью, но—въ направленіи противоположномъ книгѣ Скабичевскаго.

Съ точки зрѣнія неуклоннаго проведенія основного руководящаго принципа интересна и поучительна книга—„Очерки по исторіи русской литература XIX в.", 1902 г. Андреевича (Евг. Соловьева), перваго въ историко-литературномъ трудѣ выдвинувшаго классовую точку зрѣнія при оцѣнкѣ литературныхъ явленій и дѣятельности писа-

телей и оцѣнившаго роль разночинной интеллигенціи въ созданіи художественной русской литературы. Тѣ же тенденціи проникаютъ и другой трудъ Евг. Соловьева „Опытъ философіи русской литературы“. Талантливо и увлекательно написанныя работы Соловьева страдаютъ, однако, однимъ недостаткомъ, лишающимъ соображенія и выводы автора внутренней силы и достаточной убѣдительности: онѣ написаны наспѣхъ, очень неряшливо и отличаются обиліемъ фактическихъ ошибокъ.

Библіографія нѣкоторыхъ вопросовъ.

§ 46. Для всей древнѣйшей исторіи русской литературы лучшимъ справочнымъ пособіемъ является трудъ Н. К. Никольскаго, Матеріалы для повременнаго списка русскихъ писателей и ихъ сочиненій, X—XI в. 1906 (рец. Соболевскаго, Ж. М. Н. Пр. 1907, іюнь); за симъ—словари П. Строева и арх. Филарета; далѣе — Срезневскій, Древніе памятники р. письма и языка, изд. 2-е 1882; иногда небезполезно заглянуть въ первое, обширное изданіе Историч. хрестоматіи Буслаева 1861 г.; назовемъ еще справочныя изданія и труды по церковной исторіи: Амвросій, Исторія русс. іерархіи; Словарь историч. о святыхъ правосл. въ Росс. Церкви; Источники русской агіографіи, Барсукова, 1882; Е. Голубинскій, Исторія русской церкви, I, 1; II, 1 (второе изд.); м. Макарій, Исторія русской церкви, I—XII, 1872—1883; другія пособія указаны выше.

Ниже приводимъ библіографическія указанія лишь по нѣкоторымъ вопросамъ, преимущественно старинной литературы, группируя ихъ не столь въ хронологическомъ порядкѣ, сколь по видамъ. Конечно, указываемыми пособіями литература вопросовъ далеко не исчерпывается.

---

1. Переводная каноническая литература.

Священное Писаніе, богослужебная поэзія, творенія оо. церкви. I. Сендерлендъ, Священныя книги Ветхаго и Новаго Завѣта, ихъ происхожденіе, развитіе и характеръ,

1907; В. Вреде, Происхожденіе книгъ Новаго Завѣта, 1908. И. Евсѣевъ, Рукописное преданіе славянской Библіи, 1911; его-же—О др.-слав. переводѣ Ветхаго Завѣта, Хр. Чт. 1897; А. Михайловъ, Опытъ изученія текста книги Бытіи прор. Моисея въ древне-слав. литер. ч. I., Паримейный текстъ, 1912 (есть обзоръ литер. вопроса); другія работы того-же автора: Книга Бытія прор. Моисея въ древне-слав. переводѣ, вып. I, 1900; II, 1901; III, 1903 и IV, 1908; Литературное наслѣдіе свв. Кирилла и Меѳодія въ хорв. глаголическихъ миссалахъ и бревіаріяхъ, 1904; О новыхъ изданіяхъ хорв. глаголич. текстовъ, 1905; Греческіе и древне-слав. паримейники, 1908; Древне-слав. переводъ книги Руѳь, 1908; П. Владимировъ, Докторъ Францискъ Скорина, 1888; Р. Брандтъ, Григоровичевъ Паремейникъ, выпуски I—III, 1894—1901; Н. Никольскій, Царь Давидъ и псалмы, 1908; арх. Амфилохій, Симоновская Псалтирь, I—III; Е. Карскій, Западно-русскій переводъ Псалтири въ XV—XVII вв. 1896; И. Евсѣевъ, Книга пр. Исаія въ древне-славянскомъ переводѣ, 1897; его-же—Книга прор. Даніила въ древне-славянскомъ переводѣ, 1905; И. Чистовичъ, Исторія перевода Библіи на русскій яз., 2-е изд. 1899; И. Евсѣевъ, Замѣтки по древнеслав. переводу Св. Писанія, I—VI; В. Лебедевъ, Слав. переводъ книги Іисуса Навина по сохранившимся рукописямъ и Острожской Библіи, 1890; М. Попруженко, Изъ исторіи литературной дѣятельности въ Сербіи XV в. „Книги Царствъ“ въ собраніи рукоп. библ. Имп. Новоросс. Универс., 1894; М. Благовѣщенскій, Книга Плачъ, 1889; И. Рождественскій, Книга Есѳирь въ текстахъ еврейско-масоретскомъ, греческ., древнемъ латинскомъ и славянскомъ, 1885; Лебедевъ, Къ исторіи Кирилло-Меѳодіевскаго славянскаго перевода Библіи на Руси, Странникъ 1885; П. Юнгеровъ, Общее историко-критич. введеніе въ священныя ветхозавѣтныя книги, 1910; его же, Частное истор.-крит. введеніе въ свящ. ветхозав. книги, вып. I—II, 1907; Г. Воскресенскій, Къ вопросу о славянскомъ переводѣ Евангелія, 1886 (Сб. отд. р. яз. и слов., т. XL); его же, Характеристическія черты четырехъ редакцій слав. перевода Евангелія отъ Марка по 112 рукоп. Ев. XI—XVI вв.; его же—Древній славянскій переводъ Апостола и его судьбы до XV в., 1879; его же—Древне-слав.

Апостолъ, вып. I, 1892; II, 1906; III—V, 1908; П. Житецкій, Пересопницкое Евангеліе, 1874; А. Грузинскій, Изъ исторіи перевода Ев. въ Южной Россіи въ XVI в.; Лѣтковское Евангеліе, 1912; архіеп. Филаретъ, Историческій обзоръ пѣснопѣвцевъ и пѣснопѣнія греч. церкви, изд. 3-е, 1902; И. Ягичъ, Словѣньская Псалтирь. Psalterium Bononiense, 1907; его же—Служебныя Минеи за сент., окт. и ноябрь въ ц.-слав. переводѣ по русск. рукописямъ 1095—97 гг. 1886; К. Никольскій, Пособіе къ изученію Устава богослуженія правосл. Церкви, 1907; М. Скабалановичъ, Толковый Типиконъ, в. I, 1910; в. II, 1913; М. Лисицынъ, Первоначальный славянорусскій Типиконъ, 1911; К. Никольскій, О службахъ русской Церкви, бывшихъ въ прежнихъ печатныхъ богослужебныхъ книгахъ, 1885; А. Катанскій, Очеркъ исторіи литургіи нашей православной Церкви, I, 1868; А. Дмитріевскій, Богослуженіе въ русск. Церкви въ XVI в., ч. I, Историко-археологическое изслѣдованіе, 1884.

Для изученія твореній оо. Церкви, имѣющихся въ славяно-русскихъ переводахъ, удобнѣе всего искать оригиналы для сравненія въ обширномъ трудѣ: Cursus (Patrologiae) completus seu bibliotheca universalis, integra, uniformis, commoda, oeconomica omnium ss. patrum, doctorum, scriptorumque ecclesiasticorum etc. Series graeca, accurante I. P. Migne, Parisiis, I—XV, XVI (1—3), XVII—LXXXV, LXXXVI (1—2), LXXXVII (1—3), LXXXVIII—CLXI (1857—1866 гг.). Мимоходомъ отмѣтимъ, что соч. св. Василія Великаго—въ XXIX—XXXII тт. (переводъ въ 7 томахъ, Серг. Посадъ 1900—1902 гг.); св. Григорія Назіанскаго—въ XXXV—XXXVIII тт. (переводъ—М. 1889, 6 томовъ); св. Григорія Нисскаго—въ XLIV—XLVI (перев. М. 1872, 8 томовъ); св. Іоанна Златоустаго—въ LVII—LXIV (перев. СПБ. 1895—1906 въ 12 томахъ); объ отцахъ Церкви—см. A. Harnack, Geschichte der altchristlichen Litteratur bis Eusebius, 1893; P. Battifol, Litterature grecque chrétienne, 3-e изд. 1901; O. Bardenhewer, Patrologie, 3 изд. 1910, и его-же, Geschichte der altkirchlichen Litteratur, 3 тт. 1902; K. Krumbacher, Geschichte d. byzantinischen Litteratur, 2-е изд.; см. также—Православная Богословская Энциклопедія подъ ред. А. Лопухина и Н. Глубоковскаго; Д. Гусевъ, Чтенія по патрологіи, 1895—1898; А. Архангельскій, Къ

изученію древне-русской литературы. Творенія оо. Церкви въ др.-русск. письменности, 1888; его-же—Творенія Отцовъ Церкви въ др.-р. письменности. Извлеченія изъ рукописей и опыты историко-литературныхъ изученій, I—II, 1889; III, 1890; IV, 1890.

---

2. Сборники опредѣленнаго состава.

Златоструй: В. Малининъ, Изслѣдованіе Зл. по рукоп. XII в., 1878; И. Срезневскій, Свѣдѣнія и замѣтки, №№ XXI—XXII, 1867; В. Малининъ, Десять словъ Златоструя XII в., 1910; В. Изергинъ, Матеріалы для литер. исторіи др.-р. сборниковъ, 1905. **Маргаритъ:** Великія Четьи-Минеи митр. Макарія, изд. Археогр. Комм., 14 сент.; А. Архангельскій, Къ изученію др.-русск. литературы, 1888; его-же, Очерки изъ исторіи западно-русск. литер. XVI—XVII в., 1888.

Златоустъ: Е. Пѣтуховъ, Древнія поученія на воскресные дни Вел. поста, 1886; М. Сперанскій, Златоустъ рукописн. XVI в. Тверск. Музея, 1889; А. Орловъ, Сборники Златоустъ и Торжественникъ, 1905. (Пам. Др. П. CLVIII). **Златая Цѣпь:** Е. Пѣтуховъ, Матеріалы и замѣтки изъ исторіи др.-русск. письменности. Къ вопросу о Зл. Цѣпяхъ, 1894; Чт. О. и Др. Р. 1846 г. В. Истринъ, Изслѣдованія въ обл. др.-русской литературы. **Измарагдъ:** В. Яковлевъ, Къ литературной исторіи др.-русск. сборниковъ. Опытъ изслѣдованія Измарагда, 1893 (рецензіи: Сумцова, Зап. Харьк. Унив. I, 1894; Соболевскаго, Ж. М. Н. Пр. 1894, янв.); А. Архангельскій, Творенія оо. Церкви въ др.-русск. письменности, вып. IV, 1890; В. Изергинъ, Матеріалы для лит. исторіи др.-р. сборниковъ I—II, 1905; Ю. Яворскій, Малорусскій отрывокъ Измарагда XVII в. 1908. **Азбуковникъ:** Сахаровъ, Сказанія р. народа, II; А. Карповъ, Азбуковники по спискамъ Соловецкой библіотеки, 1878; Архивъ историко-юрид. свѣдѣній Н. Калачова; I. Баталинъ, Др.-русскіе азбуковники, Фил. Зап. 1873, вып. 3—5; А. Н. Петровъ, Объ Аѳанасьевскомъ сборн. к. XVII в. и заключающихся въ немъ Азбуковникахъ, Отч. о засѣд. О. Л. Др. П. 1895—96 г. И. Ягичъ, Разсужденія старины о слав. языкѣ, Изслѣд. по русск. языку, изд. И. Ак. наукъ, I,

1885—1895. **Учительное Евангеліе** Каллиста—Макарій, Ист. Ц. XI, стр. 567—8; Архангельскій, Очерки изъ исторіи зап.-русск. лит.; издано Крилосѣ въ 1606 г., Евье 1616 г.; К. Печ. Лаврѣ, 1637, Петра Могилы. А. Михайловъ, Къ вопросу объ „Учительномъ Евангеліи" Конст. еп. Болгарскаго, М. 1894, Тр. Слав. Комм.

---

3. Сборники изреченій.

Пчела: П. Безсоновъ, Книга Пчела, памятникъ древне-русской словесности, перев. съ греч., Временникъ О. И. и Др. Р. кн. XXV, 1857 г. и отд.; В. Семеновъ, Древне-русская Пчела по пергаменному списку, 1893 (Сб. отд. р. яз. и сл. LIV); его-же—Два слова по поводу Пчелы, Ж. М. Н. Пр. 1892, апр.; Матеріалы къ литер. исторіи русскихъ Пчелъ, Чт. О. И. и Др. Р. 1895, кн. 2 и отд.; М. Сухомлиновъ, О сборн. подъ названіемъ „Пчела", Изслѣдованія, 1908; А. Михайловъ, Къ вопр. о греко-визант. и славянскихъ сборникахъ изреченій, Ж. М. Н. Пр. 1893, янв.; С. Розановъ, Матеріалы по исторіи русскихъ Пчелъ, 1904 (П. Др. Письм. CLIV); М. Сперанскій, Переводные сборники изреченій въ славяно-русск. письменности, 1904; С. Щеглова, Пчела по рукописямъ кіевскихъ библіотекъ, 1910. **Изреченія Исихея и Варнавы:** В. Семеновъ, Изреченія И. и В. по русскимъ спискамъ, 1892 (Пам. Др. П. XCII); его-же—Греческій источникъ „Изреченій Исихія", Ж. М. Н. Пр. 1893, іюль. **Мудрость Менандра:** Н. Никольскій, Мудрость Менандра по русскимъ спискамъ, 1892 (Пам. Др. П. LXXXVIII); М. Соколовъ, Матеріалы и зам. по стар. русской литер. I, 1889.

---

4. Древне-русская полемическая литература.

Древне-русская полемическая литература направлена была противъ мѣстныхъ русскихъ суевѣрій, противъ католиковъ, евреевъ и протестантовъ. Главнѣйшіе труды:

1) Противъ язычества и суевѣрій: Пономаревъ, Памятники церковно-учит. литературы, в. III, 1897.

2) Противъ католиковъ: А. Поповъ, Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латынянъ, 1875; А. Павловъ, Критическіе опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемической литературы, 1878; Делекторскій, Критико-библіографич. обзоръ древне-русск. сказаній о Флорент. уніи, Ж. М. Н. Пр. 1895, іюль; Щербина, Литературная исторія русскихъ сочиненій о Флорент. уніи, 1902; Памятники полемич. литер. въ Зап. Руси I—III (Р. Ист. библ.).

3) Противъ протестантовъ: (А. Поповъ) Древне-русскія полемическія сочиненія противъ протестантовъ. I. Отвѣтъ ц. Ивана Васильевича Яну Рокитѣ; II. Обличительное списаніе противъ ученія протестантовъ, 1878—1879 г.; С. Вилинскій, Посланія старца Артемія, 1906; А. Голубцовъ, Пренія о вѣрѣ, вызванныя дѣломъ королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны, 1891; Д. Цвѣтаевъ, Литературная борьба съ протестантствомъ въ Москов. государствѣ; Памятники къ исторіи протестантства въ Россіи, ч. I; Протестантство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованія, 1890.

Противуіудейская полемическая литература начинается „Словомъ о законѣ и благодати“ м. Иларіона (см. въ отдѣлѣ проповѣдничества), за симъ, см. работы о Палеѣ Толковой на іудея: II. Т. по списку, сдѣланному въ г. Коломнѣ въ 1406 г. Трудъ учениковъ Тихонравова I—II, 1892—1896; Палея Т. Воспроизведеніе Синод. рукоп. № 210 (изд. О. Л. Др. П.); И. Ждановъ, Сочиненія, I; Успенскій, Т. Палея, 1876; новѣйшія работы резюмированы въ кн. В. Адріановой, Къ литерат. исторіи Т. Палеи, 1910; А. Рыстенко, Матеріалы для исторіи Т. П., 1908; 9. Истоминъ, Изв. отд. р. яз. и слов. 1912—1913. Въ связи съ ересью жидовствующихъ—см. въ литературѣ объ этой ереси; А. Поповъ, Обличительныя списанія противъ жидовъ и латинянъ по рукоп. 1580 г., 1879.

5. Апокрифическая литература.

Прежде всего назовемъ изданія греческихъ и латинскихъ текстовъ и важнѣйшія изслѣдованія: Fabricius, Codex Pseudepigraphus Veteris Testamenti, Halae

1722, его же—Novi Testamenti I—II, 1703; III, 1719; 2-е изд. I—II, 1719. Thilo, Codex Apocryphus Novi Testamenti, 1832. K. Tischendorf, De evangeliorum apocryphorum origine et usu, 1850; Acta apostolorum apocrypha, 1851; Apocalypses apocryphae, 1866; Evangelia apocrypha, 1853, 2-е изд. 1876; Migne, Dictionnaire des Apocryphes; R. Lipsius, Die apocryphen Apostelgeschichte und Apostellegenden, I—II, 1883—1884; его-же, Acta apostolorum apocrypha, 1891 и Die Edessenische Abgarsage, 1880; Borberg, Die apocryph. Evangelien und Apostelgeschichten, 1841; Stichart, Die kirchliche Legende über die heiligen Apostel, 1861; R. James, Apocrypha, Anecdota, 1897, I—II; Vassiliev, Anecdota graeco-bysantina, 1893; Krumbacher, Geschichte d. bysant. Litteratur, 2-е изд.; E. Kozak, Bibliographische Uebersicht der biblisch-apocryph. Litteratur bei den Südostslaven (Jahrbücher f. protestant. Theologie, 1892, XXVIII); O. Zöckler, Die Apocryphen des Alten Testaments, 1891.

Изъ трудовъ—изданій текстовъ и изслѣдованій, касающихся непосредственно славяно-русской апокрифической литературы, назовемъ: Пыпинъ, Ложныя и отреченныя книги русской старины (III-й вып. Памятниковъ старинной русск. литер., изд. гр. Кушелевымъ-Безбородко) 1862 г. (рец. Тихонравова, Р. Вѣст. 1862, № 1 и Собр. соч. т. 1). Тихонравовъ, Памятники отреченной русской литературы, 1863, тт. I—II и часть III-го (въ Сб. отд. р. яз. и слов. Имп. Ак. Н. т. 5, 8, 1895 г.); Порфирьевъ, Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ по рукоп. Соловецкой библ., 1877, и Апокр. сказанія о новозавѣтныхъ лицахъ и событ., 1890 (Сб. отд. р. яз. и слов. т. 52); Лавровъ, Апокрифическіе тексты, СПБ. 1899 (Сборн. отд. р. яз. и слов. т. 67); Франко, Апокріфи і легенди з українських рукописів (т. I—IV Памяток укр.-руськ. мови і лїтератури, 1897—1906); Пыпинъ, Для объясненія статьи о ложныхъ книгахъ, Лѣтоп. занят. Археогр. Комм. 1861; Тихонравовъ, Отреченныя книги древней Россіи (Собр. сочин. т. I); Архим. Михаилъ, Библейская письменность каноническая, не каноническая и апокрифическая, Чт. въ Общ. Люб. Дух. Просв. 1872 г.; Калитовскій, Матеріали до руськои литератури апокрифичнои, Львв. 1884; М. И. Соколовъ, Матеріалы и замѣтки по старинной славян-

ской литературѣ, вып. I—V, М. 1888. (рец. Ягича въ Отч. о 33 присужд. нагр. гр. Уварова, 1893); Сумцовъ, Очерки исторіи южно-русскихъ апокрифическихъ сказаній и повѣстей, К. Стар. и отд. 1888 г.; Н. Лавровскій, Обозрѣніе ветхозавѣтныхъ апокрифовъ, Дух. Вѣстн. 1864, т. IX; Ign. Radliński, Apokryfy judaistyczno-chrzescijańskie, księga wstępna do literatury apokryficznej w Polsce, 1905. (рец. Франка, Зап. Н. Тов. ім. Шевч. 1905, кн. 3.); П. Владимировъ, Научное изученіе апокрифовъ въ русской литературѣ во второй полов. настоящаго (XIX) столѣтія, Изв. Унив. Св. Влад. 1900, II и отд.

Апокрифы ветхозавѣтные. Адамъ и Ева: W. Meyer, Vita Adae et Evae, Abhandlungen der philos.-philolog. Classe der kön.-bayrischen Akademie zu München, 1876, XIV, 3 Abth., s. 187; Ягичъ, Arkiv za povjestnicu jugoslovansku, IX, 83; B. Petriceiku-Hăşdeu, Cărtile poporane ale Romanilor, 1880, II, 186; С. Новаковић, Примери; M. Grünbaum, Neue Beiträge zur semitischen Sagenkunde, 1892; I. Polivka, Die Vita Adae et Evae in der altböhm. Literatur, Arch. f. slav. Phil., XVII, 186; V. Jagić, Slavische Beiträge zu den biblischen Apocryphen. I. Die altkirchenslav. Texte des Adambuches. Denkschriften der Kais. Akademie der Wissenschafften in Wien, philos. histor. Classe, XLII, 1893; Г. Барацъ, Слѣды іудейскихъ воззрѣній въ древне-русской письменности, Лѣтоп. Истор.-филол. Общ. при Новоросс. унив. IV. Визант. отд. II, 1894; І. Франко, Житє і Слово IV, 474; Безіменний, О Адамі і Еві, тамъ же, 1894, II, 179.

Малое бытіе: А. Смирновъ, Книга юбилеевъ или М. бытіе, 1895.

Енохъ: Новаковичъ, Starine, XVI; А. Поповъ, Библіографич. матеріалы, II—VII, 1880 (изъ Чт. О. И. и Др. Р.); А. Смирновъ, Книга Эноха. Историко-критич. изслѣдованіе, русск. переводъ и объясненіе апокр. книги Э. 1888 (рец. Соболевскаго, Ж. М. Н. Пр. 1889, янв.); В. Миллеръ, Сборникъ для опис. мѣстностей и племенъ Кавказа, вып. XVIII—XX, ср. Ж. М. Н. Пр. 1895, іюль; Charles, The Book of the Secrets of Enoch, 1896; Bonwetch, Das slavische Henochbuch, 1896, Abhandlungen d. königl. Gesellschaft d. Wiss. zu Göttingen. Philolog.-histor. Klasse, neue Folge,

I, № 3; М. Соколовъ, Труды Слав. Комм. Моск. Археол. Общ. IV; Н. Янчукъ, Къ вопр. объ отраженіи апокрифовъ въ нар. творчествѣ, Изв. отд. р. яз. и сл. 1907, I; Голльманнъ, Религія іудеевъ въ эпоху Іисуса, 1908; М. Соколовъ, Матеріалы и замѣтки по старинной слав. литературѣ, вып. III, Славянская книга Эноха, Чт. О. И. и Др. Р. 1899, кн. 4; его-же—Славянская книга Еноха Праведнаго, М. 1910; ср. также—А. Поповъ, Обзоръ хронографовъ русской редакціи, вып. 2, 1869; Стефановичъ, О Стоглавѣ, 1909, с. 202.

Откровеніе Авраама: V. Jagić, Prilozi k historiji književnosti... III, Arkiv za povjestnicu, IX, 1868; А. Веселовскій, Розысканія въ области р. духовн. стиховъ, VI; Н. Начовъ, Тиквешки рукописъ, Сборн. за нар. умотворения, VIII, 1892; В. Истринъ, Замѣчанія о сост. Толковой Палеи, вып. I, 1896. (Изв. отд. р. яз. и слов.); Н. Вторыхъ, Апокр. Откровеніе Авраама, Тр. Слав. Комм. II; I. Polivka, Die apocr. Erzählung v. Tode Abrahams, Archiv f. slav. Phil. XVIII; А. Соболевскій, Переводная литература; М. Соколовъ, Слав. кн. Еноха Праведнаго, 1910, стр. 128.

Завѣты 12 патріарховъ: Grabe, Specilegium Patrum et haereticorum saeculi, I, 1699; Н. Никольскій, О литер. трудахъ М. Климента Смолятича, 1892; см. въ работахъ о Палеѣ Т.

Іосифъ и Асенефь: Истринъ, Апокрифъ объ Іосифѣ и Асенефѣ, Труды Слав. Комм. Моск. Арх. Общ. II, 1898.

Царь Давидъ: А. Веселовскій, Опыты по исторіи развитія христ. легенды, II, 1, Ж. М. Н. Пр. 1876, февр., 241; его-же—Archiv, I, 608—611; его-же—Розысканія въ обл. дух. стиховъ, VI; I. Франко, Легенда о Сивиллі і ц. Давиді, Житє і Слово, 1895, III, 140; Начовъ, Сборн. за нар. умотвор. наука и книжнина, VIII и X; Grünbaum, Neue Beiträge, 195; Weil, Biblische Legenden, 202; В. Перетцъ, Протоколы засѣд. О. Люб. Др. Письм. 1897—8 г., стр. 29.

Соломонъ: Migne, Patrologia, series graeca, t. CXXII; Fleck, Anecdota maximam partem sacra, Leipz. 1831; Тихонравовъ, Повѣсти о ц. Соломонѣ, Лѣтоп. р. лит. и древн. IV, 1862; тамъ же, Сказаніе о царицѣ Южичьской именемъ Малъкатьшка, I, 1859; А. Пыпинъ, Старинныя сказки о ца-

рѣ Соломонѣ, Изв. Имп. Ак. Н. по отд. р. яз. и слов. IV (старой серіи) вып. 7, и Ист. Чтенія о языкѣ и слов.; дополненіе—въ Изв. 1856 г., V, в. I; его-же—Очеркъ литер. исторіи стар. повѣстей... 1857; И. Срезневскій, Свѣдѣн. и замѣтки о малоизв. и неизв. памятникахъ, гл. XL; Чубинскій, Труды этногр.-статистич. экспедиціи въ юго-зап. край I; C. Hofman, Ueber Jourdain de Blaivies Apollonius v. Tyrus, Solomon und Morolph, Sitzungsberichte d. philosoph.-philolog. und histor. Classe der königl. Akademie zu München, 1871; А. Веселовскій, Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ и зап. европ. преданія о Морольфѣ и Мерлинѣ, 1872 (рец. Буслаева, Отч. о прис. наградъ гр. Уварова 1874); его-же, Опыты по истор. развитія христіанской легенды, II, Ж. М. Н.Пр. 1876, февр.; его-же, О талмудическомъ источникѣ одной Соломоновской повѣсти въ русской Палеѣ, тамъ же, 1880, апр.; его-же, Разысканія въ обл. р. дух. стиха, V, 1881; его-же, Эпизодъ о южской царицѣ въ Палеѣ, Замѣтки по литер. и нар. слов. I, Прил. къ XLV т. Зап. Имп. Ак. Н. 1883; его-же, Замѣтки къ исторіи апокрифовъ, Ж. М. Н. Пр. 1886, іюнь; его-же, Шведская баллада объ увозѣ Соломоновой жены, Изв. отд. р. яз. и сл. 1896, (т. I), кн. 1; Я. Богородскій, Соломонъ внѣбиблейскій, Прав. Собес. 1884, 11; И. Ждановъ, Русскій былевой эпосъ, 1895; Марголинъ, Сказанія о Соломонѣ, Пам. Др. Письм. 1880 г., III; Гринбергъ, Neue Beiträge, 1893; его-же, Beiträge zur vergl. Mythologie, Zeitschr. der D. Myth. Gesellschaft, XXXI; Weil, Biblische Legenden; C. Kiesewetter, Faust in der Geschichte und Tradition, Lpz. 1893, 325 (бѣсы въ бочкѣ); Изъ области малор. народн. легендъ, XVII, Этногр. Обозр.; І. Франко, Соломон і чорти в бочці, Житє і Слово, 1894, кн. I; А. Петровъ, Апокрифическое пророчество ц. Соломона о Христѣ, находящ. въ пространномъ житіи св. Константина Филос. по списку XIII в., Пам. Др. Письм. CIX, 1894; Ѳ. Кудринскій, Сказаніе о ц. Соломонѣ, Кіев. Стар. 1897, кн. V; А. Смирновъ, Псалмы Соломона, съ прилож. одъ Соломона, 1896; М. Сперанскій, Замѣтки о рукоп. Бѣлградскихъ и Софійской библіотекъ, Изв. Историко-Фил. Инст. кн. Безбородко, 1898, XVI т.; В. Истринъ, Греческіе списки завѣщанія Соломона, 1898; А. Архангельскій, Къ истор. южно-слав. и древне-русск. апокр. литературы, 1899; А. Яцимирскій, Мелкіе тексты и

замѣтки, вып. I, 1908; Г. Потанинъ, Сага о Соломонѣ, Томскъ, 1912. В. Перетцъ, Къ исторіи русской сказки, 1894.

Пророкъ Даніилъ: В. Макушевъ, О нѣкоторыхъ рукоп. Нар. библ. въ Бѣлградѣ, Р. Ф. Вѣстн. 1883 г.; В. Истринъ, Откровеніе Меѳодія Патарскаго и апокрифическія Видѣнія Даніила въ византійской и славяно-русской литературахъ, 1897; его-же—Греческіе списки апокрифическаго мученія Даніила и трехъ отроковъ, 1901.

Откровеніе Варуха: Срезневскій, Юсовые памятники; А. Поповъ, Описаніе рукоп. Хлудова; Ст. Новаковичъ, Starine, XVIII, 40 и 205; Поливка, Opisi i izvodi, Starine, XXI; А. Веселовскій, Изъ ист. романа и повѣсти, I, 331; Bonwetsch, Nachrichten d. k. Gesellschaft d. Wissensch. zu Göttingen 1896; М. Соколовъ, Матеріалы и замѣтки по старинной славянск. литер., 1888; его-же—Апокрифическое откровеніе Варуха, Труды Слав. Комм. Моск. Арх. Общ., III и IV; С. Долговъ, Новый списокъ Откровенія В., тамъ же, т. V.

Мученіе Іереміи: S. Novaković, Apokrifi jednoga srpskog ćirilovskog zbornika XIV v. Слово прор. Іереміи о плѣненіи Іерусалима. Starine, VIII, 1876; Polivka, Opisi i izvodi, VI, Starine XXI, 1889.

Видѣніе Исаіи: Рачкій, Bogomili a Patareni, Rad jugosl. Akad. кн. X и отд. 1870 г.; Haug, Uber das Ardîu—Vîrâf—nâmeh, Sitzungsberichte d. k. baier. Akad. 1870, I, 3.; Spiegel, Die traditionelle Literatur des Parsen, Wien 1860; А. Веселовскій, Славян. сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ и западныя легенды о Морольфѣ и Мерлинѣ, СПБ. 1872; А. Поповъ, Описаніе рукоп. Хлудова; его-же, Библіограф. матеріалы I, Чт. Общ. Ист. и Др. 1879 г.; М. Соколовъ, Фениксъ въ апокрифахъ объ Енохѣ и Варухѣ, Новый сборникъ въ честь В. И. Ламанскаго, 1905; І. Гольманнъ, Религія іудеевъ въ эпоху Іисуса. Религія и церковь, кн. 6, М. 1908; Стојановић, Споменикъ, III; М. Соколовъ, Славян. книга Еноха Праведнаго, М. 1910.

Слово о Крестномъ древѣ (попа Іереміи): А. Поповъ, Опис. рукоп. библ. Хлудова, 1872 и Первое прибавленіе къ Описанію, 1875; М. Соколовъ, Матеріалы и замѣтки, 1888; (рец. Ягича въ Отч. о 33-мъ присужд. Уваров. наградъ 1893); Schroeder, Von dem Holtze des heiligen Kreuzes, Erlang.

1869; И. Ягичъ, Prilozi k histor. knjizevnosti nar. hrvatskoga i srpskoga; Mussafia, Sulla leggenda del legno della Croce, Sitzungsberichte d. philos.-hist. Classe d. Kais. Akad. d. Wiss., XXXXIII B., 1869, I—II Heft. Wien.

Апокрифы Новозавѣтные. Апокрифическія Евангелія: Свящ. Альбовъ, Объ апокрифич. Евангеліяхъ, Хр. Чт. 1871, іюль; 1872, іюнь—авг.; М. Н. Сперанскій, Славянскія апокр. Евангелія, М. 1895 (Тр. VIII Арх. Съѣзда); Ягичъ, Апокр. Первоевангеліе Іакова по среднеболг. сборн. к. XIII в. Изв. отд. р. яз. и слов. 1892, кн. 2; Ст. Новаковичъ, Starine, IX и X; Ягичъ, Критическія замѣтки къ славянскому переводу двухъ апокр. сказаній, Изв. отд. р. яз. и слов., 1898 г., кн. 2; А. Поповъ, Опис. рукоп. Хлудова, 1872, текстъ Ев. Ѳомы; Новаковичъ, Starine, т. VIII; А. Яцимирскій, Изъ славянскихъ рукописей, М. 1898; Архангельскій, Къ исторіи южнославянской и древне-русской апокр. литер. Два любопытн. сборника Соф. Гор. библіот. въ Болгаріи, Извѣстія, 1899, кн. 1; В. Адріанова, Евангеліе Ѳомы въ старинной украинской литературѣ, Извѣстія 1909 г., кн. 2; Даничичъ, Starine, т. IV, текстъ Никод. Ев.; Гласник срп. уч. друштва т. 1875 г., текстъ Ник. Ев.; Polívka, Evangelium Nikodemovo v literaturach slovanských, Časop. Musea Českého 1891—92.

Апокрифическія Дѣянія: Свящ. Смирновъ, Апокрифическія сказанія о Божіей Матери и дѣяніяхъ апостоловъ, Прав. Об. 1873, апр.; В. Мочульскій, Апокрифическое житіе ап. Петра по серб. рук. XVI в. Загреб. Академіи, Изд. Моск. Археол. Общ.; Сырку, Рукописные проложные отрывки въ собр. Шафарика, Извѣстія 1896 кн. I; В. Васильевскій, Хожденіе ап. Андрея въ страны Мирмидонянъ, Ж. М. Н. Пр. 1877, янв. (и Собр. соч.). Малышевскій, Сказаніе о посѣщеніи русской страны св. ап. Андреемъ, Сборн. въ память 900-лѣтія Крещенія Руси, Кіевъ, 1888; М. Сперанскій, Апокрифич. дѣянія ап. Андрея въ славянск. спискахъ, Древн. Имп. Арх. Общ. XV и отд. 1894 г.; житіе и хожд. Іоанна Богослова, П. Др. II. LVII, 1878; Ягичъ, Starine, V (текстъ дѣяній ап. Ѳомы). Лавровскій, Описаніе семи рукоп. СПБ. Публ. библ. (Сказ. Афродитіана). Макушевъ, О нѣкот. рукоп. Нар. библ. въ Бѣлградѣ, РФВ. 1883, I (тоже); Polívka, Starine, XXII (тоже).

Апокр. сказанія о новозавѣтныхъ лицахъ: П. Щеголевъ, Очерки по исторіи отреченной литер. Сказаніе Афродитіана, Извѣстія 1899, 1, и 1900; Срезневскій, Свѣдѣнія и замѣтки о неизвѣстныхъ и малоизвѣстныхъ памятникахъ, СПБ. 1887 (о Богородицѣ); А. Поповъ, Библіографическіе матеріалы. I—XI; Ст. Новаковичъ, Starine XVIII (о Богородицѣ); В. Сахаровъ, Апокрифическія и легендарныя сказанія о Пресвятой Дѣвѣ Маріи, особенно распространенныя въ древней Руси, Хр. Чт. 1888, мартъ-апр.; А. Кирпичниковъ, Сказанія о житіи Пр. Дѣвы Маріи и ихъ выраженія въ средневѣковомъ искусствѣ, Ж. М. Н. Пр. 1883, ч. 233, и Успеніе Богородицы въ легендѣ и искусствѣ, Одесса 1886. Свящ. Эминъ, Сказаніе о преставленіи Богородицы и объ ея образѣ, написанномъ евангелистомъ Іоанномъ, Прав. Об. 1874. С. Чебанъ, Румынскія легенды о Богородицѣ, М. 1912 (изъ Этн. Об. XC—XCI). М. Драгомановъ, Славянскитѣ прѣправки на Едиповата история, Сборн. за нар умотв., т. V—VI (объ Іудѣ); Костомаровъ, Легенда о кровосмѣсителѣ, Истор. монографіи, I; С. Соловьевъ, Историко-литер. этюды. Къ легендамъ объ Іудѣ предателѣ, Харьк. 1895. Франко, Вій, Шолудивий Буняка і Юда Іскаріотський, К. Стар. 1907, I; V. Istrin, Die griechische Version der Judas Legende, Archiv f. sl. Ph. XX; Polívka, Drobne Prispevky, 1894. Тихонравовъ, Лѣтоп. р. лит. и древн., кн. 6, Нар. стихъ объ Іудѣ; Срв. Безсоновъ, Калѣки перехожіе, вып. IV.

Апокр. Апокалипсисы: Срезневскій, Древн. памятники русск. языка и письма, 1863 (изъ Изв. II отд. X, 551)—Хожденіе Богородицы по мукамъ; Новаковичъ, Starine. XV; А. Назаревскій, Хожденіе Б-цы по мукам въ нових українськ. списках, Записки наук. укр. тов. въ Кіевѣ, кн. 2; А. Пыпинъ, Древняя русская литература, старинные апокрифы. Хожденіе Б-цы по мукамъ. Отеч., Зап. 1856, т. CXV; Л. Шепелевичъ, Очерки по исторіи средневѣковой литературы и культуры I. Хожденія по мукамъ, Харьк. 1890; Н. Бокадоровъ, Легенда о хожденіи Б-цы по мукамъ, Изборникъ Кіевскій, 1904; В. Истринъ, Откровеніе Меѳодія Патарскаго и апокриф. Видѣнія Даніила, 1897. Hermann Brandes, Visio S. Pauli, ein Beitrag zur Visionsliteratur mit einem deutschen und zwei lateinischen Texten, Halle 1885. Шепелевичъ,

Этюды о Данте. I Апокрифическое видѣніе св. Павла, I—II. Харьк. 1891—92. Ягичъ, Opisi i izvodi iz nekolika jugoslovenskich rukopisa. Zagr. I—III. М. Сперанскій, Откровеніе св. Апостоламъ, М. 1907 (Тр. Слав. Комм. т. 4).

Вопросо-отвѣты: И. Срезневскій, Древнеслав. памятники юсового письма, 1868; кн. Вяземскій, Пам. Др. Письм. 1880, I; Красносельцевъ, Къ вопр. о греческихъ источникахъ Бесѣды 3-хъ святителей, 1890; Мочульскій, Историко-литер. анализъ стиха о Голубиной Книгѣ, 1887 (рец. Брайловскаго, Ж. М. Н. Пр. 1888, окт.); его-же—Слѣды народной Библіи въ слав. и древне-русской письменности, 1893; Архангельскій, Твор. оо. церкви въ древне-русск. письм. II; Ждановъ, Бесѣда 3-хъ святителей и joca monachorum, Сочиненія, I; Никольскій, О литер. трудахъ Климента Смолятича; Сушицкій, Кіевскіе списки Бесѣды 3-хъ святителей; Отчеты объ экскурсіи семин. русск. филол. въ С.-Петербургъ 1911 г. и въ Москву 1912 г.

Гадательныя книги: М. Сперанскій, Изъ исторіи отреченныхъ книгъ. I, Гаданіе по Псалтыри, 1899 (Пам. Др. П. CXXIX); II, Трепетники, 1899 (П. Др. П. CXXXI); III, Лопаточникъ, 1900; IV, Аристотелевы врата, 1908 (П. Др. П. CLXXI); В. Истринъ, Къ вопросу о Гадательныхъ Псалтыряхъ, 1901; В. Перетцъ, Матеріалы къ исторіи апокрифа и легенды. I. Къ исторіи Громника, 1899; II. Къ исторіи Лунника, 1901. Н. Кононовъ, Изъ области астрологіи, Труды Слав. Комм. Моск. Арх. Общ., т. IV, 1907.

Сказаніе о Сивиллахъ: А. Соболевскій, Переводная литература, 1903; Городинський, Апокріф про Сівілю, Зап. Н. Тов. ім. Шевч. 1905, кн. 5; Е. Карскій, Западнорусское сказаніе о Сивиллѣ пророчицѣ по рук. XVI в., 1898; Сушицкій, Отчетъ объ экскурсіи семин. русск. филологіи въ С.-Петербургъ въ 1913 г.

Епистолія о недѣлѣ: А. Веселовскій, Опыты по исторіи развитія христ. легенды, II—VI; его-же—Дж. Питра и его библіотека народныхъ сициліанскихъ преданій, Ж. М. Н. Пр. 1876, янв.; его-же, Критич. и библіографич. замѣтки, тамъ же, 1878, янв.; А. Пыпинъ, Для объясненія ложныхъ книгъ и преданій. Недѣля и Эпистолія о недѣлѣ, Лѣтоп. занят. Археогр. Комм. 1862—1863, II; К. Радченко, Епистолія о нед. по Филипопольскому и Бѣлградск. спискамъ, Чт. Общ.

Нестора Лѣт. кн. XVIII, в. 2; С. Вилинскій, Болгарскіе тексты эпист. о нед. 1902; его-же—Кирилло-Бѣлозерск. списокъ епистоліи о нед. 1903.

Сказаніе о 12 пятницахъ: Порфирьевъ, Почитаніе среды и пятницы въ русск. народѣ, Прав. Собес. 1859, кн 2; А. Веселовскій, Опыты по ист. христ. легенды, Ж. М. Н. Пр. 1876, Іюнь; Некрасовъ, Замѣч. по поводу русск. народнаго сказанія о пятницахъ, Филол. Зап. 1870, III; С. Шевченко, Елевферіевська редакція Сказанія о 12 пятницах. Зап. Укр. Наук. Тов. в Кіевѣ II; В. Перетцъ, Новые труды по источниковѣдѣнію и палеографіи. Вторая серія XXXIX—XLIII, 1913. Прилож.

Луцидарій: Тихонравовъ, Сочиненія, т. I; Архангельскій, Къ исторіи нѣмецкаго и чешскаго Луцидаріусовъ, 1897; его-же, Къ исторіи древне-русскаго Луцидаріуса, 1899; А. Покровскій, Объ источникахъ Луцидаріуса, Тр. Слав. Комм., III; Е. Карскій, Малорусскій Луцидарій XVII в. 1906.

---

6. Житійная литература.

Въ основу изученія житійной литературы древней Руси слѣдуетъ положить знакомство съ исторіей православной Церкви, особенно — русской, см. Ист. Ц. митр. Макарія (особ. тт. IV—VIII) и Голубинскаго (т. I—II) и того-же автора — Исторію канонизаціи русскихъ святыхъ, 1894 г. (срв. Васильевъ, Исторія канонизаціи русскихъ святыхъ, 1894). Для изученія исторіи русскихъ житій важны также труды: K. Krumbacher, Geschichte der byzantinischen Litteratur, 2-te Aufl.; арх. Сергій, Полный мѣсяцесловъ Востока, М. 1875, I—II; Н. Барсуковъ, Источники русской агіографіи, 1882 (Пам. Др. II. LXXXI); арх. Леонидъ, Святая Русь, 1891 (П. Др. II. XCVII); В. Иконниковъ, Опытъ р. исторіографіи, т. II, кн. 2.

О житіяхъ, заключающихся въ **Прологѣ** и о составѣ и исторіи этого памятника: И. Срезневскій, Свѣдѣнія и замѣтки, гл III; Н. Петровъ, О происхожденіи и составѣ славянорусскаго печатнаго Пролога, Кіевъ, 1875; Н. Владимирскій, Нѣсколько словъ о Прологѣ, памятникѣ др.-р. письменности, Уч. Зап. Каз. Ун., 1875, № 5 стр.

850; Е. Пѣтуховъ, Изъ исторіи древне-русскаго Пролога, Изв. Ист. фил. Инст. кн. Безбородка т. XII, 1893; А. Пономаревъ, Памятники др. русск. церковно-учительной литер., вып. 2 и 4. Славяно-русскій Прологъ; А. Кирпичниковъ, Аѳинскій великій Синаксарь, какъ цѣнный археологическій и историч. источникъ. Ж. М. Н. Пр. 1902, окт.

О **Четьихъ-Минеяхъ**: преосв. Макарій, Лѣтописи р. литер. и древн. Тихонравова, т. I; Д. Красинъ Четьи-Мин. свящ. Іоанна Милютина, Моск. Ун. Изв. 1870, № 8; М. Сперанскій, Сентябрьская Мин.-Ч. до-Макарьевскаго состава (Изв. отд. р. яз. и слов. 1896; его-же, Октябрьская Минея-Четья до Макарьевскаго состава, 1901 (изъ того же изд.); Славянская Метафрастовская Минея-Четья, Изв. отд. р. яз. и сл. 1904, кн. 4; В. Васильевскій, Синодальный кодексъ Метафраста, Ж. М. Н. Пр. 1897.

О **Патерикахъ**. Сначала укажемъ нѣчто о переводныхъ: арх. Леонидъ, Свѣдѣнія о славянск. и русск. переводахъ Патериковъ, Чт. О. И. и Др. 1890, кн. 4; Лавсаикъ Палладія еп. Еленопольскаго, 1873; Палестинскій Патерикъ, вып. 1—8, изд. Правосл. Палест. Общ.; Лугъ духовный (Лимонарь), твореніе блаж. Іоанна Москва, перев. свящ. Хитрово, 1896; В. Преображенскій, Славяно-русскій Скитскій Патерикъ, 1909.

О Патерикѣ Печерскомъ: Тимковскій, Краткое изслѣдованіе о Патерикѣ Нестора; П. Казанскій, Критическій разборъ свидѣтельствъ Патерика Печ. о Лѣтоп. Нестора, Временн. Общ. И. и Др. Р., т. VII; его-же, О времени основ. Печ. обители, тамъ-же, XIX; А. Кубаревъ, Изслѣдованіе о Пат. Печ. и описаніе древнѣйшаго харатейнаго списка онаго, М. 1847 (Чт. О. и Др. 1847, № 9) и въ Ж. М. Н. Пр. 1838 г. № 10; Ундольскій, Іосифъ Тризна, редакторъ Пат. Печ. Чт. О. И. и Др. Р. 1845—6, кн. 4; А. Кубаревъ, О редакціяхъ Пат. Печ., тамъ же, 1858, кн. 3; пр. Макарій, Обзоръ редакцій Кіево-Печ. Патер., Историч. Чтенія о яз. и слов. II отд. И. Ак. Н. 1856—57; Изв. Ак. Н. IV; іер. Леонидъ, О списателяхъ Пат. Печ. Чт. О. И. Др. Р., 1860 г. кн. 4; М. Викторова, Кіево-Печ. Пат. по древн. рукописямъ въ переложеніи на соврем. р. яз. 1870 (рец. Некрасова, Фил. Зап. 1870, № 6); И. Некрасовъ, Составители К.-Печ. Пат. и позднѣйшая его судьба, Фил. Зап. 1871; Памятники р. литер. XII и XIII в.в., изд. В. Яковле-

вымъ, 1872; В. Яковлевъ, Древне-Кіевскія религіозныя сказанія, 1875; Г. Георгіевскій, Печатный Патер. Печерскій, Р. Обозр. 1883, № 5 и 6; А. Шахматовъ, Кіево-Печ. Пат. и Печерская лѣтопись, Изв. Отд. р. яз. и сл. 1897, кн. 3; Д. Абрамовичъ, Изслѣдованіе о К.-Печ. Пат., какъ историко-литературномъ памятникѣ, 1902; А. Шахматовъ, Житіе Антонія и Печ. Лѣтопись, Ж. М. Н. Пр. 1898, мартъ; Д. Абрамовичъ, Къ вопр. объ источникахъ Несторова житія преп. Ѳеодосія Печ., Изв. отд. р. яз. 1898, кн. 1; А. Шахматовъ, Нѣск. словъ о Несторовомъ житіи св. Ѳеодосія, Сборн. отд. р. яз. и слов. И. А. Н. 1896, и отд. Печерскій Патерикъ изданъ вновь въ Памятникахъ сл.-русск. письм., изд. И. Археограф. Комм., II, 1911 г.; Патерикъ Соловецкій, СПБ. 1873 г.

О житійной литературѣ внѣ сборниковъ постояннаго состава—см. у Буслаева, Историческіе Очерки, I—II, а главнымъ образомъ въ слѣдующихъ трудахъ: И. Некрасовъ, Зарожденіе національной литер. въ сѣверной Руси, Од. 1870; В. Ключевскій, Древне-русскія житія свв., какъ историческій источникъ, М. 1871; (рец. П. Попова, Прав. Обозр. 1872, мартъ); И. Яхонтовъ, Житія свв. сѣверорусскихъ подвижниковъ поморскаго края, какъ историч. источникъ, Казань, 1882; Н. Коноплевъ, Святые Вологодскаго края, Чтенія Общ. И. и Др. Р. 1895, кн. 4; А. Кадлубовскій, Очерки по исторіи древне-русской литературы житій святыхъ, Варш. 1902; Н. Тупиковъ, Литер. дѣятельность ц. Ивана Ивановича, Ж. М. Н. Пр. 1894 и отд.; Д. Шестаковъ, Изслѣдованія въ области греческихъ народныхъ сказаній о святыхъ, 1910; А. Соболевскій, Южно-славянское вліяніе на русскую письменность въ XIV—XV в., 1894; И. Некрасовъ, Пахомій Сербъ, писатель XV в., Зап. Новоросс. Унив., т. VI, 1871; свящ. В. Яблонскій, Пахомій Сербъ и его агіографическія писанія, 1908; В. Мансикка, Житіе Александра Невскаго. Разборъ редакцій и текстъ. 1913 (Пам. Др. II. CLXXX).

Перечень **изданій житій свв.**—у В. С. Иконникова, Опытъ р. историогр. т. II, кн. 2; нѣкоторыя житія изданы въ Пам. Стар. Р. Лит. изд. Кушелева-Безбородко, подъ ред. Костомарова, и въ Свѣдѣн. и зам. И. Срезневскаго; назовемъ еще: Н. Рѣдковъ, Пр. Авраамій Смолен-

скій и его житіе (Смоленская Старина, вып. I, 1909 г.); С. Розановъ, Житія пр. Авраамія Смолен. и службы ему, 1912 (изд. И. Акад. Н.); арх. Леонидъ, Сказаніе о подвигахъ и жизни св. благов. и вел. кн. Александра Ярославича Невскаго по списку XIII в., 1882; см. также Протоколы Археогр. Комм. III, и Протоколы И. Общ. Л. Др. П. 1891—92, стр. 9; Житіе митрополита всея Руси св. Алексія, составл. Пахоміемъ Логоѳетомъ, СПБ. 1877, Пам. Др. Письм. вып. IV; Успенскій и Воробьевъ, Лицевое житіе св. Алексѣя человѣка Божія; П. Владимировъ, Житіе св. Алексѣя человѣка Божія въ зап.-русск. переводѣ к. XV в., Ж. М. Н. Пр. 1887, окт.; И. Срезневскій, Сказанія о свв. Борисѣ и Глѣбѣ, Сильвестровскій списокъ XIV вѣка, 1866 г.; Н. Лихачевъ, Лицевое житіе свв. Бориса и Глѣба, изд. О. Л. Др. II. CXXIV; Отчетъ объ экскурсіи семин. р. филол. въ СПБ., 1911 г.; Житіе преп. Антонія Римлянина, Прав. Соб. 1858, V—VI; Житіе св. Аркадія, еп. Новгор. въ спискѣ 2-й полов. XIV в. съ предисловіемъ А. Орлова, М. 1899 (Изъ Чт. О. И. и Др.); С. Вилинскій, Житіе Василія Новаго, Од. 1911; Повѣсть о преп. Варлаамѣ Керенскомъ, Зап. Акад. Н., т. LXXIII; Житіе Варлаама Хутынскаго, Изд. О. Л. Др. Письм. XLI, 1881; А. Никольскій, Житіе преп. Варлаама Хут. Лихудіевой редакціи, 1911 (Изъ Вѣстн. Археол., XXI); Н. Никольскій, Легенда мантуанскаго еп. Гумпольда о св. Вячеславѣ Чешскомъ въ славяно-русскомъ переложеніи, Пам. Др. Письм. CLXXIV, 1909; В. Васильевскій, Русско-визант. изслѣдованія, в. II, Житія Георгія Амастридскаго и Стефана Сурожскаго, 1893 (и Собр. сочин.); Житіе св. Димитрія царевича, П. Др. Письм. XXXVI, 1879; Х. Лопаревъ, Житія св. Евдокима Праведнаго, тамъ-же, XCVI, 1893 г.; Житіе в. кн. Евфросиніи Суздал., тамъ-же, XCI; А. Никольскій, Сказанія о двухъ новгор. чудесахъ изъ житія св. Іоанна Крестителя, Изв. отд. р. яз. и сл. 1907, кн. 3; И. Шляпкинъ, Замѣтка о житій Иларіона митр. Суздальскаго, тамъ-же, 1899; Житіе св. Исаіи еп. Ростовскаго, Прав. Соб., 1858, кн. 3; Слово въ память св. Леонтія еп. Рост., тамъ-же; В. Успенскій и Н. Воробьевъ, Лицевое житіе св. Маріи Египетской, 1906; о ж. Матѳея Прозорливаго—Отч. о дѣят. И. О. Др. Письм., 1880; Житіе Матѳея Прозорливаго, П. Др. Письм. XXXIV, 1879; Житіе Меѳодія еп. Моравскаго, Чт. О. Ист. и Др. Р.

1865, кн. 1; П. Васенко, Житіе св. Михаила Клопскаго въ ред. 1537 г. и печ. его изданіе, Изв. отд. р. яз. и сл. 1903, кн. 3; Житіе пр. Нифонта, Отч. о дѣят. И. О. Л. Др. Письм., 1880 и изд. № LII; Н. Серебрянскій, О редакціяхъ жит. преп. Никандра Псковского, Пам. Др. П. CLVII, 1905; Житіе Николая Чудотворца, Изд. И. О. Л. Др. П., вып. XXVII (1878) и XL (1879); арх. Леонидъ, Житіе и чудеса св. Николая Мирликійскаго чудотв. и похвала ему, 1881; Н. Толстой, Историческая ошибка (о жит. св. Николая Мирлик.) Изв. отд. р. яз. и сл. 1907, кн. 3; А. Никольскій, Сказаніе объ обрѣтеніи св. мощей святителя Никиты Новгор. чудотворца, тамъ же, 1905, кн. 2; о житіи пр. Никиты Переяславскаго, Отч. И. О. Л. Др. П. 1901—1902 г.; о томъ же св.—Г. Кунцевичъ, Ж. М. Н. Пр. 1902, № 5; П. Тихановъ, Пр. Олегъ и Поликарпъ, Брянскіе чудотворцы, 1893; А. Кадлубовскій, Житіе пр. Пафнутія Боровскаго, писанное Васс. Санинымъ, Нѣж. 1898; о томъ же св.—А. Веселовскій, Разыск. въ обл. р. дух. стиховъ, Сборн. отд. р. яз. и сл. И. Акад. Н. т. XLVI; И. Шляпкинъ, св. Питиримъ, еп. Пермскій, Ж. М. Н. Пр. 1894, мартъ; Житіе преп. Прокопія Устюжскаго, Изд. О. Л. Др. П. № CIII, 1893; О редакціяхъ житія Саввы Крыпецкаго и Евфросина Псковск. см. Отч. Общ. Л. Др. П. 1902—1904; И. Помяловскій, Житіе св. Саввы Освященнаго, сост. св. Кирилломъ Скиѳопольскимъ, въ древне-русскомъ переводѣ, Пам. Др. П. № XCVI, 1890; И. Шляпкинъ, Сообщеніе о жит. Серапіона архіеп. Новгор. Отч. Общ. Л. Др. П. 1899—1900; арх. Леонидъ, Житіе препод. и богоносн. о. нашего Сергія чудотворца и похвальное ему слово, написанное ученикомъ его Епифаніемъ Премудрымъ въ XV в., Пам. Др. Письм. 1885 г.; Н. Тихонравовъ, Древнія житія преп. Сергія Радонежскаго, Зап. Акад. Н. т. LXXI, стр. 200; П. Виноградовъ, О житіи пр. Сергія Радонежскаго, 1893; А. Соболевскій, Мученіе папы Стефана по русскому списку XV в., Изв. отд. р. яз. и сл. 1905, кн. 1; Х. Лопаревъ, Житіе преп. Стефана Комельскаго, Пам. Др. П. 1892; Житіе преп. о. наш. Трифона Вятскаго чудотворца, прилож. къ Прав. Собес. 1858 г.; Житіе Ѳеодора Эдесскаго, изд. И. О. Л. Др. П., XLVIII—LXI—LXXII; Житіе преп. отецъ Ѳеодора и Василія, изд. И. О. Л. Др. П. XXXVII, 1879 г.; арх. Леонидъ, Два па-

мятника древней русск. письменности, Чт. О. И. и Др. Р., 1890 (о Ѳеодосіи Печ.); П. Шестаковъ, Просвѣтители лопарей, арх. Ѳеодоритъ и св. Трифонъ Печенгскій, Ж. М. Н. Пр., 1868, іюль; о житіи митр. Филиппа—Виноградовъ, Отч. о дѣят. Тверск. Уч. Арх. Комм. за 1900 г., и Истор. Вѣстн. 1902, № 2; Знаменскій, Прав. Обозр. 1883, кн. 4; Житіе преп. Филиппа Ирапскаго, съ предисл. В. Ключевскаго, Изд. О. Л. Др. П. № XLVI, 1879 г.; см. еще Отчетъ того же Общ. за 1880 г. О житіяхъ преп. Ѳеодосія, а также Бориса и Глѣба, св. Николая Мирликійскаго и равноап. кн. Владимира—см. въ „Матеріалахъ“ Н. К. Никольскаго; также—Сборникъ въ память 800-лѣтія крещ. Руси, изд. Ист. Общ. Нестора Лѣтоп. подъ редакціей А. И. Соболевскаго. Также см.: А. Соболевскій, Житія свв. въ древнемъ переводѣ на церк.-слав. съ латинскаго яз., Изв. отд. р. яз. т. VII, кн. 1, 2 и 4 и отд. 1904 г.; его-же—Матеріалы и изслѣдованія въ области славянской филологіи и археологіи (о жит. Андрея юрод. и др.) 1910; В. Латышевъ, Житія св. епископовъ херсонскихъ, Зап. И. Ак. Н. VIII, 1906; И. Хрущовъ, О древнерусскихъ историческихъ повѣстяхъ и сказаніяхъ XI—XII вв., 1878; И. Шляпкинъ, Св. Димитрій Рост. и его время, 1891; С. Платоновъ, Древне-русскія сказанія о смутѣ... 2-е изд. 1913 и др.

---

7. Историческая литература

(Лѣтописи, Хронографы и т. д.) указана въ подавляющихъ размѣрахъ у В. Иконникова, въ его Опытѣ русской исторіографіи. Отмѣтимъ здѣсь только главные моменты изученія лѣтописей въ русской наукѣ. Издаются лѣтописи Имп. Археогр. Коммиссіей (Полное Собр. Р. Лѣтописей); изслѣдованія: М. Сухомлиновъ, О древней русской лѣтописи, какъ памятникѣ литературномъ, 1857 г. и Изслѣдованія 1908 г.; К. Бестужевъ-Рюминъ, О составѣ русскихъ лѣтописей до к. XIV в. 1874; А. Маркевичъ, О лѣтописяхъ, 2 вып. 1883—1884; А. Шахматовъ, Разысканія о древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ, 1908 (изъ XX т. Лѣтоп. занятій Импер. Археогр. Комм.); А. Поповъ, Обзоръ Хронографовъ русск. редакціи, 2 вып. 1866—69 г. и Избор-

никъ слав. и русск. сочиненій и статей, внесенныхъ въ Хронографы русск. редакціи, 1869; Библіогр. матеріалы 1889 г.; и др. (см. у Иконникова, Опытъ, и у Пыпина, Ист. р. лит. I, 309 и сл.); В. Истринъ, Особый видъ Еллинскаго лѣтописца изъ собр. Тихонравова, Изв. отд. яз. и слов. 1912 г., кн. 3.

8. Хожденія въ Святую землю и путешествія вообще.

Литература хожденій въ св. Землю была въ древней Руси весьма богата, хотя и однообразна. Памятники тянутся съ XII в.—Большая часть ихъ издана въ „Православномъ Палестинскомъ Сборникѣ“ (сокращ. П. П. Сб.); тамъ же издано довольно много разнообразныхъ Проскинитаріевъ греческихъ, латинскихъ и юго-славянскихъ, необходимыхъ для изученія др.-русскихъ. Ниже только библіографія послѣднихъ. (Общіе обзоры: А. Пыпинъ, Древнерусское паломничество, Чтенія о св. Землѣ, вып. XXXVI и XXXVII, 1896—1897. А. И. Платоновъ, Древнерусскіе паломники изъ среды духовенства и мірянъ, Сообщенія Имп. Палест. Общ. 1906, XIII, вып. 4).

Даніилъ игуменъ: Ж. М. Н. Пр. 1839, ч. 23, новости; Сахаровъ, Сказанія Русскаго Нар. II, 1849; А. Норовъ, Путешествіе игумена Д. по св. Землѣ въ нач. XII в., изд. Археогр. Комм. 1864; М. Веневитиновъ, Лицевой списокъ хожденія Д. Паломника, Пам. Др. Письм. V, 1881; Житье и хоженье Данила русьскыя земли игумена 1106—1108 гг. подъ ред. М. Веневитинова, П. П. Сб. I, вып. 3 и 9, 1883; того-же—Замѣтки къ исторіи хожденія игумена Д. I—II, Ж. М. Н. Пр. 1883, май; III, тéкстъ Макарьевскаго 1-го списка въ изданіи А. С. Норова, тамъ же, 1887, янв.; Старинные русскіе паломники въ изданіи Пр. Пал. Общ., Ж. М. Н. Пр. 1884, іюнь; М. Веневитиновъ, Передѣлка хожденія игум. Даніила въ сборникѣ св. Димитрія Ростовскаго, М. 1887; его-же, Уваровскіе списки Даніилова хожденія, Труды М. Импер. Археол. общ. т. XII, вып. 1, 1887; Н. Рузскій, Свѣдѣнія о рукописяхъ, содержащихъ въ себѣ хожденіе... игумена Даніила, Чт. Общ. Ист. и Др. Р. 1891, кн. 3; Тихонравовъ, Сочиненія, I, стр. 135; М. Сперанскій, Сла-

вянскія апокрифическія евангелія, (Тр. Археол. съѣзда въ Москвѣ и отд. 1895 стр. 72); П. Заболотскій, Легендарный и апокриф. элементъ въ хожденіи игум. Д., Р. Фил. Вѣстн. 1899 и отд.; Г. Ласкинъ, Нѣчто о Даніилѣ Паломникѣ, Сообщенія Прав. Пал. Общ. 1900, янв.—февр.

Антоній, архіеп. Новгородскій: Ѳ. Буслаевъ и К. Герцъ, Сказаніе о созданіи ц. св. Софіи, Лѣтоп. р. литерат. и древн. изд. Тихонравовымъ, т. II, 1859; Саввантовъ, Путешествіе Новгородскаго архіеп. Антонія въ Царьградъ въ к. XII ст., 1872; И. Срезневскій, Свѣдѣнія и замѣтки гл. LX, 1876; его-же, Св. Софія Царьградская по описанію русскаго паломника к. XII в. Тр. 3-го Арх. Съѣзда въ Кіевѣ. 1874 г., I, 1878; Л. Майковъ, Описаніе Царьграда к. XIII и нач. XIV в., Библіографъ 1888 г. № 2; Х. Лопаревъ, Новый списокъ описанія Царьграда Антонія Новг., тамъ же, 1888, № 12; арх. Леонидъ, Сказаніе о св. Софіи Царегр., памятникъ др.-р. письм. исхода XII в. по рукоп. XIV в. № 902 гр. Уварова. Пам. Др. Письм. 1889, LXXVIII; Л. Н. Майковъ, Матеріалы и изслѣдованія по старинной русской литературѣ. Бесѣда о святыняхъ и друг. достопамятностяхъ Царьграда, 1890 (Сб. от. р. яз. и слов.); Х. Лопаревъ, Описаніе рукоп. Имп. Общ. Люб. Др. Письм., II, 1893, стр. 385; его-же, О такъ называемомъ русскомъ паломникѣ Леонтіи, Ж. М. Н. Пр. 1897, іюль, 405; Книга Паломникъ, Сказаніе мѣстъ святыхъ во Царьградѣ Антонія архіеп. Новгородскаго въ 1200 г., подъ ред. Х. Лопарева, Пр. Пал. Сб., XVII, вып. 3, 1899; А. Яцимирскій, Новыя данныя о хожденіи архіеп. Антонія въ Царьградъ, Изв. отд. р. яз. и сл., 1899 г., кн. 1; С. Вилинскій, Византійско-славянскія сказанія о созданіи храма св. Софіи Царьградской, Одесса 1900; Д. Айналовъ, Примѣчанія къ тексту книги „Паломникъ“ Антонія Новгор., Ж. М. Н. Пр. 1906, іюнь.

Анонимъ: Бесѣда о святыняхъ и друг. достопам. Царьграда, Л. Майковъ, Матеріалы и изслѣдованія, 1890; Г. Дестунисъ, Ж. М. Н. Пр. 1890, сент.; Д. Кобеко, Опытъ исправленія Бесѣды о святыняхъ Ц., Изв. отд. р. яз. и слов. 1897, кн. 3; его-же, Дополнительная замѣтка къ назв. статьѣ —тамъ-же, кн. 4; его-же, Топографическія указанія Бесѣды о свят. Ц., Визант. Врем., т. 8, вып. 1—2, 1901.

Стефанъ Новгородецъ: Сахаровъ, Сказанія, II; Строевъ,

Библіол. слов.; И. Срезневскій, Др. пам. р. письма и яз. 2-е изд. 1882, стр. 196.

Агрефеній архим.: Я. Горожанскій, Хожденіе арх. Грефенья во св. Землю, Р. Ф. Вѣстн., 1885 г., № 1; А. Веселовскій, Къ вопросу объ образованіи мѣстныхъ легендъ въ Палестинѣ, Ж. М. Н. Пр, 1885, май; арх. Леонидъ, Замѣтка по поводу хожд. арх. Грееніа, Пр. П. Сб. т. VI, вып. 1; подъ его-же редакціей—Хожденіе архим. Агреенья обители Пресв. Богородицы, Пр. П. Сб. т. XVI, вып. 3, 1896.

Игнатій Смольнянинъ: Сахаровъ, Сказанія, II; И. Срезневскій, Др. пам. р. письма и яз., 2-е изд. стр. 272; Строевъ, Библ. Слов.; арх. Леонидъ, Іерусалимъ, Палестина и Аѳонъ по русск. паломникамъ XIV—XVII в. Чт. О. И. и Др. Р. 1871, кн. 1, янв.—мартъ; Хожденіе Игн. См. 1389—1405 г. подъ ред. С. Арсеньева, Пр. П. Сб., т, IV, вып. 3, 1887; Н. Мисниковъ, О приписываемомъ Игнатію См. описаніи Іерусалима, Чт. О. И. и Др. Р. 1901, кн. 2.

Дьякъ Александръ: Хоженіе въ Цареградъ дьяка А., Сахаровъ, Сказанія, II; И. Срезневскій, Др. пам. р. письма и яз., изд. 2-е.

Епифаній мнихъ: Сказаніе Еп. мниха о пути къ Іерусалиму 1415—1417 г. подъ ред. арх. Леонида. Пр. Пал. Сб. т. V, в. 3, 1887.

Зосима инокъ: П. Строевъ, Странникъ Зосимы діакона, Русск. Зритель, 1828 г.; Сахаровъ, Сказанія II; арх. Леонидъ, Іерусалимъ, Палест. и Аѳонъ., Чт. О. И. и Др. Р. 1871, кн. 1; Хоженье инока З. 1419—1422 г. подъ ред. Х. Лопарева, Пр. П. Сб. т. VIII, вып. 3., 1889.

Несторъ-Искандеръ: Повѣсть о Царьградѣ Нестора-Искандера, XV в., сообщ. арх. Леонидъ, Пам. Др. Письм. 1886; Г. Дестунисъ, Новоизданный списокъ Повѣсти о Царьградѣ, Ж. М. Н. Пр. 1887, февр.

Василій гость: Хоженье гостя Василія 1465—6 г. подъ редакціей арх. Леонида, Пр. П. Сб., II, в. 3, 1886; Старинные русскіе паломники въ изданіи Прав. Пал. Общ., Ж. М. Н. Пр., 1884, іюль.

Варсонофій инокъ: Д. Кобеко, Хожденіе въ св. Землю инока В., Сообщенія Имп. Прав. Палест. Общ. 1895, октябрь; Хожденіе свящ.-инока В. ко Святому Граду Іерусалиму въ

1456 и 1461—62 гг., подъ ред. С. Долгова, Пр. П. Сб., т. XV, вып. 3, 1896 г.; Н. Тихонравовъ, Первое хожд. свящ.-инока В. ко св. Граду Іерусалиму, Сочин. I, 1898 г.,

Василій Позняковъ: Срезневскій, Свѣд. и зам., гл. LXI; А. Веселовскій, Замѣтки о литер. и народной словесн., Зап. Имп. Ак. Н. т. XLV, 1883 г.; И. Забѣлинъ, Посланіе царя Ивана Вас. къ александр. патріарху Іоакиму съ купцомъ Васильемъ Позняковымъ и хожденіе купца Познякова въ Іерусалимъ и по инымъ святымъ мѣстамъ 1558 г,. Чт. О. Ист. и Др. Р., 1884, янв.—мартъ, кн. 1; Хожденіе купца Василія Познякова по св. мѣстамъ Востока 1558—1561 г. подъ ред. Х. Лопарева, Пр. П. Сб., т. VI, в. 3, 1887; М. Голубцова, Къ вопр. объ источникахъ др.-русск. хожденій въ св. Землю, Чт. Общ. Ист. и Др. Р. 1911 и отд.

Трифонъ Коробейниковъ: Путешествіе московскихъ купцовъ Тр. Кор. и Ю. Грекова 1582 г., Сахаровъ Сказанія, II; арх. Леонидъ, Іерусалимъ, Палестина и Аѳонъ..., Чтенія О. И. и Др. Р., 1871, кн. 1; Второе хожденіе Тр. Кор., съ предисловіемъ С. Долгова, Чтен. О. И. Др. Р. 1887, кн. 1; Хожденіе Тр. Кор. 1593—4 г. подъ ред. Х. Лопарева, Пр. П. Сб., т. IX, в. 3, 1889; М. Рубцовъ, Къ вопросу о хожденіи Тр. Кор. во св. Землю въ 1582 г., Ж. М. Н. Пр. 1901, апр.

Василій Гагара: Сахаровъ, Сказанія II; Временникъ М. Общ. И. и Др. Р. 1851, кн. X; А. Веселовскій, Замѣтки по литер. и нар. словесн. Зап. Имп. А. Н. т. XLV, 1883 г.; арх. Леонидъ, Іерусалимъ, Палестина и Аѳонъ...; Житіе и хожденіе въ Іерусалимъ и Египетъ казанца Василія Яковлева Гагары 1634—1637 г., подъ ред. С. Долгова, Пр. П. Сб., т. XI, в. 3, 1891.

Іона Маленькій, іерод.: Путешествіе іер. Іоны по св. мѣстамъ, Сахаровъ, Сказанія, II; Хожденіе въ Іерусалимъ и Царьградъ чернаго дьякона Тр.-Сергіева монастыря Іоны, по прозвищу Маленькаго, 1648—1652 г., сообщ. арх. Леонидъ, Пам. Др. П. 1882; Повѣсть и сказаніе о похожденіи въ Іерусалимъ и во Царьградъ Тр.-Серг. мон. чернаго діакона Іоны по реклому Маленькаго 1649—1652 г. подъ ред. С. Долгова, Пр. П. Сб. т. XIV, в. 3, 1895.

Арсеній Сухановъ: Проскинитарій Арс. С.—Сахаровъ, Сказ. II; тоже—изд. Н. Ивановскимъ, Прилож. къ Правосл. Собес. 1870 г.; Статейный списокъ и пренія съ грека-

ми о вѣрѣ Арс. Суханова, изд. С. Бѣлокуровъ, Христ. Чт. 1883, № 11—12; Проскинитарій Арс. С. 1649—1653 г. под. ред. Ивановскаго, Пр. П. Сб. т. VII, в. 3, 1889 г.; С. Бѣлокуровъ, Арсеній Сухановъ, I—II, 1891—1894 г.

Анонимъ: Х. Лопаревъ, Слово о нѣкоемъ старцѣ, вновь найденный памятникъ русской паломнической литер. XVII в., Сб. Отд. р. яз. и слов. Имп. Ак. Н., т. LI, № 2, 1890.

Ипполитъ Вишенскій, іером.: арх. Леонидъ, Пелгримація или путешественникъ честнаго іером. Ипп. Виш. во св. градъ Іерусалимъ, Чт. О. И и Др. Р. 1876, кн. 4.

Іоаннъ Лукьяновъ: Путешествіе въ св. Землю старообр. Моск. свящ. І. Лукьянова, въ царств. Петра В. 1862 (Р. Арх. т. I); М. Лилеевъ, Къ вопросу объ авторѣ Путеш. во св. Землю 1701—1703 гг., Моск. свящ. Іоаннѣ Л. или старцѣ Леонтіи, Чт. Общ. Нестора Лѣт. кн. IX, 1895.

Михаилъ инокъ: П. И. Мельниковъ, Раскольничьи архіереи, Р. Вѣстн. 1863, кн. 4, стр. 624 (подъ другимъ именемъ); Павловъ, Лѣтописи ист. и древн. Тихонравова, т. V, 1863 г.

Кромѣ хожденій въ св. Землю и Царьградъ, назовемъ еще сочиненія нѣкоторыхъ другихъ древне-русскихъ путешественниковъ.

Аѳанасій Никитинъ: Сахаровъ, Сказанія, II; И. Срезневскій, Хоженіе за три моря Аѳанасія Никитина въ 1466—1472 г. СПБ. 1857 (Уч. Зап. Отд. р. яз. и слов. кн. II); П. Собр. р. лѣт., VI, стр. 357.

Авраамій еп. и Симеонъ іер. Суздальскій: Сахаровъ, Сказанія, II; А. Поповъ, Историко-литер. обзоръ древне-русск. полем. сочиненій, 1875; А. Павловъ, Критич. опыты по ист. древн. греко-русской полемики противъ латинянъ, 1878; А. Веселовскій, Italienische Mysterien in einem Russischen Reisebericht des XV Jahrh., Russische Revue 1876, X B.; Делекторскій Критико-библіогр. обзоръ древне-русск. сказаній о Флорент. уніи, Ж. М. Н. Пр. 1895, іюль; В. Малининъ, Старецъ Елеазарова мон. Филоѳей, 1901, приложенія.

Анонимъ: Описаніе турецкой Имперіи, составл. русскимъ, бывшимъ въ плѣну у турокъ во 2-й полов. XVII в., подъ ред. П. Сырку, Пр. П. Сб., т. X, в. 3, 1890.

9. Проповѣдническая литература.

(Поученія и посланія): Она зарождается на Руси подъ ближайшимъ воздѣйствіемъ юго-славянскихъ проповѣдниковъ, пользовавшихся и позже популярностью; съ нихъ и начинаемъ обзоръ.

Константинъ Философъ: И. Срезневскій, Слово Конст. Ф. Изв. И. Ак. Н., по отд. р. яз. и слов. т. 7, вып. 2. 1858 г.; Е. Барсовъ, Константина Философа написаніе о правой вѣрѣ, Чт. О. Ист. и Др. 1885, кн. 1; А. Михайловъ, Къ вопросу объ Учительномъ Евангеліи Конст. еп. Болгарскаго, Древности, Тр. Слав. Комм. Импер. Моск. Археол. Общ. I. 1895; Антоній, Изъ исторіи христіанской проповѣди, 1895, изд. 2-е, гл. 2.

Климентъ еп. Словенскій: И. Срезневскій, Свѣдѣнія и замѣтки, 1867 г. гл. XXVI.; арх. Леонидъ, Поученіе на Богоявленіе Господне, приписываемое св. Клименту, славянорусскаго извода, Пам. Др. Письм. 1885 г.; В. Ундольскій, Климентъ еп. Словенскій, съ предисл. П. Лаврова, 1895; П. Лавровъ, Похвала Иліѣ пророку. Новое слово Климента Сл., Изв. отд. р. яз. и сл. 1898, кн. 4; 1901, кн. 3; 1906, кн. 1; Баласчевъ, Климентъ еп. Словѣнски и служба-та му по старъ словѣнска проводъ... София, 1898; рец. на эту книгу Г. Ильинскаго, Изв. отд. р. яз. и слов. 1899, кн. 3; Н. Туницкій, Слово о св. Троицѣ Кл. Слов., Изв. отд. р. яз. и слов. 1904 г., кн. 3; Л. Стояновичъ, Новыя слова Кл. Сл., Сборн. Отд. р. яз. и слов. т. LXXX, 1905; рец. А. Соболевскаго, Ж. М. Н. Пр. 1905, дек.; А. Соболевскій, Изъ области древней церк.-слав. проповѣди. Извѣстія, 1906, кн. 1.; Н. Туницкій, Обзоръ источниковъ для исторіи жизни и дѣятельности св. Кл. Сл., Богосл. Вѣст. 1910 и 1911 г. и отд. 1913 г.

Еп. Лука Жидята: Р. Тимковскій, Русскія Достопамятности, изд. Общ. Ист. и Др. р., ч. 1, 1815 г.; Добромысловъ, Св. Лука Жидята, второй еп. Новгородскій, Странникъ, 1865 г., № 10 и 11; Малышевскій, Евреи въ южной Руси и въ Кіевѣ, Тр. Кіев. Дух. Ак. 1878, кн. 3; И. Евсѣевъ, Поученіе Луки Ж. архіеп. Новгородскаго, Памятники древне-русской учит. литер., I, 1894 г.; А. Шахматовъ, О начальномъ лѣтописномъ сводѣ, М. 1897; С. Бугославскій, Поученіе Л. Ж., Изв. отд. р. яз. и слов. 1913 г. кн. 2.

Митр. Иларіонъ: А. Горскій, Прибавл. къ Твор. св. оо. ч. II, 1844; Калугинъ, Памятн. др.-р. учит. литер., I; Ж. М. Н. Пр. 1895, кн. 2, стр. 71—78; О. Бодянскій, Чт. Общ. Ист. и Др. Р., 1848 г., № 7; А. Соболевскій, О крещеніи Руси, Чт. въ Общ. Нестора Лѣтоп. 1898, кн. II; Срезневскій, Мусинъ-Пушкинскій Сборникъ 1414 г., Прилож. къ LXXII т. Зап. Имп. Ак. Н. 1893; М. Петровскій, Поученіе, приписываемое Иларіону м. Кіевскому, Уч. Зап. Каз. Ун. 1865, т. I; И. Ждановъ, Сочиненія, т. I; М. П. П—ій, Иларіонъ, м. Кіевскій и Доментіанъ, іером. Хиландарскій, Изв. отд. р. яз. и сл. 1908, кн. 4; В. Адріанова, Толковая Палея, 1910; Отчетъ объ экскурсіи семин. р. филологіи въ Житомиръ, 1910; Отчетъ объ экскурсіи въ Москву 1912 г.

Пр. Ѳеодосій Печерскій: С. Шевыревъ, Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерск. мон. 1850, ч. II; преосв. Макарій, Преп. Ѳеодосій Печ. какъ писатель, Изв. отд. р. яз. и слов. т. IV, 1855 г., в. 6.; П. Казанскій, Исторія православн. монашества, 1855; А. Поповъ, Историко-литер. обзоръ древне-рус. сочиненій противъ латинянъ, М. 1875; Н. Петровъ, Поученіе о казняхъ Божіихъ, Тр. Кіев. Дух. Ак. 1887 г., № 5; еп. Антоній, Изъ исторіи христ. проповѣди, изд. 2-е, 1895; Н. Никольскій, Памятники др.-русск. церк. учит. литер., I, 1894; Н. Петровъ, Подлинность поученій Ѳ. Печ. о питіи и чашахъ тропарныхъ и о казняхъ Божіихъ, Изв. отд. р. яз. и слов. 1897 (т. II) кн. 3; А. Шахматовъ, Посланіе къ Изяславу, Изв. отд. р. яз. и слов. 1897, кн. 3; его-же, Нѣсколько словъ о Несторовомъ житіи Ѳеодосія, тамъ же 1896, кн. I; его-же, Кіево-Печ. Патерикъ и Печерская Лѣтопись, тамъ же 1897, кн. 2; А. Яцимирскій, Изъ славянскихъ рукописей. 1898; А. Архангельскій, Новый трудъ по исторіи р. литературы, Ж. М. Н. Пр. 1898, сент.; А. Лященко, Замѣтка о сочиненіяхъ Ѳеодосія, писателя XII ст. 1900; Г. Бѣльченко, Поученіе бл. Ѳеодосія, игумена Печерскаго о казняхъ Божіхъ, Лѣтоп. Ист.-Фил. Общ. при Имп. Новор. Унив., в. VIII, визант.-слав. отд. V, 1900; его-же, Препод. Ѳеодосій П., его жизнь и сочиненія (по пов. книги Чаговца), тамъ же, т. X, 1902; В. Чаговецъ, Пр. Ѳеодосій Печерскій, его жизнь и сочиненія, 1901; рец. Соболевскаго въ Отч. о 12 прис. премій митр. Макарія, 1910; Д. Абрамовичъ, Къ вопр. объ источникахъ Несторова житія пр. Ѳ., Изв. отд. р. яз. и слов.

1898 кн. I и II; его-же, Изслѣдованіе о Кіево-Печерскомъ Патерикѣ... тамъ же, 1901, кн. 3; В. Истринъ, Ж. М. Н. Пр. 1902, кн. 8, стр. 430; м. Макарій, Уч. Зап. 2-го отд. Имп. Акад. Н., кн. II, вып. 2; его-же, Истор. р. Церкви II; житіе пр. Ѳеодосія—Полн. Собр. Р. Лѣт. т. I; Бодянскій, Житіе Ѳеодосія игумена Печерьскаго съписание Нестора, Чт. Общ. Ист. и Др. Р. 1858, кн. 3; В. Яковлевъ, Памятники русск. литер. XII—XIII в. 1872 (житіе Ѳ.); А. Поповъ, Житіе... Ѳ. игумена, съписаніе Нестора, Чт. О. И. Др. Р., 1879, кн. I; А. Шахматовъ и П. Лавровъ, Сборникъ XII в. Моск. Успенскаго Собора, тамъ же, 1899, кн. 2 (житіе); Д. Абрамовичъ, Къ вопросу объ объемѣ и характерѣ лит. дѣятельности Нестора лѣтоп., Труды XI Арх. Съѣзда, т. II.

Еп. Новгор. Лука—Іоаннъ: Поученіе Л.—І. еп. Новг., Памятники др.—р. церк. уч. литер., вып. III.

Еп. Ефремъ Переяславскій: И. Шляпкинъ, Русское поученіе XI в. о перенесеніи мощей Николая Чудотв. и его отношеніе къ западнымъ источникамъ, Пам. Др. Письм. 1881. Архим. Леонидъ, Житіе и чудеса св. Николая Мурликійскаго и похвала ему, Пам. Древн. Письм. 1882; А. Соболевскій, О древнихъ русскихъ переводахъ въ домонгольскій періодъ, 1897.

Кн. Владиміръ Мономахъ: Н. Шляковъ, О поученіи Вл. М. 1900; Ивакинъ, Князь Вл. М. и его поученіе, 1901.

Авраамій Смоленскій: С. Шевыревъ, Замѣтка о словѣ Авр. См., Изв. Имп. Ак. Н. по отд. р. яз. и слов. т. 8, 1860 г., вып. 4 и т. 9, вып. 3; И. Срезневскій, Пам. р. письма и языка.

М. Климентъ Смолятичъ: Н. Никольскій, О литературныхъ трудахъ митр. Климента См., писателя XII в., 1892; Х. Лопаревъ, Посланіе М. Климента См. пресвитеру Ѳомѣ, Пам. Др. Письм. № XC, 1892; рец. Ж. М. Н. Пр. 1892, ноябрь.

Кириллъ еп. Туровскій: Калайдовичъ, Памятники россійской словесности XII в., 1821; Каченовскій, Вѣстн. Евр. 1822 г., № 1—2; Прибавленія къ Твор. свв. оо. 1843, ч. I; Изв. Ак. Н. по отд. р. яз. и слов. 1854 г., т. III; И. Срезневскій, Историч. чтен. о яз. и словесн. 1855; еп. Макарій, Еще одно поученіе Кир. Тур. по неизданному списку, Изв. И. Ак. Н. по отд. р. яз. и слов. 1855, т. IV; Буслаевъ, О народности въ др. русск. лит. и искусствѣ

Р. Вѣстн. 1857, № 15 и „Очерки“; Баратынскій, Кириллъ Туровскій, какъ проповѣдникъ, Дух. Вѣстн., 1863 т. IV; Е. Пѣтуховъ, Къ вопросу о Кириллахъ авторахъ въ др.-р. литер. 1887. (Сб. отд. р. яз. и слов.); Х. Лопаревъ, Слово въ Вел. Субботу, принадлежащее св. Кириллу Т., Пам. Др. Письм. № XCVII, 1893; Рукописи Гр. Уварова, т. II, Памятники словесности, вып. 1-й, 1858 (Тексты и предисл. М. Сухомлинова); М. И. Сухомлиновъ, Изслѣдованія по древней р. литер., 1908 (Сб. отд. р. яз. и слов. Ак. Н., т. LXXXV); Пономаревъ, Памятники др. р. церк.-учит. литер., вып. I; еп. Антоній, Изъ ист. христ. проповѣди, 1895.

Серапіонъ, еп. Владимирскій: Правосл. Собес. 1858 г., ч. 2 (ложно приписываемыя слова); Буслаевъ, Истор. хрестом. 1860 г. и Истор. Очерки, II; Н. Аристовъ, Замѣтка о поученіяхъ еп. Серапіона, Тр. 3-го Археол. Съѣзда въ Кіевѣ, т. II, 1878 и Хрестом. по русск. исторіи 1870; Поторжинскій, Истор. Хрестом. для изуч. исторіи русск. церковн. проповѣд., 1879. Е. Пѣтуховъ, Серапіонъ Вл., русскій проповѣдникъ XIII в. 1888.

Даніилъ Заточникъ: Шляпкинъ Слово Д. З., 1889, Пам. Др. П.; Щуратъ, Слово Д. З., Зап. Наук. Тов. ім. Шевченка, т. IX; Ждановъ, Сочиненія, I; А. Лященко, О моленіи Д. З., 1896; Е. Будде, О словѣ Д. З. Сборникъ „Подъ знаменемъ науки“ 1902; В. Истринъ, Былъ ли Дан. З. дѣйствительно заточенъ, 1902; Миндалевъ, Уч. Зап. Каз. Унив. 1912—1913 г.; Ѳ. Покровскій, Новый списокъ слова Д. З. Изв. отд. р. яз. и слов. 1903, кн. 4; Гуссовъ, Къ вопросу о редакціяхъ Моленія Даніила Заточника, Лѣтоп. Истор. Фил. Общ. при Новоросс. Унив. VIII, Византійско-славянское отд. V, 1900. М. Сперанскій, Къ слову Дан. Зат. Чт. О. И. и Др. Р., 1913 г. кн. 2.

Анонимныя слова и поученія XII—XV вв.: И. Срезневскій, Свидѣтельства Паисіева Сборн. о языч. суевѣріяхъ русскихъ, Москвитян. 1841 г., ч. II, № 5; Архивъ историко-юрид. свѣдѣн. о Россіи, кн. II, отд. I, 97—122; Москвитянинъ 1843 г., ч. VI, 413; М. Погодинъ, Изслѣдованія и лекціи, т. VII, 1846, стр. 406; Розовъ, Чт. М. Общ. Ист. и Др. Р. 1847, № 8, отд. IV; Слово въ память Леонтія Ростовскаго, Прав. Собес. 1858, мартъ; Два слова о денно-нощной молитвѣ, Прав. Собес. 1858, авг.; Слово св. отецъ како жити кресть.

яномъ, Прав. Соб. 1859, янв.; Кушелевъ-Безбородко, Пам. стар. русск. лит., ч. IV, 184—219; Строевъ, Библіол. словарь, 416—424; Почитаніе среды и пятницы въ древнерусскомъ народѣ, Прав. Соб. 1859, янв.; Карнѣевъ, Вѣроятный источникъ слова о средѣ и пятницѣ, Ж. М. Н. Пр. 1891, сент.; Старинное русское слово о лѣнивыхъ, Чт. О. Ист. и Др. Р. 1899, кн. 2; П. Владимировъ, Доклады, чит. на IX Археол. Съѣздѣ въ Вильнѣ, изъ „Трудовъ" Съѣзда, 1897; Х. Лопаревъ, Слово похвальное на перенес. мощей свв. Бориса и Глѣба, 1894; Буслаевъ, Истор. Оч., II, 122—132; Тихонравовъ, Лѣтописи русск. лит. и древн., в. III, 1859 г., вып. IV, 1862 г.; Е. Пѣтуховъ, Древнія поученія на воскресные дни Великаго поста, Сб. отд. р. яз. и слов., XL, 1886 г., и Матеріалы и замѣтки изъ исторіи др. русск. письменности, I—II, Изв. отд. р. яз. и сл. 1904 г., кн. 4; Пономаревъ, Памятн. др.-р. учит. литер., II, III, IV, 1896; Николаевскій, Русская проповѣдь въ XV и XVI вв. Дух. Вѣстн. 1862, I, и Ж. М. Н. Пр. 1868 г., февр., апрѣль.

Кириллъ, II еп. Владимирскій: Дубенскій, Рус. Достопамятности, изд. О. Ист. и Др. Р., т. II; Востоковъ, Опис. рук. Румянц. Музеума, 1842; А. Горскій, Прибавл. къ твор. свв. оо., ч. I; Слово Кирилла II на день архангела Михаила, Чт. О. Ист. и Др. Р. 1846, кн. 8; еп. Макарій, О сочиненіяхъ митр. Кіев. Кирилла II, Изв. И. Ак. Н. по отд. р. яз. и слов. т. 8, вып. 3, 1859 г.

Петръ, митр. Кіевскій: Поученіе къ епископомъ и попомъ митр. Петра, Прибавл. къ Твор. свв. оо. 1844, т. II; Памятники стар. р. лит., в. IV, 1862; А. Соболевскій, Изв. отд. р. яз. и слов., 1908, кн. 3.

Алексій митр.: А. Горскій, Святитель Алексѣй, М. 1848; Поученіе ко всей паствѣ М. Алексѣя, Приб. къ Твор. свв. оо. 1849, т. V; Невоструевъ, Душепол. Чтен. 1861, т. I, с. 449; Строевъ, Библіол. Словарь, стр. 14.

Діонисій архіеп.: Слова Діонисія, архіеп. Суздальскаго и Нижегор. изд. Правосл. Собес. 1858, II, III; 1859, I и III.

Фотій, митр. Кіевскій: А. Горскій, Фотій митр. Кіевскій и всея Руси, Приб. къ Твор. свв. оо. 1862, ч. XI; Р. Истор. Библ. VI; Акты Историч. I, № 21, 30, 33, 34; II. Собр. Р. Лѣтоп. VI (Дух. завѣщ.); Дополненія къ Актамъ Историч., I, № 180, 181, 182, и 183; Строевъ, Библіол. Слов. стр. 278;

Правосл. Собес., 1860, II, III; 1861, II; 1875, I и III; еп. Антоній, Изъ ист. христ. пропов.; Николаевскій, Русская проповѣдь въ XV—XVI в.в. Ж. М. Н. Пр. 1868, февр.

Ѳома инокъ: Н. Лихачевъ, Инока Ѳомы слово похвальное о благовѣрномъ великомъ князѣ Борисѣ Александровичѣ. 1908 (Пам. Др. П. CLXVIII); А. Шахматовъ, „Отзывъ“ о назв. изданія Н. П. Лихачева, CIII, 1909.

Григорій Цамблакъ, митр. Кіевскій: еп. Макарій, О Григ. Цамблакѣ, какъ писателѣ, Изв. отд. р. яз. и слов. 1857 г. т. 6, вып. 2; П. Сырку, Новый взглядъ на жизнь и дѣятельность Григорія Ц., Ж. М. Н. Пр. 1884, ноябрь, А. Саббатовскій, Литовск. Епарх. Вѣдом. 1884, № 26, 27, 36—39, 50 Н. Дурново, Русск. Бес. 1895, I, 148; П. Соколовъ, Богосл. Вѣстн. 1895, VII и VIII (ср. Виз. Врем. 1895, т. II, 4, 677 и сл.); Петровскій, Къ хронологіи проповѣдей Григорія Цамбл. Р. Ф. Вѣстн. 1903, кн. 3—4; А. Яцимирскій, Григорій Ц. Очеркъ его жизни, административной и книжной его дѣятельности. 1904 (рец. П. Лаврова, Сб. Отд. р. яз. и слов. т. LXXX); А. Яцимирскій, Къ вопросу о славянской проповѣди въ Молдавіи. Неизвѣстныя произведенія Гр. Ц., 1906 Пам. Др. Письм., CLXIII; Н. Никольскій, Матеріалы для истор. др. русск. письменности. 1907, 147 и сл.

Даніилъ митр. Московскій: Поученія м. Д.—Строевъ, Библіол. Слов., 81; Ж. М. Н. Пр. 1834, кн. I, 166; Акты Историч., I, 1841, № 293; Чт. О. Ист. и Др. Р. 1847, кн. 7; Памятн. стар. р. лит., вып. IV, 1862 г.; Бѣловъ, Изв. отд. р. яз. и слов. 1866, т. V; Историч. чтенія о языкѣ и слов. въ засѣд. II отд. Имп. Ак. Н., 1856—57 г.; еп. Макарій, Соч. моск. митр. Д., Хр. Чтен. 1872, III; Глѣбовъ, Даніилъ моск. митрополитъ, какъ проповѣдникъ, Рязанск. Епарх. Вѣд. 1874, № 6 и прибавл. 132—9; П. Николаевскій, Русская проповѣдь XV—XVI; Истор. очеркъ русской проповѣди I, 1878; В. Жмакинъ, Митрополитъ Даніилъ, 1881 (рец.: Знаменскій, Церк. Вѣд. 1884, №№ 27—48; Отчетъ о 27 присужд. нагр. гр. Уварова). Далѣе см. также въ отдѣлѣ Моск. литературы XV—XVI вв.

Анонимъ: Д. Лебедевъ, Неизвѣстный московскій проповѣдникъ половины XVI вѣка. Тр. VIII Арх. Съѣзда въ Москвѣ 1890, II, 1895.

10. Проповѣдь въ Южной Руси XVI—XVII в.в.

Занимающемуся южнорусской проповѣдью XVI—XVIII в.в. неизбѣжно приходится обращаться къ польскимъ проповѣдникамъ, во главѣ которыхъ стоятъ Piotr Skarga, Kazania na niedziele i swięta całego roku (нѣсколько старыхъ изданій, болѣе новыя—Bobrowicza 1843 и Chrzanowskiego); Birkowski Fab. Kazania na niedziele i święta doroczne I—II. Krak. 1623—28; Starowolski, Swiątnica Pańska, zamykaiąca w sobie kazania na uroczystości swiąt całego roku. Kr. 1645 и 1682 г.; Rychłowski F. Kazania na niedziele całego roku, Kr. 1664 и Kazania na święta całego roku, Kr. 1677. Woysznarowicz Kaz. „Dom mądrości siedmiu kolumnami wsparty“... Antwerp. 1667 и „Orator polityczny weselnym i pogzebowym aktom służący“, Kr. 1677. Liberiusz Jacek, „Gospodarz Nieba y Ziemie Jezus Chrystus“... Kr. 1669 и „Gwiazda morska, Naświętsza Panna Marya“... Kr. 1670. Lorenkowicz A. Kazania na niedziele całego roku, Kalisz 1671. Młodzianowski Th., Kazania i homilyie na niedziele doroczne, także Swięta uroczystsze. I—IV, Pozn. 1681. Krosnowski, „Pochodnia słowa Bożego w kazaniach niedzielnych całego roku“, Lub. 1689 и „Chwała Swiętych Bożych na Kazaniach całego roku“. Pozn. 1691. Markiewicz G. „Lutnia wdzięczno brzmiąca na uroczyste Bogarodzice Panny Swięta w Panegirycznych A. Karpia kazaniach wyciągniona“, Kr. 1695; Gutowski B. Kazania na niedziele całego roku z przydatkiem po większey części na Święta uroczyste Kościelne y zakonne... Warsz. 1696. Rychlewicz Baz., Kazania począwszy od Adwentu asz do Wielkiey nocy inclusive, na niedziele, Święta Zbawiciela y Iego Matki Maryi Panny, Kr. 1698, и др. Этихъ и указываемыхъ ими латинскихъ особенно проповѣдниковъ слѣдуетъ имѣть въ виду при изученіи анонимныхъ украинскихъ сборниковъ словъ и поученій (Учительныя Евангелія), тянущихся съ XVI по XVIII в. включительно, а также—извѣстныхъ проповѣдниковъ.

О польской проповѣди см. Rychcicki, Piotr Skarga i jego wiek, wyd. 2. Kr. 1868, 2 тома; K. Mecherzyński, Historya wymowy w Polsce. На русскомъ яз.: Пекарскій, Отеч. Записки 1862 г. кн. 2 и 3, гл. 1-я; Л. Мацѣевичъ, Польскій проповѣдникъ XVII в. Ѳома Млодзяновскій, Тр.

К. Д. Ак. 1870, кн. 2—4, 1871 к. 2; А. Т—скій, Характеристика южнорусской схоластической проповѣди въ связи съ проповѣдью западно-европейской и польской, Руководство для сельск. пастырей 1875, № 7, 8 и 10. Марковскій, Антоній Радивиловскій. Кіевъ, 1894, гл. 2-я.

Вообще о проповѣдничествѣ въ Южной и Западной Руси см.: Н. И. Петровъ, Изъ исторіи гомилетики въ старой, Кіев. Академіи, Тр. К. Д. Ак. 1886, кн. 1. Ф. (Терновскій) Южнорусское проповѣдничество XVI и XVII в.в., Руков. для сельск. паст. 1869 г., №№ 21, 31, 34—36; Ф. Терновскій, Русское проповѣдничество при Петрѣ В., тамъ же 1870 г.; Н. Катаевъ, Очеркъ исторіи русской церковной проповѣди, Херс. Еп. Вѣд. 1874, № 24, прилож.; Н. И. Петровъ, О словесн. наукахъ и литературныхъ занятіяхъ въ Кіев. Академіи... Тр. К. Д. Ак. 1866, кн. 7, 11 и 12; 1867, кн. 1; 1868, кн. 3. С. Голубевъ, Очеркъ исторіи литер. и церкви западнорусекой за XVI—XVIII ст. Кіев. Епарх. Вѣд. 1877—1878 г.

Объ отдѣльныхъ писателяхъ и проповѣдникахъ см.:

А. Лиловъ, О такъ называемой Кирилловой книгѣ, Каз. 1888; Завитневичъ, Палинодія Захарія Копыстенскаго и ея мѣсто въ исторіи западнорусск. полемики XVI и XVII в.в., 1883; Бѣляновскій, Стефанъ Зизаній, Вол. Еп. Вѣд. 1887 № 6—17; Н. Сумцовъ, Историч. очеркъ попытокъ католиковъ ввести въ Южную и Западную Россію Григоріанскій календарь, Кіевск. Ст. 1888 и отд.; К. Студинський, Пересторога; А. Крыловскій, Львовское ставропиг. братство, К. 1904; Преніе литов. протопопа Лавр. Зизанія, см. Лѣтописи Тихонравова и изд. Имп. О. Люб. Др. П.; М. Возняк, Причинок до студій над писаннями Л. Зізанія, Льв. 1908; Н. И. Петровъ, Новооткрытый списокъ „Палинодіи“ Зах. Копыстенскаго, Тр. К. Д. Ак., 1884, кн. 6; Н. Т—скій, Леонтій Карповичъ, южнорусскій проповѣдникъ к. XVI и нач. XVII в. Рук. для сельск. паст. 1872, т. II, № 32; Арх. Леонидъ, Леонтій Карповичъ, церковный витія православной Ю.-З. Руси въ XVII ст. и два его слова. Чт. Общ. Ист. и Др. Р. 1878, кн. I и отд.; Н. Молчановъ, Леонтій Карповичъ, церк. витія Ю.-З. Руси и два его слова, Правосл. Обозр. 1880, т. Ш, № 11; С. Голубевъ, Библіогр. замѣтка по поводу статьи арх. Леонида, Холмско-Варш. Еп. Вѣстн. 1880, № 3; С. Масловъ, Наука Л. Карповича, Зап. Кіев. Н. Тов. и отд.

1908; Воскр. Чтеніе XXVII годъ, стр. 701; К. Еленевскій, Мелетій Смотрицкій, Прав. Об. 1861, кн. V; Пекарскій, Представители Кіевской учености, Отеч. Зап. 1862, № 2; Голубевъ, Памфлетъ на М. Смотр., Кіев. Еп. Вѣд. 1875, № 17; Н. Засадкевичъ, Мелетій Смотр., какъ филологъ, Од. 1883; С. Масловъ, Казанье М. Смотрицкаго, Кіевъ, 1908; А. Осинскій, Мелетій Смотр. архіеп. Полоцкій, Кіевъ, 1912; П. Забѣлинъ, Учительное Евангеліе Кирилла Транквилліона Ставровецкаго, Руков. для сельск. паст. 1873, № 8—10, 13, 14, 17, 20, 24, 26, 28, 31, 33, 34; Сумцовъ, О вліяніи малорусской схоластической литературы XVII в. на великорусскую раскольнич. литер., К. Стар. 1896 г.; Эйнгорнъ, Очерки изъ исторіи Малороссіи въ XVII в. Сношенія малоросс. духовенства съ Моск. правительствомъ въ царств. Алексѣя Михайловича, М. 1899 (рец. Голубева въ Отч. о 44 присужд. наград. гр. Уварова и въ Отч. о прис. преміи Кожевникова); П. Гавриловъ, Характеристика польскихъ и южно-русскихъ теченій послѣдней четверти XVII ст. въ связи съ общимъ направленіемъ. Кіев. Стар. 1900 г. кн. 4 и 5; В. Мочульскій, Отношеніе южно-русской схоластики XVII в. къ ложно-классицизму XVIII вѣка, Ж. М. Н. Пр. 1904 г., кн. 8; Сумцовъ, О литер. нравахъ южно-русскихъ писателей XVII в. Изв. Ак. Н. 1906 г. кн. 2; Голубевъ, Объяснительные параграфы по исторіи зап.-русской Церкви, 1906 г.; В. Перетцъ, Къ характеристикѣ общественныхъ отношеній въ Малороссіи XVII в., Изв. Ак. Н. 1903, кн. 3; Н. Сумцовъ, Іоанникій Галятовскій, К. Стар. 1884 г. и отд.; Климовскій, Іоанникій Галятовскій, Литовск. Епарх. Вѣд. 1884; Н. И. Петровъ, Кіевская Академія второй половины XVII в.; Эйнгорнъ, Рѣчи произнесенныя І. Галятовскимъ въ Москвѣ 1670 г. М. 1895; его же Пребываніе въ Москвѣ І. Галят. въ 1670 г., Ж. М. Н. Пр. 1896 г. ноябрь; Марковскій, Бродячій анекдотъ въ малор. народной словесности, К. Стар. 1895 г. кн. 12; И. Огіенко, Изданія Ключа Разумѣнія, Р. Ф. В. 1910 г.; его-же—Изданія Неба Новаго, „Искусство“, 1911 г. и Отраженіе въ литературѣ Неба Новаго, Фил. Зап. 1911—1912 г.; П. Добровольскій, Чернигов. Елецкій Успенскій первокл. монастырь, Черн. 1900, Свящ. А. Ефимовъ, Черниг. Елецкій монастырь Успенія Пресв. Богородицы; М. Марковскій, Антоній Радивилов

скій, 1894 г. (рец. Ж. М. Н. Пр. 1896, февр.); А. Радивиловскій, Руковод. для сельск. паст., 1875, кн. 2 и 3; свящ. Троицкій, Описаніе Никольскаго мон. Тр. К. Д. Ак. т. 79, кн. 9; Н. Сумцовъ Иннокентій Гизель, К. Стар. 1884 г. и отд.; Страдомскій, Лазарь Барановичъ, Ж. М. Н. Пр. 1852 г., кн. 7 и 8; Строевъ, Проповѣди Л. Барановича, Черн. Епарх. Вѣд. 1876, №№ 3—8, 14—15, 17—19; Письма преосв. Л. Барановича, Черниг. Изд. 2-е, 1865 г.; Н. Сумцовъ, Лазарь Барановичъ, Кіевъ, 1885 (рец. Ж. М. Н. Пр. 1885, апр.). В. Перетцъ „Filar Wiary“ и „Księga Śmiercі“ Л. Барановича, К. Стар. 1898 и отд.; В. Пѣвницкій, Симеонъ Полоцкій, Прав. Обозр. 1860 г., №№ 10—11; Л. Майковъ, С. Полоцкій, Др. и Н. Россія, 1875 г. и въ „Очеркахъ изъ ист. русск. литер. XVII—XVIII в.,“ 1889; В. Поповъ, Симеонъ Полоцкій, какъ проповѣдникъ, М. 1886; І. Татарскій, С. Полоцкій, его жизнь и дѣятельность. М. 1886; В. Пѣвницкій, Епифаній Славинецкій, одинъ изъ главныхъ дѣятелей духовной литер. въ XVII в., Тр. К. Д. Ак. 1861, кн. 8—10; Ив. Ротаръ, Епифаній Славинецкій, литер. дѣятель XVII в., Кіев. Стар. 1900 г. и отд. 1901 г. (рец. Изв. Ак. Н. 1901, кн. 2); [А. В. Горскій] Св. Димитрій Ростовскій, М. 1849; И. А. Шляпкинъ, Св. Димитрій Ростовскій и его время, 1891 (рец. Ж. М. Н. Пр. 1891, май); А. И. Никольскій, Нѣсколько словъ о житіи и сочиненіяхъ, Дмитрія Ростовскаго, Изв. Ак. Н. 1909 г., кн. 1; М. Поповъ Святитель Димитрій Ростовскій и его труды, 1910; Ф. Терновскій, Стефанъ Яворскій, Тр. К. Д. Ак. 1864 г. и Др. и Н. Россія 1879, № 8; И. Чистовичъ, Неиздан. проповѣди Стефана Яворскаго, Хр. Чтен. 1867 и отд.; Ю. Самаринъ, Стеф. Яворскій и Θеоф. Прокоповичъ (1844 г.), Собр. соч. Самарина 1880 г., т. V; П. О. Морозовъ, Θеофанъ Прокоповичъ какъ писатель, 1880; Риторическая Рука, соч. Ст. Яворскаго, перев. съ латинскаго Θед. Поликарпова. Изд. Общ. Л. Др. П, 1878 г.; Письма и донесенія іезуитовъ, изд. Археогр. Комм. 1902 г.; Чистовичъ, Θеофанъ Прокоповичъ и его время, 1868; Червяковскій, Обозрѣніе богословской системы Θ. Прокоповича, Хр. Чт. 1876—1878 г.; Н. И. Петровъ, Изъ исторіи гомилетики въ старой Кіевской Академіи, Тр. К. Д. Ак. 1866, кн. 4; Е. Пѣтуховъ, Проповѣди Гавріила Бужинскаго, 1901 г. Св. Димитрій митр. Ростовскій: Собраніе сочине-

ній 1786 г., посл. изд. 1857 г.; А. Титовъ, Неизданныя сочиненія св. Димитрія м. Р., Душепол. Чтеніе 1910, № 5 и 6; его-же изданіе—Проповѣди св. Д. м. Рост. на украинскомъ нарѣчіи, 1909 (рец. Ж. М. Н. Пр. 1910, февр.); Фаворовъ, Воскресн. Чт. 1850—51 г. № 8, 10, 12, 17; М. Сухомлиновъ, О литературѣ переходного времени к. XVII и нач. XVIII в., Ж. М. Н. Пр. 1862, апр.; Ф. Терновскій, Руков. для сельск. пастырей, 1870, кн. 2—3; Савлучинскій, Русск. духовная литер. 1-й полов. XVIII в. 1878; Архангельскій, Духовное образованіе и духовная литер. въ Россіи при Петрѣ В., 1883; Е. Барсовъ, Слово св. Д. Р., Чт. О. И. и Др. Р. 1884, кн. 2; Н. Маккавейскій, Св. Димитрій митр. Р. какъ пастырь, 1910; Н. Тихонравовъ, Русскія драмат. произв. I; М. Сперанскій, Успенская драма св. Д. Р. 1907 (изъ Чт. О. Ист. и Др. Р.); В. Розовъ, о той же драмѣ—Зап. Наук. Тов. в Кіевѣ, т. V 1910 г.

---

11. Московская литература XV—XVI вв.

Для изученія литературныхъ явленій XV—XVI вв. укажемъ сначала слѣдующія пособія болѣе общаго характера: Е. Голубинскій, Исторія р. Церкви т. II, ч. I, 1900; В. Иконниковъ, Русскіе общественные дѣятели XVI в. 1866, Изв. Унив. Св. Владиміра; его же, Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи въ русск. исторіи 1869; Рущинскій, Религіозный бытъ русскихъ по свѣдѣніямъ иностр. писателей; П. Милюковъ, Очерки по исторіи р. культуры, ч. III; В. Ключевскій, Курсъ р. исторіи, II; Костомаровъ, Русская исторія въ жизнеописаніяхъ и Истор. монографіи; А. Архангельскій, Образованіе и литература въ Моск. государствѣ въ XV—XVI вв., Уч. Зап. Каз. Унив. 1898—1901 г. и отд. 1913; В. Жмакинъ, Митрополитъ Даніилъ; А. Соболевскій, Образованность Моск. Руси XV—XVII вв., 1892; его же—Переводная литер. Моск. Руси, 1903. Ниже перечислимъ относящееся къ отдѣльнымъ писателямъ; пока—укажемъ еще: В. Дружининъ, Нѣсколько неизв. литер. памятниковъ XVI в. 1909, (Лѣт. зан. Археогр. Комм. XXI); Грунскій, Къ научной разработкѣ р. литер. XVI в., Ж. М. Н. Пр. 1908, янв.; А. Шахматовъ, Новая хронологическая дата въ исторіи р. лит., тамъ же, 1904, янв.

Пахомій Логофетъ (Сербъ): Житіе П. Л., Пам. Др. Письм. 1877 г.; его Житіе митр. всея Руси св. Алексѣя изд. О. Л. Др. П. 1877—78 г. I—II; Кромѣ Ключевскаго (Др.-р. житія свв. 1871 г.) см. Некрасовъ, Пахомій Сербъ, писатель XV в., Зап. Новор. Ун., VI, 1871 г.; его же, Вліяніе Сербіи и Аѳона на русскую литературу въ XIV и XV вв. Отрывокъ изъ изслѣдованія о Пахоміи С., писат. XV в., Заря 1871, № 5; А. Кадлубовскій, Очерки по истор. др.-русск. литер. житій свв., 1902 (Епифаній и Пахомій); Голубинскій, Пр. Сергій Радонежскій и созданная имъ Троицкая лавра, 1892; А. Шахматовъ, Къ вопросу о происхожденіи Хронографа, 1899; А. Павловъ, Критич. опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики противъ латинянъ, 1878; П. Васенко, Книга степенная, I (рец. Платонова, Ж. М. Н. Пр. 1905 г. кн. 6 и Шляпкина—тамъ же, кн. 9); И. Ждановъ, Русскій былевой эпосъ, 1895; А. Соболевскій, Переводная литература, 1903; В. Яблонскій, Пахомій Сербъ и его агіографическія писанія, 1908.

Вассіанъ Рыло, архіеп. Ростовскій: Посланіе ц. Ивану III на Угру, П. Собр. Р. Лѣт. VI, стр. 225; Степенная Книга; Распорядительная грамота, Акты Археогр. Эксп. I, № 85; М. Сухомлиновъ, Изслѣдованія по древне-русск. лит. 1908. (Сб. отд. р. яз. и сл. И. Ак. Наукъ).

Геронтій митрополитъ: Посланіе къ в. кн. Іоанну на Угру, Акты Археогр. эксп. I.

Анонимъ: В. Дружининъ и М. Дьяконовъ, Бесѣда преп. Сергія и Германа Валаамскихъ чудотворцевъ, Апокрифическій памятникъ XVI в., 1889, изд. Археогр. Комм.; Петровъ, Бесѣда пр. С. и Г., Воронежъ 1906. (изъ Фил. Зап.); С. Аваліани, Бесѣда пр. С. и Г. Валаамскихъ чудотв., какъ историч. источникъ, Богосл. Вѣстн. 1909, мартъ; Гудзій, Къ вопросу объ авторѣ „Бесѣды пр. С. и Г. Вал. чудотв.“, Р. Ф. Вѣстн. 1913 г., кн. 3 (здѣсь собрана вся литература о памятникѣ).

Преп. Нилъ Сорскій: его „Преданіе ученикомъ“ издано Оптиной пустынью, 1849 г. и 1859 г.; М. Боровковой-Майковой, Нила Сорскаго преданіе и уставъ, 1912 г. Пам. Древн. Письм.; „посланія“—въ прилож. къ книгѣ „Препод. Н. С., первоосновательь скитскаго житія въ Россіи и его уставъ о жительствѣ скитскомъ, перев. на р. яз., съ

прилож. всѣхъ другихъ писаній его, извлеченныхъ изъ рукописей 1864, и 2-е изд. 1869 г.; С. Шевыревъ, Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерск. мон.. ч. II, 1850 (сводъ предшествующей литературы); А. Горскій, Отношенія иноковъ Кир.-Бѣлоз. мон. и Іосифо-Волоколамскаго мон. въ XVI в., Приб. къ Твор. св. отцовъ, X, 1851; Павловъ, Изслѣдованіе о секуляризаціи церк. земель въ Россіи въ XVI в., 1871; П—новъ, Изъ исторіи русск. монашества, Чт. Общ. Люб. Дух. Просв. 1872; Костомаровъ, Русск. Исторія въ жизнеописаніяхъ, в. II, 1874, гл. XVI, стр. 371; Пановъ, Ересь жидовствующихъ, Ж. М. Н. Пр. 1877, февр. стр. 277; Правдинъ, Нилъ С. и его уставъ скитской жизни, Христ. Чт. 1877, янв., стр. 114; А. Архангельскій, Нилъ Сорскій и Вассіанъ Патрикѣевъ, ч. I, пр. Н. С. 1882, изд. О. Др. П. XXV, (рец. Ж. М. Н. Пр. 1882, сент.); М. Боровкова-Майкова, Къ литер. дѣятельности Нила С. 1911, Пам. Др. П. CLXXVII; ея же—Великій старецъ Нилъ, пустынникъ Сорскій, и Нилъ С. и Паисій Величковскій; К. Покровскій, Къ литератур. дѣятельности Нила С., Тр. Слав. Комм., V; См. также у Жмакина, Митр. Даніилъ, 1881, и у В. Иконникова, Опытъ изслѣдованія о культ. значеніи Византіи въ р. исторіи.

Геннадій, архіеп. Новгор.: поученія и посланія въ Актахъ Истор. I, № 104; Русск. Ист. библ., изд. Археограф. Комм. т. VI; Чт. О. И. и Др. Р. 1847 г. кн. 8; Прав. Соб. 1863 г. кн. I; Грандицкій, Геннадій, арх. Новг., Прав. Об., 1878, кн. 9 и 1880, кн. 8; М, Л., Г. арх. Новгор., Чт. Общ. Л. Дух. Просв. 1875, кн. 5; Хрущовъ, О соч. Іосифа Санина 1868 г; Никитскій, Очеркъ внутр. исторіи Церкви въ В.-Новгородѣ, 1879.

Іосифъ, игуменъ Волоколамскій: Житіе преп. Іосифа Вол., сост. Саввою, еп. Крутицкимъ и неизвѣстнымъ, съ предислов. К. Невоструева, Чт. Общ. Люб. Дух. Просв. 1865 г.; тамъ же надгробное слово пр. Іосифу ученика и сродника его инока Досиѳея Топоркова; С. Бѣлокуровъ, Житіе Іос. Вол., составл. неизвѣстнымъ, Чт. О. И. и Др. Р. 1903, кн. 3; „Просвѣтитель“ его—изданъ неоднократно Каз. Дух. Акад., 4-е изд. 1904 г.; посланія—въ Р. Ист. библ. VI, № 120; Др. Р. Вивл. XIV и Чт. О. И. и Др. Р. 1847, кн. 1 и 7; Доп. къ Акт. Истор. I, № 213; Пам. стар. рус. лит. т.

IV; Великія Четьи Минеи митр. Макарія, сент., ст. 499, изд. Археогр. Комм.; изслѣдованія—Н. Булгаковъ, Преп. Іосифъ Волоколамскій 1867; Казанскій, Преп. І. В., 1847 г., Приб. къ Твор. св. оо., V; Хрущовъ, Изслѣдованіе о сочиненіяхъ Іос. Санина, преп. игумена Волоцкаго, 1868; Отчеты лицъ, приготовл. къ проф. званію, Ж. М. Н. Пр. 1866, іюль, 101—147; Ор. Миллеръ, Вопросъ о направленіи Іосифа Санина, тамъ же, 1868, февр.; К. Невоструевъ, Отчетъ о XII-мъ присужд. наградъ гр. Уварова, 1869; Ор. Миллеръ, Инквизиторскія вожделѣнія ученаго (отвѣтъ Невоструеву), Заря 1870, № 10; Костомаровъ, Русская Истор. въ жизнеописаніяхъ, I; Терновскій, Изученіе визант. исторіи и ея тенденціозное приложеніе къ др. Руси, 1875—76, в. II, стр. 126—155; см. также въ трудахъ по исторіи р. Церкви, въ главахъ о ереси жидовствующихъ и въ спец. трудахъ объ этой ереси—Сервицкаго, Руднева и др.

Нилъ Полевъ: В. Жмакинъ, Нилъ Полевъ, ученикъ Іосифа Санина, Ж. М. Н. Пр. 1881, авг.

Инокъ кн. Вассіанъ (Патрикѣевъ)—„Слово отвѣтно противъ клевещущихъ истину евангельскую“ и „О иноческомъ житіи и устроеніи церковнѣмъ“, Прав. Собес. 1863, кн. 3; Хрущовъ, Кн. инокъ Васс. П., Древн. и Новая Росс. 1875, вып. 3; Судное дѣло Вассіана—Чт. О. И. и Др. Р. 1847 г. кн. 9; Полемическія сочиненія кн. Вассіана П., Прав. Соб. 1863, кн. 3; Павловъ, О Кормчей инока кн. Вассіана П., Уч. Зап. Каз. Унив. по отд. истор.-филолог. наукъ, 1864. в. 2.

Анонимъ: „Слово кратко“ въ защиту монастырск. имуществъ, съ предисл. А. Григорьева, 1902, изъ Чт. О. Ист. и Др. Р. (=Библіогр. Матер., Собр. А. Поповымъ, XXI).

Даніилъ митрополитъ московскій и всея Руси: Строевъ, Хронологическое указаніе матеріаловъ отечеств. истор. и литер., Ж. М. Н. Пр. 1834 г., I; арх. Филаретъ, Москвитянинъ 1842, № 11, стр. 45—96; Казанскій, Опись книгъ Іосифова Волоколамскаго мон., Чт. Общ. Ист. и Др. Р. 1847, кн. 7; Прѣніе Даніила митр. Московск. съ инокомъ Максимомъ святогорцемъ, съ предисл. Бодянскаго, Чт. О. И. и Др. Р., годъ 2, кн. 7; Прѣніе Даніила м. Моск. съ старцемъ Васьяномъ 1531 г. съ предисл. Бодянскаго, тамъ же, годъ 2, кн. 9.; Бѣляевъ, Историч. Чтен. о яз. и словесн. въ засѣд. II отд. Имп. Ак. Н. 1856—57 г., Изв. А. Н. по отд. р. яз. и

слов. 1856, V, стр. 194—209; Историч. очеркъ русскаго проповѣдничества, I, 1878; Николаевскій, Русск. проповѣдь въ XV и XVI в., Ж. М. Н. Пр. 1868, кн. 2 и 4; Павловъ, Истор. очеркъ секуляризаціи церковн. земель въ Россіи, т. I, 1874, стр. 82—97; преосв. Макарій, Сочиненія м. Даніила, Христ. Чт. 1872, III, стр. 181—275; Н. Катаевъ, Очеркъ Исторіи р. церк. проповѣди, 1874 (на основ. Макарія); Русская церковь въ XV и XVI в., В. Европы, 1870, апр.; свящ. Глѣбовъ, Даніилъ, моск. митр., какъ проповѣдникъ, Ряз. Епарх. Вѣд., 1874, № 6, прибавленія, стр. 132—139; Поученіе Даніила митр., Пам. стар. р. литер., т. IV; Д. Дубакинъ, Вліяніе христіанства на семейный бытъ русскаго общества въ періодъ до времени появл. Домостроя, Хр. Чт. 1880, мартъ—авг. и отд.; В. Жмакинъ, Митр. Даніилъ и его сочиненія, 1881, Чт. О. И. и Др. Р. и отд.

Максимъ Грекъ (инокъ святогорецъ): Сочиненія преп. М. Гр. изд. Казанской Д. Академіей, I—III, 1858—1862; переизданы т. I и III, 1894 и 1897 г.; „Скрижаль" 1856 г., М. Платонъ, Церк. Исторія; Ж. М. Н. Пр. 1834 г.; Опис. Рум. Муз. Востокова, № 254; Прѣніе Даніила митр. съ инокомъ М. Святогорцемъ, Чт. М. О. И. и Др. Р. 1847, кн. 7; Судное дѣло М. Гр. и Вассіана Патрикѣева, тамъ же, кн. 7 и 9; М. Евгеній, Историч. извѣстіе о М. Гр. В. Евр. 1813 г., ноябрь. № 21 и 22; Терещенко, О трудахъ М. Гр., Ж. М. Н. Пр. 1834 г., мартъ, стр. 243; арх. Филаретъ, М. Гр., Москвит. 1842, № 11; А. Горскій, М. Гр. святогорецъ, Приб. къ Твор. свв. отецъ, 1859, ч. XVIII; Нильскій, М. Гр. какъ исповѣдникъ просвѣщенія, Хр. Чт. 1862, мартъ; В. Иконниковъ, М. Гр. Изслѣдованіе. 1865—6, 2 вып. (печатается новое переработ. изд.); Н. Костомаровъ, Р. Исторія въ жизнеописаніяхъ, II, гл. XVII; В. Жмакинъ, Митр. Даніилъ, 1881; И. Преображенскій, Нравственное состояніе русск. общества въ XVI в. по сочин. М. Гр. и соврем. ему памятникамъ, 1881; Д. Цвѣтаевъ, Литер. борьба съ протестантствомъ въ Моск. государствѣ, 1887; Вышелѣсскій, О М. Гр., Христ. Чтеніе, 1896 г. кн. 1—6; Колосовъ, М. Гр., его жизнь и труды, 1896; А. Синайскій, Краткій Очеркъ церковно-общественной дѣятельности преп. М. Гр. 1898; С. Бѣлокуровъ, О библіотекѣ московскихъ государей въ XVI ст. 1898; И. Ягичъ, Разсужденія южно-

славянской и русской старины о церк.-славянскомъ языкѣ. Изслѣд. по русскому яз. изд. И. Акад. Н., т. I; А. Соболевскій, Переводная литература Моск. Руси XVI—XVII вв. 1903; Н. Никольскій, Матеріалы для исторіи др.-русск. письменности, Христ. Чт. 1909 г. и отд.; Н. Гудзій, М. Гр. и его отношеніе къ эпохѣ итальянскаго Возрожденія, 1911; С. Щеглова, Къ исторіи изученія сочиненій пр. М. Гр. Р. Ф. Вѣстн. 1911 и отд.; ея-же—о лексиконѣ М. Гр.—въ Отчетѣ объ экскурсіи семин. р. филол. въ С.-Петербургъ 1911 г.; Л. Бедржицкій, Статьи М. Гр. о грамматикѣ, Р. Ф. В. 1913, № 2 (здѣсь же и подробная литер. о М. Гр.); А. Покровскій, Одинъ изъ греческихъ источниковъ сочиненій М. Гр., Тр. Слав. Комм. т. III; его же—Одно изъ неизданныхъ произведеній М. Гр., тамъ же, т. IV, в. 1; Б. Дунаевъ, М. Гр. въ Москвѣ. Сочиненія Савонаролы и М. Гр., тамъ же, IV, в. 1; Ржига, Новооткрытыя произведенія М. Гр., тамъ же, V.

Памфилъ игуменъ: Посланіе Памфила игум. Елеазарова мон. къ Псковитянамъ 1505 г., Доп. къ Акт. Истор. I, № 22; Чт. О. И. и Др. Р. 1846 г., кн. 4.

Филоѳей инокъ: Посланіе старца Елеазарова мон. Филоѳея къ намѣстнику вел. кн. въ Псковѣ, дьяку Мисюрю Мунехину по случаю моровой язвы въ 1522 г., Доп. къ Акт. Истор. I. № 23; Посланіе къ тому же по поводу посланія Николая Нѣмчина, Прав. Собес. 1861, кн. 2; Посланіе къ в. кн. Василію Іоанновичу, тамъ же 1863, кн. 1; В. Жмакинъ, Одинъ изъ литературныхъ памятниковъ XVI в., Ж. М. Н. Пр. 1882, іюнь; В. Малининъ, Старецъ Елеаз. мон. Ф. и его посланіе царю и вел. кн. Ивану Вас., Тр. К. Дух. Ак. 1888; его же—Старецъ Елеаз. мон. Ф. и его посланія, 1901 (см. рец. ак. Соболевскаго, въ Ж. М. Н. Пр., 1901; В. Перетца въ Литер. Вѣстн. 1901 г., кн. 8); С. Голубевъ, Отзывъ о соч. проф. Малинина „Старецъ Филоѳей“ 1903, (изъ Тр. Кіев. Д. Ак.).

Зиновій инокъ Отенскій: его: Истины показаніе къ вопросившимъ о новомъ ученіи, 1863 г. (изъ Прав. Собес.); Правосл. Собес. 1864 г. № 1, Посланіе Многословное, 1888, (изъ Чт. О. И. и Др. Р.) изд. А. Поповъ; Емельяновъ, Ересь Башкина и Ѳеодосія Косого, Тр. Кіев. Д. Ак. 1862, 3; Ѳ. Калугинъ, Гомилетическіе труды инока Зиновія О.,

Ж. М. Н. Пр. 1893, февр., май; его же—Зиновій инокъ Отъ. и его богословско-полемическія и церковно-учительныя произведенія, 1894 (рец. В. Боцяновскаго, Ж. М. Н. Пр. 1894, ноябрь).

Макарій митр. Московскій: Посланіе къ войску, Акты Истор. I, № 159; посланіе къ царю Іоанну Грозному, тамъ же I, № 160; Наказная грамота м. М. Стоглавому собору, Прав. Соб. 1863, 1, 2; Великія Четьи-Минеи, изд. Археогр. Комм., мѣсяцы—сент., окт., ноябрь, декабрь, частію янв. и апр.; Ундольскій, Краткое оглавленіе Макар. Миней по Успенск. списку, Чт. О. Ист. и Др. Р. 1847, кн. 4; Горскій и Невоструевъ, Описаніе великихъ Ч.-Миней Макарія, митр. всероссійскаго, съ предисл. Е. Барсова, Чт. О. И. Др. Р. 1884, кн. 1, и 1886, кн. 1; архим. Іосифъ, Подробное оглавленіе вел. Ч.-М. всероссійскаго митр. М., хранящ. въ Моск. патріаршей библ., М. 1892; преосв. Макарій, О Новгор. Макар. Ч.-Минеяхъ, Лѣтописи р. лит. и древн. I, 1859 г.; О Четіихъ-Минеяхъ, Пам. Древн. письм. 1879 г., в. III, стр. 35; Н. Лебедевъ, М. митр., всероссійск. Чт. въ Общ. Л. Дух. Просв. 1877 г, кн. 9, 10; 1878 г. кн. 3; 1880 г., кн. 9; 1881, кн. 7; К. Заусцинскій, Макарій митр. всея Россіи, Ж. М. Н. Пр. 1881, окт., ноябрь; В. Ключевскій, Древнерусскія житія свв., 1871; П. Васенко, Книга Степенная царскаго родословія, 1904 (рец. С. Платонова, Ж. М. Н. Пр. 1905, іюнь); его-же, Кто былъ авторомъ Степ. Книги, Ж. М. Н. Пр. 1902, дек., 1903, апр. (Объ отнош. м. Макарія къ др.-русской исторіографіи см. въ библіографіи др.-русскихъ историч. сочиненій). Г. Кунцевичъ, Сказаніе о послѣднихъ дняхъ жизни митр. М., Изв. отд. р. яз. и слов. 1909 г., кн. 4.

Стоглавъ: текстъ—въ изд. Казанской Дух. Академіи, 1-е изд. 1862 г.; также 1887, 1890 гг.; изд. Кожанчикова—1863, Правосл. Соб. 1860, 2—3; Добротворскій, Каноническая книга Ст. или неканоническая? Пр. Соб. 1863., кн. 3—5; Н. С—нъ, Къ матеріаламъ для исторіи Ст. и его времени, Лѣтописи р. литерат. и древн. V, 1864 г.; Н. Тихонравовъ, Замѣтки для исторіи Ст., тамъ же и Собраніе сочин. I, 1898 г.; Наказная грамота митр. Макарія ко Ст. Собору, Пр. Соб. 1863, 1, 2; И. Бѣляевъ, Чт. въ Общ. Л. Дух. Просв. 1875, кн. II; И. Ждановъ, Матеріалы для исторіи Ст. со-

бора, Ж. М. Н. Пр. 1876, іюль и авг., и въ Собр. сочин. I; Н. Лебедевъ, Стоглавый соборъ 1551 г. Опытъ изложенія его внутренней исторіи, в. I, 1882; А. Шпаковъ, Стоглавъ, 1903; Н. Дурново, Одинъ изъ источниковъ Ст., Ж. М. Н. Пр. 1904, февр.; В. Бочкаревъ, Стоглавъ, Юхновъ, 1906, (рец. Суворова. Ж. М. Н. Пр. 1907 г. кн. 3); Д. Стефановичъ, О Стоглавѣ. Его происхожденіе, редакціи и составъ, 1909 (рец. Кунцевича, Изв. отд. р. яз. и слов. 1910, кн. 4); Н. Дурново, Одинъ изъ источниковъ Стоглава, Труды Слав. Комм. IV, в. 1; А. Покровскій, Къ вопросу о Ст., тамъ же; Н. Кононовъ, Разборъ нѣкоторыхъ вопросовъ, касающихся Ст., тамъ же; его-же, рец. на труды Бочкарева и Стефановича—тамъ же, т. V; А. Покровскій, Къ исторіи Ст. въ эпоху Петра В., тамъ же, V.

Ермолай Прегрѣшный (протопопъ): Моленіе къ ц. Іоанну Грозному, Поученіе къ своей душѣ; возможно—и Повѣсть о еп. Василіи Рязанскомъ, Повѣсть о Митяѣ архим. и посланіе къ м. Макарію объ изобрѣтеніи алфавитовъ; см. И. Шляпкинъ, Ермолай Пр., новый писатель эпохи Грознаго и его сочиненія, 1911 (изъ Сборника въ честь проф. С. Ѳ. Платонова); Лѣтоп. р. литер. и древн., т. II; Памятн. стар. р. лит., I (Повѣсть о водвореніи христіанства въ Муромѣ); Ключевскій, Др. русск. житія святыхъ.

Иванъ Семеновичъ (Ивашка) **Пересвѣтовъ**: И. Добротворскій, Уч. Зап. Казанск. Унив. 1865 г., I, в. 1; А. Поповъ, Обзоръ хронографовъ русской редакціи, 1869, вып. 2, Очеркъ десятилѣтней научной дѣятельности Славянск. Коммиссіи М. Археол. Общ. 1902; Челобитная И. П., Чт. О. И. и Др. Р. 1902 г., кн. 4; Ю. Яворскій, Къ вопросу объ И. Пересвѣтовѣ, публицистѣ XVI в., 1908; В. Ржига, И. С. Пересвѣтовъ, публицистъ XVI в., 1908 (изъ Чт. О. И. и Др. Р.); С. Вилинскій, Новые труды по изученію Пересвѣтова, Ж. М. Н. Пр. 1908, сент.; С. Щеглова, Къ вопросу о сочиненіяхъ И. Пересвѣтова, тамъ же и отд. 1911; В. Ржига, И. С. Пересвѣтовъ и западная культурно-историч. среда, Изв. отд. р. яз. и слов. 1911, кн. 3.

Старецъ **Артемій**: Рудневъ, Разсужденіе о ересяхъ и расколахъ, 1838, стр. 39; Гр. М. Толстой, Нѣчто объ игуменѣ Артеміи. Вологод. Епарх. Вѣдом. 1868, № 15, прилож.; П. Занковъ, Старецъ Артемій, Ж. М. Н. Пр. 1887, и отд.

1888; Свящ. С. Садковскій, Арт. игуменъ Троицкій, Чт. О. И. и Др. Р. 1891, кн. 4 и отд.; С. Вилинскій, Къ вопросу о литер. дѣят. старца Артемія, Од. 1904; его-же—Литературная дѣятельность ст. А., 1905; его-же—Посланія ст. Арт., Од. 1906 (рец. Грунскаго—Ж. М. Н. Пр. 1908 г., кн. 1).

Сильвестръ протопопъ: Голохвастовъ и арх. Леонидъ, Благовѣщенскій попъ Сильвестръ и его писанія, Чт. О. И. и Др. Р. 1874 г. кн. 1 и отд.; Н. Барсовъ, Учительныя посланія свящ. моск. Благовѣщ. собора Сильвестра къ Казанскому воеводѣ Ал. Бор. Шуйскому-Горбатому, Хр. Чт. 1871, кн. 3 и Чт. О. Ист. и Др. Р. 1874 г., кн. 1; еп. Сергій, Москов. Благовѣщенскій священникъ С., какъ государственный дѣятель, тамъ-же, 1893, кн. 1; Домострой, изд. Голохвастова по списку Коншина (64-я глава—Завѣщаніе С.), Временникъ М. Общ. Ист. и Др. 1849, кн. 1 и 6; далѣе—о Сильвестрѣ см. въ литературѣ о Домостроѣ:

Домострой по рукописямъ Имп. П. библ. подъ редакціей Яковлева, СПБ. 1867 и Од. 1887; Сказанія р. народа Сахарова, т. II; Порфирьевъ, Правосл. Собесѣд. 1860, кн. 3, 279—331; Афанасьевъ, Объ археологическомъ значеніи Дом., От. Зап. 1850 г. т. LXXI; И. Ждановъ, Матеріалы для исторіи Стоглаваго собора, Ж. М. Н. Пр. 1876, іюль и авг. и Сочиненія т. I; Замысловскій, Сборникъ государств. знаній, II, 1875; Домострой по списку Имп. О. И. и Др. Р., Чтенія, 1882 и отд. съ предисл. И. Забѣлина; И. Некрасовъ, Опытъ историко-литературнаго изслѣдованія о происхожденіи древне-русскаго Домостроя, Чт. О. И. и Др. Р. 1872, кн. 3 и отд. 1873; А. Михайловъ, Къ вопросу о редакціяхъ Домостроя, его составѣ и происхожденіи, Ж. М. Н. Пр. 1889, февр., мартъ; его-же—Еще къ вопросу о Д., тамъ-же 1890, авг.; И. Некрасовъ, отвѣтъ Михайлову, тамъ же, 1889, іюнь; В. Васильевскій, Совѣты и разсказы Византійскаго боярина XI в., Ж. М. Н. Пр. и отд. 1881; П. Бракенгеймеръ, Ἀλεξίου Κομνηνοῦ Ποίημα Παραινετικόν въ сравненіи съ русскимъ Домостроемъ, Од. 1893; В. Ключевскій, Два воспитанія, Русск. Мысль 1893, кн. 3; А. Заусцинскій, Бытъ русскаго общества XVI ст. по Д., Варш. Унив. Изв. 1879; Кизеветтеръ, Основныя тенденціи древне-русскаго Д., Русск. Бог. 1896, кн. 1; А. Яцимирскій. Вновь найденный списокъ Домостроя, Археол. Изв. и Зам.

1897, № 9 и отд.; С. Шестаковъ, Византійскій типъ Домостроя и черты сходства его съ Д. Сильвестра, Визант. Временникъ, 1901 г., т. III; А. Орловъ, Домострой по Коншинскому списку и подобнымъ, кн. I, 1908 г., кн. II, 1910; его-же—Смѣшанная редакція Домостроя, Тр. Слав. Комм. V; А. Бедржицкій, Къ литературѣ о Домостроѣ, Р. Ф. Вѣстн. 1913, кн. 2.

Зосима: Посланіе къ духовной дщери Анастасіи, XVI в.: К. Невоструевъ, Нѣкоторыя др.-русскія поученія объ иноческой жизни, Душепол. Чт. 1866, кн. 7.

Анонимныя поученія (числомъ 5) XVI в.—въ Лѣтоп. р. лит. и древн. Тихонравова, т. V.

Царь Іоаннъ IV Грозный: Посланіе въ Кирилло-Бѣлозерскій мон.—Акты Истор. I, № 204; Завѣщаніе—тамъ же, № 222; Посланіе къ кор. Стефану Баторію въ Метрикѣ Литовской, Посланіе къ Шведск. королю—въ Лѣтоп. зан. Археогр. Комм.; письма—въ Сказаніяхъ кн. А. Курбскаго, изд. Устрялова, 1862 г.; Отвѣты ц. Іоанна Васильевича Грознаго Яну Рокитѣ, Чт. О. И. и Др. Р. 1878, кн. 2 (отд.—Др.-русск. полемич. сочиненія противъ протестантовъ); арх. Леонидъ, Стихиры положенныя на крюковыя ноты. Твореніе Іоанна деспота Россійскаго, 1886 (Пам. Др. Письм. LXIII); И. Ждановъ, Сочиненія ц. Ивана Васильевича, Сочиненія т. I, 1904 г. и его-же Матеріалы для исторіи Стогл. собора, тамъ же; В. Ундольскій, Іоаннъ Грозный, какъ литераторъ и духовный композиторъ, 1859, Канонъ арх. Михаилу, грозному воеводѣ; И. Шляпкинъ, Ермолай Прегрѣшный, 1911 г.; В. Перетцъ, Отчетъ объ экскурсіи семин. русск. филол. въ С.-Петербургъ 1913 г., стр. 23. Костомаровъ, Монографіи, т. XIII; Е. Соловьевъ, Ив. Грозный, его жизнь и государств. дѣятельность, 1893 (см. Парѳеній Уродивый).

Парѳеній Уродивый—повидимому, псевдонимъ ц. Іоанна Грознаго: Посланіе къ неизвѣстному противъ люторовъ. Твореніе П. Ур., писателя XVI в., изд. арх. Леонидъ, Пам. Др. Письм. 1886 (это—списокъ Посланія на люторовъ и на Рокиту).

Царевичъ Иванъ Ивановичъ: В. Ключевскій, Древнерусскія житія святыхъ, какъ истор. источн. 1871; Н. Тупи-

ковъ, Литературная дѣятельность царевича Ивана Ив., Ж. М. Н. Пр. 1894, дек. и отд.

Князь А. М. Курбскій: Устряловъ, Сказанія кн. К. 1833 г., 1842 и лучшее изд.—1868 г.; Правосл. Собес. 1863 г. кн. 5—7; Москвит. 1843 г. кн. 9; В. Тимковскій, Опытъ изслѣдованія о жизни, подвигахъ и ученыхъ трудахъ кн. Курбскаго, ч. I, Жизнь кн. К. 1816; Н. Иванишевъ, Жизнь кн. Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни, I — II, 1849—50 гг.; А. Горскій, Жизнь и истор. значеніе кн. А. М. Курбскаго, 1854; Н. Поповъ, Атеней, 1858, № 7; М. Оболенскій, О переводѣ кн. К. сочиненій Іоанна Дамаскина, Библіогр. Зап. 1858 г. I, № 12, стр. 355; З. Оппоковъ, Кн. А. М. Курбскій, Кіев. Ун. Изв. 1872 г. 6—8 и отд.; М. Петровскій, Кн. А. М. Курбскій. Историко-библіогр. замѣтки по поводу послѣдняго изданія его „Сказаній", Уч. Зап. Каз. Унив. 1873 г. № 4 и отд.; А. Мацѣевичъ, Розысканія о жизни кн. К. на Волыни, Др. и Нов. Россія 1880, I; Ю. Бартошевичъ, Кн. Курбскій на Волыни, Ист. Вѣстн. 1880, кн. 6; А. Архангельскій, Очерки изъ ист. зап.-русской литературы XVI—XVII вв., Чт. О. И. и Др. Р. 1888 г. и отд.; А. Ясинскій, Сочиненія кн. К. какъ историческій матеріалъ, 1889 (Кіев. Ун. Изв.); П. Владимировъ, Новыя данныя для изученія литературной дѣятельности кн. А. Курбскаго, Тр. IX Археолог. Съѣзда, II, 1897, 316; К. Харламповичъ, Новая библіографич. находка. Переводная статья кн. К. „Отъ другие діалектики Ивана Спанъинбергера о силогизме вытолковано", Кіев. Стар. 1900, кн. 7—8 и отд. (и Проток. И. О. Др. Письм. за 1899 г.); А Соболевскій, Эней Сильвій и Курбскій, юбил. сборникъ Ю. А. Кулаковскому, Serta Borysthenica, 1911 г.; Отчетъ объ экскурсіи семинарія русск. филол. въ Житомиръ, 1911 (см. подр. библіогр. о К. у Петровскаго и у Бестужева-Рюмина, Русск. Исторія, II, вып. 1, 1885, стр. 260); Н. Поповъ, Опис. рукоп. Син. библ., Новоспасское Собраніе, 1910 г.; П. Владимировъ, Обзоръ южнор. и западно р. пам. письменности отъ XI до XVII ст.

Литература жидовствующихъ: А. Соболевскій, Переводная литература, 1903; О ереси жидовствующихъ. Новые матеріалы, собр. С. Бѣлокуровымъ, С. Долговымъ, И. Евсѣевымъ и М. Соколовымъ, 1902 (Изъ Чт. О. И. и Др. Р.); В.

Перетцъ, Новые труды о „жидовствующихъ“ XV в. и ихъ литературѣ, 1908; М. Сперанскій, Псалтырь жидовствующихъ въ перев. Ѳеодора еврея, 1907 (изъ Чт. О. И. и Др. Р.); М. Сперанскій, Аристотелевы Врата, 1908; С. Невѣровъ, Логика жидовствующихъ по рук. 1482 г., 1909 г.; О логикѣ: А. Бедржицкій, Р. Ф. Вѣстн., 1911. кн. 3—4 и Ж. М. Н. Пр. 1912 г.; П. Коковцевъ, Къ вопросу у „Логикѣ Авіасафа“, Ж.М. Н. Пр. 1910 и отд.; о сущности ереси жидовствующихъ — см. въ руководствахъ по исторіи русск. Церкви, а также: А. Пановъ, Ересь жидовствующихъ, Ж. М. Н. Пр. 1877 г.; Малышевскій, О раціоналистич. сектахъ въ Россіи, 1883, и въ работахъ объ Іосифѣ Санинѣ, игум. Волоколамскомъ, и др.

12. Древне-русская повѣсть.

Основаніемъ для изученія древне-русской повѣсти переводной и оригинальной является до сихъ поръ незамѣнимый трудъ А. Н. Пыпина, Очеркъ литературной исторіи повѣстей и сказокъ русскихъ, 1859 (Уч. Зап. И. Ак. Н. по II отд., 1858 г. кн. 4), его же—Для любителей книжной старины, и дополненія въ сборн. „Починъ“ Общ. Люб. Росс. Слов. За симъ статья А. Веселовскаго о др. р. повѣстяхъ въ Ист. р. слов. Галахова, § 27; Ѳ. Буслаева, Перехожія повѣсти, въ сборникѣ статей „Мои Досуги“, 1876, и Хрестоматія 1861 г.; Ѳ. Буслаева, Мѣстныя сказанія владимирскія, московскія и новгородскія, Лѣтоп. Тихонравова т. IV, 1862 и Очерки; Д. Ровинскаго, Русскія Нар. картинки 1881 (I—V). Еще см. въ Лѣтописяхъ р. лит. и древн. Тихонравова; Памятники стар. р. литер., изд. гр. Кушелева-Безбородко, I—II; А. Степовичъ, О древне-русской беллетристикѣ, К. 1898. А. Соболевскій, Свѣтская повѣсть и романъ въ древне-русской литературѣ. Вст. лекц., Изв. Ун. св. Влад. 1883, № 1; А. Орловъ, О нѣкоторыхъ особенностяхъ стиля великорусской исторической беллетристики XVI—XVII вв., 1909 (изъ Изв. отд. р. яз. и сл.); В. В. Сиповскій, Русскія новѣсти XVII—XVIII в. 1905 г., и Греческій романъ въ русск. переводахъ XVIII в., Изв. отд. р. яз. и слов., т. XI, кн. 2; А. Соболевскій, Переводная литература Московской Руси.

Кромѣ того—объ отдѣльныхъ повѣстяхъ, вошедшихъ въ лѣтопись—П. Хрущовъ, О древне-русскихъ историч. повѣстяхъ и сказаніяхъ, 1878.

О **„Словѣ о Полку Игоревѣ“**—лучшія работы: А. Смирновъ, Сл. о п. Игор., 1879; А. Потебня, Сл. о п. Игор., 1878, Вс. Миллеръ, Взглядъ на Сл. о П. Игор. 1877; Е. Барсовъ, Сл. о п. Иг. какъ худож. памятникъ Кіевской дружинной Руси I—III, 1887—1889; П. Владимировъ, Сл. о П. Игор. (обзоръ работъ), 1894; А. Орловъ, Объ особенностяхъ формы русскихъ воинскихъ повѣстей, 1902.

Повѣсть объ **Акирѣ Премудромъ**: Полевой, Моск. Телегр. 1825 г., № 11; Р. Вѣстн. 1842, № 1; А. Пыпинъ, Отеч. Зап. 1855, № 2; Е. Барсовъ, А. Прем. по серб. спискамъ XVI в., Чт. О. И. и Др. Р. 1886, кн. 3; Kula, Zum weisen Akyrios, Byzant. Zeitschr., B. I, I Heft.; Н. Дурново, О нѣкотор. именахъ въ славянскомъ переводѣ повѣсти объ Ак., Труды Слав. Комм. Моск. Археол. Общ. 1902, III; Хахановъ, Новый текстъ пов. о Хикарѣ, тамъ же; Потанинъ, Акиръ повѣсти и Акиръ легенды, Этн. Обозр. 1895, кн. XXV; Вс. Миллеръ, Ж. М. Н. Пр. 1895, № 7; Ягичь, Der weise Akyrios nach einer altkirchenslav. Uebersetzung, Byz. Ztchr. 1892, B. I, 1 Heft; его-же, Prilozi k historiji književnosti, 1868; А. Григорьевъ, Повѣсть объ Акирѣ Пр. Изслѣдованіе и тексты, М. 1913; его-же, повѣсть объ Ак. Пр., какъ худож. произведеніе, Варш. 1913.

Александрія: Александрія (серб.), Изд. И. Общ. Л. Др. Письм. вып. LXVI и LXXXVII, 1880—1887 гг.; А. Веселовскій, Zur bulgarichen Alexandersage, Archiv f. slav. Philologie, I; другія работы Веселовскаго: Къ вопросу объ источникахъ сербской Александріи, Ж. М. Н. Пр. 1886, № 6 и 9; рец. на книгу Гастера, тамъ же, 1888 № 3; Die Wunderepisode der mittelgriechischen Alexandreis, Archiv f. sl. Ph., XI, 1888; Двѣ замѣтки къ вопросу объ источн. серб. Александріи, Ж. М. Н. Пр. 1885, № 10; Изъ исторіи романа и повѣсти, т. I, 1886 г.; Новыя данныя для исторіи романа объ Александрѣ, Сборн. отд. р. яз. и слов. И. А. Н., т. LIII, 1893 г.; В. Истринъ, Александрія русск. хронографовъ, 1893 г. (рец. Веселовскаго—въ Визант. Врем. т. IV, 1897 г.); Къ исторіи заимствов. словъ и переводныхъ повѣстей, Лѣтоп. Ист.-Фил. Общ. при Новоросс. Ун., вып. XIII;

Исторія Серб. Александріи, тамъ же, вып. XVI, 1910 г.; С. Новаковичъ, Гласник српског ученог друштва, кн. IX, 1878; С. Пташицкій, Обзоръ матеріаловъ по исторіи средневѣковой свѣтской повѣсти въ Польшѣ, Изв. отд. р. яз. и слов., т. VII, кн. 1; Оршанскій, Талмудич. сказанія объ Александрѣ Македон., Сборн. статей по евр. ист. и литер., 1867; Jagić, Starine, III, 1871, и V, 1873; L. Bernacki, Przyczynki po dziejów najdawniejszej powieści polskiej, Lw. Pamiętnik literacki, II, 1903, и отд. Brückner, Z rękopisów petersburskich, Prace filologiczne, V, zeszyt II; Хахановъ, Грузинская повѣсть объ Ал. Македон. и сербская Александрія, Ж. М. Н. Пр. 1893, сент.; А. Соболевскій, Къ исторіи заимств. словъ... Кіев. Унив. Изв., 1904, № 11 и Изв. отд. р. яз. и слов. 1905 г., т. X, кн. 2; Сырку, Слово о ветхомъ Александрѣ... Archiv, VII (рец. Веселовскаго Ж. М. Н. Пр. 1884, янв.); П. Лавровъ, Архивн. списокъ Александріи Псевдокаллисѳена, Тр. Слав. Комм., т. II.

Девгеніево Дѣяніе: Пам. ст. р. лит., т. I; Н. Тихонравовъ, Сочиненія, I; его же—Новый списокъ Девг. Д., Тр. 8-го Арх. Съѣзда, т. IV; А. Веселовскій, Отрывокъ визант. эпоса въ русскомъ, В. Евр. 1875, № 4; Bruchstücke des byzant. Epos, Russ. Revue, 1875, IV; Южно-русск. былины, Зап. И. Ак. Н., т. XXXVI, гл. 3; рец. на кн. Гастера, Ж. М. Н. Пр. 1888, мартъ; Г. Дестунисъ, Розысканія о греческихъ богатырскихъ былинахъ, Сб. отд. р, яз. и сл. И. А. Н., XXXIV (рец. Веселовскаго, Ж. М. Н. Пр. 1884, іюнь).

Троянская притча: Калайдовичъ, Іоаннъ Экс. болг. 1824; Ягичъ, Primeri starhrovatskoga jezika, 1866; Пекарскій, Наука и лит. при Петрѣ В.; Миклошичъ, Starine, кн. III, 1871; П. Сырку, Zur mittelalterlichen Erzählungslitteratur, Archiv f. sl. Ph., 1883, VII; А. Веселовскій, Болгарскія повѣсти Букурештскаго сборника, Ж. М Н. Пр. 1884, янв.; его-же, рец. на кн. Гастера Ilchester lectures on greko-slavonic literature, 1887, Ж. М. Н. Пр. 1888, мартъ; Изъ исторіи романа и повѣсти, II; С. Пташицкій, Обзоръ матеріаловъ по исторіи средневѣков. повѣсти, Изв. отд. р. яз. и сл., т. VII, кн. I; Гудевъ, Сборникъ за нар. умотвор. наука и книжнина, 1891 г. VI; L. Bernacki, Przyczynki do dziejów powieści polskiej, Pamiętn. literacki, II, 1903 и отд.; Цоневъ, Сборн. за нар. умотв., кн. VII, 1892. В.

Щепкинъ, Лицевой Сборникъ Имп. Росс. Истор. Музея I-II, 1900 (изъ Извѣстій отд. р. яз. и слов., т. IV).

Повѣсть о Варлаамѣ и Іоасафѣ: А. Кирпичниковъ, Греческіе романы въ новой литературѣ, 1876; А. Веселовскій, Византійскія повѣсти и Варлаамъ и Іоасафъ, Ж. М. Н. Пр. 1887, іюль; О славянскихъ редакціяхъ одного аполога Варлаама и Іоасафа, Сб. отд. р. яз. и сл. XX, № 3, 1879 г.; Повѣсть о В. и І. Изданіе Общ. Л. Др. Письм. № LXXXVIII, 1885 г.; Новаковичь, Гласник срп. уч. друштва, L, 1881; Ів. Франко, Записки Наук. тов. ім. Шевч., т.т. VIII, X, XVIII и XX, отд. 1897 г.; Cosquin, Contes de Lorraine, I, introduction; В. Перетцъ, Источникъ одного стихотворенія А. Майкова (Сборн. статей въ честь Ламанскаго и отд.).

Повѣсть объ Индѣйскомъ царствѣ: Н. Полевой, Москов. Телеграфъ, 1825, № 10; Н. Тихонравовъ, Лѣтописи р. лит. и древн. 1859, т. II; Баталинъ, Филол. Зап. 1875 и отд.; А. Веселовскій, Южнор. былины, Сб. отд. р. яз. и сл., XXXVI, гл. 6; И. Хрущовъ, Памятники Древн. Письм., 1880 г., в. III; В. Истринъ, Сказаніе объ Инд. ц., Тр. Слав. Комм. Моск. Археолог. Общ. I и отд. (рец. А. Веселовскаго, Визант. Врем. 1897, т. IV) в. 1—2; С. Долговъ. Сказаніе объ Инд. Ц., Труды Слав. Комм. I; А. Соболевскій, Изъ ист. заимств. словъ и переводн. повѣстей. Изв. Ун. св. Вл., 1904, № 11 и Изв. Отд. р. яз. и сл. 1905, кн. 2; В. Перетцъ, Зап. Наук. Тов. в Киевѣ, кн. IX, 1912 г.

Стефанитъ и Ихнилатъ: Даничичь, Starine II, 1870; Ст. и Ихн., Пам. Др. Письм. №№ XVI 1877 г. и XXVII 1878 г., ред. Булгакова; тамъ же №№ LXIV 1880 и LXXVIII 1881, ред. Викторова; Рябининъ, Книга Калилаһ и Димнаһ, ея происхожд. и исторія, М. 1889; А. Рыстенко, Ст. и Ихн. по греч. спискамъ Мюнх. Кор. библ. 1909; его же— Парижскіе списки повѣсти Ст. и Ихн.; Къ исторіи повѣсти Ст. и Ихн. въ визант. и славянорусск. литер. Лѣтоп. Ист.-Фил. Общ. при Новор. Ун., вып. X, 1902 и в. XVI, 1910.; С. Смирновъ, Ст. и Ихн., Филог. Зап. 1879, в. 3.

Слово о погибели р. земли, изд. Х. Лопаревъ, Пам. Др. Письм. 1898. Серебрянскій, Замѣтки и тексты изъ Псковскихъ памятниковъ. Тр. Псков. Церк. Арх. Комитета, I, 1910.

Сказаніе о взятіи Батыемъ Рязани: И. Срезневскій,

Свѣдѣнія и замѣтки гл. XXXIX; Временн. Общ. Ист. и Др., т. XV.

Повѣсть о снахъ ц. Шахайши (Мамера царя): А. Веселовскій, Sagenstoffe aus dem Kandjur, Russ. Revue, 1876, 3 Heft; Сны Шахайши—Мамера царя, изд. О. Л. Др. П., 1877, № XV; А. Веселовскій, О 12 снахъ Ш., Сб. отд. р. яз. и слов., т. XX, 1879; его же рец. на кн. Гастера Ж. М. Н. Пр. 1888, № 3; С. Ольденбургъ, тамъ же, 1892, № 11, стр. 135; А. Рыстенко, Сказаніе о двѣнадцати снахъ ц. Мамера въ славяно-русск. литер., 1904 (Лѣтоп. Ист.-Фил. Общ. при Новоросс. Ун., т. X и XIII;) его же, Addenda къ статьѣ о 12 снахъ ц. М., 1905; его же—Фроловскій списокъ „сновъ“, Ж. М. Н. Пр. 1908, № 1; В. Истринъ, Изслѣдованія въ обл. др.-р. литер. 1906.

Посланіе еп. Василія о раѣ: Тихонравовъ, Лѣтописи р. лит. и древн., т. VII; А. Веселовскій, Параллели къ сказанію о новгор. раѣ, Фил. Зап. 1875, 3; Розыск. въ обл. дух. стиховъ, гл. XIX, Сб. отд. р. яз. и сл., т. LIII. Артоболевскій, М. 1905.

Повѣсть о взятіи Москвы Тохтамышемъ: П. Собр. р. лѣтоп., т. VI, стр. 84.

Повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ: И. Сахаровъ, Сказанія рус. народа, I; И. Срезневскій, Задонщина, Уч. Зап. Ак. Н. по отд. р. яз. и слов., V, в. 3, 1858; Тимофеевъ, Сказанія о Куликовской битвѣ, Ж. М. Н. Пр., 1885, №№ 8, 9; И. Снегиревъ, Повѣданіе о побоищѣ в. кн. Димитрія Ивановича, Русск. истор. Сборникъ, т. III; Шамбинаго, Повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ, 1910; (рец. Маркова—Ж. М. Н. Пр. 1908 г. апр. и Шахматова, 1910, Сб. отд. р. яз. и слов.); Назаровъ, Ж. М. Н. Пр. 1858, ч. XCIX.

Повѣсть о Вавилонскомъ царствѣ: Повѣсть какъ приходилъ греч. царь Василій подъ Вавилонъ градъ, Тихонравовъ, Лѣтописи р. лит. и др., 1859 г. кн. 2; тамъ же—кн. 5-я, 1861 г.; Веселовскій, Die Sage vom babylonischen Reich, Archiv, II, 1877; его же Повѣсть о Вавилон. ц., Славянск. Сборн. 1876 г., т. II; Ждановъ, Р. былевой эпосъ, 1895.

Повѣсть о бѣломъ клобукѣ: Пам. ст. р. лит. I, 1861 и отд.; Буслаевъ, Очерки, II; Терновскій, Изученіе византійск. исторіи, 1875—76 г., I, 89 и II, 171.

Повѣсть о Меркуріи Смоленскомъ: Буслаевъ, Очерки, II;

Писаревъ, Фил. Зап. 1881, 1—5; Кадлубовскій, Очерки по исторіи др.-р. житій свв., 1902; Голубовскій, Истор. Смоленской земли; Барсуковъ, Источн. р. агіографіи; Миндалевъ, Повѣсть о М. См. и былевой эпосъ, 1913 (изъ Сб. въ честь проф. Корсакова); Отч. О. Л. Др. П. за 1899—1900 гг. Отч. объ экск. въ СПБ. сем. р. фил. 1913 г.

Повѣсть о царевичѣ Петрѣ: Буслаевъ Очерки, II; Прав. Собес. 1859, I.

Повѣсть о Петрѣ и Февроніи: Буслаевъ, Очерки, I; Веселовскій, Новыя отношенія Муромской легенды о Петрѣ и Февроніи, Ж. М. Н. Пр. 1871, № 4; Барсуковъ, Источн. русск. агіографіи.

Преніе живота и смерти: Буслаевъ, Очерки, I; Тихонравовъ, Лѣтописи р. лит. 1859, кн. I; Веселовскій, Отрывки виз. эпоса въ русскомъ, В. Евр. 1875; Russ. Revue 1875, т. IV; Н. Гудзій, Преніе ж. и см. и новый украинскій его списокъ, Р. Ф. В. и отд. 1910; его-же ст. въ Отчетѣ объ экск. семин. рус. филол. въ Житомиръ, 1910; Croiset van der Kop, Altrussische Uebersetzungen aus dem polnischen. I. De morte prologus, 1907.

Повѣсть о ц. Динарѣ: о ней см. Ист. р. литер. А. Н. Пыпина, т. II, 539; А. Соболевскій, Переводная литература.

Слово о вѣрѣ христіанской и жидовской: Н. Тихонравовъ, Лѣтописи, кн. 5-я 1861 г.; А. Веселовскій, Опыты по исторіи христ. легенды, Ж. М. Н. Пр.; В. Перетцъ, Къ исторіи польскаго и русск. нар. театра.

Сказаніе о птицахъ: Х. Лопаревъ, Древне-русскія сказанія о птицахъ, 1896, Пам. Др. Письм. № CXVI; А. Багрій, Древне-русское сказаніе о птицахъ, Р. Ф. В. Варш. 1912 г. и отд.

Сказка о Ершѣ: Шляпкинъ, Ж. М. Н. Пр. 1904 г. авг.; Ровинскій, Р. нар. карт. I, IV, V.

Повѣсти о Смутномъ времени—собраны въ XIII т. Р. Истор. Библ., 2-е изд.; изслѣдованіе—С. Платонова, Древне-рус. сказанія о смутѣ, изд. 2-е; рец. на 1-е изд. Ключевскаго.

Повѣсти о бѣсноватыхъ: о Соломоніи—въ Пам. стар. р. лит.; Буслаевъ, Мои досуги; Н. Мендельсонъ, Демонологическое сказаніе XVIII в., Изв. отд. р. яз. и сл., 1902.

Сказка о Ерусланѣ: В. Стасовъ, Происх. русск. былинъ, В. Евр. 1868, № 1, стр. 171 и Собр. сочин.; Д. Ровинскій,

Р. нар. картинки, I, IV; А. Веселовскій, Мелкія замѣтки къ былинамъ, Ж. М. Н. Пр. 1890, № 3. Тихонравовъ Лѣтописи р. лит. 1859, т. II, кн. 4.

Повѣсть объ Аттилѣ: А. Веселовскій, Ж. М. Н. Пр. 1887, №№ 5 и 8; то же—Изъ ист. романа и повѣсти, т. II, Сб. отд. р. яз. и слов. т. XLIV, 1888 г.

Повѣсть о Тристанѣ: А. Веселовскій, тамъ же.

Сказка о Бовѣ: Изд. Общ. Л. Др. Письм. 1879, в. I; Д. Ровинскій, Р. Нар. картинки, кн. I и IV; А. Веселовскій, Zum russischen Bovo d'Antona, Archiv f. sl. Ph., IX B., 1886; его же—Изъ истор. романа и повѣсти, II; Ж. М. Н. Пр. 1887, № 5 и 8.

Повѣсть объ Аполлоніи Тирскомъ: Н. Тихонравовъ, Лѣтописи, I, 1859; Римскія Дѣянія, изд. О. Л. Др. Письм. 1877—78 г.; Polivka, Dve povidky XV st. 1889, его-же—Der Roman von Apollonius, König von Tyrus, рец. Murko, Arch. f. sl. Ph., XIII, 1890; Murko, Die russische Uebersetzung des Ap. v. Tyrus und Gesta Romanorum, Archiv, XIV.

Римскія Дѣянія: Gesta Romanorum, ed. Oesterley; Р. Д. изд. Общ. Л. Др. Письм., в. V и XXXIII, 1877—78; С. Пташицкій, Средневѣковыя западно-европ. повѣсти въ русск. и славянск. литер., Истор. Обозрѣніе т. VI, 1893 и 1897 и отд.; L. Bernacki, Przyczynki do dziejów najdawniejszej powieści polskiej, 1904 (изъ Pamiętn. Literackiego 1903 г.); I. Novak, Staroczeska G. R. 1895, рец. Vondrak'a, Archiv, XXI, 1899; Н. Барсовъ, Къ литер. исторіи Вольтера. Вольтеръ и Римскія Дѣянія. СПБ. 1892.

Великое Зерцало: П. Владимировъ, В. З., Чт. О. И. и Др. Р. 1883, кн. 2—3, и отд. 1884; его же—Къ изслѣд. о В. З., Уч. Зап. Казанск. Ун. 1884 и отд.; рец. И. Болдакова, Ж. М. Н. Пр. 1885, № 5; С. Шевченко, В. З. и сочиненія І. Галятовскаго, Р. Ф. В. 1899 и отд., Отч. объ экск. семин. р. фил. въ Москву, 1911 г.

Повѣсть о семи мудрецахъ: Ѳ. Буслаевъ, Перехожія повѣсти, Мои досуги, II; Пов. о семи мудр. Изд. Общ. Л. Др. П. вв. XXIX и XXXV, 1878—80 гг.; M. Murko, Die Geschichte von den sieben Weisen bei den Slaven, Sitzungsberichte der philosoph.-historischen Classe d. Kais. Akad. der Wiss., 122 B., X Abhandlung, 1890 и отд.; его-же—Bugarski i srpski prijevod knjige o sedam mudraca, njen izvor i kratak obzir na druge slovenske redakcije, Rad Jugosl. Akad., кн. C, 1890.

Исторія о Мелюзинѣ: Изд. О. Л. Др. Письм. вып. XLII и LX 1879—80 гг.; I. Karłowicz, La belle Mélusine et la reine Vande, Archiv, II, 1877.

Повѣсть о Василіи Златовласомъ: изд. въ Пам. Др. Письменности, вып. XXXI, И. Шляпкинымъ; М. Халанскій, Великорусскія былины, Р. Ф. В. и отд. 1885 г.; А. Веселовскій, Замѣтки по лит. и нар. слов., Сб. отд. р. яз. и слов. 1883 г. т. XXXII, Зап. И. Ак. Н., т. XLIV.

Повѣсть о Брунцвикѣ: изданіе Петровскаго, Пам. Др. Письм. в. LXXV, 1888 г.; рец. Murko, Archiv, XIII, 1890; F. Prusik, Kronika o Bruncvikovi, рец. Murko, Arch. XIII; Polivka, Kronika o Brunc. v ruské literatuře, Rozpravy Ćeske Akad. 1892.

Повѣсть о Шемякиномъ судѣ: Ѳ. Буслаевъ, Перехожія повѣсти, Мои Досуги, II; М. Сухомлиновъ, Сб. отд. р. яз. и слов., т. X; Шем. судъ, изд. О. Л. Др. П. 1879 г. вып. XXXVIII; Nehring, рец. на это изд. Archiv, V, 1881; С. Ольденбургъ, Жив. Стар. 1891 г., в. 3; Тихонравовъ, Лѣтописи, т. III, и Сочиненія, I, 1898; Аѳанасьевъ, Р. нар. сказки, изд. 3-е 1897, т. II; Ровинскій, Р. нар. картинки, I и IV.

Повѣсти объ Азовскомъ сидѣньѣ: А. Орловъ, Сказочныя повѣсти объ Азовѣ. Исторія 7135 года. Варш. 1906 (изъ Р. Ф. В.); его-же—Историческія и поэтическія повѣсти объ Азовѣ; тексты, М. 1906; Особая повѣсть объ Азовѣ 1637—1641, изъ Чт. О. Ист. и Др.

Сужденіе дьявола противъ рода человѣческаго: А. Кирпичниковъ, Пам. Древн. Письм. CV, 1894 г.; готовится изд. Круазэ-фанъ-деръ-Копъ, въ Памятникахъ того же О. Л. Др. П.

Бесѣда отца къ сыну о женской злобѣ: Забѣлинъ, Опытъ изуч. р. древн. и исторіи, 1872 г.; Отчетъ объ экск. семин. р. фил. въ СПБ., 1911 г. Ровинскій, Русск. нар. картинки.

Повѣсть о бражникѣ: Р. Бес. 1859 г., кн. 6; Аѳанасьевъ, Легенды; Пам. стар. р. литер. I; Пыпинъ, Нѣсколько новеллъ Боккачьо въ русск. лит. XVII в. Отеч. Зап. 1857, № 2; Перетцъ, Къ исторіи р. повѣсти, Изв. Ун. св. Влад. 1907 г. № 8.

Фацеціи: изд. въ Пам. Др. Письм. 1878—79; Аѳанасьевъ, Повѣсти о мудрыхъ женахъ, Лѣтописи р. лит. и др., т. V, 1863; Brückner, Facecye Polskie; Т. Глаголева,

Отчетъ Общ. Л. Др. П. за 1910—11 г., 1911 г.; Отчетъ объ экск. семин. р. фил. въ СПБ. 1911 г.

Повѣсть о Фролѣ Скобѣевѣ: Погодинъ, Москвитянинъ 1853 г., I, III; Н. Кононовъ, о повѣсти, Тр. слав. Комм. V.

Повѣсти объ Андреѣ Критскомъ и о Григоріи Папѣ—Костомаровъ, Сказанія о кровосмѣсителѣ; Яцимирскій, Къ славянскимъ легендамъ о кровосмѣшеніи, Харьк. 1909; Драгоманов, Розвідки, Львів, IV, 1907; Веселовскій, А. Кр. въ легендѣ о кровосмѣсителѣ, Ж. М. Н. Пр. 1885, іюнь; Grabowski, Podania o związkach między najbliższym rodzeństwem, Wisła VI; V. Diederichs, Russische Verwandte der Legende von Gregor auf dem Stein und der Sage von Judas Ischariot, Russ. Revue, 1880, IX.

Повѣсть о Горѣ Злочастьѣ: Рыбниковъ, Пѣсни; А. Веселовскій, Розыск. въ обл. р. дух. стиха, Сборн. отд. р. яз. и слов. XLVI, 1889; Ѳ. Буслаевъ, Ист. Очерки, I; Симони, Повѣсть о Горѣ-Зл., Сб. отд. р. яз. и слов. LXXXIII, 1907 (полная библіогр.); Потебня, О Долѣ и сродныхъ съ нею существахъ, Тр. Моск. Арх. Общ., I, 1865—7 г.; А. Сонни, Горе и Доля въ нар. сказкѣ, Изв. Ун. св. Влад. 1906 г., № 10 и отд.

Повѣсть о Саввѣ Грудцынѣ: Н. Тихонравовъ, Лѣтописи р. лит. и др., II; Памятн. О. Люб. Др. Письм., 1880 г., вып. III, сообщ. Писарева; рец. Розанова на „Р. пов.“ Сиповскаго, Изв. отд. р. яз. и сл. т. IX, кн. 4; В. Розовъ, Изв. Унив. св. Вл. 1905, № 3; А. Мадуевъ, Труды Слав. Комм. М. Археол. Общ., III, протоколы.

Повѣсти о загробной жизни изъ Синодика: Пѣтуховъ, Очерки изъ литер. исторіи Синодика, 1895 (Пам. Др. П. CVIII); Ровинскій, Р. нар. картинки.

Повѣсть о купцѣ Басаргѣ и сынѣ его Борзосмыслѣ: Полевой, Р. Вѣстн. 1842 г. V; А. Веселовскій, Изв. отд. р. яз. и сл. 1904 г., кн. 2; Отчеты объ экскурсіяхъ семин. р. филол. въ Москву 1912 и Петерб. 1913 г., В. Перетцъ, Изв. Ун. св. Вл., 1907 г. № 9.

Повѣсть о посадникѣ Щилѣ: Пам. стар. литер. Кушелева Безбородка; Перетцъ, Изъ исторіи старинной русск. повѣсти, Изв. Унив. св. Влад. 1907, № 7—8; Де-Виттъ, Изв. отд. р. яз. и слов. 1913, кн. 2.

Повѣсть о старомъ мужѣ и молодой дѣвицѣ:—изд. въ Пам.

Др. Письм., в. XCIX, Х. Лопаревымъ; Перетцъ, Изв. Ун. св. Вл. 1907 г. № 9; Отчетъ объ экскурсіи семин. р. фил. въ Москву 1912 г.

Сказаніе о молодцѣ и дѣвицѣ: Ефименко, Изв. Общ. любит. естеств. антроп. и этногр. XXX, вып. II (Тр. этн. отд., кн. 5, в. 2) 1878 г.; Лопаревъ, Пам. Др. Письм. XCIX, 1894, Отчетъ Имп. Публ. библ. за 1896 г. СПБ. (1900) стр. 171; А. Марковъ, Этногр. Обозр. 1904 г. № 2; В. Срезневскій, Изв. отд. р. яз. и сл., 1906 г. кн. 4; А. Назаревскій, Отчетъ объ экск. семин. р. филол. въ Москву 1912 г.; В. Перетцъ, Къ сказанію о молодцѣ и дѣвицѣ, РФВ. 1913 г. кн. 4.

Повѣсть о ц. Соломонѣ: Лѣтописи Тихонравова, т. IV; Пыпинъ, Старинныя сказки о ц. Соломонѣ, Изв. Ак. Н. по отд. р. яз. и сл. 1857 г. т. IV (старая серія), в. 7; Чтенія о яз. и словесн. 1854—55 гг.; Изв. Ак. Н... 1856 г. т. V, в. 1. Веселовскій, Шведск. баллада объ увозѣ Сол. жены, 1896 г.; см. апокрифы.

Повѣсти о хмелѣ: Буслаевъ, Очерки, I; Ефименко, Матеріалы по этногр. р. населен. Арханг. губ. (Тр. этн. отд. Моск. общ. ест., антр. и этн., V, в. 2, 1878, стр. 224); Ровинскій, Р. нар. картинки, I, IV, V; см. въ Ист. р. лит. Пыпина.

Повѣсти эпохи Петра В.; у Сиповскаго, Р. повѣсти, 1905 г.; также — В. Перетцъ, Очерки по исторіи поэтическаго стиля въ эпоху Петра В., Ж. М. Н. Пр. 1905 г. и отд. V—VIII; за симъ—въ частности:

Повѣсть о царевнѣ Персикѣ: Н. Петровъ, О вліяніи западно-европ. литер. на древне-русскую, Тр. Кіев. Дух. Ак. 1872, кн. 8; В. Сиповскій, Русскія повѣсти XVII—XVIII в.; П. Поповичъ, Приповетка о девојци без руку. Београд, 1905; А. Яцимирскій, Извѣстія отд. р. яз. и слов. 1911 г. кн. 3.

Апоѳегмата: Пекарскій, Наука и литер. при Петрѣ В., т. II; Отчетъ объ экскурсіи семин. р. филол. въ Москву, въ 1912 г.

Повѣсть о россійскомъ матросѣ Василіи Коріотскомъ — у Майкова, Очерки...

Повѣсть (гисторія) о росс. дворянинѣ Александрѣ—см. Су-

хомлиновъ, Библ. для Чт. 1858 № 12 и „Изслѣдованія“ 1908 г.

Повѣсть о шляхтичѣ Долторнѣ: Пыпинъ, Изъ исторіи народной повѣсти. Гисторія о шляхт. Долторнѣ, какъ вѣроятный источникъ повѣсти о росс. матросѣ Василіи, 1887 г. (Пам. Др. Письм.)

Повѣсть о Ѳомѣ и Еремѣ: От. Зап. 1841 г. кн. 5; Аристовъ, Древн. и Нов. Россія 1876 г. I, стр. 358; Ровинскій, Русск. нар. карт. I, V; Аѳанасьевъ, Р. нар. сказки, изд. 1897 г., II.

Повѣсть о купцѣ Карпѣ Сутуловѣ и его мудрой женѣ: Пыпинъ, Сборн. Моск. Общ. Люб. Росс. слов. 1891; Труды Слав. Коммиссіи М. Археол. Общ. т. V, 1911 г., стр. 39; см. Ист. лит. Пыпина, II и III.

Повѣсть о табакѣ: Пам. стар. р. лит. II; А. Веселовскій, Розыск. съ обл. р. духовн. стиховъ, гл. VI, Приложенія, Сб. отд. р. яз. и слов. XXVII; Сборникъ за народни умотворенія, наука и книжнина, 1892, кн. VII, стр. 138.

Легенды о картофелѣ: М. Сперанскій, Р. Стар. 1895 г., кн. LXXXIV; В. Перетцъ, Легенды о происхожденіи картофеля, Сборн. памяти Л. Н. Майкова 1901 г.; А. Назаревскій, Р. Фил. Вѣстн. 1911, кн. 3—4 и отд.

---

13. Религіозная и общественная литература въ Москвѣ XVII в.

(О виршахъ, театрѣ и повѣсти, см. особо). Сначала перечислимъ нѣкоторыя сочиненія болѣе общаго характера.

А. Архангельскій, XVII вѣкъ въ исторіи русской литературы, 1884; Н. Тихонравовъ, Новая русская литература (XVII и XVIII вв.), Сочиненія, т. II, 1898 г.; Д. Цвѣтаевъ, Литературная борьба съ протестантствомъ въ Московскомъ госуд. 1887.; его-же—Памятники къ исторіи протестантства въ Россіи, 1888; Протестантство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованія, 1890; Обрусѣніе западно-европейцевъ въ Моск. госуд., 1903; В. Ключевскій, Западное вліяніе въ Россіи XVII в., Очерки и рѣчи, 1913; П. Милюковъ, Оч. по ист. р. культуры, II, 1897; И. Образцовъ, Кіевскіе ученые въ Великороссіи, Эпоха 1861, 1;

С. Любимовъ, Борьба между представителями великор. и малор. направленія въ Великороссіи въ к. XVII и нач. XVIII в., Ж. М. Н. Пр. 1875, авг., сент.; П. Владимировъ, Очерки изъ исторіи литературнаго движенія на сѣверѣ Россіи во 2-й половинѣ XVII в. Ж. М. Н. Пр. 1879, окт.; В. Эйнгорнъ, Очерки изъ истор. Малороссіи въ XVII в. I. Сношенія малор. духовенства съ Московскимъ правительствомъ, 1889; его-же—Книги Кіев. и Львовской печати въ Москвѣ въ третью четв. XVII в., 1894; М. Владимірскій-Будановъ, Государство и народн. образованіе въ Россіи съ XVI в. до учрежденія министерствъ, 1894 (изъ Ж. М. Н. Пр.); Н. Каптеревъ, О греко-латинскихъ школахъ въ Москвѣ XVII ст. до открытія славяно-греко-латинской Академіи, Прибавл. къ Твор. св. отецъ, 1889, т. IV; его-же—Характеръ отношеній Россіи къ правосл. Востоку въ XVII и XVIII ст. 1885; Мирковичъ, О школахъ и просвѣщеніи въ патріаршій періодъ, Ж. М. Н. Пр. 1878, іюль; С. Смирновъ, Исторія Моск. славяно-греко-латинской Академіи, 1885; Д. Мордовцевъ, О русскихъ школьныхъ книгахъ въ XVII ст., 1862 (изъ Чт. М. О. Ист. и Др. Р.); Н. Костомаровъ, Церковно-историч. критика въ XVII в., Истор. Моногр. XI; Н. Лавровскій, О древне-русскихъ училищахъ, 1854; К. Никольскій, Матеріалы для исторіи исправленія богослуж. книгъ, 1896, Пам. Др. П., CXV; Гр. Мирковичъ, О времени пресущ. св. Даровъ, 1886 (рец. Шляпкина, Ж. М. Н. Пр. 1886, май); И. Шляпкинъ, Къ исторіи полемики между моск. и малор. учеными въ к. XVII в. Ж. М. Н. Пр. 1885, окт.; А. Горскій, О духовныхъ школахъ въ Москвѣ XVII в., Приб. къ Твор. свв. отецъ, 1845; Костомаровъ, Р. исторія въ жизнеописаніяхъ; А. Соболевскій, Переводная литература, 1903.

Далѣе обратимся къ нѣкоторымъ отдѣльнымъ писателямъ и къ спеціальнымъ работамъ о нихъ.

Авраамій Палицынъ: Сказаніе его объ осадѣ Тр.-Серг. монастыря въ XIII т. Р. Истор. Библ.; о немъ—Авраамій Палицынъ, Чт. М. О. И. и Др. Р., 1880, кн. 4; С. Кедровъ, Авр. П. какъ писатель, Р. Архивъ, 1886. кн. 8; С. Платоновъ, Древне-русск. сказанія о смутѣ, 2-е изд. 1913.

Іоаннъ Насѣдка, протоіерей: авторъ Изложенія на лютеры въ Сборн. 1642 г. и Зерцала Духовнаго 1645 г. и Сына Цер-

ковнаго, см. Голубцовъ, Пренія о вѣрѣ, вызванныя дѣломъ королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны, М. 1891; также—въ Ист. ц. Макарія и др.

Арсеній Глухой, справщикъ: В. Вишневскій, Прав. Собес. 1862 г. кн. 2 и 3; П. Казанскій, Исправленіе книгъ при Филаретѣ, Чт. О. И. и Др. Р. 1848, кн. 8; Критико-біогр. словарь С. Венгерова, I.

Арсеній Суховъ: Проскинитарій—изд. въ Прав. Палест. Сб., т. VII, в. 3-й (=в. 21-й) 1889; С. Бѣлокуровъ, Арсеній С. 1891, ч. I; ч. II, вып. I, Сочиненія Арс. С., 1894; Вопросы патр. Александрійскому, Прав. Об. 1866; Челобитная—Акты Ист. т. IV.

Арсеній Грекъ: Слѣдственное дѣло объ Арс. Гр., Чт. Общ. Л. Дух. Просв. 1881, кн. 7; В. Колосовъ, Старецъ Арс. Грекъ, Ж. М. Н. Пр. 1881, сент.; С. Бѣлокуровъ, Адамъ Олеарій о греко-латинской школѣ Арсенія Гр. въ Москвѣ въ XVII в. 1888 (см. Чт. Общ. Люб. Дух. Пр. 1888, кн. 4). Крит.-біогр. словарь Венгерова, I.

Епифаній Славинецкій: В. Пѣвницкій, Е. Сл., одинъ изъ главныхъ дѣятелей дух. литературы въ XVII в., Тр. Кіев. Д. Ак. 1861, № 8—10; Письмо инока Епифанія—Чт. О. И. и Др. Р. 1846 г. кн. 4; С. Брайловскій, Филологическіе труды Е. Сл., Р. Фил. В. 1890, т. XXIII и XXIV; В. Сторожевъ, Къ исторіи русск. просвѣщенія XVII в., Кіев. Стар. 1889 г. кн. 11; Ундольскій, Расходъ книгамъ, иконамъ и всякой рухляди старца Епифанія, Временн. Общ. Ист. и Др. Р. кн. 5, 1850 г.; И. Ротаръ, Епиф. Славинецкій, литер. дѣятель XVII в. Кіев. Ст. 1900, кн. 10—12 и отд. (рец. С. Брайловскаго, Изв. отд. р. яз. и слов. 1901, кн. 2); Ундольскій, Ученые труды Еп. Сл., Чт. О. И. и Др. Р. 1846, кн. 4.

Симеонъ Полоцкій, іером.: В. Пѣвницкій, Сим. Пол., Прав. Обозр. 1860 г. кн. 10—11; Л. Майковъ, Сим. Пол. Очерки изъ исторіи русск. литер. XVII—XVIII в., 1889 (ранѣе Др. и Нов. Росс. 1875 г.); I. Татарскій, Сим. Пол., 1886; В. Поповъ, С. Пол. какъ проповѣдникъ, 1886; П. Владимировъ, Два новыя изслѣдованія о Сим. П., Ж. М. Н. Пр. 1887, кн. 4; Н. Глокке, Риѳмотворная Псалтирь С. Пол. и отношеніе къ польск. псалтири Яна Кохановскаго, 1896; И. Тарабринъ, Новыя данныя о Сим. П., Труды Слав.

Комм. Моск. Археол. Общ. т. III, 1902; его же—Апокрифич. элементъ въ Вертоградѣ С. Пол., тамъ же; комедіи—Тихонравовъ, Р. драмат. произвед., т. I; Мѣсяцесловъ въ стихахъ 1680 г.—переизданъ въ 1882 г. отд., и у Безсонова, Калѣки перехожіе.

Котошихинъ Григорій, подъячій: О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича, изд. Археогр. Комм. подъ ред. Коркунова, 2-е изд. 1852 г.; 3-е изд. съ предисл. А. Куника, 1884; Я. Гротъ, Новыя свѣдѣнія о Котошихинѣ по шведск. источникамъ, Сборн. отд. р. яз. и слов. Имп. А. Н., т. XXIX, 1882; А. Маркевичъ, Григ. Карп. Котошихинъ и его сочиненія о Моск. госуд. въ полов. XVII ст. 1895.

Дамаскинъ, іерод.: І. Яхонтовъ, Іер. Д., русскій полемистъ XVII в. 1884; рец. Петрова, Ж. М. Н. Пр. 1884, апр.

Анонимъ, проповѣдникъ: Дух. Бесѣда 1858 г.; І. Яхонтовъ, Русскій проповѣдникъ XVII в. и нѣсколько статей изъ его сочиненія „Статиръ“, 1883; рец. Петрова, Ж. М. Н. Пр. 1884, апр.; И. Малышевскій, Русскій приходскій священникъ-проповѣдникъ XVII в. (Замѣтки по поводу нѣск. отрывковъ изъ его Статира), Тр. Кіев. Д. Ак. 1861, т. I.

Сильвестръ Медвѣдевъ, инокъ: В. Ундольскій, Сильвестръ М., отецъ славяно-русской библіографіи, Чт. О. И. Др. Р. 1846, кн. 3; А. Соболевскій, Оглавленіе книгъ, кто ихъ сложилъ, Тр. Яросл. археол. съѣзда, 1891, т. II, и Библіографъ, 1888, № 2; С. Брайловскій, Кто же былъ первый русскій библіографъ? Р. Фил. Вѣстн. 1896, № 3—4; его-же —Кого надо считать авторомъ сочиненія „Созерцаніе Краткое“, Р. Ф. В. 1890, № 1; С. Бѣлокуровъ, Сильв. Медвѣдева „Извѣстіе истинное“, Чт. О. И. и Др. Р. 1885, кн. 4; Д. Цвѣтаевъ, Памятники къ ист. протест. въ Россіи, I (отвѣтъ Сильв. М. на Wyznanie wiary); Е. Шмурло, О запискахъ С. Медв., Ж. М. Н. Пр. 1889, апр.; Зубовскій, Къ біографіи Сильв. М., тамъ-же, 1890, сент.; Прозоровскій, Сильвестра Медвѣдева „Созерцаніе Краткое“, Чт. О. И. и Др. Р. 1894, кн. 4; И. Козловскій, Сильв. Медвѣдевъ. Очеркъ изъ истор. русск. просвѣщенія и обществ. жизни въ концѣ XVII в. 1894 (рец. Сиповскаго, Ж. М. Н. Пр. 1895, іюль); С. Бѣлокуровъ, С. Медв. объ исправленіи богослуж. книгъ при патр. Никонѣ и Іосифѣ, Хр. Чт. 1885, кн. 6; А. Прозоровскій, Сильвестръ Медвѣдевъ, 1897, изъ Чт. О. И.

и Др. Р. 1896 г.; Н. Дурново, Привѣтство брачное С. Медвѣдева, Изв. отд. р. яз. и слов., 1904, кн. 2; его-же—изд. текста, С. Медв. Привѣтство брачное, поднесенное ц. Ѳеодору Алекс. 18 февраля 1682 г., къ изд. приготовилъ Н. Дурново, 1912; С. Брайловскій, Письма Сильв. Медв., Пам. Др. Письм. CXLIV, 1901; его-же, Темныя мѣста въ біографіи С. М., Изв. отд. р. яз. и слов. 1901, кн. 2; Древн. Росс. Вивліоѳика Новикова—О преставленіи ц. Ѳеодора Ал., 2-е изд. XIV; Эпитафія Сим. Полоцкому—тамъ-же, т. XVIII; П. Соколовъ, Первый придворный стихотворецъ изъ воспитанниковъ Московской Заиконоспасской школы, Чт. въ Общ. Люб. Дух. Просв. 1886, кн. 6; А. Пыпинъ, Сильв. Медв. по новымъ изслѣдованіямъ, Вѣстн. Евр. 1897, № 11.

Евфимій, инокъ: Остенъ, памятникъ русск. духовной письменности XVII в., Казань 1865; С. Брайловскій, Слово Чудовскаго инока Евѳимія о милости, 1894, Пам. Др. Письм.; его-же, Отношенія Чудовскаго инока Евѳимія къ Симеону Полоцкому и Сильв. Медвѣдеву, Р. Фил. Вѣстн. 1889, № 4; его-же—см. въ Отч. О. Л. Др. Письм. 1897—8 гг.; далѣе—см. указатель Мезіеръ.

Іоакимъ патріархъ Моск. (Савеловъ): Житіе и завѣщаніе св. патр. моск. Іоакима, съ предисл. Н. Барсукова, Изд. Общ. Л. Др. П. 1879; Пам. Др. Письм. 1880 г. в. III; Барсуковъ, Всеросс. патр. Іоакимъ Савеловъ, 1891; П. Смирновъ, Іоакимъ патр. Моск., 1881 (изъ Чт. Общ. Люб. Дух. Просв. 1879—1881 г.).

Каріонъ Истоминъ: Смирновъ, Исторія славяно-греколат. академіи, 1855 г.; Пекарскій, Наука и лит. при Петрѣ Вел.; С. Брайловскій, Одинъ изъ пестрыхъ, 1902; его-же—Къ вопросу о литерат. дѣятельности русскихъ писателей XVII ст., носившихъ имя „Каріонъ“, Изв. отд. р. яз. и слов., 1909 г. кн. 1.

Гавріилъ Домецкій: С. Брайловскій, Къ литер. дѣятельности Гавріила Д., Изв. отд. р. яз. и слов., 1904, кн. 4; Гавріила Домецкаго „Привѣтство“, Чт. М. О. И. и Др. Р., 1895, кн. 4.

Лихуды, Іоанникій и Софроній: А. Смѣловскій, Братья Лихуды и направленіе теоріи словесности въ ихъ школѣ, Ж. М. Н. Пр. 1845 I;. Образцовъ, Бр. Лихуды. Эпизоды изъ исторіи русск. просвѣщенія въ к. XVII ст., Ж. М. Н. Пр.

1867, сент.; Николаевъ, Матеріалы для біогр. Лихудовъ, 1881; Д. Извѣковъ, Полемическая противо-протестантская дѣятельность Лихудовъ, Прав. Обозр. 1872, I; Л. Майковъ, О сочиненіяхъ Лихудовъ, находящ. въ Синод. библ. и въ Румянц. Муз., Лѣтоп. Занят. Арх. Комм., т. VII; И. Шляпкинъ, Къ исторіи полемики между моск. и малор. учеными въ к. XVII в., Ж. М. Н. Пр. 1885, окт., и Св. Димитрій Рост., 1891; Н. Барсовъ, Черты русск. исторіи и быта эпохи Петра, Ист. В. 1891, кн. 11 и 12; Сменцовскій, Братья Лихуды, 1899, и Приложеніе—Церковно-историч. матеріалы, 1899; Смирновъ, Іоакимъ патр. Московскій, 1881; Образцовъ, Кіев. ученые въ Великороссіи, Эпоха, 1865, I; Письмо къ импер. Петру о ересяхъ Кальвина и Лютера, Странникъ, 1861 г., Мечецъ Духовный, Прав. Собес. 1866 и 1867 г., и отд.; Слово о предопредѣленіи, Цвѣтаевъ, Памятн. къ ист. протест. въ Россіи, 1888; Похвальное слово на вѣнчаніе имп. Екатерины Алекс., Р. Архивъ 1863.

---

14. Реформы патріарха Никона и литература старообрядства въ XVII и нач. XVIII в.в.

П. Милюковъ, Очерки по исторіи русск. культуры, ч. II; Макарій, Исторія р. Церкви, XII—XIII; Щаповъ, Русскій расколъ старообрядства, 1859; Николаевскій, Изъ исторіи сношеній Россіи съ Востокомъ полов. XVII в. 1882; С. Бѣлокуровъ, Арсеній Сухановъ, I—II; Гиббенетъ, Историч. изслѣдованіе дѣла патр. Никона, 1882—1884; Н. Каптеревъ, Патр. Никонъ, какъ церковный реформаторъ и его противники, 1912; его-же—Патр. Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ, I, 1909; II, 1910; его-же—Характеръ отношеній Россіи къ правосл. Востоку въ XVI—XVII в.в., 1885; его-же—Объ участіи грековъ въ дѣлѣ осужденія патр. Никона, Чт. О. Ист. и Др. Р. 1895, кн. 2; А. Лиловъ, О такъ называемой „Кирилловой Книгѣ“. Библіограф. изложеніе въ отношеніи къ глаголемому старообрядству, 1858; Г. Дементьевъ, Критич. разборъ такъ называемой „Книги о Вѣрѣ“ сравнительно съ ученіемъ глаголемыхъ старообрядцевъ, 1883; П, Николаевскій, Московскій Печатный Дворъ при патр. Никонѣ, Христ. Чт. 1890—1891; В. Перетцъ,

Изслѣдованія и матеріалы, II, в. I. Слухи и толки о патр. Никонѣ, 1902; Александръ Б. (еп. Никаноръ), Описаніе нѣкоторыхъ сочиненій, написанныхъ русскими раскольниками въ пользу раскола, I—II, 1861; Сахаровъ, Указатель литературы о расколѣ, вв. 1—2, 1887—1892; П. Субботинъ, Матеріалы для исторіи раскола, I—VIII (сочиненія важнѣйшихъ вождей старообрядства); П. Барсуковъ, Памятники первыхъ лѣтъ русскаго старообрядства, 1912; Х. Лопаревъ, Отразительное писаніе о новоизобрѣтенномъ пути самоубійственныхъ смертей, 1691 г. 1895 (Пам. Др. Письм.); Житіе протопопа Аввакума, изд. подъ ред. Тихонравова, 1862 г.; А. Бороздинъ, Протопопъ Аввакумъ, 1898 г., 2-е изд. 1901 (рец. Смирнова, Ж. М. Н. Пр. 1899, янв.); П. Смирновъ, Исторія русскаго раскола старообрядства, изд. 2-е 1895 и др.; его-же—Внутренніе вопросы въ расколѣ въ XVII в. 1898; его-же—Изъ исторіи раскола перв. полов. XVIII в. 1908; Филипповъ, Исторія Выговской старообрядческой пустыни, 1862; Е. Барсовъ, Семенъ Денисовъ Вторушинъ, предводитель русскаго раскола XVIII в.; В. Дружининъ, Словесныя науки въ Выговской поморской пустыни, 1911.

---

15. Исторія стариннаго театра.

В. Я. Адарюковъ, Библіографическій указатель книгъ, брошюръ, журнальныхъ статей и замѣтокъ по исторіи русскаго театра (изъ журн. Антикваръ, 1903 г.), 1904; Пекарскій, Наука и литература при Петрѣ Вел. 1861 и особо—ранѣе: „Мистеріи и старинный театръ въ Россіи“, Соврем. 1857., кн. 1—2; „Актеры при Петрѣ Вел.“ Соврем. 1858 г.; Тихонравовъ, „Начало русск. театра“, Лѣтописи р. л. и древн. 1859—1860 г. кн. 5, т. IV; его-же—Русскія драматическія произведенія 1672—1725 гг., 1874 г. I—II, (здѣсь—предисловіе „Первое пятидесятилѣтіе р. театра“), рец. Морозова, Ж. М. Н. Пр. 1883, апр.; Алексѣй Н. Веселовскій, Старинный театръ въ Европѣ, М. 1870; его-же —„Deutsche Einflüsse auf das alte russische Theater“, Prag, 1876 г., и „Западное вліяніе въ новой русской литературѣ“ (3-е изд. 1906 г.); Н. И. Петровъ—труды, касающіеся исто-

ріи театра: Тр. Кіев. Дух. Акад. 1865 г., кн. 2; 1866, кн. 7, 11 и 12; 1867, кн. 1, 1868, кн. 3; „Очерки изъ исторіи украинской литературы XVIII-го вѣка", К. 1880 г. и новое переработ. изд. 1911 г. (рец. Рѣзанова, Р. Ф. В. 1912, кн. 3); П. О. Морозовъ, рец. на „Хронику рус. театра" (изд. Е. Барсовымъ, Чт. М. Общ. И. и Др. Р. 1883 г.)—въ Ж. М. Н. Пр. 1884, ч. 234; его-же, „Очерки изъ исторіи р. драмы XVII—XVIII ст.", СПБ., 1888 г. (ср. рец. А. И. Соболевскаго, Р. Ф. В. 1889, 1—2); „Исторія русскаго театра", т. I, СПБ., 1889; В Перетцъ, „Кукольный театръ на Руси", 1895 г.; „Изъ начальнаго періода жизни р. театра", Изв. отд. р. яз. и слов. 1907, 3 и отд.; „Памятники русской драмы эпохи Петра В.", 1903; „Къ исторіи польск. и русск. нар. театра", Изв. отд. р. яз. и слов. 1905—1911 г.г.; „Очерки по ист. поэтич. стиля въ Россіи", гл. VIII, Ж. М. Н. Пр. 1907 и отд.; И. А. Шляпкинъ, „Царевна Наталья Алексѣевна и театръ ея времени", Пам. Др. Письм. CXXVIII, 1898 г. (рец. Ж. М. Н. Пр. 1899, кн. 8); Б. В. Варнеке, „Исторія русскаго театра", I—II, Каз. 1908—1910 г. (рец. Н. Петровскаго, Ж. М. Н. Пр. 1908, окт.); І. Стешенко, Історія української драми, т. I, К. 1908; В. И. Рѣзановъ, „Къ исторіи русской драмы. Экскурсъ въ область театра іезуитовъ", Нѣж. 1910; „Изъ исторіи русской драмы. Школьныя дѣйства XVII—XVIII вв. и театръ іезуитовъ". М. 1910; Памятники русской драматической литературы (рец. Ж. М. Н. Пр. 1911 г.). Школьныя дѣйства XVII—XVIII вв. Нѣж., 1907.

О церковныхъ дѣйствахъ на Руси въ XVII в.: Тихонравовъ, Нач. р. т., 1861 г.; А—й Н. Веселовскій, Старинный театръ въ Европѣ, 1870; К. Никольскій, О службахъ русск. церкви, бывшихъ въ прежнихъ печатн. богослуж. книгахъ, 1885; В. Сахаровъ, Очерки церковныхъ дѣйствій и мистерій въ древней Руси, Чт. въ О. Люб. Дух. Просв. 1880—1883; Морозовъ, Исторія р. т., гл. III; М. П. Савиновъ, Чинъ пещнаго дѣйства въ Вологодскомъ Соф. Соборѣ, Р. Ф. Вѣстн. 1890, т. 23; Н. Красносельцевъ, О пещномъ дѣйствѣ, Р. Ф. В. 1891, т. 26; А. Дмитріевскій, Чинъ пещнаго дѣйства, Виз. Врем. 1894, I; А. А. Спицынъ, Пещное дѣйство и халдейская пещь, Зап. Имп. Р. Арх. Общ., 1901, XII; А. С. Дополненія къ статьѣ о пещномъ дѣйствѣ, Зап. Имп. Р. Археол. Общ. отд. слав.-р. арх.; И.

А. Шляпкинъ, Еще о пещномъ дѣйствѣ, тамъ-же. В. Савва, Обрядъ омовенія ногъ въ четвергъ Страстной недѣли въ Византіи и на Руси, 1905.

Школьная драма въ Западной и Южной Руси: Тихонравовъ, А—й Веселовскій, П. Морозовъ, І Стешенко, Н. И. Петровъ, В. И. Рѣзановъ, Б. Варнеке, В. Перетцъ,—см. выше; кромѣ того, см.: Н. М. Петровскій, Изв. отд. р. яз. и слов., 1898, кн. 1; В. Розовъ, Чтен. въ Общ. Нестора лѣтоп. 1905 г., кн. XVIII, вып. III—IV и Записки Українськ. Науков. Тов. в Київі, кн. V, 1909; Тихонравовъ, Ж. М. Н. Пр. 1879 г., кн. 5; Максимовичъ, Чт. М. Общ. Ист. и Др., 1858 г., I, Собр. Сочин. III; Лѣтоп. р. лит. 1859, I; Антоновичъ и Драгомановъ, Историч. пѣсни малорусск. народа, т. II, в. 1; Голубевъ, Тр. К. Д. Акад. 1877, кн. 9; Соболевскій, Чт. въ Ист. Общ. Нестора лѣтоп. кн. XV, вып. II и III; Кіев. Стар. 1897, X—XI и 1882, XII; Перетцъ, Ежегодн. Имп. театровъ, 1898—99; Забѣлинъ, Домашній бытъ р. царицъ, 492; Лобода, Шк. драма Стефанотокосъ, Чт. въ Ист. Общ. Нест. лѣтоп. кн. XV, вып. 4; Д. Вишневскій, Смол. Епарх. Вѣд. 1897 г. и Кіев. Стар. 1897, кн. VII—IX; Тр. К. Д. Ак. 1877, XII; Свенцицькій, Архангелови вѣщанія, Зап. Укр. Н. Тов. ім. Шевч. 1907, кн. 2 и 3; М. Павлик, Якуб Ґаватович, автор перших руських интермедий з р. 1619. Зап. Наук. Тов. ім. Шевч. т. XXXI. В. Ѳ. Миллеръ, Новый интерлюдій XVIII-го вѣка, 1900 (изъ Изв. отд. р. яз. и сл.); Франко, Кіев. Стар. 1884 г., кн. 6; 1892 г., кн. 4; 1891, кн. 4, 1896, кн. 6; его-же—Зап. Укр Н. Тов. ім. Шевч. 1908; кн. 1; Др. Росс. Вивл., изд. 2, т. VIII; Петровскій, Изв. отд. р. яз. и слов. 1912, кн. 2; Сперанскій, Чт. М. Общ. Ист. и Др. Р. 1907, кн. 3; А. А. Титовъ, Новыя данныя о св. Димитріи Ростовскомъ, М. 1881; Шляпкинъ, Св. Димитрій Ростовскій; М. Сперанскій, Успенская драма св. Дмитрія Ростовскаго, 1907; В. Перетцъ, Украинскій діалогъ и трены на Успеніе Богородицы, Изв. отд. р. яз. и слов. 1913 г., кн. 2. В. Рѣзановъ, „Мудрость Предвѣчная“, Кіевская школьная драма 1703 г. 1912; его-же—Изъ исторіи р. драмы. Поэтика М. А. Сарбѣвскаго по рукоп. Музея кн. Чарторыйскихъ въ Краковѣ. 1911; Къ вопросу о старинной драмѣ. Теорія школьныхъ декламацій по рукописнымъ поэ-

тикамъ. Изв. отд. р. яз. и слов. 1913 г. кн. 1; Еще одна Кіевская школьная драма, 1909; М. Соколовъ, Слава Россійская. Комедія, 1724 г. 1892.

Драма Петровскаго времени: П. О. Морозовъ,—Русскій театръ при Петрѣ В. (Ежег. Имп. театровъ, 1893—4, прилож. кн. 1). В. Рѣзановъ, Изъ исторіи русской драмы. Актъ о Калеандрѣ и Неонильдѣ, 1905; его-же—Изъ исторіи р. драмы. Дѣйствіе о князѣ Петрѣ Златыхъ Ключахъ, 1906. Н. М. Петровскій. Пьеса о графѣ Фарсонѣ. Памят. Др. Письм. 1900, № CXXXVIII; его-же, Новый списокъ „Комедіи о графѣ Фарсонѣ", Р. Ф. В. 1905 г. № 1; Г. П. Георгіевскій, Двѣ драмы Петровскаго времени, Изв. отд. р. яз. и сл. 1905, кн. 1.

---

16. Эпоха Петра В.

П. Пекарскій, Наука и литература при Петрѣ В. I—II, 1862; А. Архангельскій, Духовное образованіе и дух. литература въ Россіи при Петрѣ В. 1883; М. Сухомлиновъ, О литер. переходнаго времени к. XVII и нач. XVIII в., Ж. М. Н. Пр. 1862, апр. и его-же „Изслѣдованія по др. р. лит.", 1908 (Сб. отд. р. яз. и слов. Имп. Ак. Н.); Ф. Терновскій, Русское проповѣдничество при Петрѣ I, Руков. для сельск. паст. 1870 г.; Н. Тихонравовъ, Собр. сочин., II; Е. Шмурло, Петръ В. въ русской литер., 1889; В. Перетцъ, Очерки по исторіи поэтическаго стиля эпохи Петра В. I—VIII; Письма и донесенія іезуитовъ о Россіи к. XVII и н. XVIII в. 1904; Состояніе русскаго духовенства въ XVIII в., Прав. Соб. 1862, 2; Ю. Самаринъ, Стеф. Яворскій и Θеоф. Прокоповичъ, Сочиненія, т. V, 1880; И. Чистовичъ, Неизданныя проповѣди Ст. Яворскаго, Хр. Чт. 1867, кн. 2, 3, 5, 7; А. Королевъ, Ст. Яв. митр. Рязанскій, 1908; Н. Тихонравовъ, Московскіе вольнодумцы н. X—VIII в. и Ст. Яворскій, Сочиненія, II, 1898; И. Чистовичъ, Θеоф. Прокоповичъ и его время (Сб. отд. р. яз. и слов. т. IV и отд.), 1868. (рец. Пекарскаго, Отч. о X присужд. премій гр. Уварова; рец. Сухомлинова,—въ его Изслѣдов. по др. русск. литер. 1908; рец. Образцова въ Ж. М. Н. Пр. 1869, мартъ); И. Чистовичъ, Рѣшилов-

ское дѣло. Ѳ. Прокоп. и Ѳеофилактъ Лопатинскій, 1861; Поздравительное письмо Ѳеоф. Пр. имп. Аннѣ Іоанновнѣ, Ж. М. Н. Пр., 1836, сент.; Ф. Терновскій, Рожнецъ духовный и Камень вѣры, Прав. Об. 1863, кн. 11, 12; его-же—Митр. Стефанъ Яв., Тр. Кіев. Д. Ак. 1864. №№ 1, 3, 6; Очерки изъ исторіи русской іерархіи въ XVIII в. Стефанъ Яворскій, Др. и Нов. Россія, 1879, № 8; И. Моревъ, Камень вѣры м. Стефана Яв., его мѣсто среди отечеств. противопротестантскихъ сочиненій и характерныя особенности его догматич. воззрѣній, 1904 (рец. Вилинскаго, Ж. М. Н. Пр., 1905, февр.); Митр. Стефанъ Яв. въ борьбѣ съ протест. идеями своего времени, 1905; Н. Петровъ, Выдержки изъ рукоп. реторики Ѳеоф. Прокоп., содержащія въ себѣ изображенія папистовъ и іезуитовъ, Тр. Кіев. Д. Ак. 1865, № 4; его-же, Изъ исторіи гомилетики въ старой Кіев. Академіи, тамъ же, 1866 г., № 1; С. Брайловскій, Къ біографіи Ѳ. Прокоповича, Ж. М. Н. Пр. 1893, іюнь; П. Морозовъ, Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ писатель, 1880; О. Грузинськiй, „Elegia Alexii“ Теоф. Прокоповича, Зап. Укр. Наук. Тов. в Київі, кн. IV, 1909; его-же, Epitaphius metropolitae Barlaamo Jasinski“, стих. Ѳ. Прокоповича, Р. Ф. Вѣстн. 1910, № 3—4; И. Морошкинъ, Ѳеофилактъ Лопатинскій, архіеп. Тверской въ 1706—1741 г., Р. Стар. 1886, № 1 и 2; Н. Покровскій, Ѳеофилактъ Л., Прав. Об. 1872, № 12; Е. Пѣтуховъ, Проповѣди Гавріила Бужинскаго (1717—1727) 1901; Н. Петровъ, Очерки изъ исторіи украинск. литер. XVII—XVIII в., 1911 г.; Н. Барсовъ, Личность Ѳеоф. Прокоповича. (Историч., критич. и полемич. опыты, 1879); Червяковскій, О богословіи Ѳеоф. Прок., Христ. Чт. 1876—78 гг.; о Ѳедорѣ Поликарповѣ, авторѣ Лексикона и пр. см.: Пекарскій, Наука и литер. при Петрѣ В. I; С. Брайловскій, Ѳ. П. Орловъ, директоръ Московской типографіи, Ж. М. Н. Пр. 1894, сент.—дек. и отд.; А. Гавриловъ, Очеркъ исторіи Санктпетербургской Сунодальной Типографіи, вып. I. 171—1839 г. 1911; Н. Поповъ, В. Н. Татищевъ и его время, 1861; его-же, Ученые и литер. труды В. Н. Татищева, Ж. М. Н. Пр. 1886, іюнь и отд. 1887; П. Пекарскій, Новыя извѣстія о Татищевѣ, Зап. Имп. Ак. Н. (прилож.) 1864; А. Островскій, Духовная В. Н. Татищева, 1885 (Изв. Каз. Общ. Археол., Ист. и Этн. IV); К. Бе-

стужевъ-Рюминъ, В. Н. Татищевъ, администраторъ и историкъ нач. XVIII в., 1686—1750, Др. и Нов. Россія 1875 г. и Біографіи и характеристики, 1882; И. Посошковъ: Сочиненія съ предисл. Погодина, ч. I, 1842 г., ч. II, 1863 г.; Завѣщаніе отеческое, изд. Е. Прилежаева, 1893; В. Срезневскій, Сборники писемъ И. Т. Посошкова, къ митр. Ст. Яворскому, 1900; А. Куникъ, Извѣстіе о неизданныхъ сочиненіяхъ Посошкова, Зап. И. Ак. Н. 1864, V; Н. Павловъ-Сильванскій, Проекты реформъ въ запискахъ современниковъ Петра В., 1897; Е. Прилежаевъ, О двухъ неизданныхъ сочиненіяхъ Посошкова, Хр. Чт. 1878 г. кн. 1; А. Царевскій, Посошковъ и его сочиненія, 1883; его же—Зерцало Очевидное, 1895; Путешествіе стольника П. А. Толстого, Р. Архивъ 1888; о немъ—Н. Поповъ, Атеней 1859, №№ 7—8 и Р. Вѣсти. 1860, іюнь; Путешествіе Б. П. Шереметева, 1907 г.—Др. Р. Вивл. 2-е изд. V; о другихъ путешествіяхъ см. указанія у Пыпина, Ист. р. лит. III, и въ указателѣ Мезіеръ, I, а также: кн. Н. Голицынъ, Научно-образовательныя отношенія Россіи съ Западомъ въ нач. XVIII в. (Чт. О. И. и Др. Р. 1898, кн. 4); Сочиненія письма и избранные переводы кн. А. Д. Кантемира, со статьею В. Стоюнина, 1867—68, I—II; С. Венгеровъ, Русская поэзія, ч. I; Л. Майковъ, Матеріалы для біографіи кн. А. Кантемира, 1903; В. Перетцъ, Историко-литер. изслѣдованія и матеріалы, т. II, 1902; о повѣстяхъ Петровскаго времени—см. въ отдѣлѣ повѣстей; о театрѣ—въ отдѣлѣ исторіи театра; о вѣдомостяхъ—въ отдѣлѣ журналистики. Къ эпохѣ Петра В. непосредственно примыкаетъ довольно обширная вульгарная литература XVIII в.; О ней см. у Ровинскаго, Р. народныя картинки. I—V, 1881.

---

17. Литература виршъ.

О стихотворствѣ въ древней Южной и Московской Руси (до к. XVIII в.): С. Ефремовъ, Історія українського письменства (библіогр. указанія); Н. Петровъ, Очерки изъ исторіи украинской литер. XVII и XVIII вв., 1911; П. Безсоновъ, Калѣки перехожіе, 1863. 1—6 вып.; Антоновичъ и Драгомановъ, Историческія пѣсни малор. народа,

1875; Л. Майковъ, Очерки изъ исторіи р. литер. XVII и XVIII ст. 1889 (о Сим. Полоцкомъ); В. Перетцъ, Историко-литер. изслѣдованія и матеріалы, т.т. I и III, 1900—1902 гг. (рец. П. Житецкаго въ Отч. о присужд. премій м. Макарія въ 1901 г.); И. Ждановъ, Къ исторіи русск. стихосложенія, Изв. отд. р. яз. и слов., 1900, кн. 4; Мировичъ, Библіографическое и историко-литературное изслѣдованіе о Богогласникѣ, 1876; В. Щуратъ, Із студій над Почаївським Богогласником, 1908 (рец. Франка, Зап. тов. ім. Шевч. 1908, кн. 5); В. Перетцъ, Очерки старинной малорусск. поэзіи, 1903; А. Потебня, Объясненіе малор. и сродныхъ пѣсенъ I—II, 1883—87; его-же — рец. на Сборникъ пѣсенъ Гал. и Угор. Руси Головацкаго, Отч. о присужд. нагр. гр. Уварова, 1880; его-же, Малорусская пѣсня по списку XVI в., Воронежъ 1887; П. Соколовъ, Первый придворный стихотворецъ изъ воспитанниковъ Моск. Заиконоспасской школы (Сильв. Медв.), Чт. Общ. Люб. Дух. Просв. 1886, кн. 6; А. Соболевскій, Изъ исторіи русской литературы XVII в. Библіографъ 1891 г. № 3—4; Л. Майковъ, О началѣ русскихъ виршъ, Ж. М. Н. Пр. 1891, іюнь; К. Студинський, Три Панегірики XVII в. Зап. Наук. тов. ім. Шевч. 1896, кн. 4; его-же—Панегірик „Εὐφρῦνα весело брмячая, тамъ же, т. 8; А. Сычевская, Памва Берында и его вирши на Р. Хр., Чт. въ Истор. Общ. Нестора Лѣтоп., кн. XXIII, и отд.; А. Соболевскій, Двѣ библіогр. рѣдкости, тамъ же, XII кн. 1898 г.; В. Перетцъ, Панегірик „Визерунк цнот превел. о. Е. Плетенецкого“ р. 1618, Зап. укр. наук. тов. в Київі, кн. VI, 1909 и отд.; С. Голубевъ, Исторія Кіево-могилянской Академіи, I; его-же—Панегірикъ Кіево-печ. архим. Елисею Плетенецкому, Тр. Кіев. Д. Ак. 1910, кн. VI; П. Куліш, Климентій, украинскій стихотворецъ времени гетмана Мазепы, Р. Бесѣда 1859, V, и Основа, 1861, янв.; В. Перетцъ, Вірші єром. Климентія Зіновієва сина, 1912; Жизнь Іоанна Максимовича, М. 1849; О немъ же Ж. М. Н. Пр. 1850, ч. 69-я; Странникъ, 1870, № 11; О. Левицкій, Аѳанасій Заруцкій, малор. панегиристъ к. XVII и нач. XVIII в., Кіев. Ст. 1896, III; Максимовичъ, Сочиненія, III; О. Лотоцькій, Кільки віршів Ів. Некрашевича, Зап. Наук. тов. ім. Шевч. т. XX; В. Перетцъ, Замѣтки и матеріалы для исторіи пѣсни въ Россіи I—VIII,

1901 (Изв. отд. р. яз. и слов. 1901, VI, кн. 2); его-же—Новыя данныя для исторіи старинной украинской лирики, 1907; Очерки изъ исторіи малор. поэзіи XVIII в., 1902; А. Петровъ и П. Житецкій, Вирша на битву при Берестечкѣ, Archiv f. sl. f. I; Житецкій, Острозька трагедія, Зап. наук. тов. ім. Шевч. т. LI; его-же—Мысли о нар. малор. думахъ, 1893 (рец. Сумцова, Этн. Об. кн. XXV, отвѣтъ Житецкаго тамъ-же); его-же—Энеида Котляревскаго въ связи съ обзоромъ малор. литер. XVIII в, 1900; І. Франко, Карпато-руське письменство XVII—XVIII вв. 1900; его же работы: До історії вірші на Україні; Зап. Н. тов. ім. Ш., 1900 г. кн. 2; Забутий укр. віршописець XVII в., тамъ же, т. XXII; Козак Плахта, народна пісня... 1625 р., тамъ же, т. XLVII, и мн. др. (см. Записки); В. Гнатюкъ, Угрорусски духовні вірші, тамъ - же, т.т. 46, 47, 49, 1902 г. и отд.; Михайлогорскій, (Максимовичъ) Не лишнее слово о виршахъ. Кіев. Ст. 1888, IV; В. Науменко, Къ литературѣ рождеств. и пасхальныхъ виршъ, тамъ же, 1888, I—III; М. Возняк, Різдвяні й великодні вірші—орації зі збірника к. XVII—нач. XVIII в. Зап. Наук. тов. ім. Ш. 1910, кн. 4; М. Грушевскій, Співанник з початку XVIII в., тамъ же т. XV—XVII; С. Гаєвський, Різдвяні та великодні вірші, Зап. наук. тов. в Києві и отд. 1913; Ф. Колесса, Ритмика українських пісень, Зап. н. тов. ім. Шевч. 1907 и отд.; Ф. Корш, До історії укр. осьмискладового вірша, тамъ же, 1910, кн. 4. В. Савва, Вновь открытыя полемич. сочиненія противъ еретиковъ, 1907 г.; С. Щеглова, Вирши праздничные и обличительные на аріанъ. 1913.

---

18. Періодическая печать.

Для изученія журналистики преимущественно XVIII и лишь отчасти—XIX ст. укажемъ, кромѣ упомянутыхъ выше трудовъ Неустроева и Лисовскаго, еще рецензію на первый трудъ—Л. Майкова, „Нѣсколько данныхъ для исторіи русской журналистики“ въ Очеркахъ по ист. р. лит. XVII и XVIII ст. 1889 г.; далѣе см.: Н. Полевой, Обозрѣніе русскихъ газетъ и журналовъ съ самаго ихъ начала до 1828 г., Моск. Телегр. 1828 г., ч. 18, добавленія С. Полторацкаго въ ч. 24; его-же—Библіографич. вопросъ о началѣ СПБ. Вѣ-

домостей, тамъ же ч. 14; Милютинъ, Очерки рус. журналистики, преимущественно старой, Соврем. 1851, тт. XXV—XXVI; В. Каллашъ, Очерки по исторіи р. журналистики, Р. Мысль, 1903 г., №№ 1, 3, 5 и 6; П. Пекарскій, Наука и литерат. при Петрѣ В. I—II, 1862 г.; Шлосбергъ, Начало період. печати въ Россіи, 1911 г. (изъ Ж. М. Н. Пр.); Вѣдомости времени Петра В., в. I, 1703—1707 г., подъ ред. и со вступит. статьей А. Покровскаго, 1906 г.; А. Куникъ, Введеніе объ ученыхъ сборникахъ и періодич. изданіяхъ Имп. Ак. Н. съ 1726—1825 г, Уч. Зап. Акад. Н. т. I; Н. Буличъ, Сумароковъ и современная ему критика, 1854; Стоюнинъ, Сумароковъ, 1856; Лонгиновъ, Малоизвѣстные московскіе журналы 1760—1764 г., Моск. Вѣд. 1857 г., № 36; Пекарскій, Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755—1764 г., Зап. Имп. Акад. Н., т. XII, кн. 2, 1868; А. Малышевскій, Литературный гонораръ въ XVШ ст., Истор. Вѣстн. 1886, кн. 12; Бородинъ, Галлофобія въ нашей литер. прошлаго вѣка, Наблюд. 1887 г., №№ 10—12; А. Незеленовъ, Литер. направленія въ Екатерин. эпоху, 1889; А. Аѳанасьевъ, Сатирич. изданія девяностыхъ (1790) годовъ, М. Вѣдом. 1856, №№ 80, 83 и 84; Р.—н., „Замѣтка“ по поводу этой статьи, тамъ-же 1856, № 119 и Ж. М. Н. Пр. 1857 г., № 6; А. Аѳанасьевъ, Русскіе сатирическіе журналы 1769—1774 гг., 1859 г. (рец. на эту книгу: Ж. М. Н. Пр. 1859, ч. 88; Современникъ 1859, кн. 10; Библ. для чтен. 1859, кн. 5; Русск. Сл. 1859, № 5; Отеч. Зап. 1859, кн. 7); Сатирическіе журналы прошедшаго столѣтія въ сравненіи съ нынѣшними, От. Зап. 1858, т. 120; Мордовцевъ, Обличительная литература первыхъ русскихъ журналовъ и стѣсненіе гласности, Р. Сл. 1860, февраль, мартъ; Шумигорскій, Очерки изъ Русской исторіи. I. Императрица-публицистъ, 1887; II. Пекарскій, Матеріалы для журнальной и литер. дѣятельности Екатерины II, Зап. Имп. Акад. Н. 1863 г. т. III; Я. Гротъ, Фелица и Собесѣдникъ Любит. Росс. слова, Соврем. 1845 г., т. 40; Н. Добролюбовъ, Собесѣдникъ любит. русск. слова, Соврем. 1856 г., кн. 8, 9 и Сочин., т. I (отзывы объ этой ст.: Галаховъ, Отеч. Зап. 1856 г., кн. 10; возраженіе—Соврем. 1856 г., кн. 11; Галаховъ, Отеч. Зап. 1856 г., кн. 12); его-же, Русская сатира въ вѣкъ Екатерины, Совр. 1859, кн. 10, и Сочиненія I;

В. Солнцевъ, Всякая Всячина и Спектаторъ (Къ ист. р. сатирич. журналистики XVШ в.), Ж. М. Н. Пр. и отд. 1892; его-же—Смѣсь. Сатирическій журналъ 1769 г., Библіографъ, 1893 г., вып. I—II; Н. Автономовъ, „Вс. Всячина", Опытъ изслѣдованія, Чт. О. И. и Др. Р. 1913 г., кн. 2; Е. Ляцкій, Въ 1786-й годъ новой. Новое изданіе Не всіо и не ничево, 1899; Я. Гротъ, Сатира И. Крылова и его Почта Духовъ. Вѣстн. Евр. 1868 г., кн. 3; А. Пыпинъ, Кто писалъ въ Почтѣ Духовъ. Вопросъ изъ истор. р. литер. прошлаго столѣтія, В. Евр. 1868 г., кн. 5; Н. Тихонравовъ, Новыя свѣдѣнія о Н. И. Новиковѣ и компаніи типографической, Сочин. т. III, ч. II; Новиковъ и Державинъ, Отеч. Зап. 1864 г., кн. 2 и 4; А. Незеленовъ, Н. И. Новиковъ, издатель журналовъ 1769—1785 гг., 1875; А. Пятковскій, Очерки изъ истор. р, журналистики (Изъ исторіи нашего литер. и общественнаго развитія, т. II, 1876 г.); В. Мочульскій, Новиковскіе журналы XVШ в. Трутень и Живописецъ (1769—1772 г.). Р. Ф. В. 1909, кн. 3 и 4; его-же—Къ исторіи журниалистики XVШ в., тамъ-же 1913 г., кн. 1; С. Шашковъ, Н. И. Новиковъ и его журнальная дѣят., Дѣло 1876, кн. 1 и 2; В. Михневичъ, Старина XVШ в. по газетамъ и журналамъ того времени, Ист. Вѣстн. 1884, кн. 9; В. Ключевскій, Воспоминанія о Н. И. Новиковѣ, Р. Мысль, 1895, кн. 1; В. Сторожевъ, Памяти Новикова, Сборн. правовѣд. и общ. знаній (Тр. Моск. Юр. Общ.) т. V, 1895; Л. Майковъ, Литературныя мелочи Екатер. времени (Оч. изъ ист. р. литер. 1899); А. Кирпичниковъ, Московскія Вѣдомости, 1789 г. и начало франц. революціи (Очерки по истор. нов. русск. лит. 1896); С. Тимофеевъ, Студенческій журналъ прошлаго вѣка, Р. Мысль, 1889, кн. 12; С. Бородинъ, Русская журналистика въ концѣ прошлаго столѣтія, Наблюд. 1891, № 3; Н. Тихонравовъ, Литер. мелочи неурожайнаго года (1786), Соч. III, ч. 1; Б. Модзалевскій, В. Г. Рубанъ, 1897; А. Трефолевъ, Замѣтка о первомъ провинц. журналѣ „Уединенный Пошехонецъ", Изд. Вѣстн. 1882, № 10; А. Старчевскій, Н. М. Карамзинъ, 1849; А. Галаховъ, Н. М. Карамзинъ, Соврем. 1853, кн. 11; Н. Тихонравовъ, Четыре года изъ жизни Карамзина, Р. Вѣстн. 1862, апр.; М. Погодинъ, Н. М. Карамзинъ, т. I, 1866 г.; С. Весинъ, Очерки исторіи русск. журналистики

20-хъ и 30-хъ гг., 1881 г.; Н. Козминъ, Н. И. Надеждинъ, Жизнь и научно-литер. дѣятельность, 1804—1836, 1912; его-же—Очерки изъ исторіи русск. романтизма, Н. А. Полевой, 1903 г.

Цензурныя вѣдомости 1886—1788 гг., П. Бартеневъ, Осьмнадцатый вѣкъ, т. I, 1868; Рѣпинскій, Цензура въ Россіи при имп. Павлѣ I, Р. Стар. 1875 г., кн. 11; А. Скабичевскій, Очерки исторіи р. цензуры (1700—1863 гг.), 1892 г. (рец. В—на, Внѣшнія условія литературы, В. Евр. 1892, кн. 11). В. Сиповскій, Изъ прошлаго русск. цензуры, Р. Стар. 1899, кн. 4, 5; М. Лемке, Очерки по исторіи р. цензуры и журналистики XIX ст. 1904; его-же—Эпоха цензурныхъ реформъ 1859—1865 гг., 1904; его-же—Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855 гг., 1908 г.

---

19. Повѣсть и романъ въ XVIII в.

А. Пыпинъ, Для любителей книжной старины, 1888 (дополненіе—въ сборн. „Починъ“ О. Л. Росс. Слов.). А. Веселовскій, Изъ исторіи русской переводной повѣсти XVIII в.. Сб. отд. р. яз. и слов. XLIII; Е. Щепкина, Популярная литература въ срединѣ XVIII столѣтія, Ж. М. Н. Пр. 1886, апр.; Е. Колбасинъ, Кургановъ и его „Письмовникъ“, Литературные дѣятели прежнихъ временъ, 1859; А. Кирпичниковъ, Кургановъ и его „Письмовникъ“, Очерки по исторіи новой русск. литер., изд. 2. 1903. Д. Ровинскій, Русскія народныя картинки, I—V, 1881 (рец. В. Стасова); Сборники анекдотовъ и повѣстей: „Веселый Меландръ“, „Старичекъ-весельчакъ“, „Смѣющійся Демокритъ“ и др. (см. по Сопикову, Опытъ р. библіографіи); П. Владиміровъ, Къ изслѣдованію о „Великомъ Зерцалѣ“.

Благосвѣтловъ, Историческій очеркъ русскаго романа, Сынъ Отеч. 1856 г.; В. Сиповскій, Изъ исторіи русскаго романа и повѣсти. Матеріалы по библіографіи и теоріи русскаго романа. Ч. I. XVIII вѣкъ. 1903; его-же—Очерки изъ исторіи русскаго романа, т. I, ч. 1, 1909, ч. 2 1910 г. (рец. Д. Петрова и И. Шляпкина, Ж. М. Н. Пр. 1911, іюнь; В. Истрина—тамъ же, 1912, мартъ); А. Незеленовъ, Литературныя направленія въ Екатерининскую

эпоху, 1889; М. Лонгиновъ, Русскіе писатели XVIII в., Р. Стар. 1873, май; А—а—а, Матеріалы для библіографіи объ Ѳ. А. Эминѣ, Библіографъ, 1892; вып. 8—9; А. Лященко, Къ исторіи русскаго романа, 1898; Н. Чечулинъ, Русскій соціальный романъ XVIII в. 1900 (изъ Ж. М. Н. Пр.); Кизеветтеръ, Русская утопія XVIII в., Историч. Очерки, 1912; А. Пыпинъ, Полузабытый писатель XVIII в. Вѣстн. Евр. 1896, № 11; М. Сухомлиновъ, А. Н. Радищевъ, Изслѣд. и статьи по русск. литер. и просвѣщ. I, 1889; В. Сиповскій, Н. М. Карамзинъ, авторъ писемъ русск. путешественника, 1899; Н. Бѣлозерская, В. Т. Нарѣжный, 1896, 2-е изд.; И. Кубасовъ, А. Е. Измайловъ, 1901 г.

Указанными источниками и пособіями, конечно, далеко не исчерпывается вся библіографія по перечисленнымъ вопросамъ: для полной библіографіи исторіи русской литературы XI—XVIII вв. потребовалось бы неизмѣримо больше мѣста. Мы имѣли цѣлью дать лишь нѣсколько руководящихъ указаній; желающій работать—самъ найдетъ далѣе то, что нужно, если научится самостоятельно заниматься.